

Отделение историко-филологических наук РАН

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

Российский гуманитарный научный фонд

Русь, Россия: Средневековье и Новое время

Выпуск 4

Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции
Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.

Москва 2015

УДК 930
ББК 6.3.3

Редакционная коллегия

В.Л. Янин (председатель), Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина.
С.В. Воронкова, А.А. Голубинский, А.А. Горский (заместитель
председателя), С.П. Карпов, Н.В. Козлова, В.А. Кучкин, О.Л. Милова,
И.Е. Тришкан, Б.Н. Флоря (заместитель председателя), Д.А. Хитров
(ответственный секретарь), Д.А. Черненко, Е.Н. Швейковская

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-01-14038/15*

P899

**Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4:
Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова.**
Материалы к международной научной конференции. Москва, 26
октября – 1 ноября 2015 г. – М., 2015. – 676 с.

ISBN 978-5-88060-099-1

Научное издание

© Редакционная коллегия, составление, 2015
© Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, 2015

ISBN 978-5-88060-099-1

Содержание

Пленарное заседание

<i>Селунская Н.Б.</i> Объяснение особенностей исторического процесса в России: размышления над книгой Л.В. Милова «По следам ушедших эпох» (М.: Наука, 2006)	10
<i>Флоря Б.Н.</i> Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле	15
<i>Горский А.А.</i> Янь Вышатич и Правда Русская	20
<i>Швейковская Е.Н.</i> О некоторых источниковых вопросах писцового наказа 1681 г.	26

Государственность средневековой Руси

<i>Петров К.В.</i> Власть князя в домонгольской Руси: проблемы интерпретации	32
<i>Темушев С.Н.</i> К вопросу об организации сбора налогов-дани в домонгольской Руси	37
<i>Пономарева И.Г.</i> Из истории русского дворцового церемониала (ранние известия о рындах)	41
<i>Сумин А.В.</i> О первом упоминании тюрьмы в русских летописях ..	46
<i>Назаров В.Д.</i> О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства	51
<i>Стефанович П.С.</i> Полюдье и пошлины «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных архиерейских грамотах XV–XVI вв.	80
<i>Черкасова М.С.</i> Новое свидетельство о местном управлении на Ваге в первой половине XVI в.	85
<i>Усачев А.С.</i> Освященный собор 1539 г. и церковно-государственные отношения в России времени начала «боярского правления» ..	90
<i>Володихин Д.М.</i> Русская военная элита в правление Годуновых (1598-1605 гг.)	96
<i>Грязнов А.Л.</i> Отражение индивидуальных и коллективных интересов в сфере родового землевладения князей Ухтомских	103
<i>Сергеев А.В.</i> К истории землевладения князей Шестуновых в XVI – начале XVII вв.	108

Проблемы истории древнерусской книжности

<i>Лаушкин А.В.</i> Булгары как новые половцы: суздальская линия на карте древнерусской идентичности	113
<i>Вершинин К.В., Матасова Т.А.</i> К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16	

из коллекции НИОР РГБ	118
<i>Хазанова С.И.</i> Апокрифы о пророках Илии, Иеремии, Исаяи в древнерусской письменности: обзор	123
<i>Тарасов А.Е.</i> Храмы крепости Ивангород: к истории никольского и успенского культов на Руси	128
<i>Коняевская Е.Л.</i> Хронологические вехи и расчеты в древнерусских летописях и актах	133
<i>Лукин П.В.</i> «Печати новгородские»: проблемы атрибуции	138
<i>Мошкова Л.В.</i> Дата в актах XV – начала XVI в.: время появления и формат	143
<i>Горюшкина Л.П.</i> Суточное время и его организация по Домострою	148
Традиции и новые подходы в исторических исследованиях	
<i>Борисов Н.С.</i> Отечественная традиция исторической биографии ..	153
<i>Черный В.Д.</i> «Источниковедение искусства» как самостоятельное направление источниковедения: к постановке проблемы	162
<i>Кулакова И.П.</i> История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма	166
<i>Ткаченко В.В.</i> «Где? Что? Когда?»: географический фактор в структуре народного исторического сознания XVIII века (на материале старин Кирши Данилова)	173
Процессы длительной временной протяженности в истории России	
<i>Канищев В.В., Баранова Е.В.</i> Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв.	178
<i>Бойко Я.В.</i> Заселение Тавриды восточными славянами (конец XVIII – 30-е годы XX вв.)	186
<i>Никулин В.Н.</i> «...я имел случай заявить мое несогласие с большей частью постановлений Редакционных Комиссий»: Из истории отмены крепостного права в России	190
Внешняя политика России XVII - начала XVIII вв.	
<i>Прудовский П.И.</i> По поводу одного высказывания Г.К. Котошихина (IV, 24). К вопросу о достоверности дипломатических отчетов и профессионализации дипломатической службы в России середины XVII в.	196
<i>Жуков В.Д.</i> Роспись крымских поминок 1636 г. как источник по истории русско-крымских отношений в первой половине XVII в.	199
<i>Эхеа Фернандес М.</i> Прием русского посольства 1667-1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов)	205

<i>Андреев А.А.</i> Хивинское подданство в начале XVIII в.	209
Вопросы истории русской культуры XVII-XVIII вв.	
<i>Богданов В.П.</i> Генеалогия и социальная история России в записях на экземплярах старопечатной кириллицы	215
<i>Нижник Н.С.</i> К вопросу об отношении к браку и формам его заключения в средневековой Руси	220
<i>Вдовина Л.Н.</i> Русская дворянская усадьба как историко-культурное явление второй половины XVIII в. – начала XIX в.	225
<i>Артамонова Л.М.</i> Инженер и географ Т.Г. Масленицкий – организатор школьного дела в 1780-е – 1790-е гг.	233
<i>Кошелева О.Е.</i> Рукописный сборник князей Черкасских – памятник педагогической мысли XVII в. (источниковедческий аспект)	238
<i>Черная Л.А.</i> Русские предисловия и послесловия XVII столетия как исторический источник	243
<i>Башнин Н.В., Жуков А.Е.</i> Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома 1612/13 г.	248
<i>Шамин С.М.</i> Куранты 1697 г.: литературная составляющая делового документа	257
<i>Адаменко О.Н., Башнин Н.В.</i> Сельские церковные приходы в вотчине Спасо-Каменного монастыря в XVII – начале XVIII в.	263
<i>Романюк Т.С.</i> Распространения староверия на территории Яицкого войска (1670 – 1700-е гг.)	269
<i>Крылов А.О.</i> «По чесому познати, аще кто волк есть, или добр человек?» Кому был адресован и с какой целью был написан «Розыск о раскольнической брынской вере» свт. Димитрия Ростовского	273
<i>Санников А.П.</i> Церковь и кабаки: особенности приходской жизни в Восточной Сибири в XVIII в.	279
Массовые источники Раннего Нового времени	
<i>Соколова Н.В.</i> К вопросу о «классическом» трехполье в XVII в. ...	283
<i>Черненко Д.А.</i> Корреляционный анализ данных валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда)	291
<i>Никонов С.А.</i> Актовый архив Троицкого Печенгского монастыря по документам церковного и государственного кадастра XVII–XVIII вв.	299
<i>Зенченко М.Ю.</i> «Второе валовое письмо» как элемент реформы внутреннего управления Россией конца XVII в.	305
<i>Чеченков П.В.</i> Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г.	310

<i>Глазьев В.Н.</i> Коллективные челобитные как средство взаимодействия общества и власти во второй половине XVII в. (по материалам южных уездов России)	316
<i>Дубман Э.Л.</i> Служилые люди засечных черт области понизовых городов накануне Разинщины	322
<i>Камараули Е.В.</i> Обновление состава воронежской служилой корпорации в период борьбы с восстанием Степана Разина 1670-1671 гг.	327
<i>Гневашев Д.Е.</i> Вологодский уезд в Смутное время: волость Васьяновский погост в 1615 г.	334
<i>Мизис Ю.А.</i> Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг. XVII в. (На примере Козловского уезда)	340
<i>Ляпин Д.А., Жиров Н.А.</i> Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.)	346
<i>Зулькарнаев М.М.</i> Анализ источников о численности башкир в XVII – первой трети XVIII в. (ясачные книги и материалы переписи 1739 г.)	351
<i>Беляков А.В.</i> Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI – начала XVII в.	357
<i>Быков Д.А., Попов С.Ю.</i> Данные Переписной книги Алатырского уезда 1671 г. о сборе меда с мордовских дворцовых крестьян для обобщенной оценки экологической и экономической эффективности хозяйства	363
<i>Богомазова А.А.</i> Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII – начале XVIII вв.	368
<i>Болотина Н.Ю., Комисаренко А.И., Кононова А.Ю.</i> Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И.И. Сумарокова 1702 г.)	373
<i>Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.</i> Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI-XVII вв.	379
<i>Зинько М.А.</i> О месте подписания Поляновского мира 1634 г. (к вопросу об устойчивости гидронимов и методике локализации) ...	385
<i>Дедук А.В.</i> К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII – XVIII вв.	390
<i>Харитонов С.А.</i> Развитие и формирование населенных пунктов на территории Перемышльского уезда (вторая четверть XVIII – XIX вв.)	397

Материалы Генерального межевания

Степанова Л.Г. Экологическая история по материалам крестьян-

ских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию	404
<i>Голубинский А.А.</i> Генеральное межевание посада Даховского (Сочи)	409
<i>Акманов А.И.</i> Решения спорных дел Генерального межевания земель Верхоуральского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII – XIX вв.	417
<i>Фельдман Д.З.</i> Экономические примечания к планам Генерального межевания как источники по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. ..	422

Податная политика и практика в XVII-XVIII вв.

<i>Раздорский А.И.</i> «Воровство», «хитрость» и «нерадение» при сборе таможенных и кабацких доходов в XVII в. (на примере службы курских, белгородских, вяземских и можайских голов и целовальников)	428
<i>Жиброва Т.В.</i> «Неявленного питья и заповедных товаров не возить»: кормчество и контрабанда на юге России в XVII в.	435
<i>Гуслистова А.Н.</i> Купечество Вологды по таможенным книгам Сухоно-Двинского речного пути 1630-х гг.	440
<i>Наседкин Е.Н.</i> История одной кражи: реалии и практики выборной службы сторожей на Московском гостином дворе в конце XVIII в.	444
<i>Мустафин А.Р.</i> К вопросу об оценке итогов деятельности комиссии Д.М. Голицына о подати	449
<i>Пермякова А.Н.</i> Проблема недоимок в царствование Анны Иоанновны: конфискация имущества как новая практика фиска	453
<i>Корчмина Е.С., Воскобойников И.Б.</i> Могло ли измельчание помещичьих хозяйств в конце XVIII – начале XIX вв. сделать их более производительными?	458
<i>Пушков В.П.</i> «Отказная книга» 1791 г. на Пермские вотчины графа А.С. Строганова как источник по истории крестьянства Верхотамья второй половины XVIII в.	464

Российское общество в XVIII в.

<i>Козлова Н.В.</i> «Человек ево, который за дела ходит...»: «люди боярские» в домах московских дворян петровского времени	469
<i>Киселев М.А.</i> Создание вечноотданных в 1730-е гг. в контексте истории сословий в России: к постановке проблемы	478
<i>Юркин И.Н.</i> Организация взаимодействия с приписными городами в ходе строительства Ивановского канала (начало XVIII в.)	483
<i>Комиссаренко А.И.</i> Деятельность правительственной и астрахан-	

ской губернской администрации по привлечению иностранных купцов и поселенцев в 20–80-х гг. XVIII в.	488
<i>Иванов А.Г., Иванов А.А.</i> Сословные предложения царевококшайского купечества в Комиссию о коммерции 1764 г.	495
<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Отношения купеческой элиты с купечеством города Вязьмы в XVIII в.	501
<i>Перечицкая С.Л.</i> Характер социальных конфликтов в новообразованных посадах в конце XVIII в. (на примере Дубовского посада)	506
<i>Белов А.В.</i> Посещение Москвы австрийским императором Иосифом II в 1780 г.: статусные признаки «первопрестольной» русской столицы глазами августейшего туриста (по материалам наружного наблюдения московской полиции)	512
<i>Смилянская Е.Б.</i> Попыты российского управления «заморскими территориями»: к истории Архипелагского княжества Екатерины Великой	517
<i>Хитров Д.А.</i> Изменения в уездном делении России в 1760-х гг. и подготовка губернской реформы Екатерины II	522
<i>Смирнов Ю.Н.</i> Практики кризисного управления восставшими территориями в 1773-1775 гг.: деятельность военных властей	528
<i>Ибнеева Г.В.</i> «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях...» 1787 г. : аспект общинного самоуправления	534
<i>Великанов В.С.</i> Формирование офицерского корпуса русской армии в 1700-1701 гг.	539
<i>Калинин М.В.</i> Строительство и ремонт дороги Москва-Санкт-Петербург в 1726-1733 гг.	544
<i>Черников С.В.</i> Практика чинопроизводства и отставок в российском генералитете 1725-1741 гг.	548
<i>Агеева О.Г.</i> Павел I и реформирование штата императорского двора	553

Формирование территории государства и политика на окраинах в XVII-XVIII вв.

<i>Папков А.И.</i> Граница России и украинских земель Речи Посполитой: формирование территории Слободской Украины в XVII в. и проблема национальной идентификации	559
<i>Лазарев Я.А.</i> Агенты власти и локальные (национальные) элиты: проблемы реконструкции взаимоотношений с украинской казачьей в годы I Малороссийской коллегии (1722-1727 гг.)	564
<i>Круглова Т.А.</i> Г.Н. Теплов и административная реформа 1764 г. на Левобережной Украине (историография вопроса)	568

<i>Зенкова А.Ю.</i> П.А. Румянцев и управление Малороссией в 60–80-е гг. XVIII в.	573
<i>Акишин М.О.</i> Русская дипломатия и присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока	578
<i>Акманов И.Г.</i> Царская администрация Урало-Поволжья о юго-восточной политике России в 30-х гг. XVIII в.	583
<i>Мустафазаде Т.Т.</i> «Приложение о каспийском торге» как источник по изучению торговой политики России в отношении прикаспийских стран	587
<i>Арапов Д.Ю.</i> Образование Таврического муфтията в Российской империи (1783-1831 гг.)	592
Экономика войны в XVI-XVIII вв.: военное производство	
<i>Филлюшкин А.И.</i> Свое или чужое? Обеспечение боеспособности русской армии в годы Ливонской войны (1558-1583) в контексте военного производства	597
<i>Лобин А.Н.</i> Между Вильной и Москвой: западноевропейские пушечные мастера в Восточной Европе (первая половина XVI в.)	602
<i>Савицкий М.</i> Артиллерия Великого Княжества Литовского в XVII в. Финансирование, военные транспортные расходы, ремесленная работа	608
<i>Чубинский А.Н.</i> О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты	613
<i>Кроль П.</i> Коронная артиллерия во время войн Речи Посполитой с казаками, шведами и Россией в 1648-1667 гг.	622
<i>Гаврон П.</i> Финансирование польско-литовской армии в эпоху Смоленской войны (1632-1634) и военное производство	629
Вопросы военной истории XVIII в.	
<i>Перегудов А.В.</i> История конфликта русских солдат и иноземных матросов в Воронежском крае в 1700 г.	630
<i>Бобров Д.С.</i> Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.	635
<i>Яфарова М.Р.</i> Об участии калмыков в Чигиринском походе 1678 г.	640
<i>Юссон А.</i> Участие войска Донского в блокаде Азова в 1736 г.	646
Abstracts	654
Список сокращений	674

**Объяснение особенностей исторического процесса в
России: размышления над книгой Л.В. Милова «По следам
ушедших эпох» (М.: Наука, 2006)**

Российское аграрное общество; Запад и Восток Европы; природно-климатический фактор.

В статье реконструируется авторское объяснение известного российского ученого академика Л.В. Милова характера и специфики развития аграрного российского общества на основе современного прочтения его творческого наследия, представленного в отобранной им коллекции исследований различных аспектов русской истории.

Современная практика историописания отмечена чрезмерной специализацией, вызванной фрагментацией исторического сообщества, угрозой потери единой профессиональной идентичности. Именно этим обстоятельством объясняется особая роль научных школ и направлений для осознания историками своей профессиональной идентичности через причастность, принадлежность и приверженность определенной стилистики исторического сочинения, содержанию концепции, объясняющей национальную или всеобщую историю. В заявленном контексте Леонид Васильевич Милов является ученым, разработавшим собственную концепцию объяснения особенностей российской истории, внесшим свой вклад в развитие современного источниковедения и методологии исторического исследования.

Отличительными чертами историографии периода рубежа XX–XXI вв., является хронологическая и региональная ограниченность работ большинства историков, пишущих в рамках узкой предметной области. Эти обстоятельства затрудняют появление обобщенных оценок и выводов относительно российского исторического процесса, традиционно рассматриваемого в контексте сравнения России и Запада, доказательно обоснованных историками на конкретно-историческом документальном материале. Как правило, функции объяснения национальной истории, оценки общего и особенного как итог компаративного анализа берут на себя социологи, политологи. В этой связи представляется, что отечественная историографии остро нуждается в новом прочтении проблемы Россия и Запад, в историческом объяс-

¹ Селунская Наталья Борисовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., selounsk@yandex.ru.

нении национальной истории.

Энциклопедичность исторического знания – редкое явление в науке новейшего времени. Научное творчество академика Леонида Васильевича Милова является счастливым исключением, о чем красноречиво свидетельствует издание его избранных трудов на завершающем этапе творческого пути ученого под названием «По следам ушедших эпох». Широта и разнообразие интересов Л.В. Милова проступает даже в представленных здесь очерках, связанных с проблематикой разных исторических дисциплин и областей исторической науки: источниковедением, социальной и экономической историей, клиометрией, теорией и методологией изучения российской истории в целом. Учитывая принятые сегодня критерии измерения рейтинга и оценки творчества ученых, в том числе, различными индексами цитирования, заметим, что в недавно вышедшем под редакцией академика А.О. Чубарьяна терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» имя Л.В. Милова упоминается неоднократно и по различным научным поводам: как специалиста в области аграрной истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин, квантитативной истории, клиометрики, применения количественных методов в исторических исследованиях [2, с. 11, 202, 211, 215, 218, 281].

При этом предмет исследований Л.В. Милова, отличающийся необычайно широким хронологическим диапазоном, – от начала Руси до дней сегодняшних – постоянно связан с российской историей, прежде всего, с особенностями исторического процесса в России. Именно этот устойчивый исследовательский интерес придает творчеству ученого целостность и глубину познания этой традиционно значимой и дискуссионной в отечественной и мировой историографии проблемы особенностей российского исторического процесса в масштабной хронологической ретроспективе. Л.В. Миллов являлся тем уникальным специалистом среди отечественных историков, творивших и в последнее тридцатилетие советской эпохи, и в первое двадцатилетие постсоветской России, который успешно совмещал изучение истории Древней Руси и переходных эпох – от феодализма к капитализму, от средневековья к новому времени, продвигаясь в своих исследованиях «по следам ушедших эпох» вплоть до конца XVIII – начала XIX в. При этом он одинаково уверенно владел стилистикой описания, нарратива, микроанализа и точными измерительными методиками, методологией квантификации, работая с различными текстовыми и статистическими источниками.

Содержание авторской концепции Л.В. Милова особенностей

исторического процесса в России связано с объяснением специфики исторического развития России на основе выявления механизма влияния природно-климатического фактора на развитие общества. Автор указывает на глубокие корни своей концепции, хранящиеся в мировой и отечественной философской и исторической мысли. Эти теоретико-методологические основания объяснения особенностей российской истории связаны с разработкой проблемы роли природно-климатического фактора в трудах представителей школы французского Просвещения, энциклопедистов, а также в исследованиях отечественных историков, прежде всего, в работах крупнейшего российского историка С.М. Соловьева [1, с. 670].

Анализируя структуру природно-климатического фактора и механизмы его воздействия на историческое развитие России, Л.В. Милов указывал на особую роль климата как основу различий исторического пути России и Запада. Он подчеркивал, что «главным и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства» по той причине, что «беспашенный» период длится в средней полосе России шесть-семь месяцев. Это обстоятельство обуславливало, по мнению автора, кардинальные различия России и Запада не только в характере социально-экономических процессов в земледельческой сфере, но и в повседневной жизни, быту и поведении российского крестьянства. Именно природно-климатический фактор, по мнению Л.В. Милова, определял то, что возможности интенсификации земледелия и сам размер пашни на Западе были намного больше, чем в России, а крестьянин там мог вести размеренный образ жизни, успевая помимо полевых работ производить множество других трудовых и бытовых операций.

Таким образом, в соответствии с авторской концепцией Л.В. Милова об особенностях исторического процесса в России, в сфере экономических условий действие природно-климатического фактора приводило к существованию неблагоприятных условий, прежде всего, короткого рабочего сезона, для земледельческого производства в России по сравнению со странами Западной Европы. В то же время, более сложным, по мнению автора, было влияние этого фактора на особенности протекания социальных процессов в России: на роль и функции института общины, развитие индивидуального крестьянского хозяйства и частной собственности. Наконец, важным компонентом концепции Л.В. Милова является раскрытие влияния природно-климатического фактора на своеобразный тип государственности в

России. Так, своеобразное позитивное действие этого фактора на условия исторического развития, по мнению автора, определило в странах Западной Европы интенсивный процесс трансформации общины в институт социальной организации мелких земельных собственников, а также ее функционирование как формы производственного сотрудничества коллектива производителей. Кроме того, действие природно-климатического фактора на Западе способствовало раннему упрочению индивидуального крестьянского хозяйства, которое и стимулировало появление частной собственности на землю, возможности концентрации земельной собственности и формирования слоя крупных феодальных землевладельцев. Благоприятное влияние природно-климатического фактора привело в этих странах и к созданию особого типа государственности, своеобразие которого состояло в том, что этому типу государственности практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции по созданию и поддержанию всеобщих условий производства, или же они были сведены к минимуму [1, с. 700]. Особенности западного варианта развития, по мнению Л.В. Милова, состояли в том, что при его реализации «центр тяжести» всегда был «внизу», в крестьянском хозяйстве, хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Кроме того, этот вариант развития характеризуется максимальной активностью административных, социальных и социо-культурных функций, присущих феодальной сеньории и городской коммуне, богатством и разнообразием форм индивидуальной деятельности, бурным развитием культуры, искусства, ранним развитием науки. Россия же представляет «иной уклад жизни» и тип государственности. В соответствии с концепцией Л.В. Милова, Россия на протяжении всей своей истории была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Производственная деятельность российского социума, вследствие действия природно-климатического фактора, отличалась высокими затратами труда. Как объективную закономерность автор формулирует постоянное различие между Россией и Западом, связанное с неравномерными затратами труда и естественными потребностями индивида. По его мнению, количество этих потребностей в силу природно-климатических условий в странах Восточной Европы, в России, в особенности, всегда больше, чем в странах Западной Европы, а условия их удовлетворения сложнее и хуже. Эта ситуация усугубляется тем обстоятельством, что объем совокупного продукта в Восточной Европе всегда меньше, чем на Западе, а условия его создания труднее.

Влияние природно-климатического фактора на российский исторический процесс проявилось и в том, что в России индивидуальное хозяйство не смогло порвать с общиной. Его крайняя слабость была компенсирована громадной ролью крестьянской общины в течение всей тысячелетней истории российской государственности. Л.В. Милов отмечает господство общинной традиции в земледелии и землепользовании, что тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Кроме того, он связывает с влиянием природно-климатического фактора господство в российском земледелии полурабского труда – крепостничества.

Анализу института крепостничества Л.В. Милов уделял особое внимание. Рассматривая богатую и разнообразную по подходам и оценкам историографическую традицию изучения крепостничества, Л.В. Милов отмечал, что собственно «крепостничество», возникшее на заре феодализма, тем не менее, не входит в число понятий, составляющих системообразующие признаки феодальных производственных отношений, ибо большинство специалистов трактуют крепостничество как специфическую форму феодализма, признавая при этом европейскую систему классической, эталонной [1, с. 593]. Причины, породившие этот институт, автор видит в комплексном действии «внутренних» факторов, а также в особой роли природно-географического фактора [1, с. 596]. Отмечая ту простую логику, что чем меньше максимально возможного прибавочного продукта, тем труднее его изъять, автор утверждает, что «изъятие прибавочного продукта в качественном и количественном отношениях, отвечающего дальнейшему развитию феодального общества, в конечном счете потребовало наиболее жесткого механизма внеэкономического принуждения», и что фундаментальной основой этого явления служит географический фактор, роль которого на ранних ступенях развития общества особая [1, с. 596].

Действие природно-климатического фактора определило, в соответствии с авторской концепцией Л.В. Милова и особую роль государства в России и даже русский национальный характер. Однако в центре внимания авторского объяснения особенностей российской истории находятся экономические и социальные процессы, протекавшие в российской деревне и составлявшие основу национальной специфики российского социума. Разнообразие ракурсов и аспектов исследований академика Л.В. Милова позволило автору представить многогранное, многомерное и многоцветное видение этого сложнейшего процесса на разных этапах его развития. Созданная автором

коллекция его исследований, названная им «По следам ушедших эпох», приобрела концептуальный характер и открыла возможность целостного прочтения различных аспектов изучения автором исторического процесса в России в контексте общих закономерностей и национальных особенностей. Тематика и содержательная наполненность подобранных в книге статей отличается высокой степенью представительности для реконструкции концепции ученого особенностей исторического процесса в России, авторской методологии «познания ушедших эпох» в целом.

Концепция Л.В. Милова о роли природно-климатического фактора и его влиянии на характер и особенности исторического процесса в России отличается целостностью обобщенных оценок и детальностью видения конкретно-исторических процессов и явлений российской исторической действительности. В своих конкретно-исторических исследованиях автор доказал убедительность и правомерность объяснения того, что «специфика исторического процесса России, не только ее социума, но и истории российской государственности обусловлена особой ролью природно-климатического фактора» [1, с. 699].

1. Милов Л.В. По следам ушедших эпох... М., 2006.
2. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2014.

УДК 94(47)

Б.Н. Флоря¹

Два этапа в развитии государства и общества в Новгородской земле

Новгородская земля; Великий Новгород; вече; город-государство; новгородское общество.

В статье рассматриваются два этапа развития Новгородского государства: XII-XIII вв. и конец XIII-XV вв. Сравнительное сопоставление показывает, что если в XII-XIII вв. Новгородская земля представляла собой «город-государство», то в XIV-XV вв. новгородское общество и государство приобрело целый ряд общих черт с государственными институтами и общественными структурами славянских стран Центральной Европы.

Благодаря исследованиям В.Л. Янина (здесь следует особо выделить его монографию «Новгородская феодальная вотчина» [1]) мож-

¹ Флоря Борис Николаевич, Институт славяноведения РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), член-корр. РАН, feodal.msu@gmail.com.

но считать установленным, что новгородское общество XII-XV вв. прошло в своем развитии два принципиально разных этапа.

В XII-XIII вв. Новгородская земля представляла собой «город-государство», когда население города господствовало над окружающей обширной территорией с ее сельским населением, облагавшимся даними и повинностями в пользу Новгорода. Этим Новгородская земля принципиально отличалась от античных полисов, с которыми ее пытались сравнивать. Объектом эксплуатации со стороны новгородской городской общины были также угро-финские племена Прибалтики и Приуралья. Сбор дани, осуществлявшийся большими отрядами вооруженных людей, а в Прибалтике и Приуралье всем новгородским войском требовал совокупных усилий всей новгородской городской общины. Это служило для нее мощным интегрирующим фактором, так как вся городская община была заинтересована в сохранении такого рода отношений между городом и округой. Понятно, что в такой системе отношений собрание свободных полноправных жителей Новгорода – вече было в Новгородской земле высшим органом власти, избиравшим лиц стоявших во главе государства – посадников, а затем и тысяцких.

Высший слой этой городской общины образовывали бояре. Их влиятельное положение в обществе было связано прежде всего с тем, что они играли главную роль в сборе и распределении поступавших в Новгород дани. Существенно, что в руках бояр находилась, по-видимому, и значительная часть городской площади. Боярские кланы стояли во главе «концов» – отдельных частей, на которые делился Новгород. Уже к первой половине XIII в. относится ряд упоминаний о боярских селах, но доходы от земельных владений еще не стали для бояр главным источником доходов.

Сбор дани, суд и управление подчиненной периферией осуществлялось через раздачу отдельных волостей в кормление новгородским мужам. Распределение кормлений было обязанностью выборного главы городской общины – посадника, отсюда постоянная борьба за обладание этим постом между боярскими кланами и концами, во главе которых они стояли. В этой борьбе жители конца, как правило, поддерживали свой клан. Цель этой борьбы состояла в получении наиболее доходных кормлений с помощью своего посадника.

В Новгородской земле в XII-XIII вв. сохранялся значительно урезанный в правах институт княжеской власти. Князя избирало вече и заключало с ним договор, определявший условия, на которых он будет править в Новгороде. Недовольное князем вече могло его

сместить. Князь стоял во главе новгородского войска, вместе с посадником выступал как верховный судья и распределитель кормлений. На содержание князя и его дружины выделялись определенные волости. Сохранение княжеской власти позволяло Новгороду лавировать между интересами правителей соседних земель, пытавшихся подчинить Новгород своей власти. Одновременно князь мог в определенной мере выступать в роли верховного арбитра в борьбе боярских кланов за власть и влияние в городе.

В XII-XIII вв. в Новгороде уже существовали многочисленные духовные учреждения (епископская кафедра, монастыри, храмы), обладавшие различными источниками доходов и землями с подданными, наделенными привилегированным статусом (судебная власть над подданными, освобождение от даней), но эти учреждения находились под патронатом светских лиц, наделивших их землями и доходами – епископская кафедра и Юрьев монастырь под патронатом веча, кончанские монастыри – концов, храмы – объединений жителей улиц. По отношению к духовным учреждениям они обладали значительными ктиторскими правами.

Важной особенностью положения торгово-ремесленного населения Новгорода было обеспечение определенной автономии его профессиональной деятельности по отношению к стоявшим во главе городской общины боярам. В распоряжение новгородской купеческой организации – «иванского» купечества были переданы весы для взвешивания воска, одного из главных предметов новгородско-европейской торговли, и ряд других «мерил» на новгородском торге. «Иванские» старосты и тысяцкий, не принадлежавший в XII-XIII вв. к новгородскому боярству, осуществляли суд по торговым делам, в который не должны были вмешиваться посадники и бояре.

Описанная организация общества не была особенностью одной Новгородской земли, похожий строй существовал в эпоху раннего средневековья и в Полоцкой земле, где, правда, не прослеживается автономия торгово-ремесленного населения – так, городские весы и доходы от них находились в общем владении полоцких бояр и горожан.

Там, где следует в первую очередь искать аналоги древнерусским институтам раннего средневековья, – в не-каролингской Европе – подобные «города-государства» не обнаружены – ни в странах Центральной Европы, ни в Скандинавии. Для дальнейшего выявления главных особенностей общественного строя Новгородской земли XII-XIII вв., вероятно, имело бы смысл сопоставить новгородские порядки

раннего средневековья с порядками в городах-государствах Италии того же времени, тем более, что ряд из них (Милан, Венеция, Флоренция) обладал достаточно обширной сельской периферией.

Есть основания полагать, что к концу XIII – первой половине XIV в. относятся важные перемены в общественном строе Новгородской земли. Эти перемены были связаны с превращением большей части «черных» – государственных земель в родовую собственность отдельных жителей Новгорода – прежде всего бояр, но и части простых жителей Новгорода, которые, как «житьи мужи», стали второй привилегированной частью населения Новгорода, стоящей на лестнице социальной иерархии ниже бояр. Важным проявлением этого процесса приватизации служат грамоты раннего XIV в. о покупке новгородскими боярами крупных земельных участков у сельских общин, а к концу столетия этот процесс был завершён. Позднее, по наблюдениям В.Л. Янина, происходило лишь перераспределение земель между владельцами. В результате этих перемен верхние слои городской общины превратились в сообщество землевладельцев, интересы которых не совпадали с интересами остального населения Новгорода.

В сельскую округу, покрытую боярскими вотчинами, не было необходимости посылать большие отряды вооружённых людей для сбора дани, а большая балтийская периферия была потеряна в первой трети XIII в. Лишь в Югру время от времени посылалось новгородское войско. Для управления и сбора доходов с территории Новгородской земли боярство больше не нуждалось в вооружённой поддержке всей городской общины. К тому же интересы землевладельцев и простого населения Новгорода не совпадали между собой. Если простое население было заинтересовано в притоке возможно больших доходов в Новгород и распределении их там, то землевладельцы стремились к тому, чтобы доходы от их владений по возможности оставались в их руках. Можно предполагать, что одним из итогов перемен должно было стать отстранение простого населения Новгорода от участия в управлении Новгородской землей и сборе доходов. Сокращение притока средств в Новгород должно было сказаться отрицательно на боеспособности главной военной силы земли – городского ополчения. Одновременно в войске должен был увеличиться удельный вес боярских дружин.

Система кормлений, очевидно, в какой-то мере сохранялась, но в условиях формирования крупного привилегированного землевладения распределение кормлений утратило для новгородского боярства прежнее значение. Так создались условия для консолидации этой со-

циальной элиты с формированием в XIV в. коллективного органа управления городом и землей – собрания посадников, в котором были представлены все ранее борющиеся между собой боярские кланы. Такой консолидации должен был способствовать нарождавшийся антагонизм между землевладельческой элитой и простыми людьми. Происходившие перемены нашли свое выражение и в ограничении автономии торгово-ремесленного населения Новгорода. Стоявшие во главе торгового суда тысяцкие со второй четверти XIV в. стали избираться из среды новгородского боярства. Общественный строй позднего Новгорода приобретал черты олигархического режима. Происходившие перемены сопровождались ослаблением позиций княжеской власти в Новгороде, несмотря на то, что новгородским князем в XIV-XV вв. был, как правило, сильнейший из князей Северо-Восточной Руси. Разрушение старой системы кормлений сделало неактуальным участие князя в распределении волостей. Консолидация боярской элиты вела к тому, что боярство не нуждалось в князе, как в посреднике между боярскими кланами. Имело значение и постоянное отсутствие в Новгороде XIV-XV вв. самого носителя княжеской власти. Характерно, что с первой половины XIV в. Новгород стал самостоятельно передавать те или иные свои пригороды в кормление приезжавшим в город литовским князьям. С того же времени Новгород систематически не выплачивал «княжщины» – доходы, которые по традиции должны были поступать в пользу князя с определенных волостей.

В условиях ослабления позиций княжеской власти и постоянного отсутствия князя, присылавшего в Новгород своих наместников, новгородский архиепископ стал постепенно приобретать роль некоего главы новгородского общества и арбитра при разрешении конфликтов. Характерно, что в последние десятилетия существования Новгородского государства высший апелляционный суд заседал во владычной палате при участии владыки и посадников. На смену «городу-государству» эпохи раннего средневековья пришло характерное для классического феодализма сословное общество. Новгородский свод законов устанавливал разные штрафы для боярина, «житьего мужа», «молодшего» человека за одинаковые поступки.

Сравнительное сопоставление показывает, что в XIV-XV вв. новгородское общество и государство приобрело целый ряд общих черт с государственными институтами и общественными структурами славянских стран Центральной Европы. Вместе с тем это сопоставление показывает, что радикального разрыва с предшествующей систе-

мой отношений так и не произошло до самого конца существования Новгородского государства. Вече – собрание свободных полноправных жителей города продолжало оставаться верховным органом власти, а новгородское боярство было одновременно собранием наиболее влиятельных и богатых землевладельцев государства и, как и ранее, образовывало верхний слой новгородской городской общины, присутствуя в руководящей роли в кончанских и уличанских объединениях жителей Новгорода.

1. *Янин Л.В.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1989.

УДК 94(470)«.../1150»

А.А. Горский¹

Янь Вышатич и Правда Русская

Русская Правда; Янь Вышатич; волхвы; виры; кровная месть.

В докладе рассматриваются с точки зрения норм права сведения о подавлении в 1070-е гг. боярином Янем Вышатичем восстания на Белоозере во главе с волхвами. Делается вывод, что помимо статей о кровной мести и о «муке» смерда, на ход этих событий повлияли нормы Русской Правды, посвященные «дикой вире».

В Повести временных лет под 6579 (1071) г. помещен цикл рассказов о народных волнениях в разных частях Руси, инициированных волхвами. Среди них выделяется своей подробностью повествование о восстании в Верхнем Поволжье, подавленном боярином Янем Вышатичем, в ходе которого два волхва-предводителя движения убили на Волге и Шексне много «лучших жен», якобы скрывавших припасы продовольствия [7, стб. 175-178]. Янь, по прямому свидетельству Повести временных лет под 1106 г., был информатором летописца; рассказ, изобилующий деталями, несомненно записан с его слов. Что касается датировки, то под 1071 г. в летописи собраны рассказы о событиях, происходивших в разное время. Восстание в районе Ярославля-Белоозера имело место, скорее всего, в конце 1073 или начале 1074 г., когда Святослав Ярославич, от имени которого действовал Янь, был киевским князем [3, с. 62-65].

Данный рассказ привлекал внимание исследователей в первую очередь как свидетельство о народном восстании, а также о языческих

¹ Горский Антон Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., feodal.msu@gmail.com.

верованиях. В то же время отмечалось и отображение в нем норм права, известных по Русской Правде. В словах захваченных волхвов «нама стати пред Святославомъ, а ты не можьшь створити ничто же» констатировали отсылку к ст. 33 Краткой редакции Русской Правды, а расправу над волхвами родственников убитых ими женщин рассматривали как акт кровной мести, предусмотренной ст. 1 Краткой и Пространной редакций [8, с. 95-99; 11, с. 184; 2, с. 106, 109, 201; 9, с. 520-521].

Между тем представляется, что «правовой контекст» событий на Белоозере не исчерпывается указанными двумя параллелями.

Поначалу жители Белоозера не участвуют в действиях против повстанцев: Янь вступает с ними в столкновение только со своими «отроками» (отрядом, сопровождавшим его как сборщика дани). Изменилась позиция белозерцев лишь после угрозы Яня не уйти от них в течение целого года: «Аще не имате волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Тогда белозерцы захватили волхвов, причем без всякого участия Яня и его людей. Чего именно так испугались горожане?

Исключено, что предполагалось продолжение сбора дани: дань была фиксированным налогом, и собирать ее в произвольных размерах киевский боярин не мог – получив предназначенную за год сумму, следующую он мог собрать, и в тех же размерах, только год спустя. Само по себе содержание отряда в течение года, несомненно, было бы накладно, но не разорительно: отряд был невелик – 13 человек (Янь и 12 отроков). Между тем само намерение пробыть на Белоозере в течение целого года, явно воспринятое горожанами всерьез, выглядит на первый взгляд странно. Янь – княжеский человек, и за это время он может понадобиться Святославу для иных поручений. Угроза Яня имела смысл только если предполагалось не праздное его времяпровождение на Белоозере, а пребывание там, сопряженное с исполнением неких служебных обязанностей. Чтобы прояснить, какие это могли быть обязанности, нужно взглянуть с правовой точки зрения на всю описанную в летописи коллизию.

В Русской Правде отсутствуют нормы, посвященные «политическим» преступлениям – мятежу, измене и т.п. С точки зрения существовавших правовых норм на Верхней Волге и Шексне происходили убийства. За убийство свободного «мужа» полагалась выплатить «виру» в 40 гривен [5, с. 71, 79]. Согласно зафиксированной в Пространной редакции Русской Правды норме, «аже кто оубиеть жену, то тѣм же судомъ судити, яко же и мужа; аже будеть виновать (вар.: виновата), то пол виры 20 гривенъ» [5, с. 114, 289]. Формулировка «тем

же судом» означает, что за убийство женщины присуждается такая же вира, как за мужчину соответствующего статуса, а «половинная» предусматривалась, скорее всего, при наличии смягчающих обстоятельств – «вины» убитой (видимо, в случаях убийства «жены» в «узком» смысле – супруги) [6, с. 602-605]. Таким образом, за убитых волхвами женщин полагалось по закону взимать 40-гривенные виры. Но убийцы не были захвачены, а белозерцы – жители города-центра округа, в которой происходили преступления, не помогли в их поимке. Такая ситуация в Краткой редакции Русской Правды, в той ее части, которая, по прямому указанию в тексте, была принята на съезде трех князей-Ярославичей (то есть не позднее 1072 г.) [5, с. 72, 80]², предусмотрена в отношении убийства управляющего княжеским хозяйством – огнищанина: «А иже оубьютъ огнищанина в разбои, или оубица не ищоуть, то вирное платити, в ней же вири (искаженное «верви» – А.Г.) голова начнетъ лежати» [5, с. 71, 80]. В Пространной редакции эта норма распространяется на случаи убийства всех свободных людей: «Аже кто оубиетъ княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривень; паки ли людинъ, то 40 гривень» [5, с. 104]. В случае отказа населения помогать в поисках убийцы выплата виры ложилась на «вервь» – территориальное объединение людей, на чьей земле произошло преступление³. Такая вира, в Пространной редакции определяемая как «дикая», выплачивалась в рассрочку: «Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, зане безъ головника имъ платити» [5, с. 104]. Пространная редакция Русской Правды в дошедшем до нас виде появилась не ранее 1113 г.⁴, но многие нормы, зафиксированные в ней, несомненно применялись и

² В начале 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи изгнали старшего брата Изяслава из Киева, а вернулся он на Русь уже после смерти Святослава (1076 г.).

³ Под «вервью» в историографии принято понимать сельскую общину, но упоминания этого термина в Русской Правде (а в иных источниках он не встречается) подразумевают вообще общность людей по территориальному признаку, без указаний, что речь идет о сельском или городском населении [5, с. 71, 80, 104, 105, 112]. Нормы, устанавливающие ответственность верви, должны были действовать и в отношении коллективов горожан, если речь шла о преступлениях в округе, центром которой был тот или иной город.

⁴ В ее тексте упоминается совещание, собранное Владимиром Мономахом в селе Берестове под Киевом «по Святополцѣ» [5, с. 110], т.е. после смерти киевского князя Святополка Изяславича и вокняжения Владимира в Киеве (апрель 1113 г.).

прежде этого времени⁵. Учитывая, что статья «Правды Ярославичей» об огнищанине фактически свидетельствует о существовании «дикой виры», можно полагать, что применение этой нормы в случаях убийства свободных людей иного статуса имело место и в 1070-е гг. Поэтому угроза Яня остаться в Белоозере на год означала, скорее всего, что он намеревался заняться сбором с белозерцев «дикой виры»: она выплачивается по закону в рассрочку, и Янь будет ждать, пока наберется вся необходимая сумма.

Каковы могли быть масштабы требуемого платежа и чем он мог обернуться для города?

Поскольку в летописном рассказе говорится об убийстве «многих жен», речь идет явно о десятках случаев. Допустим, что на территории, тянувшей судом и данью к Белоозеру, было убито 20-30 женщин. Тогда сумма вир составляла 800-1200 гривен. Согласно данным археологических исследований Белоозера, в течение XI в. его площадь возросла в пять раз и концу столетия достигла 7 га [1, с. 93-94 и рис. 268]. К концу третьей четверти XI в. она скорее всего еще не превышала 5-6 га. При сплошной дворовой застройке на такой площади могло бы проживать 550-660 человек [см. расчеты в: 4, с. 85-86], но поскольку в нее наверняка входили улицы и пространства между дворами, число жителей должно было быть несколько меньшим, около 500 человек. На семью приходилось в среднем 4-5 человек [4, с. 85-86], следовательно, в Белоозере могло проживать от 100 до 125 семей. Таким образом, на семью пришлось бы выплаты размером минимум 6 с лишним гривен, а максимум – 12. Учитывая, что 2 гривны составляла (по данным Русской Правды) стоимость коня [5, с. 72, 80, 108], каждая семья должна была лишиться достатка, эквивалентного трем-шести лошадям. Для небогатых хозяйств (которых было, как в любом средневековом социуме, несомненно большинство) сбор неподъемный, и намного большие, чем средние по городу, выплаты неизбежно легли бы на зажиточных белозерцев – городскую верхушку. Фактически Белоозеро ожидало бы экономическое разорение. Нужно было выбирать: либо присоединиться к восставшим и перебить или изгнать отряд Яня (что повлекло бы за собой кару в виде военного похода князя Святослава), либо помочь боярину в поимке убийц. Белозерцы предпочли второй путь и организовали захват волхвов.

Следующая правовая коллизия возникла в ходе допроса

⁵ Это видно из ссылок в Пространной редакции на установления Ярослава (ст. 9) и его сыновей (ст. 2, 65) [5, с. 104, 105, 112].

преступников. Они утверждали: «Нама стати пред Святославомъ, а ты не можьшь створити ничто же». Это прямая ссылка на ст. 33 Краткой редакции Русской Правды: «Или смердь оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны» [5, с. 72, 80]. Янь в ответ делает то, в праве на что волхвы ему отказали – подвергает их пытке. Вряд ли тем самым он нарушал закон [8, с. 98]: Янь Вышатич явно пришел на Белоозеро со значительными полномочиями: скорее всего, он должен был установить новые порядки в связи с переходом этой территории под власть Святослава Ярославича, вызванным перераспределением волостей после изгнания им в союзе со Всеволодом (ранее владевшим Белоозером) из Киева Изяслава (1073 г.) [3, с. 65]. И своими действиями Янь продемонстрировал, что «княжье слово» у него есть, Святослав делегировал ему свои полномочия заранее, отправляя с его миссией. В любом случае несомненно, что «Правда Ярославичей» в момент событий действовала, и волхвы-смерды, люди явно не принадлежащие к образованной элите, ее нормы знали.

Завершающим актом стала выдача волхвов на расправу родственникам убитых ими женщин. Прибегнуть к такому способу Яня вынуждает опять-таки закон. Смертная казнь Русской Правдой не предусмотрена. Янь понимает, что волхвы – опасные мятежники; заплатить виру они не в состоянии. Но если он прикажет своим отрокам умертвить волхвов, то нарушит закон и возьмет на себя грех убийства. Выходом оказывается процедура кровной мести.

Согласно ст. 2 Пространной редакции Русской Правды, кровная месть была отменена Ярославичами, т.е. не позже 1072 г.: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати» [5, с. 104]. Если считать это сообщение достоверным, то, учитывая, что описываемые события происходили в 1073 или 1074 г., придется признать факт нарушения Янем закона. Но такое нарушение было относительно небольшим в сравнении с казнью волхвов своими силами: на Яня не ложился грех убийства, а применение уже не действующей нормы можно было при необходимости объяснить невозможностью удержать родственников от расправы.

Перечень мстителей, вытекающий из летописной статьи 6579 г., в точности совпадает с тем, что читается в ст. 1 Краткой и Пространной редакций Русской Правды [ср.: 10, с. 52-53]. Мстили за матерей, сестер и дочерей, т.е. мстителями выступили сыновья, братья и отцы убитых женщин. Текст не упоминает месть за жен, хотя, когда повест-

вуется о самих убийствах, сказано, что «привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя», т.е. мужья-вдовцы среди близких погибших несомненно были. Но ст. 1 не предусматривала в качестве мстителей родственников по браку. Мстить мог брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянники за дядьев: «Оубъеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови» [5, с. 70, 79, 104]. И в летописном рассказе видим ту же картину, только место членов семьи мужского пола занимают соответствующие им женщины: братья мстят за сестер, сыновья за матерей, отцы за дочерей.

Таким образом, деятельность Яня Вышатича на Белоозере проходила в полном соответствии с существующими нормами права. Положения Русской Правды хорошо были известны не только самому Яню, но и горожанам-белозерцам, и смердам-волхвам, и тем, кто от них пострадал. В 1070-е гг. действовала «Правда Ярославичей», а также нормы, связанные с взиманием «дикий виры» – выплаты в складчину членами территориальной общности штрафа в случае неоказания помощи в поиске убийцы, причем в том виде, как они зафиксированы в Пространной редакции Русской Правды. Был применен и принцип кровной мести.

1. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
2. *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
3. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984.
4. *Кучкин В.А.* Население Руси в канун Батыева нашествия // *Образы аграрной России IX – XVIII вв.: Памяти Н.А. Горской.* М., 2013.
5. *Правда Русская.* Т. 1. М.; Л., 1940.
6. *Правда Русская.* Т. 2: Комментарии. М.; Л., 1947.
7. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
8. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966.
9. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
10. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
11. *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965.

О некоторых источниковых вопросах писцового наказа 1681 г.

Писцовый наказ 1681 г.; протокол обсуждения наказа; письмо; мера; межевание; кадастр.

Изучается недавно введенный в научный оборот, конкретный наказ 1681 г., данный писцам Орловского уезда, который обсуждался и редактировался в комиссии стольника кн. А.И. Хованского в 1682 г. Подлинные и взаимосвязанные тексты впервые рассматриваются как элементы действовавшей на макроуровне системы государственного фиска.

Л.В. Милов в коллективной монографии о тенденциях аграрного развития России в первой половине XVII в., как известно, критиковал концепцию С.Б. Веселовского о сошном письме и полемизировал с ним по методологическим вопросам, в том числе о характере налогового обложения. В этой связи необходимо заострить внимание на важном положении, предложенном Л.В. Миловым. Оно заключается в сосуществовании «разных процессов реализации системы фиска» XVII в. Поземельный характер системы налогообложения ученый определил как «генеральный принцип», свойственный «государственному фиску прежде всего как макросистеме», в которой писцовые книги выполняли и функцию документов поземельного кадастра. «Конечный предел действия макросистемы – это помещная или вотчинная дача, взятая как целое», а главный ее принцип «действовал применительно к тому или иному феодальному владению как органически целому, как к неделимой частице, на которой замыкались пределы действия системы государственного фиска». С.Б. Веселовский же оперировал в основном материалами по черносозному Северу, в том числе документами о раскладке тягла в черной волости, и «из сферы действия законов макросистемы перешел в сферу действия законов микросистемы или подсистемы». Однако, на черносозных землях, как и на дворцовых, полагает Л.В. Милов, «государство выступало в качестве феодала–землевладельца. Другими словами, здесь переход из макросистемы в микросистему внешне не заметен», как и при движении «от системы сошного письма к системе вытного письма», когда совершается «переход в микросистему, законы которой отнюдь не

¹ Швейковская Елена Николаевна, Институт славяноведения РАН, (РФ, Москва), д.и.н., inslav@inslav.ru.

должны точно повторять законы макросистемы». Различное соотношение сошного и вытного писем, отмечает Л.В. Милов, уловил и объяснил А.С. Лаппо-Данилевский, и именно в плане «соотношения системы и подсистемы». Л.В. Милов подытоживает свое рассуждение: «Если “сошное письмо” как макросистема действует в интервале “государство – феодал”, то вытное письмо как микросистема действовало в интервале “волость – крестьянин”» [4, с. 39-40], и я бы добавила еще одну ступень: «вотчина (поместье) – крестьянская община».

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. сотрудники РГАДА широко развернули плодотворную работу по публикации материалов писцовых описаний разных регионов России, что способствует, несомненно, углубленному проникновению в обширные массивы документов данного профиля. Большее значение имеет публикация К.В. Барановым комплекса писцовых книг Новгородской земли конца XV – начала XVI в. [5]. Значительны усилия М.Ю. Зенченко, который на протяжении многих лет активно участвует в публикации писцовых описаний, выходящих в серии «Каталог писцовых книг Русского государства» [3]. Его привлекло второе валовое описание первой половины 80-х гг. XVII в., по которому ученый выявил и ввел в научный оборот новые неизвестные до сих пор документы. Речь идет о писцовом наказе 1681/82 г. и его обсуждении с правкой пунктов в комиссии стольника кн. А.И. Хованского [2, с. 398-440].

В статье, предпосланной публикуемым текстам, М.Ю. Зенченко излагает весьма сложное в историографическом, содержательном и хронологическом аспектах изучение этого описания К.А. Неволиным, В.Н. Седашевым, П.Н. Милюковым, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовским, и приводит разноречивые оценки ученых о нем. Особенно разнились мнения, о сути описания, было ли оно письмом или межеванием, во-вторых, о начале писцовых работ, их длительности и, главное, о времени завершения. М.Ю. Зенченко обращает внимание на сложившуюся в литературе следующую периодизацию описания: «в 1680–1683 г. писцы занимались только межеванием, в 1684–1686 гг. перешли непосредственно к письму». Ученый считает, что установившуюся периодизацию писцовых работ пересмотрел С.Б. Веселовский [2, с. 399-401]. Он в 1951 г. опубликовал несколько документов из архива Вотчинной коллегии Поместного приказа, относящихся к «валовому» описанию 1680-х гг. Среди них были доклад государям от 1682 г. с обсуждением наказа 1681 г., данного из Поместного приказа писцам нескольких городов, а также валовой наказ писцам 1681 г. Его С.Б. Веселовский расценил лишь как *проект* (Здесь и далее курсив мой –

Е.Ш.), который обсуждался Боярской думой в марте 1682 г., но не был «вершен», не утвержден как указ [1]². Однако публикация С.Б. Веселовского, считает М.Ю. Зенченко, свидетельствовала о существовании писцового наказа 1681 г., который говорил как о межевании, так и о «письме и мере».

В предисловии к своей публикации М.Ю. Зенченко оговаривает факт обнаружения П.В. Седовым текста наказа 1681 г., но сам его не рассматривает [2, с. 400]. П.В. Седов же считает, что найденные им источники, а именно *список* наказа 1681 г. и материалы его обсуждения с 1681 г. по 1684 г. «позволяют проследить основные вехи изменения наказа 1681 г.: имеются его первоначальный текст, подробные выписки о ходе его обсуждения царем, патриархом, Боярской думой, и сословными комиссиями и окончательный вариант 1684 г., опубликованный в ПСЗ»³.

Найденные в фонде Поместного приказа и опубликованные М.Ю. Зенченко документы, если не вполне заполнили лакуну, то стали еще одним важным аргументом в истории второго «валового письма». Это – 1) Наказ из Поместного приказа от сентября 1681 г. писцам Орловского уезда Потапу Михайловичу Дурному/Дурново и подьячему Максиму Хлудову, заверенный дьяком Поместного приказа Василием Протопоповым, и 2) Обсуждение поправок и дополнений к писцовому наказу валовым писцам 1681 г. выборными дворянами–окладчиками разных городов в комиссии кн. А.И. Хованского от 9 февраля 1682 г. Документы представляют собой подлинные, полные и взаимосвязанные тексты. Публикация наказа писцам 1681 г., выполненная в совокупности с Протоколом его постатейного обсуждения, конечно, имеет не только большое самостоятельное значение, но и

² См.: доклад [1, с. 304-367]; «проект» наказа [1, с. 367-390]. Попутно приведу замечание ученого об отсутствии на то время «сколько-нибудь удовлетворительного научного описания» документов Поместного приказа и плохой сохранности столбцов последней четверти XVII в. [1, с. 301].

³ П.В.Седов в монографии пишет: «Нам удалось найти его (наказа – *Е.Ш.*) список 1681 г.^{а)}, а также столбец Поместного приказа^{б)} с новыми материалами обсуждения писцового наказа с лета 1681 г. по 1684 г.» (с ссылками на: ^{а)} ОР РНБ. Собр. А.А. Титова. № 874; ^{б)} РГАДА. Ф. 1209. Столбцы вотчинной записки. Стб. 18871). В параграфе «Обсуждение писцового наказа» П.В. Седов в цитации названных документов дает ссылки на листы, однако представить объем каждого из этих документов не представляется возможным. Необходима была бы их характеристика, тем более, что приведенной цитате предшествует следующее высказывание: «До сих пор считалось, что сам наказ не сохранился» со ссылкой на книгу Л.В.Черепнина о земских соборах [9, с. 348] // См. [6, с. 479].

придает повышенную ценность опубликованным источникам. Таким образом, к настоящему времени историки располагают изданием двух введенных в научный оборот и ранее неизвестных текстов, которые относятся ко второму валовому описанию, С.Б. Веселовского⁴ и М.Ю. Зенченко.

В вводной части наказа 1681 г. именуется писцы, которые должны «ехать в Орловской уезд в Корчаковской стан» и четко формулируется поставленная перед ними задача. Они обязаны *во владениях* разного статуса – патриарха и высших церковных иерархов, церковно-монастырских, светских – от боярских до «всяких чинов за помещики и за вотчинники», *в селениях* любой давности возникновение *земли и угодья* разной степени освоенности, как ранее межеванные, так и нет, «все, что объявитца по наезду, писать, и мереть, и межевать». Другими словами писцам вменялось выполнить полный цикл писцовых работ, а не только межевание. Специально оговаривалось, что «крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и в вотчинах не писать, для того в прошлом во 186-ом году для переписи крестьянских и бобыльских дворов был переписчик», и далее подтверждалось: «и всякие подати указано платить по тем переписным книгам» [2, с. 403].

В краткой преамбуле к протоколу обсуждения говорится, что стольник кн. Андрей Иванович Хованский «с товарищи да выборные дворяня из городов слушали наказ, каков наказ дан ис Поместного приказу писцом, и что в том наказе по которой статье говорили пополнить, и то писано под теми статьями» [2, с. 421]. Замечу, что текст наказа 1681 г. достаточно объемный, в нем значится 45 статей. Дополнения были внесены в 24 статьи, то есть немногим более, чем в половину, а 21 статья не подверглась редактированию⁵. Даже первичное сопоставление статей наказа с протоколом их обсуждения выявляет несоответствие в нумерации их статей. Например, часть текста введения к наказу в протоколе значится как ст. 1, начало первой статьи об измерении полей в наказе составляют в протоколе часть ст. 2, логически завершенная половина второй статьи наказа обозначена в протоколе как ст. 3. Разнится и общее число статей, в протоколе их 46,

⁴ Заслуживает внимания пояснение С.Б. Веселовского, которое он сделал в легенде к публикуемому докладу Поместного приказа о составлении писцового наказа, о «многочисленных черновиках этого доклада», находящихся в фонде Поместного приказа в столбцах Вотчинной записки. [1, с. 367].

⁵ Поправки к пополняемым статьям, как правило, по одной – разного объема, к статьям 2 и 5 их было по две. Не имеют дополнений ст.: 10, 15–18, 23–26, 31–36, 38, 40, 42–46.

а не 45 как в наказе. В связи с обнаруженным несоответствием и вышеприведенным замечанием С.Б. Веселовского об имеющихся черновиках обсуждения опубликованного им доклада возникает вполне логичное предположение о возможном существовании еще идентичного текста наказа, но с иной нумерацией статей, чем в рассматриваемых документах. Разумеется, постатейное сравнение наказа и протокола необходимо продолжить на следующем этапе работы.

Характеризовать наказ 1681 г. целесообразно, учитывая приведенное выше суждение Л.В. Милова о реализации фискальной системы на макро- и микроуровнях. Тогда создание наказов писцам, независимо от главных целей их составления, будь-то описание земли или перепись дворов, совершалось в рамках макросистемы. Разработка писцово-переписных наказов происходила в государственных органах, в Поместном приказе и в данном случае в специально созданной при Боярской думе комиссии. Естественно, подобная работа включала подготовительные этапы и процедуры. Наиболее традиционным, как известно, было изготовление приправочных книг, в которые копировались тексты писцового описания, прямо и опосредованно предшествовавших текущему. Наказ 1681 г. указывает, что писцам Орловского уезда Корчаковского стана Потапу Михайловичу Дурному/Дурново и подьячему Максиму Хлудову «для того письма, и меры, и межевань с орловских дозорных книг письма и меры Ивана Кутузова да подьячего Ивана Коровина 134-го (1625/26), и с межевых книг розных межевщиков помесным и вотчинным землям даны им списки за дьячими приписями» [2, с. 420-421]. Именно такие обобщающие документы становились инструктивными при описании и межевании. Вместе с тем писцы наряду со «старыми писцовыми книгами» и «дозорными» действуют «по ввозным грамотам, и по отдельщиковым, и по откащиковым выписям», опираясь на «сотные прежних писцов», а также на фиксированные «старые межи и грани» [2, с. 404, 405, 407, 411-414].

Данный наказ, как и всякий документ, регламентирующий кадастровое описание, содержит набор разнообразных вопросов, которые тематически градуированы и обусловлены фискальной системой. Целостный постатейный его анализ составляет самостоятельную задачу, которую невозможно решить в небольшой статье. Из наказа 1681 г. можно выделить: 1) субъекты описания, перечисленные во введении подробно, а далее в статьях называемые обобщенно – помещики и вотчинники; 2) объекты описания – а) пашня паханая, перелог, «что лесом поросло на *пашне*»; б) отхожие пашни, роспаш и

поляны на *лесах*; в) сенные покосы; г) леса пашенные, непашенные, бортные; д) реки, озера, пруды, мельницы, спуды (вспуды)⁶, перевесья, рыбные ловли, бобровые гоны, «лосиные стойла», бортные «и всякия угодыя всяких оброков» (Ст. 1, 7, 11, 13, 14; с вниманием к бортным угодыям Ст. 8, 9, 10, 12); 3) регулирование землевладельческого права путем приведения в соответствие размеров поместной земли и дачи; 4) земельно-устроительные функции.

Наказ 1681 г., прежде всего – это пошаговая, очень подробная инструкция для писцов, детально регулирующая с учетом веерных вариантов каждое их действие. Из него выявляется и региональная специфика описываемого «украинного» края, состоящая в выдвигании поместья на первое место как главного средства обеспечения жалованьем массы провинциальных служилых людей. В наказе о писцовом описании 1681 г. отчетливо различимы внутренне заложенные и вполне систематизированные, хотя еще соединенные в целое, налогооблагаемые компоненты – земельный, лесной (борти), водный (озера, реки, рыбные угодыя), которые со временем станут самостоятельными кадастровыми направлениями.

1. *Веселовский С.Б.* Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. М., 1951. Т. VII.
2. *Зенченко М.Ю.* Писцовый наказ 1681 г. и другие источники о начале «второго валового письма» в России (1680-1681 гг.) // АЕ за 2009-2010 годы. М., 2013.
3. Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 1. Писцовые книги Русского Севера. М., 2001; Вып. 2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004; Вып. 3. Писцовые книги Восточного Замосковья. М., 2007.
4. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
5. Писцовые книги Новгородской земли. Т. I–IV. М., 1999-2001.
6. *Седов П.В.* Закат московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
7. Словарь русского языка X–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.
8. Словарь русского языка X–XVII вв. Вып. 27. М., 2006.
9. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

⁶ Вспуд, спуд – охотничье угодые, яма для ловли зверя. [7, с. 148]; См. также: [8, с. 99].

Власть князя в домонгольской Руси: проблемы интерпретации

История Средневековой Руси; политическая власть; князь; источниковедение; интерпретация летописных текстов.

В работе рассматриваются основные подходы к характеристике власти князя в домонгольской Руси, существующие в современной литературе, дается представление об историографических истоках этих подходов; отмечаются вопросы, которые не поддаются разрешению без учета особенностей текста летописных известий и их автора, прежде всего – вопрос о наследственном характере власти князя. Автор полагает, что в данном случае более обоснованным является мнение тех историков, которые полагали, что власть князя была не наследственной, а ее источником была воля общества, выраженная в договоре.

Великое наступление постнеклассической методологии поставило под сомнение возможность познания истории. Выход из наступившего кризиса исторической науки связывается с появлением работ неорационалистического направления, использующих то положительное, что есть в арсенале постмодернизма. В частности Войцех Вжозек, выступив с критикой подходов «традиционных» историков, высказал интересное соображение о том, что ими за историческую «реальность» принимается реальность, легализованная в воображении историков. ... Она является результатом нагромождаемых особо ценимых научным сообществом воображений, что было каким и что особенно важно, чтобы было возможно и что возможно что оно было. Спектр исторически допустимых состояний ... предопределяет, помещается ли данная источниковая ситуация в его границах» [5, с. 286]. В принципе позиция В. Вжозеха является эманацией идей Томаса Куна о состоянии «нормальной науки», критика которой при определенных условиях способна привести к пересмотру устоявшейся системы научных взглядов. С подобной критикой применительно к терминам («княжество»), использующимся в отечественной науке для оценки политического развития Руси в домонгольский период, выступил А.А. Горский [6].

Среди устойчивых моделей политического развития Руси домонгольской эпохи – представление о роли и значении княжеской

¹ Петров Константин Васильевич, Российская национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., 1petrov_kv@mail.ru.

власти. Современная научная традиция основана на данных свода конца XI в., лежащего в основе Повести временных лет. В числе прочих сведений, дающих возможность для приведенных выводов – известие ПВЛ под 1054 г. о том, что перед своей смертью князь Ярослав Владимирович «нарядил» своих оставшихся в живых к моменту его смерти сыновей и «роздели им грады»: Изяславу «поручил в собе место» Киев, Святославу «дал» Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Игорю – Владимир, Вячеславу – Смоленск [13, с. 70].

Исследователи не видят оснований для сомнений в достоверности событий 1054 г. и ее интерпретации. В частности, на основании сравнительно-исторического анализа, А.В. Назаренко приходит к мнению о том, что «содержание «ряда» Ярослава, как оно передано в Повести временных лет, сомнений не вызывает» [12, с. 268-283].

Известия ПВЛ в дальнейшем повествуют о делении земель княжеств-государств, которое происходило исключительно в результате деятельности князей. В.А. Кучкин насчитывает 19 княжеств-государств, существовавших к 1230-м гг. [9, с. 55].

Итак, основанная на сведениях ПВЛ, трехсотвековая традиция научного изучения отечественной истории убеждает нас в том, что власть князей, во-первых, была наследственной; во-вторых, распространялась на земли княжеств-государств, являясь их (верховой) собственностью. В контексте исторической науки XVIII – середины XIX вв., от Н.М. Карамзина до Н.И. Костомарова, власть князей домонгольской эпохи рассматривалась как монархическая. В современной трактовке эта позиция раскрывается как представление о родовой собственности князей Рюриковичей над землями – при всем различии в подходах исследователей [8, с. 26-78; 12; 15; 17, с. 66-69]. Видимо, близкую позицию сохраняет В.А. Кучкин [9].

В рамках советской парадигмы развития исторической науки было принято полагать, что каковыми бы ни были личные качества и заслуги князей, образование княжеств-государств в домонгольскую эпоху имело определенные объективные причины. Какими они были и насколько обоснованными – другой вопрос [2]. В постсоветское время состоялся фактический отказ от исследований социально-экономических условий развития общества, произошел фактический разрыв исследований комплексного – историко-археологического характера. Обратные примеры в современной науке – скорее исключение, нежели правило. Таким образом, при объяснении характера и источника власти князей исследования последних лет куда ближе к позиции Н.М. Карамзина о субъективной роли князей в образовании княжеств-

государств. Между тем, как писал в начале XX в. М.А. Дьяконов, эта точка зрения «не может быть признана научною» [7, с. 99].

Следует отметить, что указанная особенность историографии последних лет не осталась без внимания Е.А. Мельниковой. «Рост производящего хозяйства ... безусловно сопутствовал процессам образования Древнерусского государства, особенно в X в., мог обеспечить необходимое количество прибавочного продукта для ... формирования ... сложных вождеств с выделявшейся знатью и наследственной властью правителя» [11, с. 53]. Представляется, позиция историка пока не носит доказательный характер. Для ее обоснования стоит вернуться на новом уровне к дискуссии 1950-х гг. об уровне развития сельского хозяйства. Отметим лишь, что по данным археологов, в X-XI вв. фиксируется проникновение культуры озимой ржи и появление двузубой сохи, а по некоторым сведениям, соха появляется не ранее XI в. [14, с. 79-84].

Отметим также, что в последнее время ряд исследователей пытаются рассматривать образование княжеств-государств в Восточной Европе без характеристики источников власти князя, указывая на ее функции в рамках концепции «дружинного государства» [15; 19]. Этот подход является реализацией на материалах Восточной Европы концепции «раннего государства» Г. Классена и П. Скальника 1970-х гг. с учетом последующих дополнений и замечаний. Вообще использование концепции «раннего государства» представляется небезынтересным, но пока мало увязывается со сведениями ПВЛ.

Какие проблемы возникают в случае, если считать власть князей наследственной? Они носят ретроспективный характер – требуется найти объяснение тому, каким образом, в ситуации практического отсутствия системы органов власти, при крайне незначительной численности населения, гигантских расстояниях, и с учетом низкого уровня вторичных потребностей людей той эпохи, князья могли иметь в семейной (или родовой) собственности власть на территории княжеств-государств.

Поскольку убедительный ответ на данный вопрос невозможен, в рамках дореволюционной историографии в конце XIX в. было существенно пересмотрено представление о природе княжеской власти в домонгольской Руси. Князья не могли не считаться с волей общества, и не выражать интересы населения. Кроме того, «надо признать, – писал М.А. Дьяконов, – что вообще не существовало какого-либо единого порядка в преемстве столов» [7, с. 116], власть князя носила договорный характер и не наследовалась. «Распоряжаться столами

лишь по собственному усмотрению князя, конечно, не могли», решающую роль играли позиция населения и предварительная договоренность с другими князьями. Содержание договора населения (на вече) с князем определялось обычаями и реальной военной возможностью князя [7, с. 108 и др.].

С учетом высказанного мнения М.А. Дьяконова возникает вопрос о том, каким образом одни и те же тексты позволяют приходиться к столь различным выводам.

Прежде всего напомним, что влияние Византии и, следовательно, христианской культуры было весьма значительным для всей ойкумены, в том числе для территории Восточной Европы после победы византийской дипломатии – принятия христианства на Руси. Поэтому неудивительно, что летописец был носителем христианской парадигмы поведения и жизни общества; летописец, прежде всего – монах-христианин.

Причем, кого бы мы ни считали создателями Начального свода и его последующих редакций, это были люди, если не греки, то, во всяком случае, те, кто были ориентированы на культурный круг, очерченный Византией; византийские «порядки» были для них «родными» [1]. В тексте летописец следует знакомым ему образцам жанров византийских художественных и документальных текстов [10]. Уже давно не подвергается сомнению факт активного использования в тексте ПВЛ византийских хронографических текстов, копий официальных византийских документов, греческих «противней» договоров.

Вообще летописец практически ничего не пишет о самом древнерусском обществе – основное содержание ПВЛ ограничено действиями князей, нравственно-идеологическими сентенциями, и сведениями о церковных событиях. Более того, как замечает А.А. Турилов, «практически общим местом для летописных похвал князьям является забота о церквях и монастырях, клире и монахах, и о нищих» [18, с. 87]. Наконец, важным представляется мнение Д.М. Буланина о том, что «понимание» древнерусской литературы принципиально невозможно вне контекста всего комплекса христианской духовной культуры [3; 4].

Прочтение и понимание текста ПВЛ в части политических реалий описываемых событий должно учитывать два важных фактора. Первый – летописец интерпретировал окружающую его действительность в образах политико-правовой жизни византийского общества – для него, но не для людей Восточной Европы, было естественным наследование власти. Представить иное, видимо, он не мог. Второй

фактор – следует избегать невольной модернизации условий жизни людей домонгольского периода, уровня развития государственных (властных) институтов и характера их воздействия на общество.

1. *Бибиков М.В.* Генезис и парадигматика идеи власти в Византии // Славяне и их соседи. Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тез. докладов XXII конф. памяти В.Д. Королюка. М., 2004.
2. *Буганов В.И.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980.
3. *Буланин Д.М.* Письмо и письменность в Древней Руси (середины X – рубеж XIII и XIV веков) // Русская литература. 2006. № 3.
4. *Буланин Д.М.* Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков. Заметки к переводу книги Саймона Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300 гг.)». СПб., 2009.
5. *Вжозек В.* Исторический источник как реалистическое алиби историка // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2010. Вып. 6.
6. *Горский А.А.* Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь. М., 2014.
7. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 6-е изд. СПб., 2005.
8. *Котляр М.Ф.* Княжа служба в Київській Русі. К., 2009.
9. *Кучкин В.А.* Русские княжества второй половины XI – XV вв. // Российская государственность. Опыт 1150-летней истории. Материалы междунар. научн. конф. М., 2013.
10. *Литвина А.Ф.* Биография князя в составе летописи как «документальный» жанр // Славяне и их соседи. Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тез. докладов XXII конф. памяти В.Д. Королюка. М., 2004.
11. *Мельникова Е.А.* Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной истории России IX – XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013.
12. *Назаренко А.В.* «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). Сб. статей памяти Л. В. Черепнина. М., 2010.
13. Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.
14. *Самойлов К.Г.* Следы древней распашки на материке Борисоглебского (XVI) раскопа в г. Старая Руса и некоторые проблемы изучения истории земледелия // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.
15. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
16. *Темушев С.Н.* Образование Древнерусского государства. М., 2014.
17. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
18. *Турилов А.А.* Образ правителя в летописных «некрологах» XI – XIII вв. // Славяне и их соседи. Репрезентация верховной власти в средневеко-

вом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Тез. докладов XXII конф. памяти В.Д. Корольюка. М., 2004.

19. *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд. М., 2009.

УДК 94(47).02

С.Н. Темушев¹

К вопросу об организации сбора налогов-дани в домонгольской Руси

Налогово-данническая система; децимальная система; князь; посадник; тысяцкий; погосты.

В работе рассматривается проблема организации взимания налогов, или дани в домонгольский период истории Древней Руси. Выделяется три этапа функционирования налогово-даннической системы, в продолжении которых осуществление фискальной функции принадлежало определенным должностным лицам.

Не вызывает сомнений, что только князь в Древней Руси был единственным адресатом дани и мог по своему усмотрению распоряжаться собранными средствами, как, впрочем, и освобождать население от налоговых тягот (об этом единодушно свидетельствуют источники). Кто же входил в тот круг лиц, которым князь поручал функцию сбора налогов-дани? В историографии этот вопрос решался в целом однообразно. Принципиальное отличие можно обнаружить, во-первых, в определении происхождения тех или иных должностей (являлось ли их появление инициативой княжеской (государственной) власти или же они были созданы местными сообществами и их начало следует искать в родоплеменную, догосударственную эпоху), а во-вторых, в разделении должностей на общегосударственные (земские) и собственно княжеские (дворовые, вотчинные) [1, с. 50–52; 16, с. 387, 391; 13, с. 436–437; 3, с. 131; 2, с. 145; 19, с. 285–287; 8, с. 470; 18; 14, с. 221].

В функционировании налогово-даннической системы в Древней Руси домонгольского периода можно выделить три периода, для каждого из которого была характерна своя фискальная система с задействованием определенного круга должностных лиц: 1) конец IX – середина X в. – функционирование простейшей системы сбора налогов-дани в форме полюдья; 2) середина X – вторая половина XI в. – скла-

¹Темушев Степан Николаевич, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, Минск), к.и.н., stepnik_bsu@tut.by.

дывание десятичной фискально-судебной системы, трансформация централизованной системы государственного фиска в сбор налогов-дани в отдельных княжествах-землях; 3) XII – первая половина XIII в. – функционирование развитой налогово-даннической системы отдельных княжеств-земель и княжеств-волостей, объединявшей общегосударственную и княжескую дворцовую администрацию.

В предлагаемой периодизации делается попытка связать мероприятия государственной власти с объективными процессами общественно-политического и социально-экономического развития Древней Руси, что находило выражение в политической децентрализации (раздробленность) и в вызревании феодальных отношений (появление частного землевладения). Отметим общепринятую связь между ростом боярского землевладения и нарастанием дезинтеграционных процессов. В то же время перспективным представляется обнаружение в качестве основной причины начала раздробленности Древней Руси проведение в жизнь князьями-Рюриковичами отчинного принципа замещения княжеских столов [4, с. 5–17; 5, с. 137–141]. Можно увидеть прямую связь между стремлением князей к получению в полном объеме доходов с той территории, которая находилась в их ведении, с ослаблением подчинения местных центров Киеву.

Обнаруживается крайне примитивная система сбора налогов-даней (возможно изначально в форме добровольных подношений, даров) на раннем этапе истории Древнерусского государства. Кроме князя, который являлся не только адресатом, но и главным сборщиком дани, невозможно назвать иных должностных лиц государственного фиска. Необходимо согласиться, что уже на первом этапе складывается какая-то структура пунктов сбора дани и некая простейшая администрация, что было обусловлено невозможностью посещения князем всех хозяйственных единиц.

Начало второго этапа в развитии налогово-даннической следует связать с реформами княгини Ольги, осуществленными, если верить летописи, в 946–947 гг. Их реализация привела к отмиранию института полюдья, как общегосударственного мероприятия [9, с. 157; 15, с. 188]. Именно в погостах сосредотачивается сбор дани, при этом присутствие князя оказывается не обязательным, функции сбора дани и различных оброков, как и судебные функции, поручались специальным должностным лицам – тиунам. Считается, что погосты теряют свое прежнее значение либо к концу X в. – их функции перешли к городам [9, с. 159], либо к XII в. в связи с широким распространением княжеского и боярского землевладения [14, с. 64]. Но система погостов

сохранялась и позднее в местах с более редким населением и большими лесными массивами (прежде всего, в Новгородской земле). Предположение о заимствовании системы погостов из Скандинавии не находит всеобщей поддержки исследователей. Отмечается, что возникновение этого института было естественным явлением в ранних государствах с их натуральным хозяйством, аналогичный институт известен в Польше под названием «стан» [7, с. 123–124].

Видимо, осуществление сбора даней-налогов посадниками для летописцев представлялось обыденным явлением, поэтому на страницах летописи можно обнаружить лишь косвенные тому свидетельства. Так, из Повести временных лет известно, что когда князь Олег Святославич в 1096 г. захватил Муромскую и Ростовскую земли, он «посажу посадники по городом, и дани поча брати» [10, с. 108]. Должность посадника, несомненно, следует отнести к числу наиболее давних явлений древнерусской действительности [17, с. 137]. Вместе с реализацией высшей административной власти на местах от имени князя [14, с. 219] посадник в полном объеме сосредотачивал в своих руках сбор даней-налогов и взимание судебных пошлин, часть которых оставалась в его личном распоряжении.

С конца X в. в Древнерусском государстве начинает формироваться десятичная (десятичная) система [6, с. 423]. Не вызывает сомнения участие десятских и сотских в осуществлении государственного фиска. С десятичной системой необходимо связать и должность тысяцкого, хотя в свидетельствах источников тысяцкие представляются, прежде всего, в качестве военных предводителей [11, стб. 298, 324–326, 767]. Однако к числу важнейших обязанностей тысяцких следует отнести именно гражданские дела; учитывая же принадлежность тысяцких к десятичной системе, среди важнейших их функций следует назвать сбор налогов-даней. В то же время возникает вопрос о распределении обязанностей между тысяцкими и посадниками. Несомненно, статус посадника был выше. Поскольку посадник заменял князя, по необходимости тысяцкий оказывался в подчиненном ему положении. При князе же именно тысяцкий становился главным должностным лицом в той или иной земле и волости.

Компетенция тысяцкого при осуществлении фискальной функции была несколько уже, чем посадника (следовательно, и князя). Тысяцкому были подвластны все структурные звенья десятичной системы. Но налогово-данническая система включала также сбор даней с подчиненных периферийных неславянских племен, эксплуатацию отдельных категорий населения (смерды) и т.д. Возможно, эти

направления деятельности выделялись особым должностным лицам, известным под общим наименованием «тиуны». Представляется правильным видеть в «тиуне» именно родовое понятие, к тиунам принадлежали и огнищанин («тиун огнищный»), и конюший, и ключник. Последний вывод прямо подтверждает статья 110 Русской Правды пространной редакции, упоминающая «тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду» [12, с. 116]. Возможно, к тиунам можно отнести и упоминаемых в летописи «данников» [10, с. 108]. Осторожно предположим, что к тиунам относился и «княжий подъездной», единожды упомянутый в Русской правде краткой редакции («а въ подъездномъ княжи 80 гривень») [12, с. 71]. Вполне определенно тиуны подчинялись непосредственно князю, при отсутствии же в городе князя их «начальником» становился посадник. Но «княжие тиуны» не могли подчиняться тысяцким.

Функционирование фискальной системы в Древней Руси на третьем этапе поддерживалось целой группой должностных лиц. К их числу следует отнести мечников (возможно, тождественны «метальникам» Русской Правды) [12, с. 107]. Вероятно, мечники, как представители военной организации – дружины, сопровождали лиц, непосредственно занимавшихся сбором налогов-дани и известных под наименованием «данников», «тиунов». Показательно, что слово «мечник» зафиксировано на ряде обнаруженных при раскопках в Новгороде цилиндрах-замках [20, с. 105, 110–113].

В целом обращает на себя внимание крайнее несовершенство системы налогообложения, еще не выделившейся в отдельную отрасль государственного управления. Налицо смешение функций ряда должностных лиц. Пересечение их компетенций, по-видимому, разрешалось волей князя. В то же время источники не позволяют точно установить обязанности отдельных должностных лиц аппарата государственного фиска. К этому следует добавить формирование собственного хозяйства князя, представители администрации которого (например, дворский) могли участвовать в осуществлении общегосударственной функции сбора налогов-дани.

1. *Гагемейстер Ю.А.* Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833.
2. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953.
3. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 2005.
4. *Котляр Н.Ф.* К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43).
5. *Котляр Н.Ф.* Об удельной раздробленности на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти члена-корреспон-

- дента АН СССР В.Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 2011.
6. *Кучкин В.А.* Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович, П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
 7. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
 8. *Мавродин В.В.* Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009.
 9. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.
 10. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
 11. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
 12. Правда Русская. М., 1940. Т. I.
 13. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
 14. *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
 15. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
 16. *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Изд. 2-е, с переменами и доп. СПб., 1902. Т. I.
 17. *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 2011.
 18. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.
 19. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
 20. *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

УДК 94(47).027

И.Г. Пономарева¹

Из истории русского дворцового церемониала (ранние известия о рындах)

Дворцовый церемониал; рында; княжеская свита.

В статье представлены ранние известия о членах княжеской свиты, показывающие существование в древней Руси лиц, исполнявших обязанности, соответствующие должности «рында» при царском дворе в XVI-XVII вв.

История дворцового церемониала, привлекавшая внимание отечественных историков XVIII-XIX вв., по понятным причинам оказалась вне рамок советской историографии. В последние десятилетия проявился интерес к сюжетам, связанным с этой стороной функционирования княжеского и царского двора, но специальных исследований еще очень мало. Особенно заметно их отсутствие для периода XIV-XV вв., времени, когда закладывались основы дворцового церемониала.

¹ Пономарева Ирина Гавриловна, Московский государственный лингвистический университет (РФ, Москва), к.и.н., vasiliiy_ii@mail.ru.

ла московских государей. Доминирующим остается мнение, что придворная жизнь начинает приобретать церемониальность только при Иване III, и что принципы организации и чиновная структура московского двора даже к концу XVI в. сложились только в основных чертах.

Рынды относятся к придворным чинам, ассоциирующимся с классическим царским периодом (XVI-XVII вв.). Самое раннее описание рынд принадлежит Адаму Олеарию, входившему в голштинское посольство 1632 г. По его словам, перед царским тронном стояли крепкие молодые люди, одетые в белые «дамастовые» кафтаны, шапки из рысьего меха и белые сапоги. На груди у них крестообразно висели золотые цепи, каждый держал на плече серебряный топорик [12, с. 57]. По описанию Г.К. Котошихина, работавшего в Посольском приказе в середине XVII в., рынды «наряжены в белое платье комчатое на горностоях, в шапках белых же высоких и в сапогах, а в руках держат по топору нарядному з золотом и серебром; а бывает... платье и топоры царские» [6, с. 84]. Происхождение должности Ф.И. Миллер увязал с византийской традицией, сославшись на сочинение царевны Анны Комнины (1083-?), где говорится, что несшие службу по охране императора варяги носили мечи на плечах [9, с. 58-59; 1, с. 109]. В историографии изначально закрепился взгляд на рынд как телохранителей и оруженосцев. Подробнее других писавший о рындах А.К. Левыкин выделил в составе двора русских государей XVI-XVII вв. две разновидности чина. К одной относились лица, назначавшиеся на время военного похода из ближайших к царю людей для службы при государевом оружии. Первое достоверное упоминание таких рынд встречается в разряде 7030 (1521) г. [17, с. 185]. Рынды другого типа – телохранители из эскорта царя, описанные ранее. Этот чин получали молодые знатные лица, начинавшие службу при дворе [8, с. 57-58].

Этимология слова, по изысканиям М. Фасмера, уверенного в иноязычном происхождении слова, остается неясной. Сам он указал на древнеисландское «gond» – «край (щита), щит»; датское «ginde», «rende» – «бежать»; немецкое «Ronde» – «дозор». А.К. Левыкин добавил немецкое «Ridder» – «знаменосец» [8, с. 56; 19, с. 529]. Северноевропейская корневая основа слова отчасти подтверждается возможностью происхождения должности в связи с варягами-телохранителями в Византии. Этимологическая многозначность соотносится с реалиями.

Должности телохранителей, оруженосцев, других членов свиты, исполнявших различные службы и поручения, а также сопровождавших князя для придания ему величия, должны были появиться давно,

как по мере развития института княжеской власти, в частности, ее идеологии, так и из-за естественного уподобления иностранным государям. По источникам с XI в. прослеживается существование лиц, исполнявших представительские функции не только при князьях, что свидетельствует о распространенности практики, ее развитости и, следовательно, давности. В житии Феодосия Печерского (памятник 80-х гг. XI в.) описан выезд боярского сына: «Одѣвъся въ одежду свѣтлу и славну и тако въсѣдъ на конь поеха..., и *отроци бѣша окрест его едуще, и другыя коня въ утвари вѣдуще пред ним*» [5, с. 322]. Если собственный эскорт имел сын боярина, то конечно был он и у князей. Это подтверждают миниатюры Радзивиловской летописи. Памятник датируется концом XV в., но считается, что он восходит к лицевым летописям XI-XII вв. [3, с. 14, 17-18; 18, с. 14]. На миниатюрах к статьям за 6610/1102 и 6621/1113 г. изображены князья, по обе стороны которых можно видеть по воину с поднятыми вверх обнаженными клинками. На миниатюре 6661/1153 г. (совет галицких бояр с князем Ярославом Владимировичем): справа от него юноша с поднятым обнаженным мечом и трубадур [16, л. 149, 155 об.-в., 196 об.-н.].

О наличии почетного эскорта в XIV в. при митрополите сообщает Троицкая летопись (не ранее 20-х гг. XV в., отразила свод начала века): в описании жизни Митяя, нареченного великим московским князем Дмитрием Ивановичем в 1378 г. митрополитом, сказано, что «бояре митрополичи служахуть ему, и *отроци предстоаху ему*» [15, с. 408]. Как и в житии упоминаются молодые люди, что соответствует рындам «второго» типа. Есть косвенное доказательство того, что в XIV в. при московском дворе на приемах послов рядом с государем могли стоять молодые охранники. Граф Конрад Кибург описал прием у великого литовского князя Витовта в 1397 г. По его словам, князь сидел на троне за богато убранным столом, а *по бокам* стояли по два «*хлопце в белой одежде*» [2, с. 150]. Витовт был тестем Василия I и дедом Василия II. Оба князя и Софья Витовтовна сносились посольствами с Литвой и встречались с ним лично. Данных для решения вопроса о чьем-либо заимствовании не достаточно, но русские материалы и известие из «Алексиады» вкупе с вероятностью северно-европейской этимологии слова «рында» позволяют не увязывать появление соответствующей должности на Руси с Литвой, а видеть в ней явление универсальное для восточно-европейского региона.

Еще одно известие встречается в Летописной первой редакции «Повести о Луке Колочском». Описываемые события помещены в некоторые летописи в статью за 6921 (1413) г., но самый ранний текст

этой редакции включен в древнейший список Никоновской летописи (конца 20-х – середины 30-х гг. XVI в.). В повести сказано, что главный герой, разбогатевший крестьянин, «постави двор себе, яко нѣкий князь, храмы светлы и вѣлицы, и слугъ много собра, *предстоящихъ и предтекущихъ ему отроковъ много имяше, во утварехъ украшени*» [11, с. 222].

Адам Олеарий и Г.К. Котошихин пишут, что на приемах послов по обе стороны от царя стояли по двое рынд [6, с. 84; 12, с. 60-61]. На приеме Витовта его также окружали с обеих сторон по два молодых человека. Можно предположить, что обычно подобный почетный эскорт из телохранителей включал 4 человека. Их местоположение показано на гравюре из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию», которой можно довериться. Иллюстрации не были скопированы с более ранних. При изготовлении гравюр автор прибегал к посторонней помощи, но в основе большей их части лежали его собственные рисунки, сделанные с натуры. Изображенное расположение рынд соотносится с известием жития, в котором упоминаются сопровождающие господина слуги, едущие впереди и рядом с обеих сторон. Традиция, очевидно, восходит к первоначальной функции предшественников рынд первого типа – не почетный караул при господине, а его охрана. Только со временем в свите знати выделились лица, чьим основным предназначением стала демонстрация их статуса.

Раннее упоминание собственно рынды связано с Куликовской битвой (1380 г.). Оно содержится в «Сказании о Мамаевом побоище», литературном памятнике первой четверти XVI в. Великий московский князь Дмитрий Иванович перед битвой отдал свою «приволеку» (как полагает А.К. Левыкин – плащ) и коня боярину Михаилу Андреевичу Бренкову, и «знамя повелѣ рындѣ своему над нимъ возвысити» [13, с. 174]. Трудно представить, чтобы князь самостоятельно облачался в доспехи, так что можно не сомневаться в присутствии при нем лиц, исполнявших соответствующие обязанности, что подтверждает следующий эпизод. В 1445 г. выступивший в поход против татар Василий II встал с войском под Суздалем. Когда возник «въсполох» (показалось, что неожиданно напали татары), великий князь в спешке «въскладше на себя доспѣхы своя», после чего, «знамена подняв», выступил на поле боя [10, с. 262]. Очевидно, летописец отметил как из ряда вон выходящую ситуацию, когда великий князь вынужден был помогать слугам надевать доспехи, если не делать это самостоятельно. Соседство в текстах сообщений об облачении, вооружении и поднятии знамен

отражает естественную последовательность действий, но пространственно-временная близость этих событий, скорее всего, была сопряжена с одними и теми же лицами из княжеского окружения.

В Сказании рында выступает в качестве знаменосца. Должность известна еще в домонгольский период: в 1169 г. в бою с половцами был посечен «потаговник» (суздальского князя Михаила Юрьевича?). Княжеские меченоши дважды упоминаются в Лаврентьевской летописи в статьях за XIII в. В 1210 г. меченоша князя Всеволода Юрьевича (Кузьма Ратшич) был воеводой в походе на «Тепру». В 1225 г. погиб в походе против литовцев меченоша князя Ярослава-Федора Всеволодовича – Василий [7, стб. 360, 435, 510]. Более поздних упоминаний знаменосцев и меченош нет, что позволяет, учитывая приведенные летописные известия, предположить совмещение со временем их функций и закрепление за лицами, получившими название «рынды» (установить время появления термина и подвидов чина не удастся).

В ранний период рынды (вернее, еще не обозначавшиеся так их предшественники), как приближенные и особо доверенные лица, могли исполнять обязанности, соотносимые с адъютантскими. Косвенно об этом свидетельствует родовое прозвище Тухачевских. Для него не находится сколько-нибудь основательных этимологий, кроме тюркских. Наиболее вероятный этимон – слово, означающее «знаменщик, знаменосец», и вместе с тем – «вестник, рассыльный» [4, с. 202-203].

Итак, источники позволяют с большой степенью уверенности считать, что задолго до XVI в. на приемах и во время торжественных выходов при князьях находился эскорт из молодых, знатных, красивых, нарядно одетых юношей, состоявший обычно из 4 человек (позднее – рынды второго типа). При переездах и в походах князя сопровождала свита, в составе которой были слуги, исполнявшие широкий круг обязанностей (их статус соотносим с рындами первого типа), изначально военного характера. Вероятно, в общих чертах этот распорядок был унаследован московским великокняжеским двором и вошел в царский церемониал.

1. *Анна Комнина*. Алексиада. СПб., 1996.
2. *Антонович В., Иловайский Д.* История Великого княжества Литовского вод наидавнейших часов аж до упадку удельной системы в Литовской Руси. Тернополь, 1887.
3. *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
4. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
5. *Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века.* М., 1978.

6. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
7. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
8. *Левыкин А.К.* Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.
9. *Миллер Ф.И.* Известие о дворянах российских. СПб., 1790.
10. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. М., 2004.
11. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 11. М., 2000.
12. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996.
13. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
14. Повесть о Луке Колоцком // БЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000.
15. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
16. Радзивилловская летопись. Т. 1. СПб., 1994.
17. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
18. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971.

УДК 94(47).03

А.В. Сумин¹

О первом упоминании тюрьмы в русских летописях

Тюрьма; первое упоминание; летописи.

В статье на основе анализа русских летописей рассматривается первое упоминание термина «тюрьма» при описании пленения князя Родослава Ольговича Рязанского в 1402 г. Анализируются аргументы в пользу «немецкой» и «тюркской» версий происхождения слова.

Образование русского централизованного государства в XV-XVI вв. внесло новшества во многие сферы жизни. В их числе были и изменения в применении лишения свободы, которые наиболее удачно представил И.Я. Фойницкий: «...не знают заключения в качестве наказания ни судная грамоты, псковская и новгородская, ни судебник 1497 г. Впервые в этом качестве тюрьма упоминается судебником 1550 г.» [23, с. 314].

Начало применения лишения свободы в качестве наказания устойчиво связано с появлением специального учреждения, получившего название «тюрьма», однако вопрос о времени его появления в исторической науке не разработан. Если историки права, как правило, ссылаются на первое упоминание его в Судебнике 1550 г. и отсутствие в Судебнике 1497 г.², то классические историки считают на осно-

¹ Сумин Анатолий Викторович, Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний (РФ, Воронеж), к.ю.н., rexsumus@mail.ru.

² Ложность этого подхода показал еще В.И. Сергеевич: «В одном из наших

вании летописных упоминаний XV в., что тюрьмы существовали и до принятия Судебника 1497 г. Однако, исследований, посвященных выявлению первого упоминания тюрьмы в письменных источниках, не проводилось. С этой целью нами была проведена выборка летописных сюжетов, касающихся лишения свободы, из 43-х томов ПСРЛ, кроме Лицевого летописного свода. Исследования других русских письменных источников на предмет упоминания тюрьмы до XV в. не проводилось.

В связи с тем, что вопрос принципиального отличия тюрьмы от более ранних мест лишения свободы (поруба, погреба, темницы и т.д.) требует отдельного исследования и не может быть решен на основании только летописных данных, нашей задачей стало выявление первого упоминания слова «тюрьма». По вопросу происхождения слова «тюрьма» в русском языке существуют две версии, которые можно условно назвать «немецкой» (от средне-верхне-немецкого *turm* – «башня») и тюркской (от древнетюркского *turma* – «темница») [22, с. 137].

В результате было установлено, что тюрьма в период Киевской Руси упоминается единожды, при описании событий в Великом княжестве Литовском – в 1402 и 1418 гг., в Московском государстве впервые в 1471 г., когда «Мѣсяца того же 24 день... прииде князь великий в Роусоу... а иных многих послал на Москву да велѣл их вмѣтати в тюрмоу» [17, с. 296-297]. Разберем их подробнее.

Наиболее раннее упоминание тюрьмы в русских летописях встречаем в Псковской 3-й летописи (Архивский 2-й список XVII в.): «В лѣто 6567-го. Изяслав и Святослав и Всеволод выяша дядю, стрия своего, Судислава ис поруба, бяше бо сѣдел во Пскове в **тюрмѣ** лет 24» [3, с. 76]. Это явный анахронизм, объясняемый, вероятно, желанием переписчика XVII в. уточнить непонятное уже значение слова «поруб», причем ниже следует подобное же объяснение значения слова «правда» актуальным для XVII в. словом «судебник»: «В лѣто 6567-го. Преставися князь Ярослав, иже Правду устави судебник» [3, с. 76]. Описание данного эпизода во всех остальных летописях содержит только слово «поруб» (иногда «погреб»).

Далее, тюрьма упоминается при описании содержания плененного Родослава (Ярослава) Ольговича Рязанского в Литве. Можно вы-

прежних трудов... мы имели уже случай выяснить, что московское законодательство развивается путем практики. Прежде чем какое-либо право попадет в судебник или уложение, оно действует на практике в силу частных распоряжений» [21, с. 197].

делить два летописных известия по данному событию – краткое и пространное.

Краткое известие не содержит подробностей о содержании Родослава Ольговича. Приведем известие Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный список, ок. 1441 г.): «Воеваше князь Рослав Олгович Рязяньский землю Литовскую, и князь Семёнъ Олгердович, наихавъ на него, самого князя Рослава изима и приведе князю Витовту» [1, с. 397]. Краткое известие содержится также в летописях Авраамки [8, с. 147] и Никоновской [7, с. 188].

Пространное известие имеет ряд новых подробностей – содержание в тюрьме/темнице, окование, срок заключения в 3 года, выкуп 2000 руб. Приведем сообщение Софийской первой летописи старшего извода (Список М.А. Оболенского кон. 70-х – нач. 80-х гг. XV в.): «ходиша кн(я)зь Ярославъ Олгович резаньскийи на Брянскъ ратью, и срѣтоша кн(я)зи его литовскийи... и ту изымаша кн(я)зя Ярослава, и приведоша его к Витовту, и ведоша его в **темницу, г(лаго)лемую тюрмоу**, и быст(ь) в таковѣ нужи 3 лѣта, дондеже Витовтъ взя окупъ на немъ 2000 рублей и отпусти» [4, с. 522]. Выражение «в темницу, глаголемую тюрму» имеется и в следующих летописях: Софийской первой младшего извода, Новгородской 4-й [2, с. 394], Новгородской Карамзинской [18, с. 169], Академическом списке Вологодско-Пермской [15, с. 169], Никаноровской [16, с. 91], Новгородской по списку П.П. Дубровского [19, с. 163].

Можно предположить, что эта формулировка появилась в общем протографе всех вышеуказанных памятников – Своде 1418 г. Однако, имеются следующие сомнения:

1. Список М.А. Оболенского Софийской первой летописи, как самый ранний, где имеется выражение «темницу, глаголемую тюрму» создан после 1471 г. (первое упоминание о тюрьме в Москве), соответственно, можно предположить это – анахронизм. Данный вопрос могли бы прояснить списки Новгородской 1-й летописи младшего извода, Рогожского летописца и летописи Авраамки, созданные между 1402 и 1471 гг., однако в них содержится краткое известие, а в Рогожском летописце пропущен 1402 г. Неопределенность вносит и анализ белорусско-литовских летописей, где слово тюрьма не встречается, а описание событий 1402 г. в целом соответствует пространному летописному известию [9, стб. 49].

С уверенностью можно утверждать, что краткое и пространное известия происходили из разных протографов, что подтверждается следующим. В летописях Новгородской 4-й [2, с. 391], Новгородской

Карамзинской [18, с. 93], Новгородской по списку П.П. Дубровского [19, с. 163] имеются и краткое и пространное известие одновременно (краткое в начале, а пространное в конце описания 6910 г., а в Карамзинской – краткое в первой выборке, а пространное во второй).

2. В описании пленения Родослава Рязанского в летописях Ермолинской [12, с. 138], Московском летописном своде конца XV в. [14, с. 231], Типографской [13, с. 169], Софийской 2-й [5, стб. 10], Уваровской (Свод 1518 г.) [17, с. 254], Симеоновской [10, с. 150], Вологодско-Пермской [15, с. 169], Львовской [11, с. 220], Воскресенской [6, с. 75], и Своде 1497 г. [17, с. 90] использована формулировка «в темницу», а в Сокращенных летописных сводах 1495 г. [16, с. 339], и 1493 г. [16, с. 263] – «в тюрьму». С одной стороны, это позволяет предположить, что «в темницу, глаголемую тюрьму» появилось как объяснение нового и незнакомого новгородцам термина, с которым они познакомились после событий 1471 г. (ведь все дошедшие списки Новгородских и Софийских летописей датируются не ранее 1471 г., а оригинал Свода 1418 г. не сохранился). С другой стороны, сомнительно, что при создании всех списков Софийской первой и Новгородской 4-й летописи в 70-80-х гг. XV в. добавлялась фраза «темницу, глаголемую тюрьму». Представляется более вероятным, что в летописях, созданных на территории Московского государства слово «тюрьма» было к 80-м гг. XV в. уже знакомым и объяснение «глаголемую тюрьму» было опущено, а в сокращенных сводах даже заменено на «тюрьму».

3. Можно выдвинуть предположение, что при Витовте было заимствовано ср.верх.нем. слово «turm», которое при составлении Свода 1418 г. было новинкой для новгородцев. Однако, в белорусско-литовских летописях оно не упоминается, а используются слова «темница», «вязень» и др. Что касается Литовской метрики, то анализ ее на предмет употребления терминов, обозначающих лишение свободы не проводился. Существует, также второе упоминание тюрьмы применительно к Великому княжеству Литовскому в московских летописях Ермолинской [12, с. 146] и восходящих к ней Софийской 2-й [5, стб. 46] и Львовской [11, с. 232]. Так, в Ермолинской летописи (Ермолинский список кон. 80-х – нач. 90-х гг. XV в.) при описании освобождения Свидригайло Ольгердовича князем Дашко из Кременца указывается: «сѣдѣвша поль 9 года въ тюрмѣ, выняша» [12, с. 146]. Интересно, что в остальных летописях употребляется формулировка «из желез высек» (самое раннее в летописи Авраамки [8, стб. 168]). По злой иронии описание данного эпизода отсутствует в Новгородской первой летописи младшего извода и в Рогожском летописце, поэтому установить его

аутентичность не представляется возможным.

Таким образом, можно выдвинуть две версии происхождения первого упоминания тюрьмы в русских летописях:

1. Слово «тюрьма» использовалось при Витовте, что отразилось в Своде 1418 г. и неизвестном нам источнике Ермолинской летописи и по неизвестным причинам перестало использоваться после смерти Витовта, а также не отразилось в Литовском летописании.

2. Т.к. тюрьма впервые упоминается в Московском летописании под 1471 г. и отсутствует при описании событий в Московском государстве во всех списках русских летописей, созданных до этой даты, можно предположить, что новгородцы познакомились с ним после возвращения уведенных из старой Русы «иных многих», уведенных «на Москву в тюрьму», что отразилось при создании списков Новгородских и Софийских летописей.

Уточнение этих предположений требует исследования нелетописных источников и поможет подтвердить «немецкую» или «тюркскую» версии происхождения слова «тюрьма».

1. ПСРЛ. Т. 3. М., 2000 (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов).
2. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000 (Новгородская четвертая летопись).
3. ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000 (Псковские летописи).
4. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000 (Софийская первая летопись старшего извода).
5. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001 (Софийская вторая летопись).
6. ПСРЛ. Т. 8. М., 2001 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку).
7. ПСРЛ. Т. 11. М., 2000 (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью).
8. ПСРЛ. Т. 16. М., 2000 (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки).
9. ПСРЛ. Т. 17. М., 2008 (Западнорусские летописи).
10. ПСРЛ. Т. 18. М., 2007 (Симеоновская летопись).
11. ПСРЛ. Т. 20. М., 2004 (Львовская летопись).
12. ПСРЛ. Т. 23. М., 2004 (Ермолинская летопись).
13. ПСРЛ. Т. 24. М., 2000 (Типографская летопись).
14. ПСРЛ. Т. 25. М., 2004 (Московский летописный свод конца XV века).
15. ПСРЛ. Т. 26. М., 2006 (Вологодско-Пермская летопись).
16. ПСРЛ. Т. 27. М., 2007 (Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века).
17. ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963 (Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г.).
18. ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002 (Новгородская Карамзинская летопись).
19. ПСРЛ. Т. 43. М., 2004 (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского).

20. *Реент Ю.А.* История УИС и органов юстиции России. Рязань, 2013.
21. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 3.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.; Л., 1949.
23. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.

УДК 94(47).042

В.Д. Назаров¹

О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства

Ярославское стольное княжество; Моложское княжение; Кубена и Заозерье; Московское великое княжество; служилые князья; территориально-клановая корпорация служилых князей; служилые князья с индивидуальным статусом; государев двор; городская корпорация служилых бояр и детей боярских; писцовые книги Ярославля Р. Алексева.

В работе последовательно и системно изложены процессы утраты государственно-политической самостоятельности Ярославским княжеством в целом и отдельными его частями: Моложским княжеством, Кубеной и Заозерьем, исторической частью Ярославского княжения. Несмотря на крайнюю ограниченность источниковой базы автор предпринял попытку выявить специфические особенности перехода этих регионов и местных князей под власть московских государей. Широкое использование ретроспективных данных позволило выйти за пределы XV в. и наметить тренд в социальных судьбах ряда ветвей княжеского дома Ярославских Рюриковичей. Но основные преобразования произошли во второй трети XV в., а результаты перестройки традиционных государственно-политических институтов и социальных связей стали ясными к концу XV столетия.

Утрата ярославскими Рюриковичами статуса владетельных князей (стольных и удельных) давно привлекала внимание историков. Особенно возрос их интерес после публикации в 1910 г. Ермолинской летописи. Ее уникальный текст статьи 1462/63-го сентябрьского года – уникальный по набору сообщаемых фактов, по стилю их изложения и оценки автором – до сих пор порождает дискуссии среди специалистов. Историография вопросов об обстоятельствах, хронологии, формах и следствиях ликвидации самостоятельности Ярославского княжества обширна и заслуживает специального исследования. В рамках нашей статьи целесообразно назвать ряд работ последних десятилетий, посвященных тем сюжетам, которые анализируются ниже.

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), Lev1904@mail.ru.

В последние годы к проблеме места и времени написания Ермолинской летописи обращались Я.С. Лурье и Б.М. Клосс [27, с. 161-163; 22, с. V-VI], оригинальную идентификацию личности «созиратая Ярославской земли», фигурирующего в нарративе, дал К.В. Баранов [13, с. 150-155]; он же вместе с А.В. Антоновым издал жалованную грамоту от 30 января 1463 г., принципиально важную для данной темы [4, № 312, с. 302-303]. Летописные заметки, «Сказание о Спасо-Каменном монастыре» и «Житие Иоасафа Каменского» стали объектом анализа в работах Г.М. Прохорова и О.Л. Новиковой, издавших также тексты этих памятников [48, с. 136-152, текст: с. 155-162; 47, с. 323-327, текст: с. 330-349; 35, с. 39-71, текст с. 88-90]. Исследование истории канонизации ярославских князей-чудотворцев, как она отразилась в разных редакциях их жития и в летописи, представлено в работах Г. Ленхофф и Б.М. Клосса [54, с. 34-53, 74-120; 21, с. 285-297; см. также: 32, с. 11-14]. Общие суждения о характере перемен в поземельных и служебных отношениях в Ярославском княжестве после его перехода под власть Ивана III на основе известий Ермолинской летописи сформулировал Ю.Г. Алексеев [8, с. 63-64 и след.; 9, с. 60-64; см. также: 51, с. 88, 162]. Для понимания объема вотчинных прав ярославских князей на родовые земли уже в «московский период» их жизни актуальны выводы исследования В.А. Кучкина [24, с. 221-227]. История северных владений ярославских князей (их территории и границы, статус, время и обстоятельства их перехода под власть Москвы) по документальным и нарративным источникам ряда вологодских обителей дискутируется в работах О.И. Адаменко и Н.В. Башнина, А.Л. Грязнова и М.С. Черкасовой [1, с. 61-65, 67; 19, с. 178-191; 18, с. 329-389, см. также карты: с. 392-393, 396-399; 53, с. 47-76, см. также публикацию актов: с. 95-101]. В недавней книге А.А. Горский на основе сделанных в литературе наблюдений и данных источников дал классификацию изменений владельческих статусов княжеств XIII-XV вв. по их мотивам, методам реализации, по субъектам «примыслов», в том числе и применительно к разным частям Ярославского княжества [17, с. 95, 129-132]. Ряд аспектов и сюжетов данной проблематики затрагивался нами в предшествующих работах [32, с. 11-14; 30, с. 131-134; 31, с. 293-297; 29, с. 16-35; 33, с. 409-426]. В нашей статье мы постараемся проследить применительно к трем комплексам владений ярославских князей (Молога, Кубена и Заозерье, сам Ярославль с волостями) время, обстоятельства и способы перехода под власть московского правителя в его ипостаси Владимирского великого князя или как главы собственно Московского великого княжения, а также ближайшие и более отдаленные послед-

ствия в характере поземельных отношений и служебных связей.

Моложское княжество

Существование Моложского княжения в качестве самостоятельного государственного образования, а не удела Ярославского княжества, аргументировано предложил В.А. Кучкин. Он датировал его временем не позднее 1360-1370-х гг., предварительно определил его границы и владения князей разных линий из числа молоджских Рюриковичей [25, с. 302-304]. А.А. Горский, правда, не исключил возможность перехода молоджских Рюриковичей на положение служебных князей московских правителей уже к 1375 г. [17, с. 95], но его аргументы вряд ли убедительны. Суммируем документальные и нарративные известия XV в. и ряд ретроспективных сведений источников XVI в. о вотчинах, службах и связях князей Моложских. Уточним. Речь идет о семи фамилиях рода Моложских князей: трех от Федора Михайловича, старшего сына родоначальника клана (кн. Сицких, Судцких или Судских, Прозоровских) и четырех от Ивана Михайловича, второго сына кн. Михаила Давыдовича (кн. Шуморовские, Глебовы, Шамины, Ушатые). По родословным росписям в XV – первой половине XVI в. действовало более 50 членов рода. При этом сведения источников единичны, лапидарны и избирательны.

Так летописи XV – начала XVI в. не знают Мологу ни как центр Моложского княжения, ни как определенную территорию. Неизвестны им и лица из числа молоджских Рюриковичей. Исключение здесь одно: тверская традиция сохранила известие о смерти «кн. Федора Моложского» под 1408 г. [39, стб. 481]. Формат сообщения с указанием точной даты по светскому (6 апреля) и церковному («на память святого отца Евтухиа») календарю, а также особых обстоятельств (князь умер «в мнишеском чину») дает основания считать его главой формально самостоятельного княжества.

Аналогична ситуация с княжескими договорами и завещаниями: в них не фигурируют ни Моложские князья, ни их родовые владения. Официальные и частные акты также не знают вотчин представителей клана в XV в. Немногочисленные упоминания их служб относятся к середине XV в. и к его последнему десятилетию. Первое свидетельство содержат синодики ряда соборных храмов с записями лиц, погибших в сражении с ордынцами под Суздалем 7 июля 1445 г. В синодике московского Успенского собора налицо 7 имен, в синодике Успенского собора в Ростове – пять. Более точной следует признать запись в ростовском памятнике. Это кн. И.Ф. Прозоровский и Г.И.

Шуморовский из старшего поколения, братья кн. Б.С. и П.С. Моложские (от Петра пошла фамилия кн. Сицких), кн. Ю.И. Прозоровский в следующем колене рода. В московском тексте указаны также два сына последнего, кн. Ф.Ю. и А.Ю. Прозоровские. Но это ошибка: и тот, и другой известны источникам конца XV в. [37, с. 172, 196]². Для оценки этого факта существенны следующие обстоятельства. В источнике названы только молоджские князья двух поколений и двух ветвей (от братьев Федора и Ивана Михайловичей). Иных ярославских Рюриковичей в синодике нет. Кроме них в перечне указаны кн. Б.В. Суздальский (из второй линии старшей ветви рода) и кн. Д.Д. Палецкий (из младшей ветви клана стародубских Рюриковичей) – несомненные служилые князья Василия II. Соответственно, к 1445 г. Моложские князья превратились в территориально-клановую группу служилых князей московского правителя. Их постепенное вращение в разных сферы жизни московского общества фиксируют случайные свидетельства их повседневных связей. Вот кн. С.А. Шуморовский свидетельствует жалованную грамоту с вкладом в Троице-Сергиев монастырь кн. Шехонских, своих дальних сородичей (акт датируется 1430 – началом 1440-х гг.) и он же вскоре принимает постриг в обители под именем инока Сергия. Сын троицкого дьяка где-то в середине XV в. стал холопом кн. В.Ф. Ушатого, двоюродного брата кн. Семена-Сергия. Он же и его младшие братья К.Ф. и И.Ф. Бородатый Ушатые фигурируют в качестве кредиторов и свидетелей в завещаниях представителей старомосковского боярства (Морозовых, Плещеевых) в 1490-е гг. [5, № 102, с. 82, № 204, с. 145, № 391, с. 284, № 562, с. 442, № 612, с. 523, 525].

Регулярные воеводские назначения кн. Ушатых, Прозоровских и немного позже кн. Сицких известны не позднее 1492 г. (поход на Северу). Подчеркнем следующее: все представители Моложского клана были исключительно великокняжескими воеводами, обычный их уровень – 2-й или 3-й воевода не в основных полках войска; незаметна какая-либо их специализация на том или другом театре военных действий [49, с. 22, 23, 24, 29, 30, 33-36, 38-43, 45, 47 и др.]. Но с точки зрения истории этой корпорации показательнее их место в учетной документации государства двора, начиная с конца XV в. В свите дочери Ивана III, княжны Елены, выданной замуж за литовского великого князя Александра, названы в январе 1495 г. из всех ярославских

² Ранее мы ошибочно считали известие московского синодика верным. Ошибочно также упоминание в нем кн. Юрия Даниловича Ярославского – такого персонажа родословия ярославских Рюриковичей не знают.

Рюриковичей только князья Моложские – кн. И.Ф. Ушатый Большой и его брат Иван Бородатый, двоюродные братья кн. Ф.Ю. Прозоровский (Судский) и кн. М.А. Прозоровский, их троюродный брат кн. Б.П. Моложский. В походном списке двора Ивана III в Новгород осенью того же года фигурирует в перечне княжеских территориально-клановых групп корпорация ярославских Рюриковичей. В ней 11 персон, в том числе 3 представителя рода Моложских князей. Это кн. К.Ф. Ушатый (старший брат двух Иванов Ушатых), кн. А.Ю. Прозоровский (Судский) и его троюродный брат, кн. Ф.П. Сицкий. В разряде свадьбы дочери Ивана III Феодосии с кн. В.Д. Холмским названы четверо ярославских Рюриковичей, в том числе кн. Ф.П. Сицкий [50, с. 164; 49, с. 16, 17, 26].

Эти данные сигнализируют о важной перемене в характере служебных связей моложских Рюриковичей. Если в середине XV в. они были обособленной от Ярославля родовой корпорацией служилых князей московского правителя, то к концу века они стали частью общеродовой корпорации служилых ярославских князей. Таковыми они оставались и в середине XVI в.: и в Тысячной книге, и в Дворовой тетради Моложские князья фигурируют исключительно в общих перечнях Ярославских Рюриковичей. Этот статус остался неизменным и после передачи г. Мологи (и соответствующей территории) в Угличский удел кн. Дмитрия Ивановича не позднее 1504 г. В таких ситуациях действовала другая норма завещания Ивана III: «А которые князи служебные в Московской земле и во Тферской земле, и те князи все служат сыну моему Василию, а вотчины свои держат по тому, как было при мне». Отъезд такого князя от Василия III означал конфискацию их владений в пользу московского правителя. Показательный пример: во втором походе на Смоленск (1512-1513) полк Левой руки возглавил кн. Дмитрий, но среди великокняжеских воевод полка назван кн. И.Ф. Ушатый (неясно, какой из двух) [20, № 89, с. 373, 360; 49, с. 49; 52, с. 57, 62-63, 120-123]³. Добавим, что в данных о дворе кн. Дмитрия упоминаний Моложских Рюриковичей нет.

Несколько слов о родовых вотчинах моложских князей. Отметим следующее. О них сообщают источники XVI в. (то есть они сохранялись в течение 100-150 лет), которые фиксируют территориальную их близость, известную фамильную поземельную спаянность, а в ряде случаев большие размеры владений. Вот примеры. В 1520/21 г.

³ Однако конфликты удельного князя со служилым князем Василия III (с кем-то из кн. Ушатых) происходили и вызвали неудовольствие монарха (см.: [2, № 291, с. 530-531]).

душеприказчики кн. А.Б. Глебова (из кн. Шуморовских), его родичи кн. И.М. Шамин (двоюродный брат) и кн. С.Ф. Сицкий (четвероюродный племянник) передали в Троице-Сергиеву обитель село и пять деревень, а одним из свидетелей стал кн. Ю.Ф. Сицкий Меньшой (родной дядя одного из душеприказчиков). В грамотах середины 1560-х гг. по поводу запрета торгов в ряде моложских владений названы вотчины кн. И.Ф. Судского (Меньшого), вдовы его старшего брата Аграфены Судской, ее зятя, кн. С.Д. Палецкого и шести кн. Прозоровских: братьев кн. Михаила и Никиты Федоровичей, их дяди кн. Ивана Андреевича и трех его сыновей. Перед нами территориальное соседство близких родственников: кн. Судские были старшей линией в фамилии Прозоровских и приходились сыновьям кн. Ивана Андреевича троюродными братьями. Масштабы родовой недвижимости в ряде случаев впечатляют. Кн. И.Ф. Судской Большой в своем завещании 1545/46 г. распорядился примерно 17-18 владельческими комплексами: жене и двум дочерям он завещал 9 владений, остальное передавалось на волю великого князя с пожеланием заплатить долги и подтвердить заупокойные вклады двух сел в Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Жене и дочерям он завещал 68 семей холопов и «страдных людей». Не менее выразителен вклад кн. И.В. Ушатого Большого в Троице-Сергиеву обитель на с. Коприно в 1544/45 г. По описанию 1567-1569 гг. в вотчине считалось село, 37 деревень и 25 починков, 1200 дес. паханных земель разного качества, с большими угодьями, «поверстным» лесом и рыбными ловлями. По данным Боярской книги 1556 г. размеры вотчин кн. Д.Ю. Сицкого должны были превышать 2200 дес., а кн. С.Ю. Меньшого Ушатого – 3700 дес. [3, № 191, с. 190-191, 325 (наш комментарий); 7, № 136, с. 156-158, № 142, с. 169-170; 26, № V, с. 13-18; 38, с. 147-152; там же, с. 181-192 (монастырское описание с. Коприна 1592/93 г.); 11, с. 111, 112].

Итак, не позднее второй четверти XV в. Моложское княжество (бывший удел Ярославского княжения в XIV в.) теряет самостоятельность, местные князья-«вотчичи» к 1445 г. становятся служилыми князьями московских монархов. Молчание источников относительно Мологи (см. выше) свидетельствует о включении Мологи (города и территории) в состав домена великокняжеского стола во Владимире, так что ни в завещаниях, ни в княжеских договорах не возникал повод для специального упоминания Мологи. Способ включения остается неясным, но, скорее всего, то был добровольный переход моложских князей, возможно, с элементами продажи (Иван IV называл в упомянутых грамотах владения кн. Судских и Прозоровских «своими царе-

выми селами и деревнями» и одновременно «отчинами» этих князей). Полагаем, что этот переход получил какую-то санкцию в Орде и выход с этих земель платился. Последующее служебно-учетное «воссоединение» с ярославскими Рюриковичами повлекло после 17-летнего пребывания Мологи в Угличском уделе и ее административную «реставрацию»: в середине XVI в. она стала, правда временно, частью Ярославского уезда. Статус служилых князей моложских Рюриковичей способствовал, на наш взгляд, сохранению за ними устойчивых родовых вотчин. Их «государя», московские князья были заинтересованы в этом по политическим, социальным и военным мотивам.

«Отчины Заозерские и Кубенские»

Сведения об этой удаленной части Ярославского княжества сохранили документы и нарративы. Их немного, к тому же не все они поддаются однозначному толкованию. Детальные историко-географические разыскания О.И. Адаменко и Н.В. Башнина, М.С. Черкасовой, а особенно А.Л. Грязнова [1, с. 61-65; 53, с. 47-76; 18, с. 332-389, карты на с. 392-393, 396-399] позволили намного точнее определить состав и границы ярославских владетельных комплексов, дать новую интерпретацию ряда сюжетов их политической истории. Но вопросы остаются. Вот, например, когда и для кого вотчины ярославских Рюриковичей к востоку от Кубенского озера стали Заозерьем?

Суммируем факты. По разным источникам в этом регионе где-то в 1410-1430-е гг. вотчинами владели три представителя ярославских Рюриковичей. Это кн. Федор Васильевич, кн. Дмитрий Васильевич и кн. Иван Дей Дмитриевич. Первому принадлежали владения в бассейне р. Кубена, ее правых (р. Кихть и др.) и левых (р. Сянжема) притоков, за вычетом сравнительно небольших территорий в месте впадения р. Кубены в Кубенское озеро и левобережья в нижнем ее течении [6, № 272, с. 286 (жалованная грамота кн. Даниила Александровича Пенко, внука кн. Федора, Спасо-Каменному монастырю)]. Эти земли, а также восточное побережье озера к северу и к югу от устья р. Кубена были владениями Дмитрия Васильевича. В летописных заметках по истории Спасо-Каменного монастыря конца XV в. (О.Л. Новикова считает их автором Паисия Ярославова) эти территории называются его «уделом», его «вотчиной Ярославской» [35, с. 65-71, 88]. В родословии кн. Дмитрий именуется «Заозерским». Южное и юго-западное побережье Кубенского озера, соседние с этим побережьем земли (то, что в середине XV в. и позднее называлась Кубеной) принадлежали кн. Ивану Дмитриевичу Дею. Он отдал это владение в приданное за до-

черью, выданной замуж за сына кн. Дмитрия Заозерского [37, с. 50, 54]⁴.

Каковы родственные связи у названных лиц? Кн. Федор и кн. Дмитрий – родные братья, второй и четвертый сыновья стольного ярославского князя Василия Васильевича. Кн. Иван Дей приходился им двоюродным племянником: он был внуком кн. Романа Васильевича, самого младшего родного брата кн. Василия Васильевича. Но в этом кратком перечне нет очень многих близких родственников кн. Федора и Дмитрия. Нет никого из потомства кн. Глеба Васильевича, младшего родного брата кн. Василия Васильевича, а у него было три сына и не менее девяти внуков. Уже упомянутый кн. Роман Васильевич имел четырех сыновей и как минимум десять внуков, но только кн. Иван Дей какое-то время владел Кубеной. Из четырех линий старшей ветви ярославских Рюриковичей (потомство четырех сыновей стольного кн. Василия Васильевича) представители первой (от кн. Ивана Васильевича) и третьей (от кн. Семена Васильевича) линий не владели вотчинами в регионе. Из этого, скорее всего, следует, что эта территория по тем или иным причинам не подверглась родовому разделу между тремя сыновьями стольного кн. Василия Давыдовича – кн. Василием, кн. Глебом и кн. Романом. Но, возможно, стала объектом лишь частичного раздела между кн. Федором Васильевичем (от него пошла вторая линия старшей ветви ярославских Рюриковичей) и кн. Дмитрием (основатель четвертой линии старшей ветви). Причем кн. Федор был стольным князем Ярославского княжества (после старшего брата Ивана), владения же кн. Дмитрия определялись младшими современниками как «удел» (см. выше). В таком контексте статус владения Кубеной кн. Иваном Деем остается неясным.

Учтем также следующее обстоятельство. В текстах 1430-1460-х гг. Кубена и Заозерье фигурируют как части (в текстах 1440-х гг. как «половины») некоего, видимо, когда-то целостного комплекса. В грамотах XV-XVI вв. кн. Александра, единственного сына кн. Федора Васильевича, его сына Данилы и его внука Василия их земли не имеют обобщающего названия и прямого определения их статуса, хотя

⁴ В родословии мужем дочери Ивана Дея назван кн. Андрей Дмитриевич. Известно, что он принял постриг в Спасо-Каменном монастыре, причем если этот факт несомненен, то время и его возраст, когда он стал иноком Иоасафом, не могут быть определены сколь-нибудь точно из-за крайней противоречивости и туманности поздних источников (так называемое «Сказание о Спасо-Каменном монастыре», «Житие Иоасафа», северные летописные памятники XVII-XVIII в.). Многие исследователи считают, что мужем дочери кн. Ивана Дея стал третий сын кн. Дмитрия Семен.

признаки суверенного княжеского владения несомненны [53, с. 97; 6, № 263-265, с. 280-282, № 267, с. 283, № 271-272, с. 285-287]. Размеры принадлежавших им территорий, судя по картам и локализациям А.Л. Грязнова, в несколько раз превосходили земли удела кн. Дмитрия и Кубену. При этом весьма вероятно предшествующее территориальное единство Заозерья кн. Дмитрия и владений кн. Федора Васильевича под властью одного князя. Считаем также возможным такое же единство Заозерья и Кубены⁵. Если с этим согласиться, то не исключено, что «Большое Заозерье» (владения кн. Федора и кн. Дмитрия), а также Кубена были доменом Ярославского стола, частичное же его дробление произошло где-то в первой четверти XV в., возможно, в связи с переходом стола к Федору. Позднее его земли в этом регионе приобрели статус личных владений стольного князя Ярославского, а потому в этом качестве и неизвестны официальным текстам московских великих и удельных князей (о дальнейшей эволюции см. ниже).

Серьезные перемены наступили в годы династической войны московских Рюриковичей, в которой кн. Александр Федорович Ярославский был верным союзником Василия II. Первый эпизод, в который оказались втянутыми ярославские князья, произошел зимой 1435 г. После поражения в январе кн. Василий Юрьевич Косой неожиданно атакует великокняжеских воевод в Вологде, захватывает их, ограбив, в плен и затем отправляется в Заозерье и занимает его административный центр. Попытка кн. Федора Дмитриевича Заозерского (именно так он именуется в Ермолинской летописи) атаковать его «изгоном, без вести» провалилась – его отряд был разбит, сам князь бежал, а Василий Косой перехватывает на Волочке мать кн. Федора, ее дочь и двух снох [41, с. 148]. Небольшой по объему текст содержит значимую информацию. Полное именованное кн. Федора с владетельным титулом говорит о том, что его отца уже не было в живых, а наличие двух снох фиксирует (наряду с действиями кн. Федора) социальную и политическую зрелость двух сыновей кн. Дмитрия Заозерского. Скорее всего, уже состоялся брак кого-то из княжичей с дочерью Ивана Дея, а значит, раздел родовых и приобретенных вотчин. В мае 1436 г. Василий Косой был разбит, арестован и ослеплен: по данным обеих редакций Устюжской летописи Василий II приказал

⁵ По А.Л. Грязнову, юго-восточное побережье Кубены было частью ростовского Бохтюжского княжества, что и разрывает единую территорию Заозерья и Кубены [18, с. 343, 392, 397]. Полагаем недостаточным его аргумент об идентичности церковной и светской принадлежности Никольской Святолуцкой обители Ростовскому княжению и Ростовской архиепископии, которой распорядилась великая княгиня Мария Ярославна.

«вынуть очи» своему противнику, узнав о захвате плен кн. Александра Ярославского с женой вятчанами (они были наиболее боеспособной частью сил Василия Косого) и их увозе на Вятку, несмотря на уплату выкупа ярославцами [46, с. 43, 86; описание боя см.: 41, с. 149; 43, с. 252]. Сообщение фиксирует близость отношений московского правителя и ярославского князя (они, скорее, союзно-вассального типа: Василий II «велит» предпринять некие военные действия стольному князю) и пребывание его в столице своего княжения, а не в Заозерьи.

В событиях 1436 г. был еще один сюжет, связанный с Заозерьем. Зимой, когда Василий Косой осаждал Устюг, в Москву к великому князю прибыл с приглашением на свадьбу в Углич кн. Дмитрий Юрьевич Шемяка, его невестой была Софья, дочь кн. Д.В. Заозерского. Но Шемяку арестовали, отправили в заключение в Коломну, а после майской победы Василия II освободили. Бракосочетание, судя по всему, состоялось быстро: в договоре от 13 июня 1436 г. великий князь обязывался в случае обнаружения вернуть Шемяке его «приданое, что будет писано по душевной грамоте моего тестя», которое «поимал» Василий Косой [37, с. 21 (имя жены Шемяки Софьи известно из новгородских источников); 41, с. 149; 43, с. 252; 20, № 35, с. 94, 96-97, 99]. Речь идет о зимних событиях 1435 г. и упомянутая в Ермолинской летописи без имени дочь княгини Марии и была нареченной невестой Шемяки. Текст dokonчания лишний раз подтверждает нашу мысль о смерти кн. Д.В. Заозерского до зимы 1435 г.: в ином случае приданое было бы «писано» не в завещании, а в зарядной грамоте (сговор, видимо, состоялся еще при жизни кн. Дмитрия Заозерского)⁶. Исчерпывалось ли приданое движимостью (таков прямой смысл этой статьи в договоре) или же в каком-то виде фигурировала и недвижимость, остается неясным. Но в любом случае у Шемяки появились мотивы для личного интереса к региону.

Судьбы «большого» Заозерья оказались вплетенными в события династической войны 1446-1447 гг. Их последовательность такова. После ареста в Троице-Сергиевом монастыре и ослепления в Кремле в феврале 1446 г. Василий II с женой отправлены в заключение в Углич (в мае к ним отосланы старшие их сыновья Иван и Юрий, в августе родился Андрей). Великим князем стал Дмитрий Шемяка, остававшийся им реально до декабря 1446 г., а формально до февраля 1447 г.

⁶ М.С.Черкасова [53, с. 49] вслед за А.А. Зиминим полагает верным текст Типографской летописи [42, с. 183], где Василия Косого пытается остановить кн. Дмитрий Заозерский и где в плен попадают мать и сестра кн. Дмитрия, а о его дочери и снохах вообще не упоминается. Ошибка летописца здесь несомненна.

Рост социальной напряженности в обществе вынудил кн. Дмитрия пойти на примирение: на церковном соборе в сентябре 1446 г. состоялось «взаимное прощение» двоюродных братьев и пожалование Шемякой Вологды «со всем» Василию II в удел. Заручившись согласием тверского великого князя на союз против Шемяки, «вологодский удельный князь» отправился к союзнику в Тверь из Вологды через Кирилло-Белозерский монастырь и Белоозеро. Отметим, что при таком маршруте он никак не мог миновать территорию Кубены⁷. Военный поход после взятия Углича он завершил в Ярославле, отправил к Шемяке посла с требованием вернуть мать (была возвращена, скорее всего, еще по зимнему пути). В Москву Василий II вернулся 17 февраля. Еще ранее, по нашему мнению, где-то в конце января 1447 г. он заключил договор со своим верным союзником кн. Василием Ярославичем. Но большинство соглашений пришлось на лето – начало осени. В двух из них, в договорах Василия II с кн. Михаилом Андреевичем, сторонником московского правителя (12 июня) и с кн. Иваном Андреевичем, старшим братом Михаила и союзником Шемяки (сентябрь 1447 г.) есть статьи о Заозерье и Кубене [43, с. 264-269; 20, № 44, с. 128, № 48, с. 147, 148].

Вопреки мнению М.С. Черкасовой [53, с. 54-57], оба dokonчания вступили в силу. Соглашение Василия II и Михаила верифицировано печатями обоих князей, следующий их договор, где нет упоминания о Заозерье, датирован 1 июля 1450 г. Так что в течение трех лет кн. Михаил почти наверняка владел пожалованием великого князя. Аналогичная ситуация с договором Василия II с кн. Иваном – он заверен печатями князей, причем писался он на Коломне и не при личной встрече двоюродных братьев. Весеннее же соглашение 1448 г. между ними вообще не касалось вопросов состава владений и Василия II, и кн. Ивана [20, № 44, с. 129, № 48, с. 148, № 51, с. 150-155, № 55, с. 166, 168]. Какую же информацию о Заозерье и Кубене можно извлечь из этих текстов?

У данных сюжетов богатая историография, требующая специального разбора. Сформулируем нашу позицию. Кн. Михаил получил от Василия II, по его выражению (сохранился экземпляр договора от имени кн. Михаила), «в вотчину и в удел (трафаретная формула для такого рода пожалований) половину Заозерья, отчины Заозерских князей половина... как было за отчичи за князи». К этому Василий II

⁷ Полагаем, однако, факт приезда Василия II с семьей в Спасо-Каменный монастырь в ходе своей поездки (о нем сообщают упомянутые выше летописные заметки, Житие Иоасафа, Сказание) маловероятным.

прибавил 100 деревень из великокняжеской «половины того же Заозерья». Предлагались поселения в Кубене, но поскольку «Кубена на сей стороне», то кн. Михаил озаботился обменом добавки: «противу, господине, половины Кубены велети ти, господине, мне отписати Заозерских деревень по пригожу, вместо половины Кубены, из своею половины». Очевидно, что Заозерье кн. Михаила двойственно. В узком значении это территории восточного побережья озера, в широком – в него включена Кубена: она входит в состав великокняжеской половины Заозерья, но ею, судя по всему, не исчерпывается. Ведь кн. Михаил хочет получить от Василия II вместо «половины Кубены» 100 деревень заозерских⁸. Ясно, что великий князь имел право распоряжаться всеми судьбами и Заозерья и Кубены, но административно они были разделены, а их статус несколько различался, в том числе по одному важному пункту. А именно, как уплачивалась ордынская дань. Кн. Михаил обязался «з Заозерья давати ярославским князем в выход и во все пошлины, в ордынские проторы, по старине, как давали заозерские князи ярославским князем» в случае, «коли... придет посол татарской в Ярославль» [20, № 44, с. 128].

Иная ситуация с князем Иваном Можайским. Он получил от Василия II «половину Заозерья кубенских князей ... в отчину»⁹ (наряду с Бежецким Верхом и Лисиным) и обязывался «с полу-Заочерья давати ми тебе, господине, великому князю по тому, как переже сего давали заозерскы князи ярославским во тцарев выход». Тип пожалования у кн. Ивана менее статусный, изменение адреса уплаты ордынского выхода несомненно [20, № 48, с. 146, 147]. Оно может быть объяснено технологией составления теста договора (выплата с половины Заозерья подстраивались под традиционный порядок уплаты с Бежецкого Верха и Лисина), политическими мотивами (более плотный контроль над недавним противником в чувствительной сфере, ограничение поля его возможных контактов с кн. Александром Ярославским). Наименее вероятен ордынский фактор как причина перемен в статусе Кубены как плательщицы выхода. В любом случае перед нами ситуация, фиксирующая переход Кубены и Заозерья (в его узком значении) из владельческой традиции ярославских Рюриковичей и

⁸ Кстати, возникает вопрос, на который, если не ошибаемся, в историко-географической литературе ответа нет. Территорий Кубены и «малого» Заозерья (без владений кн. Федора Васильевича и его сына Александра) в показанных на картах границах достаточно для размещения 400 деревень?

⁹ Была ли осуществлена «придача» 100 деревень кн. Михаилу и произошел ли их обмен на более удобно расположенные для него поселения, остается неясным.

Ярославского стола на положение земель, юридический и государственно-политический статус которых определяет московских великий князь. Таковы реалии лета-осени 1447 г. Василий II, как видим, не оставил эти территории в великокняжеском домне, а передал их частями и на не совпадающих целиком основаниях московским же удельным князьям. Но были ли эти акты хронологически первыми?

В родословной росписи фраза о получении Кубены в приданое вторым сыном кн. Д.В. Заозерского Андреем заканчивается так: «...и взял у него Кубену князь великий» [37, с. 50]. Отсутствие имени монарха вряд ли следует считать результатом дефекта памяти или простой ошибки писца. В подавляющем большинстве аналогичных случаев в тексте присутствует полное именованное царя или великого князя, причем нередко с кратким титулом. К тому же, не видно мотивов для такой акции у Василия II в период середины 1430-1440-х гг. – стольный кн. Александр Ярославский был его верным союзником по крайней мере в 1435-1436 гг. Тем более их не могло быть в 1445-1446 гг.: после июльского поражения 1445 г. и почти трехмесячного ордынского плена он пробыл на великокняжеском столе не более тех же трех месяцев, а затем арест, ослепление, заключение. Тем более проблема владельческого статуса Кубены не была для него среди насущных задач (внутриполитических и международных) во второй половине февраля – мае 1447 г. Другое дело, если изъятие Кубены уже состоялось и она досталась Василию II вроде бы автоматически. Вспомним, что великим князем Владимирским и Московским в феврале-декабре 1446 г. был Дмитрий Юрьевич Шемяка, что объясняет отсутствие его имени в приведенной выше цитате из родословия. Вот у него интерес и к Кубене, и к Заозерью был, причем разноплановый. Прежде всего, как у мужа дочери кн. Д.В. Заозерского, причем в ситуации, когда не было в живых тестя, и, скорее всего, кого-то из его сыновей. Вторым мотив диктовался логикой борьбы за великокняжеский стол с Василием II, союзником последнего был ярославский стольный князь, да и ярославские Рюриковичи вообще. Была, скорее всего, и третья причина. Шемяка предпринимал определенные меры по ликвидации реставрированных в ходе династической войны традиционных княжеств (в частности, Нижегородско-Суздальского). Предполагаем, что «отнятие» Кубены и, не исключено, изменение статуса Заозерья в силу названных причин произошло в конце весны – начале лета 1446 г.

В сентябре Шемяка на церковном соборе в Угличе примирился с выпущенным из заключения Василием II и дал ему в качестве удела

«в вотчину... Вологду со всем» [43, с. 267-268]¹⁰. Делопроизводственный штамп подразумевал передачу с городом «всех волостей, всех путей и всех пошин, которые тянут к городу». В более развернутом виде в актах давалось перечисление конкретных волостей и слобод. В летописном тексте, понятно, такого перечисления нет. К тому же, весьма сомнительно, что сложившийся и закреплённый документально перечень волостей, тянувших к Вологде как административно-судебному и финансово-налоговому центру, существовал к 1446 г. Особенно учитывая недавний статус Вологды как «сместного» владения Новгород и Владимирского великокняжеского стола. Тем не менее, можно назвать достаточно уверенно ряд владельческих комплексов, переданных Шемякой Василию II вместе с Вологдой. Прежде всего, это Кубена и Заозерье (как вотчина кн. Дмитрия Заозерского), а также волости, лично принадлежавшие матери Василия II, великой княгине Софье Витовтовне – Уфтюшка (она граничила с севера с Заозерьем), Тошна (граничила с Кубеной), соседние с ней Маслена и Янгосар [20, № 21, 22, с. 58, 61, № 57, с. 176]¹¹. Возможно, к Вологде была причислена и Бохтюга. Жалованная грамота Василия II от 4 марта 1448 г. Дионисиево-Глушицкому монастырю фиксирует судебно-административную и налоговую связь Бохтюги с Вологдой и сомнительно, что было полной новостью. Пребывание Василия II на Вологде было недолгим, но вполне достаточным для понимания владельческой ситуации в регионе. Вот почему решения летом-осенью 1447 г. относительно «малого» Заозерья и Кубены были быстрыми: они основывались на недавней традиции (решения кн. Дмитрия Юрьевича) и личном опыте бывшего «вологодского удельного князя» Василия Васильевича. Он продолжил на некоторое время удельно-московскую форму бытия и Кубены, и Заозерья.

Какова же судьба кн. Кубенских и кто из них подразумевался в сентябрьском договоре 1447 г. Василия II с кн. Иваном Можайским? Из родословной ярославских Рюриковичей ясно, что два сына кн. Дмитрия потомства не оставили. Третьему сыну Семену, его потомкам и усвоена в источнике фамилия Кубенских. При этом, владел ли он Кубеною совместно с братом Андреем или же после него, кто из них реально был мужем дочери кн. Ивана Дея, получив Кубену в прида-

¹⁰. В кратких сводах конца XV в. говорится о пожаловании Вологды в удел, в Вологодско-Пермской летописи Шемяка даёт Василию II «Вологду со всем» – [45, с. 273, 347; 44, с. 205].

¹¹ Впрочем, в завещании Софьи Витовтовны Тошна и Уфтюшка специально не упомянуты (возможно, потому что они стали традиционной частью владений великих княгинь) и говорится в «селах Масленских и Ягсарских».

ное – остается неясным. Но кто-то из них (и скорее кн. Семен) был владетельным князем Кубены в диапазоне 10-12 лет, начиная с середины 1430-х гг. (см. выше). Позднейшие документы XV-XVI вв. не отмечают каких-либо вотчин кн. Кубенских в их, можно сказать, родовом гнезде. Но на Ярославщине у них были крупные комплексы. Боярин И.И. Кубенский был казнен «в опале» в июле 1546 г. на Коломне с конфискацией всех его владений. После февральского «собора примирения» 1549 г. развернулась «заупокойная реабилитация», когда согласно завещательным распоряжениям таких лиц в обители от имени царя делались поземельные вклады. В Спасский ярославский монастырь, родовое моление ярославских Рюриковичей, кн. Иван Кубенский завещал два села в Игрицкой волости недалеко от Ярославля [14, № XV, с. 15-16 (жалованная данная грамота Ивана IV от 29.04.1550 г.); 38, с. 161-166 (описание двух сел Михайловского и Балакирева с 34 деревнями; вотчина была крупной, только пахотных угодий насчитывалось ок. 1600 дес.)]. Полагаем, что это родовые, а не приобретенные каким-то иным способом земли, сохранившиеся у кн. Кубенских в отличие от вологодской Кубены. Сведений о кн. Кубенских за вторую половину XV в. совсем немного. Прямых данных о князе Семене Дмитриевиче нет вообще, оба его сына упоминаются в духовных грамотах представителей нетитулованной московской знати (Морозовых, Салтыковых-Травиных) в 1470-1490-е гг. в качестве кредиторов, должников, свидетелей и даже писца завещания. Они получали «именные» воеводские назначения в конце XV – первой четверти XVI в., участвовали в знаковых придворных церемониях и торжествах. Налицо, однако, некоторая неясность в их служебном статусе: в походном списке двора Ивана III 1495 г. имя кн. И.С. Меньшого Кубенского расположено не в составе группы ярославских Рюриковичей, а как бы отдельно, после имен четырех лиц [5, № 374, с. 273, № 501, с. 379, № 612, с. 523, 524; 49, с. 17, 21, 25, 63 и др.]. Впрочем, возможно, имя Кубенского вписывалось в документ несколько позже фиксации имен территориально-клановых групп Рюриковичей и потому оказалось отделенным от сородичей.

«Удельное бытие» Кубены и Заозерья было прервано впервые ок. 1450 г., а затем в 1454 г. после бегства кн. Ивана Андреевича в Литву и конфискации его удела Василием II. Но «удельные судьбы» региона на этом не кончились: в 1462 г. Василий II завещал младшему сыну Андрею Меньшому в удел Вологду «со всем» «и с Кубеной и з Заозерьем со всем», а далее поименно перечислялись 13 волостей, составивших позднее территорию Вологодского уезда. Впрочем, на

удел кн. Андрей был отпущен не ранее 1467 г. по причине своего возраста (он родился в августе 1452 г.), а управляла его землями его мать, великая княгиня Мария Ярославна от своего имени и от имени сына [20, № 61, с. 195; 6, № 256, с. 276-277]. После его смерти в июле 1481 г. Вологда «с Кубеною и з Заозерьем» в уделы больше не отдавались. Судьбы Вологды, Кубены и Заозерья для нашей темы значимы в контексте их воздействия на положение «Большого» Заозерья и его владельца, стольного ярославского князя Александра Федоровича. Оно до 1463 г. (когда произошло принципиальное изменение в статусе и княжества, и ярославских князей) оставалось стабильным. За время с середины 1430-х по начало 1460-х гг. он выдал четыре жалованные грамоты двух типов Спасо-Каменному монастырю [6, № 263-265, с. 280-282, № 267, с. 283 (возможно, что № 265 следует датировать временем после 1463 г.)]. Учитывая его ранг, принадлежавшие ему земли Заозерья надо считать личным владением стольного князя.

Ярославль

Краткий обобщенный очерк включения исторической части Ярославского княжества дан в работе А.А. Горского [17, с. 129-132]. Отметим, что автор отнес к концу 1440-х и к 1450-м гг. не только перемены в статусе Кубены и Заозерья («малого»), но и покупку великой княгиней Марией Ярославной «города» Романова и «Усть-Шокстны» у ряда ярославских князей.

Остановимся на этом эпизоде немного подробнее. Сообщает об этом завещание Василия II. Понятно, что целью упоминания личной сделки княгини была защита ее прав владения от возможных претензий со стороны других наследников, их сыновей. Не было задачи зафиксировать какие-либо особенности акта покупки. В тексте фигурируют объекты сделки и продавцы. Обратим внимание на их состав. Романов продали кн. М.И. Деев, двое или трое неназванных по имени сыновей кн. Льва Даниловича (родной дядя кн. Деева) и кн. Д.И. Засекин, представитель второй ветви потомков кн. Василия Давыдовича – он приходился правнуком кн. Глебу Васильевичу. Кн. Деев и его двоюродные братья были правнуками третьего сына кн. Василия Романа. Кн. С.А. и В.А. Шехонские, продавшие великой княгине «Усть-Шокстны», также приходились кн. Роману правнуками [20, № 61, с. 195]. Согласно наблюдениям В.А. Кучкина, эти территории были ко второй половине XIV в. частью удела кн. Романа Васильевича. Появление в качестве совладельца представителя другой ветви потомков кн. Василия (от Глеба) симптоматично. Это показатель далеко

зашедшего процесса раздробления родовых вотчин («городок» Романов принадлежит четырем или пяти князьям), свидетельство динамики перехода родовых вотчинных прав, от одних князей к другим, «переступая» через границы уделов. Аналогичный случай на примере анализа жалованной грамоты кн. Ф.Ф. Алабышева Толгскому монастырю убедительно реконструировал В.А. Кучкин [24, с. 224-226]: речь идет о собственности представителя старшей ветви на территории бывшего удела потомков кн. Глеба Васильевича, родоначальника второй ветви ярославских Рюриковичей. Это показатель ослабления верховных прав контроля стольного князя в сфере владельческих прав и одновременно ослабления корпоративного единства клана ярославских Рюриковичей.

Фраза в завещании не дает информации о статусе приобретенных владений по отношению к ярославскому стольному князю. Доподымаемся, что хотя бы формально в вопросе об уплате выхода в Орду Романов оставался частью платежной территории дани всего Ярославского княжения.

Полагаем также, что по политическим и семейным мотивам покупка великой княгиней части ярославских владений состоялось после смерти свекрови Марии, великой княгини Софьи в июне 1453 г., после ликвидации удела кн. Ивана Андреевича Можайского и его бегства в Литву летом 1454 г. (его владения по Шексне Василий II также завещал жене), после ареста и заключения родного брата великой княгини, серпуховского удельного кн. Василия Ярославича в июле 1456 г. Предполагаем наиболее вероятным время совершения сделки с лета 1460 г. по февраль 1462 г.

Как видим, основная историческая часть Ярославского княжества также отнюдь не одновременно утратила свою самостоятельность.

Только три летописи содержат рассказ о событиях в Ярославском княжестве в 1462/63 г.: более подробный в Ермолинской летописи, довольно краткий в Сокращенных сводах 1493 г. и 1495 г. По манере подачи, по оценкам происходивших в Ярославле событий, по ряду фактических сведений все они близки. В литературе доказано, что в разделах с 1417 г. по 1472 г. названные летописи восходят к своду 1472 г. Дискуссия начитается с определения места и среды возникновения этого нарратива: А.А. Шахматов и А.Н. Насонов усваивали его ростовской владычной кафедре, Я.С. Лурье связывал происхождения нарратива с Кирилло-Белозерским монастырем, Б.М. Клосс предложил искать составителей свода при дворе великой княгини Марии Ярославны и притом в Ростове [22, с. V-VI; 27, с. 159-161]. Думаем, что

приведенных аргументов для доказательства любой из названных точек зрения пока недостаточно. Но для нас сейчас важно то, в чем исследователи согласны: временная близость составителя или составителей к описываемым событиям начала 1460-х гг., несомненная его/их принадлежность к высокообразованным кругам тогдашнего русского общества, неофициальный характер памятника в целом, притом, что ряд событий изложен критически, если не оппозиционно. Полагаем, что свод 1472 г. вряд ли имел провинциальный адрес своего места рождения (имеем в виду и Ростов, и Кирилло-Белозерский монастырь).

О чем же сообщает Ермолинская летопись? Речь идет о четырех группах фактов. Первая – явление чудотворцев (кн. Федора Ростиславича с сыновьями) и массовые исцеления от их гроба в 6971 г. (не говорится о последующих чудесах). По другим источникам (Успенскому летописцу, одному из источников второй редакции свода 1518 г. и по Житию князя Федора, написанному иеромонахом Антонием) чудеса начались с принесения мощей 5 марта, но их большинство пришлось на время с 3 апреля по 25 июня 1463 г. [41, с. 157; 40, с. 276; 54, с. 258-264]¹². Уже затем в Ермолинской говорится «о прощании» всех ярославских князей «со всеми своими отчинами на век», о том, что они «подавали» их Ивану III, который «против их отчины подавал им волости и села». Здесь необходимы уточнения и разъяснения. Действующих ярославских князей к началу 1460-х гг. было не менее 40-45 чел., так что «полюбовный размен» никак не мог быть реализован за два месяца (июль и август) сентябрьского 6971 г., то есть до конца лета 1463 г. На это были потребны немногие, но все же годы. Далее, автор не сказал главного: ярославские князья – по отдельности и всем кланом (за единичными исключениями) – перешли на службу московскому государю. Именно это стало причиной перемен в отношениях собственности: Иван III как новый сюзерен передавал своим вассалам, ярославским князьям, их же родовые вотчины в качестве своего пожалования под условием службы (с рядом клановых ограничений в обороте подобных вотчин – об этом см.: [29, с. 16-35]). Такие практики хорошо известны и для предшествующих десятилетий (см. выше раздел о Моложских князьях), и для последних десятилетий XV в. (переход на службу к московскому государю кн. Воротынских, Белевских, Мезецких с родовыми землями, пожалование после взятия

¹² Дискуссию между Г. Ленхофф и Б.М. Клоссом о первичности или вторичности известия Успенского летописца см.: [21, с. 285-288, 292-294; 54, с. 95-118].

московскими войсками Вязьмы кн. Вяземских их же родовыми землями под условием службы [45, с. 289, 292-293 и др.]).

Эти перемены означали также утрату кн. Александром Федоровичем (последним стольным князем Ярославля) своего статуса главы самостоятельного княжения. Родословные росписи двояко говорят об этом факте: по одной версии он «продал Ярославль», по другой – «при нем и Ярославль отошел» [41, с. 168; 37, с. 49. В других сходных текстах «отошел на великого князя»; см. также: 24, с. 219]. Оставляем сейчас в стороне вопрос о времени и формы санкции ханами Большой Орды присоединения Ярославля к Московскому великому княжеству. Полагаем, что в той или иной форме она состоялась. А.А. Горский предложил новую трактовку причин неудачного в итоге похода хана Махмуда на Русь в 1465 г. Основным мотивом он посчитал присоединение Ярославля к Москве без ханского разрешения. Такая интерпретация хода событий не исключена, но автор в итоге не дает ответа на вопрос: после 1465 г. Иван III какую-то санкцию на присоединение Ярославля получил или же не получил? [17, с. 131-132]. Но что, собственно, продал кн. Александр Федорович? Речь могла идти о его верховных правах в отношении всей территории княжества, о домене ярославского стола, о его родовых землях как представителя старшей (правлящей) линии в старшей ветви ярославских Рюриковичей, наконец, о его праве-обязанности собирать и уплачивать в Орду выход.

Полагаем, что из перечисленных объектов акта «купли-продажи» могли иметь реальный денежный эквивалент только территории домена и личные земли кн. Александра. Последние за кн. Александром и потомками, скорее всего, сохранились: о Заозерье («большом») это известно точно (см. выше), о наличии таких владений в исторической части Ярославского княжества есть косвенные данные. К маю 1562 г. кн. И.В. Пенков (последний мужской представитель этой фамилии ярославских князей, правнук по прямой нисходящей линии кн. Александра) и его мать владели огромной вотчиной в Переяславском уезде – 2 селами, более 100 деревнями и починками (числилось всего 6 пустошей), пахотные, сенокосные и иные угодья занимали ок. 5000 дес. (центр – село Сигорь). Более 2/3 владения кн. И.В. Пенков отдал в 1562 г. в «родовое моление» Спасский Ярославский монастырь в качестве вклада по отцу, дяде (кн. И.Д. Пенкове) и всему роду. Вотчина в Переяславле была за кн. А.Д. Пенковым уже к июлю 1504 г. (указание на старшего сына как владельца говорит, скорее всего, о том, что к этой дате кн. Даниила Александровича Пенкова не было в живых) [14, №№ XXVI-XXIX, с. 32-39; 20, № 94, с. 377; 42, с. 188]. Кн.

Александр Федорович умер 17 апреля в Ярославле [24, с. 220]. Догадываемся, что обмен родовых владений в Ярославле кн. Даниила (единственного сына кн. Александра) на вотчину в Переяславле состоялся по инициативе Ивана III между 1471 и 1503 гг. Иначе трудно объяснить вклад именно этой вотчины (у кн. Пенкова имелись и другие владения) в фамильный монастырь, не забудем, что кн. Александр Федорович был в нем погребен. Показательно и благожелательное отношение властей к этому очень большому вкладу служилого князя в монастырь. С января 1562 г., когда был принят приговор, крайне затруднивший и сильно ограничивший все операции служилых князей с родовыми вотчинами, в том числе и с монастырями, к маю 1562 г. не прошло и полугодия. Так что вопрос о выплате каких-то денег ярославскому князю Иваном III остается открытым, а по состоянию источников вряд ли он будет когда-либо закрыт.

Следующая информация Ермолинской летописи относится к предыстории. Как и ранее, фактическое содержание передано с нескрываемой иронией. Дьяк великого князя Алексей Полуектов уподоблен церковному иерарху – он «печаловался» Василию II (именно владыки обладали традиционным правом заступничества за опальных) о ярославских князьях, чтобы «отчина та не за ними была» [41, с. 158]. Ю.Г. Алексеев на этом основании вводит дьяка в ближайшее окружение Василия II [10, с. 163], что на наш взгляд, весьма сомнительно. Никаких иных документальных и нарративных следов приказной или посольской активности А. Полуектова в 1450-е гг. нет. Отсутствуют прямые свидетельства подобной его деятельности в 1460-е гг., до его опалы в 1467 г. [10, с. 181-182, 15, с. 420-421]. Впрочем, фактическая основа скорее всего достоверна и Полуектов мог подать подобный совет в соответствующей ситуации. К примеру, при покупке великой княгиней «городка» Романова.

Последняя часть рассказа посвящена сатирическому описанию насилий, чинимых уже над нетитулованными ярославцами новым чудотворцем, неким Ионанном Агафоновичем. Он конфисковывал «добрые села и деревни», отписывая их на великого князя, а к тому же «записал» тех, «кто будет сам добр, боярин или сын боярской», не уточнив, правда, адреса записей [41, с. 158]. Но если отбросить иронию и критический пафос (Иоанн Агафонович уподобляется «сущему дьяволу»: последнее слово исполнено простейшей тайнописью), то перед нами весьма масштабная акция по организации военной службы великому князю на новых основаниях. Прежде всего ликвидировались вассальные связи ярославских нетитулованных землевла-

дельцев с ярославскими же Рюриковичами. Надо думать, что формула «сам добр» включала набор показателей, гарантировавший конную военную службу – физическое состояние и наличие материального обеспечения в виде достаточной земельной собственности. Это предполагало не конфискационные по преимуществу действия, а наоборот, документальное закрепление от имени великого князя владельческих прав всех нетитулованных ярославских вотчинников. Последнее предполагает описание ярославских земель с составлением писцовой книги, которая становилась для новых властей авторитетным документальным свидетельством прав собственности. Единичные факты подтверждают такую интерпретацию летописного рассказа.

Жалованная грамота от 23 марта 1464 г. дана от имени Ивана III братьям Леонтию и Василию Алексеевым на «их» три села и предоставляет им весьма обширный финансовый (за исключением дани) и судебно-административной (за исключением дел о душегубстве) иммунитет. Ограничений два: обязательная служба великому князю (любой отъезд означал конфискацию владений) и запрет на прием «тяглых письменных людей» великого князя, что естественно в таких конкретных условиях. Добавим, что речь идет о сыновьях боярина ярославского кн. Александра Федоровича Алексея Ярославича [генеалогию Ярославских см.: 23, с. 230-232; 4, с. 340-342, комментарии к грамоте А.В. Антонова и К.В. Баранова], что села располагались в Черемошской волости, и что вотчины Ярославовых оказались устойчивыми. Леонтий и его сыновья владели одним или двумя селами пока были живы, до начала 1520-х гг., за потомками Василия село Нестеровское числилось спустя сто с лишним лет [4, № 146, с. 120, № 312-313, с. 302-304; 38, с. 145-146]. В грамоте Ярославль назван «моей вотчиной великого князя» – это первое на сегодняшний день датированное свидетельство такого рода.

Указание на ярославскую писцовую книгу и цитату из нее находим в правой грамоте 1500/1501 г. Поземельный конфликт между черносошными крестьянами Черемошской волости и вотчинниками, тремя братьями Григорьевыми, судил ярославский писец Я.Д. Морозов. Истцы, черносошные крестьяне, обвиняли в незаконном захвате и хозяйственном использовании на протяжении 30 лет девяти деревень и отца (Андрея Григорьева), и трех его сыновей. На суде выяснилось, что у истцов нет свидетелей, что они не знают границ спорных территорий, а единственным основанием для иска послужили устные высказывания их отцов. Григорьевы же ссылались на «письмо» Романа Алексеева и показания своих трех свидетелей, помнив-

ших за 40, 50 и 60 лет. По их утверждениям из девяти спорных деревень четыре названы в «книге письма Романа Алексеева», а пять А. Григорьев «поставил на своей земле» уже после описания. Проверка по самой писцовой книге Р. Алексеева подтвердила верность показаний Григорьевых и их свидетелей. Братья выиграли суд, их старожилы указали межи спорным землям и этот отвод позволил Григорьевым через 2 года выиграть аналогичный процесс у кн. Ф.С. Шехонского [4, № 145, с. 113-115].

Если не ошибаемся, исследователи прошли мимо этого уникального известия. Отметим два обстоятельства. Во-первых, книги письма Р. Алексеева были доступны и официально использовались писцами в самом начале XVI в. и при решении судебных дел, и в самом процессе описания. Во-вторых, книги Р. Алексеева довольно точно датируются. Село Андреевское с девятью деревнями существовало не позднее 1470 г. и его отделяло от книг Р. Алексеева (подчеркнем – именно книг, а не самого процесса описания) около 3-4 лет, необходимое время для основания пяти новых деревень. Исходя из сказанного, процесс «письма» и составления книг завершился в 1466-1467 гг., начало же описания относится к осени 1463 г. или к весне 1464 г. Это коррелирует с датами выдачи Иваном III общей жалованной грамоты ярославскому Спасскому монастырю (30 января 1467 г.), жалованной тарханно-несудимой грамоты Марии Ярославны той же обители на деревни в Романове (17 марта 1466 г.), с небольшим комплексом жалованных и указных грамот Ивана III и его наместника в Ярославле, кн. И.В. Стриги Оболенского. Описание затрагивало, кстати, материальные интересы вотчинников в соседних уездах, в частности, Троице-Сергиева монастыря [14, № XXXVII, с. 48-49; 5, № 338, с. 245; 6, № 193, с. 206, №№ 195-197, с. 207-209, № 203, с. 213-214; 30, с. 131-134; 31, с. 293-297].

Сокращенные своды конца XV в. дают второму «чудотворцу по всей отчине ярославской» другое имя в сравнении с Ермолинской летописью – Иван Сухой. Подьячий великого князя Сухой был писцом купчей кн. Д.Д. Холмского на земли в Ружском уезде (грамота датируется концом 1460-х – началом 1470-х гг.) и что существенней – он же писал купчую Романа Алексеевича на село Челобитьево в Московском уезде у дьяка Алексея Горы Филиппова. Впечатляет состав свидетелей сделки: кн. С.И. Ряполовский, в недалеком будущем боярин, зять самого могущественного человека при дворе Ивана III, кн. И.Ю. Патрикеева, Ф.Б. Морозов (из авторитетного старобоярского московского рода) и великокняжеский дьяк Гр. Волнин. Уровню послухов

соответствует изменению в именовании писца – он теперь подьячий «Сухой попов сын Семенов» [45, с. 276, 350 (в своде 1495 г. фраза об Иване Сухом фиксируется, но она зачеркнута); 5, № 383, с. 279, № 415, с. 305 (по совокупности биографических данных грамота датируется или 1476-1479 гг., или 1482-1484 гг.)]. Два вывода очевидны: подьячий Сухой и Роман Алексеев были хорошо знакомы, покупатель же, Роман Алексеевич, явно принадлежал к высокостатусным кругам формирующейся приказной бюрократии в Москве. Его деятельность в качестве ярославского писца вместе с подьячим Иваном Сухим (или просто Сухим) была, надо думать, весьма успешным началом его карьеры. Остальные основные ее факты собраны и проанализированы Ю.Г. Алексеевым [10, с. 201-202 и др.].

Отметим только два момента. В летописном рассказе о походе «миром» Ивана III в Новгород осенью 1475 г. [43, с. 304]. Р. Алексеев назван дворецким (новгородским), но остается неясным, получил ли он это назначение уже будучи дьяком великого князя (что более вероятно) или же его дьяческая карьера последовала после службы дворецким.

Второе сомнение связано с прохождением Р. Алексеева. Основываясь на тексте креста на могиле сына дьяка С. Брадатого, Ю.Г. Алексеев считает Р. Алексеева сыном Алексея Полуектова [10, с. 201]. В принципе, это возможно, учитывая, что родовые его владения были в Ростовском у. [51, с. 121] и что деятельность Р. Алексеева в Ярославле коррелирует с приписываемой Ермолинской летописью ролью А. Полуектова как инициатора политики по ликвидации самостоятельности Ярославского княжества (см. выше). Но определенные сомнения остаются: в известных нам синодиках и поминальных записях А. Полуектова и сыновей Р. Алексеева нет взаимного пересечения имен. И вот что показательно – действия Романа Алексеева в Ярославле оставили, скорее всего, зримый материальный след в его жизни. Его недвижимостью, которую заново делили летом 1511 г. двое его сыновей после кончины их брата, состояла из двух вотчин в Ростове, двух сел в Московском у., села в Боровском у. и «слободки на Волге, в ней 17 деревень» в Ярославском у. [3, №№ 80-82, с. 87-88].

Вряд ли представляет особый исследовательский интерес точная идентификация личности Иоанна Агафоновича или определение мотивов приписывания всех «новых чудес» вероятному подьячему Ивану Сухому в кратких сводах. С одной стороны, статус Сухого вряд ли предусматривал личные решения высокого уровня – конфискация владений, признание негодности к службе и т.п. Сомнительно

также постоянное и деятельное участие в работе писцов самого наместника. Весьма необычную трактовку личности Иоанна Агафоновича, предложенную К.В. Барановым (он увидел в нем псковского посадника с тем же именем, см.: [13, с. 150-155]) не принимаем по одной очевидной причине – такого просто не могло быть. Не мог посол Пскова по собственной инициативе, без санкции московских властей отправиться из Москвы в Ярославль, не мог ярославский наместник, назначенный московским великим князем, самолично поручить исполнение важных функций представителю власти иного, пока еще самостоятельного государственного образования, к тому же не имевшему опыта административной и приказной работы в центральной России. Остается предполагать, что в образе Иоанна Агафоновича составитель Ермолинской летописи соединил неприемлемые для него методы действий, ломавших традиционные политические и социальные устои, всех трех названных выше лиц.

Итак, рассказ Ермолинской летописи и сокращенный пересказ в сводах конца XV в. их общего источника начала 1470-х точно определяют последовательность событий в Ярославле в 1463-1467 гг., внешние формы проводимых перемен (в отдельных случаях и их смысл) и, не принимая в целом этих политических и социальных преобразований, усиливают скорее всего преднамеренно, описание неизбежных отрицательных следствий такого рода действий.

Каковы же результаты происходившей перестройки в ближайшей и среднесрочной перспективе? Первый и очевидный – постепенное и неуклонное формирование двух, не связанных друг с другом служебными и поземельными отношениями корпораций. Одна – это территориально-клановая корпорация служилых ярославских князей, являвшаяся частью двора московского великого князя, аналогичной по главным характеристикам другим корпорациям служилых князей. Вторая – корпорации местных нетитулованных землевладельцев-вотчинников, ярославских служилых бояр и детей боярских, близкая по организации военной службы иным служилым городам/уездам, совокупность которых и составляла главные вооруженные силы Российского государства. Несомненно, процесс становления этих корпораций не был одномоментным, но первые его результаты были заметны уже вскоре. В декабре 1467 г. великий князь направил воеводой «в поход на черемису» кн. Семена Романовича (из старшей линии старшей ветви потомков кн. Василия Давидовича), «а с ним многих детей боярских, двор свой». Весной 1469 г. двоюродный брат кн. Семена кн. Даниил Васильевич был отправлен воеводой на Устюг, а затем

через Вятку на Каму для военных действий против Казанского ханства в поддержку основных сил. И ему Иван III придал «детей боярских, свой двор». Летопись называет имена девяти человек, но никто из них не был связан с Ярославлем (поход был неудачным, кн. Даниил Васильевич погиб). Той же весной 1469 г. «ярославцы» впервые фигурируют в составе великокняжеской рати. В нее Иван III включил «много детей боярских, двор свой», а также «от всеа земли своя детей боярских изо всех градов своих и изо всех отчин братии свое...» [43, с. 279-281]. Полагаем, что ярославских Рюриковичей среди «ярославцев» не было, их надо искать в составе двора упомянутого летописью Ивана III.

Еще выразительнее описание похода 1477-1478 г. на Новгород. В нем ярославцы вместе с ростовцами, угличанами и бежечанами, «которые служат великому князю» (Углич и Бежецкий верх были в уделе кн. Андрея Большого) первоначально входили в состав полка левой руки во главе с удельным князем Андреем Меньшим и воеводой Ивана III В.Ф. Сабуровым (он никак не был связан с Ярославлем). Позднее их с тем же воеводой перевели в состав великокняжеского полка с добавлением галичан [43, с. 311-313; 49, с. 18].

Представление о составе корпорации ярославских служилых князей дает перечень лиц походного двора Ивана III 1495 г. В нем в том или ином качестве фигурируют 15 ярославских Рюриковичей. Уже известный нам боярин кн. Семен Романович, дворецкий Большого дворца кн. П.В. Великий (старший сын кн. В.В. Шестунова, двоюродный племянник кн. Семена Романовича), 11 человек в списке ярославских князей (как бы отдельно, после четырех имен зафиксирован кн. И.С. Кубенский, причем остается неясной причина такого расположения его имени) и двое кн. Шестуновых (младших братьев кн. П.В. Великого) в списке «постельников с постельничими». Из 11 человек двое представляют потомство кн. Глеба Васильевича (кн. Засекины), трое Моложских князей (кн. К.Н. Ушатый, кн. А.Ю. Прозоровский, кн. Ф.Ф. Сицкий) и шесть персон из потомства трех линий от кн. Василия Васильевича. Понятно, что среди нетитулованных детей боярских никаких ярославцев нет за одним примечательным исключением. В перечне постельников указаны «Федор да Ондрей Левонтьевы дети Олексеева», попавшие туда благодаря успешной карьере отца, Л.А. Ярославова. Он превратился из ярославского вотчинника, сына ярославского боярина в авторитетного московского дьяка (в походном списке он назван первым из шести дьяков, его службы см.: [10, с. 202-203]). Нет среди ярославских Рюриковичей в

перечне 1495 г. ни одного потомка кн. Романа Васильевича. Это не случайно. По разным и не вполне ясным обстоятельствам кн. Мортикины, Охлябинины, Хворостинины выбыли из состава клановой корпорации ярославских Рюриковичей – в Дворовой тетради середины XVI в. они записаны дворовыми по Калуге, Кашину, Коломне, Твери, Боровску, Белой, Бежецкому верху [49, с. 24-26; 52 (по указателю)].

Одна из вероятных причин – конфискация их родовых земель, причем мотивы остаются неясными. Один случай как будто указан в завещании Ивана III: он передает Ярославль Василию «и с Ухрою, и з селом Петровским... и слободку Охлябининскую и с мытом...». Но, пожалуй, выразительнее текст о нетитулованных ярославцах: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына Василия не отъехати никому никуда. А хто отъедет – и земли их сыну моему. А служат ему, и он у них в те земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей» [20, № 89, с. 355-356]. Норма завещания (а она имела конституирующее значение для главного наследника) подтверждает наши выводы, сделанные на иных материалах (см. выше) и предоставляет некие гарантии от немотивированного вмешательства верховной власти в земельную собственность нетитулованных ярославцев и их семей. Из последующего законодательства известно, что оборот вотчин нетитулованных лиц в Ярославле был закрыт для иногородцев [29, с. 25-33].

Единство корпорации ярославских Рюриковичей скреплялось ее функционированием как особой статусной группы в государеве дворе. Именно через нее почти все ярославские князья становились членами двора (в середине XVI в. таковых, с учетом Романова, было более 100 чел.), фиксировались учетной документацией двора и в качестве членов корпорации получали именные (воеводские) или групповые военные назначения, должности наместников и волостелей, иные кормления. В 1480-1490-е гг. первоклассные воеводские посты занимали кн. Данила Александрович Пенко (получил боярство не позднее второй половины 1490-х гг.) и все тот же кн. Семен Романович (они были троюродными братьями). Значимые воеводские назначения получали кн. Кубенские, Курбские, Деевы, Шаховские, Ушатые, Прозоровские. Ярославские Рюриковичи получали наместничества в Великом Новгороде, Белоозере, Устюге, Костроме [49, с. 18-24]. Существенным было то, что отношения с сувереном так или иначе опосредовались это корпорацией.

Другим цементирующим началом были родовые вотчины ярославских князей. Их оборот вне рамок клана ярославских Рюрико-

вичей был жестко ограничен и вообще, и в границах Ярославского уезда, в частности. Князья обладали определенными правомочиями в административно-судебной и отчасти финансовой сферах «внутреннего» суверенитета. Но возможности реализации были у них крайне ограничены: практически единственным адресом их пожалований могли стать местные монастыри.

Вряд ли стоит сомневаться, что объем таких правомочий не был строго унифицированным для представителей разных фамилий из разных ветвей княжеского дома ярославских Рюриковичей. Но определенное единство существовало за одним, пожалуй, исключением. Имеем в виду наследников и потомков последнего стольного правителя Ярославля кн. Александра Федоровича. По ряду косвенных признаков предполагаем, что с лета 1463 г. по апрель 1471 г. он был служилым князем Ивана III с индивидуальным статусом. Суммируя приведенные выше факты с новыми данными и дополнительной информацией, считаем, что позицию служилого князя с индивидуальным статусом унаследовал его единственный сын, кн. Даниил Александрович Пенко. Владелец огромных вотчин в разных уездах страны (включая полученный по обмену с великим князем комплекс в Переяславле), обладавший большим объемом суверенных правомочий (особенно в «большом» Заозерьи, сохранились две его жалованные грамоты Спасо-Каменному монастырю), он имел свой двор в московском Кремле, что было ясным указанием на значимость его статуса (в 1487 г. на этом дворе временно разместили перед отправкой в заключение плененного казанского хана с семьей). Возглавлял войска в качестве первого воеводы Большого полка в кампаниях против Великого княжества Литовского, Шведского королевства (1493, 1496 гг.). Более двух лет был наместником в Великом Новгороде (1495-1497 гг.) и дважды наместничал на Белоозере. Боярин Ивана III (не позднее второй половины 1490-х гг.). Его завещание, заверенное митрополитом Симоном, хранилось в особом ящике в царском архиве, а рядом находилась отпускная его «людям» (холопам) от имени его жены [49, с. 23-26; 42, с. 236 (с неточной годовой датой); 36, с. 25, 48]. Три его сына и единственный внук входили в высшие круги российской аристократии, но в полной мере позиции служилых князей с индивидуальным статусом скорее всего не унаследовали.

Завершая, подчеркнем, что утрата Ярославским княжеством и ярославскими Рюриковичами государственной самостоятельности была достаточно длительным процессом со специфическими особенностями для разных регионов княжества и разных ветвей ярославских

Рюриковичей, и для привилегированных групп нетитулованных местных вотчинников.

1. *Адаменко О.И., Башнин Н.В.* Структура монастырской собственности и политическое развитие Кубено-Заозерья в XV-XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012.
2. Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841.
3. Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М., 1997.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. Т.3. М., 1964.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства. Л., 1983.
8. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
9. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменем Москвы: в борьбе за единство Руси. М., 1992.
10. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998.
11. *Антонов А.В.* «Боярская книга». 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
12. *Антонов А.В.* Историко-археографические исследования: Россия XV – начала XVII века. М., 2013.
13. *Баранов К.В.* Иоанн Агафонович, созиратай Ярославской земли (эпизод из истории присоединения Ярославля // Псков в российской и европейской истории (к 100-летию летописного упоминания.) Т. 1. М., 2003.
14. *Вахромеев И.А.* Исторические акты ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М., 1896.
15. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.
16. *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
17. *Горский А.А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII-XV в. М., 2010.
18. *Грязнов А.Л.* Бохтюжское княжество и землевладение Дионисиево-Глушицкого монастыря в XV в. // Средневековая Русь. Вып. 11. М., 2014.
19. *Грязнов А.Л., Черкасова М.С.* О формировании межурездных границ на Русском Севере в XV-XVI вв.: Белоозеро-Вологда-Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012.
20. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVII вв. М.; Л., 1950.
21. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. М., 2001.
22. *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2004 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004.
23. *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014.
24. *Кучкин В.А.* К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве // Феодализм в России. М., 1987.
25. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
26. *Лихачев Н.П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.

27. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Париж; СПб., 1994.
28. *Назаров В.Д.* «Господарь, князь великий», служилые князья и государев двор в России XV века // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008.
29. *Назаров В.Д.* Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России. Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003.
30. *Назаров В.Д.* Ликвидация самостоятельности Ярославского княжества в первые годы правления Ивана III // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. М., 1992.
31. *Назаров В.Д.* О включении Ярославля в состав Российского централизованного государства // Россия в IX-XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.
32. *Назаров В.Д.* Рассказы об открытии мощей ярославских князей в летописях XV в. // История и культура Ростовской земли. Тезисы докладов научной конференции. Ростов, 1991.
33. *Назаров В.Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. статей памяти ак. Л.В. Черепнина. М., 2010.
34. *Назаров В.Д.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009.
35. *Новикова О.Л.* Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008.
36. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
37. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
38. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. СПб., 1999.
39. ПСРЛ. Т. 15. М., 2000.
40. ПСРЛ. Т. 20. М., 2005.
41. ПСРЛ. Т. 23. М., 2004.
42. ПСРЛ. Т.24. М., 2000.
43. ПСРЛ. Т. 25. М., 2004.
44. ПСРЛ. Т.26. М., 2004.
45. ПСРЛ. Т.27. М., 2007.
46. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.
47. *Прохоров Г.М.* Житие Иоасафа Каменского // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001.
48. *Прохоров Г.М.* Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. XI-XVI вв. СПб., 1991.
49. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
50. Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882.
51. *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV-первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.
52. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь середины XVI в. М.; Л. 1950.
53. *Черкасова М.С.* Кубено-Заозерский край в XIV-XV веках // Харовск:

- Краеведческий альманах. Вологда, 2004.
54. *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.

УДК 94(47).01-03

П.С. Стефанович¹

**Полюдье и пошлины «людское» и «полюдная пшеница»
в жалованных архиерейских грамотах XV–XVI вв.²**

История; Древняя Русь; налоги.

В докладе ставится вопрос, как долго существовало полюдье в Северо-Восточной Руси. Автор разбирает упоминания «людского» и «полюдной пшеницы» в некоторых жалованных архиерейских грамотах XV–XVI вв. и оспаривает мнение, что они подразумевали полюдье. Он заключает, что полюдье исчезло в Северо-Восточной Руси с установлением даннической зависимости от монголов в середине XIII в.

Как было показано в ранее опубликованных исследованиях, древнерусское полюдье восходило к глубоким архаическим корням, однако с развитием государственных институтов и социальных отношений не исчезло вовсе, а трансформировалось [см.: 6]. В древнейшее время полюдье представляло собой многофункциональный институт, одним из элементов которого был сбор дани с населения. Начиная с XII в. полюдье в ряде случаев выступает уже в виде одного определенного налога (подати) в пользу князя.

Известно, что в виде налога полюдье существует до начала XVI в. в русских землях Великого княжества Литовского. В Северо-Восточной Руси о полюдье известно из летописных известий конца XII – начала XIII в. Более поздних данных нет, и в литературе отмечалось это обстоятельство, хотя и мельком и без объяснения причин ему [см., например: 8, с. 97]. Только В.Д. Назаров обратил внимание на упоминания пошлин под названием «людское» и «полюдная пшеница» в жалованных грамотах ростовских и пермских епископов конца XV–XVI вв. и увидел в этих пошлинах отголосок древнего полюдья [4]. Специальный анализ этих упоминаний должен показать, насколько справедливо данное заключение.

¹ Стефанович Петр Сергеевич, Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., petr.stefanovich@mail.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00327.

Речь идет об одном относительно небольшом комплексе документов – подборке жалованных архиерейских грамот в коллекции П.М. Строева, переданной в архив императорской Археографической комиссии и опубликованной в 1915 г. [5]. Подборка содержит: 1) 19 грамот ростовских архиепископов 1455–1579 гг., в том числе 17 грамот, данных Кирилло-Белозерскому монастырю на церкви в его вотчинах, 1 грамоту 1489 г., данную Ферапонтову монастырю на церковь в его селе, и 1 грамоту 1576 г., выданную в крестьянскую волость в отношении местной церкви, 2) 2 грамоты пермских и вологодских епископов 1547 и 1574 гг. на церкви в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в вологодской епархии.

Выдавая грамоты, архиереи освобождали священнослужителей той или иной церкви от дани, которую по общему правилу им должно было уплачивать духовенство их епархий, и устанавливали для них свой прямой владычный суд. Смысл грамот был в освобождении не только от выплат, но и от заезда архиерейских чиновников, которых местное духовенство обязано было содержать во время объезда ими подчиненной территории. В перечислении пошлин, от которых освобождалось духовенство соответствующих церквей, и встречаются «людское» и «полюдная пшеница». Однако упоминания этих двух пошлин не регулярны.

В пяти древнейших грамотах (1455–1468 гг.) об освобождении говорится в самом общем виде без подробного перечисления пошлин, и «людское» и «полюдная пшеница» не упоминаются. Такие упоминания находим в трех грамотах ростовского архиепископа Тихона: в грамоте 1489 г. – «людское», в грамоте 1493 г. – «пшеница», но без эпитета «полюдная», в грамоте 1500 г. – одно «людское». В двух грамотах архиепископа Иоанна 1520 и 1526 гг. снова говорится просто о даях без перечисления конкретных пошлин. Затем в трех грамотах архиепископов Кирилла и Досифея (1533–1542 гг.) упоминаются вместе «людское» и «полюдная пшеница». В трех из пяти грамот архиепископа Ионы 1576 г. тоже вместе «людское» и «полюдная пшеница», в одной – только «людское», в одной – «полюдная пшеница». Наконец, в грамоте архиепископа Давыда 1579 г. – «полюдная пшеница». В двух грамотах вологодских епископов упоминается только «людское». Итого: 11 упоминаний «людского» и 9 «полюдной пшеницы» (1 раз без эпитета «полюдная»), причем в 6 грамотах эти пошлины перечисляются вместе в одном ряду.

Какие можно сделать выводы из этих данных?

Во-первых, перечисление «людского» и «полюдной пшеницы» вместе в одних грамотах свидетельствует о том, что это – два разных сбора. «Людское» всегда перечисляется в ряду сборов денежных. «Пшеница» являлась натуральной повинностью. Это явно видно, например, в древнейшей грамоте 1493 г.: владыка указывает своим чиновникам, чтобы те с духовенства «у моее дани полоть и пшениц не имали по сеи моеи грамоте, ни алтынов» (мясо и хлеб – отдельно, деньги – отдельно). Видимо, одно – это собственно дань владыке, а другое – корм его агентам, разъезжающим по местам.

Во-вторых, формуляр жалованных грамот не устойчив; упоминания «людского» и «пшеницы» есть не во всех грамотах, и упоминания эти не однотипны. Тот факт, что в древнейших грамотах упоминаний нет, а «пшеница» упоминается в более древней грамоте (1493 г.) без эпитетов, и определение «полюдная» появляется позднее (1533 г.), говорит скорее в пользу того, что мы имеем дело с практикой, не сложившейся когда-то в древности и отраженной в устоявшейся терминологии, а только складывающейся.

«Людское» упоминается и ранее, и чаще, причем только оно одно фигурирует и в грамотах вологодских владык, и в единственной грамоте, данной на крестьянскую волостную церковь. О «(полюдной) пшенице» ростовские владыки пишут в одной грамоте, данной Ферапонтову монастырю, и в нескольких грамотах, данных Кирилло-Белозерскому монастырю, но при этом во всех грамотах церкви, получающие льготы, – это те, которые находятся в вотчинах, расположенных в Белозерском уезде (соответственно, Белозерской десятине Ростовской епархии). Очевидно, речь идет о какой-то местной особенности Белоозера – «людское» собиралось более или менее везде, а «полюдная пшеница» только здесь. То, что в трех грамотах сказано только о «пшенице» и не говорится о «людском», объясняется как случайный пропуск. Так, например, церкви в одних и тех же вотчинах – Романовой и Рукине слободах – упоминаются и в грамоте, где сказано лишь о «пшенице» (1493 г.), а потом и в грамоте, где указаны обе пошрины: «людское» и «полюдная пшеница» (1576 г.). Возможно, не случайно, что в двух грамотах, где указана «полюдная пшеница», но не указано «людское», упоминается некий сбор под названием «осенний объезд» (в других грамотах больше не указанный) – может быть, речь шла об одной и той же пошлине.

Так или иначе, выражения грамот и самый их набор нельзя трактовать как застывший формуляр, который восходил к некоей седой древности и повторялся в грамотах вне зависимости от реальных

обстоятельств. Очевидно, архиереи в своих грамотах имели в виду конкретные сборы и в перечислениях льгот использовали актуальную терминологию.

Сомневаясь в этом последнем, В.Д. Назаров исходил из того, что на Белоозере «пшеницы практически не сеяли», и делал вывод, что термин «полюдная пшеница» «заимствован из актов, относящихся к иным регионам» [4, с. 169]. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. Как свидетельствуют разного рода документы, в том числе из архива того же Кирилло-Белозерского монастыря, пшеница в Белоозерском регионе в XV–XVI вв. возделывалась [2, с. 118, 190].

Если нет следов влияния неких «актов» из неких «иных регионов», то под вопросом оказывается и общий вывод, что упоминания в жалованных грамот «людского» и «полюдной пшеницы» «прямо ведут к полюдью» [4, с. 169]. Этот вывод трудно также принять, если учесть, что два этих обозначения отсылали к разным пошлинам – денежной и натуральной. Во всех известных случаях полюдые выступают всегда одной податью, причем в Великом княжестве Литовском его могли платить деньгами или медом, но не зерном (хлебом). Наконец, непонятно, как вообще в системе архиерейских сборов с духовенства XV–XVI вв. могли оказаться какие-то элементы древней системы княжеских налогов – эти системы складывались параллельно и неравномерно, каждая своими путями.

На мой взгляд, появление «людского» и «полюдной пшеницы» в архиерейских жалованных XV–XVI вв. надо объяснять как раз эволюцией архиерейской дани, и княжеское полюдые тут ни при чем. Дело в том, что примерно на рубеже XV–XVI вв. в этой эволюции фиксируется важная перемена: дань в пользу архиереев стала собираться с духовенства епархии не в фиксированной ставке (как ранее), а с учетом доходов, которые получало духовенство той или иной церкви [7, с. 116-120].

Доходы приходских церквей зависели, как правило и главным образом, от количества прихожан, то есть *людей*, «приходивших» к той или иной церкви (чем их больше, тем больше и доход духовенства). Эта мысль прямо обозначена в указе митрополита Даниила 1522–1533 гг. об описании приходов с указанием количества дворов прихожан при церквях [1, с. 191]. Свидетельств об описании приходов, происходящих из других епархий, у нас нет ранее начала XVII в. Однако, судя по косвенным данным, принцип обложения церквей данью, исходя из количества прихожан, должен был укорениться во всех епархиях гораздо раньше. И об этом как раз и говорят термины «людское» и

«полудная пшеница» – они указывают на то, что подати в пользу архиерея стали собираться с учетом количества людей при той или иной церкви (а фактически подати и предоставляли сами эти люди – прихожане). Это касалось как собственно дани в пользу архиерея («людское»), так и содержания архиерейских чиновников («полудная пшеница»). Аналогичные термины находим и в жалованных грамотах других архиереев. Например, в жалованных новгородских владык XVI в. право владычных десятильников на постой у прихожан обозначается как «корм людцкой имати» [1, с. 208].

Этимологически эта терминология восходит не к древнему полюдью, а к выражению, обычному в практике раскладки и сбора налогов в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.: дань/пошлины/корм «имати», «обложити» и т. п. «*по людем*» (ср., например в княжеских договорах и духовных: [3, с. 157, 197 и др.]). Таким образом, возводить эти термины к седой древности нет оснований. Практика сбора архиерейской дани с учетом прихожан сложилась относительно поздно – в XV–XVI вв., и она следовала новым принципам государственного налогообложения, принятым в северо-восточных княжествах Руси после изменений, которые принесла зависимость от монголов (Орды). В условиях этой зависимости древнему полюдью уже не было места, и здесь оно исчезло.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. II.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
4. *Назаров В.Д.* Полюдьё и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений.* М., 1988. Ч. I.
5. РИБ. Т. XXXII: Архив П. М. Строева, т. 1. Пг., 1915.
6. *Стефанович П.С.* Об эволюции древнерусского полюдьё // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова.* М., 2013.
7. *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
8. *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Пашутто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Новое свидетельство о местном управлении на Ваге
в первой половине XVI в.

Русский север; XVI в.; система кормлений; светские и церковные наместники; губная и земская реформы.

Рассматривается запись на Октоихе начала XVI в. о наместничьем суде на Ваге в 1540 г., приводятся гипотезы о возможной принадлежности упомянутого лица, связанного с митрополичьим либо княжеским аппаратом управления.

Одним из путей расширения источниковой базы по различным проблемам Средневековья является более интенсивное использование маргиналий на рукописных и старопечатных книгах. В новейшей литературе по русскому [27; 28] и западноевропейскому [32, с. 223-233] средневековью этому виду текстов уделяется все большее внимание. Подобные записи используются по преимуществу при рассмотрении древнерусской книжной культуры. Для истории социально-политической они привлекаются значительно реже.

Импульсом для данной заметки послужила запись на Октоихе начала XVI в.:

«Лета 7048 месяца генваря в 25 де при великом князе Иване Васильевиче всея Руси, при преосвященном архиепископе Асафе дал Федор Васильевич, Важской наместник, Мартыну Иванову сыну да Зиновию Григорьеву сыну Озяблого книгу Охтоих перваго гласа, што покрал Гришка Петров сын церковь святого Николу в слободе в Великой, и Федор Васильевич велел положить в дом святому Воскресению и св.Николе. А тут были целовальники Василей Михайлов сын Бараков да Лабар Данилов сын, да люди добрые Федор Федосов сын да Иван Иванов сын Логинов, да Иван Васильев сын Зык, да Лука Якимов сын.

А подписал земской дьяк Илейка Федотьев сын лета 7048 году.

Великого князя целовальник Василей Бараков сын руку приложил» [29, с 87].

Указанной в записи дате близок введенный недавно в оборот новый источник по Ваге – Вельская губная грамота 1539/40 г. [6, с. 174-183]. Дата ее в списке 7048 г., но в конце отмечены два казначея – И.И. Третьяков и М.П. Головин, они – же в Устьянской уставной грамоте

¹ Черкасова Марина Сергеевна, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), д.и.н.; mscherkasova@mail.ru.

от 11 сентября 1539 г. [33, с.25-29]. Не исключено, что и Вельская губная могла быть выдана ими около того же срока. Книжная запись относится к Великой слободе, расположенной на р. Усье в 10 верстах от ее впадения в Вагу и изначально принадлежавшей Ростову, а затем приобретенной московскими князьями [11, с.184 и карта на с. 182, пункт б] и упомянутой во втором списке Двинских земель 1478 г. как оброчная великокняжеская вотчина [3, № 16]. В дальнейшем это был Слободской стан Верховажской четверти Важского уезда [5, с. 118-140]. Церковь Воскресения – это Воскресенский погост, второе название Великой слободы. В состав храмового комплекса входила и церковь св. Николы.

Запись сообщает о книжном вкладе (возвращении?) наместником на Ваге Федором Васильевичем в церковь св. Николая Чудотворца, из которой прежде книга была украдена Г. Петровым. Вклад имеет и некий личный оттенок, и признаки публичного акта. Книга передается выборным представителям местной общины (возможно, церковным старостам) в присутствии 2-х целовальников и 4-х добрых людей. Это целая коллегия земских выборных с наместником, как предусматривалось в организации суда уставными губными грамотами [20, с. 320]. Один из целовальников – Ф. Федосов – отмечен в важской купчей 1545 г. как владелец смежной с продаваемым участком деревни [10, с. 251-252 – № 1]. Передача книги оформлена земским дьяком и подписана одним из целовальников (с определением его как великокняжеского).

Упомянутого в записи архиепископа Иоасафа в справочном издании П.М. Строева на 1540 г. нет ни по Ростову, ни по Новгороду, ни по какой-либо другой кафедре, кроме московской митрополии [30, стб. 32, 332]. У М. Булгакова в 1539-1542 гг. на ростовской кафедре указан Досифей, а в Новгороде был архиеп. Макарий, с 1542 г. митрополит московский [16, с. 354-355]. Следовательно, в данном случае речь должна идти об Иоасафе (Скрипицыне), возглавлявшем церковь с 1539 по 1542 гг. [30, стб. 5]. Это указывает на наличие митрополичьего землевладения на Ваге, соответствующего его великокняжеской принадлежности. Чересполосность церковных юрисдикций здесь (Новгород, Ростов, Москва) отражала сложные перипетии социально-политической борьбы и разные волны промыслово-земледельческой колонизации XII-XIV вв.

В работах А.А. Зимина и Н.Е. Носова сведения о составе местного аппарата на Ваге в конце XV – первой половине XVI в. отсутствуют [12; 20]. Т.И. Пашковой здесь отмечены два наместника: в 1514 г.

кн. М.В. Хворостинин и в 1541 г. кн. Федор Андреевич [22, с. 132] (это, возможно, Куракин-Булгаков, член боярской думы в 1547-1552 гг. [18, с. 117 – док. № 4; 26, с. 173-175, 186]. Для времени между 1514 и 1540-1541 гг. на существование «важских и тотемских наместников и их тиунов» указывает грамота вел. кн. Ивана Васильевича 1538 г. Спасо-Режской пустыни, расположенной «на Важской верхотине», сопредельно с Тотемским и Важским уездами. В ней отмечена и наместничья резиденция – Шенкурский городок [31, с. 45-48]. Конфигурация кормленного аппарата на Ваге в 1530-1540-е гг. (наместник – в Шенкурске, а его тиуны и их пошлинные люди – в Вельском стане) отражена в грамотах 1547/48 г. важскому Богословскому монастырю [25, т. 1, № 206, 216], Введенской Уздренской пустыни [25, т. 2, № 212], а также в уставной земской грамоте от 21 марта 1552 г. [24, № 189]. На Двине же была равновесная структура из двух наместников Верхней и Нижней половины, а на Устюге наместник действовал наряду с сольвычегодским волостелем. После отмены системы кормлений на Ваге, оброк за «наместнич доход и его пошлинных людей», судя по сотным с писцовых книг 1563/64 г., составил 12-13 алт. со двора [6, с. 398]. Двинское и Важское «наместничества» Н.Е. Носов считал весьма богатыми кормлениями [21, с. 329], исходя прежде всего из давних традиций земледельческого производства здесь.

На Ваге светские и церковные наместники не были единственными властными агентами. В важской купчей 1545 г. среди послухов отмечен шенкурский староста И. Мамонов [10, с. 251 – № 1]. В указной грамоте 1543 г. февраля 2 вел. кн. Иван Васильевич обращается «на Вагу к данщику нашему, кто учнет на Ваге дань нашу собирать» [7, № 33], что указывает на наличие в Шенкурской округе дворцовых земель.

Прерогативы на Ваге были и у московских казначеев, о чем помимо грамоты Богословскому монастырю 1548 г., свидетельствуют Вельская губная и Устьянская уставные грамоты 1539-1540 гг. [25, т. 1. № 203]. Двойное казначейство в отношении северных уездов видно по ряду грамот, приказываемых И.И. Третьяковым и Ф.И. Сукиным в 1546-1548 гг. [17, с. 53; 19, с. 93-94]. Еще одно лицо – данный пристав – являлось посредником между казначеями и монастырем по конкретным судебным делам, определялся и срок представления обвиняемых в Москву – Зборное воскресенье.

Установление личности указанного в книжной записи Федора Васильевича представляет непростую задачу. Отчество на –вич заставляет признать в нем значимое по социальному статусу лицо

боярского ранга. Прежде всего на память приходит Ф.В. Киндырев. В 1541 г. он с М.Д. Бутурлиным известен как наместник на Вологде [22, с. 135; 24, № 147]. Однако, по устно изложенному мнению В.Д. Назарова, здесь нет интервала, который обычно имелся между назначениями на кормление. Практически нереально, чтобы человек в 1540 г. сидел на одном кормлении, а в следующем году – уже на другом.

Поиски среди местных служилых землевладельцев ведут к роду Едемских-Своеземцевых, ведь их вотчинные комплексы на Ваге не подверглись конфискации после 1478 г., в отличие от таковых в основном регионе Новгорода [7, с. 186-187]. Один из потомков этого рода, своеземец Иван Васильевич Едемский (ум. 1573 г.) был городовым приказчиком Шенкурского городка, его владения на Ваге имели отличный от окружающих чернососных земель податной статус. Но в историко-генеалогических исследованиях внимание авторов сфокусировано главным образом на XIV-XV вв., родословие же Едемских-Своеземцевых за XVI в. неполное и не содержит лиц с именем-отчеством Федор Васильевич [7, схема на с. 185; 34, схема 10 на с. 92]. В одной мировой 1591 г. упомянуты другие Едемские – братья Герасим и Михаил Гавриловы дети [10, с. 254 – № 6].

Обращение к боярским спискам 1546-1548 гг. [17, с. 53-55] не выявило в них ни одного человека с таким именем-отчеством, как и в насыщенных персоналиями монографиях И.И. Смирнова [26] и М.М. Крома [15]. А.В. Антоновым и Т.И. Пашковой отмечен наместник в Орлове в 1511 г. Федор Васильевич Кафтырев [1, с. 157 – № 219; 22, с. 26], М.Е. Бычковой с искомыми именем-отчеством указаны Ф.В. Вельяминов и Ф.В. Кобылин с датами их смерти соответственно 1571 и 1580 гг. [5, с. 180, 184].

Из просмотренных по разрядным и родословным книгам персоналий хронологически к нашему случаю вряд ли подошли бы Ф.В. Далматов (1495 г., хотя во вкладной и кормовой книгах Троицы отмечен его вклад 6 февраля 1541 г.), Ф.В. Кривой-Хованский [12, с. 193; 22, с. 145], Ф.В. Еска-Чулок [2, с. 93] и уж тем более Ф.В. Шереметев [23, с. 148, 157; 26, с. 410]. Более реальными представляются Ф.В. Елизаров (1534 г.) [26, с. 410 – прим. 8] или Ф.В. Коробов, отмеченный в свадебных разрядах февраля и сентября 1547 г. [3, с. 120]. Еще один человек с таким именем отчеством – Ф.В. Большой-Кокошкин не подходит, поскольку состоял во дворе у угличского кн. Дмитрия Ивановича [13, с. 219].

Представляется правдоподобным высказанное в устной форме Д.Е. Гневашевым мнение о том, что упомянутый в записи Федор

Васильевич – это митрополичий наместник на Ваге, которого можно отождествить Ф.В. Тироном-Фоминым. Он известен в 1515 г. как владимирский наместник митрополита Варлама, разбиравший земельный спор [4, № 189]. Возраста его на тот момент мы не знаем, но не исключено, что после этого он прожил еще четверть века, чтобы оказаться наместником владычной кафедры на Ваге.

Итак, случайно найденная книжная запись высветила нам из тьмы веков некоего важского наместника Федора Васильевича, став импульсом к ряду наблюдений относительно местного управления на русском севере в XVI в.: губной и земской реформ 1540-1550-х гг., последующего взаимодействия центральных и местных учреждений. Налицо по крайней мере небольшое документальное расширение, обновление источниковой базы для дальнейшего исследования этих проблем.

1. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002.
2. Антонов А.В. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.; Л., 1964. Т. 3.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. М.; Л., 1951. Ч. 1.
5. Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986.
6. Васильев Ю.С. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970.
7. Васильев Ю.С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII-XVII вв. Вологда, 2013.
8. Воробьев А.В., Черкасова М.С. «А которых разбойников или татей поимаете, доведчи на них, да их казните...». Вельская губная грамота 1539/40 г. // Исторический архив. 2011. № 3.
9. ДАИ. СПб., 1846. Т. 1.
10. Зарубин Л.А. Важская земля в XIV-XV вв. // История СССР. 1970. № 1.
11. Зимин А.А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в // АЕ за 1960 г. М., 1962.
12. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
13. Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1.
14. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI в. М., 2010.
15. Леонтьев А.К. Устюжская губная грамота 1540 г. // Исторический архив. 1960. № 4.
16. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. IV. Ч. 2. М., 1996.
17. Назаров В.Д. О структуре государева двора в России в середине XVI в.

- // Общество и государства феодальной России. Сб ст., посвященных 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М., 1975.
18. Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10.
 19. Назаров В.Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3
 20. Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. Л., 1957.
 21. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России XVI в. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. М.; Л., 1969.
 22. Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. (Наместники и волостели). М., 2000.
 23. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
 24. РИБ. Пгд., 1915. Т. 32 (Архив П. Строева. Т. 1).
 25. Сборник грамот коллегии экономии. Пгд., 1922. Т. 1; Л., 1929. Т. 2.
 26. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в. М.; Л., 1958.
 27. Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI-XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998.
 28. Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников, переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов. М., 2000.
 29. Срезневский В.И. Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). СПб., 1904.
 30. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007.
 31. Суворов И. Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской пустыни. Вологда, 1911.
 32. Филиппов И.С. Рукописи не горят: проблемы реконструкции погибших архивов и возможности размещения базы источников по истории Средневековья // Как мы пишем историю? М., 2013.
 33. Яковлев А.И. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909.
 34. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

УДК 94(47).043

А.С. Усачев¹

Освященный собор 1539 г. и церковно-государственные отношения в России времени начала «боярского правления»

История России; история Русской церкви; церковные соборы; XVI в.; «боярское правление»; митрополит Даниил.

Рассматривается деятельность Освященного собора в 1539 г. Отмечается, что

¹ Усачев Андрей Сергеевич, РГГУ (РФ, Москва), д.и.н., asuwas@mail.ru.

возглавившие русское правительство Шуйские, настояв на смещении с митрополичьей кафедры Даниила, оставили за Собором право выбора нового владыки. Последнее означало временное ослабление зависимости Русской церкви от светских властей.

Проблема взаимоотношений светской власти и Русской церкви в XVI в. неоднократно рассматривалась в работах Е.Е. Голубинского, Н.Ф. Каптерева, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, С.М. Каштанова, В.Д. Назарова, Макария (Веретенникова), В.А. Колобкова, В.В. Шапошника и ряда других исследователей. Особое внимание они уделили рассмотрению этих отношений в те периоды, когда Русским государством не только *de jure*, но и *de facto* управлял тот или иной государь, который определенным образом выстраивал свои взаимоотношения с руководителями Русской церкви. А как обстояло дело в те периоды, в которые реальная власть находилась не в руках великого князя? В поисках ответа на этот вопрос ниже мы рассмотрим некоторые события, связанные с работой Освященного собора в 1539 г., и предпримем попытку пролить дополнительный свет на проблему взаимоотношений светской власти и Церкви в период т.н. «боярского правления»².

В начале 1539 г. в церковно-политической жизни страны разыгрались бурные события: 2 февраля митрополит Даниил «неволей» оставил кафедру, 6 февраля троицкий игумен Иоасаф (Скрипицын) был наречен, а 9 февраля поставлен на всероссийскую кафедру [8, с. 295; 9, с. 34]. Рассматривая хронологию событий начала 1539 г., вслед за нашими предшественниками обратим внимание на то, что, судя по тому, как развивались события, решение о сведении Даниила с кафедры было принято Шуйскими задолго до 2 февраля.

Е.Е. Голубинский полагал, что февральский собор был созван специально для того, чтобы сместить Даниила и поставить на всероссийскую кафедру Иоасафа [2, с. 739]. Летопись отмечает, что зимой 1538–1539 гг. (месяц не указан) великий князь созвал «всех архиепископов и епископов иже под его государством» на выборы нового митрополита [9, с. 34] (очевидно, что от имени малолетнего Ивана IV действовали бояре – в первую очередь возглавлявшие в этот период правительство Шуйские). В летописи этот рассказ помещен после рассказа о сведении Даниила с кафедры. Судя по всему, последовательность событий была обратной. На это указывает та скорость, с которой Собор провел выборы: Иоасаф был наречен уже через 4 (!)

² Об отношениях духовных и светских властей в этот период, например, см.: [5, с. 329–344, 6, с. 241–245; 13, р. 234–251; 12, с. 74–86].

дня после сведения Даниила с кафедры. При этом важно отметить, что, судя по Чину поставления Иоасафа, выборы были проведены с соблюдением всех формальностей (включая жеребьевку кандидатов, один из которых – хутынский игумен Феодосий – должен был прибыть из Новгорода). Как известно, процедуру поставления возглавил новгородский владыка, занимавший в церковной иерархии 2-е место после митрополита. Его участие в церемонии должно было обеспечить ей дополнительную легитимность³. Учитывая то время, которое необходимо было для сбора архиереев в Москве, можно предположить, что решение о сведении Даниила с кафедры было принято не позднее самого начала января 1539 г. Согласно С.М. Каштанову, решение о сведении Даниила с кафедры Шуйские приняли еще осенью 1538 г. вскоре после захвата всей полноты власти в стране (т.е. после 21 октября, которым датируется приход Шуйских к власти) [5, с. 334]. По мнению В.В. Шапошника, задержка с исполнением замысла была связана с тем, что «во-первых, в ноябре умер глава правительства князь Василий Шуйский; во-вторых, необходимо было определиться с кандидатурой (или кандидатурами) на митрополичий престол; в-третьих, нужно было дождаться приезда в Москву архиереев из провинции для того, чтобы смена митрополита прошла законным образом. Кроме того, следовало, видимо, и подготовить общественное мнение к смене первосвященника» [12, с. 82]. На наш взгляд, могли быть и иные причины, продлившие пребывание Даниила на митрополичьей кафедре.

Рассматривая их, обратим внимание на хронологию деятельности Собора. Учитывая то, что 2 февраля Даниил оставил кафедру, а уже 6 февраля троицкий игумен Иоасаф (Скрипицын) был наречен и 9 февраля поставлен на митрополию, можно думать, что архиереи в столице собрались уже в январе. На это, в частности, указывает дата приезда в Москву новгородского владыки Макария: он прибыл примерно за неделю до сведения Даниила с кафедры – 25 января [9, с. 34]. Учитывая время, необходимое для выбора кандидатов (в их число кроме троцкого игумена Иоасафа (Скрипицына) входили настоятели Хутынского (Феодосий) и Чудова (Иона) монастырей) и проведения жеребьевки, следует думать, что другие архиереи так же как и Макарий должны были прибыть в Москву еще в январе.

После поставления Иоасафа состоялось замещение еще трех кафедр: 2 марта кирилловский игумен Досифей был поставлен на рос-

³ Подробнее о процедуре избрания и поставления Иоасафа см.: [1, № 184, с. 158–163; 13, р. 237–251].

товскую, 9 марта феррапонтовский игумен Феррапонт – на суздальскую, 16 марта игумен Николо-Песношского монастыря Гурий (Заболоцкий) – на смоленскую кафедры [9, с. 34-35]. Возможно, архиереи находились в столице и во второй половине марта. Скорее всего, они разъехались по своим епархиям лишь после того, как была полностью обеспечена легитимность поставления Иоасафа (Чин его поставления специально подчеркивает каноничность процедуры, отмечая, что «избрание учинили на митрополию по писанию книжному» [1, № 184, с. 158]). Для соблюдения всех формальностей требовалось официальное отречение сведенного с всероссийской кафедры Даниила. Оно было получено не сразу⁴. Судя по всему, давление на Даниила продолжалось около двух месяцев – отреченная грамота сведенного 2 февраля владыки датируется 26 марта⁵. Вероятно, вскоре после 26 марта владыки разъехались.

Как видим, Собор 1539 г. имел место в январе – марте. Представляется, что дата его проведения имеет большое значение для рассмотрения особенностей церковно-государственных отношений данного периода. Думается, что время заседания Собора было избрано далеко не случайно и непосредственно с политической конъюнктурой конца 1538 – начала 1539 гг. связано не было.

Изучая хронологию работы церковных соборов 1517–1526 гг., В.Д. Назаров пришел к выводу о том, что чаще всего они собирались зимой – весной [7, с. 196]. К сходным выводам пришла и Л.П. Горюшкина. Рассмотрев случаи поставления на кафедры архиереев в 1505–1563 гг., она заключила, что большинство из них приходилось на февраль – март [3, с. 103]. Согласно предварительным подсчетам автора этих строк, в XVI в. на январь – март приходится около 56 % случаев поставлений на кафедры, точные даты (до месяца) которых известны⁶. Как нетрудно заметить, в интересующее нас столетие в эти три месяца

⁴ Согласно Р.Г. Скрынникову, долго отказываясь подписать отреченную грамоту, Даниил, пытался повлиять на выбор преемника, добиваясь от Шуйских уступок для Церкви в целом. По мнению исследователя, Даниил добился своей цели – руководители Церкви получили возможность самостоятельно избрать митрополита. Подписав отречение после избрания Иоасафа, Даниил, по Р.Г. Скрынникову, «тем самым благословил своего приемника» [10, с. 218]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают веских оснований согласиться с данным предположением.

⁵ В соответствии с традицией составления подобных документов, он указывает на «немошь» Даниила и его «добровольный» уход с кафедры. См.: [1, № 185, с. 163].

⁶ На январь приходится, по меньшей мере, 10 случаев поставлений архиереев (около 11 % от общего числа), на февраль – 21 (около 24 %) и на март – 17 (около 20 %).

(особенно, в феврале и марте) ставили архиереев гораздо чаще, чем в прочие⁷. Излишне специально останавливаться на том, что данная процедура могла быть осуществлена только на Освященном соборе (вопрос о его составе требует специального изучения). Это в свою очередь не оставляет сомнений в том, что январь – март были обычным временем работы Освященного собора в Москве.

Как видим, с хронологической точки зрения речь шла о вполне «стандартном» времени созыва Собора. А это значит, что, независимо от того, когда было принято решение свести Даниила с кафедры, смена митрополита произошла на Соборе, созыв которого примерно в это время состоялся бы в любом случае. Помимо времени его созыва – обычного для подобных мероприятий – на это указывает и то, что в Русской церкви в начале 1539 г. стоял и вопрос о замещении 1/3 (!) владычных кафедр (3-х из 9 имеющихся), которые, по канону, не могли долго оставаться вакантными. Это в свою очередь дает основания думать, что, несомненно, желая сместить с кафедры Даниила, Шуйские от имени великого князя созвали Собор в обычное время его работы. Очевидно, не желая нарушать сложившуюся традицию и созывать архиереев в Москву ранее положенного срока, Шуйские тем самым были вынуждены смириться с пребыванием Даниила на кафедре в конце 1538 – начале 1539 гг.

Оценивая степень вмешательства Шуйских в работу Собора (прежде всего, в процесс избрания нового митрополита), отметим, что известные источники не фиксируют каких-либо контактов с Шуйскими кого-либо из кандидатов на всероссийскую кафедру – настоятелей Троицкого (Иоасаф), Чудова (Иона) и Хутынского (Феодосий) монастырей. Это в свою очередь может означать только одно: сместив неугодного митрополита, возглавлявшие русское правительство Шуйские вопрос о выборе нового владыки оставили на усмотрение иерар-

⁷ Согласно нашим предварительным подсчетам (их полнота ограничена показаниями имеющихся источников), в XVI в. иерархи собирались в столице в январе – марте, по крайней мере, 30 раз. Очевидно, что Собор собирался за некоторое время до поставления тех или иных владык. Его участникам, во-первых, необходимо было избрать подходящих кандидатов, во-вторых, дожидаться их прибытия в Москву (в большинстве случаев речь шла об игуменах немосковских монастырей). Вероятно, это занимало от нескольких дней до нескольких недель. Это, в свою очередь, означает, что февральские (а, возможно, и мартовские) поставления на кафедры готовились ранее – вероятно, в январе (при этом полностью нельзя исключать и декабрь). С необходимостью проведения подготовительной работы, которая, вероятно, приходилась на январь, по-видимому, и связано сравнительно незначительное число январских поставлений на кафедры.

хов Русской церкви⁸. С этим, очевидно, и было связано то, что, судя по Чину поставления Иоасафа, при выборе и поставлении митрополита были соблюдены все формальности. Очевидно, что речь шла об отступлении от установившейся при Василии III (и описанной, в частности, С. Герберштейном) практики активного вмешательства светской власти в процесс замещения владычных кафедр. Место поставленного по воле великого князя митрополита занял избранный Собором троицкий игумен. Как видим, сместив неудобное им лицо с митрополичьей кафедры, Шуйские «смягчили» свое вмешательство в церковные дела, предоставив архиереям свободу действий в избрании его преемника⁹. Это в свою очередь дает основания полагать, что, несмотря на то, что по воле Шуйских глава Русской церкви был смещен с кафедры, с поставлением Иоасафа тем не менее следует связы-

⁸ Ни один известный нам источник не сообщает о каком-либо давлении со стороны Шуйских на Собор в вопросе об избрании митрополита. В историографии было высказано мнение о том, что Шуйские к участию в выборах допустили лояльных по отношению к ним кандидатов [2, с. 739]. Последующее поведение Иоасафа покажет, что, по крайней мере, он не являлся их последовательным сторонником.

⁹ А.А. Зимин пишет о «прямом нажиме» Шуйских на Освященный собор при выборе нового митрополита: по мнению историка, Шуйские заменили «иосифлянина» Даниила на «нестяжателя» Иоасафа [4, с. 292–293]. Отметив, отсутствие аргументов в пользу мнения о какой-либо связи Иоасафа с «нестяжателями», В.В. Шапошник не без оснований отклонил эту гипотезу историка [12, с. 83]. Действительно, время пребывания Иоасафа на митрополичьей кафедре отмечено некоторым ослаблением позиций «иосифлян». Так, из трех поставленных Иоасафом епископов лишь один – смоленский владыка Гурий (Заболоцкий) – был связан с Иосифо-Волоколамским монастырем. Судя по всему, в эти годы с кафедры был сведен один из самых известных «иосифлян» – племянник Иосифа Волоцкого коломенский владыка Вассиан (Топорков) [4, с. 293; 11, с. 154–155]. Однако нельзя не заметить и другого: в число кандидатов на митрополичью кафедру в феврале 1539 г. входил хутынский игумен Феодосий, связь которого с волоколамской обителью несомненна. Кроме того, вслед за А.А. Зиминим отметим явное преобладание «иосифлян» на Освященном соборе: судя по Чину поставления Иоасафа, ведущую роль на Соборе играл связанный с волоколамскими иноками новгородский архиепископ Макарий; с этой же обителью были также связаны еще как минимум еще два архиерея – Акакий (тверская кафедра) и Вассиан (Топорков) (коломенская); из трех оставшихся владык крутицкий епископ Досифей был, по меньшей мере, лоялен «иосифлянам» [4, с. 292] (об отношении двух оставшихся владык – рязанского Ионы и вологодского Алексея – к «иосифлянам» ничего не известно). Этих фактов достаточно для того, чтобы полагать, что избрание на митрополичью кафедру выходца из волоколамской обители в феврале 1539 г. было как минимум не исключено. Это в свою очередь не дает оснований согласиться с мнением о том, что Шуйские последовательно боролись против влияния волоколамских иноков.

вать укрепление позиций Церкви и обеспечение – пусть и временное – определенной степени ее независимости от светской власти.

Подводя итоги, отметим, что, судя по всему, Шуйские, созывая Собор 1539 г. от имени великого князя, с одной стороны, сочли необходимым собрать его в «обычное» для XVI в. время, с другой, оставили за ним право выбора кандидатов на митрополичью кафедру. Это в свою очередь дает основания полагать, что вмешательство светских лиц в деятельность Освященного собора в период начала «боярского правления» не стоит переоценивать.

1. ААЭ. Т. 1. СПб., 1836.
2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2, 1-я половина тома. М., 1997.
3. Горюшкина Л.П. О времени поставления высших иерархов Русской Церкви первой половины – середины XVI в. // Священные войны России: Материалы XX Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2013.
4. Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.
5. Капитанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
6. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
7. Назаров В.Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
8. ПСРЛ. Т. 8. М., 2001.
9. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
10. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси, XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.
11. Усачев А.С. Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Исторические записки. М., 2014. Вып. 15 (133).
12. Шапошник В.В. Митрополит Даниил в придворной борьбе 30-х годов XVI в. // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 2. СПб.; Казань, 2014.
13. Miller D. The Politics and Ceremonial of Ioasaf Skripitsyn's Installation as Metropolitan on February 9, 1539 // Russian Review. 2011. Vol. 70, № 2.

УДК 94(47).045

Д.М. Володихин¹

Русская военная элита в правление Годуновых (1598-1605 гг.)

Разрядные книги; военная элита; аристократия; дворянство; Смутное время;

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., volodih@yandex.ru.

Борис Годунов.

В статье уточняются изменения, произошедшие в годы правления династии Годуновых (1598-1605) в социальном составе русской военной элиты. Изучение источников подтверждает рост влияния знатнейшей нетитулованной аристократии в процессах рекрутирования высшего командного состава.

Политическая элита времен правления Годуновых отлично изучена. Ключевые фигуры, крупнейшие группировки и их борьба хорошо известны благодаря трудам Р.Г. Скрынникова, А.А. Зимина и А.П. Павлова, а также классическим работам их дореволюционных предшественников. Однако военная элита России годуновского периода до сих пор не становилась предметом специального исследования.

Важнейшую роль выполняли военачальники, возглавлявшие самостоятельные полевые соединения (армии), а также отдельные полки в их составе. Они-то и составляли армейскую элиту. Обширные сведения о составе воеводского корпуса и, в частности, о полководцах, получавших эти высокие должности, дают разрядные книги [6, с. 27, 73-74, 79, 116, 131, 143, 192-193, 202-203, 210, 212-213, 246; 5, с. 319; 7, с. 21, 125-126, 163; 4, с. 139-140, 143-153, 155, 167, 169, 176-178, 188-189, 192, 199, 209-210, 216, 218-219, 225, 231; 3, с. 22-23, 24, 79, 88, 104, 109, 121-122].

Итак, данная статья представляет собой исследование русской военной элиты годуновского времени на основе разрядных книг.

1. За все время правления Годуновых (1598-1605 гг.) по разрядам фиксируется 25 не вызывающих сомнения боевых выходов, когда формировались армии, состоящие из 2-6 полков, иначе говоря, самостоятельные полевые соединения. В одном случае командующий в полевом соединении² был скоро заменен (еще до окончания боевой операции). Таким образом, всего командующие назначались 26 раз.

При государях Борисе Федоровиче и Федоре Борисовиче Годуновых представители нетитулованной аристократии 5 раз оказывались на подобного рода постах. Таким образом, общее присутствие нетитулованной знати на высших воеводских постах в действующих полевых соединениях составляет 19 % от общего числа назначений – чуть выше того уровня, что был в царствование Федора Ивановича (18,5 %)

2. Заметная разница с предыдущим правлением состоит прежде всего в том, что исчезает особое положение в действующей армии Б.Ф. Годунова. Воцарившись в 1598 г., Борис Федорович перестал

² Таковыми считались, в соответствии с воинским законом того времени, лица, занимавшие в полевых соединениях пост первого воеводы большого полка.

участвовать в походах, за исключением мирно окончившегося боевого выхода под Серпухов в том же году. Никто из его близкой родни – Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых – не стал ему заменой в верхнем эшелоне воеводского корпуса, никто не получил столь же высокого статуса.

3. Представители неаристократических родов среди командующих действующими полевыми соединениями встречаются только 1 раз (4 % от общего числа назначений на такого рода посты). Это Т.С. Пушкин. Он принадлежит знатному роду, однако, не дотягивающему до положения аристократического.

4. **Выезжая** знать (князя В.К. Черкасский и «воеводич» Д.И. Волошский) – получала должности командующих 4 раза, т.е. 15 % от общей суммы. Князь В.К. Черкасский, возглавлявший полевые соединения 3 раза, сохранил то весьма высокое положение, какое было при Федоре Ивановиче у Б.К. Черкасского.

5. За русской титулованной знатью – 16 назначений, иначе говоря, 62 % от всех назначений. Т.е. несколько меньше, чем было при Федоре Ивановиче (69,5 %).

Чаще прочих командовать полевыми соединениями ставили князей Ф.И. Мстиславского (3 раза), Т.Р. Трубецкого (3 раза) и М.П. Катырева-Ростовского (2 раза), В.Г. Щербатого-Оболенского (2 раза).

В сравнении с предыдущим царствованием видно утеснение князей Голицыных. А вот лидерство Трубецких в военной сфере продолжается.

В подавляющем большинстве случаев высокая частота назначений на подобного рода должности связана с выдающейся знатностью, т.е. исключительно высоким положением воеводы в служебно-местнической системе. Это в полной мере относится к князьям Ф.И. Мстиславскому, В.В. Голицыну, М.П. Катыреву-Ростовскому, Т.Р. Трубецкому. Однако в отношении двух последних действуют, очевидно, и другие факторы, заставляющие клан Годуновых поддерживать их высочайший статус в воеводском корпусе. Трубецкие играли роль последовательных союзников годуновской «партии». А М.П. Катырев-Ростовский, знатнейший на разветвленном генеалогическом древе Ростовского княжеского дома, был равен в местническом отношении Ф.И. Мстиславскому и, вероятно, мыслился как своего рода противовес ему.

Щербатые, далеко не столь знатные представители одной из младших ветвей княжеского дома Оболенских, могли вызывать доверие у Годуновых как давние опричные служилыцы. К тому же, князь

В.Г. Щербатой служил в воеводских чинах давно, как минимум, со второй половины 1570-х, являлся опытным командиром и с этой точки зрения был весьма ценен.

6. На посты первых воевод в остальных полках, помимо большого, за период царствования Годуновых было сделано 68 назначений.

7. Из них 21 раз на подобные должности ставились представители древних боярских родов или же бывших княжеских, потерявших право на титул (Полевы). Это приблизительно 31 % от общего количества назначений – заметно больше, чем при Федоре Ивановиче (20 %) и примерно столько же, сколько было в земщине на период существования опричнины Ивана IV (30 %).

Можно предположить, что Годуновы оказывали покровительство социально близкой среде старомосковского боярства, продвигая его представителей на воеводском поприще.

При трагических обстоятельствах выпал из военной (и политической) элиты знатнейший боярский род Романовых-Юрьевых. В 1600 г. по воле царя Бориса Федоровича он подвергся страшному разгрому. Опальные представители семейства Романовых-Юрьевых оказались разосланы по дальним городам, некоторые лишились жизни, а виднейшей в роду персоне, Федору Никитичу Романову, пришлось принять иноческий постриг. По «делу Романовых» подверглись гонениям и опалам князья Черкасские, Сицкие, Бахтеяровы-Ростовские, Репнин, Пушкины [2, с. 73-75].

Шереметевы при Иване IV и Федоре Ивановиче играли роль одного из признанных лидеров воеводского корпуса. При Годуновых их звезда закатилась – во всяком случае, в военной сфере. Причиной послужили опалы, в разное время обрушивавшиеся на виднейших представителей этой фамилии – Ф.В. Шереметева, а затем весьма востребованного военачальника – П.Н. Шереметева. Род был расколот враждой между старшими его представителями, это и было важной, быть может, важнейшей причиной опал, которые устраивали друг другу доносами близкие люди [1, с. 21, 22, 367].

Годуновы, Вельяминовы и Сабуровы, как и в царствование Федора Ивановича, входят в лидирующую по политическому «весу» и придворному влиянию группировку и занимают видное место в воеводском корпусе. Но их недостаточно много, чтобы контролировать воеводский корпус в целом, и они недостаточно знатны, чтобы можно было ставить их во главе армий, полков, зная, что прочая служилая знать им подчинится. Поэтому, как и при Федоре Ивановиче, во вре-

мена правления Бориса Годунова его клану приходилось полагаться в военной сфере на союзников.

8. Из выезжей знати в полковых воеводах виден один лишь князь П.А. Черкасский (около 1,5 % назначений). На исходе царствования Бориса Федоровича он исполнял второстепенную воеводскую должность в «малом разряде» на Рязани.

9. Выходцы из слоев, стоящих ниже служилой аристократии при Годуновых в военную элиту почти не допускались. Исключение составляют два второстепенных боевых выхода: осенью 1604 г. под Мценск «на обмену большим воеводам» и такой же сменный разряд «меньших воевод» по «украинным городам», то ли 1601, то ли 1602 г. (всего около 4,5 % от общего числа назначений). В первом случае Передовым и Сторожевым полками командовали Ф.А. Еропкин и князь Ф.И. Волконский по прозвищу Мерин. Во втором случае над маленьким сторожевым полком начальствовал А.В. Замыцкий.

10. Как и при Федоре Ивановиче, чаще всего первыми воеводами в отдельных полках становились представители русской титулованной (княжеской) аристократии. На них приходится в общем счете 43 назначения или приблизительно 63 % от общего их числа. При Федоре Ивановиче эта цифра составляла 67 % – различие незначительное.

Разительный контраст с предыдущим правлением являют Шуйские. Подняв знамя борьбы против Годуновых и потерпев полное поражение, они долгое время не играли сколько-нибудь заметной роли ни при дворе, ни в вооруженных силах. Но после выступления князя В.И. Шуйского, который возглавлял расследование по делу о гибели Дмитрия Углицкого, в пользу Годуновых³, произошло частичное восстановление их прав и высокого статуса при дворе. В царствование Бориса Годунова Шуйских не боялись ставить на важные военные посты, доверяют им командование в критических ситуациях, т.е. возвращение Шуйских в состав воеводской элиты совершенно очевидно. Более всего доверял царь Борис Федорович князю Д.И. Шуйскому, который приходился ему свояком, оттого, видимо, и давал ему крупные воеводские должности намного чаще, нежели другим Шуйским. Однако, как покажут события Смутного времени, Д.И. Шуйский не имел дарований полководца и был весьма посредственным «командармом».

³ Официальное признание смерти Дмитрия Углицкого результатом несчастного случая объективно избавляло Годуновых от многих неприятных последствий этого дела.

Голицыны – влиятельный, богатый и весьма знатный род. Геди-миновичи, они стояли на верхних позициях в иерархии местнической «чести». Однако при Годуновых они приняли роль полуопальных вельмож. Голицыны редко назначались на ключевые посты, им ни разу за всю царствование не доверили возглавлять самостоятельные полевые соединения. Союзники и родственники Голицыных, князья Татевы, – явные недоброжелатели Годуновых. К тому же, в 1580-х гг. Татевы пострадали от опал как сторонники Шуйских, коих разгромили и унизили Годуновы. Они не столь родовиты, как Голицыны. Казалось бы, нет никаких оснований для того, чтобы Татевы получили особое влияние и пользовались особой востребованностью в воеводском корпусе. И, однако, их часто назначают полковыми воеводами. Очевидно, частичная «реабилитация» рода Шуйских положительно сказалась и на Татевых. Впрочем, можно подозревать и другую причину высокого положения Татевых в воеводском корпусе – выдающиеся тактически дарования у князя Б.П. Татева, одного из самых «занятых» военачальников годуновского времени. Он отогнал татар под Курском в 1600 г., удачно действовал против Лжедмитрия I в 1604, затем громил болотниковцев на подступах к Москве и под Калугой, и мог считаться удачливым, искусным полководцем до несчастного сражения на Пчельне (1607), где был разбит теми же болотниковцами и погиб.

Напротив, М.С. Туренин – явно из лагеря Годуновых. Туренины имели родственные связи с Годуновыми и поддерживали их в придворной борьбе. Соответственно, М.С. Туренин, очевидно, стал одним из проводников влияния Годуновых в армии.

Но главная опора царя Бориса Федоровича в армии, конечно же, старинный его союзник – семейство Трубецких. Главная фигура среди военачальников, коих поставлял их род, – боярин князь Т.Р. Трубецкой. Эту роль ему щедро оплачивали успехами в местнических тяжбах [2, с. 41].

Еще один высокопоставленный «агент влияния» Годуновых в армии – князь А.А. Телятевский, талантливый полководец и зять влиятельного С.Н. Годунова, награжденного прозвищем «правое ухо царево».

Такие же друзья Годуновых – князья Ромодановские. Племянник видного воеводы И.П. Ромодановского и сын другого воеводы, не столь значительного, Г.П. Ромодановского, Иван, был женат на А.М. Годуновой; а ее отец Матвей Михайлович Годунов заседал в Боярской думе и был доверенным лицом при государе Борисе Федоровиче. Вот

исток их возвышения в воинской среде.

Союзничал с Годуновыми князь Ф.А. Ноготков-Оболенский, чрезвычайно опытный военачальник и самый востребованный воевода предыдущего царствования. Он жестоко местничал с Романовыми-Юрьевыми и даже позволял себе публичные издевательские высказывания в адрес Ф.Н. Романова [8, с. 117]. К тому же, от царя Бориса Федоровича, по случаю восшествия на престол, князь получил боярский чин, а в дальнейшем выиграл несколько крупных местнических дел, имея сомнительные позиции. Возможно, высокий статус воеводы при дворе и в армии поддерживался не только за счет его местнической чести или воинского опыта, но и за счет женитьбы его брата, князя И.А. Ноготкова, на дочери боярина Б.Ю. Сабурова.

Царь Борис Федорович создал своего рода «домен влияния» внутри русского воеводского корпуса. Помимо самих Годуновых и их близких родственников в этот домен вошли князья Трубецкие, князь М.С. Туренин, князь А.А. Телятевский, князь И.Д. Хворостинин, М.Б. Шеин, Морозовы и Плещеевы (особенно Басмановы-Плещеевы), а также, по всей видимости, – Бутурлины, князья Ромодановские и князь Ф.А. Ноготков. Возвышение в военной сфере сопровождалось успехами в сфере придворной и политической. Так, Басмановы-Плещеевы были обласканы Борисом Годуновым, вышли в думные чины, обрели высокое положение при дворе; князю А.А. Телятевскому дали боярство; родич Салтыковых В.П. Морозов и князь И.Д. Хворостинин получили окольниковство; М.Б. Шеину, женатому на дочери М.О. Годунова, также достался чин окольного; Ф.А. Бутурлину пожаловали окольниковство при восшествии Бориса Годунова на престол [2, с. 64, 69-70]. Ромодановские далеко продвинулись на военном поприще, хотя со времен Ивана III были малозаметны в воеводском корпусе. Таким образом, Борис Федорович Годунов обзавелся весьма значительной группой ведущих военачальников, которые являлись его «милостниками».

Система рекрутирования военачальников на ключевые воеводские посты из среды служилой аристократии не претерпела при Годуновых системных трансформаций. Но произошли изменения иного рода: отступление одних фамилий знати на второй план или даже полное их исключение из военной элиты, возвышение других семейств; и то, и другое связано с борьбой «придворных партий». Победа партии Годуновых не вызвала у других аристократических кланов ни смирения, ни поддержки. Годуновым приходилось создавать и поддерживать «живую крепость» из союзников, родственников и брачных

свойственников, которые должны были защитить своих «патронов», а также проводить их волю в военной сфере.

Это создавало в русском воеводском корпусе напряжение между сторонниками и недоброжелателями Годуновского семейства. Прежде всего, линия раскола проходила через область местнической иерархии. Годуновым приходилось расплачиваться со своими друзьями не только высокими чинами, но и поддержкой в местнических тяжбах. Несправедливость или, используя термины старомосковской действительности, «пonorовка» в пользу годуновских фаворитов должна была вызывать обиду у пострадавших и тревогу у нейтральной массы служилой аристократии. Трещина, окружавшая «домен» влияния Годуновых в армии, в обстоятельствах Смуты оказалась губительной.

1. Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1882. Т. 2.
2. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
3. Разрядная книга 1475-1605. М., 1994. Т. IV. Ч. 1.
4. Разрядная книга 1550-1636 гг. Том II. Вып. 1. М., 1976.
5. Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974.
6. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.) / Составитель Белокуров С.А. М., 1907.
7. Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974.
8. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». Изд. 2-е. М., 1985.

УДК 94(47).043

А.Л. Грязнов¹

Отражение индивидуальных и коллективных интересов в сфере родового землевладения князей Ухтомских²

Землевладение; вотчина; собственность; род.

Систематизируются сведения о родовом землевладении князей Ухтомских. Рассматриваются способы проявления их коллективных прав на родовую вотчину.

Наследственные земельные владения одна из важнейших ценностей русского Средневековья. Различные способы возникновения этой собственности, статус владельцев, генеалогическая ситуация и

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда), rubicon@volgda.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-35003.

другие факторы накладывали свой отпечаток на судьбу родовых вотчин конкретных фамилий. Комбинации этих факторов складывались в систему взаимоотношений «вотчина – индивид – род», где каждая из линий («вотчина – индивид», «вотчина – род», «индивид – род») имела самостоятельное значение и индивидуальный набор маркеров. В эту систему взаимоотношений были включены все древнейшие феодальные семейства Северо-Восточной Руси, причем законодательному регулированию данная сфера подверглась сравнительно поздно [2; 6; 7; 8]. Точнее, интенсивное вмешательство государства хронологически совпало с лавинообразным разрушением светского вотчинного землевладения. Именно на этот период – 1550-1570-е гг., приходится наибольшее количество сведений о родовых вотчинах, правах на них, способах отчуждения и круге возможных претендентов.

Можно выделить наиболее значимые аспекты индивидуальных и коллективных интересов в сфере родового землевладения.

Индивидуальные интересы: получение максимальной суммы от заклада или продажи вотчины, что может быть обеспечено при расширении круга потенциальных приобретателей; возможность увеличения личных земельных владений и передача их по наследству (в том числе и по женской линии).

Коллективные интересы: сохранение максимального объема земельных владений в руках представителей рода и их равномерное распределение между всеми его членами; ограничение возможности отчуждения вотчин за пределы фамилии; снижение цены при выкупе вотчины, вышедшей из рода.

Значительный корпус актов XVI в., охватывающих большую часть территории Ухтомы, позволяет с высокой степенью достоверности изучить родовое землевладение князей Ухтомских и то, как именно интересы индивида и рода отражалась на повседневной практике в земельной сфере. В каждой из сделок князей Ухтомских прослеживается учет этих интересов и законодательства в сфере родового землевладения. В общей сложности за XVI в. документально фиксируется 37 сделок Ухтомских с родовыми вотчинами (13 закладов, 16 продаж, 4 вклада) [3, с. 8]. Еще 13 сделок выявляется по косвенным данным [4]. Это без учета разделов отцовских вотчин между братьями.

Контрагентами при закладах выступали не только родственники, но монастыри и землевладельцы других уездов. Следовательно, предполагалось, что в случае невыплаты долга вотчина могла выйти из рода. Тем не менее, применительно к вотчинам Ухтомских до

1550 г. таких случаев не фиксируется, а в общей сложности за этот период из владения Ухтомских вышло только четыре вотчинных комплекса (все в прошлом владения бездетных князей), причем отчуждение двух из них сопровождалось судебными разбирательствами с последующим выкупом.

К 1538 г. относится успешный иск кн. Ухтомских к Корнилиево-Комельскому монастырю, потребовавших дать им возможность выкупить с. Погорелое, незадолго до этого завещанное в монастырь кн. Юрием Васильевичем [5]. В этой истории интересны несколько моментов:

Круг претендентов на вотчину. Он был ограничен старшей ветвью Ухтомских, к которой принадлежал и бывший владелец села. Это трое его племянников и дети еще одного. О возможности заключить соглашение с монастырем четвертого из племянников говорится в заключенной позднее мировой. Пятый племянник Юрия Васильевича в сохранившихся материалах дела не упоминается, но, вполне возможно, что монастырские власти заключили особое соглашение с его вдовой.

Подлежащая выкупу вотчина делилась на равные доли. Точнее, выть полагалась каждому из племянников кн. Юрия Васильевича. Доли умерших к этому моменту племянников делились пропорционально между их сыновьями.

Право выкупа распространялось не только на вклад кн. Юрия Васильевича, но и на деревни, которые он завещал своей жене Фетинье (за ее приданое), а она передала их в монастырь.

История с выкупом имела продолжение. Получив возможность выкупить вотчину и, видимо, реализовав это право, князья в 1543/44 г. заключили с монастырем мировое соглашение, по которому отказывались от прав на вотчину, за что получали компенсацию в 200 руб. В конце мировой грамоты писец назвал ее купчей, что, очевидно вполне соответствовало смыслу документа.

В данном случае мы имеем дело с коллективной реализацией прав на родовую вотчину, причем в то время, когда законодательство явным образом еще не регулировало этот вопрос.

Второй документированный случай выкупа Ухтомскими родовой вотчины относится к 1557 г.

Бездетный кн. Василий Федорович Холуев-Ухтомский сначала заложил в Корнилиево-Комельский монастырь с. Борисоглебское, затем завещал его монастырю и составил данную грамоту. Не менее десяти лет монастырь владел этой вотчиной, но в 1557 г. кн. Данила

Данилович обратился с иском о выкупе и получил право его осуществить [11, с. 495-498]. В этом случае свои права предъявил только один представитель рода, причем принадлежавший к другой ветви. Остальные Ухтомские, видимо, на эту вотчину не претендовали. Позднее с. Борисоглебское было разделено между детьми кн. Данилы Даниловича³.

Другой стороной коллективных прав на родовую вотчину было выполнение положений ст. 85 Судебника 1550 г. В ней указывалось, что прав на вотчину лишался продавец, его дети и родственники, фигурирующие в купчей как послухи. По документам Ухтомских видно, что этот момент учитывался покупателями и в число послухов привлекался довольно широкий круг родственников продавца (из всех трех ветвей рода). Как расширение этого положения можно рассматривать включение в число титульных продавцов и залогодателей не только реального собственника вотчины, но и его сыновей (наблюдается во всех случаях отчуждения вотчины).

Интересный момент прослеживается на примере семьи князя Петра Александровича. При продаже им родовых вотчин в числе продавцов записаны и его дети Иван и Федор, к тому времени оба уже вполне зрелые люди. Старший Иван, записанный в Дворовую тетрадь вместо отца, в 1560/61 и 1563 гг. закладывал часть вотчины, пожалованной отцом [1, № 242]⁴. В 1550 г. кн. Федор заложил небольшую вотчину, тоже пожалованную отцом. Выкупали ее уже оба брата [1, № 240]. Однако позднее продавцом всех этих земель выступил кн. Петр. Здесь мы видим выделение из обширной отцовской вотчины долей сыновьям, которые получали сравнительную свободу в распоряжении ими, но отец сохранял права собственности на эти земли и позднее вместе с сыновьями выступил в роли продавца.

Однажды Даниле Даниловичу и Григорию Ивановичу пришлось выступать поручителями по Петру Александровичу перед властями Кириллова монастыря

Если в середине XVI в. послухами и поручителями выступали представители уже разросшегося рода Ухтомских, то на рубеже XV-XVI вв. в таком качестве привлекались представители других ветвей белозерского княжеского дома. В межевой Ивана Волка Ухтомского с Иваном Согорским послухами выступили представители Ухтомских, Шелешпальских и Согорских, а саму грамоту писал кн. Иван Согорский. В зарядной Семена Ухтомского с Василием Шелешпальским

³ ОР РНБ. СПб ДА.А1/17. Л. 143–145 об.

⁴ ОР РНБ. ОСРК.Q.IV.1136. Л. 252 об.–253 об.

межу должен был указать старший представитель Шелешпальских, а предыдущая грамота хранилась у Ивана Согорского [1, № 146; 10, с. 146-147].

Проданная или невыкупленная вотчина не переходила автоматически в собственность приобретателя. Требовалась запись сделки в вотчинные книги. Свидетельства этого сохранились на закладных и очищальных записях. Если, например, в случае с закладом сщ. Ескина переход невыкупленной вотчины к кн. Василию Пронскому был записан в вотчинные книги только через несколько лет, то продажа с. Семеновского была записана в день сделки⁵. Неоднократны упоминания о докладе сделок.

Ухтомские, за исключением одного случая (и то предположительного) не передавали вотчины в приданое за дочерьми, но те могли сохранять связь с семьей и родовым гнездом. Например, Мария Юрьевна Совина, в девичестве Ухтомская, ссудила 30 руб. своему четвероюродному брату Ивану под залог родовой вотчины [1, № 242].

Высока была доля сделок по закладу и продаже вотчин другим представителям рода. Вплоть до 1550-х гг. с вотчинами расставались только бездетные князья. При продаже вотчин в монастыри Ухтомские стремились сохранить связь с Ухтомой и приобретали новые вотчины на ее территории. Как следствие такой очень прочной связи с родовым гнездом явилось то, что мы не видим землевладения Ухтомских за пределами Ухтомы. Первое небольшое поместье обнаруживается у князя Ивана Петровича только в 1568 г., уже после продажи его отцом родовой вотчины [9, с. 169].

Переплетение индивидуальных и коллективных интересов в сфере родового землевладения князей Ухтомских сравнительно полно отражено в сохранившихся источниках. В первую очередь – это непосредственная связь с родовым гнездом всех представителей рода вплоть до опричнины. Несмотря на мобилизационные процессы, каждый из Ухтомских сохранял долю в родовой вотчине (хотя иногда совсем небольшую). Только измельчание вотчин и, скорее всего, опричные конфискации, толкнули Ухтомских к получению поместий. Разрушение родового землевладения Ухтомских, судя по всему, связано с увеличением персонального состава этой семьи в каждом новом поколении. Экономический потенциал дробившихся вотчин снижался, а все увеличивающееся число индивидов затрудняло выработку и поддержание коллективных стратегий и ценностных ориентиров. Тем не менее, даже в XVII в. на территории Ухтомы сохраняются родовые

⁵ Там же. Л. 205об.–207.

вотчины Ухтомских, а часть земель волости находится у них в виде поместий.

1. АЮ. СПб., 1838.
2. *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.
3. *Грязнов А.Л.* Кризис родового землевладения князей Ухтомских во второй половине XVI в. // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда, 2014.
4. *Грязнов А.Л.* Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов, 2015.
5. *Грязнов А.Л.* Сотная на пошехонскую вотчину Корнилиево-Комельского монастыря 1543/44 г. // История и культура Ростовской земли. 2013. Ростов, 2014.
6. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
7. *Колычева Е.И.* Традиция и законотворчество в русском средневековом государстве XV–XVI вв. (правовые аспекты отчуждения собственности) // Представление о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998.
8. *Назаров В.Д.* Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003.
9. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Поместные земли. СПб., 2000.
10. *Стрельников С.В.* Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексеева. М., 2012.
11. *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

УДК 94(47).04

А.В. Сергеев¹

К истории землевладения князей Шестуновых в XVI – начале XVII вв.

Княжеское землевладение; князья Шестуновы; биографические данные.

В статье на основе данных разных источников выясняется характер землевладения самой младшей линии в фамилии князей Шестуновых. Приводятся биографические данные о представителях нескольких поколений указанной фами-

¹ Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н.; sergeev1967@inbox.ru.

лии, живших в XVI – начале XVII в.

Поводом для настоящей статьи послужила находка столбцов с данными о землевладении князей Шестуновых. Первый документ челобитная от 15 июня 7140 (1632) г., «Царю Государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси», в которой «бедная безпомошная вдова горькая князь Ондреевская женишко Ивановича Шестунова Иреница» просила: «велите государи тае старинную вотчинку приданную и купленную дать мне бедной, чем мне бедной после мужа своего питатца и мужа своего князь Ондreja Ивановича поминать, чтоб мне бедной и безпомошной вдове без приюту голодную смертью не умереть, а опричь, государи, той вотчинки после мужа моего князь Ондreja не осталось никаких вотчин. Государи смилуйтесь пожалуйста»². Речь шла о вотчине князей Шестуновых в Галицком уезде. В челобитной кратко изложена история этого владения. «Сельцо Терентьевское да пустошь Зенкино а четвертные пашни двадцать шесть чети ...шла ... в приданные бабке князь Ондрееве князь Дмитрееве Васильевича Шестунова». Кроме «приданных» владений «дед князь Дмитрий прикупил вотчинку в Галицком уезде лета 7021-го году у Олфелья Иванова сына Савостьянова деревню Васютину, деревню Иванково Займище, починок Микулин, займище Суровцово, деревню Мистюкову шездесят пять чети и после ... князь Дмитрея тою вотчинкою купленною и приданною владел сын ево, а мужа моего отец князь Иван. А после ево владел тою вотчинкою муж мой князь Ондрей Иванович по свою смерть и в старых, государь, в писцовых и платежных книгах та вотчинка написана за ними ж и купчая государь на ту купленную вотчинку после мужа моего князь Ондreja осталось».

В связи с этой челобитной находится «список с купчие слово в слово»: «Се яз Олферей Иванов сын Савостьянова продал есми свою вотчину князю Дмитрею Васильевичу Шестунову: деревню Наволок Микулин на Костроме на реке, да деревню Мистюкову, да деревню Иванково на речке на Кореге, да заимеще починок Микулин, да заимеще починок Суровцов за рекою за Костромою со всеми угоды, куда топор и коса ходила исстари. А взял есми на той вотчины своей у князь Дмитрея Васильевича сто семьдесят рублей да вол пополнка. А на то послуши: Иван Савостьянов сын Козлова, да Григорей Иванов

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 78. Документы и дела, сформированные из россыпи. № 602. Л. 1.

сын Ястребцова, да Яков Шахмола Остафьев сын. А подлинную купчую писал Игнатей Дмитриев сын Писчиков лета 7021-го. Да назади у подлинной купчей написано: по сей купчей аз Олферей вотчину свою продал и руку свою приложил. Послух Иван руку свою приложил. Послух Гридя Ястребцова руку приложил. Послух Яков Шахмула руку приложил». На обороте: «140-го году августа 22 день взять к делу, справя с подлинною слово в слово».³ Таким образом, в столбце сохранилась копия 1632 г. акта первой четверти XVI в.

В писцовой книге Галицкого уезда 7137–7141 (1628/29–1632/33) гг. приведено описание вотчины князя А.И. Шестунова: «старая вотчина село Терентьево на реке на Костроме, а в нем двор вотчинников... деревня Мистюково... починок Микулин, а Молочное тож, на реке на Костроме... деревня Иванково на реке на Кореге... пустошь Суровцово на реке на Костроме... всево за князь Ондреем Шестуновым в вотчине в Коргужской волости село да три деревни да починок живущих да две пустоши а в них двор вотчинников, два двора люцких, восемь дворов крестьянских, пять дворов бобыльских, людей в них 27 человек, 2 двора пустых. Пашни паханные вотчинниковы 6 чети, да перелогом 15 чети... Обоево пашни паханные и перелогом и лесом поросло добрые земли и середние земли 91 четь в поле, а в дву потому ж. Сена 570 копен; лесу пашенного 61 десятина ... Писана за ним та вотчина по дозорной выписи 128 и 129 гг. За ним же поместье в Коряжской волости»⁴. Размер владений князя Андрея по писцовой книге, точно совпадает с размерами «приданной» и «купленной» вотчин, в столбцовых документах.

В описании поместья Корезской волости отмечено за князем А.И. Шестуновым в поместье деревня Ондреевское на реке Сендеге 85 четей по ввозной грамоте 129 (1620/21) г.⁵ Как видно из приведенных сведений, размер данного поместья князя А.И. Шестунова был почти таким же, как вотчинных владений.

В одной из Записных вотчинных книг Поместного приказа отмечено: «Во 140-м году дано вдове княгине Орине князь Ондреевской жене Шестунова мужа ее поместье на прожиток на Костроме двести шестьдесят одна четь, а помесной оклад князь Ондреев был семь сот пятьдесят чети»⁶. Поскольку других документов, связанных с чело-

³ Там же. № 1246. Л. 1–2.

⁴ Там же. Оп. 1. № 93. Л. 220; № 7232. Л. 132.

⁵ Там же. № 97. Л. 1095; № 7215. Л. 1065. Благодарю А.П. Павлова за данную информацию.

⁶ Там же. Оп. 4. Кн. 6011. Л. 834–834 об.

битной княгини Ирины, пока выявить не удалось, можно только предположить, что «на прожиток» ей выделили лишь поместье мужа. Размер поместья, видимо, указан в Записной книге полностью, тогда, как в писцовой приведен только размер третьей части (85 четей) «а в дву потому ж». Важна также информация о высоком поместном окладе князя Андрея. Вероятно, кроме указанного, у него были другие поместья.

Рассмотрим биографические сведения об упомянутых в приведенных текстах лицах. Князья Шестуновы были одной из старших фамилий в родословной «лествице» князей Ярославских. Их ближайшая родня – князья Великогагины (Гагины), происходили от старшего сына князя Василия Васильевича Шестуна – Петра Великого. Шестуновы делились на две линии: старшую, шедшую от пятого сына князя В.В. Шестуна – Семена Кривого и младшую – от его младшего сына Дмитрия Кнута. Последний упоминается в приведенных выше документах. В XVI в. потомки князя В.В. Шестуна разделились на две фамилии: Великогагиных (Гагиных) и Шестуновых. Земельные владения их располагались в разных уездах. Если Гагины, насколько позволяют заключить данные источников, сохраняли земли в «родовом гнезде», то Шестуновы в середине XVI в. служили по Ростову [6, с. 16–19]. Родственные связи между Гагиными и Шестуновыми были ослаблены. Причин этого могло быть несколько. Одна из них – многодетность князя В.В. Шестуна. Родословными у него отмечено 8 сыновей и дочь, вышедшая замуж за князя И.М. Воротынского [1, с. 90]. Детей у него, вероятно, было больше, поскольку не все могли попасть в родословные, особенно дочери. Возможно, женат он был не один раз, и дети могли быть от разных браков. Многочисленность потомства вела к раздроблению отцовской вотчины и вынуждала младших сыновей искать путей приобретения земель в других уездах. Возможностей для этого было две: карьера при Государевом дворе и заключение выгодных брачных союзов. Оба способа, по-видимому, использовались Шестуновыми. Если в конце XV – начале XVI в. князь П.В. Великий, как старший из сыновей В.В. Шестуна, был заметным лицом при Государевом дворе, то во второй половине XVI в. потомки князя Семена Васильевича Кривого обогнали Гагиных на государственной службе и достигли высших дворовых чинов. Эта «средняя» линия потомков В.В. Шестуна и позднее играла видную роль. Они породнились с Романовыми [7, с. 98–99]. Сыновья и внук младшего из сыновей В.В. Шестуна – князя Дмитрия Кнута заметной политической роли не играли, и сведений о них сохранилось немного. В «Дворовой

тетради» все князья Шестуновы указаны по Ростову [9, с. 141–142]. О владениях там сына князя Семена Кривого – Дмитрия сохранились сведения в межевой книге Троице-Сергиева монастыря⁷. Возможно, там же находилась часть владений Д.В. Шестунова Кнута и его сыновей – Ивана и Дмитрия. После женитьбы у Д.В. Шестунова появилась также вотчина в Галицком уезде. Таким образом, Шестуновы оторвались от «родового гнезда» и княжеской корпорации Ярославских в первой трети XVI в. Карьера при Государевом дворе Д.В. Шестунова Кнута и его сыновей, в отличие от старшей родни, не была выдающейся. Младшие Шестуновы принадлежали к среднему слою княжеской аристократии. Росту их социального статуса мешала, по-видимому, ограниченность способностей у потомков Д.В. Кнута Шестунова. Упомянутый в цитированных выше документах, князь Андрей Иванович (последний из князей Шестуновых) не отмечен в «Бархатной книге», но указан в других родословных. Прозвище «Шелеп» (Кнут) указывает на его принадлежность к линии князя Д.В. Кнута Шестунова. В родословце С.В. Ромодановского отмечено: «у кн. Ивана Дмитриевича Кнута Шестунова сын Андрей Шелеп в уме плох»⁸. Аналогичная помета есть и в некоторых других родословных⁹. Замечание «в уме плох» не следует понимать слишком буквально, оно характеризует ограниченность способностей, но не говорит о полной недееспособности. Известно, что некоторые службы на князя А.И. Шестунова возлагались. В «Боярском списке» 1606–1607 г. он отмечен в числе московских дворян, во время «королевичева прихода» 1618 г. состоял в «Осадном списке» [8, с. 301; 2, с. 43].

В период опричнины сыновья Д.В. Шестунова Кнута были высланы в Поволжье. В Писцовой книге Казани отмечен двор князя Ивана Дмитриевича Шестунова [3, с. 20, 22]. Что случилось с его Галицкой вотчиной неясно. Скорей всего, она оставалась за ним. По-видимому, пребывание в Поволжье длилась недолго, и он вполне мог сохранить это владение. Определенной информации об опричных репрессиях в отношении князей Шестуновых (кроме кратковременной высылки в Поволжье) нет. Сведения о службе, вернувшегося из Поволжья князя И.Д. Шестунова, отмечены в июне 1579 г., когда он находился в царской свите «у знамени» [5, с. 293]. Позднее И.Д. Шестунов не раз отмечался разрядами и официальными документами [5, с. 275–292; 8, с. 203, 215, 302]. Все же фамилия Шестуновых к концу XVI в.

⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 20. № 519, 520.

⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Гатищев Ю.В. № 13. Л. 58 об.

⁹ ОР РНБ. Q.XVII.3. Л. 96 об.

заметно сократилась.

У князя И.Д. Шестунова в 1570-х гг. было поместье в Каширском уезде «160 четьи в поле, а в дву потому ж» [4, с. 1489]. Если допустить, что это владение перешло к его сыну, то с учетом Костромского поместья, получится почти полное соответствие помещному окладу князя Андрея Ивановича. Вместе с «вотчинкой» в Галицком уезде площадь его земельных владений могла составлять около 1000 четвертей.

Сведения приведенных источников позволяют дополнить биографические данные князей Шестуновых, уточнить характер их землевладения, оценить общественное положение в рассматриваемый период.

1. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии во второй половине XV–первой трети XVI века. М., 1988.
2. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. М., 2009.
3. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932.
4. Писцовые книги Московского государства. / Изд. Императорского русского географического общества. Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачева. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877.
5. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
6. *Сергеев А.В.* Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. СПб., 2014. Т. XXXIV.
7. *Снегирев И.М.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 2012.
8. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
9. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

УДК 94(47).027

А.В. Лаушкин¹

Булгары как новые половцы:

суздальская линия на карте древнерусской идентичности

Древняя Русь; булгары; половцы; литва; летописание; образ другого.

Автор обращается к «половецким чертам» в летописном образе волжских булгар и склоняется к выводу, что их появление отражало некие изменения в самосознании русских книжников второй половины XII — начала XIII вв.

¹ Лаушкин Алексей Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., laushkin@newmail.ru.

И.Г.Коновалова обратила внимание на то, что изображение русско-булгарских отношений в Лаврентьевской (*ЛЛ*) и Ипатьевской (*ИЛ*) летописях резко меняется во второй половине XII в. Эта перемена впервые обнаруживает себя в известии *ЛЛ* о походе Андрея Боголюбского «на Болгары» под 6672 г. Если раньше летописные упоминания об этом народе оставались «эмоционально нейтральны» (за исключением рассуждений Повести временных лет (*ПВЛ*) под 6494-6495 гг. о вере болгар, где, впрочем, главным объектом критики выступали не сами они как народ, а обычаи представляемого ими ислама), то с указанного времени образ волжских болгар приобретает в названных памятниках устойчивую «негативную эмоциональную окраску». Проявилось это в трех нововведениях: 1) приложении к болгарам эпитетов «поганые» и «безбожные», 2) негативной акцентировке их веры и 3) частых указаниях на «божественную помощь, сопутствующую русскому воинству в битвах с болгарями». Причиной такой коррекции образа болгар исследовательница считает не столько происходившую в то время активизацию «булгарской» политики князей Суздальской земли, сколько идейно-политические начинания Андрея Боголюбского, направленные «на превращение Владимира в общерусский политический и религиозный центр», для чего «среди прочего нужен был достойный внешний враг» [3, с. 78-81].

Соглашаясь с этими положениями по существу, мы хотели бы несколько дополнить и уточнить их.

В древнерусской литературе домонгольской поры самый негативный образ неприятелей-иноверцев возник при изображении половцев [14]. Оформившись во всех своих основных чертах уже на страницах *ПВЛ*, он приобрел для русской средневековой традиции архитипическое значение и со временем повлиял на изображение некоторых других недружественных соседей Руси. Однако произошло это далеко не сразу — на протяжении многих десятилетий не только разбираемый образ в целом, но и его составные элементы оставались исключительными атрибутами летописных известий о русско-половецких контактах (за мельчайшими исключениями, не имевшими систематического характера и почти незаметными на общем фоне). Упомянутые элементы, регулярно появлявшиеся в летописных текстах, были следующими: 1) использование лексики этноконфессионального размежевания — приложение к половцам негативно-конфессиональных определений и симметричное использование для наименования русских слова «христиане» (а также производных от него) в качестве дополнительного эндоэтнонима [4; 15]; 2) выявление и акцентирование прови-

денциальной подоплеку русско-половецких столкновений [6]; 3) соотношение половцев с нечестивыми народами Ветхого Завета, а также их «наследниками» в историческом настоящем [5].

Булгары оказались в летописании первым народом, на который начали переноситься эти «половецкие» черты (хотя и не все) [см.: 10, стб. 352-353, 364, 389-390, 444-445; 11, стб. 564-566, 625-626].

Лексика конфессионального размежевания представлена в известиях о русско-булгарских конфликтах понятиями «поганья» (*ЛЛ* под 6672, 6680 и 6692 гг., *ИЛ* под 6681 и 6690 гг.), «безбожнѣя» (*ЛЛ* под 6728 г.) и «бохмиты» (*ЛЛ* под 6692 г., *ИЛ* под 6690 г.) — по отношению к булгарам; «хрестьяне» (*ЛЛ* под 6680 г., *ИЛ* под 6681 г.) — по отношению в русском. «Поганые» и «безбожнѣя» — самые распространенные, но далеко не единственные негативно-конфессиональные определения половцев в летописании. И на первый взгляд, авторы известий о булгарах проявили определенную сдержанность, использовав лишь часть «половецкого фонда» подобных характеристик. Однако говорить о какой-то заметной сдержанности в данном случае все же не приходится. Половцы получали весь набор таких характеристик только в известиях об их набегах на Русь, тогда как в случаях, когда речь заходила о походах русских князей против них в степи, именовались обычно просто «погаными» [7]. Указанные же статьи *ЛЛ* и *ИЛ* рассказывают о походах суздальских князей на Булгарию, а не о нападении булгар на Русь. Таким образом, использование летописцами рассматриваемой лексики в целом соответствует «половецкому шаблону» для описания соответствующей ситуации.

Провиденциальные ремарки в форме указания на небесную помощь русским в их борьбе с булгарами встречаются в *ЛЛ* под 6672, 6680, 6692 и 6728 гг. и в *ИЛ* под 6681 и 6690 гг. В летописных известиях о половцах имеется и другая разновидность таких ремарок — указание на них как на орудие Божьего гнева. В известиях о булгарах эта разновидность отсутствует. Но при этом снова нужно оговориться: в *ЛЛ* и *ИЛ* за вторую половину XII в. — первую треть XIII в. не отмечено и одного сколько-нибудь серьезного поражения русских от булгар (эпизоды с набегом булгар на Ярославль в 1152 г. и захватом ими Устюга в 1219 г., известные по некоторым позднейшим памятникам [10, стб. 502; 12, с. 77], анализируемые летописи не знают). Между тем, именно успешные действия половцев давали летописцам повод говорить о них как о «биче Божиим». Как и в предыдущем случае, характер описываемого определил те конкретные литературные средства, к которым прибегали летописцы.

Что касается соотнесения с нечестивыми народами, то тут авторы известий о русско-булгарских отношениях несколько отступили от своего образца. Если половцы настойчиво определялись как «из-малтыяне» — потомки праотца Измаила, то о библейской генеалогии булгар летописцы рассматриваемого времени не проронили ни слова. И это тем более показательно, поскольку в *ПВЛ* была заложена, казалось бы, прочная основа для такого соотнесения: под 6604 г. болгары там определены как «сынове Аммонови» [10, стб. 234] — потомки верхозаветного Бен-Амми, родоначальника аммонитян [2, с. 200-216]².

Несмотря на это отличие, болгары в упомянутых летописных известиях предстают как своего рода новые половцы — еще один «безбожный» народ, враждебный Руси. Все эти известия (за исключением отдельных чтений статьи *ИЛ* за 6690 г. — см.: [1]) уверенно связываются с Суздальской землей эпохи Андрея Боголюбского и его ближайших преемников. И если в центре политики и идеологии Андрея Юрьевича находилась задача превращения Владимира в «новый Киев» [13, с. 123], то в рамках такой доктрины наделение булгар отличительными признаками половцев, главных врагов Киева «старого», выглядит действительно весьма логично.

Когда возникает это косвенное, но все же хорошо заметное соотнесение булгар с половцами? Известно, что летописные записи, сделанные на северо-востоке Руси в первой половине XII в., дошли до нас фрагментарно, а систематическое владимирское летописание прослеживается в сохранившихся памятниках лишь с конца 1150-х гг. [13, с. 108-109]. Интересующие нас мотивы представлены в первом же владимирском известии о булгарах — описании похода Андрея Боголюбского 1164 г. (*ЛЛ* под 6672 г.). Потому нельзя исключить, что корни рассматриваемого представления могли уходить и глубже этой даты. Впрочем, нет оснований сомневаться и в том, что события 1164 г., в которых участники увидели чудесную помощь свыше и увековечили ее установлением особого праздника Спаса Всемилоственного и Пресвятой Богородицы 1 августа [8, с. 108-109], в любом случае должны были сыграть важную роль в оформлении такого нового взгляда на булгар.

Еще интереснее было бы ответить на такой вопрос: одна ли политическая доктрина Андрея заставляла его книжников искать в булгарах «достойного внешнего врага» с узнаваемыми архитипичес-

² Кроме того, под 986 г. в «речи Философа» *ПВЛ* проводит параллель между мусульманами-булгарами и жителями ханаанских городов Содомы и Гоморры [10, стб. 86].

кими признаками? Другими словами, имеем ли мы дело исключительно с книжной идеологемой — привнесенной извне, никак не связанной с событиями русско-булгарских отношений и не отражающей (по крайней мере, на первых порах) какие-либо изменения в восприятии соседа?

Обращение к летописному образу еще одного народа, который в домонгольское время стал наделяться «половецкими чертами», заставляет усомниться в оправданности столь однозначного ответа. Речь идет о литве.

В последние предмонгольские десятилетия (с 1210-х гг.) новгородские летописцы начали активно использовать в известиях о русско-литовских отношениях и лексику этноконфессионального размежевания, и провиденциальные ремарки [9, с. 52, 61, 64, 73-74]. Между тем, ни о какой новгородской доктрине, напоминающей доктрину Андрея Боголюбского и требующей для своего развития поисков «безбожного» врага, источники не говорят. Более того, негативная выделенность литвы, достигаемая теми же языковыми средствами, намечается и в других региональных памятниках историописания того же времени – летописях Лаврентьевской и Галицко-Волынской [10, стб. 448; 11, стб. 735] и впоследствии прочно закрепляется в них. Думается, что связать эти перемены возможно только с одним обстоятельством – ростом агрессивности литвы и началом литовской экспансии на сопредельные Русские земли.

Эта литовская параллель заставляет думать, что рост военной конфликтности и в случае с волжскими булгарами выступил в качестве одного из факторов изменения образа соседа и что эти перемены, таким образом, имели причины, не сводимые только к потребностям княжеской идеологии. Вооруженные столкновения с булгарами, участвовавшие с середины XII в., и сами по себе вели к актуализации религиозных отличий с сопредельным народом. А это, в свою очередь, не могло не усиливать христианскую самоидентификацию жителей Суздальской земли, вписываясь в общую тенденцию к усилению конфессиональной составляющей в этническом самосознании русских того времени [4, с. 61-65].

1. *Ведюшкина И.В.* Летописные повести о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 году // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2002.
2. *Карпов А.Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.

3. Коновалова И.Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы к конференции. М., 1999.
4. Лаушкин А.В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI – XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
5. Лаушкин А.В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013: Декабрь. № 4 (54).
6. Лаушкин А.В. «Провиденциальные круги» народов в русском летописании XI—XIII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013: Сентябрь. № 3 (53).
7. Лаушкин А.В. Русско-половецкие контакты в свете летописной лексики этноконфессионального размежевания // Восточная Европа в древности и средневековье: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. М., 2008.
8. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
10. ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
11. ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.
12. ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.
13. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
14. Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т.1 (Древняя Русь).
15. Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl. Stuttgart, 1986.

УДК 94(47).041; 94(47).042

К.В. Вершинин, Т.А. Матасова¹

К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ

Мерило Праведное; Прение Афанасия с Арием; Лактанций; древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы; Траханиоты; греки; «геннадиевский кружок».

¹ Вершинин Константин Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., versh-kv@yandex.ru; Матасова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., tamatt2009@gmail.com.

В работе исследованы два малоизвестных рукописных сборника, содержащие ряд переводных памятников. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что архетип этих сборников восходит к рубежу XV-XVI столетий, и его русский составитель был близок одному из литературных кружков той поры, в которые входили греки-униаты.

В ходе исследования рукописной традиции Мерила Праведного в коллекции НИОР РГБ внимание привлекли два сборника сходного и весьма необычного состава (вероятно, восходящих к одному архетипу). Наряду с текстами, традиционными для русской письменности, такими как «О сотворении всея твари» Георгия Писиды, а также выписками из творений Иоанна Златоуста и других Отцов Церкви, в сборниках содержатся и тексты, переведенные на рубеже XV-XVI вв. Среди них древнерусское сочинение, представляющее собой компиляцию из переведенных фрагментов трудов Лактанция [10, с. 419]², перевод «Прения Афанасия с Арием» и перевод Первой книги «Географии» («Космографии») Помпония Мелы. Большой интерес представляют также присутствующие в этих манускриптах выписки из Мерила Праведного.

Сборник Егор. № 843 происходит из северо-восточных областей Европейской России: пометы на пустых листах обнаруживают, что в XIX в. им поочередно владели несколько крестьян из Усть-Цилемской и Печорской волостей (применительно к последней упомянуты Усть-Сысольская и Нергенская «округи» – районы современных Сыктывкара и Нерюнгри)³. Датировать сборник удалось лишь по водяным знакам: он относится к третьей четверти XVI столетия⁴. Сборник Больш. № 16 относится к рубежу XVI-XVII вв.⁵, его происхождение пока не известно.

Выписки из Мерила Праведного заслуживают специального внимания, учитывая скудость рукописной традиции этого памятника, составленного на Руси в конце XIII в. В рассматриваемых рукописях они включают следующие статьи: «От шестоденца избрано о жи-

² Издание древнерусского текста-перевода, составленного из выписок из трудов Лактанция, осуществлено В.А. Ромодановской без учета рассматриваемых списков.

³ НИОР РГБ. Ф. 98. № 843. Л. 82 об.

⁴ Филигранные знаки: рука – аналог. [7, № 1670 (1553 г.), №№ 1847, 1848, 1849 (1562 г.)]; [1, № 10 996 (1542 г.)]; лилия – аналог. [1, № 7144 (1519 г.) и аналог., но меньшего размера № 7154 (1541 г.)]; буква М – сходно с [1, № 8378 (1574 г.)].

⁵ Филигранные знаки: [1, № 15 936 (1588-1601 гг.)], [6, № 529 (1595 г.)] См.: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/5519473>. Описание сборника см. [3, с. 9-10].

вотех»⁶; «Слово, како подобает тязатися с насилники пред Богом...»⁷; «От житиа святого Епифаниа...»⁸; «О поставлении властелем...»⁹.

От непосредственного источника эти выписки отличаются заменой нескольких слов на грецизмы: «в Номосе» (вместо «в Законе»), «вивлиографос» (вместо «книжный писец»); третье греческое вкрапление искажено и носит вид «граити вивлио» («пиши книги»). Подобный же комплекс статей обнаруживается в двух других и более древних сборниках, написанных в Иосифо-Волоколамском монастыре – ГИМ, Епарх. № 356, 1490-е – 1500-е гг., л. 423 об.–429 [4, с. 369] и РГБ, Волок. № 491, л. 413-415 об., 1520-е гг.¹⁰ Состав несколько отличается от Егор. № 843 и Больш. № 16 (присутствует также «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду...», а статья «От шестоденца» обрывается на словах «силен же скимен»). Однако отмеченные грецизмы имеются и в этих списках, с той разницей, что слово *γράφε в Волок. № 491 искажено до неузнаваемости («страпл вивлио (!); впрочем, на поле глосса: «пиши книги»), зато в Епарх. № 356 написано подобием греческой скорописи. Но и здесь начертание изменено – очевидно, из-за того, что переписчик был не знаком с греческой письменностью, – а потому наши выписки должны быть старше Епарх. № 356. Лексические новации следует, по-видимому, связывать с литературным процессом конца XV в., когда в русской книжности начинает расти интерес к греческому языку. Подобные вкрапления встречаются, например, у входившего в «геннадиевский кружок» Тимофея Вениаминова («о логос», «сия вивлос», «телос вивлос» и т.п.)¹¹. Малый объем материала не позволяет судить о том, кто именно и где сделал выписки из Мерила Праведного, но в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 они встают в один ряд с переводными памятниками, о которых речь пойдет ниже.

Интереснейший, но пока не изданный древнерусский перевод «Прения Афанасия с Арием»¹² в списках, представленных в сборниках, также обнаруживает ряд грецизмов. В некоторых других списках этого произведения есть указания на то, что его перевел некий Ма-

⁶ Егор. № 843. Л. 222–226 об.; Больш. № 16. Л. 380–381. [Ср.: 9, с. 61-70].

⁷ Егор. № 843. Л. 245–245 об.; Больш. № 16. Л. 387 об.–388. [Ср.: 9, с. 102-105].

⁸ Егор. № 843. Л. 245 об.–246; Больш. № 16. Л. 388–388 об. [Ср.: 9, с. 123-125].

⁹ Егор. № 843. Л. 246–247; Больш. № 16. Л. 388 об.

¹⁰ Водяные знаки определены в работе: [5, с. 66].

¹¹ [13, с. 30-37]. Добавим, что в Епарх. № 356, в статье «О поставлении властелем» подзаголовок «Ино» написан пермской азбукой, что безусловно выдает руку русского книжника.

¹² Егор. № 843. Л. 118–159 об.; Больш. № 16. Л. 346–362.

нуил Траханиот, живший в Москве: «Прение со Арием еретиком переведено с греческого на римский язык неким мудрым философом от Рима, принесен тому в Рускую землю к великому князю Иоанну Васильевичу Владимирскому и Новгородскому всея России самодержцу. Он же повеле того превести на русский язык Мануилу Гречину Дмитриеву сыну Амореянину, иже приидоша с царевною из Рима, и переводил с благовещениским попомъ Феодором»¹³. Однако человек с таким именем не известен по другим русским источникам.

Долгое время считалось, что автор сведений о переводчике ошибся, назвав Мануилом или Дмитрия Траханиота, или сына Дмитрия, Юрия Траханиота («Юшку Малого», сделавшего блестящую карьеру при дворе Василия III) [11, с. 199-200; 12, с. 135-136]. Опираясь на суждения дореволюционных авторов, Д.М. Буланин предположил, однако, что Мануил Траханиот все же существовал [2, с. 100]. Недавно обнаруженное в Берлине С.В. Полеховым, переведенное Г.М. Воробьевым и пока не изданное письмо из Рима Андрея Палеолога от 7 ноября 1475 г. подтверждает гипотезу Д.М. Буланина. Письмо свидетельствует о том, что Мануил Траханиот существовал и был, по-видимому, сыном Дмитрия (и братом «Юшки Малого»)¹⁴. Андрей Палеолог в этом письме просил «юношу Эмануила Траханиота» способствовать продвижению некоторых своих дел. Таким образом, историчность Мануила Траханиота можно считать доказанной, а значит, «Прение Афанасия с Арием» было переведено греком из семьи Траханиотов, представители которой относились к ближайшему окружению Софии Палеолог и имели прочные связи в среде итальянских гуманистов. Они входили в римский «кружок» кардинала Виссариона, а также были вхожи в гуманистический кружок при Арагонском дворе. Именно там после бегства из захваченной турками Византии они нашли приют, а их родственник Микеле Марулло Траханиот остался жить в Неаполе и был известен как поэт и философ-неоплатоник. Тем интереснее, что в рассматриваемых сборниках содержатся еще два текста, важные для гуманистического мира.

Так, сборники содержат древнерусский перевод выдержек из Лактанция¹⁵. Тексты христианского богослова III-IV вв. Фирмиана Целия Луция Лактанция были для итальянских гуманистов эталоном

¹³ Цит. по: НИОР РГБ. Ф. 178 (Муз.) № 8188. Л. 848 об.

¹⁴ В ближайшем будущем Г.М. Воробьевым и Т.А. Матасовой предполагается издание этого источника. Сердечно благодарим С.В. Полехова за предоставление его электронной копии.

¹⁵ Егор. № 843. Л. 226 об.–238; Больш. № 16. Л. 382–387.

латыни. На протяжении XV в. его тесты издавались на Апеннинском полуострове 12 раз [10, с. 409]. Работу с произведениями Лактанция вел, по-видимому, доминиканский монах Вениамин, входивший в «артель переводчиков» новгородского владыки Геннадия [10, с. 421-422]. К «геннадиевскому кружку» Траханиоты имели также прямое отношение.

«География» Помпония Мелы – подобно произведениям Лактанция – также была любимым чтением итальянских гуманистов второй половины XV в. [8, с. 315] Содержащиеся в рассматриваемых сборниках списки древнерусского перевода Первой книги «Географии» Помпония Мелы¹⁶, не известные до нынешнего времени, также представляют большой интерес. Их сличение с двумя известными списками этого текста¹⁷ выявило лишь несущественные отличия. Сравнение всех четырех списков «Географии» показало также, что каждый из этих списков имел свой протограф, и, соответственно, ни один из сохранившихся списков этого памятника не является древнейшим. Из четырех имеющихся в распоряжении исследователей списков самым древним является список из коллекции РГАДА. Всего же списков было не менее девяти, причем шесть из них могли относиться к первой половине XVI в. или даже к концу XV в. Соседство древнерусского перевода «Географии» Помпония Мелы в рассматриваемых сборниках с текстами, связанными с кругом греков-переводчиков из свиты Софии Палеолог и их русских коллег, может стать еще одним подтверждением гипотезы о том, что перевод этого античного географического текста осуществил кто-то из Траханиотов [8, с. 338].

Итак, есть основания полагать, что рассматриваемые сборники представляют собой производные от более ранних манускриптов, так или иначе связанных с греками-интеллектуалами из окружения Софии или их кругом, в который входили и русские книжники. Вероятно, именно русский книжник составил сборник, ставший прототипом для тех, что были проанализированы в данном исследовании.

1. *Briquet Ch.M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusq'en 1600. Leipzig, 1923. Vol. 1-4.
2. *Буланин Д.М.* Мануил Дмитриевич // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV-XVI вв. Л., 1989. Ч. 2. Л-Я.
3. *Георгиевский Г.П.* Рукописи Т.Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915.

¹⁶ Егор. № 843. Л. 265–282 об.; Больш. № 16. Л. 371–379 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 10 об.–40 об.; ОР ГИМ. Чуд., № 347. Л. 1 об.–16.

4. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
5. *Конявская Е.Л.* Молитва со свитка «Боголюбской Божией Матери» // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир, 2013.
6. *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
7. *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. М., 1899. Ч. 1-3.
8. *Матасова Т.А.* Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе: о рецепции античного наследия в русской культуре XV-XVI вв. // *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории.* М., 2014. Вып. 9.
9. Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.
10. *Ромодановская В.А.* Сочинения Лактанция в переводе русских книжников рубежа XV-XVI вв. // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54.
11. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903.
12. *Флоря Б.Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982.
13. *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977.

УДК 930(23)

С.И. Хазанова¹

Апокрифы о пророках Илии, Иеремии, Исаяи в древнерусской письменности: обзор

Пророк; апокрифический; книга; список.

Статья посвящена текстуальным проблемам изучения ветхозаветных апокрифов о пророках. Эти апокрифы появились на Руси довольно рано, еще в XII-XIII вв. и сохранились в большом количестве списков. Интересным представляется то, что большинство этих памятников читается не в Палее – основном источнике апокрифических текстов, а в других сборниках.

Такие ветхозаветные персонажи, как пророки Илия, Исая, Иеремия, часто являлись действующими лицами различных апокрифических сказаний. Некоторые такие сказания о них сохранились и в древнерусской письменности.

Собственно апокрифическим в рассказе об Илие можно назвать только эпизод, связанный с рождением пророка. Перед рождением ребенка отец его Совак видел сон: «Якобы муже оу белых платах

¹ Хазанова Софья Игоревна, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hazanovasi@mail.ru.

беседовали со Илиемъ и огнемъ его повивали и поламен огненный давали ести той то его дитине» [9, с. 296]. Совак пошел в Иерусалим для разъяснения странного сна. Один мудрец ему сказал: «Не боися, человеце, будет тому дитяти житие светъ и будет тое дитя друг божий и любый, слав его будетъ великая и будетъ яко аггелъ» [9, с. 296]. Похвала Илье пророку с апокрифическими подробностями его рождения помещается в Прологах под 20 июля. Рассказ об Илье мог появиться в древнерусской письменности очень рано, потому что известный дореволюционный исследователь А.Н. Попов ссылался на то, что у Срезневского в «Сведениях и заметках» упоминается список XII в., от которого сохранилось одно начало [4, с. 54-61]. А.Н. Попов опубликовал статью о рождении Илии из сборника 1541 г. Синодальной библиотеки. В этом списке есть одна неточность: там сон видел не отец пророка Сохав, а его мать Сохава. Видимо, это ошибка переписчика. Но для толкования сна в Иерусалим здесь также приходит отец, который не назван по имени. Толкование сна тоже несколько отличается от версии, приведенной И. Франко: «Не бойся, будетъ бо отрочате светъ, и слово его изреченье суда, и житие его съ господомъ вышнимъ, и судити имать Израилю огнемъ и мечемъ, и рвениемъ своимъ попалить противныя» [4, с. 55]. Исследователь приводит и текст о пророке Илье греческой пасхальной хроники. Славянский перевод очень близок греческому оригиналу. В последнем отец пророка Совак видел ангелов (мужи славянского апокрифа), которые повивали ребенка огненными одеждами и кормили его огнем. Совак пошел к предсказателю, который сообщил, что новорожденный будет светом и станет судить Израиль оружием (ср. мечем славянского текста) и огнем [4, с. 55]. Видимо, сказание об Илии было переведено у южных славян и оттуда попало на Русь. «Похвала Илье пророку» существует в одной редакции, но ее списки имеют незначительные отличия. Их можно разделить на две группы: одна представлена рукописью И. Франко, другая – А.Н. Попова, а также П.А. Лаврова, опубликовавшего «Похвалу Илье пророку» Климента Смоленского [2, с. 236-280]. Рассказ об Илье пророке в Прологах под названием «Огненное восхождение святого великого пророка Ильи» представляет собой, как правило, второй вариант². Наряду с «Огненным восхождением пророка Илии» существует и «Похвала св. пророку Ильи», но она, за исключением текста, опубликованного П.А. Лавровым, не содержит апокрифических мотивов. В «Похвале» Ильи пророк рассматривается как

² Например, ГИМ. Уваров. собр. Д. 70-1 – Пролог XIII-XIV вв. Л. 328 об.–329; Барсовское собрание. Д. 726 – Пролог первой половины XV в. Л. 283.

предтеча пришествию Христа, тогда как в Прологе об этом ничего не сказано: «Вторый предтеча пришествия Христова Илья савны»³. Б.А. Успенский, изучавший образ Ильи в фольклоре, отмечает, что Илья представляет собой также воплощение громовержца [7, с. 40]. Все это позволяет сделать вывод, что сказания об Илье были широко распространены в древнерусской литературе.

Апокриф о другом ветхозаветном пророке – Исае – «Вознесение Исая» принадлежит к числу древнейших. Самый ранний его список читается в Успенском сборнике XII–XIII вв. [8]. Исая рассказывает о своем пребывании на семи небесах царю Езекии и его придворным. Всего же на сегодняшний момент известно 12 списков апокрифа [10, с. 248-250]. Все списки представляют собой одну редакцию. Апокриф неоднократно публиковался по разным спискам, сербский список XIV в. издал А.Н. Попов [5, с. 414-419]. В последний раз апокриф опубликован в «Библиотеке литературы Древней Руси» [1, с. 192-203]. Славянский памятник представляет собой перевод с греческого, греческий текст полностью не сохранился, известны лишь фрагменты V–VI вв. и переработка, сделанная в XII в. Кроме того, «Видение Исая» известно в коптском фрагменте IV в. и в латинских фрагментах V–VI вв., полный же текст этого «Видения» сохранился только в эфиопской версии в списках XV–XVII вв., она осталась неизвестна древнерусской литературе [1, с. 386-387]. Литературной историей апокрифа занимался А.В. Рыстенко [6]. Ученый предположил, что славянский перевод сделан по списку краткой греческой редакции, предположительно в X–XI вв. в Болгарии.

С именем Исая связан еще один апокриф, совершенно независимый от «Вознесения» – «Видение Исая о последних днях» (или «Пророчество Исая о последних днях»). Исая предсказывает здесь многочисленные бедствия: голод, нашествие иноплеменников, пришествие Антихриста: «Тогда восплачется земля, яко красная девица, и моря, и реки... Тогда восплачется бездна велегласно, яко в трубу златоковану»⁴. Этот апокриф читается еще только в одном сборнике третьей четверти XVII в.⁵ Самый ранний из известных пока списков – XIV в.⁶ «Слово Исая пророка о последних днях» заканчивается вторым пришествием Христа и страшным судом. Апокриф этот известен

³ ОР РГБ. Ф. 113 (собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). Д. 394 – Каноны разные. Л. 160.

⁴ РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1342 – Сборник смешанного содержания. Л. 403.

⁵ Там же. Д. 1365 – Сборник церковного содержания.

⁶ ОР РГБ. Ф. 303 (собрание Троице-Сергиевой лавры). Д. 39 – Сборник XIV в. Д. 242. Л. 42 об.–48 об.

только на славянском языке, поэтому трудно определить, где и когда он был переведен. Видимо, он, как и другие апокрифы о пророках тоже появился у южных славян.

Апокриф о пророке Иеремии – «Паралипоменон Иеремии» представлен, как указывал еще А.И. Яцимирский, в славянских списках двумя редакциями [10, с. 223-225]. Эти редакции отличаются друг от друга началом и концом. В первой редакции Бог предупреждает пророка Иеремию о готовящемся пленении Иерусалима и указывает, куда спрятать священные сосуды. Количество списков этой редакции двенадцать, древнейший – в Успенском сборнике XII в., один из списков – Толковая Палея 1494 г. – издан Н.С. Тихонравовым [10, с. 223]. Вторая редакция начинается с того, что пророк Иеремия пророчествовал о Вавилоне и Иерусалиме, предвещал падение Иерусалима, заканчивается словами «егда вси языци древу поклонятся, славяще Господа» [10, с. 224]. «Паралипоменон Иеремии» переведен с греческого, вторая редакция, как и греческие списки, восходит к Стишному Прологу. Список второй редакции XV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (№ 765) издан Н.С. Тихонравовым с привлечением списка той же Троице-Сергиевой лавры № 751 [10, с. 224-225]. Еще одно название апокрифа – «Повесть о плаче и рыдании пророка Иеремии». Общими для этих редакций являются эпизоды с орлом, посланным Варухом и Авимелехом в Вавилон с грамотой для Иеремии, и побиение Иеремии камнями от иудеев недалеко от Иерусалима.

Другой апокриф об Иеремии – «Страсть пророка Иеремии» помещен в Прологах под 1 мая. В «Страсти» говорится, что Иеремия был убит иудеями камнями в Египте⁷. С точки зрения достоверности «Страсть» более точна, чем «Паралипоменон», Иеремия не был в вавилонском плену, он в это время находился в Египте [3, с. 91]. В «Страсти» рассказывается, что могила пророка Иеремии в Египте уничтожила всех аспидов и крокодилов, и что Александр Македонский перенес мощи Иеремии в Александрию⁸. Другие списки «Страсти Иеремии» – Прологи конца XV – начала XVI вв.⁹ Пока еще неясно, в каком отношении находится «Паралипоменон Иеремии» к «Страсти Иеремии». По мнению Н. Петрова, приведенного А.И. Яцимирским, статья Пролога о пророке Иеремии заимствована из «Слова сказа-

⁷ ГИМ. Хлудовское собрание. Д. 193 – Пролог первой половины XV в. Л. 66.

⁸ Там же. Л. 66.

⁹ ГИМ. Уваровское собрание. Д. 654. Л. 75-75 об.; Забелинское собрание. Д. 364. Л. 83-83 об.; Уваровское собрание. Д. 688. Л. 127 об.–128 об.; Там же. Д. 686. Л. 162 об.–163; РГАДА. Ф. 381. Д. 330. Л. 170-170 об.

тельна о величии Иеремии пророке, о кончине его и о принесении мощей его царем Александром Македонским из Египта в Александрию» [10, с. 227]. В проложной статье Иеремиа спрятал ковчег завета и «иже в нем вся святая» и сказал иудеям: «Отиде Господь от Сиона на небо, и паки придет в Сион с силою. И знамение будет вамъ пришествия его, и егда древу поклонятся вси языцы»¹⁰. Словами «егда вси языци древу поклонятся» заканчивается и вторая редакция памятника. Возможно, существовали разные рассказы о жизни и смерти пророка Иеремии, которые и получили отражение в «Плаче» и «Страсти».

Апокрифы о пророках рано проявились в древнерусской письменности, в XII–XIII вв. и сохранились в довольно большом количестве списков. При этом интересно, что большинство этих списков представлено не Палеей – основным источником апокрифических текстов – а другими сборниками. Это показывает, что Палея была главным, но далеко не единственным источником подобных памятников.

1. БЛДР. СПб., 1999. Т.3.
2. *Лавров П.А.* Похвала Илье пророку. Новое слово Климента Словенского // ИОРЯС. 1901. Т. 6. Кн. 3.
3. *Мещерский Н.А.* История христианской литургической письменности. СПб., 2013.
4. *Попов А.Н.* Библиографические материалы. Б/м., б/г.
5. *Попов А.Н.* Описание рукописей А.И. Хлудова. М., 1872.
6. *Рыстенко А.В.* К литературной истории о «Восхождении Исаяи». Одесса, 1912.
7. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
8. Успенский сборник. М., 1971.
9. *Франко И.* Памятники украинсько-руської мови і літератури. Львів, 1896. Т. 1.
10. *Яцимирский А.И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921.

¹⁰ ГИМ. Уваровское собрание. Д. 681/978 – Пролог первой половины XV в. Л. 114-114 об.

Храмы крепости Ивангород: к истории никольского и успенского культов на Руси

Ивангород; святитель Николай Чудотворец; Успение Пресвятой Богородицы; Иван III; Василий III; Ливонский орден; Васильгород; воинский культ; средневековая Русь.

В работе делается попытка объяснить посвящение храмов Ивангорода в честь святителя Николая и Успения Богородицы через призму воинской составляющей никольского и успенского культов, а также религиозных представлений великих князей Московских Ивана III и Василия III.

В 1980-х гг. свет увидели два исследования, посвященных изучению почитания на Руси святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских (Николы Угодника), и праздника Успения Пресвятой Богородицы. Автор первой по времени работы, Б.А. Успенский, справедливо указав на «совершенно исключительное место» святителя Николая в русском религиозном сознании, отметил, что его почитание издревле тесно переплеталось с культом архангела Михаила. При этом Никола Угодник часто отождествлялся с архангелом Михаилом, перенимая у него ряд характерных функций, в том числе покровителя ратного дела [21, с. 6, 29]. Автор второго исследования, академик Д.С. Лихачев, обратил внимание на особое воинское и защитное значение Успенского культа. Он отметил, что храмы, посвященные Успению Богоматери, занимают в культуре Древней Руси особое место, часто располагаясь в центре оборонительных сооружений: кремлей и монастырей [10, с.17-23]. Ратное содержание также было характерно и для праздника Покрова Пресвятой Богородицы, причем, возможно, посвящение празднику Покрова становится традиционным для храмов, возводимых после победы над врагами [8].

Именно воинскую составляющую никольского и успенского культов следует видеть в посвящении двух древних храмов крепости Ивангород.

Ивангород был заложен в 1492 г. по велению великого князя Московского Ивана III (1462-1505) на северо-западной границе государства, на реке Нарове, напротив ливонской Нарвы. Не позднее 1498 г. здесь сооружается храм во имя святителя Николая Чудотворца,

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., tarasov2000@front.ru.

упоминание о нем попадает в древнейшую сохранившуюся Писцовую книгу Шелонской пятины [15, стб. 227]. Ныне существующее здание Никольского храма, согласно атрибуции М.И. Мильчика, выстроено в 1557-1558 гг. [12, с. 175]. Как показал А.Г. Мельник на примере крепостей Ивангород-на-Себеже и Царев-Борисов, в XVI в. строительство города, названного в честь правителя (Ивана Грозного и Бориса Годунова соответственно), могло сопровождаться возведением храма, престол которого освящался во имя небесного покровителя этого государя [11, с. 38-48]. К данному наблюдению можно добавить пример крепости Борисов городок, также названной в честь Годунова, с Борисоглебской церковью в нем; примечательно, что крепость и храм были заложены еще до избрания Годунова царем [7, с. 46]. Видимо, существовала и другая направленность – храм города, названного в честь правителя, мог быть освящен во имя особо чтимого правителем праздника или святого.

Известно, что княжение Василия III (1505-1533) отмечено усиленным строительством храмов во имя Покрова Богородицы [13, с. 157]. Вероятно, именно данное обстоятельство обусловило строительство Покровской церкви Васильгорода (ныне – Васильсурск), основанного в 1523 г. у слияния Суры и Волги и ставшего опорной крепостью России на казанском направлении. Согласно «Нижегородскому летописцу», в Васильгороде «поставиша церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова. Да в приделе в той же церкви Архаггела Михаила да Чудотворца Николая» [14, с. 32]. Характерно наличие в храме сразу двух приделов, посвященных небесным заступникам воинства. Следует также добавить, что главной святыней Васильгорода, находившейся непосредственно в Покровской церкви, являлась чудотворная икона преподобного Варлаама Хутынского, (известна не позднее 1642 г.), а сам преподобный Варлаам считался покровителем города [9, с. 27, 88, 93]. Варлаама Хутынского чрезвычайно почитал Василий III, и предсмертный иноческий постриг он принял с именем Варлаам.

Строительство первого Никольского храма в Ивангороде, основанном по приказу Ивана III и носящем его имя, также соответствует второй тенденции посвящения церковного престола в городе-крепости – во имя чтимого правителем святого. Есть мнение, что Иван III относился к святителю Николаю Чудотворцу с особым почтением [1, с. 466; 5, с. 351]. Согласно тексту верительной грамоты кахетинского царя Александра I, направленной в Москву с грузинскими послами в январе 1483 (или 1491) г., Иван III дал некий обет святителю Николаю.

Царь Александр I обращается к великому князю Московскому со словами: «обетник еси Николин» [12]. О характере этого обета ничего не известно, можно только предполагать, что изначально он был как-то связан с восточной политикой Ивана III, и определенную роль в семейном становлении воинского почитания святителя Николая сыграла великая княгиня Софья Палеолог [19, с. 29-36].

Стоит добавить, что именно на день «Никола Зимнего», 6 декабря, в Псков вернулось войско, отправленное на ливонскую границу, но не оказавшее помощи осажденному шведами Ивангороду в августе 1496 г. Еще более примечательно свидетельство магистра Ливонского ордена от 6 мая 1497 г.: «Герцог Московский замок, который у него взяли и сожгли [шведы], вновь взял обратно и еще сильнее, чем раньше был, построил» [22, с. 65]. Через три дня, 9 мая, праздновался «Никола Вешний». Не была ли выстроена Никольская церковь в Ивангороде в период восстановления крепости после событий августа 1496 г.? Возможно, следует учитывать и традицию новгородской Шелонской пятины, в пределах которой находился Ивангород. Для нее существование храмов с Никольскими престолами в XV в. является характерным признаком [17, с. 281-289].

Успенский храм Ивангорода, вероятно, был построен в 1507-1509 гг., уже при Василии III; характерно, что одновременно с основным храмом возводится придел, посвященный Покрову Пресвятой Богородицы, он почти равновелик самому храму [13, с. 156-157]. И в то же время главный престол освящается во имя Успения Богоматери. Помимо общего градозащитного смысла праздника, посвящение Успению могло быть связано с обстоятельствами начальной истории Ивангорода².

Во-первых, согласно «Прекрасной истории об удивительных деяниях государей Ливонии в борьбе с русскими и татарами», написанной Кристианом Бомховером, секретарем магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга, и изданной в Кёльне в 1508 г., строительство древнейшей части крепости, Четвероугольного замка, было завершено в день Вознесения Девы Марии 1492 г. [4, с. 187]. Позднее эту же датировку воспроизвел в своей «Хронике Ливонской провинции» Бальтазар Руссов [2, с. 293]. День Вознесения, в пра-

² Мне известно только одно исследование, в котором было сделано предположение, при этом лишенное развернутой аргументации, о связи посвящения Успенского храма с возникновением крепости Ивангород [18, с. 96]. Автор этого исследования сослалась на научно-проектную документацию Успенской церкви 1987 г., хранящуюся в фонде Ивангородского музея. Данный документ мне посмотреть не удалось.

вославной традиции – Успения Богоматери, отмечался 15 августа.

Во-вторых, вскоре после дня Успения 1496 г. Ивангород был захвачен и разграблен шведами, а гарнизон его перебит. Согласно Уваровской летописи, это событие произошло 19 августа; согласно Псковской первой летописи – 26 августа. В соответствии с ливонскими данными конца августа – сентября 1496 г., захват крепости состоялся «вечером в день святого Варфоломея» / «в пятницу дня святого Варфоломея»; близок к ливонским и шведский источник, который упоминает падение Ивангорода «примерно в день святого Варфоломея» [3, с. 70-71]. В западно-христианской традиции память апостола Варфоломея приходится на 24 августа.

В-третьих, в августе 1501 г. началась русско-ливонская война. После длительного мира (хотя и сопровождавшегося пограничными столкновениями) эта война была ознаменована крупномасштабным конфликтом, в котором Ливония выступала против великого княжества Московского на стороне Литвы. В ответ на нападение фогта Нарвы на русские земли в мае 1501 г., а также пленения русских купцов в Дерпте несколькими неделями позднее, ответный удар войск великого князя Московского был нанесен в конце лета. 22 августа 1501 г. передовые полки выступили из Пскова «воевать Немецкой земле». До этого гонцы несли Ивану III вести, «что немцы жгут и грабят и головы секут и живых ведут в свою землю» [5, с. 524]. Пограничная крепость Ивангород становилась важнейшим стратегическим пунктом в этой войне, а сам день Успения Богородицы праздновался в 1496 г. в обстановке усиливающейся напряженности.

Учитывая градозащитную семантику успенского культа и ряд примеров из ранней истории Ивангорода, когда сложные обстоятельства жизни города совпадали с праздником Успения или приходились на время, близкое к нему, можно видеть особый замысел в посвящении Успению второго храма города-крепости на ливонской границе.

В заключение необходимо сказать, что особое почитание святителя Николая и Пресвятой Богородицы было сверххарактерным для позднего русского Средневековья. На примере северо-востока Подмосковья В.А. Ткаченко было показано, что в течение XV-XVI вв. приоритет посвящения престолов у новопостроенных храмов отводился памяти Николая Чудотворца, на втором же месте шли церкви, освященные в честь Богородицы [20, с. 32-45]. В XVIII-XIX столетиях, как свидетельствуют материалы по Костромской и Ярославской епархиям, доля Никольских и Богородичных престолов в храмах по-прежнему была велика. Почти каждый пятый престол этих епископий

был освящен в честь Николы Угодника, а вместе Никольские, Богородичные и Спасские престолы составляли более 60 % [6, с. 32-33].

1. *Алексеев А.И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.
2. *Бальтазар Руссов.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2.
3. *Бессуднова М.* Ложь и правда воеводы Бабица: Трудная судьба Ивангорода // Родина. 2012. № 8.
4. *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015.
5. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
6. *Борисов Н.С.* Посвящение престолов в русских храмах XVIII-XIX веков (По материалам Ярославской и Костромской епархий) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 3.
7. *Виноградова Т.* Борисов городок // Московский журнал. История государства Российского. 2000. № 8.
8. *Кеслер М.* Развитие храмостроительства на Руси с IX по XX век. URL: <http://chtenia.pavlovskayasloboda.ru/clauses/80-kesler-istoriya.html> (проверено 15.05.2015).
9. *Кудрявцев В.Ф.* Историческое описание города Василя Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1877.
10. *Лихачев Д.С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования. М., 1985.
11. *Мельник А.Г.* Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI веке // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999.
12. *Мильчик М.* Когда в Ивангороде построена Никольская церковь? // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.
13. *Мильчик М., Петров Д.* Успенская церковь Ивангорода и ее венецианские прототипы // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.
14. Нижегородский летописец / Публ. А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1886.
15. Новгородские писцовые книги. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Т. 4.
16. Русский феодальный архив. М., 1987. Вып. 2. № 71.
17. *Секретарь Л.А.* Утраченные монастыри Шелонской пятины (корректировка списка, уточнение мест расположения, времени основания и прекращения деятельности) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9.
18. *Синякова Г.* Нарвский Успенский приход (1920-1940) // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2000.
19. *Тарасов А.Е.* Дмитрий Донской в восприятии великих князей Московских XV-XVI вв. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2.
20. *Ткаченко В.А.* Посвящения главных престолов храмов на северо-востоке Подмосковья в XIV – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2000. №4.

21. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.
22. Чернова О., Чернов С. Крепость 1492 г.: Итоги натуральных исследований // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.

УДК 930.24

Е.Л. Конявская¹

Хронологические вехи и расчеты в древнерусских летописях и актах

Хронологические выкладки; русские летописи; княжеские договоры; духовные завешания.

Рассмотрен материал, содержащийся в древнерусских летописях и актах, где имеются хронологические подсчеты, выкладки и высказывания о времени, прошлом, настоящем и будущем.

В летописных древнерусских текстах часто встречаются не только даты, но и хронологические расчеты. Временные границы, а иногда и более детальные хронологические указания обнаруживаются и в древнерусских актах. Определение характера этих феноменов важно для более глубокого понимания специфики такого рода памятников, их содержания, суждений наших предков о времени.

Знакомые с хронологическими выкладками Хроники Георгия Амартола, Летописца вскоре патриарха Никифора и других Малых хроник, которые читаются уже в самых ранних древнеславянских и древнерусских памятниках – Изборнике 1073 года, Начальном своде и Повести временных лет – русские летописцы включали в свои произведения как заимствования из них, так и собственные тексты, построенные по этому образцу. Так, подобная выкладка имеется в ПВЛ под 6360 г. Составитель статьи сам поясняет, почему помещает ее под этим годом: это первое упоминание руси в «летописанье Греческом». «Тѣмже ѿселе почнем . и числа положим, – заявляет летописатель. – Ико ѿ Адама до потопа . лѣтъ . м . и . в² . а ѿ потопа до Шврама . лѣтъ ѿа . и . пв...». В заключении же к вехам мировой истории прибавляются данные из русской: «а ѿ перваго лѣта Михаилова . до перваго лѣта Шлгова Рускаго княза лѣтъ . кѹ . а ѿ перваго лѣта Шлгова понеже сѣде в Києвѣ . до перваго лѣта Игорева . лѣтъ ла . а ѿ перваго лѣта Игорева до

¹ Конявская Елена Леонидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.ф.н., ekonyavskaya@gmail.com.

² Пропущены тысячи и сотни, в МАк, Ипатьевской: ѿв. с. м. в.

перваго лѣта Святьславла . лѣт . 71 . а ѿ перваго лѣт Сѣтославла до перваго лѣт Ярополча . лѣт . ки . а Ярополкъ княжи . лѣт . и . а Володимеръ [княжи] . лѣт . лз . а Ярославъ княжи . лѣт . м . тѣмже ѿ смрти Сѣтославла до смрти Ярославлѣ . лѣт . пѣ . а ѿ смрти Ярославлѣ до смрти Сѣтополчи . лѣт . ѿ» [3, стб. 17–18]³. Реплика из подобного текста затем встречается в «Речи философа».

Знание мировой истории в рамках Летописца вскоре было, видимо, обязательным для просвещенного христианина: сходный текст (правда, без числа лет) вложен в уста Александра Невского в его Житии, когда он демонстрирует папским послам свою осведомленность в Священной истории.

С этими хронографическими образцами связаны разного рода списки и перечни, читающиеся в летописных памятниках («Кто колико княжил», краткие летописцы: «А се князи рустии», Новый Владимирский летописец и др.).

Обширное хронографическое вступление содержат летописи, восходящих к общему источнику – Краткому новгородскому летописцу (Рогожский летописец (далее – Рог), Летопись Авраамки, Новгородская Большаковская летопись, Летописец епископа Павла), хотя и наборы, и объемы таких извлечений в них варьируются. В самом раннем из них Рог в начальной части имеется длинный ряд выкладок-извлечений из Малых хроник. Наряду с подсчетами лет по принципу «от... до», приводятся данные о сроках жизни праотцов: Авраама, Исаака, Иакова, Левия и т. д. Но в Рог есть и иная, принадлежащая только этому памятнику выкладка – под 6730 г.: «Купно от Адама до Христа лѣт 5500, руки число 23, 7, а луны 10, 24. От Христа до Костянтина царя лѣт 318. От Костянтина до Михаила царя лѣт 542. От Михаила до крещения Българския земля лѣт [17]. От крещения Българскаго до преложения книгъ лѣт [29]. От преложения до крещения Русской земли лѣт 9[2]. От Михаила царя до Олга прѣваго князя Русскаго д[ѣ]т... От Олга до Игоря лѣт 31. От Игоря до Святьсл[ава] лѣт 39]. От Святьслава до Ярополка лѣт 28. Ярополкъ [княжилъ лѣт 8, а] Владимиръ 37, а Ярославъ 40. Бысть [крещена Русская] земля въ 9-е лѣто княжения Владим[ерова. А от крещения] Русския земля до смерти Влад[имеровы и до у]биения Бориса и Глѣба лѣт 28... От оубиения Бориса и Глѣба до п[ренесения] мощемь ихъ лѣт 57, а отъ]

³ Как показано А.А. Шахматовым, из греческого списка Никифорова летописца русский сводчик заимствовал подсчеты, касающиеся мировой истории, вместе с ошибкой, которую, видимо, этот список содержал: начало царствования Михаила относится на самом деле не к 6360, а 6350 г. [6].

пръваго до втораго прене[сения лѣто, а отъ] втораго пренесения [до] Киевскаго взятъя лѣт 87. От плѣнениа Киевскаго до Калковскаго лѣт 20, индиктиона десятаго» [4, стб. 26–27]. Именно этот текст в Рог имеет многочисленные утраты, в основном касающиеся цифр. Они могут быть с большой долей вероятности восстановлены по Софийской I летописи (далее – СІ), где близкий ко второй части этой выкладки текст читается под 6395 г. Именно к этому году относится десятый индиктион, обозначенный в текстах обеих летописей. Первая часть рассматриваемого текста в Рог восходит так или иначе к Никифорову летописцу⁴, вторая, «русская» часть, видимо, имеет общий с СІ источник. Статья СІ, несмотря на свое расположение, также завершается подсчетом, касающимся русских событий XIII в. Это взятие Киева Рюриком Ростиславичем в 1203 г. и битва на Калке, между которыми действительно прошло 20 лет. В Рог выкладка, которая заканчивается «Калковской» битвой, становится предисловием к рассказу о последней, т. е. помещена в статью, связанную с обозначенной в выкладке вехой русской истории.

Позже в том же Рог и др. летописных памятниках встречаются подобные, но уже «одионые» расчеты относительно времени событий русской истории: «От Федоръчуковы до Олгердовы рати лѣт 41» [4, стб. 90].

Иной характер носят фразы, где не просто называются правители, при которых случилось то или иное событие (что часто встречается в нарративных текстах), но и приведены подсчеты, на какой год правления оно приходится. Таково вступление к Повести о Темир-Аксаке в Тверском сборнике, Типографской летописи и ряде других: «въ пятнадцатое лѣто царства Тактамышева, въ седмое же лѣто княжения великого князя Василя Дмитриевича, индикта третегонадесять, по Татарщинѣ, и московскомъ взятии, бысть заматня велика во Ордѣ» [5, стб. 447]. Обращает на себя внимание, что здесь указан индикт – своего рода хронологический ученый изыск. Закономерность его упоминания выявить не просто, по-видимому, он отмечался по усмотрению летописцев.

По образцу Летописца вкратце патриарха Никифора в русских летописях имеются подсчеты сроков жизни и деятельности конкретных людей. Среди статей, включавших разного рода перечни, встречающихся в летописях, есть и те, которые содержат именно такие дан-

⁴ Уникальным в Рог является добавление в тексте: «руки число 23, 7, а луны 10, 24». По-видимому, первые две цифры должны обозначать солнечный круг и вруцелето, 10 – лунный круг, цифра 24 не имеет пока объяснения.

ные: «Кто колико княжилъ», «А се князи Великого Новагорода», «А се архиепископи». Есть такого типа сведения и в годовых статьях летописей – число лет княжения (святительства) и жизни может фиксироваться в некрологических похвалах князьям и владыкам, либо в кратких сообщениях об их смерти. Так, подобными подсчетами завершается в Лаврентьевской летописи похвала Владимиру Мономаху: «посѣдѣ Къѣвѣ на ѡтни столѣ . гї . лѣ^т», «живѣ ѡ рж^ѣтва своего . лѣ^т . ѡг» [3, стб. 295]. Пример из совсем другого периода – сообщение о кончине в 1383 г. Дмитрия Константиновича Нижегородского (с полной датой и указанием часа): «бывѣ на великом княжении два лѣта, а въ своеи отчинѣ тако же на княжении на великом 19 лѣт, а живѣ от рождства своего 61» [4, стб. 149].

Такой взгляд на время, его некие вехи, как правило, с точными подсчетами был свойствен, в первую очередь, летописям, но время присутствовало и в текстах документов – грамот и договоров.

В договорных грамотах имеются ссылки на порядок прежних поколений – отцов и дедов: «какъ было при нашем дѣдѣ... и при наших отцѣхъ». Как далеко в прошлое заглядывают князья, указывая в договоре временные вехи? Если брать ранний Договор 1318 г. Михаила Ярославича с Новгородом, то здесь вспоминается время старшего брата отца Михаила – Александра Невского, а также самого Ярослава Ярославича, Василия Ярославича и др.

Договор, заключенный почти на сто лет позже – Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем Тверским 1399 г. упоминает прадеда Василия Дмитриевича Ивана Даниловича Калиту. Правда, Михаил Александрович, согласно этому dokonчанию, должен опираться на время его отца Александра Михайловича, когда жил без великого княжения. Но дело здесь лишь в том, что Михаил Александрович был гораздо старше Василия – почти на 40 лет, а его старший сын Иван Михайлович лишь на 7 лет моложе отца Василия Дмитриевича. Будущее же представлено в этом Договоре поколениями детей и внуков (внучат).

А если рассматривать Докonчание Бориса Александровича с Василием Васильевичем (ок. 1456 г.), то в отдельных случаях князья вспоминают «пращуров» – Михаила Ярославича и Ивана Калиту, для которых уже не было иного обозначения степени родства. По всей вероятности, такой «отсчет» обусловлен сформировавшимися в XV в. представлениями князей о родоначальниках их княжеских домов.

Иная картина рисуется при неравных сторонах договора, если один из князей практически признает себя вассалом другого. В таких

случаях в далекое будущее, касающееся потомков, не заглядывают, обязательства берутся «до живота», а прошлое время упоминается в общем виде – «по старине».

Лишь в особых случаях в актах указывается точные отрезки времени или границы – например, когда речь идет об общем суде по прежним «обидам». Если дело касается недавних военных действий и их последствий, то конкретизация оказывается более высокой. В Договоре Дмитрия Донского с Михаилом Тверским 1375 г.: «А отъдати ти все по Семенѣ дни за недѣлю» [2, с. 341]. Как показано В.А. Кучкиным, имеется в виду условие возвращения награбленного тверской стороной в течение недели после Семенова дня (1 сентября) [2, с. 202]. Для московской стороны, которая, являясь победителем, диктовала условия договора, было актуально поспешить получить от побежденной стороны максимум в краткие сроки. Далее фигурирует тот же Семенов день: что взято до него тверской стороной у московской (и наоборот) в ходе военных действий, – «тому всему межи нас погреб» [2, с. 341]. Более широкие рамки для разрешения «обид» общим судом. В Договоре Бориса Александровича с Василием Васильевичем отмечается временная граница: «ѿ тог(о) веремени, как твои дѣдъ, княз(ь) велики Дмитрии Иванович, къ Б(ог)у ѿшел» [1, с. 188]. Аналогии подобных статей читаются в Договоре Дмитрия Донского с Олегом Рязанским (1381 г.), там также указана временная граница – Куликовская битва, все захваченное рязанцами возвращается по общему суду, по исправе. Другая статья говорит о спорах до заключения данного договора, здесь всему взятому обеими сторонами объявляется «погреб», а в дальнейшем споры подлежат суду общему [2, с. 344].

Душевные грамоты – завещания – заглядывают в будущее, причем рассматриваются варианты жизненных ситуаций с еще не рожденными внуками или после смерти не только жены, но и сыновей и т. д. В них время представлено в рамках личной судьбы, истории семьи и рода.

Таким образом, хронологические выкладки и подсчеты в летописях, возникшие изначально как стремление вписать русскую историю в контекст мировой, становятся затем одним из важных инструментов формирования историософии русских летописей. Они показывают, что летописцы имели ясное представление о единстве повторяемости и поступательного движения времени. Та же ментальная картина – в актах князей, где в их временных указаниях присутствуют все три времени – прошлое, настоящее и будущее.

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
2. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешне-политические договоры. М., 2003.
3. ПСРЛ. Л., 1926–1928. Вып. 1–3. Т. 1.
4. ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.
5. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15.
6. Шахматов А.А. Исходная точка летосчисления Повести Временных лет // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. СССХ. №. 3.

УДК 93/94

П.В. Лукин¹

«Печати новгородские»: проблемы атрибуции²

Новгород; Древняя Русь; печати; республика.

В работе идет речь об анонимных новгородских печатях, которые иногда определяются как «печати Совета господ». Автор предлагает атрибутировать их «политическому народу» (полноправному населению) Новгородской республики, характеризовавшемуся в источниках как «Новгород» («весь Новгород»), позднее – как «Великий Новгород» («весь Великий Новгород»). Выразителем воли «политического народа» могло быть вече, но также и другие органы власти и должностные лица.

Проблема атрибуции анонимных новгородских печатей, т.е. печатей, не несущих конкретной информации об имени и/или должности ее владельца, уже давно является спорной в историографии. В данном случае нас будут интересовать буллы с надписями «печать всего Новгорода», «новгородская печать и посадничья», «печать новгородская», «печать Великого Новгорода». Все эти варианты будут ниже условно называться «печатами новгородскими». Конкретно же рассматриваться будет вопрос об их принадлежности, т.е. о том, от имени какого органа власти или должностных лиц они привешивались, и в чьем распоряжении они находились (эти два момента не стоит путать).

Мнения об этом высказывались разные. В старой литературе такие печати атрибутировались либо вечу, либо посадникам и тысяцким [см. об этом: 7, с. 14]. Высказывалось и мнение о них как о государственной печати Новгорода [5]. В настоящее время предлагается атрибутировать их «совету господ» и/или «боярской олигархии в це-

¹ Лукин Павел Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., lukinpavel@yandex.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00126а.

лом» [8, с. 125-132; 10, с. 104-105; 9, с. 234-235, 447-489] или управленческой структуре, выступавшей от имени «Великого Новгорода», носительнице представительной власти [1, с. 37-38]. По мнению И.Л. Шумова, это были либо просто великокняжеские печати («печати всего Новгорода»), либо личные печати степенных посадников, но появившиеся под давлением московских князей и призванные символизировать их сюзеренитет над Новгородом (печати XV в.) [7, с. 19-20]. Недавно было обосновано также заслуживающее самого серьезного внимания предположение (применительно к XV в.) о том, что «печати Великого Новгорода» должны быть соотнесены с выражением «весь Великий Новгород», под которым нужно понимать всю совокупность новгородских властей, выразивших «абстрактную идею Новгородской республики» [6, с. 36-37].

Причины этих дискуссий можно разделить на две категории: объективные и субъективные. К первым относится специфика источников: отсутствуют делопроизводственные источники, которые могли бы дать информацию о том, как конкретно было организовано управление в Новгородской республике. Существует, впрочем, пожалуй, единственный тип источников, до некоторой степени позволяющий нам оценить конкретную «механику» новгородского управления – это ганзейские документы. Подробнее об их значении для корректной интерпретации «печатей новгородских» будет сказано ниже.

К причинам субъективным относится столь частая среди историков XIX–XX вв. недооценка специфики средневековой организации власти. Эта недооценка, прежде всего, заключается во взгляде на проблему с точки зрения бюрократического государства Нового времени («нормальная» печать должна принадлежать «нормальному» – в этой перспективе – учреждению или должностному лицу и никому больше).

Теперь перейдем к попытке анализа имеющихся данных и некоторым предположениям.

Уже в XII–XIII вв. формируются такие понятия, как «все новгородцы» или «весь Новгород», обозначающие новгородский политический коллектив, или, используя терминологию зарубежных ученых, новгородский «политический народ», т.е. совокупность политически полноправных жителей Новгорода [подробнее см.: 4]. Позднее в этом значении укрепляется выражение «Великий Новгород».

Посмотрим теперь на грамоты с сохранившимися печатями из категории так называемых «печатей Совета господ» (по классификации в издании «Актовые печати Древней Руси») – поскольку такие

печати могут быть более или менее точно датированы. Вообще, датировка печатей и даже типов печатей – дело достаточно проблематичное, поэтому здесь следует соблюдать осторожность, тем более что обращение к сохранившимся при грамотах печатям противоречит представлению о последовательной эволюции этой формы печатей. Приведем только некоторые примеры.

К договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1259-1263 гг. привешено 3 печати, среди них: «печать всего Новагорода», на другой стороне: изображение Господа Вседержителя на престоле, по сторонам: Ис Хс; остальные: архиепископа и князя [2, № 29, с. 56]. К договорной грамоте Новгорода также с немецкими партнерами 1301/02 г. [2, № 34, с. 63] привешены печати тысяцкого, князя и посадника.

При грамоте Новгорода послам Юрию и Якиму (1374 – начало 1375 г.) есть 11 печатей, среди них: «новъгорочкая печать и посадничья», но есть и 4 личных посадничьих печатей [2, № 17, с. 32].

К грамоте Великого Новгорода магистру Ливонского ордена (первое упоминание на печатях «Великого Новгорода», 1414/15 г.) привешены 2 печати: «печать Великого Новагорода» и «печать новгорочкая» [2, № 53, с. 91]. Старая форма печати при этом не исчезает: при грамоте Великого Новгорода Риге 1418-1420 гг. 2 печати с надписью «печать новгорочкая» [2, № 58, с. 96]. А при грамоте Великого Новгорода тверскому великому князю Борису Александровичу 1446 г. есть 2 печати: «печать новгородцкая» и «печать Великого Новагорода» [2, № 20, с. 36]. Печать Великого Новгорода возникает, таким образом, когда появляется термин «Великий Новгород» но «печать новгородская» все равно используется. А могут такие печати не использоваться вообще. Например, к договорной грамоте литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире привешены 2 печати: посадника и архиепископа [2, № 70, с. 116]. Иногда могли использоваться две фактически одинаковые печати, как при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом 1448 г. Там 3 печати: архиепископа и 2 печати, вероятно, с изображением барса с поднятым хвостом, на другой стороне надписи: «печа... Велик... Новагорода» (1), «..чат ..лико Новагорода» (2) [2, № 72, с. 118].

Чем можно объяснить эти – с нашей точки зрения – разноречивой и непоследовательность? Дело тут, по-видимому, в неоднозначности самих обозначений, типа «весь Великий Новгород». С одной стороны, это была, несомненно, политическая реальность. «Великий Новгород» совещался, принимал решения, с ним вели переговоры, ему адресо-

вали послания, он выдавал жалованные грамоты. С другой, это была реальность в известной степени виртуальная. Олицетворять «Великий Новгород» могли разные, так сказать, «материальные» органы власти и должностные лица.

Наиболее адекватным и полным выразителем воли «Великого Новгорода» было вече, чему есть множество свидетельств, как в русских, так и иностранных (ганзейских) источниках. Например, в ганзейском документе июня 1407 г. говорится о том, что в Новгород «весной пришло послание из Любека всему Новгороду», а ниже читаем, что это послание «было зачтено в Новгороде на общем вече» [11, № 788, s. 413-414]. Об этом же свидетельствуют и многочисленные летописные формулы, согласно которым практически всегда не вече само по себе принимало решения, но решения принимал «Великий Новгород» *на* вече [3, с. 253-273]. Имеется и прямое указание на то, что на вече грамоты запечатывались. В послании немецких купцов в Новгороде в Ревель 1 июля 1407 г. говорится, что по интересующему их делу новгородцы (в документе – «русские») «составили грамоту на вече и скрепили печатями совместно...» [11, № 794, s. 415].

Однако в роли «Великого Новгорода» могло выступать не только вече. В ганзейском документе 1331 г. исполнители ролей постепенно и как бы незаметно меняются: посадник заменяет собой вече. Тогда в Новгороде между местными жителями и немцами произошел конфликт, в результате которого был убит один новгородец. После этого собиралось вече. На следующий день, как говорится в послании немцев в Ригу, «русские опять созвали вече» и предъявили немцам очень серьезные требования. Больше вече не собиралось, и с немцами вел переговоры посадник. В итоге немцы выплатили за убийство сумму в несколько раз меньшую, чем та, которую последний раз требовало вече, и – вопреки изначальным требованиям новгородцев на вече – никто из немцев на расправу новгородцам выдан не был. Вече в данном случае не собиралось, «Великий Новгород» в реальности представлен посадником и «господой» (советом высших должностных лиц Новгорода). В другой раз от имени «Великого Новгорода» говорил некий Борис Сильвестров сын, утверждавший, что его послали «300 золотых поясов», т.е., по-видимому, новгородское боярство [12, s. 56-61].

В результате могла возникать и, очевидно, возникала путаница. Неоднозначность понятия «Великий Новгород», помноженная на свойственный средневековой политической культуре «персоналистский», а не абстрактно-бюрократический характер государственности, приводил к таким явлениям, как, например, параллельное использова-

ние в схожих случаях «печатей Великого Новгорода» и личных посадничьих печатей; появление в связи с этим на печатях надписей «печать новгородская и посадничья»; одновременное привешивание «печати Великого Новгорода» и «печати новгородской» (то ли от имени посадника и тысяцкого, указанных в *intitulatio* таких грамот, как от инстанций, имевших право представлять «Великий Новгород», то ли для вящего усиления значимости подтверждения).

Все формы так называемых «печатей Совета господ» принадлежали новгородскому политическому народу, который сначала выступал под наименованием «все новгородцы» или «весь Новгород», позднее – как «весь Великий Новгород» (а также как «господин Великий Новгород» и «господин государь Великий Новгород», но в надписях на печатях эти обозначения вроде бы не отразились). «Великий Новгород» был действительным владельцем соответствующих печатей, а не псевдонимом каких-то других, как бы подлинных их владельцев. Не были «печати Великого Новгорода» и навязаны Новгороду московскими великими князьями. Напротив, они были органичным следствием эволюции новгородского политического строя.

Наиболее адекватным выразителем воли «Великого Новгорода» было вече. Если у новгородского политического народа не было причин или желания высказывать свое мнение, от его имени выступали «господа» (совокупность высших должностных лиц Новгорода), отдельные ее представители – посадник и тысяцкий вместе или по отдельности, действовавшие в данном случае не в личном качестве, а как представители новгородского политического народа. В техническом отношении, вероятнее всего, право распоряжения такими печатями принадлежало изначально посаднику, а потом также и тысяцкому. Об этом свидетельствует сохранившаяся при жалованной грамоте Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г. печать с надписями, на одной стороне: «печать [Т]руфа[на] Юрьевича», на другой – «печать Великого Новгорода» [2, № 96, с. 151]. То, что Труфан Юрьевич был степенным тысяцким, следует из самого текста грамоты. В то же время это не была печать этих должностных лиц. Использовать ее они могли только по явному или выраженному по умолчанию согласию новгородского политического народа.

1. *Белецкий С.В.* Вечевые печати Пскова. СПб., 1994 (Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. II).
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
3. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014.

4. *Лукин П.В.* Территориальные обозначения и коллективная идентичность в Новгороде XII-XIII вв. по данным ранних грамот // Восточная Европа в древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15-17 апреля 2015 г. Материалы конференции. М., 2015.
5. *Порфиридов Н.Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. Выпуск 8. Новгород, 1940.
6. *Чибисов Б.И.* Термин «Великий Новгород» в русских источниках XIV-XV вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXI всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2012.
7. *Шумов И.Л.* «Совет господ» и государственная печать в Новгороде и Пскове XIII-XV вв. в контексте истории городов средневековой Европы. Автореферат дисс. ... к.и.н. Тверь, 2006.
8. *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII-XV вв. М., 1970.
9. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.
10. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998.
11. *Hansisches Urkundenbuch. Bd. V. 1392 bis 1414 / Bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899.*
12. *Napiersky K.E.* Russisch-livländische Urkunden (= Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским). СПб., 1868.

УДК 930.22; 94(47).04

Л.В. Мошкова¹

Дата в актах XV – начала XVI в.: время появления и формат²

Русские акты; XV – начало XVI в.; дата; время появления и формат.

В статье рассматривается вопрос о времени появлении даты в различных видах документов XV – начала XVI в. из архивов Троице–Сергиева и Кирилло–Белозерского монастырей.

«Что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет!»
М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Любая работа ставит перед исследователем интересные и даже неожиданные вопросы, напрямую не связанные с предметом изучения. Так, в процессе поиска неподлинных грамот среди актов XV – первой трети XVI в., хранящихся в РГАДА³, внимание автора привлекли (в первую очередь как образцы бытового письма) рукоприк-

¹ Мошкова Людмила Владимировна, РГАДА (РФ, Москва),
lvmoshkova@gmail.com.

² Тезисы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 13-01-00063.

³ Ф. 281 «Грамоты Коллегии экономии».

ладства на этих документах [3; 4]. Вслед за этим настал черед даты, указанной или не указанной в документе. Как выяснилось, в историографии эти вопросы обойдены молчанием, хотя совершенно очевидно, что и рукоприкладства и дата могут являться как косвенными датирующими признаками, так и свидетельствами аутентичности списка.

Нельзя сказать, чтобы у исследователей не было определенного мнения о времени появления даты в актах. Так, К.В. Баранов на этот вопрос ответил сразу: она появляется в княжеских льготных грамотах второй четверти XV в., т.к. эти документы предоставляли преимущества лишь на определенный срок. Однако совершенно очевидно, что в других актах (данных, купчих и т.п.) дата, вероятно, появляется в иное время. Рассмотрению этого вопроса и посвящены тезисы. Основным источником стали «Акты социально-экономической истории» [1; 2], поскольку это издание является наиболее фундаментальной и археографически качественной публикацией. Методика работы была следующей. На основе анализа датированных актов Троице-Сергиева монастыря [1, № 1–660] выявлялись закономерности, затем для сравнения и определения возможной региональной специфики рассматривались аналогичные виды документов из архива Кирилло-Белозерского монастыря [2, № 1–316]. Всего среди опубликованных троицких актов точно датированных 152 (23 %), среди кирилловских – 61 (19,3 %).

Самые ранние упоминания времени составления документа в троицких актах относятся к 1410-м гг. Это жалованная оброчная и несудимая грамота радонежского кн. Андрея Владимировича 1411 г. и жалованная льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Дмитриевича 1415 г. [1, № 29, 30]. Однако даты как таковой в этих документах нет, год определен по значительному событию, хотя указано время года или конкретный месяц: «А дана грамота коли князь великий князю отдал во Царь[град], на ту зиму на вербницу» [1, № 29]; «А дана грамота... июля того лета, коли город Москва погорела» [1, № 30]. Начиная с 1420-х гг., в актах великого и удельных князей указывается собственно дата выдачи документа Троицкому монастырю. Однако надо отметить, что подавляющее большинство составляют жалованные несудимые, льготные и тарханские грамоты (в различных комбинациях) [1, № 44, 74, 117, 128, 131–133, 135, 139 и др.]. Дата в них представлена, как правило, в «полном» виде, т.е. указаны год, месяц и число. Хотя может приводиться только год [см., например: 1, № 135, 172] или год и месяц [см., например: 1, № 117, 139, 170]. Однако указание даты не является обязательным: некоторые жалованные ее лишены [1,

№ 189, 195, 197, 200, 248 и др.]. Интересно отметить, что из 7 грамот, выданных вел. кнг. Софией Витовтовной [1, № 131–133, 217, 218, 237, 239], 6 содержат «полную» дату, и только в последней она не указана.

Среди кирилловских актов самая ранняя датированная грамота – жалованная льготная и несудимая можайского кн. Ивана Андреевича 1435 г. [2, № 67]. Следующая по времени – жалованная вел. кнг. Софии Витовтовны 1448–1451 гг. [2, № 98]⁴. В жалованных грамотах верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича дата появляется только с 1450-х гг. [2, № 153, 155, 156, 164 и др.]. В первой из перечисленных указан только год, в остальных, как правило, год, месяц и число.

Некоторые жалованные грамоты указания даты, вероятно, и не предполагали. В первую очередь к ним относятся акты, запрещающие незванным гостям ходить на пиры [1, № 315, 327, 414, 462, 463; 2, № 127]. Есть виды жалованных, в которых дата указывалась достаточно редко. Так, из 16 троицких актов, предоставляющих право беспошлинного проезда (и провоза), дата есть только в 3 [1, № 453, 530, 533]. В первой указан только год, в остальных – год, месяц и число. Среди опубликованных кирилловских грамот, напротив, преобладают датированные [2, № 196, 256, 271, 279, 292⁵]. Первая дана вологодским кн. Андреем Васильевичем Меньшим в 1471 г., остальные – великим князем в 1480–1493 гг. Интересно отметить, что в большинстве жалованных грамот кн. Андрея Меньшого указаны не только год, месяц и число, но и индикт [2, № 191–198, 200]⁶.

Грамоты с прочетом первоначально даты не содержали [1, № 203, 262, 311, 331 и др.; 2, № 113, 123, 172, 186, 235 и др.], в троицких и кирилловских актах она встречается только с 1487 г. [1, № 533, 548, 573; 2, № 274].

Но, пожалуй, наиболее интересен вопрос о дате в жалованных данных – т.е. в актах великих и удельных князей, наделявших монастырь землей⁷. Собственно данных грамот великих князей и княгинь среди троицких актов немного [1, № 244, 308, 342, 357, 461], но ни одна не имеет даты, хотя все они относятся ко второй половине XV в. (примерно 1453–1482 гг.), когда указание времени выдачи было достаточ-

⁴ Вторая грамота великой княгини не датирована [2, № 99].

⁵ Это может объясняться как принципами отбора материала составителя тома, так и другими причинами.

⁶ Указание индикта – особенность актов, выданных епархиальными владыками [2, № 161, 174–176, 183].

⁷ К подобным документам не может быть отнесена, например, данная дмитровского князя 1423 г., по которой монастырю жаловался «омут» на р. Воря с правом ловли бобров и рыбы [1, № 40].

но характерно для иных разновидностей жалованных. Среди более ранних актов известны: данная, льготная и несудимая можайского князя 1442 г. [1, № 171], а также великокняжеская данная и несудимая 1445 г. [1, № 176]. Однако, как видно из названия, эти акты не являются только данными, но включают и иные пожалования⁸.

Сходна (но не тождественна) ситуация с жалованными данными угличского кн. Андрея Васильевича Большого: 5 грамот относятся к 1467–1482 гг., т.к. даты в них нет, но упоминается имя игумена [1, № 365, 367, 435, 464, 465]. В одной данной дата все-таки указана – октябрь 1472 г., но это данная с отводом на княжеские земли, «припаханные» к принадлежавшему Троицкому монастырю селу [1, № 408]⁹.

Сказанное не означает, что данные грамоты не могли содержать даты. Так, наиболее ранняя точно датированная данная была выдана ростовским владыкой Ефремом 17 июня 1434 г. [1, № 113]; к 1458/1459 г. относится данная киевской кнг. Анастасии [1, № 279]; две данные были выданы великим князем или по его приказу: в ноябре 1491 г. дворцовому истопнику «в поместье» были пожалованы пустоши [1, № 563]; 11 июня 1496 г. дворский Г. Кулешин дал крестьянину Троицкого монастыря участок земли взамен взятой [1, № 602].

Жалованные удельных князей, по которым Кирилло-Белозерский монастырь наделялся землей, даты также не содержат [2, № 23, 25, 46, 78, 111, 120, 128, 131 и др.]¹⁰, хотя часть из них относится к 1480–1490-м гг. Даже в грамоте кн. Андрея Меньшого не указан год [2, № 205], хотя в других его актах приведен даже индикт (см. выше)¹¹. Дата присутствует только в документах, в которых верейский и белозерский князь наряду с земельными пожалованиями предоставлял и другие льготы [2, № 153, 222, 223]. Первая из них датирована только годом, в остальных указаны также месяц и число.

Данные (вкладные) частных лиц в Троице-Сергиев монастырь с указанием времени выдачи известны с 1480/1481 г.; формат даты в 3 актах сокращенный – упоминается только год [1, № 490, 620, 625], в 1 – «полный» [1, № 515]. Однако недатированных вкладных с 1480-х гг. по

⁸ Известна также данная, тарханная и несудимая грамота бывшего казанского царя 1498 г. [1, № 618].

⁹ Здесь можно привести и другой пример – данную и отводную грамоту волоцкого князя 1504 г. [1, № 654].

¹⁰ Данная верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича 1472/1473 г., изданная по Отводной книге [2, № 220], могла «получить» дату в процессе копирования в книгу.

¹¹ Данная этого же князя на сенные покосы от 20 сентября 1472 г. выдана «к прежнему моему даянью» [2, № 219] и, вероятно, именно поэтому датирована.

начало XVI в. больше – 6 [1, № 483, 507, 508, 553, 599, 657]. Датированных вкладных этого времени среди изданных актов Кирилло-Белозерского монастыря нет.

Сделанные наблюдения (которые еще нуждаются в осмыслении) интересно сравнить с другими частными актами – купчими. В троицких актах дата появляется с 1470-х гг. и обозначена, как в большинстве вкладных, только годом совершения сделки. Датированных купчих 12 [1, № 404, 410, 452, 496 и др.], не содержащих даты – 18 [1, № 426, 427, 444, 448, 449 и др.] (как видно из приведенных цифр, соотношение датированных и недатированных купчих и вкладных совпадает). Наиболее ранние кирилловские купчие относятся к самому концу XV в., и в них также указан только год [2, № 297, 303].

Духовные грамоты частных лиц даты в тексте не содержат, она есть только на обороте документа в подтверждающей записи церковного владыки [1, № 108, 251, 253, 450, 456, 457, 499, 562, 612; ср.: 1, № 472, 501; 2, № 87, 168, 314] и включает указание на год, месяц и число рассмотрения «явленного» документа. Для первых трех грамот дополнительно указан или упомянут индикт.

Достаточно поздно дата проникает в разъезжие грамоты, поскольку указание на время написания акта появляется лишь в 1490-х гг.¹² [1, № 570, 577, 580 и др.]. Из 14 датированных разъезжих из архива Троице-Сергиева монастыря в 10 указан только год, в 2 – год и месяц, в 2 – год, месяц и число. Недатированных разъезжих за это время меньше, чем датированных – только 7 [1, № 597, 600, 608, 609, 610, 643, 645], что говорит о достаточно быстром распространении новой практики. В отличие от троицких, кирилловские разводные, разъезжие и деловые грамоты, относящиеся к 1490-м гг., даты не имеют [2, № 281, 284, 298, 308].

Но есть иные, не менее важные виды документов, дата в которых появляется еще позже – это судные списки и правые грамоты. Датированные докладные судные списки среди троицких актов относятся к 1496 и 1504 гг. [1, № 604, 651], правая грамота – к 1505 г. [1, № 658]. Дата в первом и последнем случае указана полностью, во втором только год и месяц. Но наличие даты не является обязательным: большая часть подобных документов ее по-прежнему лишена [1, № 607, 607а, 615, 628, 635, 639, 640 642]. Апрелем 1505 г. датируются первые кирилловские правые грамоты с указанием времени написания [2, № 309, 310].

¹² От более раннего периода дошло около 20 недатированных разъезжих и разводных грамот.

Проведенное сравнение показывает, что, как правило, в актах, относящихся к Кирилло-Белозерскому монастырю, дата появляется позднее, чем в документах Троицкой обители. Но на рубеже XV–XVI вв. некоторые «новые веяния» распространяются практически одновременно.

Изложенные предварительные выводы о времени появления даты в отдельных видах документов сделаны на не слишком большом, но, с точки зрения автора, достаточно репрезентативном корпусе источников. Вероятно, привлечение более широкого материала позволит их уточнить.

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М., 1958.
3. *Мошкова Л.В.* «И руку свою приложил»: подписи свидетелей на грамотах XV–первой трети XVI вв. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014.
4. *Мошкова Л.В.* Рукоприкладства первой трети XVI в. как источник по обучению письму: постановка проблемы // Проблемы и перспективы педагогических исследований. Сборник научных трудов. Т. 1. М., 2014.

УДК 94(47)«14/15»

Л.П. Горюшкина¹

Суточное время и его организация по Домострою

Домострой; суточный цикл; счет времени; временные указатели.

В статье рассматривается организация суточного цикла в изложении «Домостроя», обращается внимание на упоминаемые в тексте способы счета времени.

Обыкновенно к Домострою обращаются, желая изучить нравы или хозяйство русского общества в XVI в. Но существует и еще одна составляющая быта, которую, как нам кажется, может осветить этот памятник: каким образом организовывался день, какие временные ориентиры использовались, как вообще считали суточное время.

По своей структуре Домострой² – книга, содержащая общие со-

¹ Горюшкина Людмила Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., alae@mail.ru.

² По мнению исследователей, первоначальный текст памятника был создан в

веты на каждый день, таким образом, день в Домострое – это любой день, скорее будний, чем праздничный. В то же время сами советы обращены преимущественно к хозяину и хозяйке дома, через которых, в свою очередь, должны транслироваться остальным домочадцам. Так каким был обычный день хозяев – зажиточных горожан [5, с. 326, 333; 7, с. 64]?

Итак, утро. Хозяевам предписывалось «воставати къ позвону»³. Поскольку дальше прямо говорится, что хозяева должны будить слуг, а не наоборот (41), то следует предположить, что в виду имеется не специальная служба внутри домохозяйства, а звон церковного колокола. Однако конкретизировать: к какой службе он звонил или какой час отбивал (если предположить, что речь идет о часовом колоколе), мы не можем. Очевидно лишь, что рекомендация вставать к этому времени предполагает раннее время, причем одинаково раннее независимо от времени года, иначе проще было бы упомянуть рассвет⁴. Встав от сна, полагалось совершить три земных поклона с краткой молитвой (19), «очистить себя» (40). Затем начинались хозяйственные заботы: требовалось проверить сохранность замков и печатей на дворовых постройках (64), приказать слугам принести воды и дров, затопить печь (48, 62). После решения этих насущных вопросов, обитатели дома собирались с тем чтобы «отпеть» молитвенное правило, состоящее из заутрени, часов и молебна. Судя по описанию, это было последование, совершавшееся домочадцами именно коллективно и сокращавшееся лишь в случае отсутствия способных к чтению и пению (19). Сразу по окончании молитв мужу с женой предстояло наметить планы на день, после чего каждый отдавал соответствующие приказания слугам своей половины хозяйства (25, 27, 40). «Завтракати» хозяевам не полагалось – только «малых детей» и «работных»

Новгороде в конце XV – начале XVI в. Мы располагаем двумя позднейшими редакциями: I – по списку Общества истории и древностей российских и II – по списку Коншина (иначе Сильвестровская – по наличию 64-й главы, Поучения Сильвестра сыну Анфиму), составленными вероятно уже в Москве и не позднее середины XVI в. Поскольку интересующая нас хронологическая информация в обеих редакциях практически совпадает, цитируется только I редакция. Подробнее см.: [8, с. 54-55, 134-135; 9, с. 5; 7, с. 35, 37-38; 5, с. 325-326].

³ [2, с. 25]. Далее ссылки на это издание в тексте в круглых скобках.

⁴ Согласно «Словарю русского языка XI-XVII вв.», позвон – колокольный звон, благовест. См. [12, с. 112]. Впрочем, составители статьи приводят в качестве примера сам Домострой. Начало утренней службы предварялось колокольным звоном, однако для ряда церквей начало службы сверялось с колоколами, отбивающими дневные часы. См.: [3, с. 269-270 (глава 7)].

кормили «по разсужению» (20, 47). Более того, «раннее питание и ядение», в особенности же перед молитвенным правилом, осуждалось (20)⁵.

Дальнейший распорядок дня вплоть до вечера составителя в общем-то не интересует. День разделялся обедом, под которым подразумевался и прием пищи (48), и то, что принято называть обеденным временем (35), но из текста непонятно: к какому часу дня это было приурочено, какие работы и в каком объеме должны были совершаться до и после.

Первый послеобеденный ориентир – «вечерню поють» (35). Очевидно, подразумевается именно церковная, а не домашняя служба, поскольку указание взято из примера, когда к хозяйке дома приходит торговка. Вечернее правило, как и утреннее, совершалось коллективно, и было бы странно, чтобы хозяйка покинула его по такой причине. В то же время, посещение всех церковных служб настоятельно рекомендовалось только мужчинам (19).

«Вечере» вся семья, включая слуг, вновь собиралась на молитвенное правило, состоящее из вечерни, повечерницы и полунощницы (19). Очевидно, совершалось оно не прямо перед отходом ко сну, что явствует как из грамматической структуры отрывка⁶, так и из дальнейших рекомендаций хозяину дома «вечере на упокое» «смечатися» с поваром, хлебником, конюхом и другими руководителями хозяйственных служб, включая торговцев в лавках (60-61). Жена, по мысли составителя, должна была заниматься рукоделием (41). Как до утреннего, так и после вечернего молитвенного правила есть не полагалось (20), поэтому вероятно, что упоминаемый в тексте ужин (64, 72), съедали несколько раньше. Завершался день очередной проверкой замков и печатей, а равно потенциальных источников возгорания (54), после чего ворота «к ночи» запирались (64). Укладываясь спать, вновь

⁵ Пассаж «а завтрокати мужу и жене отнюдь непригож, кроме немощи, ести и пити в подобно время» В.В. Колесов и В.В. Рождественская перевели в смысле «завтракать отдельно друг от друга» (178). Полагаем, что указание на «подобно время» позволяет толковать это место именно как запрет раннего ядения, тем более, в тексте выше специально оговаривается, чтобы жена не ела отдельно от мужа. Кроме того, встает вопрос: почему в смысле питания врозь оговаривается только один прием пищи, когда в тексте упоминаются три? В руководствах к исповеди встречается вопрос о «раннем ядении», трактуемый М.В. Корогодиной как осуждение трапезы перед утренней церковной службой. Однако формулировка такого вопроса в ряде случаев допускает понимание, что осуждалась ранняя трапеза вообще. См.: [6, с. 256, 461, 472, 492; 1, с. 153, 164. 166, 168, 176, 177, 180, 183, 184, 198, 232; 11, стлб. 920, 921].

⁶ «по вся дни вечере... отпети вечерня... а ложася спати...» (19).

полагалось совершить три земных поклона с молитвой. В полночь рекомендовалось вновь (но теперь уже «таино») встать на молитву «елико вместимо» (19).

Как мы видим, высказанная в литературе мысль, что Домостроем «вся жизнь человека определена и размечена по дням и часам, дела и даже помыслы обрядово расписаны» [5, с. 331-332], не находит себе подтверждения в тексте памятника. Временную увязку у составителя Домостроя получила лишь незначительная часть обычных каждодневных дел. Описывается самое начало дня (плотное и непродолжительное по времени) и его конец (гораздо более протяженный во времени и менее плотный, исходя из текста). Все, что составляет «злобу дня», опущено. Причиной послужило, вероятно, стремление автора дать универсальные, подходящие всем советы. Поскольку род занятий и обстоятельства жизни адресатов текста разнятся, а многие виды деятельности имеют сезонный характер, рабочие часы не находят описания. Но и имеющийся материал дает пищу для размышлений.

В источнике используются временные ориентиры разного типа. Во-первых, это самые общие обозначения: «вечере», «по вся дни и по вся вечера», «по вся дни вечер», «вечера», «въ вечере», «к ночи», «в полунощи», «по вся утра», «заутра порану» (19, 25, 26, 54, 60, 64). Во-вторых, это обозначения, связанные с деятельностью человека: «ложая спати», «после пения вечерняго», «вечере на упокое», «утре вставая», «во утри вставая къ позвону», «до обеда ж, или какъ вечерню поють», «изутра, избу затопивъ», «по вся дни из утра вставъ», «после обеда и вечере» (19, 20, 25, 35, 48, 64). Несмотря на такое разнообразие, у всех них есть общая черта: автор не конкретизирует время, он использует такие временные увязки, которые отсылают к чему-то само собой вроде бы разумеющемуся.

В то же время, если рассматривать эти указания в контексте, то некоторую конкретность они обретают. Так, «к ночи» рекомендовалось запираť ворота, т.е. речь шла о времени, когда окончательно сгущаются сумерки и наступает световая ночь. Вероятно, непосредственно перед этим, «въ вечере», стоило проверять замки и печати. Очевидно, что перед нами следы системы счета времени, основанной на восприятии периодов светового дня. Однако следует заметить, что в тексте отсутствуют указания на рассвет, полдень и закат. Вероятно, это вновь следует связать с претензией автора на универсальность советов: в разное время года эти моменты приходятся на разное время, а летнее время от рассвета до заката не соответствует зимнему⁷. Впро-

⁷ Желание «так определить способ организации одного конкретного дня, что

чем, и имеющееся в тексте указание на полночь вызывает вопрос: каким образом высчитывалось время ее наступления? Поскольку речь идет о тайной молитве, подразумевалась очевидно «глухая ночь», а не точный момент в сутках⁸.

Время совершения церковной службы также играло роль ориентира («вечерню поють»), однако, вопреки ожиданиям, в Домострое практически нет такого рода отсылок. Полностью отсутствует в тексте и упоминания о часе (и косом, и равном) как единице счета времени. Хотя часы, в том числе механические, новинкой в городах не были⁹. Думается, причина такого рода умолчаний состоит в том, что текст писался для домохозяев и содержал советы, относящиеся ко внутренней жизни дома. Бой механических часов и звон церковных колоколов организовывал, в первую очередь, публичную жизнь горожанина, но крайне мало влиял на организацию дня внутри дома. Потому и «позвон», будь то звон часов или благовест к службе, оказывается единственным «внешним» временным ориентиром, актуальным для домохозяйства, отмечая начало дня.

Любопытно решается в Домострое вопрос о начале суток. Когда автор касается порядка совершения семьей молитвенного правила, то речь идет сперва о вечернем правиле и лишь потом – об утреннем (19-20, 25). То есть именно в том порядке, в каком они идут в рамках церковного обихода, где сутки начинаются с вечера. В то же время, когда речь идет о делах по хозяйству, то сутки начинаются для автора с утра (64). Таким образом, в сознании автора сочетаются две различные системы счета суточного времени¹⁰.

Подводя итог нашим наблюдениям, отметим: указания на время у составителя Домостроя достаточно скудны и отрывочны и касаются только «рамок» дня – утра и вечера, что определяется как стремлением к универсальности советов, так и вниманием не к публичной деятельности горожанина, а к внутренней жизни домохозяйства. Поэто-

под этим днем может пониматься *любой* день: то есть все последующие дни могут и должны быть организованы подобным образом» отмечается и на примере позднесредневековых европейских источников. См. [13, р. 108].

⁸ Такое понимание допускает и текст «Измарагда», через который эта рекомендация Иоанна Златоуста попала в «Домострой». См.: [4, с. 291].

⁹ Первые механические часы в Москве появляются в 1404 г., в Новгороде – в 1436 г. См. [10, с. 12-21].

¹⁰ Сочетание в Домострое двух систем суточного счета (с вечера и с утра) отмечено Л.П. Найденовой. Однако сложно согласиться с мнением об определяющем влиянии церковного восприятия времени на суточный счет на примере Домостроя. См.: [7, с. 90-91].

му, с одной стороны, мы наблюдаем многообразие способов ориентации во времени суток: по периодам светового дня и сопряженными с ними хлопотами, по церковным службам. С другой стороны, фактически отсутствуют «точные» указания времени (как природные – рассвет, полдень, так и отвлеченные – по часам) и единообразие в организации суточного счета (начинаться они могли и с вечера, и с утра, но не с полуночи). Говорить о противоречии между перечисленными выше системами не приходится: они вполне гармонично уживались в сознании людей эпохи, взаимно дополняя друг друга. Сам же их набор говорит скорее в пользу того, что время еще не начало восприниматься отвлеченно, его счет и организация соотносятся с природой и человеком, а не работой механизма.

1. Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Том III. М., 1995.
2. Домострой / Сост. В.В. Колесов. Изд. 3-е. СПб., 2007.
3. Емченко Е.Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.
4. Из Измарагда // Домострой. Изд. 3-е. СПб., 2007.
5. Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. Изд. 3-е. СПб., 2007.
6. Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV-XIX вв.: Исследования и тексты. СПб., 2006.
7. Найденова Л.П. Мир русского человека XVI-XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М., 2003.
8. Некрасов И.С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873.
9. Орлов А. Домострой. Исследование. Ч. I. М., 1917.
10. Пипуныров В.Н., Чернягин Б.М. Развитие хронометрии в России. М., 1977.
11. РИБ. Т. VI. СПб., 1880.
12. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 16. М., 1990.
13. Humphrey C. Time and Urban Culture in Late Medieval England // Time in the Medieval World. York, 2001

УДК 929

Н.С. Борисов¹

Отечественная традиция исторической биографии

Историческая биография; Томас Карлейль; П.Л. Лавров; «Жизнь замечательных людей»; народники; историческая мифология.

Статья рассказывает о формировании биографического жанра в русской исторической науке. Этот жанр имеет далекую перспективу и как одно из направ-

¹ Борисов Николай Сергеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., muksalma@mail.ru.

лений исследовательской практики, и как инструмент нравственного и патриотического воспитания общества. Однако работа в этом жанре требует знаний и умений, которые не входят в традиционный круг профессиональной подготовки историка.

Исследования биографического жанра являются наиболее востребованным продуктом современной исторической науки. Отсюда вытекает особое значение биографии для реализации идеологического и морального потенциала истории. Закономерно, что с давних времен самым читаемым античным автором является Плутарх с его знаменитыми «Жизнеописаниями».

Историки-биографы по-разному ставили свою творческую задачу. Метод Плутарха определяют как «психологическо-биографические очерки» [16, с. 11]. Мягкое назидание Плутарха никогда не спутаешь с холодноватой каталогизацией добродетелей и пороков в «Жизни двенадцати цезарей» Светония.

В средние века античные традиции исторической биографии отчетливо заметны в агиографии. Возрождение собственно биографического жанра происходит уже в Новое время. Филипп де Коммин и Френсис Бекон, Макиавелли и Монтень – все они тяготели к жизнеописаниям (или по меньшей мере к ярким характеристикам) выдающихся деятелей прошлого.

Расцвету историко-биографического жанра в Новое и Новейшее время способствовала сама духовная атмосфера общества с ее культом успеха и философией индивидуализма. Биографии «успешных» людей в любой области жизни заполняют книжный рынок. Они не только удовлетворяют обывательское любопытство к личной жизни кумиров, но и служат своего рода «пособием для достижения успеха».

Известно, что спрос определяет предложение. Историки-профессионалы много и охотно работают в биографическом жанре. И дело здесь не только в издательских гонорарах. Биография как наиболее свободный от цеховых условностей жанр открывает перед историком максимально широкие возможности для самовыражения. Но одновременно она ставит перед ним целый ряд сложных профессиональных и творческих задач [14, с. 13]. Это и глубокое знание эпохи, и тонкое понимание психологии своего героя, и литературное мастерство. Рецепты составления качественной исторической биографии вызывают споры у специалистов [4, с. 11]. В частности остается нерешенной – а в полной мере, вероятно, и неразрешимой – задача преодоления двойного искажения утраченной реальности. Первое искажение возникает при описании деятельности героя биографии аутентичными (а

тем более – значительно более поздними) источниками. Второе искажение невольно допускает историк, объясняя мотивы поступков героя исходя из собственной системы моральных, политических и социальных ценностей [13, с. 11].

При всем обилии спорных вопросов, мы все же полагаем, что современная, добротная в научном отношении историческая биография, подобно творениям античных историков, должна «стоять на трех китах»: собственно *истории* – как критически осмысленного материала источников; *литературы* – как умения ясно и увлекательно рассказать читателю о результатах своих исследований; *философии* – как определенной системы экзистенциальных ценностей и взгляда на жизнь. При таком подходе историческая биография превращается в вызов, который историк бросает сам себе. Более того: она превращается в довольно опасное предприятие. Ведь в случае неудачи автора ожидает горькое сознание собственной несостоятельности, своего несоответствия образу героя...

Весьма примечательна судьба биографического жанра в русской исторической науке. В России только к концу XVIII в. завершается процесс первичной разработки исторических источников. Словно повторяя в кратком варианте общеевропейскую схему развития исторических знаний, отечественная историография в лице своего «Геродота» – Н.М. Карамзина – соединила собственно историю с литературой и придала рассказу о событиях и деятелях прошлого морализующий характер.

При внимательном чтении Карамзина в его «Истории» заметно влияние не только просветительских теорий XVIII столетия, но также Плутарха, Светония и Тацита. «Доселе древние служат нам образцами», – признавал историк [5, с. 374]. На античных авторов Карамзин прямо ссылается в одном из своих историко-публицистических очерков [5, с. 374].

Казалось бы, кто как ни Карамзин должен создавать жизнеописания героев русской истории. Однако среди сочинений Карамзина нет собственно исторических биографий, если, конечно, не считать таковой повесть «Марфа посадница». Это во многом объясняется спецификой источников по истории средневековой Руси. Почти полное отсутствие документов личного характера – писем, дневников, воспоминаний, автобиографий – крайне затрудняет создание исторически достоверных биографий. Наконец, публицистическая направленность исторических трудов Карамзина – апология самодержавия и монархии

ческой государственности – плохо сочеталось с жанром научной биографии.

Развитие индивидуалистических начал во всех областях духовной культуры России, связанное с отменой крепостного права и становлением буржуазных отношений, отразилось и в отечественной историографии. Однако отражение это было сложным и противоречивым. В частности, ожидаемого роста интереса к историческим биографиям не происходит. Столбовая дорога развития отечественной исторической мысли проходит через труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Первый из них лишь в конце своей научной деятельности проявил интерес к жанру исторической биографии и создал «Публичные чтения о Петре Великом» (1872).

Обратившись к биографическому жанру, Соловьев неизбежно должен был, так или иначе, откликнуться на труд английского историка Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), переведенный на русский язык и опубликованный в журнале «Современник» в 1856 г. Отношение Соловьева к Карлейлю отмечено некоторой двойственностью. С одной стороны, Соловьев заимствует у Карлейля патетику и философию рассуждений о «великом человеке»; с другой – Соловьев интересуется не столько сам Петр Великий, сколько отражение в его биографии исторических судеб русского народа и государства.

Примечательно и на первый взгляд неожиданное сравнение Соловьевым в его «Истории России» петровских реформ с Великой французской революцией [8, с. 391]. Безусловно, это был еще один отклик на творчество Карлейля – автора знаменитой книги «Французская революция. История» (1847).

Соловьев создал объемистый труд «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (1847), посвященный главным образом военно-политическим конфликтам той эпохи. Но исторических биографий в собственном смысле там нет.

В трудах Ключевского исторические биографии занимают гораздо больше места, чем у его предшественника и учителя Соловьева. Это объясняется не только особенностями исторического таланта Ключевского, но и необходимостью держать внимание аудитории живыми образами деятелей прошлого. На радость студентов и широкой публики Ключевский украсил свой «Курс лекций» несколькими блестящими эссе – силуэтами русских царей.

В целом же следует признать, что русская историческая наука эпохи «великих реформ» не имела большого опыта в биографическом

жанре. Ее внимание привлекали совсем иные темы. В исторических портретах ей мерещился возврат к образам князей и царей из архаической «Истории Государства Российского» Карамзина. Однако взволнованному русскому обществу нужны были маяки – яркие портреты героев прошлого, примеры для подражания или осуждения. Не получив желаемого от отечественных историков, читающая публика обратилась к богатому духовному ассортименту Запада. И там она нашла то, что искала...

Буржуазная система ценностей и жизненный уклад вызывали неприятие у многих западноевропейских мыслителей середины XIX столетия. Наряду с разного рода теориями социалистического толка появляются литературно-философские и публицистические критики буржуазной цивилизации. Наиболее значительные произведения такого рода принадлежали перу английского мыслителя Томаса Карлейля (1795–1881). Его знаменитая книга «Герои и героическое в истории» (1847) содержала ряд жизнеописаний великих людей прошлого. Своеобразие биографий Карлейля состояло в романтической приподнятости тона, морализаторских сентенциях в духе ветхозаветных пророков и искреннем сочувствии автора к судьбам его героев.

В России сочинения Карлейля были известны и пользовались популярностью. «Война и мир» и «Былое и думы» несут на себе следы чтения Карлейля [3, с. 5]. В письме к Б.М. Бубнову от 17 марта 1893 г. Н.С. Лесков советует адресату заняться переводом сочинений Карлейля. «Не лучше ли бы было тебе Боря вместо перевода поэтов (в стихах) обратиться к переводу английских прозаических писателей, и именно к величайшему из них – Томасу Карлейлю? Он ведь у нас переведен очень мало – кажется, всего три сочинения: "Характеристики", "Герои" и "История французской революции"; а он весь велик, интересен и любим. Ты бы подумал об этом! Это ведь тоже и очень поэтический писатель-мудрец» [9, с. 542].

Высокого мнения о Карлейле были и представители «серебряного века» русской литературы. А. Блок в письме к жене от 10 июня 1911 г. сообщает: «Я читаю гениальную "Историю французской революции" Карлейля» [2, с. 347].

Интерес к исторической биографии, к жизнеописаниям «замечательных людей», подогретый сочинениями Карлейля, получил новую актуальность в деятельности революционных народников. Сама ситуация противостояния небольшой группы «критически мыслящих личностей» – и всей административно-полицейской системы самодержавия

вия, предполагала энергию действия и героическую готовность к самопожертвованию. Об этом писал в своих «Исторических письмах» (1867–1870) один из главных теоретиков народничества П.Л. Лавров. «Нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу» [7, с. 140].

Пафос этих призывов явно созвучен известной формуле Карлейля: «Мужество, геройство – это, прежде всего, доблесть, отвага и способность делать» [10, с. 177].

Преследования властей способствовали созданию народниками своего собственного «внутрипартийного» мартиролога и героической мифологии. Одним из главных ее создателей стал С.М. Степняк-Кравчинский (1851–1895) – автор знаменитой книги «Подпольная Россия» (Лондон, 1893).

Вопрос о подлинных и мнимых героях России вышел за рамки дискуссий в народнических кружках. Широкий общественный отклик на теорию и практику народничества требовал и соответствующей инвентаризации всей отечественной истории. На роль «положительного героя», двигателя прогресса на всем пространстве русской истории претендовали воспетые Лавровым «критически мыслящие личности» – мятежники и революционеры. Освобождая место для новых героев, необходимо было «сбросить с постамента» царей, князей и других представителей официальной монархической мифологии.

Первым, кто попытался хотя бы частично решить эту задачу, был Н.И. Костомаров (1817–1885). Убежденный либерал, Костомаров в юности подвергался преследованиям властей. Через всю жизнь он пронес «оппозиционность в отношении российского самодержавия» [15, с. 423]. Главными героями его исторических трудов стали вольнолюбивые героические личности – Степан Разин и Богдан Хмельницкий. Помимо мятежной казачьей «воли» и давно забытых вечевых собраний северных «народоправств» Костомаров не нашел в истории России традиции «критически мыслящих личностей» – героев и мучеников общественного прогресса. Его знаменитый труд «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» по существу представлял собой реализацию одного из тезисов «Исторических писем» Лаврова.

«Личность не может иначе развиваться всесторонне, как на критике реального... Критика реального прошлого, истории, позволяет ему (человеку – *Н.Б.*) оценить неизбежную почву, на которой он

стоит вместе со всеми другими своими современниками, почву, допускающую переработку, но при условии: взять самую почву в соображение такую, *какова она есть*» [7, с. 112-113]. Эта критика – как понимал ее Костомаров – должна быть, прежде всего, направлена на разрушение национальной исторической мифологии, ставшей частью официальной идеологии эпохи Николая I. Выстроив длинный ряд биографий русских деятелей от первых князей до Александра Благословенного, Костомаров не находит в них героического и созидательного начала. Он подвергает сомнению историю Ивана Сусанина и приходит к выводу о том, что «из Смуты Россия выходила без героев».

Лишенные романтического пафоса Карлейля и глубокого историзма биографических силуэтов Ключевского, жизнеописания Костомарова ныне представляют определенный интерес лишь в чисто информативном, просветительском плане.

Среди просветительских издательских проектов, которыми увлекалось либеральное народничество, особо следует отметить «Биографическую библиотеку Ф. Павленкова», основанную в 1890 г. и продолжавшуюся до 1924 г. [6, с. 46]. Книги этой серии выходили под общим заголовком «Жизнь замечательных людей». Современные исследователи отмечают генетическую связь павленковской «Библиотеки» с «героическими» биографиями Карлейля и биографическими очерками «Представители человечества» его ближайшего ученика Р. Эмерсона. «Именно по этим образцам издатель-демократ Павленков составлял серию ЖЗЛ, предшественницу нынешней, горьковской» [5, с. 21].

Заявленный Павленковым бренд «Жизнь замечательных людей» вызвал законный вопрос: по каким критериям можно отнести того или иного деятеля прошлого к «замечательным людям»? Можно ли допускать в это избранное сообщество людей с негативной репутацией? Кого считать «героем» человечества? Судя по подбору биографий, сам Павленков ставил планку нравственных требований к «герою» весьма высоко. В каталоге его почти 250-томной библиотеки абсолютное большинство составляют деятели культуры, политики, ученые. Однако принятое Павленковым традиционное понятие «героя» как создателя неких материальных или духовных ценностей вскоре было оспорено Н.К. Михайловским. По его мнению «герой» – это «человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело» [12,

с. 98]. Исследователи отмечают преемственность взглядов Лаврова и Михайловского на проблему «героя» [11, с. 234].

Воссозданная в 1933 г. по инициативе М. Горького серия биографий «Жизнь замечательных людей» ныне насчитывает уже около полутора тысяч книг. В этом книжном море существуют свои маяки и подводные рифы. Биографический жанр как никакой другой отражает политическую конъюнктуру. В советский период наряду с традиционными образами государственных деятелей, писателей, ученых свою долю в издательской продукции получают революционеры (удостоенные даже отдельной биографической серии в «Политиздате» – «Пламенные революционеры»), полководцы, партийные вожди. Частым явлением в серии «ЖЗЛ» становятся «коллективные биографии» – «Правофланговые комсомола» (1982 г.), «Советские олимпийцы» (1982 г.), «Первопроходцы» (1983 г.) «Великие русские люди» (1984 г.) и др.

При том книжном голоде, который существовал в советском обществе, каждая значимая биография в серии «ЖЗЛ» становилась событием в литературном мире, ценной добычей для книголюбов. В год выходило в среднем по два-три десятка книг.

Распад советской системы и торжество рыночной экономики наглядно отразились и в судьбе биографической серии «ЖЗЛ». Популярность самого жанра биографии, а также хорошая репутация в книжном мире помогли ей сохраниться как издательскому проекту. Читателей стало меньше, тиражи резко упали, но «нет худа без добра». Открылась возможность для объективной оценки роли тех или иных личностей в новейшей истории России. Обрели свои биографии в серии «ЖЗЛ» все правители Руси и России от Рюрика до Михаила Романова и от Михаила Романова до Николая II. Издан целый ряд книг, посвященных прежде запретным именам в отечественной истории советского периода. Обычным делом стала публикация биографий, написанных зарубежными авторами и переведенных на русский язык.

Коммерческому выживанию историко-биографической серии «ЖЗЛ» способствует и еще одно обстоятельство. Бездуховность и прагматизм «рыночного» общества будит тоску по героям прошлого.

Выбрав за многие годы практически весь пласт «замечательных людей» первого ряда, издательство перешло к практике нескольких вариантов биографии одного исторического персонажа. (Так появились два Дмитрия Донского, две Екатерины II, два Бунина и т.д.). Одновременно началась разработка биографий деятелей «второго ряда».

Наконец, пересмотрено само понятие «Замечательного человека». Оно приблизилось к представлению «героя» по Михайловскому – как повелителя толпы. В этом качестве своих биографий дождались Пилсудский и Махно, Распутин и Мазепа, Марина Мнишек и Аттила.

Книги сходят с издательского конвейера быстро и ритмично, как машины – с заводского. Однако эта штамповка жизнеописаний неизбежно ведет к обезличиванию и усреднению их содержания. Издатели не проявляют тревоги в этом вопросе. Их взгляд на проблему сияет оптимизмом. «Содержание абсолютного большинства новых книг отвечает трем главным принципам, провозглашенным редакцией еще в 1950-е годы, – научная достоверность, высокий литературный уровень и занимательность. При этом первое из перечисленных слагаемых стало сегодня, безусловно, главным и определяющим в выборе авторов» [6, с. 7].

Оптимизм издателей понятен. Но может ли читатель, уstraшенный запредельными ценами на любимые «жезээлки» и опечаленный торопливой небрежностью многих текстов, отсутствием литературного мастерства у цеховых историков, разделять этот оптимизм? Едва ли...

Подводя итог нашим наблюдениям, хотелось бы отметить следующее. Биографический жанр имеет будущее в нашей исторической науке и как одно из направлений исследовательской практики, и как инструмент морально-нравственного и патриотического воспитания общества. Историкам следует ясно осознать эту перспективу и осваивать новые приемы ее разработки. Прошлое растет в цене на рынке бытия. И все больше людей готовы повторить ироничный парадокс Бенджамина Дизраэли: «Не читайте исторических книг – только биографические; биография – это живая жизнь» [1, с. 228].

1. Английский афоризм. М., 2003.
2. Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.; Л., 1963.
3. Бэлза С. Томас Карлейль, его прозрения и ошибки // Саймонс Дж. Карлейль. М., 1981.
4. Володихин Д.М. Введение // Персональная история. Сборник статей. М., 1999.
5. Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002.
6. Каталог «ЖЗЛ». 1890 – 2010. М., 2010.
7. Лавров П.Л. Исторические письма. СПб., 1905.
8. Левандовский А.А., Цимбаев Н.И. Комментарии // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. 11. М., 1958.
10. Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.

11. *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М., 1972.
12. *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1909.
13. *Парамонова М.Ю.* Предисловие // *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001.
14. *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2005.
15. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
16. *Томашевская М.* Плутарх // *Плутарх.* Избранные жизнеописания в двух томах. Т. 1. М., 1990.

УДК 930.2

В.Д. Черный¹

«Источниковедение искусства» как самостоятельное направление источниковедения: к постановке проблемы

Источниковедение искусства; художественный образ; памятник; архитектура; изобразительное искусство.

Рассматриваются особенности источниковедческого изучения произведений искусства как исторического источника. С учетом специфики кодирования информации их оценка должна осуществляться в рамках отдельного направления в источниковедении – *источниковедения искусства*.

Постоянное обращение исследователей к произведениям искусства как историческому источнику продиктовано двумя основными причинами – нехваткой информации об изучаемом объекте и, главное, – значением художественного творчества в жизни человеческого общества, поскольку только произведения искусства способны дать наиболее полную и объективную информацию о самих себе.

Первые опыты изучения произведений как источника информации в отечественной науке относятся еще к XIX в., когда в недрах так называемой «археологии» – универсальной науки о древностях – выделяется в середине столетия «художественная археология». Ее метод не отличался от прочих «археологических» изысканий. Единственной разницей между ними был выбор объекта изучения – архитектурные сооружения, иконы, декоративно-прикладные изделия и др. За их адекватные аналоги признавались их средневековые изображения памятников, в которых исследователи видели чуть ли не натурные зарисовки [10, с. 51]. С тех пор до настоящего времени в оценках произведений искусства преобладает так называемый «вещеведческий» подход. Он выражается в том, что художественные произведения, в

¹ Черный Валентин Дмитриевич, Московский педагогический государственный университет (РФ, Москва), доктор культурологии, tchernie@rambler.ru.

том числе изображения последних, включаются в состав вещественных источников. Так, в монографии Л.Н. Пушкарева, посвященной классификации русских письменных источников (1975), в известной мере обобщившей взгляды ведущих источниковедов второй половины XX столетия, в перечень вещественных памятников были включены «обнаруженные при раскопках фрески с историческими сюжетами, надгробные плиты, греческие вазы с изображением различных сцен из греческой мифологии и многое другое». Признавая, что в них в различной форме отразилась действительность, ученый, тем не менее, не считает возможным рассматривать их в рамках особой группы. Показательна в этом плане и оценка Л.Н. Пушкаревым книжных миниатюр, которые, якобы, занимают в рукописях «подчиненное» положение: «они могут там присутствовать, но их может и не быть». На этом основании изображения, построенные на самом деле по своим принципам и несущие свое содержание, причисляются к письменным источникам [7, с. 98, 114, 192-193]. Между тем, во многих работах, увидевших свет с начала века, предпринимались попытки осмыслить своеобразие произведений искусства как исторического источника. Первой в этом ряду была статья В.К. Трутовского «о художественных первоисточниках» допетровской Руси (1926). По классификации исследователя, источники группируются по «родам». В одну из четырех выделенных им групп были включены «памятники художественные» [9, с. 83-86]. В последующие десятилетия увидели свет многочисленные работы, свидетельствующие о значении отдельных видов, групп и конкретных произведений искусства как носителей определенной информации о своем времени и самих себе. Заметным явлением в отечественном источниковедении искусства стала монография А.В. Арциховского (1944) [1] о наиболее востребованном из этой группы произведений источнике – русской средневековой книжной миниатюре. Причиной обращения к ней известного археолога стало стремление расширить круг представлений о вещественных памятниках прошлого. Обращаясь к миниатюрам, автор справедливо замечает, что они являются «не столько зарисовками..., сколько условными схемами, живущими своей книжной жизнью». Однако, на раскрытии природы изображений, т.е. на расшифровке этих «схем», автор не останавливается. Ставка делается преимущественно на «избыточную информацию» – изображения предметов, которые прямо не называются и не описываются в сопроводительном тексте рукописей.

Исследовательский метод А.В. Арциховского основан на сравнении изображений отдельных предметов с самими вещами из музеев

или из раскопок, относящимися примерно к тому же времени, о котором идет речь в рукописи. Наблюдения, сведенные ученым в статистические выкладки, должны были дать, по его мнению, объективное заключение по поводу ценности книжной миниатюры как исторического источника. Можно согласиться с исследователем в тех случаях, когда художник передает в своих рисунках простейшие формы. Их облик на уровне типологии по сравнению с оригиналами не претерпевает сколько-нибудь существенных деформаций, разве что предстают они в миниатюрах в более обобщенном виде. Другое дело объекты сложной конфигурации (например, архитектура), где перспективные искажения и специфические приемы воспроизведения форм сказываются особенно явно. Изображения такого рода ученый с уверенностью относит к «фантастическим».

Выход в свет труда А.В. Арциховского, даже при наличии в нем определенных уязвимых позиций, вызвал к теме огромный интерес историков различного профиля и стал мощным стимулом к появлению многочисленных отраслевых исследований, использующих миниатюру в качестве основного исторического источника. Однако существенных подвижек в методике его осмысления в них отметить нельзя. Гораздо реже, чем к произведениям изобразительного искусства, исследователи обращались к оценке архитектуры как исторического источника. Первым такой вопрос поставил историк архитектуры и археолог Н.Н. Воронин (1954). В своей статье ученый впервые со всей определенностью сформулировал основные положения заявленной проблемы, что в конечном счете преследовало цель воссоздать «картину исторического развития... общества». Определяя специфику архитектуры как произведения искусства, автор отметил ряд отличий, выделяющих ее из ряда других искусств. Это – связь с производством, воплощение в сооружениях, в том числе утилитарного назначения, «художественных взглядов общества. При оценке своеобразия архитектурного искусства во внимание должны приниматься, главным образом, состав, количество и развитие типов... сооружений, их место в застройке [2, с. 41-46]. Следует, однако, заметить, что архитектура способна передать и более тонкие нюансы идей, волновавших общество в конкретный исторический период. На пример такого рода, в частности, указал М.А. Ильин [4, с. 150-155], обративший внимание на своеобразии архитектуры церкви Николы в с. Каменском (рубеж XIV–XV вв.). Аскетический вид храма – отсутствие окон и какого-либо декора в основном его объеме – навел ученого на мысль о влиянии на художественное решение здания исихазма, чрезвычайно попу-

лярного в Византии XIV в. и странах православного мира религиозно-философского учения.

Исходя из «неизобразительного» языка архитектуры Н.Н. Воронин справедливо отмечает, что художественные взгляды общества в зодчестве могут быть раскрыты только в «более общей, отвлеченной форме», нежели в изобразительных памятниках.

К сожалению, далеко не все вопросы, отмеченные в данной статье, получили свое развитие в отечественном источниковедении.

Примерно в том же направлении, что и Н.Н. Воронин, пошел его ученик П.А. Раппопорт, рассмотревший в своей монографии более узкий аспект проблемы – строительное производство Древней Руси X–XIII вв. (1994). Принципиальным положением данного исследования было утверждение: «единственным полноценным источником по организации строительного производства... могут служить только сами памятники» [8, с. 4]. Определенные коррективы в понимание специфики произведения искусства как исторического источника внес Д.С. Лихачев положением об этикетном характере художественного творчества, т.е. зависимости художника от требований эпохи – подчинению «этикету в выборе тем, сюжетов, средств изображения, в построении образов и в характеристиках» [5, с. 3-10]. Об особых требованиях к историческому познанию художественных произведений не раз писали и философы. Авторы указывали на художественную составляющую памятников как определяющую, требующую к ним «особого подхода: более тонкой научной критики и выработки таких принципов анализа, которые помогут вскрыть и понять эстетический, художественно-критический, социально-психологический и другие слои художественной информации» [6, с. 160-175]. В недостаточной разработке адекватных методов анализа произведений художественного творчества исследователи видят бытование до ныне «скептического отношения некоторых историков к этим источникам» [3, с. 85-91].

Таким образом, произведения искусства составляют единую группу, объединенную способами хранения, организации и передачи информации, а значит должны быть признаны особым *типом* источника. Учитывая специфику произведений искусства как исторического источника, их изучение должно осуществляться в рамках отдельного направления в источниковедении – *источниковедения искусства*. Признание такого самостоятельного направления источниковедения обеспечит совершенствование соответствующих приемов оценки и будет способствовать всестороннему изучению памятников, создание которых основано на художественных принципах [9, с. 101].

1. *Арциховский А.В.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944. (Переиздана: Томск; Москва, 2004).
2. *Воронин Н.Н.* Архитектурный памятник как исторический источник // Советская архитектура. 1954. Т. 19.
3. *Ельчанинов В.А., Миронец Н.И.* Гносеологическая функция произведений искусства как исторического источника // Проблемы философии: Методологическая функция марксистско-ленинской философии. Киев, 1982. Вып. 57.
4. *Ильин М.А.* Редкий памятник древнерусской архитектурной мысли (храм села Каменского)// История СССР. 1969. № 3.
5. *Лихачев Д.С.* Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22.
6. *Ляхович Е.С., Подгорных Л.Б.* К вопросу об искусстве как историческом источнике // Вопросы методологии науки. Томск, 1975. Вып. 5.
7. *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
8. *Раппопорт П.А.* Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994.
9. *Стрельский В.И.* К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике // История СССР. 1984. № 1.
10. *Трутовский В.К.* Новые первоисточники для истории ценностей допетровской России // Труды отделения археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1926. Вып. 1.
11. *Черный В.Д.* Русская средневековая книжная миниатюра: направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.

УДК 94(47)

И.П. Кулакова¹

История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма

Субъективность; автотекст; дневник; самоанализ; личность; масонство.

Статья посвящена проблемам, связанным с автобиографическим письмом в его российской ипостаси. Автор указывает на специфические условия, в которых шло становление жанров самоописаний в XVIII в. На примере текста масонского дневника 1770-х гг. рассматривается установка масонской традиции на самоанализ, повлиявшая на складывание традиции российских эготекстов.

Источники личного происхождения (дневники, мемуары, автобиографии, исповеди, автобиографическая проза, частная переписка) составляют важную группу видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации и

¹ Кулакова Ирина Павловна, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., kulakova.letter@gmail.com.

автокоммуникации. Подобные тексты, в последнее время характеризующиеся в терминах «автобиографическое письмо», «автотексты», «эготексты», все чаще привлекая внимание исследователей – не столько для использования отраженной в таких источниках исторической информации, сколько для изучения характера преломления ее через сознание участника или наблюдателя событий [см., напр.: 16; 14; 13; 15; 11; 4; 5]. Известно, что источники личного происхождения «наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений» [10, с. 466]. Феномену эготекстов приписывают роль «включения» функций самоанализа, переориентации интереса человека с привычного изучения внешнего мира на исследование внутренних оснований собственной личности. Т.о. создание автотекстов, появление которых обычно связывают с переходом обществ к Раннему Новому времени, способствует самоопределению, соотнесению себя с эпохой, демонстрирует осознание уникальности своей жизни. Появлению подобных произведений должно сопутствовать изменение ценностных ориентиров общества, связанное с осознанием ценности личностного, индивидуального начала. Специфика становления данного жанра в российской традиции требует рассмотрения социокультурных предпосылок их появления. Эпоха культурного слома, в которую Россия вступила с XVIII в., на наш взгляд, стала наиболее значимым периодом интеллектуальной предыстории современности. Российская цивилизация как пограничная (по отношению к Западу и Востоку), аграрная по характеру и «периферийная» по своему генезису (не будучи прямо связанной с наследием античной цивилизации) не могла не иметь особенностей развития в сфере письменной традиции. Эпоха Просвещения, сопровождавшаяся «трансфером» новых практик, внесла новую логику в развитие письма, «сочинительства», литературного творчества. Возникли новые формы интеллектуальной коммуникации, различные слои населения втягивались в новые процессы, деформируемые «силовым полем» старой традиции.

В отличие от мировой и европейской культурной истории, уже в XIV–XV вв. богатой авторизованными жизнеописаниями, история русской литературы не может похвастаться таковыми, – указывает Н.Л. Пушкирева. Первым русским произведением, которое – с известным допущением – может быть отнесено к автобиографическому жанру, считается «Житие» протопопа Аввакума [9]. Заметим, однако, что появлению развитых автобиографических текстов в России предшествует развитие ряда «переходных» жанров – различные виды «автор-

ских» письменных текстов (распросные речи; челобитья, подкрепленные рассказом о своих служебных заслугах перед государем и незаслуженных обидах; служебные записки, служебные и семейные хроники, заполняемые служащими делопроизводственные формуляры). Для этих текстов характерно внимание авторов лишь к внешним обстоятельствам своей биографии – краткие, выдержанные в бесстрастно-отстраненных тонах отметки о родословии, предках, прохождении службы, парадах, маневрах, пожаловании чинов и наград [12, с. 48]. Российские же автобиографические повествования с особым акцентом на своей индивидуальной жизни в XVIII в., остаточны немногочисленны даже для дворянского слоя. Само «упражнение в писании», т.е. систематическое занятие письмом (и тем более сочинительством) как практика вплоть до последней четверти XVIII в. находилось на стадии становления [1]. На «новизну жанра» порой указывает и нередкое определение «своеручные» (применительно к запискам).

Еще одно препятствие – это общая неуверенность в праве на письменный рассказ о себе. Можно выделить факторы, обуславливавшие обращение к формам самоописаний: авторы обычно указывают на «уникальные» жизненные обстоятельства, заставившие их обратиться к письму – одиночество после смерти родителей, экстренная необходимость заполнения досуга и т.п. Так, желание «оправдать» свое намерение писать автобиографию князь Б.И. Куракин объясняет необходимостью занятий во время лечения на водах («вместо забавных и провожаючи бытность ту безскучно, то описал и желаемое свое получил»). А.Т. Болотов оказался после смерти родителей в одиночестве в возрасте 16 лет, и, перечисляя свои занятия в деревне, пишет: «...упражнение мое состояло в писании. С самого малолетства имел я уже к тому некоторую охоту и всегда, бывало, что-нибудь марал и списывал». Во второй половине 1750-х гг. лишь оказавшись в «карантине» Е.Р. Дашкова, по ее словам, начала сознавать, что «одиночество не всегда бывает тягостно».

Ранние «самоописания» несут следы синтетичности жанров (желание держаться в рамках *семейной хроники* отличало и дворян, и купечество; для преуспевающих купцов конца XVIII в. было характерно ведение *хозяйственных* дневников и т.п.). У образованных разночинцев, как правило, не было амбиций для жизнеописаний, но их автотексты как описания скитаний и бедствий появлялись в кризисных ситуациях. Таковы самоописания дворового человека князей Голицыных Смирнова (пытавшегося бежать в 1785 г. за границу),

«Несчастливые приключения Василия Баранщикова, мещанина из Нижнего Новгорода» (скитавшегося по миру в 1780-1787 гг.), и некоторые другие биографические «повести», нацеленные не столько на «самовыражение», сколько на оправдание или привлечение читателей.

Необходимая привычка к письму как повседневной практике отличает прежде всего тех дворян и разночинцев, которые встроены в управленческие структуры и имеют навык регулярного письма или архивирования (последнее способствует составлению личных архивов [2]). Есть взаимосвязь феномена архивирования с развитием мемуарных жанров: так, И.М. Долгоруков, начиная мемуары (1788), сообщал: «в книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение» [3]. Однако, помимо навыка письма при создании автобиографических текстов было важно *осознание* автором специфики жанра, и здесь могла бы в первую очередь помочь начитанность, личное знакомство с образцами эготекстов. Но большинство русских авторов, кажется, писало свои мемуары или автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности знакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь на косвенные данные об опытах этого рода.

Важные сдвиги, на наш взгляд, в российской традиции эготекстов дала установка на самописание, которую предлагала россиянам европейская масонская традиция. Как отмечал Ю.М. Лотман, говоря о новом типе поведения, для масона его деятельность – внутренняя работа, служение идее. Важнейшим средством духовного самосовершенствования признавалась уединение, привычка к внутренней (кабинетной) работе: член ложи, «в доме своем он николи не тратит драгоценного времени в забаве карточной или в негах столовых, но, яко истинный воин Христов»; «дом его есть храм, в котором он, упражняясь в познании себя и в чтении божественных книг... непрестанно сам с собой борется, ...упражняется кротостию» [8, с. 63]. Особым авторитетом пользовался Иоанн Масон, который изложил основы «науки самопознания» в своей книге «О познании самого себя».

Мы знаем примеры нескольких дневников, созданных масонами; среди них, пожалуй, наиболее известна «Повесть о себе самом» И. Елагина, которая, несомненно, отличается достаточной рефлексией. Но, заметим, рукопись эта, создавалась во второй половине 1780-х гг., как, в прочем, и почти все «развитые» масонские авто-

тексты. Представляет интерес пример более раннего текста – опубликованный лишь в отрывках [6, с. 1-15] дневник Алексея Яковлевича Ильина (1775-1776)². Автор – выходец из провинции, 21 года, сын канцеляриста Ростовской духовной консистории и сам мелкий канцелярский служащий Герольдии при Сенате. Это – один из типажей эпохи Просвещения в России, соединивший в себе черты, казалось бы, несовместимые: член масонских организаций, связанный многочисленными знакомствами с довольно статусными «братьями», затронутый влиянием Просвещения и при этом весьма набожный человек – православные праздники он описывает часто и подробно (обращавшееся к эзотеризму русское дворянство вполне сохраняло православную воцерковленность) [7]. Способность Ильина к ведению регулярных записей довольно бойким стилем (с правописанием практически без ошибок), конечно же, связана с его службой – видимо, сказался психологический феномен многократного переписывания бумаг в Герольдии. Дневник, озаглавленный «Дневныя записки мои», Ильин начал создавать по совету друга, также масона, и неслучайно дневник открывается записью «Господи, благослови на добрые дела» (правда, из числа добрых дел присутствуют только пожертвования небольших сумм – «дал на бедных...»). Однако, совершенно очевидно, что автор не знаком с образцами дневников (да и где бы ему с ними знакомиться), и здесь нет и речи об «исповедальности» и рекомендуемом масонами самоанализе. То, что советчики Ильина ориентировали его на «личный» характер дневниковых записей, видно из фразы на одном из первых листов: «Поутру... были в Сенате, и *тут ни чево партикуляраго не было*, как только что утешались в речи тою особою, которую вчера в саду видели» (Курсив мой. – *И.К.*). День за днем, подробно юноша описывает каждый шаг своей жизни: отмечает, что делал на службе, у кого гостил, как развлекался, какие ботинки купил и какие церковные службы посетил. Упоминает он и шалости («слушали под окошками»), и пьянство, и местные сплетни. Его сведения о масонских ложах кратки и лишены пиетета («в вечеру читал М. Катехизис»; «сперва была мастерская, камер-юнкера Куракина приняли, потом Якосская, ...а потом уже ученическая ...у меня зделался было обморок от лихорадки, а она зделалась еще в доме у Алексея Петровича от выпитых четырех стаканов квасу»³).

Имея в виду проблему становления жанра эго-текстов, можно заметить, с каким трудом давалось автору данного дневника разделе-

² Дневник А.Я. Ильина. ОР РНБ. Ф. Михайловского. № 487. Т. 1-2.

³ Там же. Л. 57–57 об.

ние на частное и публичное, «приватное» и «внешнее». В тексте присутствуют рассказы о понравившихся девушках, впрочем, чаще всего они облакаются в стереотипные книжные фразы («встретившаяся особа встревожила мой дух, сердце и мысли»). Однако, при анализе текста важно констатировать даже небольшие подвижки в сторону «интимности» записей: с течением времени Ильин втягивается в изложение и к концу текста изредка «поднимается» до фиксации своих эмоциональных состояний. Вот запись, которая уникальна для данного дневника: «ныне после дождя ...вечер прекрасной, воздух чистой и на небе ни же одново облачка не видно, даже так хорошо, что не сошел бы и с ума... был как будто в каком нибудь смущении»⁴. Характерно, однако, что свое возбуждение этот юноша тут же «снижает» и (как человек набожный), кажется, объясняет «бесовским соблазном». Далее («в разсуждении беспокойства моей внутренности») он принимает меры в духе следования народным приметам – «отменил... тем, что обнову на себя надевал... ибо всегда обыкновение, что есть у старинных людей, чтоб всякое новинькое надевать в Праздники первой раз. Что я тем самым и доказал»⁵.

Здесь для нас важен не вопрос о соотношении мистицизма и набожности в религиозной жизни русских адептов эзотерического знания (хотя важно и это), а именно факт *рассказа* автора о своем состоянии. Еще один эпизод «самоанализа» возник, когда приехавший из Москвы в Петербург (где уже находится Ильин) товарищ смутил его покой: «сказал имя сердца моего обладательницы... которая живет еще и поныне в моем сердце. Она не здорова, говорил он..., чем привел меня в некоторое о ней чувствительное сострадание... А о прочем что ни говорил, кажется пустяками, от него выдуманнами, а может быть и правильно. Однако в том двояко мыслю»⁶. Это единственный для данного дневника случай, когда автор, пусть намеками и коряво, но – говорит не только о своих *эмоциях*, но и о своих *мыслях*. И нам этот сдвиг кажется довольно существенным. Итак, можно констатировать, что изучение и психологическая интерпретация текста дневника 1775-1776 гг., выявление сдвигов в сторону авторского самоанализа помогают в определенной мере выявить ход становления жанра самоописаний в российской традиции.

И, в заключение, о подходах, используемых в эгоистории: из текста любого автотекста неизбежно «вырастает» его автор, и иссле-

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 300–300 об.

дователь текста вольно или невольно воссоздает для себя образ этого персонажа, пользуясь (как замечает специалист по исторической психологии и психологической культурологии В.А. Шкуратов) «средствами, близкими к художественному творчеству». Из этого следует сам метод интерпретации эготекстов – привлечение исторической психологии (объяснение мотивов поведения исторического персонажа) в сочетании с исследованием общеисторического контекста источника.

1. *Бухаркин П.Е.* Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы (1740-1780-е гг.): автореф. дисс. ... к.ф.н. Л., 1982.
2. *Веселова А.Ю.* Архив частного человека: проблема типологии. Эл. ресурс: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t5>.
3. *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2004.
4. *Зарецкий Ю.П.* Автобиографические Я от Августина до Аввакума (Очерки истории самосознания европейского индивида). М., 2002.
5. *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб., 2008.
6. [*Ильин А.Я.*] Из дневника масона. 1775-1776 гг. // ЧОИДР. 1908. Кн. 4. Отд. 4.
7. *Кучурин В.* Мистицизм и западноевропейский эзотеризм в религиозной жизни русского дворянства в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: опыт междисциплинарного исследования // Слово и мысль в междисциплинарном пространстве образования и культуры. Сб. статей памяти профессора В.В. Шаронова (1930-2004). СПб., 2005.
8. Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1991.
9. *Пушкарёва Н.Л.* У истоков женской автобиографии в России. Эл. ресурс: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/filologich_nauki_7.htm.
10. *Румянцева М.Ф.* Исторические источники XVIII – начала XX века // *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.
11. *Сиротина И.Л.* Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в. Мат. межд. научн. конф. СПб., 2001. Сер. «Symposium». Вып. № 12.
12. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М., 1991.
13. *Dekker R.* Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century // *Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries. 1400-1700 / Ed. E. Griffey.* Hull, 1999.
14. *Elibaz R.* The changing nature of the self: a critical study of the autobiographical discourse. Iowa City, 1987.
15. *Mascuch M.* Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791. Stanford, 1996.
16. *Morris C.* The Discovery of the Individual: 1050–1200. L., 1972.

**«Где? Что? Когда?»: географический фактор в структуре
народного исторического сознания XVIII века
(на материале старин Кирши Данилова)**

Историческая память; фольклор; старины; былины; исторические песни.

В рамках доклада рассматриваются особенности пространственно-временной системы, отразившейся в «Древних Российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым». Делаются предварительные выводы о роли географического фактора в формировании народной исторической памяти.

Обращаясь к вопросу изучения исторической памяти, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой исследования ее своеобразной системы координат. А именно необходимостью выяснить, каким образом в народном сознании систематизировалось множество известных событий? Складывались ли они в структуру или оставались бессвязным набором разрозненных фактов?

Для историка подобной точкой отсчета является пространственно-временная шкала. Рассматривая то или иное событие, большинство исследователей укажет, прежде всего, когда и где (хотя бы приблизительно) оно произошло. Однако фольклорные материалы свидетельствуют о том, что народная память функционирует по другим законам.

Уникальным источником для изучения исторической памяти XVIII в. является сборник «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым», по заказу Прокофия Акинфеевича Демидова [1]. Для историка сборник Кирши Данилова интересен прежде всего своим составом. Из 71 песни с нотами, зафиксированной в нем, 46 имеют явную отсылку к историческому прошлому, хронологически охватывающему период от княжения Владимира до Петра I. Такое соотношение исключительно для песенников XVIII в. и может свидетельствовать о целенаправленной записи песен, относящихся именно к «временам стародавним». Лингвистический [2] и музыковедческий [3] анализ произведений позволяет говорить о том, что они представляют собой репертуар одного певца. Следовательно, мы имеем возможность комплексного анализа отразившихся в этих песнях представлений о прошлом как уживающихся в сознании одного чело-

¹ Ткаченко Виктория Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., victory.tkachenko@gmail.com.

века². Вместе с тем, значительная часть песен, записанных Киршей, встречается впоследствии и у других исполнителей, являясь органичной частью бытовавшей на тот момент сказительской традиции, отражающей коллективную историческую память. Данные сборника, разумеется, не исчерпывающие, вполне могут быть признаны репрезентативными в этом вопросе.

Итак, попытаемся проанализировать «Древние российские стихотворения» как единый, не разделявшийся в сознании сказителя, мемориальный комплекс – отпечаток той картины исторического прошлого, которая существовала в его воображении и перенималась слушателями.

Во всем сборнике Кирши Данилова мы встретим лишь одну, и то ошибочную, дату. Она относится к событиям 1609 г. (Кирша датирует их 1619, а именно 7127 г.), борьбе против литовцев под предводительством Михаила Васильевича Скопина-Шуйского [1, с. 241]. Подавляющее же большинство песен существуют для сказителя вне четкой хронологической привязки. Он связывает их с «временами первоначальными» и именует «старинами», вне зависимости от того, в Средневековье или в Новое время происходили описываемые в них события [1, с. 60, 114, 219, 234, 246 и др.]. Такого контраста между этими двумя эпохами, как его выделяют исследователи, сам сказитель, вероятно, не чувствовал.

Более или менее устойчивым временным ориентиром для певца могла бы являться эпоха какого-либо правителя. В сборнике мы встречаем три варианта таких упоминаний: «В стольном городе во Киеве, у славного князя Владимира» (формульный зачин, повторяющийся многократно) [1, с. 81, 86, 103, 132 и др.], «при бывшем вольном царе, при Иване Васильевиче» (встречается дважды, один раз развернуто) [1, с. 65, 281], «При царе Давыде Евсеевиче, при старце Макарье Захарьевиче» [1, с. 327]. Однако в большинстве случаев, даже упоминая имена исторических (или псевдоисторических) лиц, Кирша не акцентирует внимания на том, что описываемые события происходят именно в «их время».

Совсем иначе дело обстоит с географической привязкой песенных сюжетов. Из 71 песни сборника 45 начинаются точным указанием

² Личность Кирши долгое время вызывала у исследователей немало вопросов. Однако ряд архивных открытий, сделанных А.А. Гореловым [4] и И.М. Шакинко [5], позволил достоверно доказать, что Кирилл Данилович был приписным крестьянином на заводах Демидовых и, кроме того, был известен как музыкант и исполнитель песен.

места, где происходили те или иные события: «В славном великом Новеграде» [1, с. 94], «За рекою переправою, за деревнею Сосновкою» [1, с. 250], «А под славным было городом под Ригою» [1, с. 262] и т.д. Очевидно, что мы имеем дело с установившейся в народном творчестве нормой песенного зачина, требующей в первых же строках пояснения того, где дальнейшие события происходят.

Множеством географических упоминаний пестрит и дальнейшее повествование старин. В них употребляется более 50 городов и поселений³, 32 реки⁴, 12 зарубежных государств⁵, иноязычные этнические группы⁶, моря, горы и острова. Значительная часть названий встречается неоднократно, и почти все они за редким исключением реальны и географически локализуемы.

Нанеся географические названия на карту, мы сможем увидеть, что большинство топонимов сосредоточено в центральной части России. Гидронимы же покрывают почти всю территорию страны: в европейской части названы в основном те реки, на которых стоят крупные города, а в Сибири они выступают в качестве основных казачьих маршрутов. У нас нет оснований полагать, что сам Кирша знал точное местонахождение всех перечисленных им географических объектов.

³Перечень географических названий дается по алфавиту, в скобках указано количество упоминаний без учета /с учетом повторов внутри одного текста: Азов (2/7), Александрова слобода (1/1), Астрахань (3/8), Вологда (1/2), Волинец (2/3), Галич (2/4), Губанье (1/1), Енисейский городок (1/1), Зарайский город (1/1), Иерусалим (5/21), Иркутск (1/1), Казань (3/3), Канакжа (1/2), Киев (20/128), Комарский острог (1/9), Конотоп (1/3), Корела (1/1), Карачаево село (1/2), Кострома (2/3), Красная мыза (1/1), Куракин (1/2), Леденец-город (1/2), Лютик (1/1), Малый Киевец (1/1), Москва (11/ 42), Муром (2/3), Мяденские юрты (1/1), Нижний Новгород (1/1), Новгород (8/45), Орешек (1/2), Плес (1/2), Покидош (1/3), Преображенское (1/1), Рига (1/6), Романовское (1/4), Ростов (1/3), Рязань (3/6), Саратов (1/1), Селенденский острог (1/2), Смоленск (4/8), Сосновка (1/1), Тверь (1/8), Углич (2/8), Усолья (2/3), Уфа (1/1), Царицын (1/1), Царьград (2/3), Черкасский городок (1/1), Чернигов (3/11), Шлюшенбурх (1/1), Якутск (1/1).

⁴ Амур (1/3), Ахтуба (протока) (2/5), Баранча (1/2), Булат (1/1), Волга (6/23), Волх-река (2/7), Днепр (7/10), Дон (4/7), Дунай (1/1), Енисей (1/2), Епанча (1/1), Ердань (3/12), Жаравль (1/1), Израй-река (1/7), Иртыш (1/1), Казанка (1/1), Кама (1/2), Камышевка (1/3), Комара (1/1), Москва-река (2/5), Сафат-река (3/8), Селенга (1/3), Серебряная (1/2), Сибирка (1/1), Смородина (3/15), Тагил (1/2), Тобол (1/5), Тура (1/1), Уфа (1/1), Черега (3/4), Чусовая (1/2), Яик (1/1).

⁵ Большая (Золотая) Орда, Крымская Орда, Земля Половецкая, Литовская, Польская, Свицкая (Шведская), Саксонская, Царство Астраханское, Царство Казанское, Земля Греческая, Царство Индейское, Царство Алыберское.

⁶ Алюторы, башкирцы, бухары, жиды, калмыки, мунгалы, сорочина долгополая, татары, татары крымския, черкасы пятигорские, чудь белоглазая, чукши.

Однако иногда песни просто поражают точностью указания координат:

«Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше города Царицына,
Из тое ли было Нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка река,
Своим устьем она впала в матушку Волгу-реку» [1, с.276].

Наиболее ярким примером проявления географической памяти в сборнике является песня о сибирском походе Ермака, сохранившая почти безошибочно речной маршрут с указанием мест и длительности остановок: р. Чусовая – р. Серебряная – р. Жаравль – р. Баранча – р. Тагил – р. Тура – р. Еланча – р. Тобол – Мяденски юрты – р. Иртыш [1, с. 125-131]. По мнению некоторых исследователей, это может быть свидетельством того, что песню придумал сам Кирша, основываясь на сибирских преданиях и легендах [1, с. 425].

Особенностью, характерной для песенного фольклора любого периода, является наделение географических объектов сюжетными функциями [6]. В данном случае это может быть место действия («В славном великом Новеграде» [1, с. 94]); место происхождения героя («Из славнова Ростова, красна города» [1, с. 171]); места через которые лежит путь («Чрез те леса брынские, чрез черны грязи смоленские» [1, с. 41]) и, наконец, место происхождения материальных или духовных ценностей («Сыгриш сыграл Царя-града, Танцы навел Ерусалима» [1, с. 138]).

Почти все упомянутые русские города сохранили свои названия практически не искаженными. Среди них, кажется, нет ни одного вымышленного. Для известных нам событий XVI-XVII вв., практически отсутствуют и случаи «переноса» действия из одного места в другое. Таким образом, мы можем говорить о большой внимательности сказителей к сохранению и точной передаче топонимов.

Четыре города наделены микропонимикой:

1) Новгород (улица Юрьевская, слобода Терентьевская, Терентьев двор, храм Софии Премудрой, храм Николы Можайского, Крест Здвиженья, Волх-река, Ильмень);

2) Киев (Улица Игнатьевка, переулок Маринин, монастырь Благовещения Христова, Днепр);

3) Москва (слобода Александрова (?), государев дворец, Иван-великий, Софья Премудрая (?), Красная площадь, царь-колокол, Москва-река);

4) Уфа (Ямская слобода, Уфа-река).

Первые три являлись столицами в разные эпохи и соответственно обладали высоким статусом в массовом сознании. Уфа – город близкий сказителю, если согласиться с Сибирской версией происхождения сборника.

Еще одним городом, выделяющимся по частоте упоминаний, является Иерусалим, духовный центр христианского мира. Любопытно, что современная для Кирши столица – Петербург – им не разу не был упомянут.

Географическая картина старин системна: объекты взаимосвязаны друг с другом. Малые реки впадают в большие, большие – в моря, в морях находятся острова, а на реках стоят города. Расстояния измеряются иногда длительностью пути («Прямым путем бежать в Ерусалим-град семь недель, а окольной дорогой – полтора года» [1, с. 163]), а иногда и мерами длины («из Киева бежать до Чернигова два девяноста-то мерных верст» [1, с. 81]). Все эти цифры, пусть и условные, создают в воображении картину единого, целостного географического пространства.

Топонимы становятся для Кирши связующим звеном между прошедшими событиями и современностью: «В полуденную сторону походом пошли... еще ноне тут Малороссия!» [1, с. 244], «В Орешке, по нынешнему названию Шлюшенбурха» [1, с. 273]. Очевидно, степень достоверности тех или иных фактов в народном сознании подтверждалась привязкой их к реально существующим местам, чего мы не встретим, например, в народных сказках, зафиксированных в ту же эпоху.

Таким образом, мы можем говорить о том, что русская история находит отражение в старинах не столько как процесс, растянутый по времени, сколько раскинутый географически. Максимально точно фиксируя и сохраняя из поколения в поколение место действия, народная память практически не уделяет внимания хронологии воспетых ею событий. Осознание бесконечных просторов своей страны сыграло основополагающую роль в формировании менталитета русского народа. Чувство «раздолья широкова» наполняет старины и о богатырских подвигах, и о казачьих походах, проходя сквозной нитью через все воспетые Киршей эпохи.

1. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.
2. Ухов П.Д. Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. I.

3. *Добровольский Б.М.* О нотных записях в «Сборнике Кирши Данилова» // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
4. *Горелов А.А.* Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. VII.
5. *Шакинко И.М.* Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12.
6. *Неклюдов С.Ю.* Столичные и провинциальные города в уличной песне XX века: топоника и топонимика // Europa Orientalis. 2003. № XXII.

УДК 912.43:93/99

В.В. Канищев, Е.В. Баранова¹

Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв.²

Юг Центральной России; фронт; освоение окраин; исторических карты; ГИС-технологии.

Авторы попытались дать пространственное представление процесса освоения окраинных территорий юга Центральной России. Представлены 5 тематических карт, которые демонстрируют степень втянутости южнорусского фронта в состав метрополии на отдельных отрезках XVII–XIX вв.

В последнее время тамбовские историки вместе с коллегами из других российских университетов приступили к изучению проблемы российского фронта применительно к Европейской части страны. Первые результаты исследований были опубликованы в тематическом выпуске «Вестника Тамбовского университета», в сборнике статей, подготовленном по итогам конференции о южнорусском фронте Ростовским государственным университетом, в нескольких статьях в других изданиях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Мы рассматриваем свои работы как продолжение исследований Л.В. Милова по проблеме освоения великорусским пахарем и Российским государством всего пространства Восточной Европы.

В ряде публикаций В.В. Канищева, Д.С. Жукова, С.К. Лямина показаны возможности использования фрактального моделирования для исследования процесса включения южнорусского фронта в

¹ Канищев Валерий Владимирович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н., valcan@mail.ru; Баранова Елена Вячеславовна, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), к.и.н., gortransort@gmail.com.

² Исследование выполнено при поддержке при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00355 и государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

состав Российского государства [3; 4; 5]. Мы не приводим здесь описание сложного математического аппарата исследования. Оно представлено на сайте Центра фрактального моделирования Тамбовского государственного университета (<http://ineternum.ru/>).

Главные результат моделирования: в административно-политическом плане территории юга Центральной России (центрально-черноземные губернии и прилегающие к ним уезды Тульской, Рязанской, Пензенской, Саратовской губерний) к концу XVIII в. стали тождественными старомосковскому центру страны, только Область Войска Донского в первой половине XIX в. сохраняла определенную фронтирную «самостийность»; социально-экономическое освоение зоны южного фронта русским населением завершилось в первой половине XIX в. Показателями достижения социально-экономического тождества юга Центральной России и «старого» московского Центра мы посчитали:

- плотность населения достигла или превзошла уровень старого Центра;

- распашка земли превысила 50 % (окончательный выбор традиционного русского земледельческого сельского хозяйства как пути развития);

- сложились устойчивые торговые связи с нечерноземным Центром и Санкт-Петербургом;

- установилось абсолютное преобладание русского православного населения;

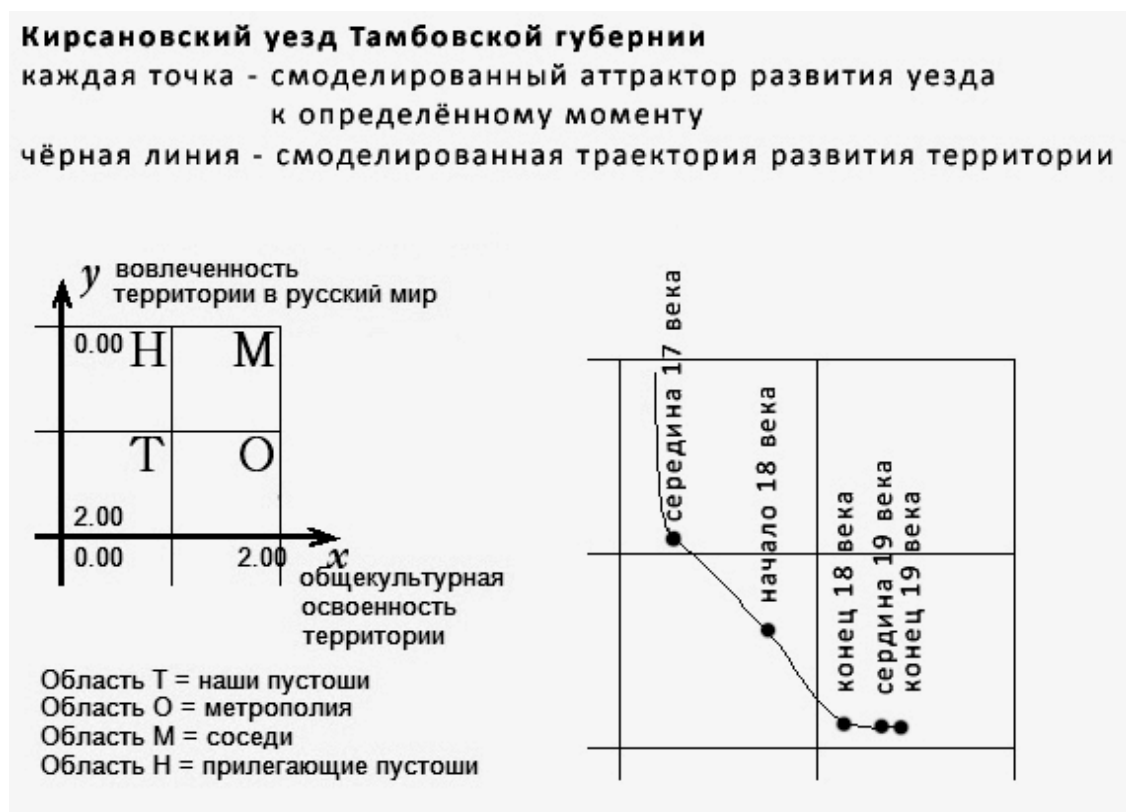
- преобладающей социальной группой в зоне бывшего фронта стало крепостное крестьянство;

- установилась лояльность населения в смысле прекращения казацко-крестьянских восстаний как «движения окраин».

Все эти признаки складывались постепенно и географически неравномерно. Поэтому мы посчитали целесообразным наглядно показать, как пространственно выглядел процесс освоения южнорусского фронта. В этих целях на основе фрактальных моделей состояния отдельных уездов фронтирной территории на 5 временных «срезах» мы подготовили 5 тематических карт. Сначала мы представляем рисунок, который отображает движение одного из 103 изученных уездов в «фазовом пространстве» за весь рассмотренный период (рис. 1).

Кирсановский уезд Тамбовской губернии прошел путь от «прилегающей пустоши» к устойчивому положению в составе метрополии. По положению точек на аналогичных рисунках остальных 102 уездов были составлены тематические карты. В целях получения со-

поставимых результатов показатели модели накладывались на карты губерний и уездов середины XIX в. Тематические карты всегда условны. Поэтому требуются предварительные оговорки для их корректного восприятия. В данном случае карты создавались по результатам моделирования, которое по определению примерно. Наш опыт верификации результатов моделирования с данными традиционных источников позволяет достаточно четко выявить степень втянутости конкретных территорий бывшего фронта в метрополию.

Смысловым центром нашей модели фронта является соотношение двух ключевых характеристик территории: 1. Вовлеченность территории в «русский мир» (степень военно-политического контроля государства над территорией и степень принадлежности общества территории к русской/православной общности); 2. Освоенность территории российским обществом в общекультурном смысле (уровень заселенности, хозяйственной освоенности, инфраструктурной развитости территории).

Программа моделирования определяла нахождение конкретных объектов (уездов зоны фронта) в четырехчленном фазовом пространстве:

О – сочетание высокой освоенности территории с высокой вовлеченностью в русский мир – «ядро русского мира», «отечество»,

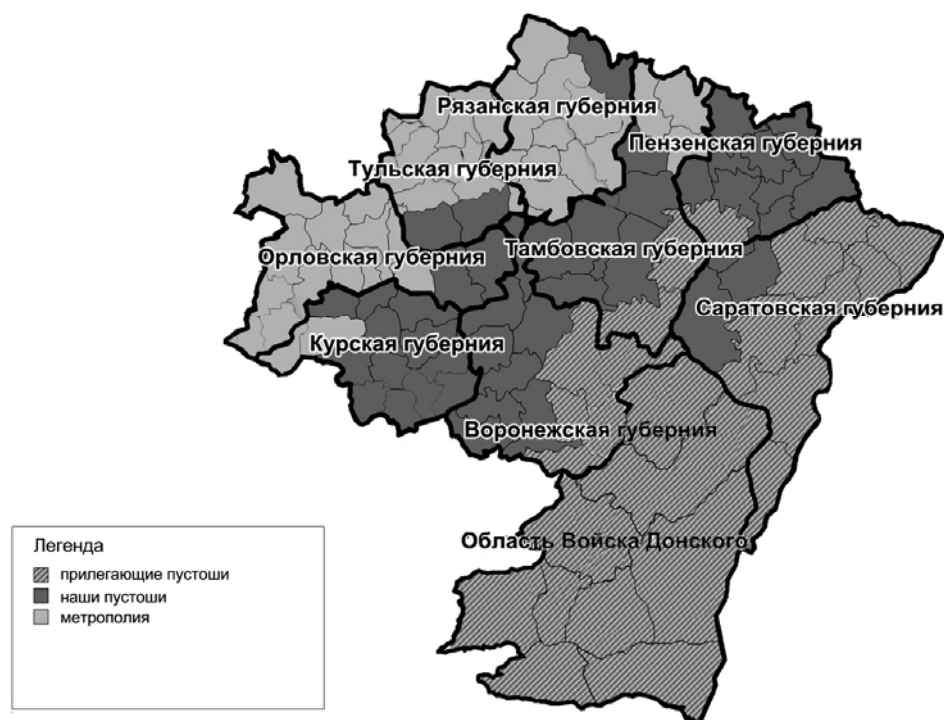
«метрополия»;

Т – сочетание низкой освоенности территории с высокой вовлеченностью в русский мир – «российские пустоши», «наши пустоши», окраина, Украина;

Н – сочетание низкой освоенности территории с низкой вовлеченностью в русский мир – «прилегающие пустоши», «Дикое поле»;

М – сочетание высокой освоенности территории с низкой вовлеченностью в русский мир – «соседние государства и общества».

Карта 1. Зона южнорусского фронта в середине XVII в.

Мы сознательно не включили в наши подсчеты территории, которые в указанном пространстве могли бы попасть в зону **М**. В большей части южнорусского фронта у русских выходцев из метрополии совершенно незнакомых соседей практически не было. Жившие здесь мордовские племена формально задолго до середины XVII в. входили в состав Российского государства, еще до массовой колонизации русскими юга Центральной России приобщились к земледелию. Украинские земли, соприкасавшиеся с юго-западной частью тогдашней России нельзя назвать фронтиром, поскольку они давно были заселены. Эти земли больше подходят под определение пограничные территории. Земли современного украинского Донбасса в XVII в. фактически были частью Земли Донских казаков. В течение всего рассматриваемого периода они оставались фронтирной территорией.

Исходя из этих оговорок, географические рамки южнорусского фронта мы определили следующим образом: Основная территория: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская губернии. Прилегающие территории: Область войска Донского, Саратовская, Рязанская, Тульская губернии.

На разработанных средствами ГИС-технологий 5 картах можно увидеть изменения в пространственном расположении южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв.

Карта 2. Зона южнорусского фронта в начале XVIII в.

Карта 1.

Карта наглядно показывает, что территории «прилегающей пустоши», всего 23 уезда (вся Область Войска Донского, почти вся Саратовская губерния, часть уездов Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний) занимали огромную часть фронтальной зоны. Они находились южнее Белгородской засечной черты, под минимальным контролем Российского государства, были очень мало заселены и втянуты в торгово-экономические связи с Московской метрополией. Напротив, территории будущих Тульской и Рязанской губерний, частично Орловской, Курской, Тамбовской губерний (35 уездов) в середине XVII в. по основным признакам были тождественны с метрополией и не входили в зону фронта. Наибольшее число уездов

(45) в середине XVII в. относилось к разряду «наши пустоши». Они отличались от метрополии особым «пограничным» положением, относительно невысокой плотностью населения и хозяйственного освоения, преобладанием среди жителей военных служилых людей.

Карта 2.

После Азовских походов Петра I зона южнорусского фронта в политическом отношении полностью подчинялась Российскому государству. Но в повседневной административной деятельности воеводы проявляли определенную самостоятельность, небольшой оставалась хозяйственная обжитость ряда фронтальных территорий. В начале XVIII в. наряду с будущими Тульской и Рязанской губерниями в метрополию полностью вошли Орловская и Курская губернии, значительные части Тамбовской, Пензенской и Воронежской губерний. Небольшая часть Тамбовской губернии, почти половина Воронежской губернии, большая часть Пензенской губернии, полностью Саратовская губерния и Область Войска Донского оставались или переместились в зону «наших пустошей».

Карта 3. Зона южнорусского фронта в середине XVIII в.

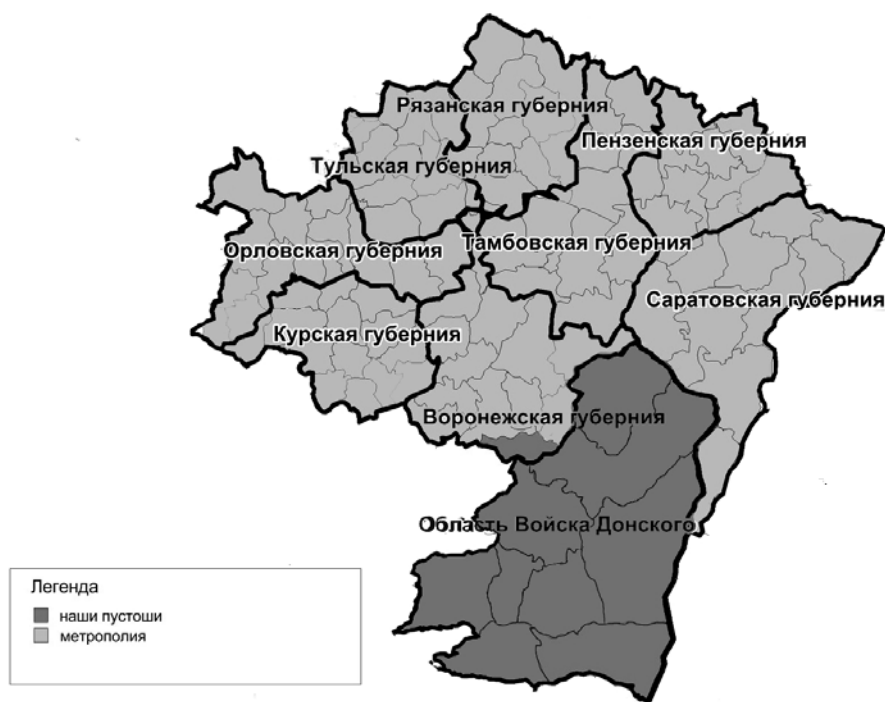

Карта 3.

Освоение фронтальной зоны в первой половине XVIII в. шло

медленно. Только 5 уездов (Павловский Воронежской губернии, Мокшанский Пензенской, Борисоглебский, Кирсановский, Усманский Тамбовской губернии) вновь вошли в состав метрополии. 3 уезда Воронежской губернии, большие части Пензенской и Саратовской губерний, вся Область Войска Донского оставались сравнительно мало заселенными и экономически освоенными «нашими пустошами».

Карта 4. Зона южнорусского фронта в конце XVIII в.

Карта 4.

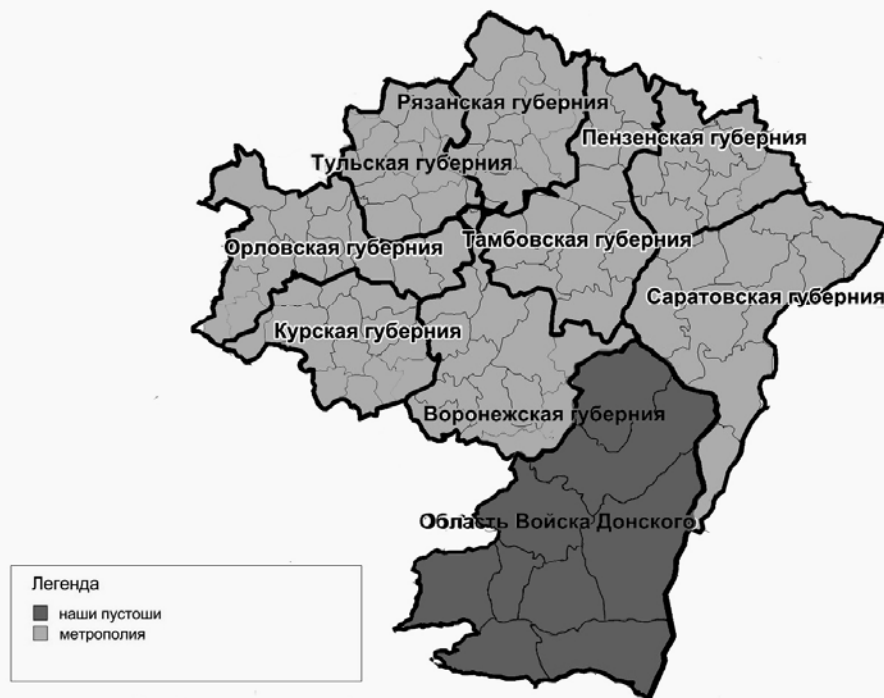
Более резкий скачок в освоении зоны южнорусского фронта произошел к концу XVIII в., когда наряду со специфической Областью Войска Донского только примыкавший к ней Богучарский уезд Воронежской губернии сохранял многие черты фронтальной неосвоенности. Но к середине XIX в., судя по карте 5, и этот уезд стал тождественен остальным землям метрополии.

Карта 5.

К середине XIX в. только в Области Войска Донского преобладающими оставались признаки фронтальной территории, главным образом относительно малая заселенность и экономическая освоенность. Вместе с тем фрактальное моделирование показало нарастание здесь тенденции полного включения в российскую общекультурную

общность.

Карта 5. Зона южнорусского фронта в середине XIX в.

Надеемся, что наши материалы позволят убедить коллег в важности использования в исторических исследованиях таких междисциплинарных подходов, как математическое моделирование и геоинформационные технологии.

1. Вестник Тамбовского государственного университета: Серия гуманитарные науки. 2013. № 11.
2. Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов-на-Дону, 2014.
3. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX вв. (ФронтирФрактал) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2012. № 42.
4. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование социально-экономических процессов в российском аграрном обществе конца XVIII – первой половины XIX в. // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014.
5. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фронтир и фрактал: концепция фрактального моделирования процессов вовлечения в Русское государство и общество юга Центральной России в середине XVI – середине

XIX вв. // Fractal simulation. 2012. № 2.

6. *Канищев В.В.* Социоестественные основы восточнославянского единства (Средние века и Новое время) // История и современность. М., 2015. № 1.
7. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Серия 2. История. Вып. 1.

УДК 477(18-19):331.526:332.133

Я.В. Бойко¹

Заселение Тавриды восточными славянами (конец XVIII – 30-е годы XX вв.)

Переселенцы; мигранты; эмиграция; расселение; размещение; восточные славяне.

В статье рассмотрен процесс заселения Тавриды восточными славянами в конце XVIII – 30-х гг. XX вв. Определены места выхода, численность переселенцев, освещено их расселение в Крыму и Северной Таврии.

Начавшийся в 2014 г. военный конфликт на юго-востоке Украины тесно связан с современными геополитическими интересами США и стран НАТО. В свете указанной проблемы освещение истории заселения и хозяйственного освоения Новороссии и ее составной части – Тавриды (Крыма и Северной Таврии) восточными славянами, в конце XVIII– 30-х годах XX в., приобретает на сегодняшний день особую значимость в деле достижения мира, стабилизации социальных отношений и решении этнополитических проблем, как в Северном Причерноморье, так и на Крымском полуострове, в частности.

История заселения и хозяйственного освоения Тавриды: Крыма и Северной Таврии восточными славянами, в конце XVIII – начале XX вв., всегда вызывала повышенный интерес среди ученых и политиков. Однако, указанная проблема, по ряду причин, не нашла пока должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. В особенности это касается второй половины XIX – начала XX вв., периода становления и развития рыночной экономики. Дореволюционные, советские и постсоветские исследователи накопили определенный фактический материал, однако, небольшое количество опубликованных статей и газетных заметок, по данной проблеме, носит, за ред-

¹ Бойко Ярослав Владимирович, Институт истории Южной Украины (Украина, Черкассы), к.и.н., skif@uch.net.

ким исключением, фрагментарный, нередко поверхностный характер. Наибольший интерес, по мнению автора, представляют опубликованные работы А.А. Скальковского, В.М. Кабузана и С.А. Секиринского. С целью освещения указанной проблемы автором были привлечены, помимо публикаций, материалы РГИА, РГАДА, ГАРФ, РГАЭ, СПбФАРАН, местных областных архивов стран Северного Причерноморья.

Обработка материалов дореформенных ревизий (переписей) населения, данных всеобщих переписей населения России 1897 и 1917 гг., анализ годовых отчетов губернаторов и социально-экономических приложений к ним за период с 1803 по 1917 гг., ряда других источников, позволило автору определить во многом причины и характер рассматриваемых миграционных процессов, осветить основные направления и установить количественные характеристики миграционных потоков, их воздействие на формирование рынка труда в истории развития рассматриваемого региона.

Заселение Тавриды в конце XVIII – начале XIX в. осуществлялось, в основном, под эгидой правительства. Для этой цели, вплоть до 1812 г., выделялись (особенно в Северной Таврии), значительные массивы свободных казенных земель. Наряду с правительственным заселением имели место случаи самовольного заселения крестьянами свободных земельных участков при сельских общинах новообразованных селений Тавриды, а также частновладельческих земель, по договоренности между сторонами. Начиная с 1812 и вплоть до 1860 г., правительственная колонизация Тавриды постепенно сворачивается, однако усиливается приток самовольных мигрантов, селившихся на землях средних и крупных, по размерам, частновладельческих хозяйств. В особенности это проявилось после распродажи правительством на открытых аукционах, в 1814–1815 гг., 440 тыс. десятин казенной земли в Северной Таврии, скупленной, в основном, местными помещиками и чиновниками.

После присоединения Россией Крыма в 1873 г., с начала 80-х гг. XVIII в. по 1860 г. в Таврическую область (впоследствии губернию), переселилось 93,2 тыс. душ мужского пола (186,4 тыс. человек обоюбого пола). Выселилось из нее, за указанный период, в другие губернии, 10,3 тыс. душ мужского пола [5, с. 19–20]. Основная масса переселенцев дореформенного периода селилась преимущественно в материковых уездах Тавриды – Северной Таврии, где возникла основная масса населенных пунктов, основанных мигрантами в указанное время. Что же касается Крымского полуострова, то он начал активно

заселяться восточными славянами только с 1860 г. Очередным толчком к активному заселению Тавриды послужила массовая эмиграция в Турцию татар и ногайцев в течение 1860–1862 гг. За указанные годы в Османскую империю переселилось 104,2 тыс. чел. мужского пола (214,4 тыс. душ обоего пола). Столь мощное движение было вызвано, в основном, религиозными мотивами, а также экономическими и социальными причинами. Земельные участки, оставленные татаро-ногайским населением, стали активно заселяться государственными крестьянами, вызванными российским правительством из губерний Левобережья и Правобережья Украины, а также Центрального Черноземья. До конца 1862 г. в Тавриду переселилось 5,4 тыс. семей (40 тыс. душ обоего пола) [2, с. 67–68].

В пореформенное время, во второй половине XIX – начале XX вв. (за исключением 1860–1862 гг.), в условиях правительственного запрета на свободное передвижение, заселение Тавриды осуществлялось, в основном, за счет самовольных переселенцев, нелегально [3, с. 89–102].

На протяжении 60-90-х гг. XIX в., по данным губернаторских отчетов и материалам первой всеобщей переписи населения России 1897 г., на территории Тавриды поселилось не менее 238,2 тыс. чел., вышедших из 96 губерний Российской империи. Наибольшее количество переселенцев Тавриде дали губернии Европейской России (223,9 тыс. чел. или 94,0 %), в особенности Центрального Черноземья – 52,0 тыс. чел. (21,8 %), Левобережья – 55,5 тыс. (23,3 %) и Правобережья – 19,1 тыс. чел. (8,0 %) Украины, а также Беларуси – 10,1 тыс. чел. или 4,3 % от общего числа переселенцев. Значительную часть переселенцев Тавриде дали, также, граничащие с нею южные губернии [3, с. 255–256].

Заселение Тавриды продолжалось вплоть до 1917 г. Осуществлялось оно в начале XX в., как и во второй половине XIX в., в основном, самовольно, чаще всего под видом отхода на заработки. Основная масса переселенцев селилась на землях помещиков, предпринимателей и использовалась в качестве оседлой рабочей силы в средних и крупных частновладельческих хозяйствах губернии. Спрос на такую рабочую силу и ее приток вызывался развитием сельскохозяйственного производства и сопутствующих промыслов, а также возрастающим, с конца XIX в., выселением малоземельного крестьянства, из числа бывших государственных крестьян, на получаемые бесплатно, от правительства, казенные земли Южного Приуралья и Зауралья. С 1896 по 1917 г. из Тавриды только в Зауралье переселилось более 110

тыс. крестьян. Значительная часть мигрантов селилась также в юго-восточных губерниях и на Северном Кавказе. Основная масса переселенцев вышла, по данным Переселенческого управления МВД, из уездов Северной Таврии.

Проведенное Таврическим губернским земством в 1912 г. обстоятельное поуездное исследование указало на большое количество пришлого, не приписного населения, проживавшего в сельской местности Тавриды. Численность таких мигрантов достигала 182 тыс. чел. Из них в Крыму проживало 106 тыс., а в Северной Таврии – 76 тыс. чел.²

Обнаруженные автором в Крымском госархиве материалы второй всероссийской переписи населения 1917 г. свидетельствуют о том, что численность «посторонних» жителей в Тавриде возросла, к осени 1917 г., до 210 тыс. чел. Из них в Крыму проживало 95 тыс. чел., а в Северной Таврии – 115 тыс.³ Основная масса «посторонних» жила и работала в средних и крупных, по размерам, частных хозяйствах Таврической губернии в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих, получавших в пользование за плату жилье и приусадебные участки, с правом или без права их последующего выкупа.

В результате длительных и сложных миграционных процессов в этнографической структуре населения Тавриды произошли значительные изменения. На переломе XIX–XX вв. восточные славяне составляли в Тавриде 70,8 %. Среди жителей Северной Таврии украинцы составляли 66,6 %, русские – 24,8 %. В Крыму первые составляли 11,8 %, вторые – 33,1 %. Белорусы составляли 0,7 % от общего числа жителей Таврической губернии.

В 20–30-х гг. XX в. Крым по-прежнему оставался объектом активного притяжения мигрантов, среди которых преобладали представители русского этноса. За период с 1917 по 1939 г. удельный вес русских в Крыму вырос с 41,2 до 49,6 %, в 1959 г. он уже составлял 71,4 %. В 1939 г., в городах, русские составляли 58,6 %, в сельской местности – 38,4 %. Удельный вес украинцев, за указанный период, повысился с 11,8 до 13,7 %, в городской местности он составлял 14,3 %, в сельской – 13 %. Удельный вес татарского населения, за указанные годы, снизился с 28,7 до 19,4 %, проживающие в городах составляли 10,2 %, в сельской местности – 29,5 % [4, с. 115–116].

² Подсчитано по: Статистический справочник Таврической губернии. Вып. 1–8. Симферополь, 1915. С. 1–1008.

³ Подсчитано по: Государственный архив в Автономной республике Крым. Ф. 529. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–2; там же. Д. 72. Л. 41–42.

Подводя итог краткому обзору, следует отметить, что присоединение Россией Тавриды, весьма важной в геополитическом отношении территории, и последующий, длительный процесс ее заселения восточными славянами, благоприятно сказался на развитии в Крыму и Северной Таврии сельского хозяйства, различных промыслов, промышленности, транспорта и городской инфраструктуры.

1. *Бойко Я.В.* Заселение Тавриды восточными славянами в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Материалы IV международной научно-практической конференции «Севастопольские Кирилло–Мефодиевские чтения», 9–11 сентября 2010 г., Севастополь, 2010.
2. *Бойко Я.В.* Заселение Южной Украины. 1860-1890 гг. (историко–экономическое исследование). Черкассы, 1993.
3. *Бойко Я.В.* Расселение и удельный вес переселенцев в Новороссии на переломе XIX-XX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2–х кн. Кн. 1. Вологда, 2009.
4. *Водарский Я.Б., Елисеева О.Н., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX вв. (численность, размещение, этнический состав). М., 2003.
5. *Кабузан В.М.* Колонизация Таврической губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // История географических знаний и историческая география. Этнография. Выпуск 3. М., 1969.

УДК 94(470)«16/18»

В.Н. Никулин¹

«...я имел случай заявить мое несогласие с большей частью постановлений Редакционных Комиссий»: Из истории отмены крепостного права в России

Петербургская губерния; крестьянская реформа 1861 г.; отмена крепостного права; губернские дворянские комитеты; Редакционные комиссии.

В статье рассмотрена деятельность предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии графа П.П. Шувалова в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. Особое внимание уделено его работе в качестве члена губернского дворянского комитета и члена-эксперта в Редакционных Комиссиях.

Приведенные выше слова взяты из черновика незаконченной записки активного деятеля эпохи освобождения крестьян графа Петра

¹ Никулин Валерий Николаевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (РФ, Калининград), д.и.н., nikuliny@mail.ru.

Павловича Шувалова, адресованной императору Александру II². Шувалов принадлежал к одной из известнейших аристократических фамилий Российской империи, был одним из крупнейших землевладельцев и заводовладельцев в стране. В конце XIX столетия П.П. Шувалову и его супруге графине Софье Львовне принадлежало свыше 514 тыс. дес. земли в различных губерниях страны [2, с. 386]. Помимо обширных земель Шуваловым принадлежало несколько чугуноплавильных и железоделательных заводов на Урале, а также Крестовоздвиженские золотые прииски [6, с. 1200].

В 1854 г. граф Шувалов был избран предводителем дворянства Петербургской губернии. В январе 1858 г. под его председательством начались заседания Петербургского губернского дворянского комитета по крестьянскому делу [7, с. 762]. Среди членов комитета преобладали люди, которых позднее министр внутренних дел С.С. Ланской назвал представителями «сословного интереса» [7, с. 831]. Признанным лидером этой части губернского комитета стал Шувалов, задававший направленность обсуждавшимся вопросам. Следует заметить, что Шувалов не намерен был проводить крайние замыслы и предложения консервативно настроенной части большинства комитета, стремился вести более осторожную политику. Выступая против своих оппонентов, П.П. Шувалов не выдвигал и не отстаивал какие-либо политические требования, действовал всегда в рамках закона, оставаясь неизменно лояльным власти. Он не был против отмены крепостного права. «Крестьянский вопрос до такой степени важен, скорое и возможно удовлетворительное по понятиям участвующих сторон разрешение сего вопроса, столь тесно связано со всеми жизненными началами нашего отечества, – писал граф, – что было бы безрассудно в какой-либо степени воспрепятствовать сему разрешению»³. Однако осуществить освобождение крестьян от крепостного права Шувалов предлагал «мерами постепенными и сопряженными с наименьшим расстройством для хозяйства помещика»⁴. Стремление обеспечить, прежде всего, имущественные интересы дворян-помещиков, логика противостояния с либералами, вывели графа Шувалова в авангард той борьбы, которую вела в губернских комитетах (а затем и в Редакционных комиссиях) консервативно настроенная часть дворянства против замыслов, конкретных предложений и решений либеральной бюрократии [9].

² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 199. Л. 30.

³ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ч. 1. Д. 200. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 201. Л. 6.

Проект Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, был принят Петербургским дворянским губернским комитетом 1 ноября 1858 г.⁵ Согласно проекту вся земля по-прежнему должна была находиться в полной собственности помещиков, которые обязаны были предоставить ее в пользование крестьянам за определенные повинности. Было заявлено, что «дворянство отказывается от крепостного права, но сохраняет за собой неприкосновенное право собственности на землю и связанное с ним вотчинное право»⁶. Против этого пункта проекта столичного комитета резко выступил Я.И. Ростовцев, полагавший, что подобные меры «завязывают навсегда узел полукрепостнических отношений между крестьянами и помещиками» [3, с. 9-10].

В основу повинностей в пользу помещиков за предоставляемую крестьянам землю была положена барщина. Переход с барщины на оброк оговаривался условиями, делавшими крайне невыгодной для крестьян эту операцию. Так помещики намеревались обеспечить свои имения рабочей силой. Кроме того, члены Петербургского комитета, опасаясь, что крестьяне после выкупа усадьбы могли отказаться от обременительного для них полевого надела и уйти на заработки, обставили возможность выкупа усадебной земли особенно жесткими условиями [5, с. 65]⁷.

Сельские общества и должностные лица крестьянского самоуправления согласно проекту положения оказывались в полной власти помещика. Члены столичного комитета четко и недвусмысленно заявили, что «помещику сохраняется вотчинное начальство над водворенными в его имении сельскими обществами»⁸.

В мае 1859 г. в Общем присутствии Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев подверг основательной критике проект столичного комитета, в котором отсутствовало положение о выкупе земли крестьянами в собственность [4, с. 148-149].

Разумеется, проект выражал точку зрения не только членов губернского комитета и графа Шувалова, как его председателя, но и подавляющего большинства помещиков-дворян столичной губернии. У министра внутренних дел С.С. Ланского имелись все основания следующим образом оценить проекты губернских комитетов – «В большинстве представленных Комитетами проектов не замечается бес-

⁵ Там же. Ф. 1180. Оп. 15. Д. 155. Л. 233.

⁶ Там же. Д. 195. Л. 2.

⁷ РГИА. Ф. 1180. Оп. 15. Д. 195. Л. 19–27.

⁸ Там же. Л. 104–116.

пристрастного соблюдения интересов обоих сословий... В них выразилось стремление к безземельному освобождению крестьян...» [7, с. 826-829]⁹.

Позднее граф П.П. Шувалов продолжил борьбу за интересы помещиков-дворян уже в качестве члена-эксперта Редакционных комиссий. Здесь он постоянно сталкивался по целому ряду вопросов с либерально настроенным большинством. Шувалов был не одинок в своих попытках скорректировать решения Редакционных комиссий в интересах крупных землевладельцев. Близкие к нему позиции занимали князь Ф.И. Паскевич, князь С.М. Воронцов, граф А.П. Бобринский и др.

16 марта 1859 г. в Общем присутствии Редакционных комиссий Шувалов заявил, что «обязательство, налагаемое на помещиков продавать земли» является не чем иным, как экспроприацией дворянской собственности [7, с. 110]. Он полагал, что за помещиками необходимо признать полное право собственности на всю землю и вотчинную власть, а крестьянам достаточно права на вечное пользование землей. Позиция графа Шувалова была поддержана князем Ф.И. Паскевичем. Так возник конфликт между большинством членов Редакционных комиссий и двумя членами-экспертами. Он углубился после заседания 9 мая 1859 г. на котором Шувалов сделал попытку доказать членам комиссий необходимость удержать «вотчинную власть помещиков» без ограничения срока. Тезис, который отстаивал Шувалов, вызвал негативную реакцию либеральных членов Редакционных комиссий, отметивших феодальное содержание подобной меры [7, с. 155-158]. 13 мая 1859 г. граф П.П. Шувалов и князь Ф.И. Паскевич зачитали в Общем присутствии комиссий свое особое мнение. В нем они высказались против «слияния двух целей» – прекращения крепостного права и выкупа земель крестьянами у помещиков [7, с. 787-789]. Позиция Шувалова и Паскевича вызвала крайнее неодобрение членов Комиссий и была отвергнута. Эта неудача привела к тому, что в дальнейшем выступления графа Шувалова стали менее острыми и доказательными.

22 мая 1859 г. П.П. Шувалов и Ф.И. Паскевич написали прошения на имя Я.И. Ростовцева об освобождении их от обязанностей членов-экспертов Редакционных комиссий. Свое решение граф Шувалов обосновал тем, что «четко обнаружилось существенное различие между моими личными убеждениями и общими воззрениями большинства

⁹ Там же. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–5.

членов»¹⁰. После встречи с Шуваловым и Паскевичем Александр II предписал Я.И. Ростовцеву «увольнением их повременить впредь до дальнейшего приказания» [7, с. 203]. На заседании 15 июня 1859 г. Шувалов и Паскевич вновь настаивали на том, чтобы «крестьянские наделы признавались неотъемлемою и вечною собственностью помещиков, не подлежащею никакому отчуждению» [7, с. 258]. Против точки зрения Шувалова и Паскевича снова выступило большинство членов Редакционных комиссий. 15 июля 1859 г. Я.И. Ростовцев сообщил, что согласно резолюции Александра II на прошения Шувалова и Паскевича они освобождались от обязанностей членов-экспертов Редакционных комиссий [7, с. 267].

Разумеется, П.П. Шувалов, будучи сначала председателем Петербургского губернского дворянского комитета, затем членом-экспертом Редакционных комиссий и, наконец, депутатом первого призыва, отстаивал не только свою личную точку зрения. Именно это обстоятельство имел в виду Я.И. Ростовцев, когда в письме к Александру II от 23 октября 1859 г. написал, что значительная часть вызванных в столицу членов губернских комитетов «считает себя обязанною (может быть и справедливо) отстаивать мнения своих Губернских Комитетов, признавая невозможным отделять себя от солидарности со своим дворянством» [8, с. 931].

После приглашения в столицу 36 представителей от губерний, где уже закончилось составление проектов освобождения крестьян, 21 октября 1859 г. 18 депутатов подали Александру II адрес. Его подписали наряду с другими граф П.П. Шувалов и граф Н.В. Левашов – представители Петербургской губернии¹¹. Депутаты отметили, что у них имеются значительные и существенные «разногласия» в отношении «первоначальных материалов», составленных Редакционными комиссиями по крестьянскому делу. Они просили дозволения у императора «рассмотреть окончательные труды Редакционных Комиссий до поступления их на обсуждение Главного Комитета» и предоставить им возможность свои суждения направить в Главный комитет [8, с. 933]. Однако попытка депутатов «ретроградной партии», как назвал своих оппонентов великий князь Константин Николаевич, была решительно пресечена. В своем дневнике Константин Николаевич записал, что было принято решение применить в отношении авторов адреса различные меры дисциплинарного воздействия [1, с. 201, 203, 219]¹². 20

¹⁰ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 498. Л. 12–14; Ф. 1092. Оп. 1. Д. 198. Л. 56.

¹¹ РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 63. Л. 3–4.

¹² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ч. 1. Д. 182. Л. 3.

января 1860 г. на заседании Редакционных комиссий Шувалов, проявляя завидное постоянство, вновь заявил, что «всю систему, положенную в основание труда Редакционных комиссий, считает неверной» [8, с. 508]. После 24 февраля 1860 г. граф П.П. Шувалов перестал посещать заседания Редакционных комиссий [4, с. 206]. Последнее заседание Редакционных комиссий состоялось 10 октября 1860 г. Граф Шувалов «по несочувствию проектам Положения Редакционных Комиссий» отказался их подписать (наряду с князем Ф.И. Паскевичем, М.П. Позеном, В.В. Апраксиным и др.). На этом фактически закончилось участие графа П.П.Шувалова в подготовке крестьянской реформы 1861 г., ярко продемонстрировавшее политическую беспомощность земельной аристократии.

1. 1857-1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем; Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994.
2. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX – начало XX века). М., 1969.
3. Второе издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1860.
4. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. М., 1984.
5. *Корнилов А.А.* Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858-1859 гг. // Русское богатство. 1904. № 2. Отд. 2.
6. *Перышкин М.Ю.* Шуваловы // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 2009.
7. *Семёнов Н.П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. В 3 т. Т. I. СПб., 1889.
8. *Семёнов Н.П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. В. 3 т. Т. II. СПб., 1890.
9. *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002.

По поводу одного высказывания Г. К. Котошихина (IV, 24).

К вопросу о достоверности дипломатических отчетов и профессионализации дипломатической службы в России середины XVII в.²

Источниковедение истории России; дипломатическая документация; статейные списки; Г.К. Котошихин

Приводятся параллели к известному высказыванию Г.К. Котошихина о недостоверности статейных списков русских послов. Факты дипломатической практики России показывают возможность для правительства проверять сведения, сообщаемые дипломатами, и позволяют пересмотреть утверждение Котошихина об их низком профессиональном уровне.

Стало почти хрестоматийным высказывание Г.К. Котошихина о российских дипломатах, будто «кто что в посольстве своем говорил какие речи сверх наказу или которые речи не исполнят против наказу: и те все речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, [но] прекрасно и разумно, выставляючи свой разум на обманство, чрез что б доставить у царя себе честь и жалованье большое; и не срамляются того творити, понеже царю о том кто на них может о таком деле объявить?» [2, с. 74]. Естественно, стремление показать себя в выгодном свете можно подозревать в любом дипломате, какому бы государству он ни служил; вопрос в том, какую степень искажений могло допускать правительство. Российское дипломатическое ведомство, надо сказать, было отчасти солидарно с Котошихиным. Так, в наказах порой содержится требование «лишних слов собою (т.е. по собственному почину. – П.П.) не прибавливать», свидетельствующее о том, что подобная практика была известна или хотя бы подозревалась за дипломатами³. (Вопрос о контроле членов посольства друг за другом остается за рамками настоящего доклада.)

И в некоторых случаях у нас есть основания уличать дипломатов в том, что они подгоняли изложение своих переговоров под инструкцию. Например, в статейном списке посланников в Империю И.И.

¹ Прудовский Петр Игоревич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н.,
hyrolimnion@gmail.com.

² Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект 15-01-00370.

³ РГАДА. Ф. 74. 1654 г. № 1. Л. 60.

Баклановского и И. Михайлова говорится, что им удалось отговориться от того, чтобы еще до аудиенции у императора изложить содержание своей миссии «думным людям» [4, стлб. 196 и сл.]. Но когда следующий московский представитель, гонец Г.К. Богданов, добивался того же, «думные люди» апеллировали к прецеденту: якобы его предшественники были сговорчивее и до аудиенции посетили их [4, стлб. 592]. П.И. Потемкин, посланный во Францию, как показывает сопоставление его статейного списка с «журналом» сопровождавшего его французского дворянина, умолчал о многих спорах по поводу протокола с французскими официальными лицами [3, с. 350-352]. Показательно, что в случае Баклановского умолчание было разоблачено менее чем через два года, тогда как лукавство Потемкина обнаружил только исследователь через несколько столетий: для интенсивных и политически важных контактов России с Австрией потребность в точной информации была гораздо насущнее, чем для изолированных случаев дипломатического сообщения с Францией.

Схожая ситуация могла возникнуть и при фиксации переговоров в Москве. Так, согласно русским протоколам переговоров с Ф.И. фон Борнтином (1658 г.), посланник бранденбургского курфюрста утверждал, будто в незадолго перед тем заключенный польско-бранденбургский Велавский договор курфюрст включил статью, позволяющую ему отказаться от его ратификации, если Речь Посполитая нарушит свои обязательства перед Россией по Виленскому перемирию 1656 г.⁴. (В других местах протокола слова Борнтина даны в иной редакции: тут речь не идет об отказе от ратификации, но утверждается только, что в Велавском договоре якобы имеется статья, обязывающая польского короля выполнить условия Виленского соглашения; но и в том и в другом случае высказывания Борнтина совершенно не соответствуют действительному тексту Велавского трактата⁵.) И когда через несколько месяцев российский посол стал упрекать курфюрста за ратификацию договора с Польшей, так и не выполнившей свои виленские обещания, к нему был вызван Борнтин – и он показал, что подобных слов в Москве не говорил и его, вероятно, неправильно поняли [5, с. 66]. Была ли тут и вправду ошибка московских протоколистов или Борнтин сам допустил какие-то неудачные выражения, для нас важна сама принципиальная обнаружимость подобных неаккуратностей, появлявшихся в ходе переговоров, независимо от их интерпретации.

Иногда можно выявить факторы, потенциально вызывающие

⁴ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1658 г. № 1. Л. 113.

⁵ Там же. Л. 93, 97, 110, 149.

искажения, как, например, в случае Баклановского – твердую и непреклонную позицию Венского двора, вообще отличавшегося порой мелочным формализмом в этикетных вопросах; но если обнаружить такие факторы не удастся, то следует принимать презумпцию, что изложение переговоров в источниках верно. В самом деле, дипломатия и внешняя политика как таковая были бы немислимы, если бы ход переговоров фиксировался превратно. В таком случае на документы нельзя было бы опираться, ибо опора на них вела бы ко многим ошибкам, к неверному пониманию позиции контрагентов и в итоге к попаданию впросак. Обращения к внешнеполитическим партнерам оказывались бы сделанными невпопад, и сама практика показала бы, как мы видели и в случае Баклановского – Богданова, где в изложении переговоров были сделаны подтасовки или ошибки.

В любом случае, если и принять тезис Котошихина, что дипломаты сочиняли свои выступления, то ведь нельзя не признать, что и в этих – якобы – сочинениях проведены определенные политические идеи или применены определенные целесообразные приемы дипломатической игры; но такое положение свидетельствует, что дипломат владел этими идеями и приемами; так почему же ему было и не использовать их напрямую на переговорах, а не только на бумаге? Обличение Котошихина само по себе предполагает в послых способность формулировать «прекрасно и разумно» политические идеи; беглый подьячий просто относит это формулирование не к этапу переговоров, а к этапу составления отчета о них.

К сожалению, источники, которые могли бы дать дополнительные данные о внешнеполитических представлениях русских дипломатов, известны нам очень фрагментарны. В качестве примера можно привести самооценку А.С. Матвеева, говорившего о «работах своих всегдашних к чести, к славе, к повышению имени вашему государскому и к пространству государства вашего», в том числе о ряде дипломатических миссий [1, с. 47], и кн. Д.Е. Мышецкого, бывшего во многих дипломатических посылках в 1650-е гг., который из всех своих служб вспомнил о том, как он «привел» курляндского герцога и бранденбургского курфюрста «на то, что им против государевых ратных людей не стоять нигде и к неприятелю ево государевым не приставать, ни в чем им вспоможенья никакова не чинить»⁶. Количество подобных оценок собственной дипломатической деятельности хотелось бы (и, несомненно, возможно) умножить, но и приведенные высказывания показывают, что по крайней мере названные люди сознательно

⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1658 г. № 53. Л. 3–4.

относились к своим посольским обязанностям и даже демонстрировали своеобразный профессиональный этос.

1. История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева. 2-е изд. М., 1785.
2. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
3. *Новоселов В.Р.* Русское посольство во Францию 1668 г.: два отчета об одной миссии // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006.
4. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Спб., 1854. Т. III.
5. *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin., 1865. Bd. 8.

УДК 94(47).046

В.Д. Жуков¹

Роспись крымских поминок 1636 г. как источник по истории русско-крымских отношений в первой половине XVII в.

Поминки; посольские дары; роспись поминок; Крымское ханство; Дорофей Остафьев; Олферий Кузовлев.

Рассматривается вопрос о значении выплаты поминок в русско-крымских дипломатических отношениях в XVII в. На примере росписи поминок 1636 г. показана важность этого источника для изучения характера дипломатических связей с Крымом, внутренней истории ханства и экономического положения России.

Для эпохи Средневековья характерна практика преподнесения посольских даров. Это была одна из процедур дипломатического этикета, в процессе которой стороны обменивались различными «диковинками» – дарами природы, показывающими богатство государства, и произведениями человеческих рук, демонстрирующими искусство его мастеров. Традиция преподнесения друг другу подарков уходит корнями в древние представления о том, что «даритель и одариваемый вступают между собой в особую, магическую по природе связь, способствующую прочности и действенности контракта. Принятый дар гарантировал безопасность дарителя..., а при одаривании подсознательно учитывалась и та сверхъестественная угроза, которую

¹ Жуков Вячеслав Дмитриевич, РГАДА, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., zhvd@list.ru.

таит в себе невозмещенный подарок» [11, с. 127]. Дары наполняли сокровищницы правителей. В Музеях Московского Кремля сохранилась огромная коллекция посольских даров, которые в течение нескольких столетий привозились иностранными послами ко двору русского царя [12].

Если в отношениях с европейскими государствами вопрос о дарах был рутинной составляющей дипломатического обмена и обычно не вызывал крупных споров, то в связях с Крымом дело обстояло иначе. Прежде всего, эти дары не были взаимны. Крымские дипломаты «привозили в Москву лишь аргамаков (порода лошадей), но в обратном направлении поминки отправлялись целыми обозами: везли меха и шубы, сукно, предметы вооружения, моржовую кость, охотничьих птиц, драгоценную посуду, медные котлы и многое другое вплоть до серебряных пуговиц» [11, с. 129-130]. Кроме того, получение поминок воспринималось современниками как право крымской стороны, причем не только хана, но и довольно обширных кругов татарской знати [10, с. 249].

В то же время, поминки, посылаемые из Москвы в Крым, воспринимались сторонами по-разному.

Отчасти поминки являются реликтом зависимости русских князей от правителей Орды [6, с. 419; 10, с. 242]. С другой стороны, с утверждением формально равноправных отношений между наследником Орды – Крымским ханством – и Московским государством, устанавливаются регулярные дипломатические отношения, которые предполагали постоянный обмен посольствами, а вместе с ними и обмен подарками, как важной части дипломатического этикета [10, с. 243]. Однако крымские ханы упорно отрицали равноправие русских государей, которые «даже через столетие после падения ордынского ига признавали свое неравноправие по отношению к «перекопским царям». В то же время жестко пресекались любые попытки крымской стороны истолковать это символическое неравенство как политическую зависимость (вассалитет) и тем более – как прямое подданство» [11, с. 13, 26].

Крымская сторона откровенно настаивала на том, что «московские государи платят поминки, боясь татарских нападений... что поминки есть дань», которую должны платить в установленном крымцами размере [6, с. 203]. На протяжении XVI-XVII вв. два государства находились в состоянии почти постоянной войны, причем война эта угрожала главным образом русским землям [6, с. 17, 67-80, 150-159, 204-222, 228-237, 312-326, 332-357, 427-433; 1, с. 295-296; 9, с. 164-165]. До

появления в XVIII в. в Крыму русских войск татары совершали опустошительные набеги на южную окраину Московского государства, разоряя селения и уводя людей в плен с целью их дальнейшей перепродажи в качестве рабов [3].

В этих условиях русское правительство должно было ценить даже тот хрупкий и неполный мир, которого можно было добиться дипломатическими методами. Одним из таких методов являлась ежегодная, за редким исключением (1619, 1644 и 1645 гг.) [6, с. 439], отправка крымскому хану и его ближним людям поминков [6, с. 437]. С точки зрения московской дипломатии, поминки являлись орудием нажима на политику ханства за счет подкупа хана и его приближенных, «что в отношении с остальными государствами Востока и Запада было абсолютно недопустимо» [11, с. 128].

На почве поминок русские посланники нередко подвергались давлению и третированию со стороны крымской власти [6, с. 203; 2]. Хан и его ближние люди заставляли их под угрозами и пытками пересматривать размеры причитающихся им дач. На пути в Бахчисарай и непосредственно в Крыму русские посольства подвергались ограблениям.

Это приводило к тому, что тема поминок постоянно присутствует в русско-крымских переговорах. Исследователи, касавшиеся этой темы, в основном констатируют позиции сторон по этому вопросу. Первым, кто составил перечень русских посольств и сумм уплаченных ими поминок в первой половине XVII в., был А.А. Новосельский. Он же поставил вопрос о взаимосвязи размеров поминок и характера отношений Москвы с Крымом [6, с. 437-442].

Собственно состав, размер и адресаты привозимых русскими посольствами поминок ранее не исследовались. На примере нескольких посольств состава и размеров поминок лишь отчасти коснулся Новосельский [6, с. 439-441].

Между тем в крымских делах есть немало документов, позволяющих детально исследовать этот вопрос. Они интересны и с точки зрения истории дипломатии – в какой степени соответствовали действительности мнения о размере и качестве поминок, которыми обменивались дипломаты, – и с точки зрения внутренней истории Крымского ханства, и, наконец, с точки зрения возможностей русской казны. Надо учитывать, что на содержание крымских посольств в Москве и русских посольств в Бахчисарае государева казна также тратила значительные суммы² [6, с. 442].

² По подсчетам А.А. Новосельского за всю первую половину XVII в. на помин-

По наблюдению Новосельского в составе всех поминок есть общие черты. Они состояли «из денежной части и рухляди, части, входившие в оклад и внеокладные. К последним принадлежали суммы и рухлядь по особым “запросам”, “для обновления”, т.е. по случаю вступления на престол нового царя. Сверх того, посланники брали с собой из Москвы некоторое количество рухляди “в запас”» [6, с. 439].

Единственная на сегодняшний день полностью опубликованная роспись поминок хану Джанбек Гирею 1633 г. издана Ф.Ф. Лашковым [4, с. 29-41; 5, с. 59-71]. Посланники Т. Ансимов и К. Акинфиев в 1633 г. прибыли к хану по причине нападения нурадына Мубарек Гирея на Московское государство. На приеме у хана была достигнута договоренность о мире, дана шертная запись и оформлена роспись поминок, по которой последующие ханы требовали из Москвы денег [5, с. IX] и не имели права ее нарушать. Однако в дальнейшем состав этой росписи расширился [6, с. 440].

Следует отметить, что посланники Ансимов и Акинфиев в 1633 г. прибыли в Бахчисарай без поминок. Их главной задачей было договориться с ханом о мире и размере поминок, которые будут привозиться последующими посланниками.

В условиях острого дипломатического кризиса середины 30-х гг. XVII в. обстановка на южной окраине Московского государства отмечена достаточно большой активностью татар [6, с. 236]. Вместе с тем, 1635 и 1636 гг. характеризуются отсутствием татарских нападений, с одной стороны, в связи с давлением на хана Инайет Гирея татарских мурз и его стремлением к независимости от турецкого султана – с другой [7, с. 371, 375-376].

В 1636 г. готовилось к отправлению в Крым посольство Д. Остафьева и О. Кузовлева. По данным Новосельского, основной состав поминок этого посольства оставался «в том же размере, как и за предшествующие 4 года – 10 052 руб. с полтиной. Кроме того, было дано “в запас” рухлядью на 200 руб., по новой росписи прибавлено 35 руб. 25 алт. 2 д. и на ближних людей по “запросу” на 1300 руб.». Тем самым, к основной части было прибавлено 1585 руб. 23 алт. 2 д. Общий размер поминок составил 11 638 руб. 6 алт. 4 д. [6, с. 253-254].

В своих данных о размере поминок Новосельский руководство-

ки и нужды посольств было потрачено около 1 млн руб. Средний годовой расход за данный период превышает 26 тыс. руб. Для сравнения: в 1640 г. на постройку городов Вольного и Хотмышка из казны было отпущено 13 532 руб.

вался выписками Посольского приказа³. Однако существует подробная роспись поминок посольства Д. Остафьева и О. Кузовлева⁴. Она по своему составу очень схожа с росписью, опубликованной Лашковым, но в то же время в ней есть отличительные особенности. По настоящему она будет интересна при сопоставлении с другими росписями, но уже сейчас можно сказать, что внимание исследователя здесь привлекает не только состав присылаемых изделий, но и их стоимость, и количество для каждого представителя крымской знати. Отчетливо прослеживается иерархический принцип распределения поминок, а с ним и структура власти в Крымском ханстве.

Но если «вещественное содержание поминков за 1474-1685 гг. эволюционировало незначительно», то «денежная часть поминков росла более динамично, нежели материальная; наряду с политической конъюнктурой на их рост в рублевом исчислении влияла постоянно действовавшая инфляция» [8, с. 53]. В виду этого, интересно проследить, как менялись цены на тот или иной спектр присылаемых подарков.

Теперь проанализируем содержимое двух росписей – 1633 и 1636 гг.

По своей структуре они очень схожи. Если наложить их одну на другую, то получится, что перечни лиц, которым полагались поминки, одинаковы.

В целом состав адресатов выглядит так: хан, мать хана, его жены-царицы («большая», «другая», третья и четвертая), две сестры, дочери, «бикечи» («большая», «другая», третья и четвертая, особо приближенные к хану наложницы), «валухи» (евнухи), четыре «комнатных» человека. За ханом и его приближенными следуют калга и нурадын, а за ними их жены-царицы (у каждого есть «большая» и «другая» царица). После них идут ближние люди, каждому из которых расписана своя дача (в каждой росписи по 98 чел). В числе ближних людей значатся представители различных знатных фамилий, играющих в политической жизни ханства весомую роль (Ширинские, Сулешовы, Мангицкие и др.).

В росписи 1636 г. есть добавления «сверх прежние росписи» для хана, калги и нурадына, включая сына хана, его дочь и третью сестру. Кроме того, добавки посланы сыну и матери калги, матери нурадына и ближнему человеку Маметше аге.

Объемы вручаемых каждому члену ханского дворца подарков

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1640 г. Стб. 12.

⁴ Там же. 1636 г. Стб. 10. Ч. 2. Л. 581–601.

также одинаковы. Естественно, чем выше статус адресата поминок, тем бóльшую долю он получает.

Различия росписей связаны уровнем цен на предметы в составе поминок. В поминках хану за 1633 г. нагольная соболья шуба с золочеными и серебряными пуговицам стоит 120 руб., цена на ту же шубу в росписи в 1636 г. составляет 156 руб. с небольшим. Пластинчатая кунья шуба в 1633 г. – 20 руб., в 1636 г. – 45 руб. с небольшим. Нагольная соболья шуба для матери хана в 1633 г. – 25 руб., в 1636 г. – 33 руб. с небольшим.

Цены на партии изделий в 1636 г. увеличены в два раза по сравнению с 1633 г. 10 шуб «хрептов белых» в 1633 г. стоили 40 руб., а в 1636 г. – более 60 руб. 10 шуб «черев белых» в 1633 г. – 20 руб., в 1636 г. – более 40 руб. Два пуда «рыбья зубу»: в 1633 г. – 35 руб., в 1636 г. – 32 руб./пуд.

Это перечисление можно продолжать, но и сейчас видно, что объем поминок, установленный в 1633 г., в целом остается таковым и в 1636 г., но цены при этом значительно разнятся в сторону повышения. Известно, что обычным местом в процедуре передачи поминок были жалобы крымцев на их качество: «...По делу де так, што де их и дачи лутчею де шубу привезут, взглянуть не на што, лишь на одну правую полу посмотрит»⁵. За столь короткий промежуток времени, от 1633 до 1636 г., инфляция не могла сыграть определяющей роли в двукратном увеличении стоимости поминок. Повышение цен на изделия обусловлено определенными шагами московской стороны по улучшению их качества, что в свою очередь отражало ее заинтересованность в итогах переговоров.

1. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007.
2. *Жуков В.Д.* К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // *Русь, Россия: Средневековье, Новое время.* Вып. 3. М., 2013.
3. *Жуков В.Д.* Общая милостыня: Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // *Родина.* 2014. № 11.
4. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел // *ИТУАК.* 1890. № 10.
5. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв., хранящиеся в Мос-

⁵ Ф. 123. Оп. 1. 1636 г. Стб. 11. Л. 92.

- ковском Главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.
6. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
 7. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. М., 2005.
 8. *Фаизов С.Ф.* Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3.
 9. *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х – 40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть I. М., 1998.
 10. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию (конец XV – начало XVI в.). М., 2001.
 11. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай: обиход, этикет, церемониал (конец XV – первая половина XVII в.). СПб., 2007.
 12. *Gifts to the Tsars: 1500-1700, Treasures from the Kremlin.* New York, 2001.

УДК 94(4) История Европы

М. А. Эхеа Фернандес¹

Прием русского посольства 1667-1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов)

П.И. Потемкин; Карл II; прием; церемония; испанские источники.

Русское посольство в Испанию (1667-1668) было первым испано-русским государственным контактом; испанские власти должны были определить протокол его приема. В данной работе на основании анализа материалов испанских архивов объясняется, как они решали эту проблему.

«4 марта 1668 появилась комета в небе. Вслед за тем 15-го числа указанного месяца прибыло ко двору посольство великого герцога Московии, чтобы поцеловать руку их величеств, но эта церемония была отложена из-за некоторых трудностей, возникших в вопросах должного обращения с персоной посла, по преодолении которых он отправился из своего дома в одиннадцать утра во Дворец в сопровождении свиты Королевского Двора и с церемониями, подобающими случаю. На улицах собрались толпы, привлеченные новым зрелищем и необычно пышной церемонией; они не походили ни на греческие, ни на турецкие образцы, хотя в них что-то было от тех и других»² [12,

¹ Эхеа Фернандес Марина Асунсьон, Университет Комплутенсе (Испания, Мадрид), асп., стипендиатка Министерства образования Испании, maegea@ucm.es.

² Biblioteca Histórica Municipal. MB-1995 (MB-1814), f. 5v-6r. Biblioteca Nacio-

с. 360-363].

Это известие о прибытии в Мадрид царского стольника П.И. Потемкина в 1667 г. отражает затруднения, вызванные этим посольством у испанских властей. До сих пор испано-русские контакты были косвенными, через голландских торговцев [13, с. 615-633], испанских путешественников [14; 16; 15; 2; 7, с. 77-98], через известия из Польши, которые пересылал испанский посол в Вене, основной источник сведений о делах Восточной Европы. Правда, в 1523, 1525 и 1527 гг. в Мадриде и Толедо побывали три русских посольства, но они были направлены не к Карлу I как к королю Кастилии, а к Карлу V как к императору Священной Римской империи, и имели цель «продолжить хорошую дружбу с Максимилианом I» [8, с. 210-226]. Хотя они приехали в Испанию, их встретили по церемониалу венского двора, где русских послов принимали неоднократно, начиная с 1480 г.³ Теперь испанский двор оказался перед вопросом, каким должен быть церемониал аудиенции Потемкина у Карла II и его матери, королевы-регентши Марианны Австрийской.

Испанская историография по этому вопросу в основном носит описательный характер, без полного анализа источников; в ней не принимается во внимание такой важный аспект, как организация церемониала; нет и должного сравнения русских источников с испанскими. В русской историографии следует выделить работу Е.П. Голицына, показавшего, что в организации приема посольства были смешаны элементы церемониалов османского и имперского посольств с добавлением специфических русских элементов⁴ [6]. Но вопрос о том, каким образом возникло это необычное соединение, им не рассматривался.

Прибытие Потемкина в Кадис 4 декабря 1667 г. оказалось неожиданным для губернатора Мартина де Сайас Басан и капитан-генерала Андалусии герцога де Мединасели, ожидавших посольство Швеции, поэтому они решили перевезти Потемкина в Пуэрто-де-Санта-Мария, чтобы там дожидаться инструкций из Мадрида. 22 декабря Государственный Совет постановил: «приказываем губернатору Кадиса принять этого Посла со всеми почестями, соответствующими его чину и положению»⁵. Другие донесения отражают тот факт, что дан-

nal de España. Mss.R/2933.

³ Титулярник. См.: РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Ед. хр. 1(1). Л. 2 об. Archivo General de Simancas. *Estado*, leg. 696, (1589): *Relación de Moscovia de Nicolás Warkosch, Embajador Imperial*.

⁴ РГАДА. Ф. 93. 1667. Оп. 1. К. 5.

⁵ Archivo General de Simancas. *Estado*, leg. 2686. f. 112, 114.

ные обязанности возлагаются на Сайаса, а не на Мединаселли⁶: шла Деволуционная война, и капитан-генерал Андалусии был занят защитой побережья Андалусии от атак французов. Есть сведения, что в момент приезда посольства его приветствовал салютом голландский капитан, а первое время москвиты проживали в доме голландского купца [3, с. 883]. Происхождение и отношения этих людей с Посольством неясны, так как речь идет всего лишь об упоминании, которое также появляется в статейном списке Потемкина без всяких пояснений. Это отражает роль Голландии, важнейшего торгового партнера как России, так и Испании (с 1650 г. голландцы получили особый привилегированный статус в торговле с Америкой из Кадиса), в установлении прямых контактов между странами.

В Пуэрто-де-Санта-Мария посольство оставалось до 10 января и прибыло в Мадрид 8 марта 1668 г.⁷. 19 января началось обсуждение церемонии его приема в Государственном Совете⁸. Проблема состояла в том, что Московское государство не было вассальным, не зависело от Рима, но являлось христианской страной. В поисках прецедентов решили обратиться к опыту других держав, опросив послов-резидентов в Мадриде. Это было поручено Франсиско де Лира⁹ [11, Т. 1. с. 362], посольскому приставу, и Педро Фернандесу дель Кампо, государственному секретарю. Они расспросили английского посла, лорда Сэндвича, и посла императора, графа Пёттинга, и от них получили информацию об английском посольстве в Москву в 1663 г.¹⁰ и о русском посольстве в Вену в октябре-ноябре 1667 г. Лира узнал детали посольства Карлайла от секретаря Сэндвича и попросил у Пёттинга доклад об аудиенции¹¹ и переговорах И.А. Желябужского и дьяка Тимофея Кузьмина в Вене¹². Однако эти сведения запоздали. Не дожидаясь отчета, Государственный Совет вынес решение, что церемониал будет таким же, как при приеме османского посольства в 1649 г., там было три пункта: «Разместить его в меблированном доме со всеми удобствами; подавать ему еду и составить особую церемонию для

⁶ Там же. *Estado*, leg. 2687, f. 3.

⁷ «9 марта прибыло ко двору Посольство из Московии, страны не известной здесь, и это остается новостью».

⁸ Archivo Histórico Nacional. *Estado*, leg. 2877.

⁹ Там же. *Estado*, leg. 2896, d. IX–XI.

¹⁰ Там же. *Estado*, leg. 2896.

¹¹ Там же. *Estado*, leg. 2877. *Relación distinta de la manera y forma con que fue recibida la última embajada de Moscovia en la Corte Cesárea y las audiencias que tuvo de entrambas MM. CC. en los meses de octubre y noviembre de 1667.*

¹² Там же. *Estado*, leg. 2896.

аудиенции в соответствии с его положением».

Русский дипломатический церемониал был неизвестен; королеву беспокоило то, что было трудно предсказать действия Потемкина во время аудиенции. В памяти испанского двора еще сохранялся пример поведения турецкого посла в 1649 г.: он не снял головной убор перед королем. В этом случае оговаривалось, что «Король, наш сеньор, сможет поступить так же, как с послами Императора и Франции». Королева-мать решила, что «приезд и прием Посла Московии должны проходить так, как при приеме послов Германии и других послов Короны; войти он должен через покои сына моего, Короля, а выслушаем мы его в Малом зале»¹³. Церемония должна была стать сочетанием этих трех вариантов.

Размещением посольства руководил маркиз де Айтона, главный майордом королевы-регентши, а оплачивалось оно Казной¹⁴. Были подготовлены дома Антонио Алосы и Родарте на площади Мостенес [10, Т. 1. с. 290]. В течение первых 14 дней обслуга и обеспечение должны были поступать из Алькасара – королевского дворцового ведомства [9; 1; 5, с. 741-755], после чего король предоставлял 150 песо в день в распоряжение посла¹⁵. Общая сумма расходов достигла 24 461 биллонных монет, 5955 биллонных монет в день [4, с. 84]. Такая роскошь должна была отвечать русскому представлению о сане Государя-Самодержца. Однако в Испании такие представления были неизвестны и размеры затрат вызвали озабоченность Государственного Совета длительностью визита (с 8 марта по 17 июня 1668 г.)¹⁶.

Аудиенция состоялась 17 марта 1668 г. Государственный Совет так описывает церемониал аудиенции: «Король и королева-мать находились в Королевском Зале с балдахинном и возвышением, посол следовал тем же путем, что и посол Турка, и так же как тогда члены Государственного Совета, гранды и двор собрались в Большом зале»¹⁷.

Таким образом, можно утверждать, что в выработке церемониала приема П.И. Потемкина при испанском дворе решающую роль сыграли консультации представителей правительства с послами других европейских держав, которые поддерживали дипломатические

¹³ Там же. *Estado*, leg. 2877.

¹⁴ Archivo General de Palacio. *Reinados*, «Carlos II», С. 89, Е. 1; Там же. *Histórica*, «Embajadas», Felipe I, С. 47, Е. 3.

¹⁵ Там же. *Histórica*, «Embajadas», Felipe IV, Carlos II, С. 41, Е. 6, «Órdenes relativas al hospedaje de embajadores (1629-1676)».

¹⁶ Лира говорил об экстравагантности. Archivo Histórico Nacional. *Estado*, leg. 2877, f. XXIII.

¹⁷ Там же. f. II.

связи с Московским государством уже на протяжении длительного времени.

1. *Checa Cremades F.* El Real Alcázar de Madrid: dos siglos de arquitectura y coleccionismo en la Corte de los Reyes de España. Madrid, 1994.
2. *Cubero Sebastián P.* Breve relación de la peregrinación que ha hecho de la mayor parte del mundo. M., 1680.
3. *Derjavin C.* La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1930. № 96.
4. *Fernández Izquierdo F.* Las Embajadas Rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna. 2000. № 22.
5. *García Sierra M.J.* El aposentamiento de personajes reales europeos y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII // Madrid en el contexto fe lo hispánico desde la época de los descubrimientos. M., 1994.
6. *Golitzin E.* La Russie du XVIIe Siècle dans ses rapports avec l'Europe Occidentale. Récit du voyage de Pierre Potemkin envoyé en ambassade par le tsar Alexei Mikhailóvich à Phillippe IV d'Espagne et à Louis XIV en 1668. P., 1855.
7. *López-Cordón Cortezo M^a. V.* De Moscovia a Rusia: caracteres nacionales y límites europeos en el imaginario español de los siglos XVII y XVIII // Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història. 2005. № 55.
8. *López de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Bulletin Hispanique. 1946. T. 48, № 3.
9. *Martín González J.J.* Crónica bibliográfica del Real Alcázar de Madrid. Alicante, 2006.
10. *Maura Gamazo G.* Carlos II y su Corte. M., 1911. T. 1-2.
11. *Pötting F. E.* Diario del Conde de Pötting, embajador del Sacro Imperio en Madrid (1664-1674) / M. Á. Nieto Nuño (eds.). Madrid, 1990-1993. T. 1-2.
12. *Sánchez Alonso Mª C.* Impresos de los siglos XVI y XVII de temática madrileña. M., 1981.
13. *Sánchez Belén J. A.* El comercio de géneros escandinavos n la Monarquía Hispánica a finales del siglo XVII // España y Suecia en la época del Barroco (1600-1660) / Martínez Ruiz E. y Pi Corrales M. (eds.). M., 1998.
14. *Sanz Guitián P.* Viajeros españoles en Rusia. M., 1995.
15. *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia y vidas de sus Czares. M., 1736.
16. *Vives Gatell J., Jiménez de la Espada M., Sáez C., Morales R. y Rodríguez J.L.* (eds.). Andanças y viajes de un hidalgo español. Pedro Tafur (1436-1439). Barcelona, 1982.

УДК 94(47)

А.А. Андреев¹

Хивинское подданство в начале XVIII в.

Хивинское ханство; посольства; приказ Казанского дворца; Посольский приказ.

¹ Андреев Артем Алексеевич, Государственный Эрмитаж (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., gal7gas@yandex.ru.

Статья посвящена малоизвестной в отечественной историографии проблеме подданства Хивы конца XVII – начале XVIII в. Используя опубликованные и неопубликованные материалы, автор ставит вопрос о том, что предложение подданства исходило не от хивинского хана, а стало результатом инициативы главы приказа Казанского дворца.

История взаимоотношений России со среднеазиатскими государственными образованиями до сих пор представляет значительный интерес по причине малой изученности этой проблемы. В определенной степени это касается первой четверти XVIII в., времени, когда закладывалась серьезная база для последующего во второй половине XIX в. широкого освоения Россией региона Средней Азии. Период правления в России Петра Великого служит своеобразным водоразделом, разграничительной линией в истории взаимоотношений нашего государства со странами Средней Азии, поскольку именно начиная с него, последующие российские государи выстраивают отношения и ведут дипломатическую переписку с Хивинскими, Кокандскими и с Бухарским ханами, а позднее с эмирами с позиции превосходства, а не как с равными себе по статусу правителями, как это было в период XVII в. и ранее.

Вполне логичным будет объяснить подобное последствием масштабных преобразований, произведенными царем-реформатором, выраженное в становлении России как империи. При этом следует дополнить данное объяснение одним важным обстоятельством из истории российской политики в Средней Азии. Данное обстоятельство вполне достойно самостоятельного исследования, мы же в нашей работе постараемся в общих контурах его обозначить. Это проблема принятия Россией Хивинского подданства в самом начале XVIII в. Данная просьба российского подданства, изложенная хивинскими посланниками в Москве, впоследствии инициировала и печально известный поход князя Александра Черкасского и строительство первых крепостей на восточном побережье Каспия и дальнейший интерес российских правителей к ханствам Средней Азии и вышеуказанное отношение к ним, как к потенциальным вассалам. Проблема же заключается в том, была ли просьба о подданстве со стороны хивинских ханов на самом деле, а если и была, то какое значение закладывали в Средней Азии в данный термин и существовали ли значительные расхождения в понятиях подданства в России и в Хивинском ханстве?

Имеющиеся опубликованные источники, в том числе и материалы российских архивов, могут служить достаточной источниковой

базой для подобного исследования. Помимо них, в процессе нашей работы мы воспользовались материалами, хранящихся в фондах Российского Архива Древних Актов (134 и 109), в том числе и не введенными до настоящего времени в научный оборот. Это позволило познакомиться с оригиналами ханских и посольских грамот, сравнить имеющиеся переводы наиболее значимых документов и по-новому, более комплексно взглянуть на проблему взаимоотношений, набравшего в то время силу Российского государства с Бухарским ханством, а главное с Хивинским ханством и осветить вопросы, связанные с проблемой хивинского подданства.

К моменту воцарения Петра на российском престоле уже был накоплен достаточный опыт дипломатических контактов со среднеазиатскими государствами, с Хивой, с Бухарой и даже с Балхом.

В 1689 г. к Петру и царствующему вместе с ним Ивану V прибывает посол из Хивы, упоминаемый по документам как Абреим Ажизов. В ярлыке, который он предоставил, говорилось, что правитель Хивы Мухаммед Эренк хан желает «быти... в соседственной дружбе и любви по прежнему», что «изстари из древних лет по нынешнее время между блаженные памяти великими государями цари прадедами и отца вашего и ханами прадедов моих (хана Хивы – А.А.) дружба и любовь была исконно крепкая» [1, с. 256].

Абреим Ажизов, перед тем как получил аудиенцию у Петра и Ивана, был «на разговоре» с думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым, главой Посольского приказа. В ходе их беседы были обозначены основные пункты или, как тогда говорилось, статьи, которые приехали обсудить хивинцы. Помимо жалобы на яицких казаков, грабивших «хивинские юрты», и предложения «воевать калмыков Аюкина улусу», был озвучен, пожалуй, главный вопрос посольства – строительство города у «Трухменской пристани». По итогам переговоров хивинскому посланнику пришлось уехать и довольствоваться лишь обещанием, что о «городовом строении их Великих государей указ впредь будет» [1, с. 258]. По всей видимости, сомневаясь в перспективе дальнейшего развития контактов с Хивинским ханством, глава Посольского приказа прежде заботился о возвращении пленных, что и было обозначено в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеевичей.

Спустя почти десять хивинский хан Исхак Ага Шах Нияз (Нияз Ишик ага Баши Катагхан), по ряду сведений племянник Бухарского хана, предпринимает попытку выйти из подданства своего дяди и сюзерена одновременно. В 1698 г. он посылает посольство в Россию,

сначала с ярлыком к ближнему боярину и судье Приказа Казанского Дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений и с просьбой оказать содействие в этом отношении своему послу Достек-бек-Бехадуру.

По прибытии посольства в Москву, оно было поселено не на территории Посольского приказа, а на постоялом дворе у Б.А. Голицына, главы Казанского приказа. Примечательно также то, что было приказано, еще до принятия посла, передать в Приказ Казанского дворца все «договора Хивинского, Юргенского и Шемахинского и иных тамошних земель владетелей»². Это несомненно означало, что статус хивинских правителей был пересмотрен, что и нашло впоследствии отражение в последующей дипломатической переписки с Хивой.

Нет ясности, по пунктам переговоров, которые вел Достек Бехадур с Борисом Алексеевичем Голицыном, до и после аудиенции у Петра I. Мы можем обратиться к опубликованным переводам следующих документов от Шах Нияза и его посланника:

- Ярлык ближнему боярину и судье Приказа Казанского Дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений между обеими странами и с просьбой оказать содействие в этом отношении послу Достеку Бехадуру датированное 1698 г.;

- Посольское письмо хивинского посла Достек Бехадура князю Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1700 г.

- Посольское письмо хивинского посла Достек Бехадура кн. Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1703 г.

Первый документ мы вынуждены обойти вниманием, поскольку там, кроме приветственных речей и просьбы принять Достека Бехадура и пожелания укрепить торговые связи, ничего принципиального нового по сравнению с предыдущими письмами от хивинцев не содержится. Вызывает вопрос лишь тот факт, что хивинский хан обращается не напрямую к государю российскому, а к главе приказа Казан-

² РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 1.

ского дворца. По всей видимости, это было обусловлено тем, что хан стремился улучшить положение своих купцов в Астрахани, а астраханские власти были подотчетны администрации в Казани. В целом, этот момент нуждается в дополнительном исследовании.

Во втором документе было обозначено шесть пунктов, по которым велись переговоры.

- Первым шел пункт, относительно прошения хана «быть в подданстве у великого государя»;

- Вторым значилось прошение: «з другом быть дружен, а с неприятелем бы неприятелем»;

- Третьим было прошение, чтобы «великий государь пожаловал указал с тех их купецких людей, которые станут приезжать из Хивы и из Бухар в Астарахань с товарами, взять с них вместо денег пошлины по щоту со всяких парчей, какие они привозят, з 20-ти парчей по 1-й парчи в казну великому государю;

- Четвертый пункт с просьбой разрешить провозить в Хиву запрещенные к продаже железо, свинец, «винтовальные пищали», в ответ хан разрешит привозить в Астрахань луки, шелк-сырец, лазурит, бадахшанские рубины и другие драгоценные камни.

- Пятый пункт – просьба о присылке в Бухару и Хиву посланца из России.

- И наконец шестой пункт с пожеланием, чтобы «всяким купецким и торговым людем для всяких товаров и торговых промыслов въ их землю, в Хиву и в Бухары, также и их купецким и торговым людем в свою государскую землю для торговых же промыслов со всякими товары ездить повольно» [1, с. 269].

Итак, здесь мы уже видим просьбу о подданстве и она обозначена в самом начале. С третьим документом, остается много неясного. Он был переведен и опубликован в 1932 г. В нем были обозначены уже только 3 пункта переговоров.

Для большей объективности обратимся к оригиналу письма, написанного, по всей видимости, одним из участников посольства и подписанному Достек Бехадуром. Письмо посла к Голицыну было написано на классическом персидском, при этом там содержатся заимствования из тюркских языков.

В письме с «устными речами» хана содержатся три темы, которые приехал обсудить посол. В данном случае, можно использовать термин «предмет» разговора, поскольку в оригинале посол его и использует³.

³ РГАДА Ф. 134. Оп. 3. 1700. Д. 4. Л. 1.

Итак, первой значилась просьба о присылке из Москвы посла. Второй пункт касался двухсторонних торговых сношений, причем здесь хивинский хан Шанияз, племянник бухарского правителя, старается улучшить положение не только хивинских, но и бухарских купцов. Дословно просили снижения пошлины с 1/10 до 1/20⁴.

Третьим был поднят давний вопрос относительно снятия запрета на провоз из России в государства Средней Азии огнестрельного оружия и сопутствующих товаров. Хивинский хан снял запрет на вывоз и провоз из Хивы в Россию запрещенных ранее товаров, теперь хивинцы ожидали подобных действий со стороны российского государства⁵. Данная проблема является третьей темой переговоров, далее никаких предложений посол не объявляет.

Таким образом, мы можем констатировать, что в послании от хивинского хана не содержалось никакой информации о подданстве Хивы. Более того, содержание текста явно демонстрирует, что хан, передавший устное послание, записанное позднее Достеком, обращается к Петру I как к равному, причем обсуждаются лишь вопросы экономического характера.

Для большей ясности вопроса с подданством Хивинского хана необходим официальный документ на персидском или тюрки, где содержалась бы данная просьба. В связи с тем, что тема подданства обозначается только в переводах посольских писем и что при обращении непосредственно к документам, составленным людьми Достека Бехадур, в частности к его письму к князю Борису Алексеевичу Голицыну, она не фигурирует, возникает предположение, что хивинский хан Шах Нияз российского подданства не испрашивал. По всей видимости, он лишь стремился улучшить положение бухарских и хивинских купцов в Астрахани и договориться о провозе ранее запрещенных товаров, что и являлось главной целью посольства Достека Бехадур, с которой справился частично.

Можно предположить, что положения посольского письма от 1703 г. полностью дублируют положения ранних посланий хана Хивы. На положения предыдущего послания Петр Алексеевич ответил следующим образом. В грамоте царя упоминается только положение о подданстве – «наше царское величество за то тебя Шанияса хана жалуем милостиво, похваляем и в подданстве у нас великого государя нашего царского величества быть тебе повелели ... С Достак-беком послано к тебе от нас великого государя нашего царского величества

⁴ Там же.

⁵ Там же.

жалованья 2 пары, да 2 сорока соболей добрых за нашею царского величества печатью» [1, с. 272].

С какой целью инициирован вопрос о подданстве Хивы и было ли это попыткой выдать желаемое за действительное сейчас ответить сложно из-за дефицита источников, прежде всего хивинского происхождения. Можно лишь констатировать, что проблема принятия шахом Ниязом подданства является дискуссионной. Во время визита следующего посла из Хивы Аширбека в 1714 г. в грамотах, которые были ему выданы, было озвучено, что Хива еще с приезда Достека Бехадур находится в подданстве России⁶. В дальнейшем, когда стало известно, что ставший правителем Хивы после Шаха Нияза Йадгар хан был убит в результате заговора узбекской знати, накануне возвращения Аширбека в Хиву, грамоты у посла в Астрахани отобрали, с целью переписать их на имя нового хана⁷. В новых документах, которые были отправлены с известной миссией Александра Бековича Черкасского к хану Шир Гази, о подданстве Хивы уже не упоминалось.

1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А.Н. Самойловича. Л, 1932.

УДК 94(47)

В.П. Богданов¹

Генеалогия и социальная история России в записях на экземплярах старопечатной кириллицы

Генеалогия; социальная история; старопечатная кириллица.

Записи на книгах являются важным источником по социальной истории России. Они представляют историческую информацию как об отдельной личности, семье, социальной группе. В составляемой автором базе данных фигурирует 9616 имен лиц, в XVI–XXI вв. имевших отношение к экземплярам старопечатной кириллицы.

Важность изучения генеалогии для социальной истории уже давно не подлежит сомнению. Тем актуальнее вопрос поиска новых источников, позволяющих восстанавливать историю не только отдельных родов, но и целых социальных групп. Одним из таких источ-

⁶ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Л. 199.

⁷ Там же. Л. 201.

¹ Богданов Владимир Павлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., vrbogdanov@gmail.com.

ников могут быть записи на книгах, имеющие документальную точность, поскольку часто выполняют функции юридического документа [17, с. 37]. Этот вопрос интересно рассмотреть на примере судеб книг старопечатной кириллицы, т.е. изданий, имеющих наиболее продолжительную историю бытования². Ведь до сих пор (в первую очередь в старообрядческих общинах) они продолжают выполнять те же функции, что и в момент их создания, т.е. три – четыре столетия назад. В настоящее время в составляемой автором с 2008 г. базе данных фигурирует 9616 имен, при этом зафиксировано 40 родов, насчитывающих три и более поколений; наиболее подробно прослеживается история рода Строгановых (20 человек!).

За многовековой период на страницах книг появилось большое количество записей, отразивших имена вкладчиков, владельцев, читателей и др. лиц, имеющих отношения к этим памятникам. Любые сведения, содержащие фамилию, имя и отчество, могут рассматриваться как генеалогические. Хотя даже единичные записи иногда являются уникальными источниками по истории какой-либо семьи, но при изучении их в контексте друг с другом, информационный потенциал их повышается.

Отметим, что записи дают следующую информацию:

1. Уточнение биографий отдельных личностей

Здесь можно вспомнить, что именно записи на книгах позволили «разделить» двух Иосифов – архимандритов ярославского Спасо-Преображенского монастыря [15], которые в справочнике П.М. Строева показаны как одно лицо [16, Стлб. 338]. Не менее примечателен и случай с Иваном Филипповичем Стрешневым, о котором имеются весьма противоречивые сведения. В родословной книге П.В. Долгорукова он значится как умерший в 1613 г. [4, с. 411], в справочнике же П.И. Иванова – в 1648 г. [5, с. 393]. В записи 1646 г. он значится как живой (схимник Иев) и имеющий чин окольного, хотя в справочнике П.И. Иванова не указано, что он имел такой чин. Скорее всего, речь может идти о том, что в 1613 г. И.Ф. Стрешнев ушел со службы и совершил постриг, чин окольного этот деятель Смутного времени получил от Лжедмитрия II. Кроме того, сама запись подтверждает правильность даты смерти, приводимой в указанном справочнике.

2. Сведения об истории отдельных семей

Благодаря «летописцу» семьи Смышляевых, зафиксированному на издании «Новый завет» (М.: Синодал.тип., 01.1778; [11, № 378]), уда-

² В основу статьи положены материалы следующих каталогов: [1; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 18].

лось реконструировать историю пяти поколений рода (19 человек), что позволяет хорошо проследить социальную динамику семьи. Так Емельян Меркурьевич Смышляев (1754-1799)³, будучи дьячком, в 1784 г. записался в купечество. Его сын, Дмитрий Емельянович Смышляев (1789 – после 1828 г.), после разорения отца, начал коммерческое дело заново. Сам он женился на дочери священника, у которой сестра тоже вышла замуж за купца (В.Я. Кураева). Наконец, последними фигурируют два тезки, отец и сын (соответственно, 4-е и 5-е поколение) Д.Д. и Д.Д. Смышляевы. Старший из них – выдающийся общественный деятель г. Перми, получивший за свои заслуги ряд наград, в том числе и ордена, дававшие право на дворянство. Таким образом, перед нами история рода, который в течение пяти поколений (т.е. порядка 100 лет) трижды менял свой статус: священнослужители, купцы, дворяне.

Записи на семи книгах⁴, бытовавших в Пермском крае, отразили судьбы 17 человек – пяти поколений родов Останиных, Лунеговых и Ржевиных – жителей г. Чердыни и окрестностей. Изначально крестьянский род стал купеческим. Причем, получив наследство от дяди, Григория Мироновича Лунегова (1830-1892), Даниил Евдокимович Ржевин стал крупным судовладельцем [6, с. 285], муж Ефимьи Мионовны Лунеговой, Григорий Егорович Надымов также из крестьян перешел в купечество и также был судовладельцем... Таким образом, история бытования семи упомянутых книг – это не только яркая страница книжной культуры Пермского края, но и история элиты чердынского уезда: все упомянутые в записях лица сыграли важную роль судьбе региона.

Приведенные два примера говорит о довольно высокой социальной мобильности населения Пермского края в XIX в.

3. Сведения об истории социальных групп

В 1655 г. Антипа Филимонов, священник московской Введенской церкви «да дети ево гостиной сотни Василии да Митреи Анти-

³ Даты жизни установлены по записям.

⁴ Октоих, ч. 2. – МПД, 07.05.1631 [8, № 67]; Псалтырь с воследованием. – МПД, 18.10.1649 [8, № 168]; Кормчая (в первоначальном виде). – МПД, 1650 [8, № 174]; Кирилл Транквиллион (Ставронецкий) Евангелие учительное... – Унев: Тип. Уневской обители, 05.06.1696 [8, № 327]; История об отцах и страдальцах Соловецких: [сборник] – [Супрасль: Тип. Благовещенского мон., кон. 1780-е гг.] [11, № 604]; Беллярмин, кардинал. Толкование на Псалтырь / пер. Ириной Клементьевский. Ч. 1. – СПб.: Синодальная тип., 10.1791 [11, № 624]; Тихон Воронежский. Наставление о собственных всякаго христианина должностях. – СПб.: Синодальная тип., 1789 [11, № 596].

пины по своим родителям во град Торжокъ ко церкви в собор Преображения Спасова и причистой Богородицы Муромской», вложили книгу «Минею служебную, июль» (МПД, 1629; [13, № 199]) в г. Торжок в собор Преображения Спасова и пречистой Богородицы Муромской. В работах Н.Б. Голиковой – на сегодняшний день основных по истории привилегированных купеческих корпораций – Василий и Дмитрий Антипины не упоминаются [2; 3]. Этот эпизод показывает, что выходцы из духовенства могли пополнять ряды предпринимательского сословия. А это тоже принципиально новая информация: происхождение гостей – вопрос недостаточно изученный. Н.Б. Голикова наглядно показала, что основными источниками пополнения торговых корпораций было посадское население и крестьяне. Здесь же мы видим, что представители духовенства также могли уходить в коммерческую деятельность.

Генезис тех или иных социальных групп может быть продемонстрирован также на примере черного духовенства. В базе данных учтено 25 (из них 12 относится к женщинам) случаев XVII в., когда указано социальное происхождение монахов: 3 (1 женщина) представителя аристократии, 8 дворянства (7 женщин), 10 (3 женщины) духовенства, 3 (1 женщина) крестьян и один из дьяков. Эта небольшая статистика дает представление о сословном происхождении черного духовенства в XVII в.

4. Сведения по демографии отдельных периодов

Во-первых, бросается в глаза большое количество «убиенных», фигурирующих в записи Л.Л. Шукурова 1698 г.: 3 человека из 33 упомянутых [1, № 182]! Убиенные фигурируют и в записи Воскресенского попа Василия [13, № 336]. Вполне возможно, что это отголосок грозных событий «бунташного века». Во-вторых, указание на младенцев, которых следует поминать, свидетельствует о детской смертности, что также является важной составляющей демографического вопроса. Вполне возможно, что записи на книгах позволят увеличить базу источников по демографии и лучше представить социальные процессы России XVII-XVIII в. в целом.

Косвенную информацию о демографических процессах дает именослов. Поскольку на протяжении столетий имена давались по святым и были привязаны к определенным дням, то сравнение именослова разных периодов может также оказаться полезным.

Таким образом, записи на книгах способны осветить целый ряд проблем социальной истории и могут быть незаменимы при изучении не только биографий отдельных деятелей или судеб конкретных се-

мей, но и истории целых социальных групп.

1. *Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В.* Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI в. – 1725 год): Каталог. Тверь, 2002.
2. *Голикова Н.Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. М.; СПб., 2012.
3. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.
4. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4.
5. [*Иванов П.И.*] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упомянутых в боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства Юстиции. М., 1853.
6. Как жили в Чердыни (из воспоминаний М.Б. Грибановой) // Чердынь и Урал в историко-культурном наследии России. Материалы научной конференции, посвященной 10-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Пермь, 1999.
7. Кириллические издания XVII в. из собрания Переславского музея-заповедника. М.; Переславль-Залесский, 2012.
8. Кириллические издания XVI-XVII вв. в хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2003.
9. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493-1652гг.): Каталог. Ярославль; Ростов, 2004.
10. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1653-1700 гг.): Каталог. Ярославль; Ростов, 2010.
11. Кириллические издания XVIII вв. в хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2008.
12. Кириллические печатные книги XVII в. библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / Авторы-составители И.В. Поздеева, А.В. Дадыкин. М., 2002.
13. *Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М.* Кириллические издания. XVI век – 1641 г.: Находки археографических экспедиций 1971-1993 годов, поступивших в научную библиотеку Московского университета. М., 2000.
14. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV-XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980.
15. *Соломин И.И.* Экземпляр Кирилловой книги с автографом-завещанием архимандрита Ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иосифа (Приложение) // Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652-1700 годы: Каталог. Ярославль; Ростов, 2009.
16. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007.
17. *Усачев А.С.* Коллективные заказчики русских рукописных книг в XVI в. // Отечественные архивы. 2014. № 1.
18. *Харёбова Л., Шилов Н.* Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижы». Каталог. Петрозаводск, 2003.

К вопросу об отношении к браку и формам его заключения в средневековой Руси

Брачно-семейное право; семья; церковный брак.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся представлений о браке, безбрачии, о различных формах закрепления брачного союза в Московском государстве.

Русская семья в Московском государстве была сложным полифункциональным социальным организмом, основанном на родственных связях и хозяйственно-экономических отношениях. Супружеская пара, не имевшая детей или с малолетними и взрослыми, еще не женившимися сыновьями, составляла малую семью. Более сложную семейную организацию – неразделенную семью двух видов – отцовскую и братскую – составляли родители с женатыми сыновьями [3, с. 88-89]. Крестьянской семье в Московской Руси были характерны и малая, и неразделенная, и братская формы [21, с. 49].

Брачные и семейные отношения в Московском государстве имели не только частный, но и публичный характер: участие в крестьянской свадьбе принимала почти все односельчане; девственность невесты удостоверялась публично; раздел имущества, неподчинение детей родителям и важные семейные конфликты разбирались на общинных сходах; в последний путь провожали всей деревней. Публичность межличностных отношений находила закрепление в нормах светского и обычного права и правилах, освещенных церковью, которая занимала доминирующее положение в регулировании брачно-семейных отношений в Московской Руси.

Структура индивидуальной семьи и ее внутренняя организация складывались под воздействием развивающегося христианства, поэтому семейно-брачные отношения регулировались в значительной степени нормами христианской морали. При этом в XVI–XVII вв. «русский народ, если и потерял старые формы язычества, но сохранил его дух в самих христианских верованиях» [10, с. 183].

Нормы семейного права представляли собой сочетание заимствованных из Византии христианских установлений и норм обычного права. Брак сохранял множество договорных элементов: личные отно-

¹ Нижник Надежда Степановна, Санкт-Петербургский университет МВД России (РФ, Санкт-Петербург), д.ю.н., к.и.н., n.nishnik@bk.ru.

шения супругов определялись «не законом, а частным соглашением» [16, с. 47]; имело место смешение норм семейного права с нормами договорного права, проявлявшееся в широком использовании терминов «семья», «стачка», «заговор», «артель», «сваты» для регулирования и семейно-брачных и гражданско-правовых отношений [5, с. 402].

Брак рассматривался как важное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса, а вступление в брак – как моральный долг. Неженатый крестьянский парень в деревне всерьез не воспринимался. Он – «малый», находившийся в полном подчинении старших, не имевший голоса в семье. Холостяки вызывали подозрительное отношение окружающих, открыто выражавших свои догадки о физическом уродстве неженатых как причине их внебрачного состояния [13, с. 13] и называвших холостяков по аналогии со старыми девами «вековушами» – «засидельцами», обойденными невестами парнями, забывшими страх Божий и наставления родителей. «Холостой, что бешеный. Холостой – полчеловека». Только после брака «малый» становился настоящим «мужиком» – приобретал права и обязанности полноценного члена семьи и общины. Неоднозначно оценивалась самостоятельность и незамужней женщины («Птица крыльями сильна, жена мужем красна»). Пословица «Жизнь без мужа – поганая лужа» объясняла поведение женщины и ее родственников, предпочитавших девичеству самую плохую партию замужества.

Взгляды крестьян на брак в значительной мере определялись экономическими и правовыми условиями их жизни. Крестьянское хозяйство, предполагающее половозрастное разделение труда, могло нормально существовать лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук. Мужчина не должен был делать женской работы, а женщина – мужской: воспитание детей, приготовление пищи, уход за скотиной, бытовое обслуживание семьи считались делом женских рук; полевые работы за исключением жатвы, заготовка дров, уход за постройками лежали на мужских плечах. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное удовлетворять потребности семьи [12, с. 162].

Понимание крестьянами брака как морального долга обуславливалось также их религиозными воззрениями. «Отношения полов, – учила Церковь, – святы и чисты только в таинстве брака... Те, кто волею Божьей принимают решение никогда не вступать в брак, должны воздерживаться от всяких интимных отношений, потому что это было бы изменой Богу... Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы

они в браке соединили свои жизни как "плоть едина"» [20, с. 313–314].

Экономическая и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первом благоприятном случае, но при этом в «Изма-рагде», рукописном сборнике, содержащем поучения на темы христианской морали для домашнего и монастырского чтения, говорилось, что если женится кто-либо и выйдет замуж, то это не грех. А не женятся – «Христа ради», «то ни осуди ни укори», так как «каждо во своем чину просияет заповеди Господня сохранение» [8, л. 35 об.]. Такой подход свидетельствует о неоднозначной оценке безбрачия и «подтверждает неправомерность и необоснованность высказываний некоторых исследователей о ненависти к небрачному состоянию в народно-православной среде» [11, с. 164].

Состояние замужества/женитьбы нашло разнообразное отражение в общественном сознании. Два этапа в жизни женщины – девство и замужество – четко разделялись. Замужество в русской литературе рассматривается как необходимость и одновременно как получение будущей защищенности. Паремии (притчи для богослужебного и домашнего чтения), использующие метаморфозы жизни и смерти свидетельствуют о понимании свадьбы для невесты как «синонима феномена смерти и последующего воскресения» [7, с. 115–116]. Восприятие брака и безбрачия в назидательной литературе и обыденном сознании могли противостоять друг другу, но не находиться в состоянии взаимоисключения. Для русского книжника брак – это терпимое зло, для мирянина, наоборот, терпимым злом было безбрачие.

Большое значение при заключении брака имели материальные расчеты. Этот факт позволил исследователям рассматривать брак как хозяйственную сделку и отрицать значение взаимной склонности, эмоций и наличия нематериальных соображений у жениха и невесты при создании семьи [см., например: 15, с. 72; 4, с. 12]. Однако абсолютизировать материальную сторону заключения брака не следует. Конечно, браки устраивались родителями, которые принимали во внимание прежде всего статус и престиж семей новобрачных, затем – личные качества невесты и жениха и в последнюю очередь – их взаимные склонности. Но по русскому обычаю новобрачные не устраивали отдельного самостоятельного хозяйства, новая семья становилась частью уже существующей семьи отца жениха, в его дом переходила невеста на жительство. Вряд ли правильно считать желание родителей жениха иметь в доме работающую, здоровую, скромную, с хорошим характером, красивую женщину из хорошей семьи, так же, как и желание родителей невесты отдать дочь замуж за трудолюбивого, здоро-

вого мужчину, хорошего рода, с честным хорошим именем, исключительно меркантильными соображениями. Этот расчет, помимо экономических, включал в себя и психологические, и эстетические, и престижные соображения, поэтому есть основания не рассматривать брак только лишь хозяйственной сделкой.

Оценку брачного состояния содержит «Слово святых отец о женитьбе и о любодеянии...» рукописного «Сборника слов и поучений» конца XVI – начала XVII в.². В.Ю. Лещенко, анализируя высказывания русского книжника, выделил основные идеи этой модели брачного состояния: 1) Бог одобряет только законный брак и осуждает любодеев и предлюбодеев; 2) блудникам следует жениться, а не посягать на чужих жен; 3) жена дана для рождения детей, а не для чувственного блуда; 4) законная женитьба открывает путь в царство небесное, а незаконный блуд ведет в ад; 5) спасение от блуда и распада плоти находится в женитьбе; 6) блудников неотвратимо ждет Страшный суд [11, с. 154–155]. Такая модель брачного состояния становится ведущей и господствующей в массовом сознании Московской Руси XV–XVII вв.

Несмотря на признание Церковью венчания единственной формой заключения брака, в XV–XVII вв. имели место и браки, созданные на основе обычно-правовой обрядности. Браки, заключенные без участия церкви («без благословенна поповска понялися»), как хорошо известное явление осуждал Митрополит Фотий в Послании о соблюдении церковных законоположений в Новгород (29 августа 1410 г.) [14, № 33, стб. 275; 2 с. 461], о совершении незаконных браков сообщал митрополит Симон (1501 г.) [1, с. 167], на то, что в Чюди, Ижоре, Вошках, в Ореховском, Корельском и многих других уездах и погостах прихожане живут, оставив своих жен, «законопреступно с жонками и с девками» без венчания сетовал Новгородский архиепископ Макарий (1534 г.) [6, с. 29–30]. Не допускать браков без венчания ни богатому, ни убогому, ни бедному, ни нищему, ни рабу предписывали заповеди в Измарагде, убеждая жителей Московского государства, что без венчания женитьба незаконна, не благословенна и не честна.

Однако трансформации в общественной жизни происходили медленно [см.: 6, с. 27–29]. Широкое распространение имели пробные браки, когда совместная жизнь мужчины и женщины продолжалась от недели до полугода, а потом, если девка или вдова полюбитя мирянину, то он венчается с ней или со вдовой принимает молитву. Если

² Сборник слов и поучений. Рукопись конца XVI – начала XVII в. (Из библиотеки Антониево-Сийского монастыря). РО БАН. Арханг. Д. 178. Л. 108–110 об.

же сожительница не слюбится, то мирянин отсылает ее от себя и берет новую [6, с. 58; 18, с. 11]. О распространенности браков без церковного венчания свидетельствовала и грамота патриарха Филарета, направленная 11 февраля 1622 г. сибирскому и тобольскому архиепископу Киприану, и рассказы о жизни казаков в XV–XVII вв. На Дону у казаков браки заключались путем объявления мужчиной и женщиной о своем намерении создать семью перед народом на майдане. Жених и невеста приходили вместе в круг, молились и кланялись на все четыре стороны. Жених называл невесту по имени и говорил: «Ты будь мне жена!». Невеста кланялась ему в ноги и говорила: «Будь мне муж!». Затем они целовали друг друга и принимали поздравления от собравшихся. Для подтверждения брака не требовалось никаких других обрядов. Только в случае женитьбы на разведенной женщине новый муж во время нахождения на майдане прикрывал ее полой своего платья [17, с. 245–246; 9, с. 200–201; 19, с. 74].

Браки без церковного венчания не были редкостью и на Камчатке, где для обозначения брака до совершения обряда венчания и после него даже была выработана специальная терминология (например, жены до участия в обряде венчания назывались «держимыми женами») [11, с. 216].

Попытки церкви искоренить брачные обычно-правовые нормы продолжались не только в XV–XVII вв., но и в более позднее время. Церковь признавала половую жизнь лишь в освященном ею браке и стремилась пресекать внебрачные связи.

1. Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. I. СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1. СПб., 1836.
3. *Александров В.А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3.
4. *Богаевский П.М.* Заметки о юридическом быте крестьян // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. Вып. 1. М., 1889.
5. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 1995.
6. ДАИ. Т. I. СПб., 1846.
7. *Кирилина А.В.* Тендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
8. Книга, глаголемая «Измарагд», иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго о чтении божественней // Златоструй. 1910. № 4. Декабрь. Духовный отдел.
9. *Корнилович А.* Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824.
10. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях СПб., 1860.

11. *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004.
12. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2003.
13. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.
14. РИБ. Т. VI. СПб., 1908.
15. *Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устой. 1882. № 2.
16. *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
17. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.
18. *Ступин М.* История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887.
19. *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885.
20. *Хопко Ф.* Основы православия. Вильнюс, 1991.
21. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1981.

УДК 94(470)«16/18»

Л.Н. Вдовина¹

Русская дворянская усадьба как историко-культурное явление второй половины XVIII в. – начала XIX в.

Эпоха Просвещения; дворянство; дворянская усадьба; социокультурный феномен; гармония; природа; пейзажный парк.

Русская дворянская усадьба в эпоху Просвещения представляла сложный и противоречивый социокультурный феномен. В усадебный комплекс входили дом, различные постройки, сад, пейзажный парк. В облике усадьбы отражались стили эпохи и личные вкусы владельца. Жизнь в усадьбе идеализировалась как гармония с миром природы и близких людей. Автор обосновывает свои наблюдения на материалах усадеб среднего и мелкого дворянства.

Русская дворянская усадьба второй половины XVIII в. – начала XIX в. представляет сложный социокультурный феномен, включавший разные, в том числе, противоречивые элементы. Усадьба была местом, где высокая художественная культура и духовность соседствовали с «барством диким». Культура дворянской усадьбы неразрывно, органично связана с русской культурой XVIII – XIX вв., со всем духовным и культурным укладом русской жизни.

Век русской дворянской усадьбы был недолог. Основные этапы

¹ Вдовина Людмила Николаевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., alvdo@yandex.ru.

ее развития: вторая половина XVII – первая половина XVIII в. – время зарождения; после Манифеста о вольности дворянства (1762 г.) и до Крестьянской реформы (1861 г.) – расцвет дворянской усадьбы; пореформенный период и начало XX в. – упадок. После 1917 г. – агония, которая сопровождалась некоторыми случаями возрождения усадеб на основе музейных комплексов. Период этот продолжается и поныне.

Усадебный комплекс – целостный ансамбль: усадебное пространство включает архитектурно-парковую, культурную и хозяйственную составляющие. Но понятие «русская усадьба» вбирает не только художественно-архитектурное и хозяйственное содержание, но и личностное отношение владельца, его самореализацию на «усадебном пространстве».

Усадьба представляла единое целое, объединяющее дом, хозяйственные и иные постройки, сад, парк, нередко церковь. В их облике и устройстве наилучшим образом отражались личные представления хозяина о «прекрасном» и «удобном», с учетом его конкретных желаний и материальных возможностей.

Дворянская усадьба в духе «руссоизма» идеализировалась как место душевного спокойствия, где собственное настроение находилось в гармонии с кругом близких людей и окружающей природы. Идеал и повседневность, высокое и обыденное, воплощение идеального в реалиях бытия – одна из осевых линий историко-культурного процесса особенно ярко отразилась в культуре усадьбы.

Избранные аспекты изучения русской дворянской усадьбы выходят на такие проблемы в истории культуры как человек и мир природы, способы воздействия человека на нее, восприятие и преобразование пространства, самопознание личности в определенной социокультурной среде. Все они в той или иной степени связаны с антропологическим подходом в истории культуры.

Начало XX в. было отмечено всплеском интереса к усадьбе, любованием этим исчезающим на глазах явлением, стремлением сохранить его [2]. В 1922 г. было создано Общество истории русской усадьбы. Оно просуществовало до 1931 г. и сделало немало полезного по обследованию и описанию усадеб [7]. Определенным итогом сделанного обществом стал труд А.Н. Греча «Венок усадьбам» [3].

В дальнейшем в историографии усадьба изучалась в двух направлениях: искусствоведами – как памятник архитектуры, историками – в плане хозяйственного развития, социальных контрастов, быта и нравов. Заметным явлением стал труд Д.С. Лихачева, в котором анализировались «большие стили» в садово-парковой, «зеленой» ар-

хитектуре [10]. В 80–90-е гг. прошлого века появился ряд исследований В.С. Дедюхиной, О.С. Евангуловой, В.С. Турчина, Т.П. Каждан, Е.Н. Марасиновой, в которых усадьба представлялась сложным социокультурным явлением с выраженным личностным началом [4; 5; 13; 11].

Из последних работ заслуживает упоминания монография американской исследовательницы Присциллы Рузвельт «Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории» [12].

Настоящее обращение к усадьбе и усадебной культуре ограничено временными рамками – вторая половина XVIII в. – начало XIX в.; социальными – дворянская усадьба, принадлежавшая среднему и мелкому дворянству. Степень богатства русского дворянина определялась количеством принадлежавших ему душ мужского пола. Те, у кого было от 80 до 200–300 душ м.п. считались людьми среднего достатка.

Во второй половине XVIII в. построены (или перестроены) многие усадебные комплексы. В эти годы начинают издавать специальную литературу по «домостроительству»; статьи об устройстве и планировке дома, сада, парка печатались в «Трудах Вольного экономического общества», «Экономическом магазине», «Сельском жителе»; появились труды А.Т. Болотова, Н.П. Осипова, В.А. Левшина, И. Лема, наполненные советами об организации жизни и быта помещика в усадьбе. Руководства ориентировали владельцев усадеб на определенные образцы.

Особую роль для развития русской усадьбы сыграл Манифест о вольности дворянства. 18 февраля 1762 г. дворянству законодательно была дана возможность выбора: служба или отставка. Выбор таил соблазн свободы самовыражения, возможность сосредоточенности на частной жизни, уход от городской суеты. Указ имел отрицательные последствия. Дворянство, освобожденное от службы по отношению к государству, обречено было на безнаказанность власти над крепостными, лень и многие другие пороки.

В то же время для инициативных людей открывались новые возможности. А.Т. Болотов вспоминал о том настроении, которое охватило его после получения отставки: «Я сам себе почти не верил, что был тогда уже неслужащим, и, идучи, не слышал ног под собою: мне казалось, что я иду по воздуху и на аршин от земли возвышенным, и не помню, чтоб когда-нибудь во все течение жизни моей был я рад и весел как в сей достопамятный день, а особливо в первые минуты абшида» [1, с. 261]. Болотов как бы олицетворял тех дворян,

которые сразу воспользовались Манифестом, оставив на время или навсегда службу, и вернулись в свои усадьбы. Русская дворянская усадьба стала формой частной жизни в России, противопоставившей себя государственной службе и жизни в городе.

В 60–80-е гг. XVIII в. усадьба перестала быть для ее обитателей только местом временного, сезонного пребывания, к чисто утилитарным целям все чаще присоединялись эстетические потребности владельцев. Дом помещика, построенный в стиле классицизма, выделялся из крестьянской застройки. Классический ордер и колонна, неважно из каких материалов и как выполненные (часто «из тощих бревен без капителей»), стали неизменным признаком дома представителя благородного сословия в деревне.

Архитектурные новшества усваивались некоторыми провинциальными помещиками с трудом. А.Т. Болотов чутко уловил это общее настроение. Он писал: «...в нынешние времена, когда архитектура у нас час от часу процветает, когда многие получили в оной вкус... как дворянство, так и другие люди коликo можно лучше, и пред прежним порядочнее обустраиваться стараются, и когда никому от других отставать не хочется» нужны книги с практическими рекомендациями². Большое значение стали придавать месту расположения усадебного дома. В отличие от городской застройки в деревне помещик был свободен в выборе места и планировке дома, но чтобы не ошибиться в этом, нужны были определенные знания и вкус. Со страниц «Экономического магазина» можно было почерпнуть советы о выборе места под строение. Во-первых, строить дом следовало на возвышенности; во-вторых, размещать сад не выше дома, а по склону холма; и, в-третьих, желательно было располагать строение «прямо против полудня», то есть продольной стороной к югу. Последнее требование могло быть скорректировано³.

Рекомендации А.Т. Болотова были адресованы помещикам среднего достатка. Прочность, удобство и красота, но без излишеств, были теми критериями усадебного дома, которым им предлагалось следовать от выбора места до планировки. Для небогатых дворян достаточно было иметь дом в полтора этажа: «нижний маленький со сводами, а верхний настоящий для хозяйского пребывания». Внизу находились кладовая, погреб для вин, помещение для слуг, передние сени и лестница. Вверху располагались сени с лестницей на крышу, прихожая, столовая или зал, буфет, предспальня, спальня, детская, де-

² Экономический магазин. Ч. V. 1781. С. 66.

³ Там же. Ч. IX. 1782. С. 74.

вичья, гардероб или верхняя кладовая, задние сени и лестница. Под крышей чердачное помещение использовалось для дворни⁴.

И. Лем писал, что господский дом должен быть отделен от служебных строений; людская, кухня, прачечная устраивались отдельно от жилища помещика. В больших домах, трехъярусных, были особые покои для гостей, галереи для портретов и редкостей, «зало» для библиотеки или кабинета [9, с. 1–8; 8, с. 61–63]. Перемены коснулись как интерьера, так и внутренней планировки дома. В усадебных домах, как уже отмечалось, появились комнаты нового назначения. В первую очередь, такой комнатой был кабинет хозяина, знак того, что здесь живет просвещенный человек [7].

Важнейшей и необходимой частью усадьбы являлся парк. В 70-х гг. XVIII в. регулярные парки вытесняются пейзажными. В дворянских усадьбах особенно любимы были так называемые «натуральные сады», их можно назвать русскими пейзажными парками. Главное отличие «натурального сада» от английского пейзажного парка было в том, что в английском «делается природе во всем насилие», а в натуральных садах все подчинено природе, стремлению придать ей большую красоту, «не отступая от ее обыкновенных правил»⁵.

Выбор в пользу русского «натурального сада» перед регулярным парком А.Т. Болотов делал как по эстетическим (симметрия не веселит душу), так и по практическим (дешевизна, доступность) соображениям. Теоретик и практик русского пейзажного парка, напечатавший около сотни статей о натуральных садах, видел в них своеобразное проявление русского национального самосознания⁶.

Садово-парковая архитектура пейзажного парка наиболее полно воплощала вкусы и личность владельца, его творческие замыслы и фантазии. «Садовое место можно почесть полотном, на котором устроитель сада малюет свою картину»⁷. Назначение пейзажного парка состояло в том, чтобы всесторонне воздействовать на человека, отвлекать его от повседневных забот, возвращая к природе. Парк был призван создавать настроение созерцательности, меланхолии и свободы. Культ природы, настроения и индивидуальности господствовал в пейзажных парках, давая чувство счастливого слияния с природой [1, с. 324].

Исследователь садово-паркового искусства Д.С. Лихачев назы-

⁴ Там же. Ч. IX. 1782. С. 259–260.

⁵ Там же. Ч. XX. 1784. С. 19–20.

⁶ Там же. Ч. XXVI. 1786. С. 58, 60–61.

⁷ Там же. Ч. XXVII. 1786. С. 65.

вал сад моделью идеальной культуры. Садово-парковое искусство «идеологично», сад следует «читать» как книгу, выясняя значение его отдельных элементов, назначение лабиринтов, скульптур, аллей, монументов, садовых сооружений, того, что придавало индивидуальность каждому саду, выражало особенность стилей эпох [10, с. 17, 25; 14, с. 155–158].

В пейзажном парке создавалась иллюзия длительности времени. В отличие от регулярной планировки, которая как бы сокращает пространство, в нем достигалось впечатление бесконечности за счет того, что парк открыт, он переходит в лес, поле. Время в пейзажном парке воспринимается, как историческое (руины, памятники, посвященные историческим событиям и датам). Одновременно здесь присутствует время календарное, поскольку садово-парковая архитектура проектируется с учетом восприятия в разное время суток и года. Человек в пейзажном парке был неотделим от интерпретации социально идеализированного мира пастушков и пастушек (хижины, павильоны типа стогов, березовые домики).

Символы пейзажного парка были понятны и близки душе просвещенной. На пространстве натурального сада в природных формах воплощались просветительские идеи «естественного человека», свободного от светских условностей. Природа всесторонне воздействовала на человека, формируя или усиливая то или иное настроение: от радости до грусти, печали, одиночества, чувства утраты. Сад был полон иносказаний, эту книгу надо было читать и перечитывать. Но самое главное, садовую книгу можно было создавать самостоятельно. Недаром И.М. Долгоруков назвал усадьбу местом создания на «десятине экстракта Вселенной всей».

Для изучения семантики усадебных пейзажных парков, познания философии натуральных садов могут быть использованы многочисленные материалы о парках, опубликованные в последней трети XVIII – начале XIX в. Для средних и мелких помещиков наиболее подходили рекомендации из «Садоводства полного...» В.А. Левшина, «Нового и совершенного русского садовника...» Н.П. Осипова, а также многочисленные переводы, начиная с классических трудов Хиршфельда, и собственно отечественные материалы о «натуральных садах», которые печатались в «Экономическом магазине» А.Т. Болотовым [15].

Создавая на «десятине экстракт Вселенной всей», дворянин стремился оставить свой след, как бы воздвигая таким образом памятник самому себе. Усадьба формировалась на основе эстетических иде-

алов и символов классицизма и сентиментализма. Под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо в среде просвещенного дворянства возникло идеальное представление о независимой, «естественной» жизни на лоне природы, которая противопоставлялась суетному, «неестественному» существованию в городе, особенно в столице, при дворе. «Назад к природе» – этот призыв Руссо русский дворянин видел в культуре своей усадьбы. «Возделывать свой сад» – означало вступить на путь внутренней свободы.

Мемуары, переписка, литературные произведения дают основание судить о духовной наполненности жизни дворянина в усадьбе, проявлявшейся в творчестве, дружеском общении, любовании природой. В.В. Капнист писал о гармонии с окружающим миром в своей усадьбе Обуховке; Г.Р. Державин – в Званке; А.М. Бакунин – в Премухино; Н.А. Львов – в Никольском.

В усадебной атмосфере происходит ослабление влияния этикетных норм, господствовавших в официальной столичной, придворной среде. Этикетное поведение в усадьбе подчиняется другим ценностям, чем в городе.

Невольно вспоминается отношение А.С. Пушкина к деревне (усадьбе), которую он называл «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья». Оценивая разные пространственные среды он писал: «Петербург – прихожая, Москва – девичья, деревня же – наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете».

Дворянская усадьба – редкое сочетание «идеального» и «реального». Дворянин, отправляясь в город на службу или по делам, черпал средства для жизни и своего содержания из жалованья и из усадьбы. Усадьба была источником доходов и натурального содержания. Она была материальным тылом: ее можно было продать или заложить, туда можно было уехать, убежать от суеты. Хорошо налаженная в хозяйственном отношении усадьба обеспечивала соответствующий общественный статус.

И в то же время усадьба для дворянина начало начал, то, что сопровождает всю жизнь. Детство, юность, возвращение на некоторое время в годы учебы и службы, жизнь в отставке, старость и успокоение в родовой усыпальнице – все этапы жизненного пути связаны с усадьбой.

Усадьба отождествлялась с Отечеством. «Привязанность к месту рождения... суть первейшего основание любви Отечества» (Н.И. Страхов). «Без Ясной Поляны, – писал Л.Н. Толстой – не представляю

Россию и свое отношение к ней». Не случайно в названиях усадеб отразились имена или родовые фамилии владельцев, а также наименования местных храмов.

Итак, дворянская усадьба второй половины XVIII – начала XIX вв. предстает как модель «частного мира», где личностное, эгоцентрическое начало играло определяющую роль. Жизнь дворянина в усадьбе, вдали от регламентирующего начала государственной службы и светского этикета, была проявлением дворянской свободы и независимости, которая находила различное самовыражение. Человек «общественный», гражданин или человек «естественный», частный – таков один из вопросов в философском споре просветителей. Русская усадьба, с ее миром гармонии и поисками идеала выступает как один из возможных ответов. Иногда кажется, что хрупкое равновесие достигнуто. Но повседневность и идеалы века Просвещения соседствуют в усадьбе, придавая усадебной культуре особенное очарование и изысканность, нарушаемые грубыми проявлениями крепостничества.

В усадьбе – попытка выразить идеал, гармонию, мечту, мир без противоречий. Но усадьба, как модель замкнутого бытия, «Эдема сколок сокращенный» существовала в реальном мире, который наполнял этот образ противоречивым содержанием, где театральность культуры соседствовала с крепостным театром, а изысканное искусство с крепостными мастерами. Круг замкнулся. Идеал и реальность – две ипостаси века Просвещения, которые были не разрешимы в российской действительности, определяют существо феномена русской дворянской усадьбы и ее культуры.

1. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. II. М., 1993.
2. *Врангель Н.Н.* Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 2000.
3. *Греч А.Н.* Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 3–4.
4. *Дедюхина В.С.* Культура дворянской усадьбы // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990.
5. *Евангулова О.С.* Город и усадьба второй половины XVIII в. в сознании современников // Русский город. Вып. 7. М., 1984.
6. *Згура В.В.* Общество изучения русской усадьбы. М., 1923.
7. *Корнилов А.В.* Альбом помещика конца XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976.
8. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству, изданное для народных училищ. СПб., 1789.
9. *Лем И.* Начертание древних и нынешнего времени разнородных зданий... Изд. 2-е. Ч. 8. СПб., 1818.
10. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.

11. *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.
12. *Рузвельт Присцилла.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008.
13. *Турчин В.С.* Усадьба и судьба классицизма в России // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. № 1(17). М.; Рыбинск, 1994.
14. *Черный В.Д.* Русские средневековые сады. М., 2010.
15. *Щеблыгина И.В. А.Т. Болотов: Гармония мира и души.* М., 2003.

УДК 94(47).066

Л.М. Артамонова¹

**Инженер и географ Т.Г. Масленицкий – организатор
школьного дела в 1780-е – 1790-е гг.**

Россия в конце XVIII в.; народное образование; история Поволжья; провинциальная культура; интеллектуальная история, источниковедение.

Выдающийся инженер и географ Т.Г. Масленицкий принял активное участие в реализации основных реформ второй половины царствования Екатерины II на территории Симбирской губернии: реформы местного управления и школьной реформы.

Ряд видных деятелей российского государства и культуры XVIII в. связали свою жизнь или ее заметную часть с освоением, развитием, изучением российской провинции и окраин государства: И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков и др. [7]. В их деятельности, наряду с решением вопросов административных и научных [6], важное место занимали просветительские задачи, в том числе школьного строительства [5]. В этом ряду стоит и имя Тимофея Григорьевича Масленицкого, который также внес большой вклад в развитие народного образования в ходе осуществления школьной реформы Екатерины II.

Он родился в 1745 г. в дворянской семье, владевшей землями в Симбирском и соседних уездах. После обучения в кадетском корпусе и традиционной для людей своего круга военной карьеры Т.Г. Масленицкий перешел в гражданское ведомство. В 1782-1785 гг., служа в винной и соляной экспедициях, он составил «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев». Такие описания стали одним из важных составных частей реализации внутренней политики Екатерины II

¹ Артамонова Людмила Михайловна, Самарский государственный институт культуры (РФ, Самара), д.и.н., artamonovoi@mail.ru.

в связи с реформой местного управления 1775 г. Уточнялись границы новых административных образований, их природные, производственные и людские ресурсы. Симбирское наместничество (губерния) по обоим берегам Волги было образовано в 1780 г. [4, с. 153]. Внимание к этим землям Екатерина II проявила лично еще в 1767 г., когда побывала здесь сама [2]. Это повышало степень ответственности Масленицкого за работу, с которой он в итоге справился хорошо.

Должное труду Масленицкого отдавали многие современники. Не случайно, что знаменитый издатель Н.И. Новиков из прочих топографических описаний выбрал именно его для публикации [3]. Правда, читателю был представлен не весь текст рукописи Масленицкого. В 1858 г. частичную публикацию этого «Описания» осуществили «Симбирские губернские ведомости». К сожалению, полностью труд Масленицкого никогда не был напечатан.

К «Описанию» Масленицкого продолжают обращаться специалисты, занимающиеся региональными исследованиями по территориям, которые входили при нем в состав Симбирской губернии и были им описаны [9, с. 29]. Не остаются совсем без внимания другие стороны деятельности Масленицкого как видного чиновника [8, с. 65-69].

К сожалению, самая яркая сторона его службы в Симбирской губернии – на должности директора народных училищ – остается малоизвестной. Например, до сих пор его ошибочно считают первым, кто занял эту должность в данной губернии [9].

В 1786 г. в Симбирской губернии появилось главное народное училище в губернском центре, а затем стали открываться малые народные училища в некоторых уездных городах. Должности директора в конкретном училище не предусматривалось. Осуществлял общее руководство работой главного и малых народных училищ директор народных училищ губернии. Эту должность повсеместно с начала реализации школьной реформы Екатерины II занимали не педагоги, а чиновники местной администрации, причем достаточно высокого ранга.

При подготовке школьной реформы Комиссия народных училищ настояла на том, чтобы, вверив «главное на месте об училищах попечение губернаторам, яко председателям Приказов общественного призрения», все же ввести специальное должностное лицо по школьной части. Она предложила поручить «особливое над училищами смотрение директорам народных училищ, бессменно в Приказах заседать имеющим»².

О высоком статусе директора училищ свидетельствовало то, что

²РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76. Л. 98 об.–99.

назначался он генерал-губернатором. Это обеспечивало ему некоторую независимость положения в губернской администрации. Должность директора была достаточно привлекательной для чиновников, являлась штатной и оплачиваемой. Кроме того, не запрещалось совмещать эту должность с другими видами службы. Это открывало возможность занимать ее по совместительству, не покидая ради нее более престижных и доходных мест.

Сначала директором симбирских народных училищ стал капитан А.П. Соковнин. 22 мая 1788 г. он попросил по болезни отставку³. На его место 23 сентября симбирский и уфимский генерал-губернатор назначил Т.Г. Масленицкого, служившего тогда в казенной палате в чине надворного советника, который 30 сентября и приступил к своим новым обязанностям⁴.

Подбор директора народных училищ был делом непростым. Требовались люди не только хорошо образованные, что само по себе было тогда довольно редким явлением для русской провинции, но и понимавшие необходимость просвещения, проявлявшие сами склонность к исследовательской и педагогической деятельности. К числу таких и относился Масленицкий. Его назначение стало настоящей удачей для развития народного образования в Симбирско-Самарском Поволжье. За плечами этого исключительно образованного и преданного делу науки и просвещения человека был опыт инженера-гидростроителя, перевод на русский язык «Гидравлической архитектуры» Б. Белидора – популярного справочника и учебника, работа над уже упомянутой «Топографией Симбирской губернии» – сводом сведений о регионе статистико-географического и историко-этнографического характера. Поставить столь грамотного администратора и опытного инженера исключительно к делам по народному образованию губернское начальство не могло. Масленицкий совмещал директорскую должность с другими служебными обязанностями. На время его длительного отсутствия или занятий иными делами назначался исполняющий его обязанности («правлящий над училищами директорскую должность»⁵) из учителей старших классов главного народного училища или из заседателей Приказа общественного призрения.

В обязанности директоров народных училищ входили составление и подача исторических записок, годовых, полугодовых и третьих ведомостей о деятельности народных училищ. По ряду губерний

³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1216. Л. 6–6 об.

⁴ Там же. Д. 1186. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 1217. Л. 9 об.

записки и ведомости подавались в очень кратком виде и их сведения нередко представляются малоинформативными для исследователей, а ведомости за отдельные годы вообще не составлялись или не присылались в Петербург. К счастью, были примеры более ответственного и внимательного подхода к составлению указанных документов со стороны губернского училищного начальства. В РГИА выявлен уникальный по подробному изложению и сохранности комплекс как полугодовых, так и третних ведомостей Симбирского Приказа общественного призрения. По соседним губерниям, например, Саратовской и Уфимской (Оренбургской), такие ведомости носили менее полный характер, да и сохранились хуже. Особенно представительны документы, составленные именно тогда, когда директором народных училищ этой губернии и членом Приказа общественного призрения являлся Т.Г. Масленицкий. При нем в ведомостях давался подробный пересказ практически всех дел Приказа общественного призрения по народному образованию, а иногда и дословное их воспроизведение. Этот источник представляется особо ценным для изучения школьного дела не только в Поволжье, но и по России в целом.

С 1799 г. ведомости стали подаваться по новой унифицированной форме, что снизило их информативность по таким губерниям, как Симбирская, где они до этого составлялись весьма подробно⁶. В некоторой мере это было связано со сменой руководства школьным ведомством. Об уходе Т.Г. Масленицкого с должности директора местных училищ симбирский губернатор лично оповестил Приказ общественного призрения 1 мая 1798 г.⁷

Возможно, что этот уход не был случайным совпадением с начавшейся полосой закрытия целого ряда народных школ в правление Павла I. Правда, непосредственным основанием для отставки стало прошение, поданное самим Масленицким 20 апреля⁸. Он заявил о желании отказаться от обязанностей директора училищ Симбирской губернии «по случаю определения его в председатели симбирской палаты суда и расправы в 1-й департамент, в котором усмотрено им множество нерешенных дел и вновь поступает немало, отзываясь невозможностью отправлять с успехом обеих должностей»⁹. Можно полагать, что уход видного просветителя, ученого и педагога, с должности, которая ему пристала, как никому другому, не был обусловлен

⁶ Там же. Д. 1247. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 1206. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 1245. Л. 2.

⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.

объективными причинами. Масленицкий всегда совмещал директорские обязанности со службой в других административных учреждениях.

Теперь же губернским властям такое совмещение уже было не нужно, а Масленицкому, возможно, не хотелось продолжать службу по школьному ведомству в новых условиях, когда он не видел прежней государственной воли и стремления к распространению образования. Сыграл свою роль и моральный удар, пережитый им, когда уездные дворянские и городские общества, пренебрегая его уговорами и усилиями, отказывались от содержания за свой счет малых народных училищ. Судя по всему, пошатнулось и здоровье Т.Г. Масленицкого. В 1801 г. его не стало.

Несмотря на неудачи последних лет деятельности Масленицкого на посту директора народных училищ, возглавляемые им образовательные учреждения сыграли важную роль в распространении просвещения, формировании собственной интеллигенции в городах Средней Волги [1]. Симбирская гимназия, открытая в 1809 г., стала преемницей главного народного училища, его функций, традиций и даже унаследовала его замечательное здание.

Т.Г. Масленицкий остается в источниковедении истории России и Поволжья создателем одного из лучших в XVIII в. топографического описания целой губернии и большого числа документов по развитию в нем школьного дела. В его личности воплотилась реализация двух важнейших реформ второй половины екатерининского царствования – административной и школьной.

1. *Артамонова Л.М.* Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международной научной конференции. Тула, 2009.
2. *Ибнеева Г.В.* «Бабушка» вниз по «матушке» // Родина. 2005. № 8.
3. *Масленицкий Т.Г.* Краткое топографическое описание Синбирской губернии. Выбрано из сочиненного в 1783 году надворным советником Масленицким Топографического описания по запросным пунктам от Кабинета Ея Императорского Величества, 1783 года // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. XV. Москва, 1791.
4. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013.
5. *Сафронова А.М.* В.Н. Татищев и горнозаводские школы Урала в середине 30-х гг. XVIII в. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2.
6. *Смирнов Ю.Н.* Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3-1.
7. *Смирнов Ю.Н.* Споры патриотов. Ломоносов и его современники о пу-

- тях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. № 9.
8. Трофимов Ж.А. Симбирск и симбиряне: исторические и литературные поиски. Ульяновск, 1997.
 9. Шкердина Н.О. Топографические описания провинциальных наместничеств Российской империи 1780-х гг. как источник по истории народов Среднего Поволжья // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24).

УДК 94 (47). 05

О.Е. Кошелева¹

Рукописный сборник князей Черкасских – памятник педагогической мысли XVII в. (источниковедческий аспект)²

Кн. Черкасские; рукописные сборники; учебная литература.

Сборник РНБ. Q.I. 327 рассмотрен с источниковедческой точки зрения, что помогает уточнить его атрибуцию и содержание.

Сборник, написанный для князей Черкасских³, полностью посвящен вопросам детского воспитания и является одним из самых ранних русских сборников педагогического характера. Он известен в литературе благодаря оригинальности открывающего его текста: «Предисловие ко пречестнейшему князю Петру Михайловичю Черкасскому в чину ученичества возлежащему» (л. 2), однако археографически сборник никогда не анализировался даже его публикаторами [8, с. 32-71; 5]. В литературе существуют разные предположения о его датировке и авторстве. Исследователи обращали внимание на большие утраты листов в данной рукописи и сокрушались о невозможности восстановить ее полное содержание. Палеографический анализ сборника и реконструкция его содержания – новая попытка сделать атрибуцию сборника.

Название «Предисловия» говорит о том, что он был написан для детей кн. М.Я. Черкасского: старшего Петра и младшего Алексея, упоминающегося в тексте. Принято считать, что кн. Алексей, впоследствии ставший важным политическим деятелем, родился в сентябре 1680 г. [4, с. 42-43]. Однако в переписи 1718 г. возраст кн. Алексея – 34

¹ Кошелева Ольга Евгеньевна, Институт Всеобщей Истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., okosheleva@mail.ru.

² Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 13-06-00149а.

³ РНБ. Q.I. 327 (далее указания на листы приводятся в тексте статьи).

года (сведения подавал его дворецкий)⁴, т.е. дата его рождения 1684 г. Какая из двух дат правильная – пока судить трудно, поэтому скажем осторожно, что сборник написан в 1680-е гг., не ранее 1681 г.⁵

В 1680 г. отец мальчиков был назначен стольником к семилетнему царевичу Петру, в 1682 г. он получил боярский чин [11, с. 462]. Закономерно, что его сыновья были пожалованы в 1688 г. в спальники к царю Иоанну, а в 1693 г. переведены к царю Петру. В 1685-1686 гг. их отец был воеводой в Великом Новгороде, потом до 1697 г. оставался в Москве, когда был назначен Сибирским воеводой и уехал со всей семьей.

Итак, биографические даты говорят о том, что сочинителем «Предисловия» никак не мог быть умерший в 1680 г. Симеон Полоцкий, на авторство которого указывал В. Буш [2, с. 30-31]. И. Михайловский [9, с. 1-38] называл автором «Предисловия» Николая Спафария, в 80-е гг. находившегося в Москве. Это мнение поддержала и О. Белоброва [1, с. 7]. Использование в «Предисловии» примеров из античной и западноевропейской истории и мифологии, свойственное трудам Н. Спафария, привело их к этой слабо обоснованной гипотезе.

Обратимся к внешней характеристике сборника. Его размер в четверть листа, переплет – доски в тисненой коже, с медными застежками. Рукопись содержит в себе 158 листов. Тетради с восьмой по тринадцатую, из 8 листов каждая, в нем утрачены. Текст написан одной рукой, четким уставным почерком. Он украшен скромными киншварными инициалами и буквицами. «Предисловие» и главы, в которых сохранились их заголовки (первая и четвертая), орнаментированы одинаково. Каждый лист имеет чернильную рамку с двумя контурами, внутри нее глоссы, т.е. ссылки на цитируемые произведения (например, «Прем. Гл. 7»).

Эпиграф к «Предисловию» взят из Евангелия от Иоанна:

«Аще кто
Яст хлеб сей
Жив будет во веки
Глава 6» (л. 1 об.).

Далее автор обыгрывает эту цитату: данная книга есть хлеб просвещения: «и ты, благочестивый учениче и младенче пречистый, княже Петре, прими любезно хлеб сей в просвещение, ти яждь здрав во спасение твое душевное. Яждь, взимая рукама ума твоего, прежу-

⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 3. № 8451–8662. Л. 328–330.

⁵ Эту дату дает использование в сборнике текстов «Обеда душевного» Симеона Полоцкого, напечатанного в 1681 г.

вай зубами разсуждения, и поглощай в стомахъ памяти твоя, и будет ти в ползу» (л. 3 об.).

Метафора хлеба относит к таинству Евхаристии и дает образ того, что чтение книги – это вкушение слова Божия. Автор-составитель, безусловно, имел в руках напечатанный в 1681 г. сборник проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный», где познание также связано с образом принятия пищи [6, с. 165-170]. Далее мы снова увидим обращение к этой книге.

Вторая часть «Предисловия» посвящена разъяснению того, что есть «мудрость». Этот вопрос затрагивался во всех учительских сборниках, поскольку «мудрость» была именно тем, к чему хотели подвести учеников.

Третья часть «Предисловия» – «К родителям обращение» (л. 10 об.–18 об.), т.е. к супругам Черкасским. Она состоит из множества афоризмов и примеров, обыгрывающих оппозицию «юность – старость». Что в юности легко, в старости – невозможно, труд в юности обеспечивает покой в старости, какова у человека юность, такова будет и старость, и проч. Их источник – изречения Иисуса Сирахова сына, Платон, Аристотель, и «иные философы». Подчеркивается важность обучения с самых юных лет. Родители обязаны найти для детей искусного учителя (л. 19 об.). Этот совет автор подкрепляет множеством удачных примеров, выбранных из житийной литературы.

Родителям даются основанные на библейских книгах советы о наказании детей: например: «аще хотите от чад веселитися ваших: жезл бо есть злобы искоренитель и насадитель добродетелей» (л. 22 об.–23). Далее следует осуждение «родительской потачки» детям и чрезмерной любви, портящей детей. Оно начинается текстом мифа о Фэтоне, боге Солнца, не сумевшем отказать сыну в просьбе прокатиться на солнечной колеснице. «Баснь се есть пиетическая, но родителем в наставление полезна» (л. 25). Этот текст взят из «Обеда душевного» Симеона, а именно – из «Слова в неделю 34-ю по сошествию Святого духа» [см. публ.: 12, с. 366-376]. Симеон далее развивал в проповеди тему принципов воспитания, пытаясь ответить на вопрос: «Но откуда честных родителей чада злонравие стяжут?».

В сборнике Черкасских некоторые места проповеди Полоцкого сокращены или пропущены. Например, нет совета об удалении детей от плохого общества, нет ее окончания («Чин учения» из 10 пунктов). Но последовательная нумерация тетрадей в рукописи Черкасских свидетельствует о том, что в тексте, взятом из «Обеда душевного» утрат нет. Таким образом, проповедь Полоцкого либо переписана с

дефектного экземпляра, либо ее текст сокращен сознательно.

Публикатор сборника Черкасских Н. Лавровский не смог опознать текст Полоцкого. Это сделал В.В. Буш [2, с. 30-31, 110-112]. Он нашел полный текст проповеди Полоцкого под заглавием «Наказание чадам», без указания его авторства, в очень разнообразном по тематике сборнике из собрания Ундольского⁶ [см. 3, с. 49] и сравнил его с текстом, опубликованным Н. Лавровским. Буш пришел к поспешному заключению о Симеоне как об авторе всего сборника, в том числе и «Предисловия». На его мнение опиралась О. Белоброва, писавшая, что сборник «составлен из печатных проповедей Полоцкого» [10, с. 250].

За «Предисловием» следует «Глава 1. «Яко подобает от юности детем прилежати учению, родителема же сих понуждати прилежно божественнаго закона наказанию и мудрости снисканию духовного и гражданского жиительств ко обучению» (л. 51). От нее сохранился один лист, начинающийся со слов «Блажен муж, иже обрете премудрость», полностью утрачены главы вторая и третья. Их текст неизвестен. Н. Лавровский без всяких аргументов предполагал, что это было «Гражданство обычаев детских» [8, с. 62]. Зато глава четвертая «Чинопоследование молитвам прежде всякого дела и делания...» не имеет утрат и оканчивается словом «аминь». Она состоит из молитв, которые сопровождают каждый шаг учащегося в течение дня, начиная с того, как он «от одра восстал». Это молитвы на облачение в одежду, путь в школу, приход в церковь, обучение чтению и проч.

После главы 4 утрачены тетради с восьмой по тринадцатую и текст начинается с кратких библейских и святоотеческих изречений, расположенных под заголовками «Благотворити врагам», «Седаго долженствует чествовати», «Нищяя долженствует миловати», «Хранити тайны» и проч. На каждое изречение сделана ссылка. Этот текст принадлежит сочинению Евфимия Чудовского (ум. 1705 г.) «Созрение (обзор – *О.К.*) христианского обучения ради малых детей». Далее выделенный заголовок «Всем повсюду» (л. 49) тоже взят из «Созрения...» (подзаголовок к гл. 2 [текст см.: 2, с. 82], но текста Евфимия под этим заголовком нет, как нет и первого раздела главы 3 «Созрения». В сборнике Черкасских сразу следует второй раздел третьей главы «О телесном» и далее до самого конца рукописи без всяких пропусков переписан текст «Созрения...», заключительные фразы исполнены в виде колофона.

В. Буш, целиком опубликовавший «Созрение» по двум спискам

⁶ РГБ. Собрание Ундольского. № 1079.

(РГБ, собр. Тихонравова, № 487 и Тверской музей, № 134) [2, с. 58-87], произвольно полагал, что автором «Созрения» был Паисий Лигарид. Он не отождествил последнюю главу сборника Черкасских с «Созрением» и ошибался, когда писал, что ее невозможно сравнивать с другими рукописями, поскольку «вся основная часть трактата... сохранилась в слишком истерзанном виде» [2, с. 19]. Такое сравнение было сделано С. Чебаном, увидевшим по изданию Н. Лавровского текстуральные совпадения сборника Черкасских с «Созрением» [13, с. 129-164]. В. Буш яростно это опровергал [2, с. 19], но теперь мы знаем, что прав был именно С. Чебан.

По словам В. Буша, «Созрение» полностью выдержано в строгом церковно-религиозном духе, в нем нет творческой мысли, а «черты быта тонут в море цитат и молитв» [2, с. 20]. С этим трудно поспорить, такие особенности делали «Созрение» памятником мало привлекательным для исследователей XIX в., которым хотелось видеть гуманистические тенденции и светскую мысль в образовании XVII в. Но именно «Созрение» привлекало читателей предпетровского времени. Оно вошло в два списка рукописи под названием «Алфавитарь» [публ.: 14], в сборник Черкасских, в два сборника, опубликованных В. Бушем (см. выше), а также в Софийскую рукопись, найденную Н. Куприяновым [7]. «Созрение», таким образом, помещали во многие учебные сборники.

Итак, содержание сборника Черкасских таково: 1) «Предисловие...», заключающееся «Словом в неделю 34-ю...» из «Обеда душевного» Полоцкого (с купюрами); 2) два утраченных сочинения, одно из которых называлось «Яко подобает от юности детем прилежати учению...»; 3) Чинопоследование молитвам; 5) «Созрение христианского обучения...» Евфимия (начало утрачено). Подобное содержание делает сомнительным Н. Спафария в качестве его составителя, для которого было типично заимствование сочинений светской литературы, а не церковной.

Историки XIX в. не видели греха в произвольных суждениях, но в работах последователей они превращались в утверждение. Комплексное историографическое и археографическое рассмотрение сборника помогло прояснить его атрибуцию. Содержание сборника показало знание его составителем основных современных ему произведений, связанных с вопросами воспитания. Все они основаны на традиционных православных постулатах. Но на вопрос, кто был составителем сборника, пока нет ответа.

1. *Белоброва О.А.* Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978.
2. *Буш В.В.* Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.
3. *Викторов А.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. М., 1870.
4. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855.
5. *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича». СПб., 1871. Приложение.
6. *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России. М., 2011.
7. *Куприянов Н.* Материалы для истории русской педагогики. Из рукописи прошлого столетия: «Наставление малым детям и об обычаях в училище» // ЖМНП. 1856. Ч. LXXXIX.
8. *Лавровский Н.* Памятники старинного русского воспитания // ЧОИДР. 1861. Кн. III. Отд. III.
9. *Михайловский И.Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетия // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Т. 3. Нежин, 1900. Отд. 3.
10. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.
11. *По М.Т.* Российская элита в XVII в. Думные и церемониальные чины Государева двора 1613-1713 гг. Т. 1. Хельсинки, 2004.
12. *Симеон Полоцкий.* Ораторские произведения // Красноречие древней Руси (XI-XVII вв.). М., 1987.
13. *Чебан С.* К истории учебно-педагогической литературы Московской Руси // ЖМНП. 1915. Октябрь.
14. *Bragone M.Ch.* "De civilitate morum puerilium" Эразма Роттердамского в России (кон. XVII – перв. пол. XVIII в.) // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy / Eds. R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007.

УДК 930.2

Л.А.Черная¹

Русские предисловия и послесловия XVII столетия как исторический источник

Предисловия; послесловия; источники; информационное пространство.

В переходную эпоху от Средневековья к Новому времени резко возрастает роль печатных и рукописных предисловий как исторических источников. Они начинают использоваться как открытое информационное пространство, освещающая самые значимые процессы и явления эпохи.

Предисловия и послесловия представляют собой так называемое «окружение» основного текста и выполняют функцию сопровождения

¹ Черная Людмила Алексеевна, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова (РФ, Москва), д.и.н., tchernie@rambler.ru.

«корабля». С этим нельзя не согласиться, но только до определенной степени, поскольку в истории культуры бывали времена, когда предисловия брали на себя совсем не свойственные им функции и заключали в себе подчас больше, чем сам сопровождаемый ими текст. К таким периодам и относится переходная эпоха от Средневековья к Новому времени, падающая в России на весь XVII в.

Традиционная структура предисловий включает в себя три основных компонента: автор – книга – читатель. Но следует оговориться, что русские средневековые тексты содержали по большей части либо Священное писание, либо «священное предание», а посему автор книги был априори связан с Логосом, божественным словом и самим Богом, воплощенным в Слове. На протяжении первых веков после принятия христианства русские составители книг выступали как переводчики, а чаще лишь как переписчики священных текстов. Поэтому они не составляли предисловий, а порой даже не догадывались, что переписывают чужое предисловие (как произошло с «Прологом», получившим свое наименование по предисловию к греческому Минологию). В XI-XVI вв. на Руси к священным текстам составляли в основном послесловия, содержащие благодарственную молитву к Богу за помощь в переписывании объемного фолианта, указывая сколько месяцев продолжался сей тяжкий труд и радуясь его завершению [11].

В XVII в. к трем китам, на которых строилось предисловие (автор – книга – читатель) [7, с. 35], добавился четвертый – время, вернее, «мимоидущее время», т.е. настоящее, а не «вечное», священное... Смута начала XVII в. мощно вторглась в устоявшийся текст печатных послесловий и добавила к ним предисловия, которые стали использоваться для публицистических целей, для отражения происходящих в стране событий и перемен. В Смуту, когда цари сменялись на российском престоле один за другим, авторам послесловий приходилось чуть ли не на ходу менять имена «богоизбранных браздодержателей». Особенно показательным в этом плане послесловие к Минее служебной за ноябрь, изданной в 1610 г.: Ивану Невежину пришлось начать с похвалы Василию Шуйскому, при котором начался набор книги в печать, а закончить словами, что завершено издание было уже «при благородном государе, царе и великом князе Владиславе Жигимонтовиче Московском и всея Руси, в первое лето царства его» [5, л. 401].

В первой половине столетия крайне актуальной была тема легитимности новой царской династии. Для утверждения династии Романовых потребовались многократные и настойчивые подчеркивания их кровного родства с дедом Иваном Грозным (хотя Иван Грозный был

не родным, а двоюродным дедом Михаила Романова) [4, л. 84 последней пагинации и мн. др.], богоизбранности «богомудрого поборника благочестия» [6, л. 451], особой миссии «стража» и спасителя России, стремящегося уподобиться славе императора Константина и Владимира Святого. Только при Алексее Михайловиче накал этих дифирамбов стал спадать, но при этом авторы послесловий стали более подробно расписывать близость к Богу «тишайшего» и призывать читателей возносить ему хвалу и молиться за него. Вот, например, как это делалось в послесловии к «Соборнику» 1647 г.: «елико кто изобилует дарованием родоязычия – хвалу, елицы простотою – благодарение, елицы внутренними упражняющиеся – молитвы приносите» [9, л. 881].

«Бунташное» столетие требовало быстрой реакции на происходящие события, а информационного пространства для этой реакции в виде газет, журналов, публицистики в стране еще не существовало (что и отразила публицистика в виде «Посланий» периода Смуты). Предисловия и послесловия и стали этим, образно говоря, «информационным пространством», причем как для государственных печатных изданий, так и для частных рукописей. Наиболее ярким и показательным примером этого служат предисловия к изданиям, сопровождавшим церковные реформы патриарха Никона. Это особенно наглядно видно при сравнении двух изданий «Кормчей»: при патриархе Иосифе в 1650 г. и при патриархе Никоне в 1653 г. Если в первой книге лишь дублировалось предисловие предыдущего издания 1639 г. на четырех листах, то никоновская Кормчая 1653 г. вместо Предисловия содержала обширное повествование об учреждении патриаршества в России на 37 листах [1, с. 131]. В этом нельзя не заметить неудержимого стремления нового патриарха изложить свои взгляды на священство, которое «выше царства». Предисловие к «Служебнику» 1655 г. целиком посвящено вопросу соотношения церковной и светской властей, оно включает еще и биографию Никона. И хотя слов «священство выше царства» в нем нет, но они постоянно подразумеваются. Вначале создается образ России, на которую Бог возложил «два великия дара, яко некую диадиму царскую – священство и царство». Если царство «человеческим владея и пекийся», то священство «божественным служа». И хотя царь и патриарх восхваляются как «благочестивая и богомудрая двоица» и «богоизбранная сугубица», но все же после восхвалений дается подробное описание только власти русского патриарха. В частности, сообщается, что Никон искал и нашел грамоту с греческим текстом, в которой утверждалась равная значимость русского патриарха с вселенскими: «Писано в той книзе, яко святей-

ший архиепископ и патриарх всея России брат есть православных селенских патриархов, и с сим именованием единочинен им и сопрестолен, и чином и достоинством равен». Далее следовал рассказ о том, как царь «умолиша» Никона «приятти» патриарший престол, и излагается ход церковных реформ. При этом Никон называется «богоизбранным христоролюбивым и премудрым», что обычно используется при характеристиках монархов. При изложении речи Никона на церковном соборе, принявшем реформы, подчеркивается, что он «глаголал боговдохновенно... яко Илия боговидец ревнует по Господе». В конце предисловия подчеркивается, что патриарх постоянно «совет сотвори к сыну своему, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу», принимающему решения «премудраго государя святейшаго Никона советом поощрен» [8, л. 5-7].

И другие предисловия патриарших изданий периода реформ используются Никоном для изложения своего «кредо», а также для публикации ряда документов, направленных на поддержку реформ. Так, в большом предисловии к «Скрижали» 1655-1656 гг. помещены Послание патриарха Паисия и «Соборное деяние», утвердившее реформы.

Предисловия к старопечатным изданиям XVII столетия, безусловно, являются ценным историческим источником, но их намного превосходят в этом качестве предисловия к рукописным сочинениям, в особенности, к авторским произведениям, обильно распространившимся в рассматриваемый период. Если печатные предисловия и послесловия создавались в государственном – царском и патриаршем – учреждении, каким был Печатный двор, и посему несли на себе четкий отпечаток официальности, то рукописные их собратья были значительно более свободны как в выборе тем для изложения, так и в построении и форме изложения. Наибольшей свободы достигали авторские предисловия, созданные самими авторами к своим новым сочинениям. Они выделялись не только содержанием, но и часто виршевой стихотворной формой, получившей в XVII в. широчайшее распространение в среде городских образованных слоев. Отдельного анализа требуют предисловия Симеона Полоцкого, Николая Спафария, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и других писателей и поэтов второй половины столетия.

Особый блок источников представляют полемические рукописи, столь распространенные в XVII в. В предисловиях к ним отразилась полемика со старообрядцами, борьба «восточников» с «западниками», споры о допустимости изучения латинского языка в планируемой

Славяно-греко-латинской академии, полемика о времени пресуществления святых даров в евхаристии и др.

Наконец, нельзя не отметить целый комплекс предисловий, ставших самостоятельными произведениями, воспринимаемыми и переписываемыми отдельно от остального текста, к которому они создавались и были привязаны первоначально. Конечно, подобные предисловия-произведения появились еще в древности, в частности, в «Изборник Святослава 1073 года» уже входили в данном качестве «Святаго Василиа в начало притьчь» и «Евсевия Панфила от начало-словьных повести». На протяжении всего средневековья таких отдельно существующих предисловий было достаточно, но их источниковедческая наполненность была различной. Семнадцатое столетие в этом плане обогатилось замечательными памятниками. Например, «Предисловие откуда и от коего времени начася быти в нашей Рустей земли осмогласное пение...». Это по сути своей трактат, рассказывающий об истории знаменного пения. Первоначально данное предисловие, скорее всего, предшествовало крюковой нотной азбуке, но отделилось от нее и стало существовать самостоятельно в составе различных литературных сборников. Другой пример связан с предисловиями к Синодику, превратившимися в целый сборник статей при общих поминовениях и Помяннике, но в конце концов отделившихся от последних и составивших литературный сборник [2, с. 51]. Наконец, знаменитое предисловие к сочинению по истории, написанному в годы правления Феодора Алексеевича. Данное обширное предисловие является, по сути, теоретическим трактатом, посвященным осмыслению места и роли истории как «науки» в России. Это предисловие было обнаружено в Степенной книге, принадлежащей постельничему и учителю царя Феодора Алексеевича А.Т. Лихачеву, что послужило основанием для историков XIX в. приписать авторство именно Лихачеву. Однако на основании почти дословного совпадения его вступительной части с началом «предглаголения» в «Книге о сивиллях, колико быша и киими имяны и о предречении их», составленной переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием, можно предположить, что именно Спафарий и был его автором:

Книга о сивиллах»

«Преизрядное видится бытии око с верховнаго Аристотеля речение, еже пишет во своих метафизиках: се есть вси человецы стественно ведати желают» [10, с. 54].

«Предисловии»

И для того крайнейший философ Аристотель написал на поле

метафизик, книга 1-я, что все человецы естественно желают ведати, се есть от природы свое[й] любят ведати и познати всех вещей, потому что тем ко искусству и к совершенству придут» [З. л. XXXV-XXXVI].

Возможно, конечно, что обращение к цитате из Аристотеля было «общим местом» уже в то время, однако это все же маловероятно. Авторство Н. Спафария требует более весомых доказательств.

Работа по выявлению ценности предисловий и послесловий XVII в. как исторического источника еще только начинается.

1. *Белякова Е.В.* К вопросу о первом издании Кормчей книги // Вестник церковной истории. 2006. № 1.
2. *Дергачева И.В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV-XVII вв. (на материале Синодика). Munchen, 1990.
3. *Замысловский Е.* Царствование Феодора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников. СПб., 1871.
4. *Миняя.* Сентябрь. М., 1619.
5. *Миняя служебная.* Ноябрь. М., 1610.
6. *Октоих.* М., 1618.
7. *Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в.* Кн. 1. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.
8. *Служебник.* М., 1655.
9. *Соборник.* М., 1647.
10. *Спафарий Николай.* Эстетические трактаты / Подг. текста и вступ ст. О.А. Белобровой. Л., 1978.
11. *Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и общества истории и древностей российских благотворителя Ивана Никитича Царского. М., 1836.

УДК 94(47).048

Н.В. Башнин, А.Е. Жуков¹

Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома 1612/13 г.²

Смута; история Русской Православной Церкви; Русский Север; Вологодская епархия; архиепископ Вологодский и Белозерский Сильвестр; источниковедение.

¹ Башнин Никита Викторович, СПбИИ РАН, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., nvbashnin@gmail.com; Жуков Артем Евгеньевич, Научно-исследовательский Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (РФ, Санкт-Петербург), artemnovgor@inbox.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

В статье рассматривается приходо-расходная книга архиепископа Вологодского и Великопермского Сильвестра 1612/13 г. Этот источник возник вскоре после разорения Вологды польско-литовскими отрядами 22–25 сентября 1612 г. В расходной части книги зафиксированы траты, связанные со строительством после пожара в церкви св. Софии и на архиерейском дворе.

Архив Вологодского архиерейского дома св. Софии за конец XV–XVIII вв. сохранился частично. Множество документов XVI – начала XVII в. были утрачены в сентябре 1612 г. во время разорения Вологды польско-литовскими отрядами [13, с. 91]. Пути изучения документального собрания Вологодской архиерейской кафедры намечены в работах М.С. Черкасовой и Д.Е. Гневашева [3; 4; 5; 12]. Д.Е. Гневашев исследовал структуру святительского двора, используя приходо-расходные книги и другие источники [3]. М.С. Черкасова при рассмотрении демографических вопросов обратилась к архиерейским окладным книгам XVII в. и отметила, что «местонахождение большинства из них ныне нам не известно» [11, с. 145, Прим. 21]. В целом документальное наследие Вологодского архиерейского дома за XVI–XVIII вв. очень обширно и рассредоточено по разным архивохранилищам – РГАДА, НИОР РГБ, ОПИ ГИМ, ОР РНБ, НИОР БАН, Архив СПБНИИ РАН, Государственный архив Вологодской области, Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Внимание исследователей обращено, прежде всего, к документам из перечисленных выше архивохранилищ. Однако в Собрании М.Н. Тихомирова в Отделе редких книг и рукописей Государственной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (ОРКР ГНТБ СО РАН) также хранятся рукописи из Вологодского архиерейского дома. Из нескольких десятков приходо-расходных книг Вологодской кафедры за XVII в. (полного перечня документов этого вида пока нет) наиболее ранняя книга 1612/13 г. выявлена в Новосибирске³. Лист из этой книги сохранился в кормовой книге Николо-Коряжем-

³ ОРКР ГНТБ СО РАН. Собр. М.Н. Тихомирова. Ед. хр. 156. Л. 1–86. Подлинник. Рукопись описана: «Приходо-расходные книги Вологодского Софийского дома. В 4°, на 87 листах, последний лист пустой. Водяной знак: кувшинчик одноручный с литерами «СН». Скорописью 1612 г. Без переплета. Книга начинается словами: «121 октября в 6 день Софейские вотчины Лежьского волока староста Томила платил...». Записи кончаются 11 июня 1613 г. Скрепка по листам: «Дияк Иван Ефанов» [9, с. 61]. Благодарю А.Ю. Бородихина и сотрудников Музея книги в ГНТБ СО РАН, которые способствовали работе с этой рукописью.

ского монастыря⁴.

Напомним основные события периода Смуты в Вологде. Восшествие на престол Лжедмитрия I не коснулось вологжан. Однако после убийства самозванца в мае 1606 г. Вологда тоже оказалась втянута в борьбу различных группировок. В ноябре 1608 г. вологодский воевода Никита Пушкин целовал крест Лжедмитрию II и привел вологжан к присяге [7, № 219, с. 188]. Вскоре в Вологду приехал представитель этого самозванца Ян Поляк, которого вместе с панами вологжане за грабеж и самоуправство заточили в тюрьму [7, № 221, с. 188–189]. После этого город был укреплен и сформирован отряд ратных людей [7, № 221, 222, с. 188–189]. В апреле 1609 г. этот отряд участвовал в освобождении Ярославля, за что получил благодарность от царя Василия Шуйского [7, № 223–227, с. 190–192].

В это время Вологда стала центром по мобилизации сил в борьбе против «воров и изменников». Сам город укрепляли, на дорогах появились засеки, были выставлены сторожевые заставы [7, № 226, 227, с. 191–192]. Ф.Я. Коновалов полагает, что принятые меры усыпили бдительность вологжан и воевод, что и стало причиной легкого взятия Вологды 22 сентября 1612 г. [6, с. 4]. Широко известна красочная отписка архиепископа Вологодского и Белозерского Сильвестра, недавно ставшего Вологодским владыкой [8, стб. 731, 1015], в которой он сообщает московским боярам и воеводам о разорении Вологды [2, с. 249–251]. По словам этого иерарха 22 сентября 1612 г. «с понедельника на вторник, на останошном часу ночи <...> польские и литовские люди, и черкасы, и козаки, и русские воры пришли на Вологду безвестно изгоном и город Вологду взяли, и людей всяких посекли, и церкви Божия опоругали, и город и посады выжгли до основания» [7, № 231, с. 195]. Стольник и воевода кн. Иван Одоевский сумел уйти, а окольного и воеводу Григория Долгорукого и дьяка Истома Карташева убили. По признанию архиепископа Сильвестра, он был в плену «четыре ночи, и многажды приводили к казне», но потом его отпустили (не ясно, почему четыре ночи, ведь вражеские войска были в Вологде с 22 по 25 сентября). Судя по его отписке, Вологда была взята благодаря открытым воротам и отсутствию караула. Резюмируя, архиепископ Сильвестр написал крылатую фразу: «А все, господа, дела-

⁴ В.С. Безроднов при описании рукописи комовой книги Николо-Коряжемского монастыря отметил: «На л. II наклеен фрагмент текста с заголовком рукописи, при этом часть текста утрачена. В приложенной записке сотрудник ОР РГБ Ю.Д. Рыков написал следующий восстановленный текст: «Книги приходные, вечной пошрины и разных сборов архиепископа Вологодского и Великопермского Сильвестра 7121 [1612/13] г.» [1, с. 57].

лось хмелем, пропили город Вологду воеводы» [7, № 231, с. 195–196].

Первые записи в привлеченной приходо-расходной книге датируются 6 октября 1612 г. Традиционно документы такого вида заканчивали 31 августа и начинали с 1 сентября, поэтому полагаю, что в пожаре сгорели приходо-расходные книги за предыдущие годы и недавно начатая книга. А дошедшую до нас рукопись вновь начали вести после ухода вражеских отрядов. В этой приходо-расходной книге содержатся сведения о доходах и тратах архиерейской казны, которые свидетельствуют о жизни людей после разорения Вологды.

Сведений непосредственно о пожаре в приходо-расходной книге нет. Исключение составляет только одна запись от 23 ноября 1612 г. о покупке на 17 алтын «горелово» серебра (л. 7)⁵. Из другой отписки архиепископа Сильвестра известно, что во время разорения города было убито 49 «попов и дьяконов» [7, № 234, с. 197]. В приходо-расходной книге содержатся сведения о тратах на погребение только одного человека. Подьячий Денис, вероятно, был ранен «ворами», а потом скончался. По указу архиепископа Сильвестра его вдова Антонида 10 декабря получила 10 алтын «мужа погresti» (л. 11).

Представление о восстановительных работах после пожара получаем при анализе сведений из расходной части книги, которые ниже сгруппированы в несколько разделов.

Во-первых, приведем сведения о строительных работах на архиерейском дворе. Первое свидетельство о приведении построек в порядок после пожара и разорения зафиксировано 15 октября, когда за 4 алтына 2 деньги были куплены три «окончины слудяных» (л. 1). Новые здания покупали и строили сами. Об этом свидетельствуют следующие сообщения: 15 октября за 6 рублей купили «избу еловую в городе» (л. 2); 7 ноября а 12 рублей купили «струбы на избу да двадцать семь тесниц у площадного подьячево Перши Скулядина» (л. 5); в этот же день у посадского человека Кондратия Павлова сына Окишева за 10 рублей с полтиной был куплен амбар (л. 5 об.).

Для прокладки мхом срубов и конопачения новых построек покупали сфагнум: 23 октября за 2 алтына приобрели 3 телеги «мъху» (л. 2 об.); 4 ноября было куплено «на трицать алтын мъху на избы да мху же куплено на гривну» (л. 4); 10 ноября купили «на полполтины мху у церковного богословского дьячка у Дружинки» (л. 5). Для отделочных работ приобретали краску («сурик»), а также гвозди «черные» и правили старые (л. 7, 7 об., 36 об.). Для новых построек 20 и 23

⁵ Здесь и далее в тексте в скобках указаны листы расходной части книги 1612/13 г. (ОРРК ГНТБ СО РАН. Собр. М.Н. Тихомирова. Ед. хр. 156).

ноября приобрели «большие и малые» замки и пробой (л. 7).

В декабре печник Томило Москвитин сделал «две печи на архиепископле дворе», за работу он получил рубль (л. 13 об.). Этот же печник в мае сложил печь «в большом подклете с выводною трубою», за работу получил два рубля (л. 36). Устройство печного отопления было завершено 14 июня, когда за 14 алтын была куплена «доска железная новая, в большей подклетке к печи» (л. 37 об.).

В феврале и марте зафиксированы покупки значительного количества «драниц», предназначенных для покрытия крыш. Так, 20 февраля купили «шестьсот драниц четверику» за 25 алтын 2 деньги (л. 24), затем «триста драниц шестерику» за 29 алтын; 6 марта – 150 «драниц шестерику» (л. 25), 7 марта 300 «драниц четверику», 200 шестерику (л. 25 об.); 29 марта приобрели 620 драниц «пятерику и шестерику и четверику» за рубль 16 алтын 5 денег (л. 30).

Отметим и другие плотницкие работы: 2 марта для большой подклети купили 40 сосновых и еловых досок, три доски «дверных» и 6 «бревешок» (л. 24 об.), вскоре приобрели три «слеги к онбару» (л. 25), 6 марта купили еще 5 досок «дверных» (л. 25). На построенном амбаре покрыли крышу. Для этих работ были куплены кровельные гвозди, а «мастеры» получили полполтины (л. 27). 29 марта в амбаре сделали два окна (л. 30). Приобретали различную фурнитуру: 30 марта купили две скобы «лухоных» к большому подклету, крюк и пробой (л. 30 об.); 3 апреля приобрели «к новым кельям» два крюка с пробоями в «обе дверины» (л. 31 об.–32). Сохранились сведения о внутренней отделке помещений: 8 мая плотники сделали «в большей горнице нутро и двери и окна» и получили за это «полтретья рубля» (л. 35).

В течение зимы 1612–1613 гг. заготавливали лес, а весной 1613 г. бревна начали корить. Зафиксированы траты на «скобление» в мае трехсот бревен (л. 35 об., 36), а в июне – пятисот (л. 36 об., 37, 39). 15 июня за 10 рублей 28 алтын 2 деньги на Рабанге купили «на дворовой замет 25 сороков лесу еловово пятерику» (л. 37 об.). В начале лета за перевозку «острожных бревен» было заплачено 11 алтын 4 деньги (л. 39 об.).

Плотники за строительные работы неоднократно получали деньги. Так, 13 ноября «мастером плотником от избы от дела» заплатили 29 алтын 4 деньги (л. 6); 9 января плотник Василий Обросимов получил к «прежней дачи» еще один рубль (л. 18); 30 марта «плотником от большево подклета и от чюлана от дела» дали 2 рубля 10 алтын (л. 30 об.–31).

О том, что во время пожара пострадали не только постройки,

принадлежавшие Вологодскому архиерейскому дому, а и другие дома в Вологде свидетельствуют сообщения о новосельях у нескольких должностных лиц. На средства из архиерейской казны покупали продукты для подношений: 30 января было «послано к воеводе Григорию Григорьевичю Пушкину на новоселье колачей на гривну» (л. 21 об.); 8 февраля «дяку Петру Новокшенову на новоселье несено хлеб да колачей на четыре алтына на три деньги» (л. 22 об.); 7 марта купили на 7 алтын семги, которую отнесли «на новоселье князю Ивану Ивановичю Одоевскому» (л. 25 об.).

Во-вторых, известно, что пострадал кафедральный собор во имя св. Софии. Сведения о ремонте этого храма в приходе-расходной книге лаконичны: 4 ноября 1612 г. «к церкви к Софеи» был куплен замок (л. 4); 10 ноября каменщик Томил Москвитин получил рубль за то, что он «в церкви Софеи мост делал да алтарь подельывал» (л. 5 об.); плотник Данил получил полтину за то, что «делал в церкви Софеи брусье» (л. 15 об.). Придел во имя Иоанна Предтечи, вероятно разрушенный и разграбленный, освятили 11 июня 1613 г. (л. 37 об.).

В-третьих, приведем сведения о восстановлении облачения архиепископа Сильвестра. Из приведенной выше отписки Вологодского владыки известно, что он был в плену. Судя по всему, он лишился своего облачения и атрибутов архиерейской власти. Предположим, что какие-то одежды сняли с его плеч, а что-то было украдено из ризницы архиерейского дома. В ноябре и декабре 1612 г. зафиксированы следующие траты: в ноябре за алтын «посох архиепископль выкуплен» (л. 2 об.); 7 ноября делали пуговицы «на шубу на архиепископлю» (л. 5); 8 декабря «на архиепископлю шапку» купили камки «двоеличные» (л. 10 об.–11); 10 декабря купили шелк «у архиепископли полсти круги нашивати» (л. 11); в декабре протодьякон Иван «знаменил святыя на архиепископлю шапку», а также была сделана «архиепископля печать серебряная, пошло серебра двенатцать алтын», купили «плащ серебряной, на нем Спасов образ» за 9 алтын. Работы по изготовлению «шапки» и печати выполнялись серебряником Василием и его артелью, им заплатили 2 рубля 25 алтын (л. 13–13 об.). Наконец, 22 декабря в Ярославле была куплена «зендень тьмо-зелена на архиепископа» (л. 14 об.) и 9 января приобрели «болван под архиепископлю шапку» за 7 денег (л. 18).

В-четвертых, приходе-расходная книга содержит сведения о поездке архиепископа Сильвестра в Москву. Как известно, 26 октября 1612 г. Москва была освобождена от поляков и в ноябре были разосланы от имени князя Д.М. Пожарского и князя Д.Т. Трубецкого

грамоты по многим городам с предписанием прибыть в Москву для выборов царя [10, с. 1–2]. Сведения о приезде гонца из Москвы в Вологду находим в приходо-расходной книге: «Ноября в 27 день приеждал с Москвы от бояр з богомольною грамотою, как государь Богу поручил Московское государство, Борис Семенович Дворянинов, дано ему по архиепископлю приказу три рубли денег да людем его дано две гривны» (л. 8). Судя по следующим сообщениям источника, в Москву был приглашен архиепископ Сильвестр.

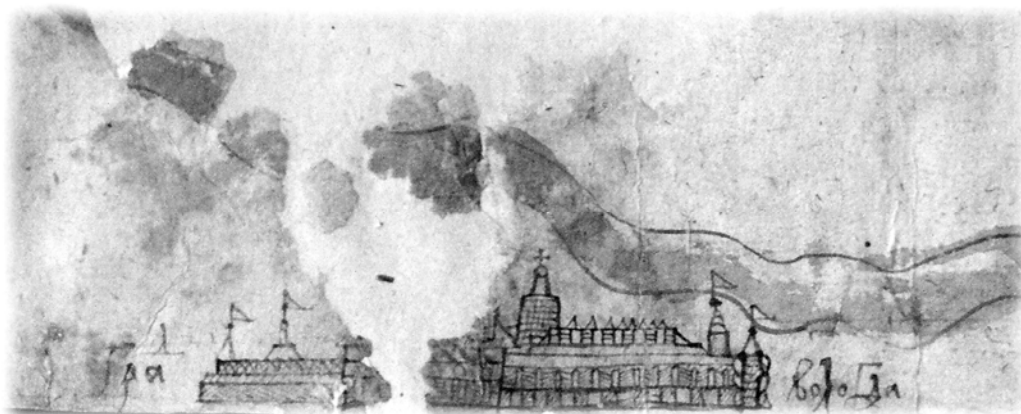
Предположим, что 30 ноября сын боярский Любим Столбицкий уехал провожать до Ярославля гонцов из Первопрестольной и одновременно разведал обстановку (л. 9). Вероятно, после его возвращения через какое-то время в дорогу отправился и сам архиепископ Сильвестр. Точной даты отъезда Владыки в источнике не зафиксировано. Так, 29 декабря 1612 г. к «государю архиепископу Селивестру в келью» отнесли 70 рублей (л. 15 об.), а 12 января 1613 г. уже была «куплена бочка щучины живосольные к архиепископу к Москве» (л. 19 об.). Предположим, что в январе 1613 г. Вологодский архиепископ уехал в Москву для участия в соборе. Запись, свидетельствующая о возвращении свиты архиепископа, была сделана 8 февраля 1613 г.: «сыну боярскому Сидору Аврамьеву дано три рубли пять алтын полпята деньги, что оне издержали себе на харчы, с Москвы едучи до Вологды дватцати дву человеком да на конской корм на сено и на овес 25 лошадей (л. 22 об.).

7 февраля 1613 г. на царство был выбран Михаил Федорович Романов, а 21 февраля он был торжественно провозглашен царем. 14 апреля на еще одном заседании собора было предложено принести присягу новому царю и написать «утверженную» грамоту [10, с. 2]. На обратной стороне этого документа восьмой стоит подпись Вологодского владыки Сильвестра с титулом «епископ Корельский и Ореский» [10, с. 75]. Такое титулование обусловлено тем, что этот иерарх после взятия шведами Орешка был вынужден покинуть этот город весной 1611 г., и был переведен в Вологду, в которой к этому времени не было правящего архиерея. Предыдущий архиепископ Иоасаф II скончался 3 июня 1609 г. [8, стб. 731].

О пребывании архиепископа Сильвестра в Москве в течение зимы, весны и лета 1613 г. свидетельствуют следующие сообщения источника. Так, 15 февраля купили «на архиепископа к Москве рыбы семги <...> семнатцать пуд», «два ведра рыжиков малых». Для переезда этих припасов к Москве был нанят извозчик, которого сопровождал Любим Столбицкий (л. 23 об.). 3 марта архиепископу в Моск-

ву купили «икры нелмушыи пуд» (л. 24 об.), а 8 марта сын боярский Иван Аулов отправился к «государю архиепископу к Москве з запасом» и получил на дорогу «людем и лошадем на корм» 2 рубля 13 алтын 2 деньги (л. 26). В Москву Вологодскому владыке отправляли не только продукты, но и деньги: 15 марта с Федором Денисьевичем Беседным переслали 30 рублей (л. 26 об.). Архиерейские дети боярские Борис Патрекеев и Иван Стефанов «с товарищи» вернулись в Вологду из Москвы 13 апреля (л. 32 об.–33). В июне к архиепископу отправили «полоть мяс свиных», пять лососей и «телегу-двоеколку» (л. 36 об., 37, 39). Сведений о том, когда архиепископ Сильвестр вернулся в Вологду нет.

Кроме приведенных выше сведений приходо-расходная книга 1612/13 г. содержит обычные для этого вида документа данные: записи о выдаче жалованья, о покупке продуктов «про обиход» (рыба, мед, масло и т.д.), о приобретении мелких вещей (сапоги, скатерть, ткани и проч.). Замечу, что несмотря на разорение Вологды и архиерейского дома, традиции остались в силе. Так, на Рождество Христово «в роздачу приказным» купили четырех зайцев и четырех гусей (л. 14 об.). Подчеркну, что если бы не было известно из других источников о разорении Вологды в конце сентября 1612 г., то на основании только этого документа было бы весьма затруднительно судить об этом событии, поскольку приведенные выше сведения о строительстве и других тратах являются типичными. Пожалуй, обратили бы на себя внимание только записи о покупке изб и корении бревен.

О военном положении Вологды в последующие месяцы свидетельствуют данные о тратах, связанных с сопровождением: 18 апреля 1613 г. наняли казаков «провадити в село Ивановское ячмень, горох, коноплю, дано им полполтины, да от лотки два алтына дано» (л. 33). Военные также получали содержание: в июне 1613 г. «дано

ясовулу Якову Поликарпову в корм на неделю с архиепископли вотчины и с прилуцкие четыре рубля девять алтын. В тех деньгах за их руками отпись взята. Да атаману Андрею Шилову с товарищы на неделю» (л. 39 об.).

Бюджет Вологодского архиерейского дома в основном пополнялся за счет сбора вечных пошлин и церковной дани. В конце книги подведен итог доходам: «И всего архиепискупа Селиверста Вологодцкого и Великопермского данных и вечных пошлин и дворовую поставку всяких денежных доходов в приходе по книгам казначея попа Никона пятьсот шестьдесят пять рублей тритцать два алтына с полденьгою» (л. 85 об.–86). В целом приходе-расходная книга свидетельствует о том, что даже в тяжелые годы жизнь в Вологде и уезде не замирала: по прежнему люди играли свадьбы, покупали еду, получали жалованье. Вскоре город отстроился и в последующие десятилетия XVII в., благодаря своему географическому положению, стал одним из торговых и культурных центров Русского Севера (изображение Вологды на карте XVII в.⁶ – Рис. 1).

1. *Безроднов В.С.* Вкладная и кормовая книга Коряжемского Никольского монастыря // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22).
2. *Бунаков Н.* Историко-статистические материалы. Вологда в начале XVII в. (продолжение) // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1857. № 36.
3. *Гневашев Д.Е.* Двор Вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции, Вологда, 20–21 июня 2000 г. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001.
4. *Гневашев Д.Е., Черкасова М.С.* Великокняжеские и царские жалованные грамоты Вологодскому архиерейскому дому XVI – начала XVII в. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 18. Вологда, 2011.
5. *Гневашев Д.Е., Черкасова М.С.* Жалованная грамота царя Михаила Федоровича вологодскому архиепископу Нектарию 1614 г. // Исторический архив. 2013. № 1.
6. *Коновалов Ф.Я.* О Вологде и вологжанах // Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.
7. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.
8. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
9. *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.
10. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила

⁶ НИОР РГБ. Ф. 711 (Собрание А.П. Гранкова). Оп. 1. Ед. хр. 178.

Федоровича Романова / Сост. С.А. Белокуров. М., 1906.

11. Черкасова М.С. Архиерейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. Рязань, 2012.
12. Черкасова М.С. Источники по истории Вологодско-Пермской епархии XVI – первой четверти XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. СПб., 2006.
13. Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

УДК 94(47).05

С.М. Шамин¹

Куранты 1697 г.: литературная составляющая делового документа²

Вести-Куранты; куранты; Петр I; «Ведомости»

В работе анализируются куранты 1697 г. Автор предпринимает попытку выявить в них литературную составляющую. Прослежена связь между курантами и первой общедоступной русской газетой «Ведомости».

Вторая половина XVII столетия стала для Московского государства временем, когда процесс европеизации политической элиты шел быстрее, чем в любой другой период его исторического развития. Эти перемены подготовили идейную основу петровских реформ. Для того чтобы лучше понять механизмы трансформации общества, необходимо, во-первых, по возможности глубоко, на микроуровне проанализировать факторы, способствовавшие усвоению русской знатью западной системы ценностей и европейских взглядов на окружающий мир, во-вторых, изучить как новшества, изначально предназначавшиеся только для политической элиты, со временем становились достоянием представителей других слоев русского общества.

Одним из важных факторов, влиявших на мировоззрение первых лиц российского государства, было знакомство с западной прессой. Обращаться к европейским газетам в Посольском приказе начали еще при царе Михаиле Федоровиче. Алексей Михайлович добился того, чтобы для него не реже, чем один–два раза в неделю составляли куранты – обзоры немецкой и голландской прессы. Уже при Алексее

¹ Шамин Степан Михайлович, ИРИ РАН, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ВГИК (РФ, Москва), к.и.н., shaminy@yandex.ru.

² Исследование подготовлено при поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00483.

Михайловиче отмечались случаи зачтения курантов боярам. Понять, насколько регулярной эта практика была при втором государе династии Романовых, невозможно, но при его детях, начиная с Федора Алексеевича, постоянное зачтение курантов на заседаниях Боярской думы стало частью повседневности. Еще четверть века спустя царь Петр Алексеевич приказал куранты публиковать, положив тем самым начало общедоступной газете «Ведомости».

Эволюция курантов – от случайных переводов к регулярно составляемым обзорам и от исключительно государева достояния к предмету массового использования – представляется очень естественной и уже не раз анализировалась в трудах ученых. Однако одна из сторон изучаемого процесса оказалась вне поля зрения исследователей. Дело в том, что общедоступная газета это средство не только информирования, но и развлечения читателя. Между тем в курантах развлекательная составляющая была выражена очень слабо. Задача составителей курантов в их «классическом» виде состояла в информировании руководства России о новостях политической жизни Европы. Это становилось серьезным барьером для проникновения курантов в обиход широких слоев грамотного населения, ведь для обычного русского человека второй половины XVII столетия перипетии борьбы между Нидерландами и Францией, поездки английских или датских послов, отставки/назначения шведских должностных лиц и т.д. не представляли интереса. Если взять в качестве примера куранты периода правления царя Федора Алексеевича, то материалы, которые можно было бы назвать «курьезными» – описание чудес, природных катаклизмов, пышных церемоний и т.д., – встречались, хотя и не в качестве исключения, но все же редко. Их основную массу составляли короткие сообщения в одну фразу. За все годы правления Федора Алексеевича их не наберется и сотни, хотя эпидемии и появление кометы 1680–1681 гг. создавали хорошую почву для ярких публикаций [1, с. 247-254]. К слову сказать, именно на такие материалы приходятся случаи, когда тексты курантов выходили за пределы приказов и попадали в рукописную книжность.

Понять, как документ Посольского приказа постепенно превращался в газету, помогают куранты 1697 г.³ Они долгое время находились на периферии внимания ученых, поскольку для исследователей «Ведомостей» это еще слишком раннее время, а для тех, кого куранты интересовали в качестве явления XVII столетия, 1697 г. – слишком позднее. Кроме того, 1697 г. был в Москве временем относительного

³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13.

«политического затишья» – в войне с Османской империей после взятия Азова наметилась пауза, интенсивность боевых действий на этом направлении существенно снизилась, а центр дипломатической и информационной активности перенесся в Великое посольство [2].

Скорее всего, именно отсутствие военно-политических потрясений и привело к тому, что куранты местами начали приближаться по своему характеру к четким рукописным сборникам. Можно предположить, что переводы относительно больших по размеру «куръезных» публикаций вносили разнообразие в управленческую рутину заседаний Боярской думы⁴.

Первый «куръезный» материал отмечен еще в феврале, до отъезда Великого посольства. В составе известий из Варшавы видим объемный материал (более 700 знаков в современном наборе) о том, как иезуитам явилась душа недавно погибшего хорунжего Христофора Радецкого и оставила сообщение для своего брата, которого призывала к любви, постоянству и готовности встретить «мучительства». Кроме того, душа открыла множество тайн, о которых, однако, запретила рассказывать посторонним. О посмертной жизни почившего короля душа отвечала «сумнительно», поскольку он «невозлюбим бе вышайшему»⁵. Рассказы об участии грешников были любимым чтением русских книжников [3, с. 153].

В сводке курантов от 20 мая⁶, составленной уже после отбытия Великого посольства, вновь встречаем чудеса, однако уже не польского, а французского происхождения. Судя по содержанию статьи, с вестями из потустороннего мира на этот раз столкнулся французский король. В соборе св. Дионисия внезапно, из ниоткуда, возникла рука, которая старательно намекала служителям на желание писать, а получив перо и бумагу, оставила послание с призывом заключить мир. К глубокому удивлению, король узнал в этом сообщении руку своей матери. Рассказ о чудесном откровении покойной королевы был дополнен известиями о гермафродите и некоем «чуде», пристававшем к королю во время прогулок в Фонтенбло. Это сообщение, составившее более 1 тыс. знаков в наборе, крайне интересно тем, что входило в состав сводки, размеченной знаками «+» для составления выписок, направляемых в Великое посольство царю. Для выписок отметили

⁴ Здесь надо сразу оговориться, что в означенный период куранты составлялись для Боярской Думы, а для самого Петра I из них делали сокращенные выписки, так что мы не всегда знаем, с чем знакомились только члены Думы, а что доходило еще и до царя.

⁵ Там же. Л. 90–91.

⁶ Там же Л. 255–256.

почти все материалы сводки, однако именно «чудесная» часть в выписки не попала. Таким образом, чудеса были развлечением для бояр, а не для Петра I.

Не обходили составители курантов и новости о чрезвычайных природных явлениях. В июньских сводках курантов дважды попадают материалы о бурях. Одна из них свирепствовала недалеко от Берлина, снеся крыши, выбив окна, выворотив деревья, а также погубив урожай в поле и множество скотины. Необычно крупный град специально возили в Берлин для взвешивания⁷. Аналогичное, хотя и более краткое сообщение пришло «от Мозели реки»⁸. В этой сводке тему происшествий продолжил пожар в Стокгольме⁹. «Метеорологическая» составляющая присутствует и в позднейших сводках. Среди них наиболее любопытны известие о страшном вихре в Смоленске, начавшийся со столкновения черного и белого облаков, от чего на землю пал огонь, повредивший городские стены и валы, а также принесший иные бедствия, смерти и разрушения¹⁰, новость об огненных ядрах в небе над Османской империей и сотрясающие ее землетрясения, которые истолкованы в качестве пророчеств¹¹, сообщения об извержении вулкана¹², половодье¹³, комете¹⁴ и др.

Крупный блок в курантах 1697 г. составили описания церемоний. Разумеется, эта тема для курантов не уникальна. В материалах периода правления царя Федора Алексеевича выявлено 24 более или менее полных сообщений. Однако по своему объему эти тексты несопоставимы с тем, что мы имеем в курантах 1697 г. Так, за 1676–1677 гг. общий объем информации составил 4213 знаков в шести сообщениях, за 1678–1679 гг. – 2371 в двух сообщениях (сохранность источника за эти годы хуже, чем за предыдущие и последующие), за 1680–1681 гг. – 8654 знака в двенадцати сообщениях. Однако если мы возьмем из курантов 1697 г. только материалы о короновании польского короля из одной единственной сводки за 12 октября, то их объем составит около 14 тыс. знаков¹⁵. А между тем в куранты добав-

⁷ Там же Л. 307.

⁸ Там же Л. 318.

⁹ Там же Л. 319.

¹⁰ Там же Л. 515.

¹¹ Там же Л. 715–716.

¹² Там же Л. 627.

¹³ Там же Л. 691.

¹⁴ Там же Л. 718.

¹⁵ Там же Л. 515–535.

лены обширные описания въезда польского короля во Львов¹⁶, королевское послание¹⁷, послания других участников борьбы за польский престол¹⁸. Разумеется, большие по объему описания польского церемониала, а также церемониала других стран, выполнялись в Посольском приказе и ранее, однако в куранты они не включались.

Большое внимание составители курантов уделяли участникам Великого посольства. Уже в куранты за 4 мая включили полный перевод листового издания (около 3 тыс. знаков) с панегириком участникам Великого посольства, который составил Христиан Борнманн, придворный поэт герцога Курляндского¹⁹. Судя по акцентным знакам и разбивке на строки, переводчик попытался передать стихотворную часть текста именно стихами, хотя адекватно воспроизвести поэтические изыски немецко-латинско-греческого оригинала у него явно не получилось. В куранты от 20 сентября включили целых три описания торжеств по поводу прибытия Великого посольства в Амстердам (более 4,5 тыс. знаков)²⁰. Члены Боярской думы могли узнать по ним, как государь под гром салютов подъезжал к Амстердаму на корабле, встрече с первыми лицами города, торжественном шествии по Амстердаму, познавательных поездках по городу. Не остались без внимания и развлечения: «На месте зрелища было чарование и различные балеты танцованы, после того была музыка, на пир овощи поставлены, и после того игралища отправлено от людей на то назначенных». Узнали московские читатели о посещении арсенала, верфи Ост-Индской компании, торжественном обеде под музыку. Особо подробного описания удостоился посвященный русским гостям фейерверк. Позднейшие торжества, к примеру, прибытие в Гаагу²¹, также попадали на страницы курантов.

Отдельно необходимо сказать о текстах, посвященных боевым действиям. На всем протяжении истории составления курантов они составляли абсолютное большинство включаемых в сводки материалов. С данной точки зрения в курантах 1697 г. ничего не изменилось. Однако и в этих материалах общая тенденция усиления «четьей» составляющей нашла свое отражение. Дело в том, что если говорить строго об информационной внешнеполитической составляющей, то в сообщениях о военных действиях значение имеют данные о числен-

¹⁶ Там же Л. 425–427.

¹⁷ Там же Л. 612.

¹⁸ Там же Л. 682, 730.

¹⁹ Там же Л. 222–226.

²⁰ Там же Л. 450–457.

²¹ Там же Л. 606–609.

ности войска, его передвижениях, победах и поражениях, числе убитых и раненых, захваченных и потерянных населенных пунктах и т.д. Подробности же хода боевых действий для выработки внешнеполитической стратегии значения не имеют. Именно поэтому статьи курантов по военной тематике обычно довольно коротки. В материалах 1697 г. кроме традиционно кратких публикаций присутствуют и весьма обширные материалы. К примеру, «Подлинное объявление, что августа з 22-го числа по 13-е числа сентября меж христианскими и турским войском учинилось. Писано из обозу при Центе сентября 13-го числа 1697-го году»²² составило почти 7,5 тыс. знаков. Тем не менее к нему в той же сводке курантов добавили подробное описание убитых, раненых и трофеев. Слова о том, что турок «потонуло великое множество, так что трупы в реке лежали, на которые можно было доски класть и ездить через реку», создавали у читателя яркий образ, но ничего не прибавляли к приведенным выше цифровым данным о потерях султана.

В итоге мы видим в каком-то смысле парадоксальное явление. С одной стороны, в курантах 1697 г. вроде бы нет ничего принципиально нового, поскольку о чудесах, стихийных бедствиях, церемониях, сражениях в них писали всегда. Относительно объемные брошюры и летучие листы также время от времени переводились в Посольском приказе. С другой стороны, заметное увеличение как числа, так и объема «куръезных» текстов развлекательно-познавательного характера именно внутри курантов, приближало куранты к газете. Так служащие Посольского приказа постепенно набирали навыки, которые окажутся необходимыми позднее, при издании общедоступных «Ведомостей». Это изменение характера курантов лучше всего отражает ошибка в помете, допущенная приказным служащим, который записал «Такова книга послана чрез почту за приписью дьяка Андрея Виниюса» и лишь позднее исправил слово «книга» на «грамота»²³. Митавский панегирик Борнманна и описания битвы при Зенте мы встречаем не только в курантах, но и рукописных сборниках [4, с. 271, 300–302], что подтверждает четкий характер этих материалов.

1. *Шамин С.М.* Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4.
2. *Гуськов А.Г.* Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприя-

²² Там же. Л. 536–546.

²³ Там же. Л. 697.

- тия. М., 2009. Вып. 5.
3. *Алпатов С.В.* «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII-XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1-2.
 4. *Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

УДК 94(47).048

О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин¹

Сельские церковные приходы в вотчине Спасо-Каменного монастыря в XVII – начале XVIII в.²

История Русской православной церкви; Русский Север; Вологодская епархия; церковные приходы; Спасо-Каменный монастырь; источниковедение.

Статья посвящена изучению церковных приходов Спасо-Каменного монастыря по материалам окладных книг Вологодского архиерейского дома; показана эволюция церковной дани, взаимосвязи в триаде «община-волость-приход».

Изучение сельского населения России в XVII в. традиционно рассматривается исследователями комплексно, в тесном переплетении владельческих, общинных и духовных начал [5, с. 19, 21, 23; 7, с. 226–228; 14, с. 137, 140; и др.]. В монастырских вотчинах Русского Севера также существовали устойчивые взаимосвязи внутри сельского сообщества, отражающие одновременно систему сеньориального управления, церковно-приходскую организацию и общинное крестьянское самоуправление [1, с. 18–19]. Подробные сведения о функционировании крестьянской общины и организации сеньориального управления в вотчинных комплексах Спасо-Каменного монастыря содержатся только в описи 1701 г. [9, с. 137–200]. Сведения о церковных приходах во владениях этой обители слабо отражены в хозяйственной документации. Орывочные сообщения о приходских центрах встречаются в актовом материале и писцовых книгах, а более развернутые и подробные данные содержатся в окладных книгах вологодских архиереев.

Окладные книги русских средневековых архиерейских кафедр еще недостаточно исследованы [10, с. 217–228; 16, с. 133–144; 17, с. 55–58;

¹ Адаменко Ольга Николаевна, Вологодский институт бизнеса (РФ, Вологда), к.и.н., aonvgru@yandex.ru; Башнин Никита Викторович, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., nvbashnin@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

3, с. 109–121; 4, с. 55–60] и практически не опубликованы [6]. В 1860-х гг. Н.И. Суворову было известно 20 окладных книг Вологодского архиерейского дома с 1618 г. по 1719 г. включительно: 14 за первую половину XVII в., 5 за вторую и 1 за XVIII в. [11, с. 597]. Окладная книга 1691 г. была частично опубликована Н.И. Суворовым в 1865 г. [11, с. 600–602; 12, с. 649–653; 13, с. 813–823]. В настоящее время продолжена работа по выявлению и систематизации окладных книг Вологодского архиерейского дома св. Софии. На данный момент в ГАВО-2, СПИ ВГИАХМЗ, Архиве СПбИИ РАН [3, с. 109–121] и ОР РНБ учтено 11 рукописей: 1617/18, 1626, 1628/29, 1638, 1646–1648, 1668, 1671, 1675–1677, 1691, 1702/03 и 1724 гг.³ Окладные книги Вологодского архиерейского дома содержат сведения о приходских церквях в составе отдельных волостей и вотчин, в них обозначены размер оклада и виды церковной дани, имена церковнослужителей, в отдельных случаях – число деревень в каждом приходе, площади церковных пашенных земель. На основании данных источников проанализируем территориальное и демографическое соотношение между приходом и крестьянским миром, проследим эволюцию церковной дани на протяжении XVII в.

В вотчине Спасо-Каменного монастыря в данный период располагалось 7 сельских церковных приходов: в Первой половине Вологодского уезда – церквей Николая Чудотворца, Покрова Богородицы, Ильи Пророка, Воскресения Христова, Николая Чудотворца, а в Заозерской половине – церквей Воздвижения Креста Господня, Козмы и Дамиана. Приходские центры с указанными церквями располагались соответственно в селах Никольском (Отводном), Пучке, Дуравине (Понарьине), Воскресенском (Шоме), Святой Луке, Воздвиженском в Засодимье, Дубленом (Кихти). Количество церковных приходов во владениях Спасо-Каменной обители было максимальным для монастырских вотчин Вологодского края в этот период. Аналогичное число приходских церквей располагалось только еще в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря. У Корнильева Комельского монастыря имелось 5 церковных приходов, Николаевского Озерского – 4, в вотчинах Пав-

³ ГАВО-2. Ф. 883 (Н.И. и И.Н. Суворовы). Оп. 1. Ед. хр. 8; ГАВО-2. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 14; ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Ед. хр. Q. II. 105; ГАВО-2. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 16; ОР РНБ. Ф. 550. Ед. хр. Q. II. 106; ГАВО-2. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 42; ГАВО-2. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 45; ОР РНБ. Ф. 550. Ед. хр. Q. II. 107; ГАВО-2. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 89; СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. 2161; Архив СПбИИ РАН. Кол. 238 (Коллекция Н.П. Лихачева). Оп. 2. Картон 318. Ед. хр. 3.

ло-Обнорского, Дионисиева Глушицкого и Лопотовой обителей – по 2 прихода, Иннокентиева монастыря – 1 приход [13, с. 821–823].

Вышеуказанные приходские церкви отмечены в дозорной книге 1615 г. как «строење мирское тутошных крестьян»⁴. Новые храмы, в том числе каменные, возводили на том же месте силами общины и на ее средства [8, с. 38–45]. Так, в 1673 г. прихожане ц. Покрова Богородицы во главе с попом Марком и строителем Сергийком Григорьевым обращались с челобитной к архиепископу Симону о даче благословенной грамоты на постройку нового храма в с. Пучке в честь Рождества Христова «на погорелом месте» храма Иоанна Богослова⁵. На протяжении XVII в. белое приходское духовенство и церковные причетники проживали в кельях при церквях или на монастырских дворах. Только в последней трети XVII в. наблюдается процесс выделения церковной пашни и, как следствие, переселение причта из домениальных сел в отдельные «поповские» деревни. При церквях были построены и кельи для нищих, которых поддерживала крестьянская община («кормятца в мире»).

В приходной книге церковной дани Вологодского архиерейского дома 1627/28 гг. отмечено, что приходские священники сельских церквей Каменного монастыря платили в архиерейскую казну следующие виды дани: «в софейскую церковную кровлю гривну», «да за плаун-траву гривну»⁶. При этом вторая часть платежа не взималась с заозерского Козмодемьянского и Никольского Святолуцкого приходов. Конкретные денежные выражения «церковной дани» и «данских пошлин», фиксируемые для других приходов Вологодского уезда, для сельских церквей Спасо-Каменного монастыря не обозначены.

В окладной архиерейской книге 1647/48 гг. описано 7 церковных приходов, более 64 деревень⁷ и 258 дворов в вотчине Спасо-Каменного монастыря⁸. При сравнении этих данных с переписной книгой 1646 г., выявляется явное несоответствие: в переписи отмечено 108 деревень и в них – 429 крестьянских и бобыльских дворов. Вероятно, окладная книга 1647/48 гг. фиксирует не все поселения вотчины, часть из них могла относиться к другим приходам. Так, в XVIII–XIX вв. поблизости от приходских церквей Каменской вотчины располагалось 13 храмов, также бывших центрами приходской жизни

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 59.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 117. Оп. 1. № 1017. Ст. 1.

⁶ ГАВО-2. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 6. Л. 39, 45, 46 об., 49 об., 60 об., 61.

⁷ В книге нет данных по приходу святолуцкой церкви Николая Чудотворца.

⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. №. 106. Л. 96–98.

[15, с. 69–71; 2, с. 189–190].

При фиксации оклада церковной дани в окладной книге 1647/48 гг. употреблялась формула «вместо хлеба». Это означает, что вплоть до середины XVII в. с приходских церковей Спасо-Каменного монастыря все еще взималась натуральная дань, т.е. денежные отношения в вотчине в эту эпоху по-прежнему были крайне слабо развиты. Для других вологодских монастырей такой оговорки в окладной книге нет. Значит, натуральный характер хозяйства Каменного монастыря, в том числе и его приходских центров, отразился даже в сфере внутри-епархиального налогообложения. Поэтому в середине XVII в. продолжался процесс коммутации церковной дани, налагаемой Вологодским архиерейским домом, из натуральной формы в денежную. Здесь нужно заметить, что собственно монастырская рента в этот период продолжает оставаться исключительно натуральной.

Следующий хронологический срез для изучения – 1670-е гг. Окладная книга 1675/76 г. отличается развернутым описанием церковного хозяйства⁹. Большое количество дворов (160) отмечено в приходе церкви Николая Чудотворца в Отводном, здесь же находился и самый крупный церковный домен – 11 четвертей ржи в одном поле. Заметны существенные изменения в характере церковного оклада в приходе Святой Луки. Если в 1647/48 г. там высевалось 3,5 четверти ржи (в одном поле, а в два потому же), то в 1675/76 г. пашня не обрабатывалась. При этом оклад несколько возрос (от 140 до 180 денег). В тексте отражено прямое свидетельство источников содержания попа и причетников в своей волости: «церковной пашни и сенных покосов у него, попа, с причетники нет, берут-де с прихожан хлебную ругу, кто что даст, а не окладом». Руга при этом не была регламентирована. Причины отсутствия церковной земли в 1670-е гг. в окладной книге не отмечены. Сравнение с переписной книгой 1678 г. показывает, что теперь (в отличие от 1640-х гг.), в окладных книгах Вологодского уезда по вотчине Спасо-Каменного монастыря максимально полно отражено крестьянское население. Разницы между сведениями этих двух источников нет (по 457 дворов в обеих книгах). Получается, что приходская община и крестьянская община-мир совпадают.

Окладная книга церковной десятины 1691 г. отмечает в вотчине Спасо-Каменного монастыря те же 7 церковных приходов [13, с. 821]. Судя по размерам церковной десятины (2 руб. 4 коп. и 2 руб. 32 коп.), самые крупные приходы располагались в Сямской волости (в селах Отводном и Пучке соответственно). Десятина с остальных приход-

⁹ ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 107. Л. 120–123.

ских церквей составляла от 1 руб. до 1 руб. 78 коп.¹⁰ По окладной книге 1702 г. в вотчине монастыря насчитывается те же 7 приходов, церковная десятина осталась неизменной с 1691 г.¹¹ В окладной книге 1724 г. размер собственно церковной десятины тот же, но общий платеж церковной дани с приходов с учетом «богаделенных», «сверх окладу», «тиунских», «полоняничных» и платежей «в полки попам» существенно увеличился¹².

При изучении материалов окладных книг в монастырских вотчинах нами не было выявлено зависимости раскладки церковной дани от таких факторов, как количество деревень, дворов и прихожан в них, от размеров пашенных угодий. Возможно, это было следствием сохранения традиционных сумм платежей для монастырей в рамках обычного права и стабильности жизни в монастырских вотчинах.

На протяжении второй половины XVII в. церковно-приходская сеть вотчины Спасо-Каменного монастыря сохраняет свои очертания, однако, в процессе увеличения количества поселений и дворов в них в этот период число прихожан постоянно росло. Это происходило, вероятно, и в результате отнесения уже существующих окрестных деревень к приходам ближайших церквей. Окончательно этот процесс был завершён только к концу 1670-х гг., когда все крестьянское население вотчины стало облагаться церковной архиерейской данью в рамках своих общин-волостей-миров.

В результате изучения крестьянской общины и сельского прихода в рамках существующих вотчинных комплексов монастыря в XVII в. выясняется, что в целом они совпадали как территориально, так и демографически. Приходских церквей количественно было меньше, чем вотчинных сел, что привело к соединению в одном приходе нескольких крестьянских миров. В свою очередь, и некоторые вотчинные комплексы монастыря включали не одно, а два-три села. Но это не нарушает общую концепцию соотношения этих микро-структур в системе севернорусской триады «община-волость-приход», наличие традиционного единства между системой владельческого управления, крестьянским миром и церковным приходом.

1. *Адаменко О.Н.* Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках: автореф. дисс. ... к.и.н. Архангельск, 2008.

¹⁰ Церковь Воздвижения – 1 руб. 78 коп., церкви Воскресения и Козьмодемьянская – по 1 руб. 20 коп., церковь Николая Святолуцкая – 1 руб. 13 коп., церковь Ильи Пророка – 1 руб. церковной десятины.

¹¹ СПИ ВГИАХМЗ. № 2161. Л. 69–70 об.

¹² Архив СПбИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Картон 318. Ед. хр. 3. Л. 42 об.–43 об.

2. *Адаменко О.Н.* Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках: дисс. ... к.и.н. Череповец, 2008.
3. *Башнин Н.В.* Документы по истории Вологодской епархии в первой четверти XVIII века из коллекции Н.П. Лихачева // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 71. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). СПб., 2014.
4. *Башнин Н.В.* Приход как объект налогообложения (по окладным книгам Вологодского архиерейского дома XVII – начала XVIII в.) // Вопросы теории культуры. Научные труды. Российская академия художеств. Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Вып. 31. Октябрь/декабрь. 2014.
5. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912.
6. Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. / Сост. А.И. Цепков. Рязань, 2004. Кн. 1–2.
7. *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
8. *Мильчик М.И.* Приходская церковь и крестьянская община на Архангельском севере в XVII в. // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен / Гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2002.
9. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Отв. ред. М.С. Черкасова. Вологда, 2011.
10. *Соколова Н.В.* Окладные книги как источник для изучения социальных микроструктур нижегородской монастырской деревни 60–90-х гг. XVII в. // Лествица. Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П. Макарихина. Нижний Новгород, 2005.
11. *Суворов Н.И.* Несколько статистических и топографических сведений о Вологодской епархии от начала XVII столетия до настоящего времени // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. Прибавление. № 15.
12. *Суворов Н.И.* Несколько статистических и топографических сведений о Вологодской епархии от начала XVII столетия до настоящего времени // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. Прибавление. № 16.
13. *Суворов Н.И.* Несколько статистических и топографических сведений о Вологодской епархии от начала XVII столетия до настоящего времени // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. Прибавление. № 21.
14. *Тимошенкова З.А.* Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII вв. Псков, 1999.
15. Церковно-исторический атлас Вологодской области: в 2 т. / Сост. Т.М. Македонская. Вологда, 2007. Т. 1.
16. *Черкасова М.С.* Архиерейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
17. *Шамиурин А.В.* Окладные книги церковью Вологодской епархии 1628–

1629 и 1676–1677 гг. как источник по приходской жизни на Севере России // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийского научно-практического совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников (Ферапонтово, 27–29 мая 1993 г.). Б.м., 1993.

УДК 94(47)

Т.С. Романюк¹

**Распространения староверия на территории Яицкого
войска (1670 – 1700-е гг.)²**

Староверие; беглопоповцы; Яицкое казачье войско; Казанская и Свияжская епархия.

В статье дается обзор основных внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на распространение староверия на территории проживания яицких казаков, их взаимоотношения с епархиальными властями и появление первых старообрядческих проповедников в войске.

Прибывшие на р. Яик после 1586 гг. волжские казаки положили начало Яицкому войску [5, с. 57]. С собой они принесли демократический уклад казачьей общины. Необходимость государства иметь военные формирования на границе с восточными народами вынуждала центральные власти не один век мириться с элементами административного, судебного, военного и даже церковного самоуправления в войске. Храмы на территории проживания яицких казаков находились в ведении Казанской епархии (в рассматриваемый нами период она именовалась Казанской и Свияжской епархией) вплоть до перевода их в Оренбургскую в 1817 г. [9, с. 4]. Точка зрения И. Сперанского о первоначальной подведомственности Яицкого городка Астраханской епархии [7, с. 17], на наш взгляд, является малоубедительной. Можно предположить, что выводы автора стали результатом путаницы Яицкого городка и яицкого Гурьева городка, на что указывал еще Н.М. Чернавский. Так как Гурьев действительно находился в ведении

¹ Романюк Татьяна Сергеевна, Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина. (РФ, Екатеринбург), tatiana.s.romaniuk@gmail.com.

² Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Астраханской епархии [8, с. 148 (сноска)].

За счет удаленного положения от Казани первые церкви на Яике были в большей зависимости от казачьей общины, нежели от занимавших кафедру иереев. Вопрос о времени и месте появления первых храмов вызвал дискуссию среди историков во второй половине XIX – начале XX вв., но, за отсутствием документальных подтверждений, так и не был разрешен [1; 2; 6, с. 138; 4, с. 347-348]. Самые ранние известные нам сведения о яицких церквях относятся ко второй половине 80-х гг. XVII в. Вероятнее всего, после пожара 1685 г. в войске имелось три храма: митрополита московского Алексея («Кирсановская»), Михайло-Архангельская и Петропавловская³ [4, с. 347]. Четвертая церковь – Спаса Нерукотворного в Гурьеве городке – находилась, как уже было отмечено, в ведении Астраханской епархии.

Главным храмом в войске был Михайло-Архангельский собор, протопоп которого должен был следить за выполнением обязанностей духовенством и посещением храмов прихожанами [7, с. 17; 9, с. 8]. На практике же все обстояло иначе. Священнослужители не только не подчинялись Казанской и Свияжской епархии, но и сами иногда призывали местное население оказывать сопротивление гражданским властям и стоять «за старую веру». Так, даже гораздо позднее, в 1752 г. епископу Луке (Конашевичу) пришлось вернуть в войско снятых с должностей за приверженность к старой вере священников Михайло-Архангельского собора Дионисьева и Артемьева, потому что более в войске служить было некому [4, с. 28-29]. Вообще, отсутствие священнослужителей было одной из важнейших проблем в Яицком войске. Вопреки желаниям и просьбам казаков, епархия не спешила ни с освящением храмов, ни с назначением священников. Нам известно о службе на Яике во второй половине XVII в. поставленных в Казани Герасима Нефельева (1657 – 1672 гг.) и Ивана Гурьева (1674 – 1686 гг.). Как сообщали казаки в 1688 г. митрополиту Казанскому и Свияжскому Адриану оба они умерли без покаяния, за неимением кому совершить этот обряд⁴ [3, с. 217; 4, с. 352]. В том же письме сообщалось, что после смерти Герасима Нефельева «наши братья (казаки – *T.P.*) многие без покаяния, а младенцы некрещеные померил» [3, с. 217].

Помимо прямого назначения из Казани, казаки могли сами приглашать священников на пустующие места. Очевидно, с этим правом было связано появление на Яике примерно в 1673 г. отлученного

³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 7. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3–4.

беглого попа Петра из Пошехонья, служившем в церкви в Кирсановской станице. Петр, видимо, стал первым старообрядческим проповедником в войске⁵. В 80-е гг. XVII в. в войске появился священник Алексей из Казанской епархии. В документах он фигурирует и под мирским именем Алексея и под черническим Андреяна⁶. По утверждению А.Б. Карпова черный поп получил место при Михайло-Архангельском соборе [4, с. 347]. На требования епархиальных властей выдать Петра и Алексея казаки отвечали отказом, ссылаясь на право приглашения священников и то, что «на... церковь, ... на... царей... от него священника Петра никакой хулы и расколу нет, а живет с смирением, не пьянствует» [3, с. 216]. Дальнейшая судьба Петра нам неизвестна, либо он бежал с Яика, либо был скрыт казаками от последующего розыска. Поп же Алексей (Андреян) первоначально был привезен под надзором донских и яицких казаков в Казань, откуда его должны были отправить в Москву⁷. Согласие яицких казаков на выдачу чернеца Андреяна представляет собой редкое исключение в истории войска. Казаки согласились выдать чернеца только после его отказа целовать крест на верность государям и патриарху [3, с. 269]. Принятие на Яике беглых попов было обусловлено, в первую очередь, необходимостью иметь священников, а не поголовной принадлежностью к старой вере населения. Служение Петра и Алексея в православных церквях по старым книгам, видимо, стало началом распространения данной практики просуществовавшей в войске более чем полтора века⁸.

Определенное влияние на формирование на Яике старообрядческого центра оказало неучастие казаков в волнениях на Дону в 1687-1688 гг. и в Астрахани в 1705-1706 гг. То, что на территории Яицкого войска не было учинено правительственных сысков, поспособствовало сохранению староверия и распространению его среди казачьего населения. На Яике не нашли отклика письма попа Самойла с Дона с призывом «чтобы не слушали ни царей, ни патриархов..., держались за веру старую» и встали «один за другого» против Москвы⁹. Не получили ответа на Яике, как, впрочем, и на Дону, и грамоты из Астрахани, в то время как терские казаки отправили к

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1689 г. Д. 7.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8030. Л. 5, 6 об.

⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 5а. Л. 71.

восставшим отряд и боевые припасы¹⁰. Незначительным упоминанием о причастности Яицкого войска к восстанию является «Грамота к войску Донскому...» из Астрахани, которая была засвидетельствована яицкими казаками Никитой Степановым и Терентием Лукьяновым¹¹. Но их присутствие являлось случайным обстоятельством и ни в коей мере не свидетельствует о настроениях на Яике. Малочисленность войска, несформировавшиеся еще «старшинская» и «народная» партии, незначительное имущественное расслоение и постоянная военная угроза со стороны кочевников стали причиной неучастия войска в волнениях на Дону и в Астрахани.

Слабость позиций официальной церкви и гражданских властей на территории проживания яицких казаков создали благоприятные условия для распространения староверия. Появление первых старообрядческих проповедников в 70-е гг. XVII в. позволяет нам считать Яицкое войско одним из ранних центров формирования староверия. Возможность ведения служб в церквях по старым книгам предопределила широкое распространение в войске беглопоповщины. В то же время, принадлежность казаков к приходам указанных церковью позволяла властям считать их последователями официального православия, и, в том числе, более полутора веков закрывать глаза на реальную религиозную ситуацию.

1. *Витевский В.Н.* Первая церковь в уральском войске. Б.м., Б.г.
2. *Витевский В.Н.* Сведения о православных и единоверческих церквях Уральского войска. Б.м., Б. г.
3. ДАИ. СПб., 1872. Т. XII. № 17.
4. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911. Ч. 1.
5. *Мининков Н.А.* Неизвестные страницы историографии похода Ермака: Ростовская рукопись // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI – XX вв. Новосибирск, 2003.
6. *Соколов А.В.* Церковь Уральского казачьего войска в XVIII-м столетии. (Исторический очерк церковного быта яицких казаков по архивным документам) // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1903 год. (седьмой год издания). Уральск, 1902.
7. *Сперанский И.* Ограничения церковного самоуправления Яицкого войска в прошлом столетии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 1.
8. *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Оренбург, 1900.
9. *Чернавский Н.* Учреждение Оренбургской епархии (1799 г.) и разделе-

¹⁰ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 1145. Л. 8, 14–17.

¹¹ Там же. Стб. 1148. Л. 5.

ние ее на Уфимскую и собственно Оренбургскую (1859 г.). Очерк по истории Оренбургской епархии. Оренбург, 1899.

УДК 9(470.3):271.22

А.О. Крылов¹

**«По чесому познати, аще кто волк есть, или добр человек?»
Кому был адресован и с какой целью был написан «Розыск
о раскольнической брынской вере» свт. Димитрия
Ростовского**

Димитрий Ростовский; Розыск; старообрядчество.

Автор показывает, что свт. Димитрий Ростовский, противодействовал распространению старообрядческих идей в своей епархии, прибегая к «положительной стратегии», укрепляя православную идентичность своей паствы.

В 1709 г. свт. Димитрий Ростовский завершил работу над обширным полемическим трудом, озаглавленным «Розыск раскольнической брынской веры». Полный текст его был напечатан лишь в 1755 г.² На полтора следующие столетия эта книга стала наиболее востребованной в полемике со сторонниками «старой веры», в первую очередь – для православных миссионеров [См.: 5, с. 4]. Так было, например, в 1714 г., когда митр. Иов Новгородский, в тщетной надежде переубедить одного из лидеров Выга, давал пребывавшему под стражей Семену Денисову читать список «Розыска» [9, с. 814]. Однако у нас есть основания предполагать, что изначальными адресатами труда Ростовского владыки были вовсе не убежденные сторонники «старой веры» или, как он именовал их в своем труде – «брыняне»³.

К началу XVIII в., в то время, когда свт. Димитрий прибыл на

¹ Крылов Алексей Олегович, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., kot165@post.ru.

² В статье текст приводится по изданию 1855 г., текст которого идентичен первому изданию 1755 г. и, в свою очередь, не отличается от авторизованного экземпляра «Розыска», хранящегося в РГАДА (Ф. 381. (РС Син. тип.) Оп. 1. Д. 352).

³ Этимология этого слова до сих пор должным образом не исследована. Существует две версии, возводящие «брынян» к Брынским лесам в Калужском уезде и к Рымским лесам в верховьях Керженца [См.: 6, с. 37]. Оба лесных массива в 1700-х изобиловали старообрядческими скитами. Вполне вероятно, что имела место контаминация двух топонимов. Впрочем, свт. Димитрий Ростовский в своем сочинении систематически именуется Брынью именно Заволжье.

архиерейство в Ростов, в его новой епархии, как и во многих других русских землях, сложилась ситуация своеобразного сосуществования двух религиозных культур. Многие из жителей России того времени, не вникая в суть событий Раскола, продолжали придерживаться тех обрядов, которые считали традиционными. Двуперстное крестное знамение легко могло сочетаться с посещением православного богослужения, люди, крещенные у старообрядцев, могли крестить своих детей у православных священников. Лишь немногочисленные сознательные православные и старообрядцы, имевшие значительные познания в религиозных вопросах, могли четко увидеть и сформулировать разницу между православием и старообрядчеством [См.: 4, с. 51-56].

В итоге, к началу XVIII в. основной задачей как православной иерархии и приходского духовенства, так и старообрядческих лидеров, становится борьба за души многих тысяч «неопределившихся» [4, с. 60].

Для великорусской православной иерархии обычным способом этой борьбы на рубеже XVII-XVIII вв. было выявление и дальнейшее удаление неблагонадежных «раскольников» из среды паствы. Законодательной базой для репрессий служили 12 статей, изданных правительством в 1685 г. в ответ на обращение церковного собора 1681-1682 гг., которые предусматривали самые суровые санкции по отношению к лицам, словом и делом отвергавших православную церковь⁴. Одним из методов выявления подобных «раскольников» становилось внедрение бюрократических методов контроля в церковную жизнь: священников обязывали записывать всех, кто причащается и следить за тем, чтобы все прихожане ежегодно приступали к Евхаристии. «Недароимцы» попадали под подозрение как потенциальные «раскольники», гнушающиеся приступать к «никонианским» таинствам [7, с. 305].

Разделял ли такой подход Ростовский Святитель? Обратимся к свидетельствам источников.

Нам известно, что Димитрий Савич не был склонен бороться с распространением «старой веры» путем масштабных репрессий. Так, митр. Димитрий нигде прямо не упоминает о необходимости отслеживать «раскольников» по приходским книгам учета причастников. В «Указании» иеромонаху Варлааму, отправлявшемуся в 1705 г. в Угличский уезд по церковным делам, значится, что приходские священники обязаны записывать в «имянные росписи» тех «всяких чинов люди во святой великий пост ко исповеди приходить не будут и

⁴ ПСЗ. Т.II. № 1102.

духовных отцов у себя многие годы не имеют», а росписи сообщать митрополиту в Ростов [3, с. 18]. Однако прямого указания на то, что подобные «недароимцы» суть «раскольники» здесь нет.

«Брынянам» посвящен другой пункт «Указания»: «Будет в городех и в селех и в деревнях явятца расколники чернцы, не повинующиеся святей восточной соборней и апостольской Церкви и преданию святых апостол и святых отец, и станут в мирских домех жить и христиан от православной веры своим злохитрством и учением сатанинским обрщать и безчинство какое чинить, и про тех раскольников учинить [розыск – А.К.] от кого ведомо или сам уведаешь и тех раскольников чернцов сыскав, на домовом дворе спрашивать ... как он от истинная православная христианская веры совратился и христиан православных своим злохитрственным и сатанинским учением кого не развратил ли и будет колико развратил или в овинех и в лесах пожег, о том всем допросить подлинно и опрося сослать ево в монастырь и держать до указу преосвященного митрополита в крепости, чтоб никуды не ушел ... да и о бельцах раскольниках же чинить по сей вышеписанной статье» [3, с. 21]. Как видно из этого текста, «расколник», которого следует разыскивать – это проповедник, активно «сворачивающий» православных в свою веру, в первую очередь монах-«брынский старец».

На фоне жестоких антистарообрядческих законов 1685 г. такая политика Ростовского владыки была крайне гуманной. В том, насколько митр. Димитрий лично стремился избежать применения беспощадных мер, показательным является дело священника Давида из села Курбы, о котором нам стало известно благодаря ходатайству за него царицы Прасковья Федоровны. Иерей Давид был активным старообрядческим проповедником, известным некими «чудесами», розыск по его делу производил лично боярин И.А. Мусин-Пушкин. Однако, несмотря на вызывающее поведение Давида, упорствовавшего в своих взглядах и публично оскорблявшего митрополита, по личной просьбе владыки Димитрия наказание было весьма мягким: Давида не лишили священного сана, а лишь отстранили от прихода и предложили самому избрать себе монастырь для пострижения [8, с. 165-166]. Фактически, к нему было лишь применено во всей полноте правительственное предписание о пострижении вдовых священников в монашество. Обычно митр. Димитрий старался на практике обойти это царское повеление, бывшее крайне стеснительным как для священников, так и для прихожан⁵. Однако в данном случае он исполь-

⁵ Имеются разрешительные грамоты митр Димитрия, разрешавшие продол-

зовал его в качестве дисциплинарной меры.

Итак, мы видим, что Димитрий Савич не ратовал за контроль над регулярным Причастием как о способе розыска «раскольников», да и сам розыск-репрессию не поощрял.

О непосредственном миссионерском диалоге свт. Димитрия с «брынянами» источники ничего не сообщают. Нам известно по меньшей мере о двух беседах свт. Димитрия с паствой в Ярославле, посвященных вопросам старообрядчества: в 1705 г. поводом стало обращение к владыке двух мужчин, взволнованных царским указом о бродобритии [1, с. 298-299], в 1708 г. митрополит уже по собственной инициативе прибыл в город и проповедовал там неделю: «позвала мя нужда быть в Ярославль, нужда же раскольническая, понеже уможишася в епархии зело. Там был, учил помощию Божию довольно, с неделю, понеже словеса из уст болей идут на ветер, неже в сердца служающих» [8, с. 101-102]. Последняя беседа и побудила свт. Димитрия написать «Розыск». Однако в обоих случаях владыка, насколько можно судить, общался не непосредственно с сознательными старообрядцами, а с православной паствой, усвоившей ряд старообрядческих идей, т.е. теми «сомневающимися», о которых говорилось ранее.

Судя по всему, свт. Димитрий Ростовский, считал более действенной «положительную стратегию» противостояния старообрядчеству, опирающуюся не столько на безжалостные меры, сколько на укрепление православной идентичности паствы, противопоставившейся чуждой, «раскольничей», старообрядческой.

Мысль о том, что незнание Св. Писания лежит в основе дурной жизни народа, содержится во всех письменных трудах ростовского периода свт. Димитрия. «Вем яко вси невежи не мнят велику ту быть казнь от прогневанного на ны Бога за грехи наши посылаемую глад слышания слова Божия: большая в них непщуется быти казнь, глад хлеба нежели глад слышания слова Божия. Но, о неразумнии! Вести ли что более? Тело ли, или душа? И кая пищу, честнейша и полезнейша? Тленная ли или нетленная? Плотская ли, или душевная? И кая тщета большая, хлеба ли скудость или Божия слова? Зло есть и глад хлеба, но, но злейшо есть глад Божия слова... Той душевный глад, глад слышания слова Божия, зело превозможе в Епархии нашей...» [2, с. 592-593].

Вновь и вновь повторяет это Ростовский владыка и в «Розыске раскольнической брынской веры»: «Бесчисленная бо злая раждаются

жать служить овдовевшим священникам Иоанну и Василию. [См.: 8, с. 195-198].

от неведения Писаний. Оттуду прозябоша великия вреды еретичеств, оттуду житие неполезное, слепота душевная, прельщение диавольское» [1, с. 94]. Однако попытка толковать Св. Писание самолично, без соответствующих знаний приводит к беде: корень Раскола в том, что: «невежи, дерзнувшя о вере испытывати и учити» [1, с. 94]. Им противопоставлены «богословцы и правильные учителя, иже от юности жизнь свою в учениях изнуриша, имже Таины Божественного Писания откровенны суть, имже совершенный разум воссия» [1, с. 595].

Сам «Розыск» обращен к людям, задающимся вопросом: «по чему познати, аще кто волк есть, или добр человек?». Свт. Димитрий отвечает, что о учителях следует судить по вере, учению и делам и предлагает относительно «брынских» наставников «изъявление яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодна» [1, с. 637]. Таковым противопоставляется истинное учение. «Учение неложное есть то, еже происходит от уст Учителей, искусных в Божественном Писании, и благоразумия учительского исполненных, ведущих Писания святого силу, и толковати е право могущих. Подобаает бо учителю не только быть освящену от Церкви Духом Святым во учительски сан поставлену, но и премудру, доволен разум имущу, по словесе Самого Бога в пророчестве: устне иереев сохраняет разум, и закона възвещу от уст его (Малах. 2:7)» [1, с. 93]. Здесь следует упомянуть о Ростовском училище, устроенном Димитрием Савичем вскоре после его прибытия на кафедру. Создано оно было, по словам самого владыки: «для того нарочно, что бы священнические дети не были глупы, да егда вместо отец своих сподобятся священнического сана, умели бы в церкви поучать народ не точию книжным чтением, но и наизустним слова Божия сказанием» [8, с. 221].

В планах у свт. Димитрия значилось составление особых толкований на Псалтырь и на Апокалипсис, так как обе эти библейские книги «брынские богословы не путиом толкуют» [8, с. 100]. Эти несбывшиеся замыслы еще более подчеркивают просветительский характер его противостояния старообрядческому прозелитизму, направленному скорее на обучение паствы православному пониманию тех или иных истин вероучения, и прежде всего – Священного Писания.

В эту же логику укрепления православной идентичности укладывается и одна из немногих сохранившихся ростовских проповедей Святителя, слово в неделю 21-ю по Св. Духе. Смысл ее таков. Хорошо причащаться часто или однажды в год. Но «птицы бесовские, раскольники» научили многих православных чуждаться таинств как какой-то мерзости. Из-за этого в Ростовской епархии многие, даже священники

причащаются весьма редко, едва ли не раз в жизни, что недопустимо [2, с. 596-597]. Ежегодное Причастие необходимо не потому, что это отличает «истинного сына Церкви» от «раскольника», но потому, что без него невозможно спасение души; тех же, кто препятствует этому («брынян») следует избегать. Тем самым, для Ростовского владыки старообрядцы предстают не сплоченной силой, которую нужно вытеснить из епархии, но неким внешним фактором, внушающим пастве недолжные представления о христианском благочестии.

Следствием описанной выше «позитивной стратегии» борьбы со старообрядчеством было формирование у ростовской паствы представлений о том, что старообрядцы не являются частью православной церкви и что общение со старообрядческими проповедниками и, тем более, их укрывательство является вероотступничеством. Не случайно в завершающем «Розыск о раскольнической брынской вере» митр. Димитрия «Увещании правоверным» особо подчеркивается: «Веждете же известно, о правовернии, яко всяк приятствуяй раскольников, врагов сущих церкви Христовой и дружбу с ними имеяй, и подаяние им от имений своих творяй враг есть самому Христу, иже же есть глава церкви своей» [1, с. 640]. Объектами же «розыска» выступали «птицы, вылетевшие из Брыни», немногочисленные, но активные члены нелегальных старообрядческих общин, проповедовавшие «в миру».

1. *Димитрий Ростовский, свт.* Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855.
2. *Димитрий Ростовский, свт.* Сочинения. Т. II. М., 1840.
3. [Димитрий Ростовский, свт.] Указание // Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709). СПб., 1891. Приложения.
4. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700-1740. М., 2000.
5. *Мельников-Печерский П.И.* Письма о расколе. М., 2011.
6. *Поньрко Н.В.* Димитрий Ростовский как автор «Розыска о раскольнической брынской вере» // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62.
7. *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII вв. М., 2002.
8. *Федотова М.А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М., 2005.
9. *Юхименко Е.М.* «Егда же к нам, недостойным, принесется честная епистолия твоя...» (круг памятников, связанных с новгородским заключением Семена Денисова в 1713 – 1717 гг.) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.

Церковь и кабак: особенности приходской жизни в Восточной Сибири в XVIII в.²

Православная церковь; Восточная Сибирь; Иркутская епархия; проповедническая деятельность; винные откупа; иркутское купечество.

В статье рассматриваются взаимоотношения духовенства и купечества по вопросам винных откупов, а также возникший конфликт по вопросу размещения питейных заведений в русских поселениях в Восточной Сибири в XVIII в.

В XVIII в. в Восточной Сибири активно шло церковное строительство. Число храмов постоянно увеличивалось. К концу века их насчитывалось 225 (без учета монастырских), из которых более 200 являлись приходскими, оставшиеся – приписанными к ним бесприходными или кладбищенскими. В праздники и в воскресные дни церкви наполнялись народом. Православный приход в это время объединял в среднем в Приенисейском крае 1100 верующих, в Якутии – 230 (учитывалось русское население), в Прибайкалье – 1050, в Забайкалье – 1750 верующих [2, с. 222-223].

В конце XVII – начале XVIII вв. прихожане регулярно бывали в церкви, даже если имели в своей слободе или деревне часовню. Так, протоиерей Спасской церкви Иркутска Петр Григорьев в 1697 г. докладывал тобольскому митрополиту, что «в воскресные дни при входе в тою церковь приходским людем бывает многое число»³. Жители Бaleyской деревни сообщали: «Тоя бaleyской деревни жители обретаемся мы в приходе Усольской слободе, чему свидетельствует тоя слободы священник Иван Марков, что мы за дальностию от церкви для моления соборнаго желаем часовню вновь построить, а церкви святой никакой обиды и уничижения не будет, понеже мы в праздники и в воскресные дни к церкви будем для моления всенепременно»⁴.

В конце XVIII в. посещения церковей прихожанами становились не столь регулярными. При этом верующие выдвигали разные причины своего отсутствия в воскресные дни в храмах: «не имеется одежды

¹ Санников Александр Павлович, Иркутский государственный университет (РФ, Иркутск), к.и.н., aps.72@mail.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00308.

³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 276. Оп. 2. Д. 15. Л. 6 об.

⁴ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. Л. 197.

и обуви», «за дальностию и одиночеству», «был базарный день» и др.

Примерно в это же время у приходского храма появился «конкурент» иного плана – кабак. По замечанию духовенства «где только воздвигался Храм Божий, там строился в соседстве и питейный дом; это сатанинское правило наблюдалось везде. Очевидно то, чтоб лишнего прихожанина соблазнить прежде, чем он войдет в церковь помолиться, и копейку, которую нес он на свечу, заполучить в питейную кассу; а если бы это не удалось, то по крайней мере тотчас по выходе из церкви отуманить неосторожного, чтоб у него из головы вышло вон все виденное, слышанное и почувствованное им в святилище Божиим, и тогда он опять раб опоеания»⁵. Поэтому не случайно в проповедях священников постоянно звучали призывы бороться с пьянством, вести трезвый образ жизни.

В своих посланиях иркутский епископ Иннокентий Кульчицкий обращался к прихожанам: «В церкви Божии безленостно приходите к вечерни, и заутрени, и обедни к началу, и слушайте Божественнаго пения со вниманием в молчании; а из церкви до отпуска не выходите. Аще далече от церкви или недоступно будет, то ты можешь дома правило свое исполнять, пение и поклоны по силе, а не ленися, да не бесплоден будеши, аки древо сухое. И аще сотвориши правило без лености, то великую мзду от Бога получиши и грехом отпущение. Праздники празднуйте духовно, а не телесно, нищих милуйте, а в церкви свещи и просфоры и фимиам по силе давайте; праздники празднуйте не объядением и пьянством, но молитвою и чистотою; кротко живите и во Христе... И не упивайтесь без памяти и сам не упойте без памяти никого, аще и друг ти будет. Многие бо питье умы помрачает и человеки ни во что обращает»⁶.

Однако приходская община не всегда воспринимала призывы духовенства, к тому же соблазнов было значительно больше. Как отметил в 1735 г. С.П. Крашенинников, описывая быт жителей Енисейска, «во время праздничное жители по гостям незванные ходят и чересчур упиваться любят, потому что иные из них в один день почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан пива урвет, и хотя уже в такое состояние придет, что на ногах ходить не может, однако ж лишь бы в котором доме шум услышал, понеже из того признавают, что там попойка есть, хотя ползком ползет во двор, чтоб еще напиться» [1, с. 115].

Соседство приходских церквей и питейных заведений в Восточ-

⁵ Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1870. С. 619.

⁶ Там же. Прибавления. 1873. С. 332.

ной Сибири было очень близким. В 1748 г. в донесении иркутской консистории в Синод отмечалось: «В городе Иркутске подвал с горячим вином против самого Соборной церкви олтаря, да под таможеню винной и водочной продажи кабак в 30 сажнях от той же Соборной церкви. В Иркутской десятине, именно в селениях Уриковском, Кудинском, Оецком, Куядском, Манзурском, Верхоленском, Бирюльском, Олонском, в Идинском, Заларинском, Бадайском, Китойском, Бельском и в Балаганском, 15 церквей и столько же кабаков в расстоянии от Домов Божиих на 130, 115, 110, 100, 60, 36, 18 (в Оеке), 10 (в Куде), и даже 2 сажени (в Куяде). В Илимском ведомстве, в самом городе Илим Соборная церковь окружена винным подвалом и кабаком; в Илгинском остроге церковь одна, а кабака два и еще два винных подвала; в Орленской слободе одна церковь и два кабака; в Усть-Кутском, Киренском, Сплошенском и Чечуйском острогах при каждой церкви по кабаку; в Новоудинской слободе одна церковь и два кабака, в слободах Тутурской, Марковской, Тулуновской и Барлуцкой по церкви и кабаку. Здесь большее расстояние кабаков от церквей 80, меньшее 8 сажен (т.е. от 170 до 17 метров – А.С.)»⁷.

В других регионах Иркутской епархии наблюдалась подобная же картина. В Якутске в 1792 г. на 4 церкви приходилось 9 питейных домов, в Забайкалье в Верхнеудинске на 2 церкви – винный подвал и 4 питейных дома, в Нерчинске на 2 церкви – винный подвал и 3 питейных дома [3, с. 81, 111, 157].

Иногда соседство церкви и кабака вызывало неприятие со стороны верующих. Тогда прихожане обращались за поддержкой к епископу. Одно из таких прошений было направлено в 1744 г. жителями Кудинской слободы епископу Иннокентию Неруновичу. В нем сообщалось: «...Нужно бы священнику устроить дом, но поставить оный вблизи церкви негде, потому что в 15 сажнях от церкви, где бы прилично быть священническому дому, стоит кабак, и это соседство кабака причиняет много вреда и соблазна. Из церковного анбара под колокольнею выкрадено в прошлом годе 20 рублей денег, да постав пятиланной красный, да двухпудовый безмен, а выкрасть никто другой не мог, кроме подозрительных людей обретающихся в кабаке. Кроме этого женам и девицам пройти в церковь к вечерне, утрене или к обедне не возможно, для того что с той кабацкой избы выходят люди пьяные, нагие срамно, и неистовые и скаредные речи из уст своих испущают, чего и слышать невозможно...»⁸.

⁷ Там же. Прибавления. 1870. С. 618-619.

⁸ Там же. С. 615.

Епархиальные власти пытались добиться удаления кабаков. Епископ Иннокентий Нерунович постоянно требовал от гражданских властей принятия соответствующих мер. Но гражданские власти, опираясь на интересы казны, оставляли обращения архиерея без ответа или ограничивались отписками и обещаниями.

Тогда архиерей приступил к решительным действиям. В 1756 г. старожилы деревни Баклаши вспоминали: «В Баклашинской деревне была одна винная продажа назад тому з двадцать два года от откупщика Ивана Глазунова и когда имевшая в той деревне квасная изба по приказу покойнаго преосвященнаго Иннокентия разломана и после того винной продажи в той деревне не бывало»⁹. В деревне Узкий луг «построена была квасная для винной и пивной продажи... продажа была от иркутских посадских Ивана, Максима и Андрея Глазуновых, которая квасная в 741 году згорела», после приезда епископа Иннокентия Неруновича, и «с того году во оной деревне винной и пивной продажи ни от кого не имеется»¹⁰.

В 1742 г. архиерею удалось договориться с винным откупщиком Алексеем Глазуновым о том, чтобы новых кабаков близ церквей и в монастырских селах не строить. «Других охочих людей», пожелавших взять винный откуп «не явилось»¹¹. В 1747 г. епископ Иннокентий Нерунович умер, в 1749 г. купец Глазунов перебрался в Якутск, а его жена отказалась от винного откупа. Этим воспользовалась иркутская провинциальная канцелярия и передала винный откуп иркутскому купечеству. Отсутствие главы епархии (епископ Софроний Кристалевский прибыл в Иркутск только в марте 1754 г.) привело к тому, что началось открытие новых кабаков, даже в монастырских селах.

По началу епископу Софронию Кристалевскому не удалось договориться с купечеством. На его обращения в иркутский магистрат «никакой резолюции не учинено». Софроний обращался в Синод, указывая, что «ежели оные кабаки кои напредь сего строены самоволно, допустить построить, то впредь наивсегда оная иркутская канцелярия может без сношения с консисторией где похощет строить кабаки собою и производить оные винною и пивную продажи»¹².

Все изменилось в 1758 г., когда в Иркутск прибыл следователь по винокурным делам, поверенный генерал-прокурора Сената Глебова Петр Никифорович Крылов. Следственная комиссия Крылова

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 38. Д. 81. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 5 об.

обернулась для иркутского купечества разгромом. Начались аресты и вымогательства. Многие купцы, не выдержав пыток, сами оговаривали себя. Богатейший купец Иван Бечевин был замучен при пытках. Бургомистр Бречалов под пытками показал, что вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 копеек, иркутские купцы продавали за рубль, а излишки денег делили между собой. Опираясь на это признание, Крылов отобрал у них более 150 000 руб., не считая того, что при этом погроме захватил себе лично вещами и всяким имуществом. По оценке А. Сибирякова купцы потеряли до 300 тысяч руб. Деятельность Крылова продолжалась до ноября 1760 г. Следователь дошел до того, что арестовал вице-губернатора Вульфа, сформировал собственную охрану из 77 казаков.

Одним из тех, кто остановил Крылова, был епископ Софроний. Он написал донесение императрице и письмо петербургскому митрополиту и тайно отправил их в Петербург со своим посланцем, сержантом Конюховым. Последний сумел обогнать курьера Крылова. В результате последовало распоряжение арестовать следователя и отправить в Москву.

Действия епископа Софрония были оценены сибирским обществом. Его авторитет резко возрос. Иркутские купцы, занимавшиеся винным откупом, поспешили договориться с епископом. Квасные избы из монастырских сел были убраны, а кабаки удалены от церквей. Поступили пожертвования на церковное строительство, убранство и колокола. Конфликт удалось разрешить, но приходским священникам было предписано в своих проповедях осуждать пьянство и призывать верующих к трезвости и бережливости.

1. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII-XVIII вв. Красноярск, 1981.
2. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Т.1. Иркутск, 2006.
3. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988.

УДК 94(47)«16»

Н.В. Соколова¹

К вопросу о «классическом» трехполье в XVII в.

Земледелие; трехполье; монастырское хозяйство; крестьяне.

¹ Соколова Наталья Викторовна, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., natalia_sokolova@outlook.com.

Статья посвящена изучению паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом в монастырских владениях Нижегородского уезда.

Еще А.И. Заозерский в своей монографии «Царская вотчина XVII века» высказал гипотезу о том, что «равенство приходящихся на каждое поле площадей земли – одинаково при трех- или пятипольном делении – едва ли не было скорее геометрическим предположением («в поле столько то, а в дву потому ж»), чем выражением действительного соотношения долей». К такому заключению исследователь пришел, в частности, в результате анализа сводной ведомости 1674/1675 г., в которой «количество десятин, засеянных рожью и яровым хлебом разных видов, редко совпадает, а между тем она дает без сомнения наиболее реальные цифры» [2, с. 100-102]. В дальнейшем с ним солидаризировались Д.И. Патрикеев, изучавший посевные, ужинные и умолотные книги вотчин Б.И. Морозова 1661 и 1667 гг., а также Л.Н. Вдовина [5, с. 29; 6, с. 88-89]. Данные о неравенстве ярового и озимого полей на монастырской десятинной пашне впервые были введены в научный оборот на XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Арзамас, 1996 г.) [7, с. 105, 111]. О существенном различии площади трех полей на церковной пашне в одном из погостов Иверского монастыря в Деревской пятине в 1700 г. пишет З.А. Тимошенкова [9, с. 161]. Во втором издании «Великорусского пахаря» Л.В. Милов констатировал: «Иногда встречаются сведения о весьма сознательной и вольной трактовке деления пашни на три поля» [4, с. 55].

Для изучения вопроса о типичности этого явления применительно к XVII в. бесспорный интерес представляет источник, сохранившийся в составе конволюта материалов по патриаршим владениям в разных уездах. Согласно преамбуле, «Лета 7180-го генваря в 1 день Успения Пресвятыя Богородицы и Чудотворца Николы Амбросива Дудина монастыря по указу великого господина святейшаго Иоасафа патриарха Московского и всеа Руси келарь старец Еуфимей Печерской да казначей старец Фалелей да конюшей старец Акинфей с выборными крестьяны вымерели, что под монастырем и в вотчинах монастырской пашни и крестьянской что в которых вотчинах десетин и по чему с выти каких доходов в монастырскую казну збираетца»². Возникновение документа, вероятно, связано с переходом нижегородского Дудина монастыря в разряд патриарших домовых, который *de facto* начался по распоряжению Алексея Михайловича (июнь

² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 191–204.

1670 г.) и завершился уже после получения патриархом Иоакимом жалованной грамоты Федора Алексеевича от 20 ноября 1676 г.³

Дата преамбулы и помета о том, что 20 января данное описание «подал» служка Дудина монастыря Василий Яковлев, позволяют отнести составление документа к первой половине января, когда в Нижегородском Поволжье условия для измерения полей обычно не самые благоприятные. Нарушение формуляра преамбулы, по-видимому, возникло в результате вставки упоминания об указе патриарха Иоасафа. Иными словами, источник, скорее всего, возник как компиляция более ранних записей. Косвенно в пользу данной гипотезы говорит отсутствие в документе имен крестьянских выборных, а также то, что содержание текста несколько шире сформулированной в преамбуле программы: в нем зафиксированы размеры не только монастырской и крестьянской пашни, но и церковных земель в двух монастырских селах, содержатся данные о монастырских дворах в вотчинах, о количестве крестьянских дворов в каждом из населенных пунктов, о размере денежной и отработочной ренты в пользу монастыря.

В отличие от большинства ранее привлекавшихся источников, которые давали возможность сравнить два засевавшихся полей, в рассматриваемом документе представлены сведения и о паровом поле. Практика измерения всех трех полей в вотчинах нижегородских монастырей известна по актовому материалу⁴. Выборка состоит из 25 рядов данных о площади трех полей: 7 – по владельческой запашке, 16 – по крестьянской пашне и 2 – по церковной⁵. Сопоставление с описаниями Дудина монастыря 1671 и 1672 гг. позволяет рассматривать ее как генеральную совокупность («монастырской земли под монастырем и в вотчинах 415 десетин», «крестьянской пашни в подмонастырской вотчине и в селах и в деревнях всего 1588 десетин с полудесетиною»). Проверка имеющихся в документе результатов счета суммарной площади трех полей позволяет признать допущенные составителем погрешности несущественными. Так, в д. Подсосенье и с. Матюшево они составили, соответственно, одну и две десятины. Выявлены явно «технические» ошибки, когда в д. Желнина в сумме не

³ Там же. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8164. Л. 1–2.

⁴ Так, весной 1647 г. в наказной памяти архимандрита Нижегородского Печерского монастыря келарю Арсению и «конюшему старцу» Авраамию предписывалось по челобитью крестьян сел Высокое и Ельня мерить «мякотную и сечную землю во всех трех полях всю» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 173. Л. 1).

⁵ А.И. Заозерскому и Д.И. Патрикееву было известно, соответственно, 8 и 7 случаев фактического неравенства озимого и ярового полей.

учтено яровое поле (4 дес.), а в д. Полце пропущена «четверуха» парового. В случае с наиболее значительным расхождением, – 6 дес. на крестьянской пашне в д. Ченцово, – с высокой вероятностью можно предположить, что верным является количество десятин в итоге, а применительно к яровому полю имеет место описка (дублирование цифры из предыдущей записи, о монастырской запашке). Аргументом в пользу такого допущения является и то, что в результате деревня⁶ оказывается в ряду прочих поселений, относящихся к «старой» вотчине Дудина монастыря (к которым она, бесспорно, исторически принадлежит [8, с. 52-56]), в которых зафиксировано равенство крестьянских яровых и озимых полей.

Совпадение площади двух полей в некоторой части монастырской вотчины, с высокой вероятностью, может интерпретироваться как следствие обмера одного из них и экстраполяции результатов на другое. Равенство полей представлено в двух вариантах – «озимое = яровое» (11 случаев) и «озимое = пар» (д. Подьяблонное и д. Дубенка), что позволяет предположить, что не было проведено измерение озимого поля, вероятно, уже засеянного. При этом важно подчеркнуть, что подобная практика была признана крестьянским миром, а возможно, им же и инициирована (например, с целью предотвращения ущерба посевам или для сокращения времени отвлечения мирских выборных «к мере земли»). Участие представителей мирского самоуправления в составлении документа (или его протографов) является, вероятно, определенной гарантией и достоверности данных источника в целом⁷. Для остальных вотчин Дудина монастыря, причем как на крестьянской, так и на монастырской пашне, в основу посланной в Москву сводной «ведомости» были положены итоги реального измерения всей земли, пусть и не в январе 1672 г. Тождество показателя по двум полям, которое наблюдается на монастырской пашне в с. Соличное и на землях церковного причта в с. Матюшево, скорее всего, действительно существовало и было обусловлено незначительностью общей площади запашки.

Прежде всего, рассмотрим вопрос о том, подтверждают ли сведения вновь вводимого в научный оборот источника распространённое представление о том, что «в условиях последовательной смены

⁶ В ранних источниках она называется Чернцово.

⁷ Так, изучавшая «Мерную книгу Шунгского погоста 1675 г. старцев Тихвинского монастыря Иева и Филофея» И.А. Чернякова считает, что участие выборных крестьян «позволяет предполагать объективность и полноту сообщаемых источником сведений о пашенных угодьях, находившихся в пользовании крестьян погоста» [1, с. 148].

функций каждого из трех полей размеры их должны были быть примерно равными» [2, с. 35; 4, с. 50]. Абсолютного равенства всех трех полей, т.е. соответствия писцовой формуле «в поле столько-то, а в дву потому ж», нет ни в одном из 25 рядов данных (см. табл. 1). Для того чтобы оценить, насколько существовавшая в вотчине Дудина монастыря система земледелия отличалась от «идеального» трехполья писцовых книг и других источников («а в дву потому ж»), был применен традиционный статистический метод⁸. Значение коэффициента вариации по крестьянской пашне находится в интервале от 6,4 до 61,9 %. В двух случаях изменчивость показателя можно охарактеризовать как незначительную (ниже 10 %), в четырех – как среднюю, однако в большинстве сел и деревень зафиксированы высокие коэффициенты вариации. Для десятинной пашни в разных деревнях и селах расчеты также показывают существенные колебания площади трех полей (коэффициент вариации – 11-68 %). Однако для совокупной владельческой запашки Дудина монастыря изменчивость вариационного ряда можно считать незначительной (8,4 %), т.е. на монастырской пашне в целом трехполье по своим пропорциям очевидно ближе к «классическому», чем на крестьянских землях. Подобный результат, по-видимому, является следствием, с одной стороны, выбора рационального соотношения сельскохозяйственных культур в рамках трехпольного севооборота, с учетом качества земель разных вотчин, с другой – использования ресурсов монастырской корпорации для своевременного введения новых площадей по мере выпаживания почвы⁹. В этом контексте показательно, что наименьший показатель изменчивости площади трех полей крестьянской пашни (6,67 %) приходится на оброчную деревню Дубенка, что обусловлено, вероятно, не только ее местоположением¹⁰, но и характером ренты и, как следствие, наличием трудовых ресурсов для необходимого при правильном трехпольном севообороте расширения площади обрабатываемой земли.

⁸ При расчетах были использованы данные источника по каждому из трех полей, за исключением д. Ченцово (площадь ярового поля восстановлена на основании итоговой цифры составителей документа).

⁹ Так, авторы «Истории крестьянства» отмечают, что «господский клин пашни обновлялся за счет новины и перелога гораздо чаще, чем крестьянский» [3, с. 365]. Значительное колебание площади трех полей на десятинной запашке Дудина монастыря в 1724 г., по-видимому, свидетельствует о сокращении таких ресурсов [8, с. 554].

¹⁰ Надо думать, не случайно единственные упоминаемые в источнике «новочи» находились именно «за Дубенками».

Таблица 1

**Паровая система земледелия с трехпольным севооборотом в вотчине
Амвросиева Дудина монастыря (1672 г.)**

		Паровое поле		Озимое поле		Яровое поле		Всего (дес.)
		дес.	%	дес.	%	дес.	%	
Монастырская пашня								
1	сл. Тетерюгина	33,5	30,05	30	26,90	48	43,05	111,5
2	д. Ченцова	10	38,46	5	19,23	11	42,31	26
3	д. Желнина	5	37,04	4,5	33,33	4	29,63	13,5*
4	с. Матюшево	27	38,02	16	22,54	28	39,44	71*
5	д. Кишемская	11	26,83	24	58,54	6	14,63	41
6	с. Скоробогатое	4	33,33	5	41,67	3	25,00	12
7	с. Соличное	1,5	27,27	2	36,36	2	36,36	5,5
Всего		92	32,8	86,5	30,8	102	36,4	280,5
Земли церковных причетников								
8	с. Матюшево	5	32,26	5,5	35,48	5	32,26	15,5*
9	с. Троицкое	4	33,33	5	41,67	3	25,0	12
Крестьянская пашня								
10	д. Ченцова	33	49,25	17	25,375	17**	25,375	67
11	д. Желнина и д. Садки***	15	55,56	8	29,63	4	14,81	27
12	д. Каликина	60	42,86	40	28,57	40	28,57	140
13	д. Подсосенье	31,25	41,52	22	29,24	22	29,24	75,25*
14	д. Сляднева	46	42,60	31	28,70	31	28,70	108
15	д. Полце	32,25	47,26	18	26,37	18	26,37	68,25*
16	д. Третьяна	33	52,38	15	23,81	15	23,81	63
17	д. Швариха	32,25	43,44	21	28,28	21	28,28	74,25
18	д. Тредворцы	41	53,26	18	23,37	18	23,37	77
19	д. Высокая	11	27,85	14,5	36,71	14	35,44	39,5
29	д. Пирошкова	13	22,80	22	38,60	22	38,60	57
21	д. Подъяблонное	14	31,11	14	31,11	17	37,78	45
22	д. Дубенка	27	34,62	27	34,62	24	30,76	78
23	с. Матюшево	37	38,95	28	29,47	30	31,58	95
24	д. Кишемская	24	40,68	17	28,82	18	30,50	59
25	с. Троицкое	14,5	35,80	13	32,10	13	32,10	40,5
Всего		464,25	41,68	325,5	29,23	324	29,09	1113,75

Примечания:

* Подсчет мой.

** В тексте читается «11».

*** В документе даны только общие итоги.

Таким образом, ни о каком «примерном равенстве» трех полей говорить не приходится ни на монастырской пашне, для которой расчеты проведены по результатам измерения всех полей, ни на крестьян-

янской. При этом на монастырской запашке большим могло оказаться яровое поле (три случая), озимое (два случая), оба они, равные по площади (один случай) или поле под паром (один случай), но у крестьян, как правило, таковым было именно последнее (13 случаев из 16). Более того, крестьянский «пар» мог превышать совокупную площадь ярового и озимого полей, занимать более половины всей площади (например, в деревнях Тредворцы, Трестьяна, Желнина и Садки – от 52,4 до 55,6 %) ¹¹. Важным методическим результатом исследования является вывод о том, что представление о характере системы земледелия, в том числе о господстве «классического» трехполья, основанное на сведениях по засевавшимся двум полям, без учета пара, может быть в той или иной степени деформированным.

В условиях хронической нехватки удобрений успешное функционирование паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом предполагало «обязательный резерв переложных земель, которые по мере надобности вовлекались в трехпольный севооборот, давая возможность восстановить плодородие ранее используемой пашни» [3, с. 231]. Можно предположить, что именно разновременностью возникновения этой «надобности» в различных частях вотчины объясняется большая площадь того или иного поля на момент описания. «Подеревенский» характер лежавших в основе документа «мерных книг», чрезвычайное разнообразие ситуации в землепользовании отдельных поселений, в том числе входивших в одну крестьянскую общину, когда в некоторых деревнях трехполье приближалось к «классическому» (Дубенка, Подьяблонное и Высокая), а для других характерно значительное преобладание «пара» (Трестьяна, Тредворцы, Ченцова, Польце, Желнина и Садки), существенный разброс в обеспеченности крестьян землей (в среднем на двор), – все это свидетельствует, что к началу 1670-х гг. в нижегородской вотчине Дудина монастыря деревня как целостный земельно-хозяйственный комплекс продолжала оставаться субъектом поземельных отношений, а также об отсутствии уравнительных переделов.

Характеристика землепользования в монастырской вотчине была бы неполной без упоминания пустошей и «новочисти»: «Да на пустошах на Бирючихе 68 десетин с полудесетиною, да на Федоркове 5 десетин, да на Корчеусове полпяты десетины, да на Болотце в Прямикове 33 десетины, да за Дубенками на новочисти полосы десе-

¹¹ Похожее распределение зафиксировано на церковной пашне в одном из погостов Иверского монастыря в 1700 г. (яровое поле – 5 дес., ржаное – 6 дес., а пар или «третье поле» – 15 дес.) [9, с. 161].

тины. В Корчеусове ж в другом поле 16 десетин»¹². Источник не позволяет однозначно судить, что собой представляло «другое поле» пустоши Корчеусово: нельзя исключить, что речь идет о традиционном разделении земли данной деревни, обусловленном исторически или особенностями местного ландшафта¹³. Вне зависимости от того, как использовались пустоши, в основе отсутствия деления их на три поля по-видимому, лежал фактор целесообразности. Можно предположить, что имела место практика севооборота, аналогичная той, что зафиксирована, например, в сказке 1701 г., поданной крестьянами села Никольского, деревень Волчиха и Чистое поле Нижегородского Печерского монастыря о пустоши под деревней Лебедихой: «Как тое пустошь сеют рожью, и за тот год платят они по 4 рубли денег, а как тою пустошь сеют они яровым, и за тот год платят в монастырскую казну на год по два рубли, а как та пустошь лежит в третий год порожжа, и того год ничего они не платят». Крестьяне села Ягодное с деревнями того же монастыря также платили оброк за пустоши Фатьянова и Опалева только в те годы, когда сеяли яровой или озимый хлеб¹⁴.

Таким образом, наблюдения, сделанные ранее на хронологически близких материалах дворцовых и частновладельческих земель, нашли подтверждение на источниках монастырского происхождения. Не подлежит сомнению существование в вотчине Дудина монастыря в начале 1670-х гг. паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом, которая, впрочем, не была «классической, т.е. замкнутой и целиком автономной системой» [4, с. 55].

1. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989.
2. *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. (Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича). Изд. 2-е. М., 1937.
3. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1989.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Изд. 2-е. М., 2006.
5. Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. М., 1979.
6. *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. (По материалам вотчин боярина Б.И. Морозова). Л., 1967.
7. *Соколова Н.В.* Аграрные технологии в Нижегородском крае в XVII —

¹² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 192 об.–193.

¹³ Дозорные книги Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.) зафиксировали Корчеусово и Болотцо как запустевшие монастырские деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 938).

¹⁴ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 22. Л. 443 об., 575 об.

середине XVIII в. (по материалам монастырских вотчин) // Аграрные технологии в России IX-XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999.

8. *Соколова Н.В.* Землевладение Амвросиева Дудина монастыря (XV – начало XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014.
9. *Тимошенкова З.В.* Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII в. Псков, 1999.

УДК 94(47).046

Д.А. Черненко¹

Корреляционный анализ данных валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда)²

Историческая география; аграрная история; компьютерные методы в исторических исследованиях; история дворянства.

Работа посвящена возможностям применения методов корреляционного анализа сведений писцового описания Суздальского уезда 1628–1630 гг. Рассматриваются результаты данной методики при изучении хозяйственно-демографического состояния поместно-вотчинного землевладения.

Писцовые книги остаются источником, привлекающим стабильный интерес широкого круга исследователей [3]. Современные ученые обращаются к ним с целью рассмотрения вопросов истории служилого землевладения [8; 12], крестьянского хозяйства [6], хозяйственного освоения территории [5], фискальной политики [11] и др.

Роль Л.В. Милова как одного из основоположников применения методов компьютерной обработки материалов русских земельных описаний хорошо известна [4]. Леонид Васильевич особое внимание уделял проблеме применения этих методов именно к данным валового письма первой трети XVII в., видимо, осознавая исключительную содержательную значимость и объемность этих материалов. В традиции их изучения сконцентрированы, кажется, все особенности крупной научной проблемы: огромный информационный потенциал источника, противоречивая природа его формирования, длительная и острая дискуссия, включающая в себя труды многих корифеев отечественной

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, Вологодский государственный педагогический университет (РФ, Вологда), к.и.н., dmitcher@mail.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-06934 (а).

исторической науки. Хорошо известно стремление Л.В. Милова доказать возможность и необходимость изучения валового письма современными методами количественного анализа. Представляется, что и научная позиция, и, самое главное, методики и результаты, отразившиеся в его трудах по данной тематике, становятся сегодня все более актуальными, поскольку спектр возможных методов изучения писцовых материалов только расширяется. Данная работа носит характер практической проверки того подхода к изучению писцовых книг, который впервые предложил Л.В. Милов.

Источником для данного исследования послужило писцовое описание Суздальского уезда, которое производилось в 1628–1630 гг. под руководством князя Михаила Михайловича Турусова и подьячего Федора Витовта и сохранилось в копии конца XVII в.³ По классификации Л.В. Милова книга принадлежит к варианту с неразделенной пашней [4, с. 111-155].

Суздальский уезд значительно меньше других территорий пострадал в период Смуты: доля «пашни паханой» в поселениях всех типов здесь стабильно составляла около 50-60 % к общей площади угодий [10]. Общая структура землевладения в Суздальском уезде выглядела следующим образом [подробнее см.: 9, с. 81-86]. Всего в этом обширном даже по меркам XVII в. уезде за различными владельцами было закреплено примерно 170 тыс. четей «четвертной пашни» (в поле) и около 10 тыс. крестьянских дворов. В распределении этих экономических ресурсов наблюдались серьезные диспропорции.

Так, 52 % земли находилась в поместьях, однако на них приходилось всего 23 % крестьянских дворов. В светских вотчинах находилось 23 % земли и при этом 42 % всех дворов. Для светских вотчин уезда характерна крайне высокая степень концентрации людских и земельных ресурсов в силу распространенности здесь крупного княжеско-боярского землевладения [7, с. 94; 13, с. 183]. Размеры некоторых владений здесь многократно превосходили, например, имения крупнейших землевладельцев новгородских пятин [1, с.160]. В духовных вотчинах располагалось 25 % земли⁴ и 35 % крестьянских дворов. Они представлены крупными владениями церковных иерархов (патриарха Филарета, Суздальского архиепископа Иосифа) и монастырей. Монастырские вотчины здесь превосходили по своим размерам любые княжеско-боярские владения.

³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1-3), 11318 (Ч. 1-3), 11319, 11320 (Ч. 1-2).

⁴ Оставшаяся небольшая часть «четвертной пашни» приходилась на «порозжие земли».

Для корреляционного анализа были взяты исходные натуральные данные по всем 2,2 тыс. поселений уезда, отражающие основные параметры хозяйственно-демографической ситуации, суммированные на уровне отдельных владений (всего около 900 владений всех категорий). Результаты корреляционного анализа представлены в 3 однотипных таблицах, первая из которых отражает ситуацию в уезде в целом.

Она показывает крайне высокий уровень положительной взаимосвязи между самыми различными параметрами – средний коэффициент по первой таблице равен 0,74, т.е. в масштабе уезда большинство писцовых показателей демонстрируют существенный уровень взаимообусловленного роста. Конечно, максимальные значения нередко характерны для качественно однородных показателей. Например, коэффициент корреляции между общим количеством «четвертной пашни» и пашни, перелогом и лесом поросшей составил 0,96, таков же уровень взаимосвязи между количеством крестьянских и бобыльских дворов. Однако, весьма высоки и тем особенно ценны высокие коэффициенты корреляции между разнородными показателями писцового описания, например, по линии сопоставления «количество населения разных категорий – количество земельных угодий разных типов». Так, коэффициенты корреляции количества «пашни паханой» и количеством 1) крестьянских (отдельно); 2) бобыльских (отдельно); 3) общей суммой всех дворов зависимого населения составили 0,94; 0,90 и 0,91 соответственно. Даже такой показатель, как количество церковных дворов, мало связанный с хозяйственной стороной жизни феодального владения и, тем более, с фискальными особенностями сошного письма, показывает крайне высокий уровень взаимосвязи с количеством «пашни паханой» и общим количеством «четвертной пашни» (0,90 и 0,94 соответственно), т.е. на уровне практически абсолютной закономерности церковь и причт располагались в наиболее крупных и хорошо освоенных владениях.

Одно из главных направлений анализа писцового материала в работах Л.В. Милова – выявление не только чисто количественных (в целом они ясны уже из исследования Ю.В. Готье [2]), но и типологических различий между вотчиной и поместьем. Эти различия были показаны им на примере нескольких довольно небольших и разоренных Смутой уездов с абсолютным преобладанием мелкого служилого землевладения (Лихвинский, Воротынский и др.). Наш материал показывает их с не меньшей четкостью в совершенно иной экономической ситуации.

Таблица 2 содержит коэффициенты корреляции основных хо-

зяйственно-демографических показателей светских вотчин.

Высокий уровень активности процессов земледельческого освоения вотчин проявился в том, что здесь взаимосвязь количества «пашни паханой» и количества 1) крестьянского, 2) бобыльского и 3) зависимого населения в целом носит абсолютный характер (коэффициенты составили, соответственно, 0,97, 0,92 и 0,97). Причем, как было неоднократно показано Л.В. Миловым, особую роль в вотчинном пашенном хозяйстве играла прослойка холопского населения (коэффициент 0,84). В вотчине хорошо заметна роль пустоши как резерва пахотных земель и сенокосных угодий (коэффициенты 0,62 и 0,77), причем этот резерв видимо, так или иначе вовлекается в хозяйственный оборот, на что указывает взаимосвязь количества пустошей и количества крестьянского, бобыльского и зависимого населения в целом (коэффициенты, соответственно, 0,58, 0,68, 0,57).

Еще более показательны коэффициенты, характеризующие неземледельческий сектор вотчинного хозяйства и его инфраструктуру. Так, чем крупнее была вотчина (см. показатели: 1) количества поселений, 2) общего количества поселений и пустошей, 3) общего количества «четвертной пашни»), чем лучше она была населена (общее количество дворов зависимого населения) и чем активнее в ней шли процессы хозяйственного освоения (количество «пашни паханой»), тем больше в ней было дворов неземледельческого (торгово-ремесленного и промыслового) населения (в порядке перечисления коэффициенты составили 0,76, 0,73, 0,61; 0,83; 0,75). Мельницы (см. самую нижнюю строку Таблицы 2) как один из важнейших компонентов инфраструктуры сельскохозяйственного производства того времени, чаще всего ставились именно в вотчинах, включавших в себя наибольшее количество поселений и пустошей ($r = 0,68$), крупных по общей площади ($r = 0,73$), а также в наиболее «распаханных» ($r = 0,72$).

Иной выглядит ситуация в поместных дачах (Таблица 3). Отметим, что, в принципе, коэффициенты взаимосвязи количества населения и земельных угодий здесь также достаточно высокие. Например, коэффициенты корреляции количества «пашни паханой» и 1) крестьянских дворов и 2) бобыльских дворов составили 0,77 и 0,79. Однако она слабеет при сопоставлении последних с общим количеством «четвертной пашни» (0,54 и 0,59 соответственно). Практически отсутствует или крайне слабая связь показателей количества земельных угодий (каждого из типов или общей суммы) с общим количеством населения, количеством холопских, владельческих дворов, наличием поместного двора. Очевидно, что по большинству значимых парамет-

ров уровень взаимосвязи заметно слабее, и это хорошо согласуется с теми различиями в состоянии поместий и светских вотчин, которые были показаны выше посредством некоторых показателей дескриптивной статистики.

Содержательно полученные результаты подтверждают наблюдения Л.В. Милова. Однако этот результат важен и с методической точки зрения. Многочисленные высокие значения коэффициента корреляции нельзя объяснить только возможной спецификой сведений суздальской писцовой книги – иначе не были бы видны столь очевидные различия в результатах анализа поместий и вотчин. Видимо, эти значения обусловлены, в первую очередь, реальным экономическим состоянием владений. Таким образом, проведенная сплошная обработка данных писцовой книги Суздальского уезда показывает, что предложенная Л.В. Миловым идея применения корреляционного писцовых сведений дает значимые и схожие результаты применительно к очень различным регионам. В этом можно видеть залог успешного изучения огромного комплекса материалов валового письма первой трети XVII в. с помощью самых современных компьютерных методов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Все таблицы составлены на основе сплошного анализа ЭБД, созданной путем полного перевода количественной информации текста всей писцовой книги в электронную форму. Во всех таблицах римскими цифрами обозначены следующие признаки: I. Всего поселений и пустошей во владении. II. Всего поселений во владении. III. Всего пустошей во владении. IV. Всего сенных покосов во владении. V. Всего «пашни паханой» во владении. VI. Всего перелогом и лесом поросшей пашни во владении. VII. Всего «четвертной пашни» во владении. VIII. Всего крестьянских дворов во владении. IX. Всего бобыльских дворов во владении. X. Всего холопских дворов во владении (включая «людских», «деловых людей» и т.п.). XI. Всего дворов неземледельческого (торгово-ремесленного, промыслового и т.п.) населения во владении. XII. Общая сумма всех дворов всех категорий зависимого населения во владении. XIII. Господские дворы. XIV. Всего пустых дворов во владении. XV. Всего церковных дворов во владении. XVI. Мельницы.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции основных хозяйственно-демографических показателей земельных владений в уезде в целом

XVI	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I
0,63	0,86	0,69	0,71	0,85	0,66	0,79	0,92	0,90	0,90	0,90	0,81	0,87	0,93	0,93	I
0,62	0,79	0,75	0,58	0,83	0,70	0,78	0,93	0,91	0,81	0,76	0,79	0,78	0,71	1	II
0,54	0,80	0,52	0,72	0,75	0,52	0,70	0,76	0,76	0,86	0,90	0,72	0,83	1		III
0,56	0,94	0,56	0,82	0,90	0,47	0,78	0,88	0,91	0,96	0,92	0,91	1			IV
0,52	0,90	0,56	0,82	0,91	0,50	0,72	0,90	0,94	0,94	0,82	1				V
0,66	0,89	0,62	0,78	0,81	0,46	0,75	0,84	0,85	0,96	1					VI
0,63	0,94	0,62	0,83	0,90	0,50	0,78	0,91	0,93	1						VII
0,60	0,91	0,71	0,74	0,95	0,63	0,81	0,96	1							VIII
0,60	0,88	0,69	0,70	0,93	0,66	0,73	1								IX
0,57	0,77	0,64	0,65	0,72	0,58	1									X
0,46	0,49	0,73	0,34	0,54	1										XI
0,48	0,88	0,55	0,73	1											XII
0,47	0,80	0,39	1												XIII
0,63	0,60	1													XIV
0,60	1														XV
1															XVI

Таблица 2. Коэффициенты корреляции основных хозяйственно-демографических показателей светских вотчин

	XVI	XV	XIV	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	
XVI	0,68	0,85	0,71	0,67	0,90	0,73	0,79	0,91	0,86	0,88	0,93	0,86	0,88	0,88	0,89	0,93	1
XV	0,66	0,81	0,83	0,52	0,98	0,76	0,84	0,95	0,96	0,83	0,88	0,73	0,95	0,67	1		II
XIV	0,58	0,75	0,42	0,74	0,64	0,56	0,57	0,68	0,58	0,77	0,81	0,86	0,62	1			III
XIII	0,72	0,82	0,91	0,48	0,97	0,75	0,84	0,92	0,97	0,85	0,91	0,74	1				IV
XII	0,65	0,78	0,52	0,55	0,68	0,43	0,60	0,73	0,64	0,86	0,95	1					V
XI	0,73	0,86	0,74	0,56	0,86	0,61	0,75	0,87	0,84	0,91	1						VI
X	0,66	0,91	0,66	0,61	0,81	0,55	0,75	0,81	0,79	1							VII
IX	0,63	0,78	0,91	0,48	0,98	0,78	0,89	0,90	1								VIII
X	0,65	0,79	0,79	0,51	0,96	0,81	0,72	1									IX
XI	0,53	0,77	0,77	0,55	0,84	0,55	1										X
XII	0,53	0,56	0,79	0,45	0,83	1											XI
XIII	0,66	0,80	0,89	0,51	1												XII
XIV	0,45	0,64	0,33	1													XIII
XV	0,61	0,67	1														XIV
XVI	0,61	1															XV
	1																XVI

Таблица 3. Коэффициенты корреляции основных хозяйственно-демографических показателей поместий

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
I	1															
II	0,74	1														
III	0,83	0,24	1													
IV	0,59	0,77	0	1												
V	0,78	0,38	0,82	0,40	1											
VI	0,84	0,60	0,71	0,71	0,93	1										
VII	0,58	0,53	0,39	0,64	0,52	0,66	1									
VIII	0,64	0,92	0,15	0,77	0,30	0,54	0,52	1								
IX	0,67	0,92	0,20	0,79	0,35	0,59	0,59	0,93	1							
X	0,41	0,41	0,25	0,46	0,29	0,41	0,38	0,35	0,48	1						
XI	0,18	0,17	0,12	0,14	0,09	0,13	0,20	0,10	0,31	0,64	1					
XII	0,49	0,68	0,14	0,58	0,27	0,44	0,42	0,70	0,73	0,38	0,24	1				
XIII	0,32	0,26	0,25	0,42	0,35	0,44	0,34	0,22	0,23	0,20	0,04	0,19	1			
XIV	0,16	0,21	0,05	0,34	0,12	0,23	0,18	0,19	0,21	0,23	0,05	0,14	0,22	1		
XV	0,44	0,52	0,20	0,57	0,29	0,45	0,51	0,58	0,59	0,38	0,22	0,44	0,25	0,25	1	
XVI	0,15	0,12	0,11	0,20	0,13	0,18	0,12	0,10	0,11	0,09	0,09	0,09	0,22	0,12	0,12	1

1. Воробьев В.М. Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986.
2. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Очерк по истории экономи-

- ческого быта Московской Руси. М., 1906.
3. *Дмитриева З.В., Черкасова М.С.* Конференциям по изучению писцовых книг – 25 лет // Российская история. 2014. № 1.
 4. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.
 5. *Степанова Л.Г.* Реконструкция освоенности земельных угодий на основании данных Генерального межевания и писцовых книг. // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., 2013.
 6. *Степанова Л.Г.* Фискальная политика Московского государства и бюджет крестьянского хозяйства Новгородской земли в конце XV – начале XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. М., 2014.
 7. *Фомин Н.К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982.
 8. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 1.
 9. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII – XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.
 10. *Черненко Д.А.* К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4.
 11. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Сведения о четвертной пашне писцовой книги Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 в свете изучения налогообложения в России первой половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. М., 2014.
 12. *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013. М., 2014.
 13. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.

УДК.94(47).05

С.А. Никонов¹

**Актный архив Троицкого Печенгского монастыря
по документам церковного и государственного кадастра
XVII–XVIII вв.²**

Акты; архив; Троицкий Печенгский монастырь; Кольский уезд.

¹ Никонов Сергей Александрович, Мурманский государственный гуманитарный университет (РФ, Мурманск), к.и.н., snikonov-77@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Актный архив Троицкого Печенгского монастыря XVI–XVIII веков: историография, публикации, архивные документы»), проект № 15-11-51002 а(р).

В статье рассматривается состав актового архива Троицкого Печенгского монастыря на материале кадастровых источников XVII–XVIII вв. Выявляется количество и виды актов архива монастыря, показывается разная степень информативности документов кадастра в зависимости от целей, ставившихся при их составлении.

Большое значение для реконструкции архивов средневековых русских монастырей имеют документы государственного и церковного кадастра. Во многом благодаря им удастся получить представление об архивах монастырей и духовных учреждений XVI–XVIII вв. Исключение не составляет и Троицкий Печенгский монастырь, возникший во второй четверти XVI в. на р. Печенге (западная часть Кольского п-ова, на границе с современной Норвегией). За свою более чем двухвековую историю монастырь неоднократно подвергался бедствиям (нападение неприятеля, пожары), наносившим ущерб не только его материальному состоянию, но также библиотеке и архиву. Вследствие этого документы Печенгского монастыря в настоящее время не представляют единого собрания, хранящегося в одном из современных архивов: они рассредоточены по разным фондам духовных и светских учреждений архивохранилищ Архангельска, Москвы и Санкт-Петербурга. При этом значительная часть монастырского архива на сегодняшний день утрачена.

В этих условиях значение приобретают документы государственного и церковного кадастра XVII–XVIII вв., отразившие состояние актового архива Печенгского монастыря. Охарактеризуем эти источники. Во-первых, это книга Троицкого Печенгского монастыря «письма и дозору» писца А.И. Михалкова и дьяка В. Мартемьянова 1608 г. Книга включена в состав писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг. тех же писцов. Писцовые книги конца XVI – начала XVII в., как было показано в историографии, помимо основной – учет налогообложения, выполняли и дополнительные функции государственного контроля и учета церковного имущества и землевладения. Исключение здесь не составляла и писцовая книга Кольского уезда, поставившая под контроль владения крупнейшего местного монастыря – Троицкого Печенгского. В книгу включены упоминания различных актовых источников, служивших юридическим основанием владельческих прав монастыря на различные виды промысловых угодий.

Вторую группу интересующих нас документов составляют описи монастырского имущества. Самой ранней из них является опись 1658 г., составленная в связи с передачей Печенгского монастыря в ведение Крестного Онежского [5, № 58, с. 92-100]. Текст описи сохра-

нился не полностью, последние листы источника утрачены. В описи 1658 г. содержится перечень актов монастырского архива, подтверждавших его владельческие права на промыслы в уезде. Описи более раннего времени нам неизвестны.

Остальные описи монастырского имущества относятся к XVIII в. и датированы 1711, 1721, 1722, 1727, 1728, 1757 и 1765 гг. [3; с. 76-132, 342-354]. Составление этих описей было инициировано высшей государственной и церковной властью. Описание актов архива содержат не все перечисленные описи, а только четыре из них – 1721, 1727, 1728 и 1757 гг. Описи 1727 и 1728 гг. содержат данные только о количестве грамот, не раскрывая их содержания.

Охарактеризованные источники позволяют раскрыть количественный состав документов архива Троицкого Печенгского монастыря, типы и хронологию актов. К этим вопросам мы и обратимся.

В писцовой книге А.И. Михалкова упоминаются две датированные жалованные грамоты Печенгскому монастырю – царей Федора Ивановича (1591 г.) и Василия Шуйского (1606 г.) [2; с. 417, 421, 432-433, 436, 442-443]. Кроме них, в источнике упоминается жалованная грамота царя Ивана Грозного, не имеющая датировки, выданная монастырю до 1574–1575 гг. – времени, когда было составлено предыдущее писцовое описание уезда писцом В.Т. Агалиным [2; с. 434, 438, 458]. По всей видимости, эту грамоту писцы начала XVII в. не видели, а ссылались на нее по предыдущей писцовой книге, которую использовали как приправочную. При этом не всегда ясно, об одной грамоте идет речь в писцовой книге или нескольких, выданных на разные территории лопарских погостов.

Состав архива монастыря по писцовой книге 1608–1611 гг. по видам документов и хронологии распределяется следующим образом.

Таблица 1

Десятилетия	Виды актов				Всего
	Данная	Купчая	Запись	Без указания	
1550-е	2	2	2	-	6
1570-е	1	26	-	-	27
1580-е	1	15	1	-	17
1590-е	1	1	-	-	2
Недатированные	16	4	-	2	22
Итого:	21	48	3	2	74

Ист.: [2, с. 434-458]

Значительное количество (44,5 % от общего числа) актов монастырского архива относится к 1570–1580-м гг. Исходя из этого, можно предполагать, что именно на эти десятилетия приходится основное формирование вотчинных владений монастыря в уезде.

Порядка 30 % актов относятся к группе недатированных. Это связано с утратой документов в результате разорения монастыря шведским отрядом в 1589 г.

Преобладание среди актов монастырского архива купчих раскрывает основной способ формирования монастырской вотчины: скупка промысловых угодий у владельцев. На основе анализа упоминаний актов в писцовой книге выявляются и основные районы хозяйственной деятельности монастыря: р. Кола и Тулома – первый; земли лопарских погостов – второй; поморская волость Порья Губа – третий. Здесь развивались монастырские промыслы: на реках, озерах и Баренцевом море – рыбные, в Порьей Губе – соляной.

К середине XVII в. происходят изменения в составе актового архива Печенгского монастыря, заключавшиеся в значительном сокращении документов раннего времени.

Таблица 2

Десятилетия	Виды актов				Всего
	Данная / Вкладная	Купчая	Запись	Закладная	
1560-е	-	-	-	1	1
1570-е	-	3	-	-	3
1580-е	-	1	-	-	1
1590-е	1	1	1	-	3
1600-е	-	2	1	-	3
1610-е	-	4	-	-	4
1620-е	6	8	-	1	15
1630-е	3	4	-	1	8
1640-е	3	-	-	-	3
1650-е	1	1	3	-	5
Итого:	14	24	5	3	46

Ист.: [5, с. 94-100].

Акты второй половины XVI в. в архиве составляют незначительную часть – 17 % от общего числа. Сокращение документов находит свое объяснение в трагическом событии – в 1619 г. монастырь сгорел во время пожара в Кольском остроге [3, с. 11]. Очевидно, вместе с имуществом монастыря значительно пострадал и архив. Вместе с тем, обращает на себя внимание продолжение уже выявлен-

ных тенденций в составе монастырского архива: преобладание купчих грамот над другими видами актов. Судя по количеству актов, процесс роста монастырских владений продолжился в первой половине XVII в. и достиг пика в 1620-е гг.

Вплоть до второй четверти XVIII в. в нашем распоряжении нет источников, которые бы раскрывали состав актового архива Печенгского монастыря. Описи монастырского имущества второй четверти XVIII в. дают только суммарные данные о частно-правовых актах. Подробная информация в них содержится о царских жалованных и указных грамотах. Так, по данным описей 1727 и 1728 гг., в монастыре хранилось 78 документов [3, с. 120, 344]. Виды документов источники определяют следующим образом – купчие, закладные, данные, кабалы, записи и письма. Более подробных сведений об этих документах в описях мы не находим.

Также без конкретизации (когда и кем выданы, чему посвящены) в описях 1727 и 1728 гг. упоминаются царские грамоты монастырю. В монастырском архиве, согласно переписям, было 4 документа. Все эти подлинные грамоты в 1725 г. были взяты строителем Сильвестром в Санкт-Петербург [3, с. 120, 344]. Грамоты нужны были для решения вопроса о монастырских вотчинах.

Подробные сведения о царских грамотах монастырю, включающие не только даты выдачи и имена царей, но и краткий пересказ их содержания, встречаем в описях 1721 и 1757 гг. Количественные данные о царских грамотах на материале этих описей выглядят следующим образом.

Таблица 3

Грамоты	Описи	
	1721 г.	1757 г.
Ивана Грозного	-	1
Федора Ивановича	1	1
Василия Шуйского	1	1
Михаила Федоровича	1	14
Алексея Михайловича	1	6
Ивана и Петра Алексеевичей	-	5
Петра I	-	3
Итого:	4	31

Ист.: [3; 96-98, 350-352].

Значительные расхождения в количестве царских грамот монастырского архива объяснимы разницей в задачах, стоявших перед

составителями описей. Опись 1721 г. была инициирована царским указом от 20 декабря 1720 г., предписывавшим собирать уникальные исторические свидетельства по всем духовным учреждениям России. Подобное мероприятие в 1721 г. было проведено на территории всей Архангельской губернии, в состав которой входил и Кольский уезд [4]. В Кольском остроге, где стоял Печенгский монастырь, перепись документов была осуществлена комендантом города Иваном Нееловым и капитаном Иваном Еремеевым. Во внимание переписчиками были приняты только подлинные и «древние» грамоты, а не все документы монастырского архива. Напротив, в 1757 г. была составлена подробная опись всего монастырского имущества, включая и архив.

Из материалов описи 1757 г. следует, что наиболее древней жалованной грамотой монастырю была грамота Ивана Грозного, датированная 1556 г. А.И. Андреев вполне обоснованно отнес этот документ к разряду подложных [1]. Наибольшее количество документов монастырского архива относится к периоду правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (64,5 % от общего числа), что косвенно свидетельствует об активной хозяйственной деятельности монастыря.

Частные акты монастырского архива описями 1721 и 1757 гг. были проигнорированы.

Подведем итоги исследования. Документы государственного и церковного кадастра отражают состав архива Троицкого Печенгского монастыря в разной степени подробности. Наиболее подробные данные встречаем в источниках XVII в. (писцовая книга 1608-1611 гг., опись 1658 г.). Внимание переписчиков к актам было обусловлено практической потребностью: документы служили подтверждением права монастыря владеть угодьями в различных районах Кольского уезда. С начала XVIII в. практическое значение частных актов снижается, что было связано как с активным вмешательством государства в хозяйство монастырей (временная секуляризация монастырских владений в 1704 г.), так и с переводом Печенгского монастыря в разряд архиерейских домовых монастырей.

Точное количество актов не может быть выявлено. Особенно это относится к частным актам, неоднократно погибавшим в войнах и стихийных бедствиях. Так, к 1658 г. в монастырском архиве практически не сохранилось актов XVI в. В связи с этим, материалы кадастров являются порой единственным свидетельством о составе актового архива.

1. Андреев А.И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

2. Выписка из писцовой книги Алая Михалкова // *Харузин Н.Н.* Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Приложение 2-е.
3. Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков / Сост. и авт. статей Д.А. Ермолаев, С.А. Никонов. Мурманск, 2013.
4. *Санакина Т.А.* Архив и библиотека Холмогорского архиерейского дома и Сийского монастыря в 1721 году // *Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII – XX вв.).* Материалы III Афанасьевских чтений (с. Холмогоры, 9 сентября 2006 г.). Архангельск, 2008.
5. Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. Л., 1930.

УДК 94(47).048

М.Ю. Зенченко¹

«Второе валовое письмо» как элемент реформы внутреннего управления Россией конца XVII в.²

Второе валовое письмо; писцовые книги; межевые книги; землевладение; землеописание; XVII в.

Второе валовое письмо было одним из элементов реформы внутреннего управления Россией конца XVII в. Практика исполнения работ и формы их документирования определялись только нуждами властей и землевладельцев. Второе валовое письмо выполнило свою задачу по упорядочению земельного кадастра, зафиксировало результаты перераспределения части общегосударственного земельного фонда и тем самым способствовало повышению боеспособности поместных войск.

Кризис внутреннего управления, поразившей Россию в конце 60-х – начале 70-х гг. носил системный, но скрытый характер, а потому опознается лишь по ряду сопутствующих ему признаков. К такому можно отнести падение боеспособности поместного ополчения, особенно проявившееся в ходе борьбы с повстанческим движением Степана Разина в 1669–70-м гг.; неудачная попытка монетаризации налогов 1672/73 г. [1, № 48, 77 (I–II), 282; 2, № 36 (I–V)], которая окончательно развалила и без того нездоровую финансовую систему и – главное – политику неумеренных поместных придач, совершенно не обеспеченных реальными пахотными землями и сельхозугодьями. Здесь следует особо оговорить, что при всей внешней «огромности»

¹ Зенченко Михаил Юрьевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., mzrgada@gmail.com.

² Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14–01–0047.

территории даже Европейской части России, реальное количество «угодной» земли составляло едва ли половину общей площади. Все остальное находилось под болотами, чернолесьем и так называемыми «неудобьями» – щебнем, глиной, песком или оврагами. Добавим к этому, что даже при формальном сохранении системы условного держания земель, поместья фактически превратились в родовую собственность. В основном земли перераспределялись в рамках большой семьи (с учетом свойственников), в поместную придачу уходило только выморочное имущество, на которое не имелось претендентов-родственников. В отсутствие непосредственных военных угроз возрастало и общее количество лиц служилых по отечеству, т.е. имеющих право на получение земельных наделов. Здесь уместно напомнить, что, согласно проведенному правительством разбору 1678/79 г., дворян имеющих 24 и более дворов насчитали всего 16 097 человек; дворян имевших менее 24 дворов было 30 472 человек [7, с. 189]. Количество служилых людей, про которых выборщики сказали «что они люди скудные пустопоместные, а те их поместья безугодные и худыя, а иные безпоместные и безвотчинные...» составили самую большую цифру – 61 288 человек³.

Оперативно проведенный общегосударственный «разбор» поместного войска показал, что в правительстве уже осознали проблему обезземеливания дворянства. Поэтому история проведения второго валового письма фактически восходит к именному указу от 21 июня 1672 г., которым разрешалось давать порозжие земли «из диких поль» чинам московским и провинциальному городскому дворянству в 29 южных и западных уездах⁴. В задачу писцов входили: отвод новых поместий, измерение уже окультуренных земель с целью выявления незаконно используемых участков, и описание их границ. Между 1673–1677 гг. землеустроительными работами были охвачены всего лишь несколько южных уездов. Но полученный в их ходе опыт позволил перейти к работам уже в общегосударственном масштабе.

В этом заключается принципиальное различие между первым и вторым валовым письмом. Организация работ и структура документов первого в основном базировалась на традициях конца XVI в. Уже в ходе его проведения стала очевидной необходимость введения новой окладной единицы – «живущей четверти». Потребности государства к концу XVII в. стали существенно другими, соответственно изменились приемы работы и структура созданных документов. Кроме того,

³ ПСЗ. Т. II. № 744. С. 188.

⁴ Там же. Т. I. № 522.

следует учитывать, что государственная территория России не только существенно увеличилась, но и стала очень разнообразной. Были старые замосковные уезды с давно сложившейся системой землепользования и границами участков. Были уезды, где процессы хозяйственного освоения новых участков еще не завершились (к таковым в конце XVII в. относились Пошехонье, Ярославский, Костромской, Вологодский и, в какой-то степени, Нижегородский уезд). И, наконец, были относительно новые уезды, возникшие вдоль южных границ России. В них только начиналась раздача земель и их распашка, стремительно росло население. Но именно в них был самый высокий процент незаконно используемых земель – «примерных», т.е. незаконно присоединенных к своему участку, или используемых в результате какой-то уловки – «обвода».

Характер работ определялся спецификой региона. В центральных уездах необходимость в проведении всеобщего описания была минимальной. Дворянство скорее было заинтересовано в организации сыска беглых крестьян и ускорении процедуры решения межевых споров. В пограничье – в отводе новых участков и определении их границ. Как мы увидим далее, характер и состав сохранившихся документов отражает именно такую логику.

Вопрос о времени начала второго валового письма впервые был поднят К.А. Неволиным [5, с. 484]. Он предположил, что составление переписных книг 1677/78 гг. с учетом количества дворов, подразумевало и составление писцовых книг с учетом количества и качества земель. Впоследствии эта точка зрения была поддержана П.Н. Милюковым [4, с. 85]. Это не совсем верно. Более значимой датой является боярский приговор от 11 марта 1677 г. Из приложенного к приговору доклада следует, что дети боярские украинских городов, подав челобитные об отводе земель «из диких полей» в поместья, занялись самозахватом – «на тех землях поселились без дач и владеют теми землями многие годы»⁵. На эти же земли претендовало и дворянство замосковных городов – что бы «те земли дать им, московских чинов людям, в поместье для того, что те украинцы подав челобитные, за выписками не ходили и по сыску об отказных грамотах не били челом многие годы и месяцы». Принятое Федором Алексеевичем решение вряд ли устроило столичное дворянство: «а что московских всяких чинов люди на украинцев о тех землях бьют челом... и те указы тем украинцам не приличны потому, что они о тех землях били челом, и на них поселились, и службы великого государя служат с тех земель

⁵ Там же. Т. II. № 682. С. 96.

по вся годы, а люди молодчие и многие из них скудные, а поместий и вотчин иных за ними нет»⁶. Приговор Боярской Думы был таков: «детей боярских, которые поселились на порозжих землях и на диких полях... переписать» и по переписи дать из Поместного приказа отказные грамоты «кто имены и в которых урочищах и на сколько четвертей били челом и давно ль поселились»⁷, то есть боярский приговор фактически легализовал самозахват земель провинциальной служилой мелкотой.

Еще более интересным представляется именной указ от 4 мая того же года. Им предписывалось давать «дикия поля всяких чинов людям в поместье указныя статьи по чинам... а не в оклады»⁸. Значение этого указа серьезно недооценено в нашей историографии. Из него прямо следует, что набравший 500 или больше десятин «в придачу» стряпчий или дворянин московский не имел права требовать обеспечения их землей сверх «указных статей» (по указу ему полагалось всего 300). Для тех, кто успел получить землю в оклады, делалось исключение⁹; для прочих исключений не полагалось (в том числе и членам Боярской Думы) – «Да и впредь бояре приговорили: ...которым людям из диких поль помечено дать в оклады, а по пометам великаго государя грамот не имали: и те дикия поля против перваго их челобитья давать им в указныя статьи, а что останется за указными статьями, и то отдавать челобитчиком»¹⁰. Как мы уже говорили, к концу XVII в. рассчитывать на реальное наполнение своего земельного оклада служилый человек мог только из «диких полей», то есть неосвоенных и некультуренных земель юга России. После майского приговора вся система условных придач к поместным окладам потеряла всякий смысл.

Указами прямо предписывалось составление книг и выдача документов, удостоверяющих права землепользователей. Так оно было и на практике. Уже 28 сентября 1677 г. отводчики И.Д. Сонцов и подьячий Герасим Соболев записали «примерные» земли за помещиками И.Д. Щепотьевым и П.Н. Милюковым в Бруслановском ст. Елецкого у.¹¹ Собственно в этот период и начал складываться формуляр книг

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. № 690. С. 101.

⁹ Кому даны «многие земли по 600 и 400 и 200 четей человеку, и поместные их оклады исполнены больше указных статей... им те земли велено давать в оклад, а не в указныя статьи». Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 391. Л. 254а–267.

второго валового письма, которые исследователи считали «несохранившимися». В действительности сохранилось несколько тысяч документов как в подлинниках (в собственно книгах и в выдававшихся на руки владельцам отводных выписей), так и в списках конца XVII – середины XVIII вв. Такие цифры уже дают возможность и для статистических наблюдений. Ранее мы уже обращались к этому вопросу [3]. Наблюдения показали, что правительство стремилось к «наполнению» окладов столичного дворянства, жильцов и верхушки провинциального дворянства – выборных дворян. Кроме того, земельные участки массово отводились провинциальной мелкоте – беспоместным детям боярским. Именно их по разбору 1679 г. начали массово записывать в солдаты. Дачи членам Боярской Думы встречаются скорее как исключение из правила.

Решение о начале второго валового письма было оформлено боярским приговором от 25 августа 1680 г. – «поместные, и вотчинные, и порозжие земли и всякие угодья межеванные и немежеванные – мерить все, что по наезду писцов не будет, чтобы неописанных, и немереных и непрописанных земель и угодий не было»¹². В делопроизводственном разъяснении к указу было отражено требование записи посаженных на новые земли крестьян: «великий государь... указал и бояре приговорили: послать во все государство ис Помесного приказу валовых писцов. И переписчиком быть им же, и дворы переписывать преж валового письма» [6, с. 198].

Второе валовое письмо началось в полном соответствии с указом. Но началось оно с упорядочения *всей* системы землепользования России. В центральных уездах валовые писцы в первую очередь межевали участки; в качестве исключения – мерили их по изветам на примерные земли. В пограничье – отводили, мерили и межевали. Поскольку перед писцами ставились разные задачи, то и комплексы документов второго валового письма сохранились разные. Их условно можно разделить на две группы – книги со стандартным формуляром (писцовые и межевые), и книги, которые появились вследствие новых задач (мерные и межевые).

Именно такое разнообразие мы и наблюдаем в сохранившихся источниках. Так, например, писцовая комиссия Ф.Т. Беклемишева межевавшая Ярославский у., кроме *межевых* книг никаких других документов не составляла. Но это, как видим, не повод утверждать, что Ярославский у. не был охвачен валовым письмом. А последние *писцовые* книги Ливенского у. были составлены только в 1695 г., то

¹² ПСЗ. № 832. С. 275.

есть там было что писать, мерить и межевать.

Второе валовое письмо действительно было одним из элементов реформы внутреннего управления Россией конца XVII в. Но практика исполнения работ и формы их документирования определялись только нуждами властей и землевладельцев. В историографии широко распространилось мнение о некой «незавершенности» работ 1680-х гг. и «утрате» книг этого письма. Полагаю, что этот вопрос следует обсуждать только после введения в научный оборот всех сохранившихся книг 1677–1695 гг. На сегодняшний день можно только констатировать, что второе валовое письмо выполнило свою задачу по упорядочению земельного кадастра, зафиксировало результаты перераспределения части общегосударственного земельного фонда и тем самым способствовало повышению боеспособности поместных войск.

1. Акты Исторические. СПб., 1842. Т. V. 1676–1700.
2. ДАИ. СПб., 1862. Т. VIII.
3. *Зенченко М.Ю.* «И той их даче по межам, и по сыску, и по досмотру быть за ними...» (земельная политика в царствование Федора Алексеевича) // PALEOBUREAUCRATICA. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012.
4. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
5. *Неволин К.А.* Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // *Неволин К.А.* Соч. Т. 6. СПб., 1859.
6. *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912.
7. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. М., 1954.

УДК 94(47).046

П.В. Чеченков¹

Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г.

Московское государство; дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; землевладение; Нижний Новгород.

Работа посвящена изучению обстоятельств составления разборных списков 1630 г. и десяти денежной раздачи 1631 г. по Нижнему Новгороду, а также реконструкции утраченной информации этих документов.

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., chchenkoff@yandex.ru.

XVII столетие в истории России отмечено многочисленными войнами. Одной из них была Смоленская война 1632–1634 гг. Подготовка к ней началась еще 1630 г., когда были инициированы работы по проведению разбора служилых «городов» [2, с. 95-96]. Общерусские смотры уездных корпораций дворян и детей боярских, связанные с верстанями и разборами, крайне интересны с точки зрения изучения провинциального дворянства, поскольку от этих мероприятий сохранилось больше документов, а их изучение позволяет получить определенных хронологический срез состояния данной сословной группы. Нижегородская корпорация привлекает к себе внимание как с точки зрения своей роли в исторических процессах XVII в., так и с точки зрения обеспеченности источниками. Недавно группой сотрудников РГАДА был опубликован значительный комплекс поместной и разрядной документации по Нижегородскому уезду первой четверти XVII в. [3]. В своих работах мы неоднократно обращались к этим документам как на страницах сборников «Миловских чтений», так и в других изданиях. Были выяснены численность, структура, фамильный состав, особенности служилого землевладения соответствующего периода². Материалы Разрядного приказа в указанном сборнике заканчиваются десятой 1622 г., составленной в ходе первого общего разбора после Смуты. Следующим аналогичным мероприятием был указанный разбор 1630/31 г. Обращение к его материалам по Нижнему Новгороду – является следующим шагом в изучении данной корпорации.

Разбор было решено проводить в Москве по «половинам», которыми, сменяя друг друга через лето, служили дворяне и дети боярские в полках. Не позднее 19 июня 1630 г. боярин князь Ю.Я. Сулешев с дьяками Иваном Софоновым и Никитой Постниковым провели разбор первой половины ряда «городов», в том числе и Нижнего Новгорода. В августе они разобрали «другую» половину этих корпораций. В ходе данного разбора часть «городов», и Нижний Новгород в их числе, была переведена на новый порядок учета, в соответствии с их годностью к службе, – по статьям.

Сохранился не полный разборный список первой половины нижегородской корпорации 1630 г. (датирован В.Н. Козляковым [2, с. 95-97]). У документа отсутствует начальная часть с первой статьей и частью второй. Текст начинается с городских детей боярских второй статьи с окладом в 350 четей³. Разборный список «другой» половины

² Наиболее значимые работы: [5; 6; 7; 8; 9].

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 1117. Л 1–26.

сохранился полностью⁴. Автора известной монографии о служилом «городе» В.Н. Козлякова эти документы заинтересовали с точки зрения организации самого мероприятия, но подробно их анализировать он не стал. В появившемся десять лет спустя монографическом исследовании того же явления Т.А. Лаптевой, интересующие нас источники не затрагиваются [4].

Итак, материалы разбора по Нижнему Новгороду сохранились не полностью. Однако утраченный фрагмент с некоторой долей гипотетичности может быть реконструирован. Основой такой работы послужил один из так называемых алфавитов «старых» к десятиям. Они были составлены в конце XVIII в. в Разрядно-Сенатском архиве и содержат отсылки на листы подлинных десятен. Такой алфавит был успешно нами использован для восстановления «темных» мест нижегородской десяти 1618 г. [6]. Сложность настоящей ситуации заключается в том, что алфавитов к разрядным спискам нет. Однако имеется алфавит к очень близкому им источнику.

Дело в том, что после интересующего нас разбора была проведена раздача денежного жалованья, которую отразили десятии датированные 1 сентября 1630 г. князя С.В. Прозоровского, дьяков Ивана Софонова и Василия Яковлева. Основой послужили разборные списки боярина князя Сулешева [2, с. 98]. От этой десяти по Нижнему Новгороду сохранился алфавит, принадлежность которого именно к этому мероприятию определяется по дате (7139 г.) и указанию на скрепу дьяка Василия Яковлева⁵.

Алфавит позволяет восстановить полистовой порядок фамилий в исходном документе, но специфика источника состоит в следующем: во-первых, он не дает имен и отчеств, во-вторых, остается неизвестен порядок фамилий внутри одного листа десяти. Поэтому необходимо привлечение дополнительных источников. В таком качестве способны выступить Боярская книга 1627 г., содержащая список выборных дворян (высшего чина служилого «города») по Нижнему Новгороду и десятиа предыдущего разбора 1622 г. [1]⁶.

Ввиду того, что алфавит все же составлен не к разборным спискам, а к другому документу, важно понять, насколько они схожи друг с другом и, соответственно, имеется ли возможность использовать один для восстановления другого. Здесь помогает Боярская книга. Благодаря ее хронологической близости к разбору 1630 г., восстано-

⁴ Там же. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 7. Л 1–52.

⁵ Там же. Алфавитные указатели к десятиям. Кн. 8. Л. 58–60 об.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 12.

ления «выбора» в утраченной части разборного списка – самая легкая процедура. Отмечая в полистовом порядке фамилий десяти 1631 г. фамилии выборных дворян 1627 г., мы видим, что они концентрировались в утраченном документе двумя группами на листах 5-10 и 69-73. На листе 5 располагалось 5 фамилий, в то время как на остальных листах десяти, как правило, 2-3. Причем фамилии эти повторяются на листах 7-10 и 69-73. Это говорит о том, что на листах 5 и 6 располагался список окладчиков. Он был компактным, так как содержал только антропонимические данные. Фамилии на листах 69-73 полностью соответствуют разделу «выбора» разборного списка «другой» половины «города» 1630 г. Фамилия Жедринский для листов 69-73 указывается алфавитом один раз, тогда как в разборном списке их двое. Однако расхождения здесь нет. Поскольку в разборном списке они следуют друг за другом, а значит в десяти 1631 г. могли попасть на один лист. В таком случае указывает фамилию один раз.

Проведенные наблюдения свидетельствуют, что десяти 1631 г., также как и материалы разбора, описывает нижегородцев по двум половинам и описания эти совпадают, по крайней мере, частично.

Почти все фамилии выборных, известные по боярской книге, но отсутствующие в разборном списке «другой» половины, находим в отсылках алфавита к листам десяти 7-10. Исключения составляют М.А. Алфимов, чья фамилия вообще отсутствует в алфавите, и Д.С. Карамзин. Дальнейшее сопоставление показало, что лишний раз эта фамилия появляется на листе, соответствующем разделу, где были указаны отсутствующие на раздаче жалования. Порядок записи выборных в десяти соответствовал порядку боярской книге, кроме одного случая. В.Ф. Приклонский в десяти попал на один лист с И.С. Змеевым, став в этой половине корпорации первым или вторым по списку, а должен бы быть третьим. Это означает, что между 1627 и 1631 гг. его оклад вырос с 700 до 750 или 800 четей. Так же среди выборных обнаруживаем две новые фамилии это Арбузов и Доможиров. Сравнение десяти 1622 г. с алфавитом десяти 1631 г. позволяет отождествить первого из них Павлом Семеновым сыном, который в 1622 г. был дворовым сыном боярским, второго – с городовым сыном боярским Никитой Федоровым сыном. Судя по занятым ими местам, их оклады не изменились.

Таким образом, «выбор» первой половины служилого «города» в 1630-1631 гг. можно считать установленным: В.Ф. Приклонский, И.С. Змеев, А.П. Суровцев, С.В. Онучин, П.С. Арбузов, Т.П. Нармацкий, М.Н. Рокотов, Г.Д. Рохманов, Н.Ф. Доможиров.

Восстановление оставшейся части этой половины, т.е. дворовых и верхушки городских первой статьи – задача более трудная, так как здесь мы не располагаем таким надежным источником, как боярская книга. Анализ списка дворовых в десятне 1622 г. показал, что к началу 1630-х из 15 человек 8 получили чин выборных дворян, 3 остались дворовыми и были записаны в «другую» половину, 2 отсутствовали в учетных документах. Таким образом, у нас нет возможности напрямую заимствовать данные начала 1620-х гг. для заполнения лакун в документах начала 1630-х гг. Поэтому важно было продолжить работу по сопоставлению сохранившихся частей разборных списков 1630 г. с данными алфавита к десятне 1631 г. Благодаря этому мы, во-первых, получаем информацию о степени схожести остальных частей этих документов, помимо раздела «выбор». Во-вторых, соотнеся конкретные персоналии 1630 г. с фамилиями алфавита, мы можем обращаться к десятне 1622 г., подбирая к оставшимся фамилиям те личности, которые не были обнаружены в сохранившихся материалах разбора 1630 г.

Результаты проделанной работы дали повод для оптимистичной оценки возможности восстановить утраченный фрагмент. Почти всем позициям алфавита удалось найти соответствие в разборных списках. Таким образом, параллельно происходило и восстановление персонального состава утраченной десятки 1631 г.

Расхождения между ней и разборными списками немногочисленны. В первой половине «города» произошли какие-то передвижки в соседних рубриках: городские, которые могут выехать на службу только при условии выплаты жалования; городские – нетчики; городские старые, бедные и увечные. В «другой» половине после новиков третьей статьи появилась группа из 12 человек, соответствие которым в разборных списках нет. Возможно, это вновь поверстанные новики. Отдельной рубрикой перед умершими вынесены те, кто, как известно из разборного списка, был на различных службах и денег, соответственно, не получали. На 6 позиций увеличился список умерших.

В результате было выяснено, что утраченной части разборного списка первой половины (помимо уже восстановленного «выбора»), соответствовали в десятне листы с 11 по 21, на которых содержалось описание 26 служилых людей. Неожиданно на 11 листе, где должны быть зафиксированы дворовые с высшими окладами, появилась фамилия Костливецов, которой в десятне 1622 г. может соответствовать фигура Бориса Лаврентьева сына, но он тогда был городским с окладом в 250 четей. Чтобы занять столь высокую позицию его оклад

должен был бы увеличиться в двое, что маловероятно. Не считая этого случая, оклады на листах 11-14 постепенно снижаются с 550 до 300 четей (8 человек). Потом оклад у П.Р. Матюнина резко подскакивает, что сигнализирует об окончании списка дворовых и начале городских первой статьи. С 14 по 17 листы оклады вновь падают с 700 до 100 четей (8 человек). На 17 и 18 листах дважды появляется фамилия Приклонских, которым не удается найти соответствия в десятне 1622 г., а также Подбельский. Единственным ее носителем в 1622 г. был недоросль. Следовательно, на листах 17 и 18 записаны новики первой статьи. К ним на 19 листе примыкает фамилия Жедринский. Ее носителем, вероятно, был Андрей Тимофеев сын, которому в 1622 г. было 13 лет. Ниже начиналась «другая» статья, которую открывал дворовый Т.Г. Борисов. В «другой» половине корпорации тоже лишь один дворовый был записан во вторую статью. Борисов и в 1622 г. был последним из дворовых. Наконец, на листах 20-21 пять человек с окладами от 550 до 350 четей относились к городским второй статьи.

Получившаяся реконструкция оставляет вопросы. Если численность третьей статьи обеих половин «города» совпадает (62 и 63 человека), то первой и второй значительно отличаются (первая половина: первая статья – 29, вторая – 35; «другая» половина: 53 и 53). Это различие задано, положенным в основу алфавитом. Предполагать его ошибочность нет оснований. Сравнение алфавитов с сохранившимися десятнями показало, что в XVIII в. работа по их составлению была проделана добросовестно. Оставим разрешение этого недоумения, а также прочие наблюдения для будущих публикаций.

1. Боярская книга 1627 г. / Погот. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М., 1986.
2. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
3. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост.: А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015.
4. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
5. Черненко Д.А. Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. М., 2014.
6. Чеченков П.В. В конце Смуты: служилый «город» по нижегородской десятне 1618 года // Российская история. 2013. № 6.
7. Чеченков П.В. Нижегородская уездная корпорация служилых людей «по отечеству» в первой четверти XVII в. (по данным десятен): численность, структура, фамильный состав // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7(15). URL: <http://history.jes.su/issue.2012.3.11.7-15-/s207987840000198-6-1>
8. Чеченков П.В. Служилый Нижний в 1622 году (нижегородская десятня

1622 г.: персональный состав и основные параметры уездной служилой корпорации) // Открытый текст: электрон. периодич. издание. [Н. Новгород], 2014. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=5379>

9. *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начале XVII века // Русское средневековье. М., 2012.

УДК 94(47).044

В.Н. Глазьев¹

Коллективные челобитные как средство взаимодействия общества и власти во второй половине XVII в. (по материалам южных уездов России)

Юг России; коллективные челобитные; воеводы; сословия.

Совместные челобитные второй половины XVII в. позволяли представителям общества отстаивать свои интересы, воздействовать на персональный состав местных администраторов.

Население русских городов и уездов в XVII в. не являлось пассивным объектом управления, оно активно влияло на состав и деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные. На юге России во второй половине XVII в. существовала традиция составления коллективных челобитных на местных администраторов с просьбами или продлить время пребывания в должности воевод, стрелецких и казачьих голов, подьячих, или наоборот, отстранить их от должности.

В наказах воеводам среди прочего предписывалось: «людям обид, и насильств, и никаких налог не делать, и всяким служилым и жилецким людям на себя изделья всякого делать не велеть»². За различные притеснения, «посулы и поминки», несправедный суд воеводе грозила опала и наказание: «велим на тебе доправить все сполна»³. Подобные указания носили, в целом, декларативный характер. По справедливому суждению Е.Н. Швейковской, воевода «был не лишен стремления, используя свои властные prerogatives, привлекать местное население для удовлетворения своих хозяйственных нужд» [3, с. 293]. При этом характеры и методы действий должностных лиц резко различались, что вызывало неоднозначное отношение к ним со

¹ Глазьев Владимир Николаевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., bob60_12@mail.ru, vng@main.vsu.ru.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1908. Л. 33.

³ Там же. Д. 333. Л. 114–115 об.; Ср. Там же. Д. 606. Л. 34–35.

стороны местных «миров».

Воронежский воевода с 25 марта 1655 г. торопецкий дворянин В.Я. Непейцын, получивший тяжелое увечье в боях – «сечен саблей в четырех местах да переломлена нога ис пищали», не вызвал против себя исков со стороны воронежцев. Другой торопченин И.Я. Кушелев, назначенный воронежским воеводой через два года⁴, представлял собой иной тип местного руководителя. В 1658 г. воеводе Белгородского полка кн. Г.Г. Ромодановскому была передана челобитная воронежских дворян, детей боярских, атаманов и беломестных казаков с обвинениями против И.Я. Кушелева. Г.Г. Ромодановский направил из Белгорода в Воронеж дворянина с предписанием произвести сыск про злоупотребления воеводы.

Материалы сыска были присланы в Разряд. На место И. Кушелева в Воронеж назначен новый воевода С. Хрущев. 27 марта 1659 г. в Разряд поступили две новые коллективные челобитные воронежских дворян, детей боярских, поместных казаков и беломестных атаманов. Их составители подчеркивали, что И. Кушелев смещен с должности по их челобитью. В документе содержалась просьба передать И. Кушелева на поруки, чтобы он не уехал из Воронежа до окончания судебного разбирательства⁵.

Новый воевода С. Хрущев, как и его предшественник, оказался не угоден местному «миру». Против него в Белгороде в 1660 г. воронежскими служилыми людьми была подана очередная коллективная челобитная. В ответ на нее Г.Г. Ромодановский назначил сыск. 20 сентября 1660 г. на место С. Хрущева из Разряда был послан новый воевода⁶.

Коллективные петиции с обвинениями должностных лиц составлялись и другими сословными группами. В сентябре 1692 г. воронежские стрельцы и казаки обратились к царю с челобитной об отзыве стрелецкого и казачьего головы Ю. Шарфа⁷. 2 марта 1694 г. жалобы воронежских стрельцов и казаков вызывал уже новый голова С. Мальцев. Он собирал со служилых людей налог, называемый им «отжинным хлебом», размер которого был значительным – по осьмине ржи с двора. Челобитчики ранее такой подати не платили. Не знали о подобном налоге и в Разрядном приказе. Его руководители запрети-

⁴ Там же. Д. 449. Л. 30–37, 48–55.

⁵ Там же. Д. 478. Л. 146–147.

⁶ Там же. Д. 449. Л. 60, 60 об.

⁷ Там же. Д. 1366. Л. 32–48.

ли незаконные поборы и потребовали объяснений от головы⁸.

Но «мир» мог бороться не только против, но и за воевод, стрельцких и казачих голов, подьячих. Известен целый ряд совместных обращений в столицу местных сословных групп с просьбой о назначении или продлении пребывания в городе тех или иных должностных лиц. В коллективной челобитной из Воронежа 1680 г. содержались похвалы воеводе М. Вырубову, пребывающему на своем посту второй год и не допускавшему обид местным жителям. Челобитчики просили продлить его воеводство в Воронеже⁹.

Челобитная заверена 35 рукоприкладствами, часть из которых представляет лично подписавшегося, часть – иных лиц или группы населения. Поименно названо 65 человек, попросивших поставить подпись вместо себя. Среди подписавших челобитную лично – настоятели монастырей, священник, дворяне и дети боярские, ротмистр, земский староста, грамотные посадские люди. Вместо стрельцов, части полковых казаков, посадских людей (в том числе второго земского старосты) подписались их духовные отцы из числа священников. Приложили руки представители беломестных и полковых казаков, пушкарских десятников и рядовых пушкарей. Таким образом, обращение к царю поддержали представители всех основных сословных групп города и уезда, исключая крестьян и бобылей. Руководство Разряда оказалось в затруднительном положении, так как на место М.И. Вырубова, двухлетний срок пребывания в должности которого истек 25 марта 1681 г., был назначен кн. И.С. Шаховской. На челобитной нет окончательной резолюции, но, предположительно, просьбу воронежцев в данном случае не удовлетворили. 3 июня 1681 г. кн. И.С. Шаховской находился в Воронеже в качестве воеводы¹⁰.

10 августа 1687 г. в Разрядном приказе рассматривалась новая коллективная челобитная из Воронежа, поданная от имени «всяких чинов городских и уездных людей всем городом». В ней отмечалось, что воевода В.И. Лаговчин с радением выполняет правительственные поручения, а в отношении местных жителей не допускает обид, судит «в правду», «бескорысно и безволокидно»¹¹. Составители бумаги хотели оставить В.И. Лаговчина воеводой на третий год.

⁸ Там же. Д. 1392. Л. 61–68.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 981. Л. 39–42, 39 об.–42 об., 43 об.

¹⁰ ГАВО-3. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 112. Л. 1.

¹¹ Такой срок был зафиксирован в Разрядном приказе. В челобитной воеводство В.И. Лаговчина обозначено несколько по-другому: с 7 октября 1685 г. по 7 октября 1687 г.

Челобитная заверена 69 рукоприкладствами, которые представляют лично подписавшихся или других лиц и группы населения. Грамотные поставили подписи вместо 606 воронежцев, перечисленных по именам. Как и в предыдущем случае, обращение к правительству поддержали все категории населения (от имени крестьян и бобылей выступали дети боярские). В отличие от 1680 г. в данной челобитной более широко представлен город и уезд. Дети боярские названы с указанием их сел и деревень. Выделено низшее управленческое звено города и уезда: перечислены по именам становой голова Борщевского стана, сельские заказчики и десятники, казачьи пятидесятники, стрелецкие пятидесятники, пушкарские десятники¹².

На место В.И. Лаговчина еще 22 декабря 1685 г. был определен стольник Н.Л. Головкин за смерть отца и за собственные службы. Известие о коллективной челобитной воронежцев заставило Н.Л. Головкина обратиться в Разряд за подтверждением принятого ранее решения. По его мнению, В.И. Лаговчин сам организовал составление документа в свою поддержку.

Но в Разряде не могли игнорировать столь внушительного волеизъявления воронежцев. Поэтому было принято компромиссное решение. Срок пребывания в должности В.И. Лаговчина продлили, но не на год, как просили челобитчики, а на 2 месяца 28 дней.

В марте 1690 г. в Разряд поступила необычная петиция из Воронежа. На этот раз ее составители не добивались продления срока пребывания в городе действующего администратора, а хотели повторного назначения воеводы, покинувшего город 4 с половиной года назад. Речь шла о стольнике О.А. Нармацком – воронежском воеводе с 14 сентября 1683 г. по 3 октября 1685 г. Как и в коллективных прошениях 1680 и 1687 гг., в документе отмечалось отсутствие обид местным жителям и бескорыстие воеводы. В то же время авторы челобитной подчеркивали, что все государственные и частные дела О.А. Нармацкий решал быстро, за что неоднократно получал из Москвы грамоты с похвалой. Как особая заслуга воеводы выделялась организация донских отпусков.

На обороте челобитной 35 рукоприкладств. Поименно названо около 150 человек, как правило, без обозначения принадлежности к определенной сословной группе¹³. Окончательной резолюции по данному документу не известно, но, предположительно, просьба челобит-

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1310. Л. 1–5, 1 об.–13 об., 14–16.

¹³ Там же. Д. 1524. Л. 32–34, 32 об.–37 об.

чиков осталась без ответа. Повторного пребывания в Воронеже О.А. Нармацкого в качестве воеводы источниками не отмечено.

В начале 1690 г. в Москву поступило совместное прошение воронежских дворян и детей боярских о назначении подьячего приказной избы Игнатия Маторина подьячим «со справою». Игнат Маторин, согласно челобитной, заботится о государственных делах и решает спорные дела по справедливости. В ряду рукоприкладств перечислено 70 человек – дворян, детей боярских, беломестных атаманов и казаков¹⁴. Челобитная рассматривалась руководителем Разряда Т.Н. Стрешневым, который распорядился повысить И. Маторина в должности¹⁵.

Московские власти пошли навстречу воронежским стрельцам и казакам, которые весной 1696 г. ходатайствовали о продлении на один год срока службы стрелецкого и казачьего головы курянина Х.П. Переверзева. Приняв во внимание доводы стрельцов и казаков, Т.Н. Стрешнев распорядился оставить Х.П. Переверзева на третий год¹⁶.

В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения по поводу губных старост. Мценские служилые люди добивались ликвидации должности воеводы и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многое зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросу велась борьба ведомств – Разряда, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить губных старост на местах. Петр I поддержал Разряд – в 1698 г. в городах Белгородского полка губные старосты были ликвидированы, а в 1702 г. – это произошло по всей стране [1, с. 160-166].

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политически активной части местного «мира».

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились города Белгородского полка. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание оборо-

¹⁴ Там же. Д. 1527. Л. 168–169, 168 об.–169 об., 241–243.

¹⁵ Там же. Л. 933–934, 933 об.–934 об.

¹⁶ Там же. Д. 1413. Л. 281–285, 281 об.

носпособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. С этих позиций Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения.

В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемого в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромисса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение. С другой – имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Все это оказывало влияние на принятие решения.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление во второй половине XVII в. Параллельно шел процесс бюрократизации и централизации местного управления. Важное значение для понимания изменений в местном управлении России в XVII в. имеют выводы Н.Ф. Демидовой, отметившей, в частности, «известное отставание на местах» процесса бюрократизации по сравнению с центром страны [2, с. 28]. Тем не менее, приказное начало усиливалось и в провинции – численность аппарата съезжих изб к концу XVII в. возросла.

В местном управлении второй половины XVII в. на разных уровнях принимали участие представители сословий. Они не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие на власть, высказывали свои требования и активно отстаивали их, используя доступные им легальные средства.

1. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в. Противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
2. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
3. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

Служилые люди засечных черт области понизовых городов накануне Разинщины²

Служилые люди; дворяне; дети боярские; стрельцы; казаки; служилые татары; мордва и чуваша; расселение; Разинщина.

В статье рассмотрены состав и численность основных категорий служилых людей гарнизонов засечных линий области понизовых городов накануне Разинщины. Приведены общие сведения об их земельном обеспечении на территории пограничных уездов.

Восстание под предводительством С.Т. Разина, охватившее огромные территории юго-востока и юга европейской части России, явилось одним из важнейших факторов, оказавших влияние на дальнейшее развитие страны. Однако изучено оно далеко не полностью. Прежде всего, это касается складывания основного очага повстанческого движения в пограничных со степью районах массового расселения. Имеющихся исследований по отдельным территориям явно недостаточно для того, чтобы составить единую цельную картину, происходивших в ареале повстанческого движения, событий [18; 8; 25]. В свое время И.В. Степанов писал: «Особенно сложно исчерпывающе осветить социально-экономические предпосылки крестьянской войны... Особо сложным участком являются народы Поволжья...» [Цит. по: 24, с. 13-14].

В связи с этим, нами предпринята попытка в самых общих чертах рассмотреть численность и состав служилых людей гарнизонов засечных линий европейского юго-востока России; особенности их землевладения накануне Разинщины.

Эпицентром развертывания повстанческого движения осенью 1670 – зимой 1671 г. стали южные и юго-восточные уезды области понизовых городов. Неоднородность этого региона была обусловлена спецификой его колонизации, особенностями расселения различных социальных и этноконфессиональных групп населения.

Основные земли бывшего Казанского ханства и прилегающие к ним с запада территории (Казанского, Свияжского, отчасти Чебоксар-

¹ Дубман Эдуард Лейбович, Самарский государственный университет (РФ, Самара), д.и.н., dubmane@mail.ru.

² Исследование подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 15-11-63001 а(р), «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.»

ского, Алатырского и других уездов) к 1660-м гг. являлись своеобразной «внутренней окраиной» страны. Здесь была сформирована совокупность уездов, городов и пригородов с гарнизонами, создана воеводская система, сложилась устойчивая сеть расселения коренного и русского населения. На южных и юго-восточных окраинах этого региона подобные процессы начались значительно позднее. Массовый характер они приобрели только после создания в середине XVII в. системы засечных линий и складывания новых пограничных уездов (Симбирского, Саранского, Инсарского, закамской части Казанского и других). В середине – третьей четверти XVII в. это было пространство пограничья, фронта. Значительную, если не основную часть его населения составляли служилые люди [4, с. 106-108], находившиеся под защитой законодательства о заказных городах [15, с. 363; 10, с. 19-25]. Без их поддержки невозможно было стремительное распространение Разинщины, как тогда писали, «по черте».

Самые общие особенности формирования служилого населения в этой зоне пограничья позволяют выявить сметы вооруженных сил 1651 и 1661-1663 гг., а также немногочисленные сохранившиеся десяти, строевые, переписные и писцовые книги. Так, по сметному списку 1651 г. на Карсунскую и Симбирскую линии перевели соответственно 2589 и 3775 ратных людей [22, с. 30-31], на Саранскую (Атемаро-Саранскую) – 2148 [22, с. 30]. В среднем на 1 километр укреплений приходилось от 15 до 18 служилых людей.

Подавляющее большинство поселенных по Симбирской черте составляли русские стрельцы и казаки; на Карсунской - их было около 40 % (из них более 60 % новоприборных). Высокая доля новоприборных из разных социальных слоев была характерным признаком формирования служилого населения всего региона [17, с. 200-204]. Основное количество детей боярских расселили по Саранской линии. Лишь 26 чел. указано по Симбирску, ни одного по Карсуну.

На Закамской линии в Заволжье по данным 1655 г. расселили 1271 чел.: смоленскую шляхту – 37,1 %, стрельцов – 21,5 % и конных казаков – 8 %, дворцовых крестьян, записанных в конные казаки – 24,0 %, ссыльных и т.д. [1, с. 124; 2, с. 193] Так, в Ерыклинск в 1653 г. были определены в конную «казачью службу» сто пятьдесят дворцовых крестьян [20, с. 147-148; 1. с. 120].

По сведениям строевой книги Симбирска и черты к 1652/53 – 1654 гг. количество казаков и стрельцов выросло почти на треть по сравнению с данными 1651 г. [14] По материалам верстанья в 1649-1650-х гг. симбирским воеводой И.Б. Камыниным количество детей

боярских, вместе с взрослыми сыновьями, составило 169 чел.³ [14, с. 36-71].

Сметы военных сил России 1661-1663 гг. также показывают резкий рост военизированного населения. По Симбирску и черте его численность составила 3353 чел. (113 дворян и детей боярских, 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чувашей и мордвы), по Саранской черте – 3479 чел. Лишь по Карсуну и Карсунской линии (2091 чел. – казаков, стрельцов, татар, чувашей и морды, а также пушкарей) ситуация практически не изменилась. По сравнению с данными сметы 1651 г., среди ратных людей по Симбирской и Саранской линиям резко выросло количество служилых татар и мордвы [23, с. 50-52]. В отличие от Предволжья, в Закамье численность служилых людей осталась стабильной [23, с. 45-46].

Наиболее значительный рост служилого населения происходил на территории уездов, прилегающих к Саранской, Карсунской и Симбирской линиям. Я.Е. Водарский, рассматривая численность однодворцев на 1662-1665 гг., отмечал, что Симбирский (4944 чел.), Казанский (4435) и Саранский (3479) уезды резко выделялись по этому показателю не только среди других пограничных уездов Юго-Востока, но и всей европейской части страны. Численность однодворцев «западной группы» уездов (по Керенской, Верхнеломовской, Инсарской засекам) была значительно ниже и не превышала 800-1000 служилых людей в каждом из них [4, с. 106-108].

Очевидно, что в первой половине 1660-х гг. система гарнизонов по засечным линиям области понизовых городов сложилась окончательно. Массовое испомещение служилых людей позволило заселить широкую полосу лесостепи и создать ряд новых уездов. Видимо, их количество, определенное к службе на начало 1650-х гг. по Симбирской, Карсунской и Саранской линиям, было достаточным для обеспечения безопасности региона. Переводы на рубеже 1650-х – 1660-х гг. отразили определенный процесс «оптимизации» численности вооруженных сил на территории региона [11, с. 232-234].

Основным военизированным населением в большинстве пограничных уездов являлись русские приборные люди. Как правило, их слободы занимали южные, наиболее опасные территории и были «прикреплены» к городам и пригородам засечных черт [21, с. 454-456; 9, с. 37]. Военные службы казаков и стрельцов были связаны, прежде всего, с охраной и защитой оборонительных линий. По всему рассматриваемому региону, за исключением отдельных случаев, существен-

³ Очевидно несоответствие между данными сметы 1651 г. и стрелецких книг.

ных различий в наделении землей стрельцов (8, 9 и 10 четвертей для рядовых, десятников и пятидесятников в одном поле соответственно) и казаков (20 четвертей для рядовых, 30 для десятников и 40 для пятидесятников) не наблюдалось [14, с. 20, 26, 30; 12, с. 22; 2, с. 195]. В целом, по размерам выделяемых им земель приборные люди области понизовых городов практически не отличались от подобных групп населения в южном пограничье России [3, с. 141-142].

Только на отдельных локальных территориях региона преобладали служилые мурзы, татары, чуваша и мордва. Наделы служилых татар и мордвы колебались от 20 (наделы мордвы) до 70 и более четвертей (в одном поле) [14, с. 71-76] и, очевидно, что в зависимости от положения они занимали всю нишу между конными казаками и детьми боярскими. Так, по подсчетам Р.Ф. Галлямова большинство служилых татар Предкамья Казанского уезда (449 из 619) не имели крепостных [6, с. 105-106; 5, с. 28].

Судя по симбирской строельной книге 1649-1650-х гг. все поселенные по черте дети боярские были мелкопоместными и получили не более 70 четвертей земли [14, с. 36-71]. По данным переписной книги того же уезда 1678 г. ситуация ненамного изменилась и после завершения Разинщины [19]. По материалам Атемарской десятины 1669-1670 гг., примерно такого же размера были поместья и в других уездах региона [7, с. 131-248].

В этом отношении размеры поместий детей боярских практически не отличались от подобных владений в уездах Белгородской черты, но, видимо, несколько превышали их размеры в Козловском и Тамбовском уездах [3, с. 120-124; 16, с. 66]. В любом случае, как правило, это были типичные для провинциального дворянства России малодворные поместья, владельцы которых относились к низшим категориям служилых людей по отчеству [13, с. 37-38].

1. *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII в. Уфа, 1999.
2. *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI – XVII вв. Уфа, 2010.
3. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.
4. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
5. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
6. *Галлямов Р.Ф.* После падения Казани... Казань, 2001.
7. Десятни Пензенского края (1669-1696) / Под ред. А. Барсукова. СПб., 1897.
8. *Димитриев В.Д.* Совместная борьба трудовых масс народов Среднего Поволжья против эксплуататоров в крестьянских войнах XVII века //

- Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986.
9. *Дубман Э.Л.* Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1.
 10. *Дубман Э.Л.* Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.
 11. *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665-1667 гг.). Симбирск, 1896.
 12. *Кадерова Т.Н.* Служилые люди по прибору в Мордовском крае в XVII веке // Центр и периферия. 2012. № 2.
 13. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке: автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2013.
 14. *Мартынов П.* Строельная книга города Синбирска 161-162 гг. (1653-1654 г.). Симбирск, 1897.
 15. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951.
 16. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. Тамбов, 1990.
 17. *Натаров А.И.* Ротация служилых людей в середине XVII века (на примере стрельцов, казаков и служилых инородцев крепостей Симбирск и Корсун) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1/1 (82).
 18. *Нестеров В.А.* Чувашия накануне Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина // Труды Чувашского сельскохозяйственного института. Т. 5. Вып. 2. Чебоксары, 1962.
 19. Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.
 20. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
 21. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. / Сост. *Ю.Н. Мельников.* Симбирск, 2014.
 22. «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989.
 23. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3.
 24. *Соловьев В.М.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.
 25. *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Разин и разницы на мордовской земле. Саранск, 1986.

Обновление состава воронежской служилой корпорации в период борьбы с восстанием Степана Разина 1670-1671 гг.

Дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; поместный и денежный оклад; Воронежский уезд; XVII в.

В статье рассматриваются социальные и личностные аспекты процедуры наделения служилых людей XVII в. поместными и денежными окладами.

История служилого сословия, его корпоративное устройство в современной науке становится объектом пристального внимания исследователей. В.Н. Козляков подверг всестороннему анализу функционирование служилого «города» в период от Смуты до Соборного Уложения 1649 г. [7]. Разнообразные аспекты жизнедеятельности провинциального дворянства XVII в. были рассмотрены в монографии Т.А. Лаптевой [9]. Перспективой дальнейших научных разысканий может стать изучение региональных служилых корпораций, специфики их образования и испомещения. Определенные результаты в изучении служилых «городов» достигнуты в работах В.Н. Глазьева [1], Д.А. Ляпина [10], О.В. Скобелкина [13], П.В. Чеченкова и Д.А. Черненко [15; 16].

Воронежская служилая корпорация играла важную роль в обеспечении безопасности южных границ России. В XVII столетии два фактора провоцировали нестабильность в развитии Центрально-Черноземного пограничного региона – регулярные набеги крымских татар [11] и наличие казачьей вольницы на Дону [8]. С началом бунта Степана Разина большинство «городов» Московского государства было вызвано на службу и брошено на подавление восстания. Для усмирения «воровских» казаков правительство остро нуждалось в лояльности детей боярских, поэтому стремилось соблюсти их корпоративные служилые интересы. В результате, в начале 70-х гг. XVII в. в городах проводились смотры и разборы служилых людей, запись новиков и недорослей в службу [9, с. 202]. Не стал исключением Воронежский уезд, где в 1671 г. велась подготовка к верстанию детей боярских поместными и денежными окладами. Верстание было статусной процедурой, означавшей полноправное вхождение сына бояр-

¹ Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., kamarauli@bk.ru.

ского в состав служилой корпорации.

Процесс расширения воронежской служилой корпорации отразился в материалах местного делопроизводства. В столбцах воронежской приказной избы отложились челобитные воронежских служилых людей о верстании их поместными и денежными окладами, поданные в июне 1671 г., всего 94 челобитных². Челобитные представляют собой цельный комплекс документов, положенный в основу настоящего исследования. Анализ источника позволяет говорить об определенном единообразии содержания челобитных, о зачатках некоего формуляра. В начале прошения челобитчик утверждал преемственность своей службы от старших поколений. В основной части документа предоставлялись сведения о службе дедов и отцов, иногда, дядей и братьев, а также данные об их поместных и денежных окладах. Далее, челобитчик указывал сведения о собственной службе и завершал документ непосредственной просьбой о верстании в Воронеже поместным и денежным окладом.

Анализ содержания челобитных позволяет сделать предварительные наблюдения и выводы. Итак, служба большинства детей боярских начиналась задолго до верстания (таблица 1). Половина воронежских детей боярских служила от 10 до 20 лет неверстанными, иные порядка 25 лет. Поскольку служба предполагала материальное основание – владение поместьями и вотчинами, то с чего служили столь длительное время неверстанные воронежские дети боярские? В основном, с поместий дедов, отцов, братьев и других родственников, о чем прямо сообщалось в некоторых челобитных. Например, сын боярский Л.Н. Сушков, ссылаясь на отца, служившего с жалованьем 150 четвертей, писал, что «ныне, государь, с того твоего государева жалованья, отца моего поместейца, служу твою государеву службу по городу в неверстанных детях боярских я, холоп твой», и срок его собственной службы насчитывал 13 лет³.

Нельзя исключать практику незаконного завладения поместьями неверстанными служилыми людьми. Воронежские дети боярские и служилые люди «по прибору» незаконно захватывали земли «дикого поля», владели ими «без дач, самовольством» [6]. Подобные явления не стали массовыми, но их нельзя сбрасывать со счетов.

² ГАВО-3. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 169. Л. 1–15; Д. 170. Л. 1–15; Д. 171. Л. 1–15; Д. 172. Л. 1–19; Д. 173. Л. 1–15; Д. 174. Л. 1–15.

³ Там же. Д. 170. Л. 3.

Таблица 1. Срок службы детей боярских (на момент подачи ими челобитной о верстании в 1671 г.)

Служат от 1 до 10 лет		Служат от 10 до 20 лет		Служат 20 лет и более		Не упоминают срок службы	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
20	21,3 %	48	51 %	7	7,5 %	19	20,2 %

Все, без исключения, челобитчики ссылались на службу старших родственников (таблица 2). Таким образом, утверждалась преемственность и непрерывность службы, подчеркивались заслуги нескольких поколений служилого рода. Из таблицы видно, что дети боярские по большей части ссылались на службу отцов – свыше 70 %. На службу дедов ссылались, например, те, у кого отцы служили, но не были поверстаны окладами, и, видимо, сыновья неслужилых отцов. Сын боярский Ф.Б. Лихачев указывал, что его дед служил «по Воронежу», а отец служил в солдатах в Белгородском полку неверстанным⁴. Возможно, подчеркивая заслуги дедов, дети боярские указывали на давность службы в роду. Крайне редкие ссылки на службу дядей или братьев дают дети боярские, не знавшие своих отцов и дедов.

Таблица 2. Основания для верстания челобитчиков – служба старших родственников

На основании службы отцов		На основании службы дедов		На основании службы дядей		На основании службы братьев	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
68	72,3%	17	18,1%	7	7,5%	2	2,1%

Характер службы провинциального дворянина XVII в. не предполагал заботы о честности рода в духе местничества, а классическое понимание «дворянской чести» еще не сформировалось. Заслуги старших поколений интересовали служилых людей с практической точки зрения, например, как основание для получения оклада или придачи к жалованью. Такой мотив прослеживается в некоторых челобитных, где дети боярские упоминают не просто сухие цифры сроков службы, но и указываются конкретные заслуги родственников и свои собственные: пребывание в плену, ранения, смерть отчичей, сотенную службу, участие в посылках. Особенно частыми были упоминания о сражениях русско-польской войны 1654-1667 гг., о родственниках, убитых в

⁴ Там же. Д. 171. Л. 14.

1659 г. в бою под Конотопом⁵, о сопровождении московских послов в Крым⁶, о пребывании в крымском плену⁷, о борьбе с «воровскими казаками» разинцами, об участии в отправке донских отпусков⁸.

Сам термин «верстать» означал «уравнивать», ставить «в ряд». Поэтому верстание новиков по статьям происходило в соответствии с размерами окладов их отцов и дедов. При этом, учитывался новичный, без придач, оклад отчичей. У воронежских детей боярских самыми распространенными были поместные оклады 150 и 200 четвертей и соответствующие им денежные оклады 5 и 6 руб. Незначительный процент высоких окладов в 300-400 четвертей и 9-14 руб. демонстрирует верхушка воронежского служилого общества. Отсутствие в челобитных информации по окладам предков объясняется тем, что челобитчики попросту их не знали, лишившись своих отцов в малолетстве (таблицы 3, 4).

Таблица 3. Сведения о поместных окладах дедов, отцов, дядей и братьев челобитчиков

100 четей		150 четей		200 четей		250 четей		300-400 четей		Не дают данных об окладе	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2	2,1 %	23	24,5 %	39	41,5 %	7	7,5 %	9	9,5 %	14	14,9 %

Таблица 4. Сведения о денежных окладах дедов, отцов, дядей и братьев челобитчиков

3 руб.		5 руб.		6 руб.		7-8 руб.		9-14 руб.		Не дают данных об окладе	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	1,1 %	15	16 %	32	34 %	8	8,5 %	6	6,4 %	32	34 %

Любопытны сведения о длительности службы предков, взятые из челобитных (таблица 5). Давность службы предков, как таковая, не влияла на размеры окладов при верстании. Тем не менее, большинство челобитчиков указали, сколько лет служили старшие поколения в

⁵ Там же. Д. 170. Л. 1, 9, 10; Д. 171. Л. 3, 7; Д. 172. Л. 5; Д. 173. Л. 13; Д. 174. Л. 7, 15.

⁶ Там же. Д. 170. Л. 4; Д. 171. Л. 5, 12, 13; Д. 173. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 174. Л. 10.

⁸ Там же. Д. 172. Л. 2, 16.

их семьях. Данные воронежских десятен 1621/22, 1632, 1638 гг. [14, с. 78-110] позволяют отчасти проверить и в основном подтвердить достоверность указанной информации. Общеизвестно, что служба детей боярских продолжалась всю жизнь, с ранней молодости и до смерти. Большинство детей боярских служили от 40 до 60 лет. Срок службы менее 20 лет объясняется чаще всего ранней смертью или угоном в плен. В свою очередь, ссылки на службу предков, продолжавшуюся 70-80 лет «и более», выглядят гиперболизированными. Такие данные очень условно можно подтвердить данными десяти 1621/22 г., а чаще, опровергнуть. Например, очевидно, что служилый новик из десяти 1621/22 г. Е. Губарев вряд ли мог иметь 80-летний стаж службы к 1671 г., как о нем пишет его внук К. Губарев, челобитчик о верстании.

Таблица 5. Сроки пребывания в службе родственников челобитчиков (дедов, отцов, дядей и братьев)

Срок службы от 1 до 20 лет		Срок службы от 20 до 40 лет		Срок службы от 40 до 60 лет		Срок службы от 60 до 80 лет		Нет данных о сроках службы	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2	2,1 %	19	20,2 %	31	33 %	12	12,8 %	30	31,9 %

Сведения о характере службы воронежских детей боярских представляют особый интерес в свете проблемы «распада» служилого города. Эта проблема была заявлена в трудах А.А. Новосельского в начале 60-х гг. XX в. [12, с. 232]. В современной историографии также существует мнение, что во второй половине XVII в. началось вытеснение полков дворянской конницы полками «нового строя» [7, с. 169]. Существенным представляется вопрос, как и с какой скоростью, происходила замена дворянской конницы полками «нового строя» на Юге России. В челобитных мы видим сведения о службе старших поколений, служивших, в том числе, и в 20-е гг. XVII в. (таблица 6).

Таблица 6. Сведения о характере службы старших родственников челобитчиков (дедов, отцов, дядей и братьев)

Служили «по городу» Воронежу с детьми боярскими «в ряд»		Служили в полках «нового строя»					
		В солдатах		В рейтарах		В копейщиках	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
89	94,7%	2	2,1%	3	3,2%	нет	0%

Служба детей боярских на Юге России изначально была горо-

довой, но имела свои отличительные особенности. Ее нельзя приравнять к традиционной полковой службе, которую несли, например, «замосковные» города, но нельзя и считать легкой осадной службой, которую по традиции несли увечные и старые «отставные» дети боярские в центре России. В первой половине XVII в. на южных рубежах государства велась непрекращающаяся война со степью [2]. До начала строительства Белгородской черты татары беспрепятственно нападали на южную окраину. Поэтому на Юге не только служба, но и быт, хозяйствование, сама жизнь служилых людей проходила с оружием в руках. По тяжести, такой вооруженный образ жизни был вполне сопоставим с полковой службой.

Во второй половине XVII в. положение южных окраин изменилось в лучшую сторону. Было окончено возведение Белгородской оборонительной линии [5]. Возникшие на черте и внутри ее города в 1658 г. вошли в подведомственность Белгородского разряда [3]. Началось формирование Белгородского полка, в том числе из войск «нового строя» [4]. Но и во второй половине столетия большинство южнорусских детей боярских продолжали служить «по городу», а не в полках «нового строя» (таблица 7).

Таблица 7. Сведения о характере текущей службы челобитчиков (данные на 1671 г.)

Служат «по городу» Воронежу с детьми боярскими в ряд»		Служат в полках «нового строя»					
		В солдатах		В рейтарах		В копейщиках	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
86	91,4%	4	4,3%	нет	0%	4	4,3

Сравнение данных из таблиц 6, 7 говорит о том, что изначально небольшой процент служилых людей в полках «нового строя» не претерпел серьезных изменений к началу 70-х гг. XVII в., и применительно к Воронежскому уезду нет оснований говорить о преобладании полков «нового строя» над традиционными полками дворянской конницы.

Подведем итоги. Исследованное обновление воронежской служилой корпорации происходило к чрезвычайной ситуации. В условиях социальных потрясений правительство остро нуждалось в поддержке провинциального дворянства и стремилось к удовлетворению его пожеланий. В 1671 г. воронежские дети боярские, служившие многие годы с поместий отцов и дедов, получили возможность пройти процедуру верстания и утвердить свой статус полноправных членов

служилой корпорации. Установлено, что во второй половине XVII в. воронежская служилая корпорация была строго наследственной, и фактически не пополнялась выходцами из других городов и уездов. При смене двух-трех поколений, по сути, не менялся характер службы воронежских детей боярских, их переход в полки «нового строя» осуществлялся крайне медленно. Служба воронежских детей боярских оставалась городской или осадной, в традиционном понимании. Тем не менее, нести ее продолжали не отставные, а, напротив, молодые и боеспособные члены служилой корпорации, что говорит о сохранении опасного пограничного характера службы.

1. *Глазьев В.Н.* Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в.: коллективный портрет воронежских губных старост // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001.
2. *Глазьев В.Н.* Противоборство в степном пограничье в 20-40-е годы XVII в.: русские и татары // Исторические записки: научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 2004. Вып. 10.
3. *Глазьев В.Н.* Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII региональной конференции по исторической демографии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского. Воронеж, 2000.
4. *Дудина О.В.* Мероприятия по укреплению Белгородского полка в период русско-польской войны 1654-1667 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1.
5. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
6. *Камараули Е.В.* Поместное землевладение на Юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1.
7. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII в.: (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
8. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). СПб., 2009.
9. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
10. *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование. Елец, 2008.
11. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.
12. *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII веке. М., 1961.
13. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй поло-

- вине XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
14. *Сторожев В.Н.* Воронежское дворянство по десятиям XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894.
 15. *Чеченков П.В.* Нижегородский служилый «город» в 20-х гг. XVII в.: обеспеченность землей и рабочими руками // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., 2013.
 16. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Документальные источники о нижегородском служилом «городе» и его землевладении в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2011. № 1.

УДК 94(470)«16/18»

Д.Е. Гневашев¹

Вологодский уезд в Смутное время: волость Васьяновский погост в 1615 г.²

Смута; социально-экономическая история; землевладение; Вологодский уезд.

В тексте на основе анализа наиболее ранних из сохранившихся писцовых описаний Васьяновской волости Вологодского уезда рассматриваются отдельные вопросы землевладения и крестьянского землепользования в годы Смутного времени начала XVII в.

Оценивая воздействие событий Смутного времени на состояние производительных сил страны или ее обширных регионов, исследователи преимущественно оперировали статистическими данными земельных кадастров, собранными в масштабах того или иного уезда или его значительной части или же крупных светских или церковных латифундий. Значительно реже исследовательский анализ опускался на низовые уровни социального устройства, такие как волость, приходский округ, отдельное поместье или вотчина, или даже еще ниже – на уровень конкретного селения, населенного двора посадского человека или сельского труженика. Между тем за разного рода генерализациями и усреднениями теряется специфика протекания одних и тех же процессов на разных уровнях социальной жизни, пропадает из поля зрения наблюдателя многообразие конкретно-исторических фактов эпохи.

Ставя перед собой задачу выяснить степень негативного влияния событий разного генеза (экономических, военно-политических,

¹ Гневашев Дмитрий Евгеньевич, Государственный архив Российской Федерации (РФ, Москва), gnevashev@bk.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00393а).

природно-климатических и т.д.) на социально-экономическое состояние Вологодского уезда в период Смутного времени, попытаемся последовательно проследить и проанализировать их результаты на уровне более-менее крупных административно-территориальных образований уезда – волостей, а в дальнейшем и на уровне более мелких социумов.

Для изучения избрана волость Васьяновский погост в Заозерской половине Вологодского уезда, которая в конце XVI – начале XVII в. была типичной севернорусской волостью как по числу селений в ней (в разное время около 40-45), так и по типу расселения (преимущественно прибрежно-речному) [5, с. 139-141, 251]. Волость получила свое название по одноименному погосту, располагавшемуся у дер. Ивачино на р. Кубене, на котором стояли две церкви: Вассиана Святого и Дионисия и Амфилохия Глушицких. Погост находился практически в центре волостной территории, протянувшейся с севера на юг по правым берегам рек Кубены и Сити (правого притока первой). Исторически земли волости входили в удел кн. Василия Даниловича Пенкова (из ярославских Рюриковичей), и после его смерти в 1530 г. достались его сыну кн. Ивану. Последний владел волостью, очевидно, до своей смерти в 1562 г., когда Васьяновский погост и другие земли его выморочного удела были взяты во Дворец [4, с. 65, 71-72]. Попутно заметим, что в построениях С.М. Каштанова и М.С. Черкасовой смешаны земельные владения Евфимиево-Сямженского монастыря в Васьяновской и Сямженской волостях Вологодского уезда, поэтому нельзя согласиться с мнениями ученых о том, что Васьяновская волость попала под юрисдикцию великого князя уже в октябре 1530 г. (М.С. Черкасова) или не позднее марта 1541 г. (С.М. Каштанов) [1, с. 80-81; 4, с. 65, 97-98]. Можно полагать, что с 1560-х гг. и до 1613 г. большей частью земель Васьяновской волости ведало Дворцовое ведомство³. Несомненно, в конце 1580-х – 1590-х гг. проводились неоднократные писцовые описания Васьяновской волости в числе других дворцовых волостей Заозерской половины Вологодского уезда (бывших владений князей Пенковых), но ни одно из них, к сожалению, не сохранилось [3, с. 6-177].

Правительством новоизбранного царя Михаила земли волости были пущены в поместную раздачу. Сохранились отдельные поместные книги подьячего Федора Константинова от июля 1613 г., каковые являются наиболее ранним дошедшим до нашего времени писцовым

³ Среди других землевладельцев волости нам известен только Евфимиево-Сямженский монастырь, которому принадлежало 3 деревни.

описанием Васьяновской волости⁴. Поместья получили 14 дворян с поместными окладами от 550 до 250 четвертей. Новые помещики принадлежали к родам Матусовых, Мишаковых, Протасьевых (2 помещика), Пустобояровых (4 помещика), Титовых (2 помещика), Угримовых, Филатьевых, Чулковых и Шоковых. У восьми помещиков упомянуты их чины (ключник, 3 стряпчих, 4 сытника). Остальные названы только по именам, но можно уверенно полагать, что и они, так же как и первые, числились в штатах дворцовых приказов. Всего в поместную раздачу пошло 43 деревни со 133 населенными крестьянскими дворами и 50 пустошей. Из 43 деревень волости 13 оказались в жеребьевом совладении: 12 деревень были поделены между двумя и 1 деревня между тремя помещиками. Поместья были небольшими: от 38 до 98 четвертей, в среднем около 60 четвертей на человека.

Следующим по времени писцовым описанием Васьяновской волости был дозор 1615 г., проведенный кн. Богданом Васильевичем Касаткиным-Ростовским и подьячим Жданом Малахеевым в связи с постигшим земли уезда и, в частности, Васьяновской волости, так называемым «казачьим разореньем»⁵. В сравнении с отдельными книгами дозор 1615 г. более информативен. Если отдельщик в 1613 г. сосредоточил свое внимание на описании живущих дворов, отделяемых в поместья, то комиссия кн. Б.В. Касаткина-Ростовского значительное место в своей работе уделила фиксации запустевших дворов и деревень, причем как «нового пуста», произошедшего по причине «казачьего разоренья», так и «старого пуста», вызванного неурожаем и голодом 1601-1603 гг.

Сопоставление этих двух источников позволяет увидеть картину изменений социальной и хозяйственной жизни Васьяновской волости на коротких временных отрезках (1601 – 1613 – 1615 гг.) и определить, какие слои крестьянства были наиболее уязвимы из-за того или иного неблагоприятного воздействия Смутного времени. Так, по данным дозора 1615 г. Васьяновская волость включала в себя 43 жилых селения (не считая церковной и трех монастырских деревень). Это были деревни, состоявшие преимущественно из 1-3 дворов. Таковых было 28 (65 % от общего числа селений). Относительно крупных деревень было немного: три 7-дворных, шесть 6-дворных, две 5-дворных деревни. В среднем дворность деревень составляла 3,23 двора, но если учесть дворы, запустевшие в 1601-1603 гг., то дворность васьяновских

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. Л. 582–616 (подлинник); Оп. 1. Кн. 62. Л. 1363–1401 об. (неполный список).

⁵ Там же. Оп. 1. Кн. 62. Л. 381–438 об.

деревень заметно возрастет – до 4,14 дворов на селение. При этом мы найдем уже четыре 8-дворных и одну деревню в 11 дворов. Наиболее типичной для конца XVI в. была деревня в 3-4 двора при незначительном количестве однодворных и условно крупных (свыше 7-8 дворов) селений.

Структура «старого пуста» волости вполне однородна. Голодные годы коснулись, конечно, всей волости, но только в 26 деревнях они оставили зримые следы в виде пустых дворов. Дозорщики отметили, что между 1600 и 1602 гг. 30 дворохозяев умерли от голода (иногда с женами и детьми), при этом пик голодных смертей пришелся на 1601/02 г. (77 % дворохозяев). В отношении 5 крестьян не названы причины их смерти, но можно думать, что и они прямо или косвенно стали жертвами голодных лет. Если так, то смерть от голода была преобладающей причиной запустения дворов (95 % случаев). Среди причин запустения также назван безвестный сход крестьянина от «хлебново недороду» и убийство дворовладельца разбойниками (по одному случаю).

После голодных лет начала века до «казачьего разоренья» волость как будто жила спокойно; опустевших в 1603-1613 гг. дворов дозорщики не отметили. Но уже в 122 (1613/14) г. появляются дворы, жители которых безвестно сошли или умерли всем составом двора. Пик нового запустения пришелся на 1614/15 г., причиной которого дозорщики называли «казачье разоренье».

Хронологизирующим признаком опустошительных казачьих рейдов по землям волости служат частые ремарки дозорщиков, что на полях ушедших без вести крестьян «к 123-му году рожь сеяна, а яри не пахано». По наблюдениям Л.В. Милова, вологодские крестьяне в XVIII в. сеяли озимую рожь с 15 июля до Фролова дня (18 августа), а сев яровых начинался 25 мая [2, с. 113]. Следовательно, казачьи разбои пришлись на осень – начало зимы 1614 г., а массовые уходы крестьян на трудные месяцы зимы 1614/15 г. Итак, из 139 дворов волости опустел в 1614/15 г. 31 двор: 26 дворовладельцев сошли безвестно (зачастую с женами и детьми), еще пять умерли. Всего за 15 первых лет XVII в. в небольшой Васьяновской волости опустело 72 двора из 176 (или 41 %): 37 в 1600-1602 гг., 4 – в 1613/14 г., 31 – в 1614/15 г.

Важно ответить на вопрос, была ли какая-то зависимость между экономической мощностью («прожиточностью») крестьянского хозяйства и готовностью пострадавшего по той или иной причине крестьянина оставить свой двор и надел и уйти в мир «кормиться Христовым именем» в трудные годы Смуты. Для поиска ответа на этот вопрос у

нас очень мало пригодного верифицируемого материала источников. Кроме того, мотивы для такого непростого решения в жизни сельского труженика лежали не только в экономической сфере, поэтому одних данных земельных кадастров для окончательных выводов будет недостаточно. Но за неимением других массовых данных попробуем предварительно разобраться с имеющимися и определить частоту ухода крестьян с насиженных мест в зависимости от величины их наделов. За основу возьмем как бы очевидное предположение, что бóльшая величина надела условно соответствовала большему числу рабочих рук в хозяйстве и бóльшим возможностям крестьянского хозяйства сопротивляться и преодолевать разного рода трудности, его «живучести». Для проверки данного предположения был обобщен материал по величине крестьянских тягол и сведен в нижеследующие таблицы.

Эти данные наглядно показывают хозяйственную структуру волости, в которой до разорения 1614/15 г. преобладало крестьянское хозяйство с величиной тяглой пашни от 2,0 до 2,2 четей в одном поле. Число «зажиточных» хозяйств (величина тяглой пашни 6 и более четей) было ничтожно мало: всего 3 хозяйства из 139.

Величина крестьянских тягол «в живущем» на 1615 г.

<i>средняя земля</i>			
вытей	в среднем на тягло		дворов
	вытей	четей	
0,063 - 0,1	0,078	1,09	16
0,101 - 0,2	0,154	2,15	39
0,201 - 0,3	0,245	3,43	12
0,301 - 0,4	0,347	4,85	7
> 0,4	0,458	6,42	1
<i>худая земля</i>			
вытей	в среднем на тягло		дворов
	вытей	четей	
0,031 - 0,1	0,066	1,06	9
0,101 - 0,2	0,137	2,19	14
0,201 - 0,3	0,240	3,83	4
0,301 - 0,4	0,323	5,17	2
	0,165		104⁶

⁶ В том числе 6 мест дворовых живущих.

Величина крестьянских тягол «в пугте» на 1615 г.

«В пугте от казачья разоренья» на 1615 г.				«В пугте» от голодных лет (1600 – 1602 гг.)			
<i>середняя земля</i>				<i>середняя земля</i>			
вытей	в среднем на тягло		дворов	вытей	в среднем на тягло		дворов
	вытей	четей			вытей	четей	
0,042 - 0,1	0,063	0,88	4	до 0,1	-	-	-
0,101 - 0,2	0,144	2,02	13	0,101 - 0,2	0,176	2,46	7
0,201 - 0,3	0,244	3,42	7	0,201 - 0,3	0,269	3,77	10
0,301 - 0,4	0,375	5,25	1	0,301 - 0,4	0,342	4,79	5
> 0,4	0,479	6,71	2	> 0,4	0,5	7,00	1
<i>худая земля</i>				<i>худая земля</i>			
вытей	в среднем		дворов	вытей	в среднем		дворов
	вытей	четей			вытей	четей	
0,063 - 0,1	0,073	1,17	2	0,042 - 0,1	0,063	1,00	3
0,101 - 0,2	0,118	1,89	6	0,101 - 0,2	0,152	2,43	7
0,201 - 0,3	-	-	-	0,201 - 0,3	0,260	4,16	4
0,301 - 0,4	-	-	-	0,301 - 0,4	-	-	-
	0,172		35		0,228		37

Мы видим, что «казачье разоренье» затронуло все страты волости. Однако нетрудно заметить и другое: крестьяне, объединенные в разные группы по величине тягла, сошли безвестно в разных пропорциях. Из 31 двора с наименьшим размером тягла ушло 6 хозяев (19 %), из хозяйств с размером тягла до 0,2 выти на двор (подавляющее число хозяйств) ушло 19 крестьян из 72 (26 %), из хозяйств с размером тягла до 0,3 выти ушло 7 из 23 хозяев (30 %), из трех «зажиточных» дворов сошли без вести двое крестьян. В доле хозяйств с размером тягла до 0,4 выти сошел в мир один крестьянин из десяти. Как видим, в массе сошли крестьяне с наименьшими тяглыми наделами (до 0,3 выти), но при этом наблюдается отчетливая любопытная тенденция – чаще выказывали готовность бросить двор и уйти в мир разоренные васьяновские крестьяне, имевшие бóльшие наделы, нежели те хозяева, которые тянули наименьшее тягло. Впрочем, это наблюдение подлежит проверке на материале других разоренных в Смутное время территорий Вологодского уезда.

1. *Каптанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
2. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2003.
3. Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Северный архе-

- ографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
4. *Черкасова М.С.* Кубено-Заозерский край в XIV–XVI веках // Харовск: краеведческий альманах. Вологда, 2004.
 5. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012.

УДК 94 (47).048

Ю.А. Мизис¹

Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг. XVII в. (На примере Козловского уезда)²

Колонизация; пограничье; сыск; беглые; крестьяне.

В статье рассматривается вопрос о бегстве населения в новый пограничный уезд на юге России и системе государственного сыска.

Внутренняя колонизация страны всегда сопровождается массовым переселением населения на новые места, рассчитывающего изменить свой социальный и экономический статус. Порубежье создавало особые зоны контакта и противоборства, которые привлекали пассивное население центральных районов страны, где имелись возможности профессионального и социального лифта невозможного на староосвоенных землях [2]. В научной литературе вопрос о поиске беглого населения с конца 50-х гг. XVII в., связанного с реализацией положений Соборного Уложения об отмене урочных лет, является достаточно разработанным [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Гораздо хуже изучен предшествующий период до 1649 г. [4]

Мы рассмотрим процесс поиска беглых на примере Козлова и Козловского уезда, первого нового города, появившегося в XVII в. на южной границе государства. Документы по сыску беглых крестьян встречаются как единичные челобитные, так и целые подборки дел за один год³.

Первые попытки возвращения беглых были предприняты владельцами еще в 1636 г., то есть на следующий год после строительства Козлова⁴. А затем продолжены в последующие годы. Массовый сыск беглых в Козловском уезде в 40-е гг. XVII в. происходил не случайно. К этому времени бегство владельческого населения на юг

¹ Мизис Юрий Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н., ymizis49@yandex.ru.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00355.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121, 123, 128, 140, 176.

⁴ Там же. № 121.

Российского государства приняло массовый характер и наносило серьезный ущерб экономике помещичьих хозяйств. Сам механизм поиска и возвращения крестьян был достаточно неплохо отработан в предшествующий период. В 1619 г. московское правительство молодого царя Михаила Федоровича отправило окружную грамоту с целью проведения описей населения [1, № 105]. Материалы этой переписи собирались до 1625 г. и использовались для поиска бежавших крестьян.

Первоначально владелец беглых посылал челобитную на царское имя в Разрядный приказ, который руководил Козловским уездом. В ней он называл имена и прозвища своих крестьян и обосновывал причину их возврата. Дьяк Разрядного приказа приказывал готовить специальное письмо на имя местного воеводы, в котором приводилась аргументация владельца беглого крестьянина, и требовал провести сыск в уезде. Беглеца вызывали в Приказную избу. Здесь ему объявляли содержание челобитной и требование выдать его на поруки кому-то из местных служилых людей, которые должны были ручаться за него и гарантировать приезд в Москву. Если находились поручики, то с них брали «поручную запись», которую так же отправляли в Разрядный приказ. После этого ответчик выезжал в Москву за свой счет и должен был предстать на очной ставке перед истцом в заранее оговоренное время. Например, в мае 1639 г. козловский воевода сообщил в Разрядный приказ, что местные поместные атаманы дали поручные записи атаману Ф.И. Алтабаеву в его поездке в Москву на очную ставку по поводу «крестьянства»⁵.

Если поручителей не находили, воевода мог посадить виновного в тюрьму, а затем отправить его в сопровождении пристава в Москву на суд. Встать на Москве в Разрядном приказе истец и челобитчики должны были на «Рождество Христово», в «Вербное Воскресенье» или в другой определенный день. Среди челобитных значительная часть принадлежала дворянам соседних уездов: Болховского, Воронежского, Елецкого, Каширского, Лебедянского, Мценского, Новосильского, Переславль-Рязанского, Рязанского, Тульского. Запись на службу в Козлов происходила на основании царского указа. «И по нашему указу велено в новом Козлове городе писать в службу вольных и гулящих людей, которые дети боярские и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди покиня свою службу в 122 году, а живут во крестьянех за бояры и за окольными, и за монастыри, и за всякие людьми»⁶. Отдельно стоял вопрос о родившихся в кабале детях быв-

⁵ Там же. № 123. Л. 132.

⁶ Там же. № 121. С. 2.

ших служилых людей. Если они не были записаны в какие-нибудь службы, то их не разрешали принимать в воинскую службу в новых городах и считали беглыми. В 1640-1641 гг. среди беглых стало больше наблюдаться жителей центральных уездов России, в частности Каширского и Дедиловского.

Варианты бегства крестьян и приход их в новый город были весьма разнообразны. Иногда беглецы жили за владельцами промежуточных уездов. Так князь М.И. Мещерский жаловался на бегство своего крестьянина М.Г. Бывальца в 1632 г. из Рязанского поместья с. Кисвы. Тот вместе с женой и детьми ушел к город Скопин, где жил в вотчине боярина И.Н. Романова, который после неоднократных жалоб новому владельцу отдал распоряжение о его возвращении. Узнав об этом М.Г. Бывалец бежал в Козлов и записался в стрельцы⁷.

Часто бегство принимало групповой характер и сопровождалось вывозом значительного движимого имущества. В 1636 г. из Лебедянского поместья Б. Плещеева бежали 12 крестьян, вместе с семьями, 9 лошадьми ценою в 64 руб. и не выплаченным оброком размером в 96 руб.⁸ Иногда бежавшие крестьяне, чтобы скрыть свой прежний статус, прибегали к смене официального имени и прозвища. Крестьянин воронежского атамана Б. Титова Д. Бочар в 1636 г. бежал от своего владельца в Козлов и записался в сторожевые казаки под прозвищем Конюхов⁹. При этом взял с собой винный котел, 20 пчелиных ульев и 2 руб. наличных денег. Таких пример было достаточно много.

Примечательно, что побег совершали и помещичьи крестьяне южного города Воронежа. Здесь уже в 20-30-е гг. XVII в. сложилась большая община мелкопоместных дворян [6]. В 1640 г. челобитную подали в Разрядный приказ воронежские дети боярские, требовавшие возвращение своих беглых крестьян в количестве 14 человек вместе с семьями, которые бежали в 1636-1638 гг.¹⁰ Все они ушли в Козлов и записались в разные службы. В 1638 г. дворяне от имени всего города Воронежа просили козловского воеводу не принимать на службу их беглых крестьян.

Другой случай был описан в челобитной козловского сына боярского Ф.И. Короваева¹¹. По государеву указу разрешалось принимать служилых людей южнорусских городов служивших с 1613 г. Челобит-

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. № 123. Л. 286–287.

¹¹ Там же. Л. 158–159.

чик был до 1616 г. стрельцом в Михайлове., затем от «бедности» ушел в Елец, где поселился в Пушкарской слободе в качестве наемного работника и прожил там более 5 лет. Отсюда перешел в Елецкий уезд за Троицкий монастырь. Здесь он услышал весть о строительстве нового города на Воронеже и поверстался в Козлов в дети боярские. Когда он приехал за своим имуществом в Елец, его арестовали по требованию монастырского старца Иева Уколова, обвинив в старинном крестьянстве. Поэтому ответчик требовал суда для доказательства своего военного происхождения.

Некоторые случаи побегов носил такой запутанный характер, что истину можно было выявить только во время судебного разбирательства в приказах «очи в очи». Группа козловских детей боярских была обвинена в бегстве из вотчины рязанского архиепископа как бывшие крестьяне¹². На что ответчики отметили, что они никогда не были записаны в книгах или крепостях за архиепископом, а вынуждено ушли из разоренных городов Михайлова и Рязска в архиепископскую вотчину с. Княжево Рязанского уезда. Здесь жили в сторожевых детях боярских на «полуслужбе» и ушли сдав свою службу. Козловцы просили не отправлять их в Москву для очной ставки, а провести сыск среди служилых людей их бывших городов. Немалое число бывших служилых людей и их дети вынуждены были после Смутного времени скитаться по Руси, добровольно записываясь в бобыли и работники.

Кроме посылок челобитных из Разрядного приказа встречался прямой сыск беглых через приставов владельцев. Так 8 марта 1637 г. в козловскую съезжую избу при местных воеводах пришел пристав стольника князя И. Лыкова Мальцев¹³. На личную ставку с ним привели козловских сторожевого казака А. Киреева и полкового казака И. Воробьева, которых он обвинил в побеге от своего владельца. Однако никаких письменных подтверждений сыщик не предъявил, и дело было отправлено на доследование в Разрядный приказ.

Не всем беглецам везло с записью в служилые люди. Ряд из них вынуждены были записаться в качестве наемных работников за козловскими служилыми людьми¹⁴. Скорее всего они рассчитывали на изменения своего статуса впоследствии. В 1638 г. из вотчины княгини А. Трубецкой с. Деревенска Рязанского у. сбежал в Козлов крестьянин М. Репин с женой и детьми. А жил он «в Козлова города в крестьянех

¹² Там же. № 121. С. 31.

¹³ Там же. С. 100-101.

¹⁴ Там же. С. 65.

переходя», то есть постоянно меняя хозяев¹⁵.

Воеводы русского пограничья начинали процедуру сыска только при наличии государевой грамоты из приказа, так как многие беглецы получили государево жалование за запись на службу. Встречались конфликты между новыми поселенцами и уже устроившимися, как это было в козловском с. Назарьево¹⁶. Воспользовавшись жалобой путного ключника дворцовой Шацкой волости на возвращение беглых, к ней подключились местные дети боярские, жалуясь на притеснения новопоселенцев.

Одной из серьезных проблем колонизации юга России оставалась острая нехватка женщин. Основная часть переселенцев уходила на новые места с семьями, однако немало встречалось неженатой молодежи. В первые переселенческие годы не все они могли обзавестись семьей. Имелись случаи подговора вдов с детьми к переезду на новые земли. Например белевский дворянин И.Д. Левшин жаловался 21 июня 1640 г. на бегство из его поместья дворовой «женки» А.З. Косовой, которую подговорил крестьянин местного помещика Воейкова¹⁷. Они вместе ушли в Козловский у. в д. Поддубовое, где записались в дети боярские.

Таким образом, основная часть переселенцев состояла из беглых крестьян, которые пытались изменить свой социальный и профессиональный статус. В этом было принципиальное отличие от крестьянских побегов центральных уездов, которые зачастую приводили только к смене владельцев. Южная граница предоставляла иные возможности и манила не только плодородными землями, но и получением воли и свободы от крепостной зависимости. Однако не все беглецы могли сразу записаться в службу, определенная их часть оставалась за местными служилыми людьми в качестве временных работников, рассчитывая со временем самим записаться в службу [4]. В рассматриваемый период челобитные поступали как от знати, так и от рядового дворянства в чине детей боярских.

Требования возвращения беглых владельческих крестьян через Разрядный приказ местные воеводы проигнорировать не могли. Большинство спорных дел не рассматривались на месте, а отправлялись на суд в Москву. Здесь на очной ставке в присутствии дьяка истец должен был доказать права на владение крестьянином со ссылкой на документы. В случае положительного решения ссудного дела крестья-

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. № 140. Л. 120–121, 124–127.

¹⁷ Там же. № 123. Л. 191.

нина возвращали прежнему владельцу. Если доказать права на него не удавалось, то он возвращался на прежнее место службы. Однако если истец не являлся на суд без объяснения причин, тогда дьяк принимал решение завершить судебное разбирательство, отправить ответчика обратно на службу и запретить в другой раз подавать подобную жалобу.

Если на суд не являлся ответчик, воеводе поручали принудительно доставить его в Москву. Например, елецкий сын боярский И. Савельев писал три челобитные с просьбой о выдаче ему беглого крестьянин М. Макарова, который в новом г. Козлове записался в дети боярские¹⁸. Первые два письма он писал на имя воеводы И.В. Биркина и не получил ответа. Третье письмо ушло на имя И. Кикина, с требованием выслать ответчика в Москву. Сам истец приехал вовремя, а ответчик так и не прибыл. Поэтому воеводе было предложено доставить ответчика на суд в Москву с приставом.

Дворянство не только стремилось вернуть своих крестьян, но и боялось потерять остальных крестьян, для которых беглые служили примером решительного и успешного изменения социального статуса. Отсутствие реальных возможностей у владельцев лично вернуть своих бывших крестьян заставляло прибегать к помощи государства. Иногда местное население пыталось саботировать поиски беглецов, пряча своих соплеменников, ссылаясь на их исчезновение или отсутствия таковых. Воеводы не торопились их возвращать, опасаясь обезлюдения своих уездов. В этом случае все зависело от настойчивости истца и воеводы довести дело до суда. Непоследовательная политика по отношению к беглому населению объяснялась государственными интересами по освоению и защите новых территорий. Здесь правительству приходилось идти на компромисс, сдерживая аппетиты дворянского сословия. Несвершенство системы сыска потребовало на следующем этапе новых форм и методов.

1. Акты археографической экспедиции. Т. III. СПб. 1837.
2. *Белаш Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5.
3. *Булыгин И.А.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. // *Исторические записки.* Т. 43. М., 1953.
4. *Важинский В.М.* Земледелие и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
5. *Вайнберг Е.И.* Борьба крестьян против крепостничества на южной окраине русского государства в первой половине XVII в. // *Новое о прошлом*

¹⁸ Там же. № 123. Л. 48–49.

- нашей страны. М., 1967.
6. *Глазьев В.Н.* Воронежское дворянство XVII в.: роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 8. Воронеж, 2000.
 7. *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды института истории. Сборник статей. М., 1926.
 8. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990.
 9. *Новосельский А.А.* Отданные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке // Труды историко-архивного института. Т. 2. М., 1946.
 10. *Швецова Е.А.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1963.
 11. *Швецова Е.А.* Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год. Кишинев, 1966.
 12. *Швецова Е.А.* Хозяйство дворянских крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971.

УДК 94 (4/9)

Д.А. Ляпин, Н.А. Жиров¹

Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.)

Юг России; Елец; Лебедянь; переписные книги; тягловое и посадское население.

Статья посвящена анализу состава тяглового населения трех городов Юга России по данным переписных книг 1646 г. Авторы используют информацию по Ельцу, Лебедяни и Козлову, относя их к различным группам городов региона.

Одним из важнейших признаков урбанизации является наличие торгово-ремесленного населения в городах [1, с. 184]. Процесс превращения военных крепостей Юга России в полноценные города на протяжении XVII в. еще не был предметом специального изучения. Безусловно, такое исследование требует привлечения большого круга источников, дополняющих друг друга, а также скрупулезный анализ статистического материала по всем городам региона с разбивкой их на группы по географическому или социально-экономическому принци-

¹ Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), к.и.н., denis-1@mail.ru; Жиров Николай Анатольевич, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), к.и.н., zhirov-nikolai@mail.ru.

пам.

В данной статье мы не ставим перед собой масштабных задач по анализу процессов урбанизации на Юге, однако, на материалах нескольких различных по своему положению городов, попытаемся посмотреть, как происходил процесс формирования тяглого посадского населения к середине XVII в. Для того чтобы понять это рассмотрим статистические данные по трем городам: Елец, Лебедянь и Козлов.

Каждый из представленных городов является показательным и может быть отнесен к той или иной, условно выделяемой группе. Данные о тяглом населении мы берем из переписных книг 1646 г., служилое население анализируется нами на основании сметы 1651 г.

Самым большим из рассматриваемых нами городов был Елец, основанный еще в 1592 г. на реке Быстрая Сосна, правом притоке Дона. За это время город стал одним из самых крупных на Юге России вообще².

По данным переписной книги 1646 г. в Новооброчной слободе города находились 40 дворов тяглого населения с 66 жителями мужского пола³. Писцом было зарегистрировано частичное запустение усадеб в слободе, связанное с оттоком населения. За предшествовавшие 6 лет из тяглого состояния вышло по различным причинам 33 жителя слободы. Из них большая часть уехала на проживание в новый город Ефремов, а 6 человек поселились на церковной земле в качестве бобылей. Еще несколько человек, став крестьянами, переселились на помещичьи земли в Елецком уезде.

В Новооброчной Кузнецкой слободе Ельца часть тяглого населения была поверстана в солдаты в Москву. Всего в двух слободах было зафиксировано 62 тяглых двора с 113 жителями мужского пола.

На посаде Троицкого монастыря проживали 44 монастырских бобыля в 26 дворах. Кроме того, в источнике были перечислены еще 10 церквей с проживавшим на церковной земле населением, среди которого отмечено 32 двора бобылей с 39 жителями мужского пола.

Такая категория населения города как дворники фиксируется в различных слободах, а также за его пределами. В посаде насчитывалось дворников и бобылей 80 человек, в том числе несколько вдов.

В переписной книге есть сведения о количестве бобыльского населения в остальных слободах г. Ельца. Например, в Казачьей слободе располагалось 8 бобылей со своими дворами, проживавшими в казачь-

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 184.

³ Там же. Д. 135. Л. 38.

их усадьбах. Еще 6 казачьих бобылей проживали в других слободах и на церковной земле, а всего бобылей, принадлежавших казакам, насчитывалось 14 человек. В Пушкарской и Стрелецкой слободах также было зафиксировано бобыльское население, проживавшее в своих дворах (всего 18 человек).

Всего в Ельце на посаде было зафиксировано переписью примерно 100 тяглых дворов, в которых числились 177 жителей мужского пола и 4 вдовы. Бобыльского населения, не несшего тягла, насчитывалось около 120 человек, проживавших в 58 дворах, из которых в слободе Н.И. Романова 17 человек в 9 дворах, а на казачьих, пушкарских и стрелецких землях – 32. Остальное бобыльское население располагалось на церковных и монастырских землях. Общее количество дворников, проживавших вместе с бобылями, составило 80 человек.

По итогам переписи 1646 г. в Ельце было зафиксировано 178 дворов с 375 жителями (мужского пола)⁴. Таким образом, в Ельце доля тягловых дворов составляла 57 % от общей массы зафиксированных поместий, а примерно 1/3 жителей города, являясь бобыльским, тягло не несли.

Служилое население составляло, примерно, половину жителей города и было представлено следующим образом: осадный голова, 4 сотника, 114 стрельцов, атаман и 57 беломестных казаков (т.е. не плативших налоги) и 280 полковых (служивых) казаков⁵.

Таким образом, Елец представлял собой типичный город Юга России с наиболее развитым посадским населением. Выгодное торговое положение города, способствовало развитию торговли и промыслов, однако это развитие не получило большого размаха в силу объективных причин: местные власти привлекали посадское население к службе, переводили в служилые категории иных городов, они подвергались притеснениям от крупных вотчинников. Не случайно в Ельце в 1646 г. часть посадских дворов было заброшено. В более выгодном положении находились частновладельческие тяглецы, имевшие защиту от своих владельцев. Итак, даже при благоприятных условиях полноценное развитие посадского населения в городе, связанного с торговлей, ремеслами и промыслами было невозможно. Не стоит забывать и том, что служилые люди также составляли конкуренцию посадским, занимаясь торговлей и ремеслами в свободное от службы время.

Крепость Лебединь появилась примерно в 1613 г. на месте небольшого сельского поселения, и была какое-то время полностью

⁴ Там же. Л. 59 об.

⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 68 об.

частновладельческой. Полноценное развитие Лебедяни, как крепости на Юге России, началось только в 20-е гг. XVII в.

По подворной переписи населения 1646 г. в городе вместе с монастырскими владениями и вотчиной боярина Н.И. Романова было зарегистрировано 103 двора с 142 жителями м.п. Из них дворов церковнослужителей, в том числе монастырских – 46 с 46 жителями мужского пола. Стрельцов, казаков, пушкарей, захребетников – 33 двора (32 человека). Дворников (холопов) в городе было 63 человека, за которыми числились 30 дворов⁶.

Служилого населения в Лебедяни было немного меньше, чем в Ельце и выглядело следующим образом: голова, 2 сотника, 158 стрельцов, 286 казаков⁷.

Лебедянь была уникальна в том плане, что здесь значительные владения принадлежали частным вотчинникам. В слободе у боярина Н.И. Романова для охраны его вотчины от набегов крымских татар были поселены служилые казаки. За ними числилось 60 дворов, в которых проживало 130 человек. Кроме служилого в вотчине располагались церковь с двором священнослужителя, 23 бобыльских двора с 30 людьми (выполняли функции кузнецов, различных ремесленников и рабочих). Всего в вотчине боярина было зафиксировано 954 двора крестьян (где проживали более 1000 человек), 86 казацких дворов (198 человек), 74 бобыльских (98 человек)⁸.

Другим крупным вотчинником являлся И.А. Воротынский у которого во владении находилось 543 крестьянских дворов (1090 душ мужского пола) и 234 бобыльских двора (430 человек).

У других крупных вотчинников, одним из которых выступал Чудов монастырь (более 300 крестьянских и 80 бобыльских дворов с общим населением 810 человек) количество тяглового населения было значительно меньше. За князем А.Н. Трубецким числилось 95 крестьянских дворов с населением в 293 человека, 30 бобыльских дворов (66 человек). Всего у князя во владении находились 280 крестьянских и 124 бобыльских дворов, с населением 728 крестьян и 225 бобылей⁹.

Таким образом, Лебедянь представляла собой город, где подавляющую часть населения составляло частновладельческое тяглое население (около 80 %), а доля служилого немного превышала 10 %.

Город Козлов, располагался на правом берегу реки Лесной

⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13 902. Л. 321 об.

⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 68 об.

⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13 902. Л. 172.

⁹ Там же. Л. 186.

Воронеж, (правом притоке Дона), строительство его относится к 1635-1637 гг. Перепись населения 1646 г. не фиксирует присутствия в городе тяглого населения. Только на посаде были зарегистрированы 3 двора кузнецов (10 жителей), а в Пушкарской и Казацкой слободах 6 дворов церковных бобылей (15 человек). В остальных слободах церковные бобыли отсутствовали.

Численность служилого населения Козлова была выше, чем в рассмотренных выше городах и выглядела следующим образом: стрельцов – 110, в крепости Бельской (рядом) – 151, в Челнавском остроге – 237, пушкарей – 6¹⁰.

Козлов – типичный пример нового города, который по своей сути является только большой крепостью, вся жизнь которого связана с войной. Он был центром для двух небольших крепостей-острогов в своем регионе.

Таким образом, мы рассмотрели три города, являющиеся наиболее показательными в своем отношении. Елец, наряду с Курском или Воронежем имел посадское население, развитию которого мешала военная ситуация. Однако потенциал городов этой группы был достаточно велик, что и проявилось уже в XVIII столетии. Лебедянь была городом с большим числом частновладельческих дворов, что способствовало ее экономическому развитию, но снижало военный потенциал. Кроме того, хозяйственная жизнь частных слобод зависела от судьбы из владельца, того или иного представителя Двора. Козлов трудно назвать городов в традиционном его понимании, он оставался скорее военной крепостью, как и десятки подобных ему крепостей и острогов основаны в 1630-1640-е гг. Экономический и хозяйственный потенциал таких городов был различен, поскольку во время их основания учитывался только военный фактор. В результате одни из таких крепостей полностью исчезли, другие стали селами, третьи небольшими городами.

1. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков / Под ред. *О.С. Мжельской*. Вып. 4. СПб., 2011.

¹⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 135.

Анализ источников о численности башкир в XVII – первой трети XVIII в. (ясачные книги и материалы переписи 1739 г.)

Башкиры; башкирское население; ясачные книги; ревизские сказки; демографические процессы; материалы переписи.

В данной статье анализированы ясачные книги, статистические материалы чиновников и данные переписи башкир в 1739 г. На основе выявленного материала прослеживается динамика численности башкир в XVII – в первой трети XVIII в., установлены параметры дворов и количество дворов в деревнях.

Основным документом для исследования численности башкир с момента их вхождения к Русскому государству являются ясачные книги. Они известны с 30-х гг. XVII в. и просуществовали до 1754 г., когда был отменен ясак. При использовании данного источника («ясачных книг») можно примерно определить численность населения в волостях. По мнению известного исследователя С.В. Бахрушина, есть несколько причин не доверять до конца ясачным книгам. Во-первых, неизвестно общее количество облагаемых ясаком людей. Во-вторых, соответствие количество зафиксированных и реальных налогоплательщиков свидетельствует только большой оперативности действий сборщиков ясака. В-третьих, можно предполагать, что объектами ясачного сбора были главы семей [4, с. 55].

Данное положение подтверждает П.Д. Аксаков: «Ясачные книги писаны до бытности города Уфы по волостям и деревням по именном, по которым книгам росписание делается. Токмо достоверно утвердиться и послать в города невозможно за тем, что по каким речкам, урочисчам и от городов в каком разстоянии какие волости быть имяют, по тем книгам познать, к тому ж на волостных ясаки писаны ж о одном с товарысчи 300 и 400 куниц или лисиц, и оное по урочисчам разделить никак невозможно. Башкирцов же и протчих, например, зауральских и других волостей, писано в тех книгах в одном месте, а жительство из оных многия имеют по разным дорогам, волостям и деревням» [8, с. 217]. Как известно, в Разрядной книге 1629 г. по Уфимской провинции числится 888 башкирских ясачных дворов [6, с. 393]. После переписи 1631-1632 гг. ясаком были охвачены многие безьясачные дворы, которые прежде не платили этот налог. В 1633 г. ясак ста-

¹ Зулкарнаев Марат Минигалеевич, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), к.и.н., zulkarnaev_mm@mail.ru.

ли взимать уже с 2217 башкирских дворов уезда [9, с. 200]. Умножая эти данные на численность семейно-родственных групп (примерно 45 чел.), Н.Н. Томашевская выводит следующие цифры. В 1629 г. – 39 960 чел., в 1631-1632 гг. – 27 8460 чел., 1636 г. – 99 765 человек [16, с. 39]. Кроме ясачных башкир были тарханы – привилегированное население не плативших ясак. Численность была следующей по книгам 1646 г. – 131 человек, по спискам 1681 г. – 90 человек [3, с. 30].

В 1734 г. по просьбе башкир правительство организовало переосмотр ясачного оклада. В результате, с 1734 г. ясачных башкир числилось уже 7284 человека [12, с. 430]. В 1737 г. был поставлен вопрос о приписке башкирского народа по платежу ясака к отдельным военным укреплениям края – Уфе, Мензелинску, Осе, Красноуфимску и Чебаркульской крепости. Для реализации этой цели понадобились списки ясачных людей, но такой информации у властей не оказалось. Уфимский воевода С.В. Шемякин доносил в Сенат 8 ноября 1737 г., что «в Уфимской провинции по душам иноверцом описи издревля не бывало и ныне нет. А хотя зборные ясашные книги по дорогам, волостям и деревням имеютца, но по оным познать никак нельзя, для того писано в тех книгах – подлежит взять, например, с такой – то волости с ымряка (имярека. – Н.У.) с товарищи 300 или 400 куниц или лисиц, а по розень по именам не расписано» [18, с. 30].

В 1745 г. И.И. Неплюев заявил, что башкир «в ясак с зауральскими ныне на лицо 10 895 дворов». По мнению У.Х. Рахматуллина, такая цифра могла появиться после использования итогов незаконченной переписи населения башкирских волостей 1739 г. В ходе этого учета населения в число плательщиков были включены дворы пришлых жителей, которые осели на вотчинных землях башкир после 1734 г. Именно поэтому значительная часть переселенцев не была еще охвачена тептяро-бобыльским платежом. Тем не менее, они помогали башкирам вносить ясак до отмены этого налога в 1754 г. [14, с. 28]. Предположим, двор – это в среднем 45 человек (по Н.Н. Томашевской), тогда получаем $10\ 895 \times 45 = 490\ 275$ тыс. Поэтому У.Х. Рахматуллин считает, что увеличение численности башкир происходило за счет переселенцев, записанных в башкиры. Имеются и другие данные, опровергающие это: «...по переписи генерала Неплюева, башкирского 18 514 дворов, мещеряков – 1 530, тептярского и бобыльского – 5 726 дворов», где мещеряки и тептяри и бобыли учтены отдельно от башкир [17, с. 28].

Важным источником для выявления численности населения являются ревизские сказки. В них содержатся сведения о численнос-

ти, географическом размещении, сословном и национальном составе, о возрасте и семейном положении населения лиц. Первая ревизия была проведена согласно указу императора Петра I от 26 ноября 1718 г. Но в связи с башкирским восстанием первая (1719 г.) и вторая (1744 г.) ревизии не охватили башкирское население. В ходе третьей ревизии (1767 г.) было учтено население только западных волостей. Материалы четвертой ревизии (1782 г.) по этим территориям практически не сохранились. Более полно башкиры были учтены только с пятой ревизии (1795) [7, с. 15].

Наконец, весьма ценны записи современников. Одним из таких источников являются сведения кунгурского бургомистра Юхнева, который в 1725 г. был направлен начальником Главного правления сибирских и казанских казенных заводов Г.В. Генинном для сбора информации о башкирах. Под видом торговца Юхнев тайно собирал сведения о количестве волостей, деревень и дворов башкир. Однако он не смог осуществить учет всего населения. Все же представил наличие – 60 волостей, 11 655 дворов и приблизительно количество душ 85 967, определил на каждый двор 3 мужчин – воинов [11, с. 485].

В 1735-1736 гг. для разработки способов эффективного управления краем руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов предпринял попытку провести перепись населения края. В первую очередь в 1735 он провел проверку грамот на тарханство. В итоге писал, что «кои в книгах писаны, расплодилось и записалось 773 человека, и еще непрестанно записываютца», видимо он намеревался собрать намного больше тарханов. Об этом свидетельствуют его слова «... жалованные тарханы, то есть заслуженные люди, которые никакого ясаку не платят и так их расплодилось, что мне лучшие люди, некоторые богатыри, сказывали тысяч пятьдесят собратья может». Однако в результате развернувшего восстания был произведен учет населения тех башкирских деревень, которые были расположены не далее ста верст от Мензелинска [19, с. 124]. Мы не располагаем сведениями этой переписи, а знаем лишь о «рописи разделения башкир Уфимского уезда по волостям», которая была составлена под руководством И.К. Кирилова [12, с. 495].

После смерти И.К. Кирилова в 1737 г., руководителем Оренбургской экспедиции был назначен В.Н. Татищев. В 1737–1738 г. В.Н. Татищев и Л.Я. Соймонов вновь возвращаются к данному вопросу. Перепись должна была помочь определить размеры ясака на будущее время и выяснить возможность его взыскания за прошлые годы, так как в 1735-1736 гг. восставшие башкиры не платили ясака [12, с. 126].

Узнав о готовящейся переписи, жители Сибирской дороги приняли решение на съезде (йыйын) не допустить переписчиков в их волости. Башкиры понимали, что после переписи начнется перевод на подушную подать. Приехавший для проведения переписи поручик Черкасов был выдворен из пределов Сибирской дороги [1, с. 129].

Указом от 11 мая 1739 г. было приказано отменить перепись населения [13, с. 617]. В.Н. Татищев не успел реализовать поставленные задачи. А затем после начала следственных мероприятий он был отстранен от должности и 17 июня 1739 г. начальником Оренбургской комиссии стал В.А. Урусов [15, с. 37]. Новому руководителю края было предписано отрегулировать конфликт с башкирами, построить город Оренбург на Красной горе и основать крепости по течению реки Яик до Верхнеяицкой крепости. Затем он должен был создать фортификационные сооружения по рекам Уй и Тобол до Царева городища [5, с. 146]. Таким образом, по мнению властей можно было организовать условия для устойчивого развития края. При этом необходимо было обеспечить точный сбор сведений о численности населения края. Но из-за сильного противодействия местного населения, было переписано только то башкирское население, которое само этого захотело. В итоге В.А. Урусов организовал перепись населения крепостей и башкир близлежащих волостей [10, с. 11].

По этим данным были получены сведения по 102 волостям, при чем в них оказалось: деревень – 1267, дворов – 12 492, населения – мужского пола 33 600, женского – 32 641, всего 66 241. Позже были получены дополнительные данные еще по 28 волостям. В них оказалось 432 деревни, 2939 дворов, населения – мужского пола 8937 душ, женского 9477, всего 18 414 душ. Таким образом, общий итог незаконченной переписи представляется в следующем виде: волостей – 130, деревень – 1699, дворов – 15 431, населения мужского пола – 42 537, женского – 42 118, итого населения – 84 655 душ [19, с. 139]. Но она не была всеобщей. Один из офицеров-переписчиков сообщил Л.Я. Соймонову, что «близ Мензелинска не переписано 101 деревня – 989 дворов». Так же не были переписаны некоторые волости горной Башкирии и Зауралья [13, с. 641]. Так же мы не знаем, вошли в этот перепись тарханы или нет. В 1743–1745 гг. насчитывался 1 431 тарханский двор, выставивший на линейную службу 286 человек [3, с. 31]. Следует отметить, что в ходе восстания 1735-1740 гг. было сожжено 696, сослано в каторгу 3 236, казненно 16 893, отдано помещикам жен и детей 9 791 [2, с. 183].

В данной статье мы на основе фрагмента переписи нескольких

деревень и волостей Уфимской провинции 1739 г. подготовленной под руководством Л.Я. Соймонова проведем анализ численности дворов и состав семей². Эта перепись важна тем, что в ней указаны имя, пол, возраст, в какой деревне, волости и дороге проживал конкретный человек, раскрываются населенность дворов и количество дворов в деревнях. На основе материала мы можем предположить, что в среднем в одной волости было 13 деревень. В одной деревне было около 10-12 дворов, где проживала семья из 6 человек обоего пола. Исключения составляет большие деревни более 100 дворов. Однако следует отметить, что организаторы осуществить полный обход территории всех волостей не могли и поэтому эти показатели являются примерным минимумом. Обращает на себя внимание появления припущенников – выходцев из различных волостей края. Это говорит о достаточно высокой мобильности различных категорий населения в этот период. Некоторые из них числились в Казанском уезде, а фактически проживали в Уфимском. Источники показывают основные центры, где происходило частые миграционные движения в крае. Важной особенностью источников является то, что часть башкир не была зарегистрирована как ясачные плательщики, но была учтена при проведении переписи. Исходя из вышеизложенного можно отметить, что для дальнейшей разработки проблемы численности башкир этого периода необходимо привлечь дополнительные источники. При этом, вероятно, необходимо использовать сравнительно-исторический метод с анализом документов середины и второй половины XVIII в.

Посланным порутчикам Тимофеем Аристовым переписано башкирцов, бобылей тептярей и черемис.

По луговой стороне Камы реки 34 деревень в них 439 дворов. По ту стороны Ика реки 64 деревень в них 847 дворов. Итого 103 деревень в них 1 286 дворов. Мужского полу – 3405. Женского полу – 3076. Итого – 6481. За пристовавшие к вора башкирцам 16 деревень в них 97 дворов. Мужского полу – 171. Женского – 236. Итого – 407. Всего мужского и женского полу 6 888. Неописано 22 деревень 191 дворов.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л.245.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 143.

В Высокоправительствующий Сенат от Уфимской провинциальной канцелярии ведомость о записавшихся вновь в ясак также и в перепись о числе мужеска и женска полу душ генваря с 1 февраля по 1 число сего 742 году

м-ц числа	А имянно в переписи	в ясак	в перепись	Лета
Генваря 2	Уфимского уезду, Казанской дороги Сенирянской волости башкирец Юлуш Ялдашев У него братья: Сендяк Секели	– – –	1 1 1	15 8 5
Генваря 11	Уфимского уезду, Казанской дороги, деревни Бизы-Тамак ясашной татарин Савтерек Енеев	–	1	55
Генваря 13	Уфимского уезду, Казанской дороги, деревни Янтудиной ясашной татарин Ишеля Мустафин	–	1	25
Генваря 18	Уфимского уезду, Казанской дороги, деревни Дюсметевой ясашной татарин Сюяш Апакаев У него жена Урман Ишеева У них дочь Сахида	– – –	1 1 1	30 25 2
Генваря 30	По присланному татарскому писму от старшины Пулита Зиликеева записаны вновь в ясак Уфимского уезду, Ногайской дороги, Тамьянской волости башкирцы Чюрагул Каракшин Райман Каракшин	1		
Генваря 30	Уразгилда Дуселин Иткул Ишалин Унгар Усергенов Абдулла Чюракаев Курманай Бадалин Кармыш Илембетев Илембетъ Сеитов Бердыгул Токаев Байбул Турсаков Тойпан Сейгепаров з братом Елангулом Сеитюпар Кузеев Сеитюпар Каракшин	1 1 1 1 1 1 1 1 1 2 1 1		

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л. 247.

1. *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.
2. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). Уфа, 2006.
3. *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006.
4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. IV. М., 1959.
5. *Буканова Р.Г.* Города – крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997.
6. *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань, 1891.
7. *Галлямов И.В., Кутушев Р.Р.* Генеалогия Балакатайцев. Книга I. Уфа, 2014.
8. *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки Т. 68. М., 1961.
9. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1997.
10. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.; Л., 1949.
12. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. М., 1956.
13. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа, 2002.
14. *Рахматуллин У.Х.* Повинности башкир в XVII – первой половине XVIII в. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа, 1981.
15. *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.
16. *Томашевская Н.Н.* От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002.
17. У истоков Уфаведения: «Краткое описание губернского города Уфы» / Авт.-сост. И.М. Гвоздиков. Уфа, 2014.
18. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. (Политика Московского правительства и внутреннее положение Башкирии накануне восстания) // Исторические записки. Т. 24. М., 1947.
19. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.; Л., 1950.

УДК 94(47).04

А.В. Беляков¹

Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI – начала XVII в.

Московское государство XVI–XVII в.; служилые татары; мордва; Восточная

¹ Беляков Андрей Васильевич, Московский государственный университет путей сообщения, Рязанский филиал (РФ, Рязань), к.и.н, feb@ru.ru.

Мещера.

К началу XVII в. те или иные части Восточной Мещеры (Темниковский уезд) входили в состав Московского государства от нескольких десятков лет до нескольких веков. Однако структура населения и формы хозяйственной деятельности сохраняли свои особенности. Они реконструируются благодаря высокой степени сохранности документов Темниковской приказной избы.

Территория Восточной Мещеры уже становилась предметом специальных исследований. Однако история данного региона по-прежнему содержит много белых пятен. Главная причина этого кроется не только и не столько в относительно плохой сохранности документов, а в том, что они более чем слабо введены в научный оборот. Хотя в последнее время в этом направлении имеются определенные подвижки [1; 3; 4].

Следует отметить тот факт, что на протяжении XV-XVII в. границы Темниковского уезда как административно-территориальная единица были более чем нестабильными. Первоначально это были территории вокруг г. Темникова и, возможно, Кадома, где расселились татарские мирзы – потомки князя Бихана [2]. В какое-то время выделялась территория собственно Кадомского уезда. При этом Темниковский уезд продолжал расширяться за счет поступательного продвижения на Восток, в сторону подконтрольных Казанскому ханству территорий заселенных мордовским населением. К 1547 г. граница с ханством фиксируется по реке Инсар [5, с. 65]. К началу XVII в. восточная граница уезда простирается уже до реки Сура². Однако управлять получившимся образованием из-за больших размеров и неразвитой системой транспортных коммуникаций было более чем сложно. Поэтому с 30-х гг. XVII в. из этой обширной территории начинают выделяться иные уезды. Так появились Инсарский³, Саранский, Керенский и, возможно, Нижнеломовский уезды. При этом исследователи отмечали, что для XVI–XVII вв. (а возможно, и в более ранний период) понятия Мещеры и Шацкого уезда были синонимами. При этом Шацкий уезд делился на Касимовский, Елатомский, собственно Шацкий уезды, а также города Кадом и Темников. Таким образом, Кадомский и Темниковский уезды не были до конца самостоятельными. По крайней мере, в XVI в.

Первое писцовое описание земель района Темникова фиксиру-

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1143; Ф. 1167. Оп. 2. Кн. 1.

³ РГАДА. Ф. 1167. Д. 14.

ется источниками вначале XVI в⁴. В настоящее время выявлены дозорная книга мордовских сел Кадомского уезда 1614 г., дозорная оброчная книга бортников Кадомского уезда 1614 г., дозорная оброчная книга мордвы Кадомского уезда 1614 г., Книга новоприбылым дворам мордовским дворам Кадомского уезда 1629 г. [4], а также приправочный список дозорной книги служилых татар и мордвы Темниковского уезда 1614 г.⁵. В РГАДА в фонде Темниковской приказной избы (Ф. 1167. Оп. 1) также имеется ряд выписей с подлинной темниковской дозорной книги, отличающиеся от приправочного списка упоминанием сенных покосов и вотчин бортных ухажеев. Здесь следует сделать одну оговорку. Дело в том, что писцовое описание региона имело свои особенности. По отдельности описывались земли служилых татар и мордвы, мордвы и бортников (возможно, их описание также следует разделять), русских помещиков и дворцовых волостей. При этом пашня и вотчины бортные ухажеев также описывались по отдельности. По крайней мере у мордовского населения. Данные источники, а также остатки архива Темниковской приказной избы 1604-1605 гг. (судебные исковые челобитные, книга сбора судебных пошлин и явочная книга сбора пошлин за варение пива и ставление меда) и документы того же архива середины – второй половины XVII в. позволяют нам установить структуру населения Темниковского уезда и особенности форм его хозяйственной деятельности.

Сразу же следует отметить очень важный факт. Несмотря на кажущуюся однотипность, структура населения Кадомского и Темниковского уездов в XVI в. имели одно очень серьезное отличие. В Кадомском уезде православные помещики фиксируются с середины XVI в. В Темниковском же уезде они начинают появляться только после Смуты. В остальном структура населения была похожа. Здесь проживали:

- 1) служилые татары (князья, мирзы и казаки);
- 2) мордва;
- 3) православные крестьяне, проживавшие в поместьях служилых татар, а в Кадомском уезде и русских помещиков;
- 4) некое неправославное зависимое население, проживавшее за служилыми татарами;
- 5) пленные немцы (холопы) жившие за служилыми татарами и мордвой;
- 6) русские бортники;

⁴ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1143.

- 7) «важемские земцы» с явно мордовскими именами;
- 8) оброчные татары;
- 9) оброчная мордва.

Мы специально проигнорировали такие категории населения как стрельцы, ямщики, более чем немногочисленные посадские жители, подьячие и представители клира.

Однако отдельные из приведенных категорий (в первую очередь служилые татары) в свою очередь делятся на ряд подгрупп.

В последнее время появляется новые аргументы в пользу того, что почти все «княжеские» рода как в Темникове так и в Кадоме имеют общего предка (легендарный князь Бехан). Скорее всего, сюда же следует отнести и основную часть мирзинских родов. По-видимому, это потомки младших ветвей семей, не получавшие «княжений» (право сбора ясака, а первоначально и суд, с мордвы того или иного беляка) [1; 3].

А вот с казаками ситуация несколько сложнее. Они условно делятся на две группы. К первой мы относим тех из них, чьи поместья имеют ту же структуру что и у князей и мирз. Их отличают относительно большие размеры пашни (до 20-30 четей) и значительное количество сенных покосов. Соотношение пашни к копнам достигают 1:40. У некоторых мирз 1:100. Ко второй группе относятся мелкопоместные казаки (около 5 четей). Соотношение пашни к сенным покосам у них, как правило, 1:2.

Помимо этого казаки (представители второй группы) условно дробятся на:

- 1) собственно казаков;
- 2) тарханов;
- 3) служилых мордовских казаков;
- 4) служилую мордву.

По имущественному положению к ним близки засечные сторожа и белопащцы.

На последних следует остановиться несколько подробнее. О них сказано, что они «служат государеву городовую службу, а оброку государева не платят». Вполне возможно, что это и есть «важемские земцы» Кадомской писцовой книги. Последние могли появиться под пером писца знакомого с новгородскими своеземцами. Здесь только нужно помнить, что в рассматриваемом нами регионе вотчинное землевладение появляется только после Смуты. И это исключительно случаи перевода части поместий в вотчины за осадное сидение времен царя Василия Шуйского и за участие в военных действиях против

королевича Владислава в 1618 г. Однако в регионе большое развитие получили вотчины бортные ухोजей. Отдельные служилые татары вообще не имели пашни и, судя по всему, кормились с подобных вотчин. К тому же обладание обширными бортными ухोजеями в сочетании с наличием рабочих рук (крестьян) создавали возможность относительно быстрого увеличения пашни и сенокосов путем расчистки леса. Природа бортных ухожеев до настоящего времени не выяснена. Известно только, что при распашки подобных лесов пашня засчитывалась в поместный оклад. Вполне возможно, что и сами ухोजей каким-то образом могли пересчитываться в поместный оклад. Однако их владелец обладал полную свободу при продаже, закладе или же завещании подобных вотчин.

Интересная информация по служилым татарам содержится в Темниковской книге сбора пошлин со ставления меда и варения пива⁶. Здесь регулярно встречаются имена темниковских татар которые просят разрешение россытить мед или сварить пиво на «моление». Речь судя по всему идет о коллективных мордовских языческих религиозных обрядах – молянах. И в особенности странным выглядит упоминание «братцкого старосты» у служилых татар. Данный пассаж можно объяснить только одним. Перед нами пример «отатарившейся» мордвы (скорее всего даже принявшей ислам) но в то же время сохранившей прежние языческие верования.

Таким образом, мы вправе утверждать, что татарское казачество делилось на собственно служилых татар и служилую мордву. При этом следует серьезно скорректировать наши представления о природе мещерских тарханов, и возможно, вообще тарханов Среднего Поволжья. Скорее всего, это нетатарское население (мордва, марийцы и др.) в составе местных корпораций служилых татар. При этом необходимо отметить тенденцию к постепенному их слиянию в некий «монолитный» образ служилых татар. Здесь как некий курьез можно привести пример, когда вначале XX в. «настоящий» темниковский татарин пытается приписать себе мордовские корни. Здесь, однако, скорее всего, пример неудачного переосмысления термина татарский/мордовский князь.

Следует несколько слов сказать и о структуре самоуправления у мордвы. Нам известно, что какое-то время татарские князья имели право суда над мордвой подведомственных им беляков. Таким образом, статус татарского/мордовского князя очень сильно напоминал

⁶ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 2. Кн. 1.

статус волостеля. Однако на рубеже 30-40-х гг. XVI в. эти права стали постепенно передаваться представителям царской администрации, местным воеводам. Хотя право сбора ясака просуществовало где-то до рубежа XVI–XVII в. Однако в документах встречаются упоминания собственно мордовских князей и мордовских сотских. При этом мы всегда наблюдаем привязку сотского к конкретному беляку. В настоящее время нам неизвестен статус, как первых, так и вторых. Возможно, он был взаимозаменяем. А на выбор термина для определения должности влияли формальные признаки. Можно предположить, что сотский был выборным или же назначаемым, а князь – носитель определенных властных прав передаваемых по наследству. Однако для окончательных выводов требуются дополнительные поиски. В настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что в соседних регионах (Алатырский уезд) понятие мордовский князь (мордовские мирзы) фигурирует в отрыве от мордвы платящей государевы подати. Их относят к служилым татарам. При этом служилая мордва делится на два хорошо различимых разряда: мордовские мурзы (князья) и тарханы.

Таким образом, мы видим, что в регионе имелись свои определенные особенности. О степени этой «особенности» можно спорить. Вполне возможно, что это вполне стандартный пример вовлечения новых территорий и их элит в единую структуру государства. Однозначно, что природу этих особенностей следует искать в истории вхождения региона в состав Великого княжества Московского. Когда и как происходил данный процесс вопрос более чем дискуссионный. И вот здесь мы действительно сталкиваемся с почти полным отсутствием источников и можем делать только более или менее удовлетворительные предположения. Однозначно можно говорить только об одном. Процесс вхождения был более чем длительным, к тому же требовалось учесть интересы как минимум двух сторон – татар и мордвы. Как на любой пограничной территории в Мещере Москва была заинтересована в том, чтобы местное население как минимум было способно самостоятельно защищать данную территорию, а как максимум выставлять боеспособные военные подразделения в общегосударственные полки. Как мы видим, это вполне получалось. Служилые татары, мордва (собственно мордва, а не «отатарившаяся» ее часть), бортники принимали участие в Полоцком походе, событиях Смутного времени. Скорее всего, они совместно участвовали и в других компаниях, но известий об этом не сохранилось, или же еще не обнаружены. При этом Москва давала право выбора для всех местных помещиков/вотчинников. В конечном итоге каждый был волен сам выбирать: оста-

ваться (закрепляться) в податном состоянии или же стать профессиональным воином [5].

Что касается мирного сосуществования между мордвой и татарами, то здесь, по-видимому, следует учитывать тот факт, что местное финно-угорское население рано потеряло свою самостоятельность. Начиная с ордынского завоевания, ею управляли те или иные чиновники присылаемые ханом. Случилось так, что после присоединения к Москве сразу, или почти сразу мордва перешла от подчинения одним татарам к другим.

1. Акчурин М.М., Абдрахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: историко-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. II.
2. Акчурин М.М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6.
3. Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н.Новгород, 2012.
4. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5.
5. Беляков А.В., Енгальчева Г.А. Темниковское княжество по источникам XVI-XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6.

УДК 9.93.930

Д.А. Быков, С.Ю. Попов¹

**Данные Переписной книги Алатырского уезда 1671 г.
о сборе меда с мордовских дворцовых крестьян
для обобщенной оценки экологической и экономической
эффективности хозяйства**

Бортничество; мордовские дворцовые крестьяне в XVII в.; экологическое сельское хозяйство.

Области старого земледельческого освоения от Москвы в сторону Смоленска, Пскова и Великого Новгорода были экономически подорваны Ливонской войной, Опричниной, Смутным временем, Смоленской войной и т. д. Экономическая важность Юго-Востока Европейской России (Средняя Волга) возросла. Мордовское крестьянство тогдашнего Алатырского уезда было обложено сбором бортевого меда в пользу Дворца. Этот мед служил валютой на внут-

¹ Быков Дмитрий Александрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., Dmitbykov@mail.ru; Попов Сергей Юрьевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.б.н., s_yu_popov@rambler.ru.

реннем и внешнем рынках. Мордовские селения платили от 5 до 20 пудов меда в год. В то же время, популяции диких пчел обеспечивали высокую биологическую продуктивность диких и культурных растений. Так, необходимость получения валюты и обеспечения долговременной урожайности пищевых растений без затрат времени, труда и капитала требовала взаимного сотрудничества природы и человека.

Земли между юго-востоком Нижегородской и северо-западом Ульяновской областей, то есть северная часть Республики Мордовия и Северо-Запад Республики Чувашия, во второй половине XVII в. входили в состав Алатырского уезда. Лихолетья Ливонской войны и Смуты подорвали хозяйство к северу и западу от Москвы. Экономическая значимость Поволжья для России возросла. В то же время в XVII в. неблагоприятное влияние на хозяйство Малого Ледникового периода усиливалось здесь континентальным положением местности. Может быть, наличие больших участков смешанных широколиственных лесов позволяло государственной власти надеяться на несколько более устойчивое в сравнении с бедными лесом местностями хозяйственное благополучие населения, а потому и на его платежную исправность. Многие селения с мордовскими дворами на малых речках – южных притоках Алатыря и западных притоках Суры – состояли в дворцовом ведомстве.

Упомянутые в Переписной книге мордовских селений 1671 г. [8; 3, разд. II] деревни соотносятся с современными населенными пунктами, вокруг них лесопокрытые и нелесные участки. Названные территории представляют собою зеленый коридор от Национального парка «Смольный» к Присурскому заповеднику и Национальному парку «Чаваш Варманэ». Западнее лежит Мордовский заповедник. Представляется значимым опыт восстановления, хотя бы примерного, картины сберегающего природопользования со взаимопользующим сельским и лесным хозяйством, к тому же дающими немалый доход без затрат на самовосстанавливающую биоразнообразие и экономическую продуктивность среду.

По переписной книге 1671 г., главными статьями обложения были мед, стрелецкий хлеб, замененный деньгами оклад за лесного и водяного пушного зверя [8, с. 72] Так, «Стан Верхосурской... Деревня Кученяева на речке на Сарке... Всего... 22 двора... Людей в них по имени 46 человек... С Кромбуланского да с Соханского да с Кирманского да с Нулшатского да с Ярбулского ухажьев... кунишных 4 алтына 4 денги... да... кунишных пять алтын... да кунишных жа (же – Д.Б., С.П.) 3 алтына 2 денги»; «стан Верховлаторский... Деревня Баева

– выставка за озерки, что на Пичинях... в живущем 15 дваров, людей в них по имяном 24 человека... С Миренскава ухожья з Бойтуганкова куреня... за куницу без чети 10 алтын з денгою... Да с Медянскова ухожья Старкина куреня... за 2 куницы без чети 23 алтына 4 денги, за белку 2 денги... Да с Сымдедянского ухожья с озерских выхотцев... за куницу без чети 10 алтын з денгою, за белку 2 денги...» [8, с. 14, 71-72].

Постоянная военная угроза на границах от юго-востока до северо-запада и распространение европейского меркантилизма вызывали особую нужду России в валюте. Месторождения драгоценных металлов Большой России оставались еще малоизвестными или геополитически недоступными.

В таких условиях трудно переоценить значимость товаров, способных служить в качестве универсальных меновых и ценностных измерителей-эквивалентов. Отказ от замены во внутреннем обороте серебряной монеты медными деньгами после Медного бунта 1662 г. еще более обострил проблему государственного обеспечения товарообмена. Пушнина («мягкая рухлядь») и особенно хлеб и соль как товары массового неэластичного спроса хорошо подходили в качестве меры стоимости, причем использовались таким образом и в международном обороте. Неудобство заключалось в необходимости стандартизации этих продуктов как эталонов-эквивалентов по видам и качеству. Все три продукта при неправильном хранении легко могли совершенно утратить годность. Пушнина, соль и хлеб от переувлажнения пропадали безвозвратно. А правильно упакованный мед не терял полезных свойств долгое время: в таре, особенно в герметизированной воском керамической, он не боялся влажности и гнилостных процессов. Мед обладал положительными свойствами пушнины, хлеба и соли. Он не имел в то время аналогичных по ценовой доступности и качественной полезности товаров-заменителей по всему спектру сфер потребления; был полуфабрикатом для изготовления других продуктов; подобно соли, помимо средства улучшения вкуса служил консервантом; пользовался неизменным спросом на внутреннем и внешнем рынках

Лесопольное (переложное) хозяйство представляло существенные преимущества перед паровым трехпольем. Окружающий лес стабилизировал температуры воздуха и почвы, уровни почвенных вод и атмосферной влажности. Пахотный горизонт благодаря растительному опаду на бывшем корнеобитаемом слое естественной растительности обладал оптимальными для жизнедеятельности растений структурой, соотношением и физико-химическими характеристиками пита-

тельных веществ². Несколько удаленные от селения лесные рощи могли избежать уничтожения набегом или отягощения податями.

Составляющие естественную часть природного сообщества смешанного широколиственного леса дикие пчелы обеспечены возможностями выживания более живущих с человеком и избалованных его защитой животных и культурных растений. Неустойчивые к болезням или суровости погоды популяции неуклонно элиминируются. А так как способность пчелосемей быстро и много запастись медом является одним из важнейших условий их благополучия, неудивительно, что в малонарушенных лесах бортничество выручало жителей при снижении продукции [4, с. 72] других отраслей хозяйства.

Общество, которое в условиях короткого лета вынуждено сосредотачивать все наличные силы на страдных работах, находило в бортном пчеловодстве и следующую безусловно ценную сторону. Получение меда как продукта-валюты не было сопряжено с постоянными трудовыми затратами большого числа работников, вообще с сосредоточением рабочей силы. В этом было отличие от добывания хлеба, соли и пушнины. Борты (в естественных или нарочно подготовленных дуплах стоящих на корню деревьев) менее принятых в настоящее время рамочных ульев требовали внимания, хотя бы из-за отсутствия работ по утеплению или охлаждению. Экономия труда при господстве ручной агро- и ремесленной техники, при распространенности трудовых повинностей значила для крестьян очень много.

Важной стороной обобщенной экономической и экологической оценки значения бортничества оказывается влияние инфраструктуры этого промысла на другие отрасли хозяйства и окружающую природу.

Долговременное получение на одной территории зерна (и соломы), как и пушнины, приводило к истощению ресурсной базы [6, с. 43-51; 7, с. 7-23; 2]. Жизнедеятельность пчел, напротив, способствовала процветанию диких и одомашненных цветковых растений. Обеспечивалась прямая польза жителям от увеличения урожайности ягод, фруктов и овощей [1, с. 5-7, 9]. На (агро)ландшафтах при сравнительно невысокой концентрации населения, стабильном режиме традиционного хозяйствования могли складываться устойчивые самоподдерживающиеся сообщества-ценозы. Под участие человека – обеспечение

² Естественные коллоидные соединения органических и минеральных веществ – продукт деятельности почвенной микро- и макробиоты – полноценно усваиваются растениями. Для культурных злаков это особенно важно, потому что они не имеют ризосферных симбиотических связей с окружающим природным сообществом.

вырубками, пожаром, выпасом мозаичности лесного покрова по видовому, возрастному составу и плотности, под сенокосение и многое другое – постепенно подстраивалась окружающая природа. Зарастающие лесные рощи в плане пищевой экологии пчел, вероятно, соотносились с естественными гарями и ветровалами. Стоит подчеркнуть, что полеводческое и сенокосное хозяйствование могли обеспечить дополнительные возможности получения меда.

А.А. Гераклитов в работе 1938 г. говорит об очевидно принудительном со стороны «русских феодально-крепостнических колонизаторов» вытеснении мордвы из центральной части стана, «наиболее пригодной для хлебопашества» [3, разд. II]. Вопрос о соотношении хлебопашества и бортевого промысла представляется весьма важным для экологической и экономической характеристики хозяйственного строя Присурья и пограничных с Диким полем земель в целом. Поэтому хотелось бы отметить, что мордовские селения, как записанные в податной оклад по дворцовому ведомству, едва ли сколько-нибудь систематически могли ущемляться в поземельном отношении «русским помещиком-феодалом». Да и сам А.А. Гераклитов отмечает занятия мордвин бортничеством, помимо близких к их селениям ухажав, в угодьях даже отдаленных уездов. Вряд ли русское владельческое³ или черносозное крестьянство могло похвастаться столь обширной географией отхожей пашни⁴ [5, с 19, 81-82].

1. *Аветисян Г.А.* Разведение и содержание пчел. М.; 1983.
2. *Быков Д.А.* Лесной перелог как альтернатива владельческому патронированию // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М.; 2011
3. *Гераклитов А.А.* Алатырская мордва. Саранск, 1938.
4. *Любенецкий Ю.* Полное практическое руководство для пасечников / Пер. А. Чупорского. 2-е изд. СПб.; М., 1876.
5. *Калачов Н.В.* Писцовые книги XVI в. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. Отделение I. СПб.; 1872.
6. *Маслов С.П.* Была ли подсечно-огневая система земледелия «хищнической»? // Труды 6 Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М.; 1998.
7. *Милов Л.В.* «Не поле кормит, а нива» (о роли архаичных элементов аг-

³ РГАДА. Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 5 об.–13; Там же. Оп. 7. Ед. хр. 53. Л. 29–31 об.; Там же. Ед. хр. 311. Л. 104–104 об.

⁴ Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах: Сурожском, Горетове, Бохове, Радонежском и Белях, Манатьине, Быкове и Коровине, Воре и Корзеневе, Шеренском, Обьезжем и Пехорском и волости Вохне, письма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи. РГАДА. Ф. 1209, Поместный приказ. Оп. 1. Ед. хр. 257.

рикультуры в русском земледелии XVIII века) // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999.

8. Переписная книга Мордовских селений Алатырского уезда 1671 г. Саранск, 1979.

УДК 94(470)«16/18»

А.А. Богомазова¹

Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII – начале XVIII вв.

Соловецкий монастырь; монастырское хозяйство; карбасная служба.

На основе описей и приходо-расходных книг Соловецкого монастыря и его усюлий в статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением деятельности морских судов, принадлежащих обители.

Со времени своего основания в XV в., Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь нуждался в морских судах для связи с материком. С ростом монастырской вотчины в XVI–XVII вв. увеличивалась и потребность в своем «флоте», который обеспечивал бы связь островной обители и большой земли, а также многочисленных монастырских усюлий и береговых служб между собой, обслуживал бы монастырские промыслы, полностью или частично связанные с морем (рыболовный, зверобойный, солеварение). В XVI–XVII вв. растет количество и разнообразие судов принадлежащих монастырю, с 4 крупных грузовых судов, лодей, в 1514 г. до 76 – в 1632–1640 гг. XVII в. (23 больших и малых лодий, 13 сойм², 40 больших и малых карбасов). К середине XVII в. монастырское судовое хозяйство достигает своего расцвета. Но после Соловецкого старообрядческого восстания 1667–1676 гг. количество судов, принадлежащих обители, резко уменьшается. По описи 1676 г. у монастыря остается всего 6 лодий, 2 соймы и 14 карбасов. К концу века число монастырских морских судов вновь возрастает, но не превосходит времени расцвета. Свои морские суда были и в береговых владениях Соловецкого монастыря.

Суда и снасти, надо было хранить, каждый год смолить суда, при необходимости ремонтировать. Кроме того, монастырь нуждался в удобных пристанях, как на Соловецких островах, так и в береговых службах и на промыслах.

¹ Богомазова Анастасия Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., anabogomazova@yandex.ru.

² Суда среднего размера.

По данным конца XVII в. обеспечением деятельности монастырского флота занималась в обители специальная карбасная служба. Самая ранняя сохранившаяся отводная книга карбасной службы была составлена в 1697 г. при передаче службы от приказного старца Игнатия старцу Маноилу³. Городничий соборный старец Евфимий, проводивший описание, в заключении отметил, сколько якорей и лодей со снастями у старца Игнатия оказалось «в лишке пред прежним отводом»⁴. До нашего времени эта предыдущая отводная книга не дошла, но упоминание «прежнего отвода» позволяет говорить о том, что карбасная служба оформилась ранее 1697 г. Более того, есть все основания говорить о том, что она существовала уже в начале XVII в. В монастырских приходо-расходных книгах мы находим разрозненные сведения о ее деятельности. Карбасный старец упомянут в приходо-расходных книгах казначея Соловецкого монастыря старца Протасия под 1610/1611 г.: «карбасной старец Иосиф дал денег дватцать алтын, что он продал соемной якорь онежанину Богдаше Безрукому»⁵. Согласно приходо-расходной книге казначея старца Савы, в июне 1642 г. в карбасную купили 2 бочки смолы за 3 рубля 5 алтын⁶. В июле того же года карбасной старец Иона парандовец⁷ дал вкладом 5 руб.⁸. В июле 1645 г. в карбасную службу купили у каргопольца Романа Юрьева 14 бочек смолы и семь порозжих смоляных бочек⁹. В описи имущества Соловецкого монастыря 1676 г. при описании котельной палаты названы «два котла весом четыре пуда, что взяты у карбасного старца»¹⁰. В описи Соловецкого монастыря 1705 г. сказано о функциях карбасной службы: в ней «делают вновь и починивают ветхие карбасы и морские небольшие суды»¹¹.

В конце XVII в. в карбасную службу входили карбасная келья с сенями с тремя «служными» (где жили служебники) и тремя новыми чуланами. В казенном чулане хранился железный инструмент. В описи монастырского имущества 1705 г. уточняется, что новая большая карбасная келья с большими сенями располагалась с западную сторо-

³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 401.

⁴ Там же. Л. 13 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 73.

⁶ Там же. Ед. хр. 43. Там же. Л. 38.

⁷ Вероятно, уроженец с. Парандово (ныне – Республика Карелия).

⁸ Там же. Л. 17 об.

⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 242. Л. 34.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 555. Л. 579 об.

¹¹ Музеи Московского Кремля. Инв.№ Рук-1404. Л. 335 об.

ну от Онуфриевской церкви¹². В сенях было семь чуланов, где жили служебники и находилась железная снасть¹³.

На берегу «против часовни» стоял новый «двоежирный», то есть двухэтажный амбар, в котором хранилась «лодейная снасть», «а якори кругом того анбара»¹⁴. В другом месте уточняется, что амбар стоял «у часовни на пристани», а в описи 1705 г. – «против Святых ворот на пристани»¹⁵.

В старом большом двухэтажном амбаре, «что против Святых ворот» также хранились якоря, инструменты, паруса, такелаж, рогожи, веревки. Помимо всего прочего, в нижнем помещении находился крест поклонный крашенный, а в верхнем – «4 иконы чудотворных, что на лодьи даются»¹⁶. В том же амбаре хранились 120 сажень «веревков лодейных подъемных, что лодьи поднимают»¹⁷. У амбара были чуланы: «с приходу от Святых врат», где хранились якоря, железный инструмент, весла, бочки со смолой, и чулан «от моря», полный шейм вологоцкой присылки «без щету»¹⁸. Тот же амбар мы находим в описи Соловецкого монастыря 1705 г.: «На той ж пристани анбар о двух же житьях ветхой, покрыт тесом, у того анбара от Святых ворот прирубь да з дву сторон с южную да з западную приделаны чуланы, где приезжие люди ставятца»¹⁹.

В 1697 г. карбасную службу входил также сарай, в котором стояли два новых торосных судна подужемского шитья, старое торосное судно, «что ходит с архимандритом на торас», «да новой покупки три судна пяти набойных подужемского шитья, да два судна новых пяти набойных монастырьского шитья»²⁰. За сараем находились другие морские суда.

«В сарае подле карбасную» хранились весла и весельные гнезда, реи, детали судов и заготовки для них (набои, лодейное дерево, кокоры), шесты, а также вичье и «закромец белого мху», видимо, для конопаченья. За сараем лежали крупные заготовки: матицы, корги, кокоры и др.²¹ Вероятно, именно в этом сарае, согласно описи 1705 г. шили

¹² Церковь стояла за стенами монастыря.

¹³ Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 335 об.–336.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 5.

¹⁵ Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 337.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 7, 8.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

¹⁸ Там же. Л. 10, 10 об.

¹⁹ Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 337 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 10 об.

²¹ Там же. Л. 11 об.–12.

карбасы: «у карбасной службы на берегу стоял деревянный ветхий сарай, покрытый тесом сарай, где делали карбасы», в нем находилась всякая «древяная карбасная снасть»²².

По отводной книге 1697 г. на сальном берегу стоял смольной амбар с 77 бочками смолы и пустыми бочками²³, а также «на салном берегу в анбаре соли поланбара»²⁴. Опись 1705 г. сообщает: «Да на пристани ж анбар деревяной, покрыт тесом, а в нем про монастырской обиход соли девять сот восемь десять пуд. В том ж в анбаре в другой переграде для судового смоления пятьдесят четыре бочки смолы»²⁵.

Постоянное использование морских судов требовало создания удобных и безопасных пристаней. Сведения о них в XVII в. также отрывочны. Мы знаем только то, что в некоторых усольях они точно были, поскольку пристани и хозяйственные постройки, находившиеся на них, упомянуты в отводных книгах усолей и береговых служб.

В XVI в. при игумене Филиппе (Колычеве) была устроена удобная гавань на Большом Заяцком острове, а также гостиница и поварня. А.В. Окороков отмечает, что до XVII в. гавань на Заяцком острове оставалась «единственной каменной пристанью на Руси, использовалась для разгрузки лодок и для зимней стоянки небольших судов» [1, с. 133]. Опись 1705 г. так говорит об этих сооружениях: «Палата каменная... строение та полата митрополита Филиппа... келья ж деревяная небольшая с сенми, построена для приезжих людей, которые стоят у того острова в становище за морскою погодою. У того ж Заецкого острова против каменной полаты забрана в морской губе камнем серым браница. В той бранице стоят всякие суды от морской погоды. В ту браницу учинены для выезду судов ворота»²⁶.

В отводных книгах и описях монастырского имущества XVII в. упоминается морская пристань²⁷. Например, отводная книга Соловецкого монастыря игумену Илье, составленная в июне 1645 г., сообщает: «Да над святыми вороты от морские пристани на городской стене образ большой Зосимы и Саватия чудотворцов со обителю на золоте в киоте во облаце Святая Троица»²⁸. Как было сказано выше, на пристани стояли монастырские амбары.

²² Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 337.

²³ Там же. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 13 об.

²⁵ Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1404. Л. 338 об.–339.

²⁶ Там же. Л. 361 об.–362 об.

²⁷ СПбИИ РАН. Кол. 2 (Актовые книги). Ед. хр. 137. Л. 161; Ед. хр. 141. Л. 172 об.; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 211–211 об.

²⁸ СПбИИ РАН. Кол. 2. Ед. хр. 141. Л. 172 об.

В усольях и береговых службах на море и реках были устроены пристани, рядом с которыми находились хозяйственные постройки, амбары. Приведем некоторые примеры. В 1626 г. старец Холмогорской службы Исихея «нанял казаков обрубать починить на пристани у двора и землю засыпать, дано от починки 30 алтын»²⁹. Летом 1627 г. тот же старец Исихея чинил «обруб на пристани в Курье³⁰, куплено лесу и плотником дано найму от починки рубль 30 алтын»³¹. По отводной книге Пильскогубского усолья от старца Савина новому приказному старцу Алексею 1671 г. на берегу у пристани стояло «анбаришко сетное ветхое»³². В отводной книге Умбской службы от старца Иакима к старцу Самсону Ангелскому 1680 г. упоминается новая пристань³³. По отводной книге той же службы от старца Феокиста новому приказчику старцу Христофору 1688 г. на пристани стоял крест и располагался амбар «о трех жирах»³⁴.

Суда смолили, при необходимости ремонтировали. Но сведения об этом встречаются в документах Соловецкого монастыря также крайне редко. В 1607 г. в монастыре наняли лодейного мастера Василия Тихого онеженина чинить лодью, «наиму дано рубль 16 алтын 4 денги»³⁵. В 1612/13 г. в Колежемском усолье при старце Неофите смолили лодью, сойму и мелкие суда, «смолы пошло 3 бочки, а куплена бочка по полтине, и за то денег дано рубль 16 алтын 4 денги»³⁶. В 1632 г. в Варзуге при старце Измаиле «у кошешново судна вставлял матицу новую, от дела дано 13 алтын 2 денги»³⁷. Чупское усолье в период с июля 1656 г. по июль 1657 г. ведал приказной старец чернец Измаило, при нем чинили лодью: «на лодейную починку ковал гвоздь большее и малое, и тяги дано кузнецу за железо и за дело, и плотнику дано от дела от лодейной починки всего два рубли 26 алтын 4 денги»³⁸.

²⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 15 об.–16.

³⁰ В Курье под Холмогорами в XVII в. находилась складочная база Соловецкого монастыря.

³¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 6. Ед. хр. 2. Л. 19.

³² Там же. Оп. 7. Ед. хр. 351. Л. 3 об.

³³ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 369. Л. 4.

³⁴ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 356. Л. 3 об., 4.

³⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 206 об.

³⁶ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 486. Л. 9 об.

³⁷ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 500. Л. 14 об.

³⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 463. Л. 10 об.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что в XVII – начале XVIII в. в Соловецком монастыре существовала развитая система береговой инфраструктуры и обеспечения своих морских судов.

1. *Огороков А.В.* Исследование гавани XVI в. на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага // Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники. М., 1990.

УДК 94(47).047; 94(47).048

**Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко,
А.Ю. Кононова¹**

**Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в.
(по данным «свывозной и селитебной» книги стольника
И.И. Сумарокова 1702 г.)²**

Россия; книги И.И. Сумарокова как исторический источник; миграция; переселения; крестьяне-карелы; хозяйство; начало XVIII в.

В статье на основе анализа «свывозной и селитебной» книги стольника И.И. Сумарокова, составленной в октябре 1702 г., рассматриваются имущественный статус и хозяйственная деятельность крестьян-карел, поселенных на дворцовых землях Городецкого (Бежецкого) и Угличского уездов (ныне Тверская область). Выявляются также их отраслевая специфика и связь с рынком.

Актуальной проблемой отечественной историографии является пополнение источниковой базы для изучения истории крестьянства и, в частности, крестьянского хозяйства во второй половине XVII – начале XVIII в. Эта база была создана в результате углубленного исследования названной темы в отечественной историографии [1; 2; 4; 7; 8; 10; 11; 13; 17; 19]. В связи с этим заслуживает внимания рассматриваемая в данном сообщении «свывозная и селитебная» книга карельских крестьян, составленная стольником Иваном Игнатьевичем Сумароковым в октябре 1702 г. по наказу из приказа Большого дворца. Подлинник книги погиб во время пожара 1737 г. Сохранилась копия

¹ Болотина Наталья Юрьевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (РФ, Москва), к.и.н., bolotina30@rambler.ru; Комиссаренко Аркадий Иванович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (РФ, Москва), д.и.н., arkadiy109@rambler.ru; Кононова Антонина Юрьевна, РГАДА (РФ, Москва) к.и.н., akononova56@rambler.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00086).

книги, выполненная в 1730-х гг.³ Книга была составлена в связи с проведением правительством Петра I в конце 90-х гг. XVII – начале XVIII вв. политики принудительного переселения на дворцовые пустоши карельских крестьян, проживавших в поместьях, частновладельческих и монастырских вотчинах в итоге их добровольной миграции в Россию из Швеции, начавшейся после Столбовского мирного договора 1617 г. и продолжавшейся в течение всего XVII в. [3; 4; 5; 6; 9; 12; 18]. В «свывозной и селитебной» книге стольника И.И. Сумарокова зафиксированы семьи «новоотписных» «корелян», вывезенных из частных владений и поселенных на дворцовых пустошах Борисоглебской и Шаболинской волостей Городецкого (Бежецкого) и Кейсемской волости Угличского уездов (ныне Тверская область) в июне 1701 – октябре 1702 г. Всего в его книге описано 130 семей, проживавших в 76 дворах, поселенных на дворцовых пустошах и образовавших ряд новых деревень. Каждой крестьянской семье в книге отведена отдельная описательная статья. Формуляр книги обеспечил включение в нее данных о мужской части семьи, о прежнем месте ее жительства, причинах выселения на дворцовые земли. Формуляром предусматривались сведения о количестве и составе рабочего и молочного скота, о свином, овечьем и козьем поголовье, принадлежащем семье. Писцы должны были также фиксировать данные о количестве зерна («хлеба всякого»), имевшегося в запасе у семьи к моменту описания – к октябрю 1702 г. Нами изучены данные книги, относящиеся к 14 семьям карельских крестьян, поселенным на пустошах деревень Юрьевской, Березино, Высочки, Чижево Кейсемской волости Угличского уезда в июне 1701 г.⁴ Материал книги показывает, что все рассматриваемые семьи содержали рабочий скот. Все семьи содержали также молочный скот. При этом половина семей (7) имели развивающееся молочное животноводческое хозяйство, включавшее коров, подтелков, быков и «бычков». Из 14 рассмотренных семей 12 содержали также овец, а 11 – еще и свиней. Число голов рабочего скота, содержавшегося каждой из рассмотренных семей, не превышало двух. Однако было немало двухлошадных хозяйств – 6 из 14. Девять семей имели по 1-3 головы молочного скота и (или) по 1-2 свиньи и овцы. Две семьи содержали по 4 головы молочного скота и по 3 овцы и свиньи. В 3 из 14 рассмотренных семей животноводство находилось на более высоком уровне. Так, семья крестьянина А. Ефимова из деревни Чижевой, не отличаясь от других по количеству овечьего поголовья, имела 5 голов

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 274-341.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 277-280, 303-303 об.

молочного скота, и 5 свиней⁵. Семья В. Яковлева из той же деревни содержала 7 голов молочного скота, 5 овец и 3 свиньи⁶. Животноводческое хозяйство Семья Михаила Орефьева сына Лежи из деревни Березино включало 8 голов молочного скота, число свиного поголовья составляло 9, а овечьего – 6⁷.

Как уже отмечалось, в книге присутствуют сведения о запасах зерна – «хлеба всякого», которыми распоряжалась семья в октябре 1702 г., когда проводилось описание. Так как рассматриваемые семьи были поселены на дворцовых пустошах в июне 1701 г. урожай был собран ими уже на новом месте поселения. Как свидетельствует книга Сумарокова, карельскими крестьянами высевались рожь, овес и ячмень-жито. Материал показывает, что у 4 из 14 рассмотренных семей было 5-7 четвертей «хлеба всякого», еще три имели его по 0,5-3 четверти. Исходя из того, что на пищевое потребление семье требовалось в среднем до 8-12 четвертей в год [10, с. 57], можно отметить, что эти семьи имели недостаточное для жизни количество зерна. Вместе с тем 5 из 14 рассмотренных семей содержали по 10-15 четвертей зерна, еще 2 – по 20-27. Можно предположить, данные семь семей имели достаточное для жизни количество зерна, а последние 2, возможно, и его излишки. Именно две последние были семьями крестьян А. Ефремова и С. Орефьева Лежи, которые, как уже отмечалось, содержали и наибольшее количество скота.

Материал книги подтверждает положение о связи демографических и хозяйственных показателей крестьянской семьи, обоснованное в работах Е.Н. Баклановой (Швейковской) и Ю.А. Тихонова [2, с. 61-66; 17, с. 68]. Семья В. Яковлева, имевшая значительное количество скота и зерна включала трех взрослых работников и двух их сыновей⁸. На подворье Михаила Васильева сына Лежи, имевшего максимальное количество скота и зерна, кроме его семьи, включавшей трех сыновей, проживало еще две семьи (его шурина и брата последнего – 5 человек м.п.) (еще 2 семьи)⁹. Их собственные хозяйства в книге не зафиксированы¹⁰. Возможно они работали по найму у дворохозяина.

Материал рассматриваемой книги показывает, что некоторые хозяйства карельских дворцовых крестьян располагали избыточным

⁵ Там же. Л. 279.

⁶ Там же. Л. 303 об.

⁷ Там же. Л. 277.

⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 303 об.

⁹ Там же. С. 277.

¹⁰ Там же.

количеством скота и зерна и имели товарный характер. Однако изучение этого вопроса крайне затруднено скудостью непосредственных сведений о связи крестьянских хозяйств с рынком. В связи с этим приходится привлекать опосредованные данные.

Рассмотренный материал «свывозной» книги позволяет предположить, что немалая часть хозяйств карельских дворцовых крестьян имела товарный характер. Однако изучение этого вопроса крайне затруднено скудостью непосредственных сведений о связи крестьянских хозяйств с рынком. В связи с этим приходится привлекать опосредованные данные. К числу их относятся сведения о налогах карельских дворцовых крестьян, сохранившиеся в наказной памяти стряпчему Кормового дворца Чамеровской дворцовой волости Артемию Тютчеву из приказа Большого дворца от 25 апреля 1699 г.¹¹. Наказная память была составлена в связи с челобитной карельских дворцовых крестьян деревни Стогино Чамеровской волости Осипа Иванова, Григория Тихонова и Андрея Кузмина, в которой они просили выделить им под поселение пустоши Старое и Лодышкино. Просьба корелян была удовлетворена. При этом приказной администрацией было выяснено что «по приходным книгам прошлых лет и нынешняго 207-г году дворцовой Чамеровской волости кореляне денежных доходов по окладу за всякие доходы и за изделье платят по два рубли, стрелецкого хлеба по полуосмине с получетвериком ржи, овса по тому ж, на молотьбу Богороцкого хлеба по две денги з двора на год, да они ж платят сверх того запросные всякие денги»¹².

Приведенный материал дает основание не согласиться с выводом С.Б. Веселовского, поддержанным И.А. Черниковой, что доходы с дворцовых крестьян шли на дворцовый обиход и что тягло дворцовых крестьян состояло преимущественно из натуральных платежей [17, с. 69]. Налогообложение карельских дворцовых крестьян сопоставимо с налогообложением черносошных, монастырских и архиепископских крестьян, проанализированном в исследованиях Е.Н. Швейковской и И.А. Черниковой [19, с. 69-76; 2, с. 120-122]. Карельские дворцовые крестьяне помимо податей, шедших на дворцовый обиход («за изделье», «на молотьбу Богородцкого хлеба») были обложены налогами, предназначенными для пополнения государственной казны (вытным окладом, «стрелецким хлебом», запросными деньгами). При этом только «стрелецкий хлеб» был для них натуральным налогом. Все остальные платежи носили денежный характер.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 403-407 об.

¹² Там же. Л. 406.

Как показано в исследовании Е.Н. Баклановой (Швейковской) «Крестьянский двор и община на Русском Севере», в первые годы XVIII в. наиболее характерным для крестьянского двора вотчины вологодского архиепископа, расположенной в соседнем Вологодском уезде, был платеж 87,5 коп. государственных и мирских денег [2, с. 120]. Как было показано выше, со двора карельского дворцового крестьянина взималась значительно большая сумма денег (более 2 руб.).

Преобладание денежных платежей над натуральными и их объем косвенно свидетельствуют о включенности хозяйства карельских дворцовых крестьян в сферу товарно-денежных отношений.

Можно предположить, что данные о связи хозяйства карельских дворцовых крестьян с рынком находятся в материалах таможи города Великого Устюга, близ которого находились обширные Кейсемская и Шаболинская дворцовые волости Устюжского уезда. К сожалению, по своему объему и составу дошедшие до нас документы фонда Устюжской таможи XVIII в. значительно уступают сохранившимся материалам этого учреждения XVII в., значительная часть которых уже опубликована или готовится к публикации [15; 16]. Таможенных книг Устюга, относящихся к концу XVII – XVIII вв. не сохранилось. За период 1698-1705 гг., близкий ко времени писцового описания Сумарокова сохранилось только 18 записей¹³. (Остальные относятся к 20-50-м гг. XVIII в.) Только две из них касаются ввоза товаров в Устюг (астраханских «овчин», английского сукна и «церковного питья»)¹⁴. Остальные 16 являются отпускными выписями¹⁵. В них указывалось имя и статус человека, пропущенного через таможню, фиксировались сведения о том, куда он направлялся. В выписях давалось описание его товара с указанием количества последнего; отмечалось, где был куплен товар.

Во всех 16 отпускных выписях зафиксированы факты оптовой закупки товаров устюжскими посадскими людьми на устюжском рынке и вывозе их в Москву для продажи. В 8 случаях такими товарами были холст («хряц», «льняные концы»), пушнина и рыба¹⁶. Еще 8 записей свидетельствуют о вывозе в Москву товаров животноводства¹⁷. Так, как свидетельствует запись от 1 февраля 1698 г., голова

¹³ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1802. Л. 1-18.

¹⁴ Там же. Л. 2, 8.

¹⁵ Там же. Л. 1, 3-7, 10-18.

¹⁶ Там же. Л. 1, 3, 8, 12, 13, 16, 17.

¹⁷ Там же. Л. 4, 5, 6, 7, 10, 11, 18, 9.

таможенного сбора города Углича Федор Шолохов отпустил «с Углича к Москве угличанина посадского человека Ивана Федорова сына Гнезникова», который вывез на двух саях «восемьдесят семь черепов и кружечков масла коровья весом наголо дватцать семь пуд с четвертью»¹⁸. В отпускных записях от 10 июля и 3 октября 1705 г. отмечено, что устюжскими посадскими людьми И.Ф. Гнезниковым и Василием Савельевым сыном Меховым были вывезены в Москву опять же 51 «череп» «коровьего масла», а также «овчины домашнего передера: 700 «овчин деланных», 52 «овчины сыгудных» домашнего передера», 5 «мехов мерлушчатых белых»¹⁹. В отпускных записях зафиксировано также, что устюжскими посадскими людьми в названное время переправлялись в Москву на продажу «туши мяса», «ососки», большое количество «колотой» домашней птицы²⁰. Все эти товары были, как зафиксировано в записях, «углицкой площадной врознь покупки»²¹, то есть были куплены на городской торговой площади у разных людей. Рассмотренные отпускные записи свидетельствуют о насыщенности устюжского рынка товарами, связанными с животноводством. Можно полагать, что среди его поставщиков были и крестьяне окружавших Устюг карельских дворцовых волостей.

Таким образом, анализ хозяйств карельских крестьян начала XVIII в. позволяет определить их отраслевую специализацию (преимущественно животноводство) и несомненную связь с внутренним рынком северо-западного региона России.

1. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. СПб., 1989.
2. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976.
3. *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь, 1999.
4. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937.
5. *Дмитриева З.В.* «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вып. V. Вологда, 2003.
6. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
7. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма Т. 3. М., 1986.
8. История крестьянства России с древнейших времен. Т. 3. М., 1993.
9. *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво. Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998.
10. *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство. М., 1990.
11. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского истори-

¹⁸ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1802. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 11, 18.

²⁰ Там же. Л. 4, 5, 6.

²¹ Там же. Л. 4, 6, 18 и др.

- ческого процесса. М., 1998.
12. *Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии в XVI–XVII. Петрозаводск, 1947.
 13. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979.
 14. *Серёда Н.В.* Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XV – XVII вв.) Тверь, 1991.
 15. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. III. М.; Л., 1951.
 16. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1, 2. СПб., 2013-2014.
 17. *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков. М.; СПб., 2005.
 18. *Чернякова И.А.* К вопросу о судьбах «карельских выходцев». Петрозаводск, 1989.
 19. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998.

УДК 912.4 (091)

**А.А. Фролов, А.А. Голубинский,
С.С. Кутаков¹**

Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI-XVII вв.²

Картографические материалы Русского государства; геоинформационная система.

В статье описывается опыт создания геоинформационной системы, интегрирующей «географическую информацию», содержащуюся в корпусе древнейших чертежей Русского государства.

«Пространственный поворот», произошедший в гуманитарном знании в последней четверти XX в., для историков выражается, прежде всего, в повышенном интересе к пространственному аспекту исторических явлений, что, в свою очередь, требует от исследователей извлечения из исторических источников и анализа «географической информации», которая всегда в них пребывала, но прежде была мало востребованной. Тем не менее, особенности отечественной историографии не позволяют говорить о том, что «пространственное измере-

¹ Фролов Алексей Анатольевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., prkfrolov@rambler.ru; Голубинский Алексей Алексеевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., lexus.gol@gmail.com; Кутаков Сергей Сергеевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), асп., k_sergei_s@mail.ru.

² Исследование подготовлено в рамках проекта «Северная Евразия на карте: от Птолемея до современных ГИС-технологий», грант Российского научного фонда № 14-18-02121.

ние» истории уже заняло подобающее ему место в коллективном сознании нашего научного сообщества.

Можно констатировать появление значительного количества историко-географических работ микрорегиональной и региональной тематики, до сих пор не составивших какого-то общего мозаичного полотна – как в силу разнообразия решаемых исследовательских задач и примененных эдиционных техник, так и в силу географической разобщенности картографированного материала. Большинство историков, даже в силу своей узкой специализации связанных с «географической информацией» исторических источников, продолжают оставаться в стороне от этой работы. Вот почему некоторые отечественные историки и географы начинают задумываться о создании некой общей информационной платформы, способной интегрировать множество разнокалиберных исследований, включающих «пространственный аспект» – на базе современных геоинформационных технологий. Национальные исторические геоинформационные системы (ГИС), открывающие доступ к материалам через обычный интернет-браузер, уже созданы во многих странах [8]. «Обречены» на их создание и мы, хотя на этом пути нас ждет немало трудностей. Пока можно говорить лишь об опыте, приближающем нас к достижению этой цели.

Одним из наиболее перспективных направлений является интеграция в ГИС исторических источников, в явном виде представляющих географическую информацию, – исторических картографических чертежей и карт: они могут оказаться необходимыми широкому кругу пользователей – не обязательно обладающих специальным историческим образованием; «географическая информация» этих источников благодаря визуализации наиболее понятна столь же широкому кругу лиц; география, ими отраженная, охватывает, хоть и в разной степени, территорию всей страны.

Многое в этом направлении сделано усилиями географов. К примеру, в он-лайн доступе уже находится комплекс карт середины XIX в. А.И. Менде [см., напр.: 9]. Но более ранние материалы практически не вовлечены в круг подобных работ – как вследствие отсутствия у ранних картографических материалов математической основы, так и по причине ограниченного доступа исследователей к архивным материалам: между пользователями и архивным сообществом существует известный диссонанс – архивы далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы предоставлять широкий доступ через сеть Интернет к своим материалам.

Русские чертежи XVII в. – это та группа картографических материалов, онлайн-публикация которых кажется приоритетной. С одной стороны, работа по каталогизации этих документов уже проведена В.С. Кусовым [4] (хотя перспективы обнаружения неизвестных до сих пор документов по-прежнему осязаемы). С другой стороны, существующий каталог может быть использован в полной мере только тогда, когда любой учтенный в нем документ (или хотя бы большинство учтенных) находится в публичном доступе. Отдельные тематические группы чертежей опубликованы в нескольких изданиях [см., напр.: 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], однако большинство чертежей XVII в. по-прежнему доступно только в архивах и рукописных собраниях библиотек.

Как памятник технической, географической и художественной мысли, как исторический источник русские чертежи XVII в. уникальны – они являются зримым воплощением российского направления развития картографии. Нельзя недооценивать значимость их и для научных и прикладных работ различных направлений. Уже сейчас на основе этих планов ведутся исследования по топонимике, городскому строительству и архитектуре (М.В. Николаева, А.Д. Шахова).

Так появилась идея создать ГИС, предоставляющую онлайн-доступ к русским картографическим чертежам XVII в. Поскольку наиболее многочисленная коллекция этих документов хранится в РГАДА (по В.С. Кусову, который, помимо чертежей XVII в., учел один документ XVI в. и чертежи первых лет XVIII в., это 75 %), уместным представляется размещение результатов работы прежде всего на сайте этого учреждения [11] – тем более, что руководство архива и его сотрудники идею онлайн-публикации материалов РГАДА приветствуют.

На момент подачи текста статьи изготовлены качественные фотокопии 450 чертежей, хранящихся в РГАДА. Большеформатные чертежи, копирование которых одним кадром затруднено, копировались по частям с последующим монтажом нескольких растров в одно полотно. Полученные изображения проходят процедуру геокодирования – путем соотнесения местности, которая на чертежах изображена, с идентифицируемыми элементами современного ландшафта.

Характерной чертой для чертежей Московской Руси является то, что они создавались без строгого соблюдения масштаба, без системы координат и, разумеется, без учета какой бы то ни было проекции. Поэтому более или менее стандартная процедура геокодирования растровых картографических изображений в данном случае не помогает. С другой стороны, недеформированное изображение чертежа

имело бы слишком сильные расхождения с той местностью, которая на нем изображена. Поэтому для привязки раstra в ГИС применяется алгоритм трансформации Гельмерта с интерполяцией по методу ближайшего соседа, который осуществляет сдвиг и поворот раstra (рис. 1а). Этот алгоритм не меняет до неузнаваемости картинку (в отличие от, например, алгоритма «резинового листа», который деформирует все поле раstra между реперными точками – рис. 1б) и, вместе с тем, позволяет, по возможности, визуальнo соотносить представленное изображение с реальными географическими объектами. К середине апреля 2015 г. процедуру геокодирования прошли 166 чертежей.

В качестве программного обеспечения используется Quantum GIS 2.4 – программа с открытым кодом, предоставляющая в распоряжение пользователя большинство инструментов, применяемых в современных ГИС-технологиях, все более популярная альтернатива проприетарной продукции компании ESRI [10]. Однако интернет-пользователю не нужно обладать какими-то специальными навыками работы с этой программой, как и вообще с ГИС. Доступ посетителю сайта к возможностям создаваемой ГИС предоставляется на отдельной странице сайта РГАДА через специальную платформу Geoserver, обеспечивающую интерпретацию запросов пользователя к ГИС и отображение полученного результата через специфический интерфейс в интернет-браузере – без необходимости устанавливать на компьютер пользователя специальных ГИС-программ. В настоящее время работа по созданию такой страницы на сайте РГАДА только начата.

Базовой функцией, создаваемой ГИС, является возможность для пользователя обращаться с пространственными запросами, выбирать из всего массива документов те чертежи, которые попадают в пределы интересующей его территории, указанной курсором мышки прямо на карте. В атрибутивной таблице, сопровождающей каждый чертеж, отражено его описание – в соответствии со структурой, предложенной В.С. Кусовым [4]. Если же пользователь захочет посмотреть на чертеж в недеформированном виде, такую возможность предполагается предоставлять ему с помощью гиперссылки, ведущей на отдельную страницу.

Историко-географическая составляющая проекта включает создание слоев, характеризующих административное деление в Московской Руси XVI-XVII вв. (центры и границы уездов, по возможности – другие крупные селения). Наличие этих слоев позволяет пользователю отыскать интересующий его чертеж на карте синхронного уездного деления и получить представление о расположении местнос-

ти относительно ближайшего административного центра того же времени.

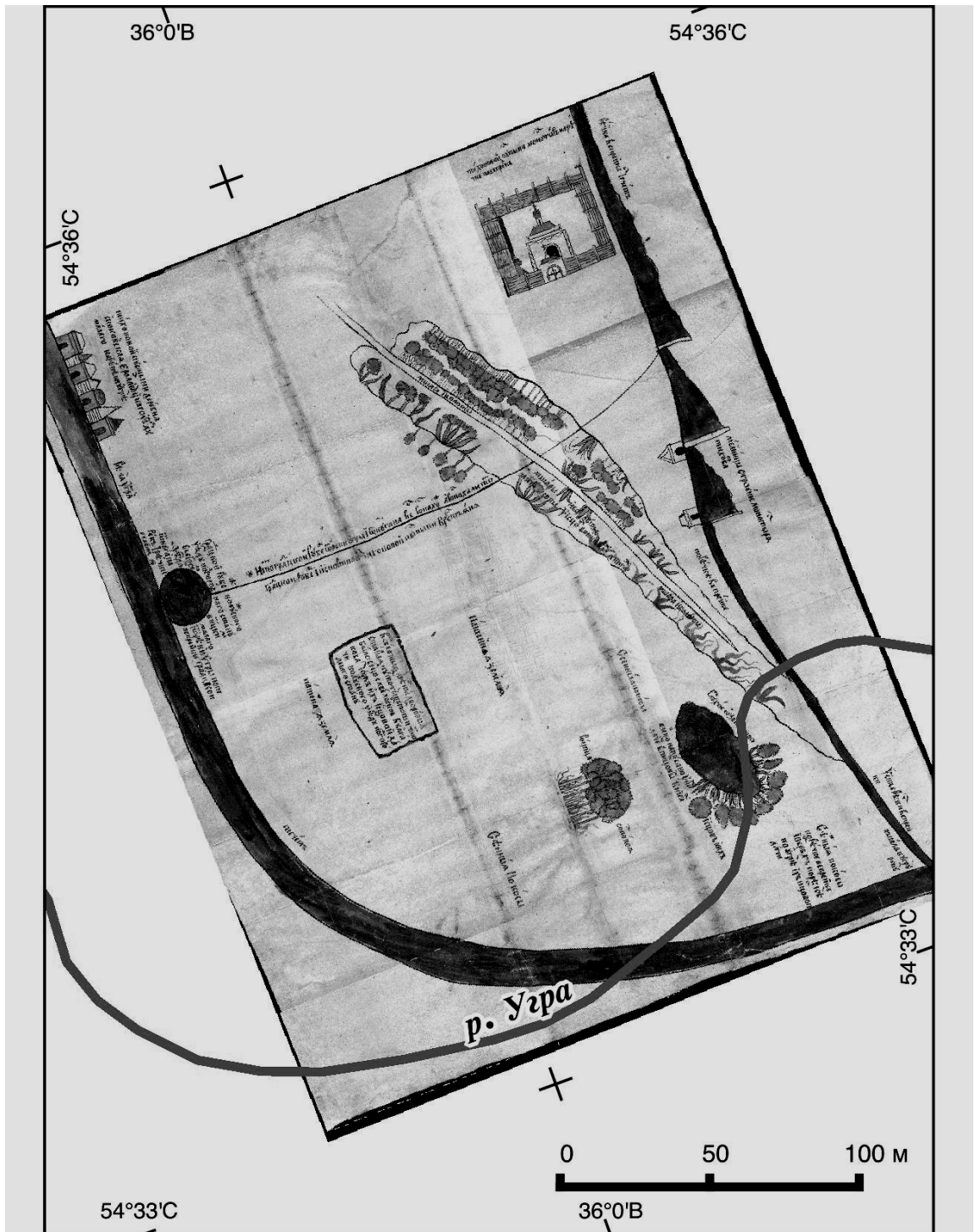

Рис. 1а. РГАДА. Ф. 1209. Столбцы. Калуга. Д. 26646. Л. 131-132. "Чертеж спорной межевой границы Калужского и Малоярославского уездов около реки Угры". Алгоритм трансформации Гельмерта.

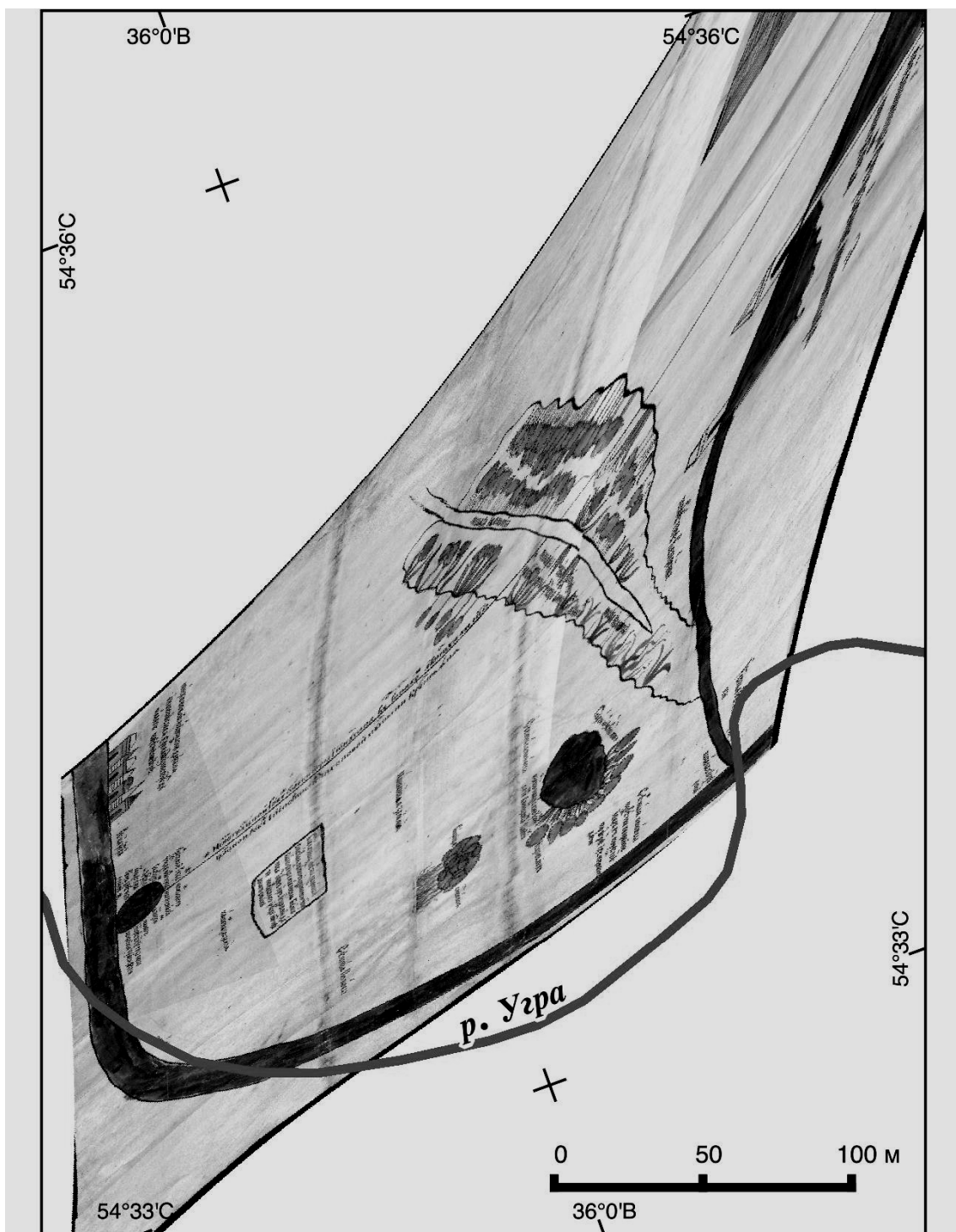

Рис. 16. РГАДА. Ф. 1209. Столбцы. Калуга. Д. 26646. Л. 131-132. "Чертеж спорной межевой границы Калужского и Малоярославского уездов около реки Угры". Алгоритм трансформации Thin Plate Spline ("резиновый лист").

Визуализация коллекции картографических материалов Русского государства XVII в. может способствовать и выявлению неучтенных в Каталоге чертежей – путем вовлечения в диалог исследователей, занятых изучением отдельных историко-географических сюжетов

тов и отдельных исторических источников – через обратную связь в рамках создаваемой ГИС.

1. *Багров Лео*. История русской картографии. М., 2005.
2. *Белокуров С.А.* Древнерусская картография. Вып. 1: Планы Москвы XVII века. М., 1898.
3. *Кивельсон В.* Картографии царства: земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.
4. *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.
5. *Ламанский В.И.* Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия // Записки славяно-русского отделения Археологического общества, 1861. Т. 2. Приложение.
6. *Наседкин Е.Н.* Рукописные лесные карты Среднего Поволжья XVIII века как источник по истории землепользования и лесного дела // Историческая география. Т. 2. М., 2014.
7. *Тиц А.А.* Загадки древнерусского чертежа. М., 1978.
8. *Фролов А.А.* Геоинформационные технологии в современных историко-географических исследованиях отечественных историков // Вопросы географии. Сборник 136. Вопросы исторической географии. М., 2013.
9. *Щекотилов В.Г., Лазарев О.Е., Лазарева О.С.* Формирование информационного пространства крупномасштабных и обзорных архивных карт XIX в. для автоматизации исследований регионального уровня (на примере «межстоличного» региона) // Геодезия и картография, 2010, №6.
10. QGIS: A Free and Open Source Geographic Information System [Электронный ресурс] – URL: <http://qgis.org/>. (Дата обращения: 10.04.2015).
11. Российский государственный архив древних актов [Электронный ресурс] – URL: <http://rgada.info/index.php>. (Дата обращения: 10.04.2015).

УДК 94(47).046

М.А. Зинько¹

О месте подписания Поляновского мира 1634 г. (к вопросу об устойчивости гидронимов и методике локализации)

Поляновский мир 1634 г.; р. Поляновка; гидронимы; локализация.

Статья посвящена локализации места подписания Поляновского мира 1634 г. На примере истории р. Поляновка автором показана неустойчивость гидронимов.

«Вечное dokonчание», заключенное между Русским государством и Речью Посполитой в 1634 г., известно в историографии как Поляновский мир. Исследователи, упоминая об этом соглашении, как

¹ Зинько Мария Алексеевна, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия» (РФ, Москва), к.и.н., mazinko@yandex.ru.

правило, указывают, что оно было подписано на р. Поляновка², однако никак не локализуют этот водный объект [2, с. 118; 13, с. 30; 16, с. 513, 534, 536, 537; 21, стб. 1210, 1212] или делают это неопределенно, например: «недалеко от Вязьмы» [3, с. 211; 5, с. 46], «близ Вязьмы» [27, с. 191], «под Вязьмой» [8, с. 234], «между Вязьмой и Дорогобужем» [4; 29, с. 143], «в селе Семлево на пограничной реке Поляновке (между Вязьмой и Дорогобужем)» [7, с. 305]³. В связи с обилием в научной и энциклопедической литературе неточных формулировок на основе широкого круга исторических источников конца XVI – XX вв., нами была впервые осуществлена локализация р. Поляновка на карте⁴.

В тексте мирного договора указано, где состоялось его подписание: «Писано на съезде месте у речки у Поляновки при дорозе Дорогобужской и Вяземской на рубежу Дорогобужском и Вяземском»⁵.

В настоящее время, согласно Государственному водному реестру (далее – ГВР)⁶, в нашей стране есть только одна р. Поляновка – левый приток р. Угра, протекающий по территории Захарьевского сельского поселения Угранского района Смоленской области. Она расположена примерно в 30 км южнее старой Смоленской дороги, напрямую связывающей города Вязьма и Дорогобуж (ныне часть автомобильной трассы Р-134)⁷, и в 62 км от самой Вязьмы. Иными словами, современная р. Поляновка не может являться той р. Поляновка, на берегу которой был заключен русско-польский «вечный» мир⁸.

² А.П. Елоховский писал о заключении мирного договора в Вязьме [11, с. 322]. По-видимому, с ним согласен В.Н. Козляков: «съезд послов состоялся на том самом месте, где когда-то разменивали пленных», а, по его словам, «исторический размен в Вязьме состоялся» [12, с. 223, 123]. В.В. Похлебкин склонялся к мнению, что мир был подписан в «с. Поляново, в 21 км юго-западнее Вязьмы» [17, с. 441]. Украинский историк Т.В. Чухлиб выдвинул оригинальную версию о подписании акта в «с-щі Полянів над Вязьмою (прит. Дніпра)» [28, с. 411].

³ С точки зрения В.Д. Назарова в «с. Семлево на р. Поляновке, между Вязьмой и Дорогобужем», только шли русско-польские переговоры [15].

⁴ Локализация выполнена нами в 2013 г. при подготовке к публикации в «Большой Российской энциклопедии» статьи «Поляновский мир 1634» [14, с. 80]; анализ проблемы и методика ее решения излагаются в настоящей работе впервые.

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 44. Л. 131. Ср. с опубликованным текстом Поляновского мира [10, с. 398–399].

⁶ URL: <http://www.textual.ru/gvr/> (дата обращения: 12.04.2015).

⁷ В настоящее время часть этой дороги является непроезжей.

⁸ В середине XIX в. р. Поляновка еще именовалась Верговка (Вереговка), при 386

Упомянутое в историографии с. Семлёво локализуется как центр Семлёвского сельского поселения Вяземского района Смоленской области примерно в 26 км от Вязьмы по обе стороны старой Смоленской дороги. Вместе с тем, располагается оно на берегу р. Семлёвка, впадающей в р. Осьма⁹. В разрядной книге 1613–1645 гг. о заключении в 1634 г. мира говорится: «[Ж. А пословали на рубеже от Вязьмы 15 верст на реке на Поляновке], [Г. в селе Семлеве]» [9, т. 2, стб. 373]. Как видим, при публикации запись о месте ведения русско-польских переговоров была вставлена из двух разных списков [9, т. 1, с. XXIX, XXX–XXXI, т. 2, с. I], а значит, разрядная книга вовсе не свидетельствует о нахождении с. Семлёво на р. Поляновка. Это подтверждают и материалы статейного списка русского «великого» посольства («ехать нам... на речку на Поляновку или к ним, к паном раде, в Семлево»¹⁰, «поехали мы с Поляновки в Семлево»¹¹). В описании похода царя Алексея Михайловича в начале русско-польской войны 1654–1667 гг. р. Поляновка, на которой находилась русская пограничная застава («... приехал в Вязьму с заставы, с речки Поляновки, атаман козачей Васька Зверев...» [9, т. 3, стб. 425]), и с. Семлёво, где был первый царский стан на пути государя из Вязьмы в Смоленск («от Вязьмы 20 верст» [9, т. 3, стб. 428]), также никак не связываются¹².

На карте Смоленской губернии, исправленной по рекогносцировке 1871 г., в 7 км северо-восточнее с. Семлёво около дороги на ручье Поляновка (притоке р. Осьма) обозначены деревни «Нов. Полянова» и «Стар. Полянова»¹³. Сейчас на их месте расположена деревня

ее впадении в р. Угра находилась деревня Захарьевская (ныне Малое Захарьевское Захарьевского сельского поселения) [6, ряд XIII, л. 12 («р. Вереговка», «Захарьевская»; 22, с. 253, № 7092 [«Захарьевская (Храповицкаго)» «при р. Угре и рч. Верговке»]; 20 («Поляновка», «Мал. Захарьевское»); 26 («Поляновка», «Мал. Захарьевское»)].

⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1453. Л. 82. Дача 746 («село Семлево по обе стороны речки Семлевки и при большой Дорогобужской дороге»); [6, ряд XII, л. 12 («Семлево», «р. Семлевка»); 22, с. 108, № 2922 (Семлево «на Смоленском почтовом тракте» «при рч. Семлевке»); 24 («Семлево», «Семлевка»)]. Хотя в ГВР р. Семлёвка не значится, она имеется на спутниковых картах Google Maps и Яндекс.Карты.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 43. Л. 66.

¹¹ Там же. Л. 67 об.

¹² Первым из историков близость р. Поляновка и с. Семлёво отметил А.П. Елоховский («речка Поляновка и при ней село Семлево») [10, с. 211]. Отредактировав данную фразу, А.Н. Афанасьев локализовал село на этой реке («речка Поляновка и на ней село Семлево») [1, с. 18, № 32].

¹³ Ср.: [6, ряд XII, л. 12; 22, с. 113, № 3055 («Поляново старое» «при руч. Поляновке»), 3057 («Поляново новое» «при руч. Поляновке»)]. В 1939 г. дере-

Поляново – центр Поляновского сельского поселения Вяземского района [25]¹⁴. В 1974 г. Смоленский областной исполнительный комитет постановил считать именно этот населенный пункт «памятным местом, где в 1634 г. был заключен Поляновский мирный договор России с Польшей» [18, приложение № 1, раздел «Список памятников и памятных мест, связанных с борьбой за независимость», № 97]¹⁵. Однако и эта версия не подтверждается источниками.

Согласно материалам Генерального межевания, в конце XVIII в. ручей Поляновка был речкой Выдерка с впадавшим в нее ручьем Губановский¹⁶, а еще один левый приток р. Осьма, пересекающий старую Смоленскую дорогу, – р. Михалёвка, на правом берегу которой располагалась ныне не существующая деревня Михалёво, – именовался Поляновка¹⁷. Тот факт, что р. Поляновка являлась притоком р. Осьма, зафиксирован в межевых описаниях Вяземско-Дорогобужского участка русско-польской границы, выполненных в 1634 г. и 1637 г.¹⁸ В пользу локализации р. Поляновка как р. Михалёвка свидетельствуют и писцовые материалы Вяземского уезда 1590-х гг.: «За Семеном же (имеется в виду стрелецкий сотник Семен Васильев сын Юренева¹⁹. – М.З.), а преж того было за Дмитрием Федоровым сыном Засецкого», в стану Серая сторона и Средняя числилась «дер. Хомталино, а Михалево тож на рчк. на Полянке» [23, с. 722].

Таким образом, искомая р. Поляновка в конце XVI в. называлась Полянка, а не позднее середины XIX в.²⁰ стала именоваться Миха-

вень было три – «Стар.» и «Красн.» и «Нов.» «Поляново» [19].

¹⁴ В конце XVIII в. существовало «селцо Поляново» (см.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1453. Л. 73 об. Дача 684).

¹⁵ На сайте Поляновского сельского поселения в рубрике «История поселения» говорится, что только «по некоторым данным» в Поляново находится это «памятное место». См.: URL: <http://pol-adm.ru/istoriya-poseleniya.html> (дата обращения: 12.04.2015).

¹⁶ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5459. Л. 31 об.–32. Дачи 560, 561.

¹⁷ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1453. Л. 73. Дача 679 («деревня Михалева неподалеку от речки Поляновки на правой стороне»). См. также: [22, с. 113, № 3050 («Михалево» «при рч. Михалевке»); 6, ряд XII, л. 12 («Михалева»); 19 («Михалево»); 25 («Михалевка», «ур. Михалево»)]. На картах Смоленских губернии (1871 г.) и области (1939 г.) название реки близ этой деревни не подписано.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 2. Д. 22. Л. 2 об.; Оп. 3. Д. 70. Л. 4, 4 об.

¹⁹ В 1939 г. близ Михалёво располагался населенный пункт Юренево. Ср.: [Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1453. Л. 72 об.–73. Дача 679; 22, с. 113, № 3047; 19; 25].

²⁰ И.П. Виноградов, не найдя р. Поляновка на «картах» Смоленской губернии, считал, что «имя ея сохранилось в названии селения “Поляны” в 17 в. от Вязь-388

лѣвка²¹ по названию (первоначально второму) одной из близлежащих деревень. Утверждения о заключении Поляновского мира в с. Семлѣво, никогда не находившемся на р. Поляновка, или в не существовавшем в 1634 г. Поляново ошибочны: договор был подписан близ пересечения р. Поляновка (Михалѣвка) со старой Смоленской дорогой. Локализация р. Поляновка наглядно показывает, что гидронимы могут быть не столь устойчивы, как принято считать.

1. *Афанасьев А.Н.* Указатель статей по русской истории, географии и русскому праву, помещенных в Отечественных записках... // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1861. Кн. 3. Приложение II.
2. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1897. Ч. 3.
3. [*Берх В.Н.*] Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. 1.
4. *Буганов В.И.* Поляновский мир 1634 // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11.
5. *Виноградов И.П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890.
6. Военно-топографическая карта Смоленской губернии. 1858–1871. [СПб., 1858–1878].
7. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.
8. *Греков И.Б.* Смоленская война... // История Польши. Т. I. М., 1954.
9. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные... СПб., 1850. Т. 1. 1612–1628; СПб., 1851. Т. 2. 1628–1645; СПб., 1852. Т. 3. 1645–1676.
10. Договорная окончательная грамота... // Отечественные записки. 1830. Ч. 41. № 117. № 118. № 119.
11. *Елоховский А.П.* Взгляд на достопримечательные здания в городе Смоленске и об урочищах, находящихся в Смоленской губернии // Отечественные записки. 1826. Ч. 27. № 77.
12. *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004.
13. *Костомаров Н.И.* Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1912. Кн. 2.
14. *Львова Д.Л.* Поляновский мир 1634 // Большая Российская энциклопедия. Т. 27. М., 2014.
15. *Назаров В.Д.* Поляновский мир 1634 // Большая Советская энциклопедия. М., 1975. Т. 20.
16. *Поршнев Б.Ф.* На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX в. М., 1964.
17. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в

мы» [5, с. 46, прим. № 2]. Однако такой населенный пункт в этом районе нами не обнаружен.

²¹ Ныне около реки, отсутствующей в ГВР, но обозначенной на спутниковых картах, установлен знак – табличка с надписью в голубом поле: «р. Михалевка».

- именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. 1. М., 1995.
18. Решение Смоленского облисполкома от 11.06.1974 № 358.
 19. РСФСР. Смоленская область. Генеральный штаб Красной Армии. N–36–33 (Вязьма) (съёмка 1939 г.). М., 1941.
 20. РСФСР. Смоленская область. Генеральный штаб Красной Армии. N–36–44 (Болдино) (съёмка 1939 г.). М., 1941.
 21. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. 2. Т. 9.
 22. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. XL. Смоленская губерния.
 23. Список с приправочных книг 7102 и 7103 (1594 и 1595) годов помещным и вотчинным землям ... // Писцовые книги XVI в. СПб., 1877. Отд. II.
 24. СССР. РСФСР. Смоленская область. Издешково. N–36–32 (состояние местности 1986 г.). М., 1991.
 25. СССР. РСФСР. Смоленская область. Вязьма. N–36–33 (состояние местности 1986 г.). М., 1991.
 26. СССР. РСФСР. Смоленская область. Васино. N–36–44 (состояние местности 1982–86 гг.). М., 1987.
 27. *Устрялов Н.[Г.]*. Русская история. СПб., 1849. Ч. 2.
 28. *Чухліб Т.В.* Полянський мир 1634 // Енциклопедія історії України. К., 2011. Т. 8.
 29. *Шорин Ю.Н.* Вяземские казаки: страницы истории // Вязьма. Страницы истории. Смоленск, 2005.

УДК 913(470)«653»

А.В. Дедук¹

К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII – XVIII вв.

Рязанский уезд; Владимирский уезд; Рязанское княжество; Владимирское княжество; рубежи; межи.

В работе на базе межевой документации XVII – XVIII вв. проведена реконструкция границы Владимирского и Рязанского уездов в XVII – XVIII вв.

На данный момент в отечественной науке не выяснены границы многих административно-территориальных образований XV – XVIII вв. Данная заметка посвящена локализации границы между Рязанским и Владимирским уездами во второй половине XVII – XVIII вв. Традиционно в отечественной «картографической» историографии граница двух этих уездов соотносилась с северной границей Рязанского княжества XII – XVI вв.

К сожалению, в данной публикации мы не сможем осветить две

¹ Дедук Андрей Владимирович, РГАДА, deduk@list.ru.

проблемы, связанные с бытованием владими́ро-ряза́нского порубе́жья. Первая проблема кроется в исторической судьбе населенных пунктов Рязанского уезда, сведения о которых оказались записаны в составе волости Тарутский остров Владимирского уезда по писцовой книге 1635/36–1646/47 гг.² В описаниях данных землевладений есть указание на их принадлежность к Рязанскому уезду, а их последующая административная принадлежность является для нас на данный момент не всегда известной. Вторая проблема связана с существованием Великодворской волости Старорязанского стана Рязанского уезда, которую по межевой книге 1672/73–1673/74 гг. «примежевать той Великодворской волости к Рязанскому уезду нельзя, для того что разошла тое Великодворскую волость с Рязанским уездом Владимирского уезда волость Тумская»³. Таким образом, мы имеем здесь дело с анклавом Рязанского уезда, существование которого оказалось не отмечено в картографической традиции административного деления Русского государства XVII в. [2, с. 248-249, 258-259; 4, карта]. Великодворская волость граничила с Колпским станом и Мичевской, Тумской и Гусской волостями Владимирского уезда⁴.

Ю.В. Готье провел южную границу Владимирского уезда по р. Цне и к югу от Великого оз., р. Пры и р. Гусь [4, карта]. П.Н. Черменский соотнес владими́ро-ряза́нский рубеж XVII – XVIII вв. с «владими́рским порубе́жьем» московско-ряза́нских договорных грамот и провел границу по р. Цна – озеро Великое – верховье рек Нарма и Курша – р. Гусь – р. Ока [17, с. 43-56]. Стоит отметить, что в рассматриваемом регионе известно два озера Великих, что не позволяет конкретно нанести данную границу на карту. Ни источников, по которым историк реконструировал границу, ни оснований такого отождествления историк не привел. Чуть раньше С.Б. Веселовский провел северную границу Рязанского уезда, используя описания землевладений в составе писцовых книг: р. Цна – р. Пра – р. Ока⁵. Граница Рязанского уезда, проведенная С.Б. Веселовским, на многих последующих исторических картах стала отображаться как граница Рязанского княжества в XII – XVI вв. [См. напр.: 11; 12; 13; 14, с. 9, 12, 13, 14, 18, 20-21; 15, с. 8].

По межевой книге 1672/73–1673/74 гг. граница шла следующим образом: р. Ока – Музин боярак – оз. Суховерх – р. Ока – устье

² См. напр.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 12604. Л. 768 об.

³ Там же. Кн. 417. Л. 203 об.

⁴ См. напр.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 417. Л. 204.

⁵ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 322.

р. Каусь «по прозванию Кузка» – р. Каусь – пустошь Болванова – р. Куша – пустошь Ливенская – р. Нарма – устье р. Шиварки – «речкою Шиваркою вверх до верхов(ь)я» – Мохово болото – колодец Копани – Мохово болото – Пансутая поляна – Круглов бор – Великое озеро – Березов остров – Кленков остров – р. Расоховка (впала в Великое озеро) – Карпов мосточек – Епихино хмельничище – Молеев мосточек – Терепово городище «на берегу Пры реки» – р. Пра – Сукорево озеро – Мишины Исады – Белое озеро – Селецкий рубеж – Сылмово озеро – Аннинское мочилище – р. Черемошня – р. Летварка – р. Ивановка – протока Мастища – Метляева заводь – р. Цна⁶. После всех межевых описаний данной границы идет указание, что «приграничное» население владеет «своими землями и лѣсами, и болотами, и осерами, и лѣгами, и всякими угоды против старых писцовых кн(и)гъ по старинѣ, какъ владѣли истари»⁷. Это показывает, что межевание границы уездов 70-х гг. XVII в. было проведено с учетом уже ранее сформировавшихся границ территорий.

Карта Переяславль-Рязанской провинции тоже показывает границу с Владимирским уездом. Она проходит следующим образом⁸: р. Ока – [излучина реки] – р. Ока – [р. Куска] – [р. Куша] – [р. Нарма] – [р. Шиваранка] – р. Кондыревка – [Великое озеро] – [р. Пра] – [оз. Сухорево или Сохорево] – [р. Черемошна, левый приток р. Летовки] – р. Летовка – р. Ивановка – [р. Безпроток] – р. Цна⁹.

Попробуем локализовать реки, по которым проходила рязано-владимирская граница XVII – XVIII вв.

Р. Кузка (она же р. Каусь) – левый приток р. Оки, в районе устья которой расположились д. Чаруши и д. Городище [16]¹⁰. Затем граница шла к р. Курша – правому притоку р. Нармы¹¹. По ней гра-

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 417. Л. 150–193. Датировку см. по списку XVIII в.: Там же. Кн. 1075. Л. 23.

⁷ Там же. Кн. 417. Л. 152 об., 159 об., 174 об., 180 об.–181, 188–188 об.

⁸ В квадратных скобках помещены гидрообъекты, присутствующие на данной карте, но не подписанные. Их названия установлены по картографическим материалам. Для реконструкции были использованы материалы Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 4782, 4787, 4788, 4789, 4790, 4814, 4815, 4817, 4818, 4890, 4899, 4899, 4900) и карты Рязанской губернии 1850 г. Менде ([16]; РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Ед. хр. 143. То же: 4 версты в дюйме. 1860 г.).

⁹ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Рязанской губ. Ед. хр. 1. Так же см эту же границу на карте Владимирской провинции: Там же. Карты Владимирской губ. Ед. хр. 2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 4808, 4817.

¹¹ Там же. Ед. хр. 4808, 4817.

ница шла к р. Шиворонке еще одному притоку р. Нармы¹². Затем рубеж идет к р. Кондоровке, впадающей в Великое озеро¹³. Р. Пра по плану Егорьевского уезда 1790 г. соединяет несколько озер, находящихся к ЮЗ от Великого озера (Ивановское, Дубовое, Сухорево)¹⁴. Белое и Сылмова озера локализовать нам не удалось. Р. Безпроток и р. Летовка являются левыми притоками р. Цны¹⁵. Р. Ивановка и р. Черемошна – левый и правый притоки р. Летовки соответственно¹⁶. Р. Цна – правый приток р. Оки.

Как мы видим, рубеж Владимирского и Рязанского уездов (наместничеств) между 70-ми гг. XVII и 70-ми гг. XVIII вв. не претерпел изменений. С.Б. Веселовский дал следующую характеристику данным землям: «Южные станы В[ладимирского] уезда изобиловали болотами и лесами и были заселены слабо, представляя ценность, главным образом, своими рыбными и звериными промыслами»¹⁷. Именно этим можно объяснить наличие столь подробного размежевания в столь труднодоступном регионе.

Вполне возможно, что граница Владимирского и Рязанского уездов образовалась «по старине». В московско-рязанских договорных грамотах фигурирует «владимирский рубеж», но географическое содержание данного термина не раскрывается: «А володимерское порубеж(ь)е по томꙋ, как то было при вашемъ дѣдѣ, при великом кн(а)зе при Иване Данилович(е), и при вашемъ дадѣ, при великом кн(а)зе при Семене, и при твоємъ ѡтци, при великомъ кн(а)зе при Иванѣ» [6, с. 343]. Владимирское порубежье упоминается во всех московско-рязанских договорных грамотах XV в. [5, № 19, с. 53, № 33, с. 84-85, № 47, с. 143, № 76, с. 285, 288]. По мнению В.А. Кучкина, данный пункт показывает неизменность «владимирского» рубежа с 1332 г., когда Иван Калита стал великим князем владимирским [6, с. 253. Также см.: 9, с. 141].

Сам факт, что владимирское порубежье расписывается в московско-рязанской договорной грамоте, вероятно, означает произошедшее единение территории Владимирского и Московского княжеств. В своей духовной 1389 г. Дмитрий Иванович завещает свою «о(т)ч(и)-ну», великое Владимирское княжение, своему сыну Василию Дмитри-

¹² Там же. Ед. хр. 4808, 4817.

¹³ Там же. Ед. хр. 4900.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 4782. Так же см.: Там же. 4890, 4900.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 4782, 4789.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 325 а. Л. 13.

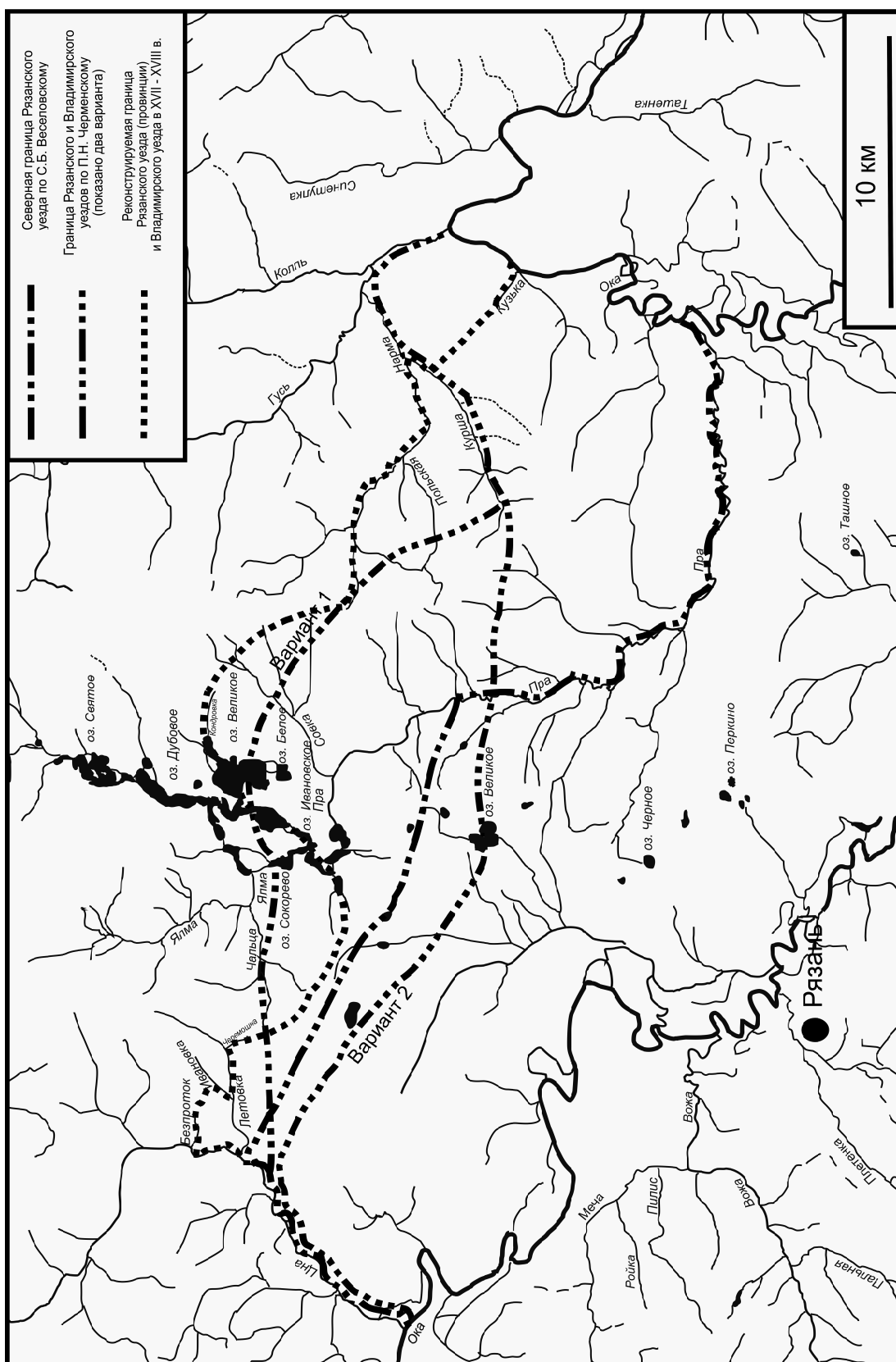
евичу [5, № 12, с. 34; 7, с. 134]. 60–70-ми гг. XIV в. датирует вхождение Владимирского княжества в «отчину» Дмитрия Ивановича В.А. Кучкин [8, с. 144-146; 9, с. 144]. А.А. Горский считает, что вхождение Владимирского великого княжества в состав Московского имело место между 1383 г. и 1389 г., что противоречит нашей интерпретации текста договора 1381 г. [3, с. 113]. Стоит отметить, что по московско-тверскому договору 1375 г. Михаил Александрович обязуется: «А вотчины ти нашии Москвы и всего великого княжения, и Новагорода Великого блюсти, а не обидѣти. А вотчины ти нашии Москвы и всего великого княжения, и Новагорода Великого под нами не искати и до живота, и твоим дѣтем, и твоим братаничем» [6, с. 340; Так же см.: 5, № 9, с. 26]. На наш взгляд, уже с середины 70-х гг. XIV в. Владимирское княжество было «отчиной» Дмитрия Ивановича. При этом стоит отметить, что наша аргументация строится на весьма зыбком основании – не ясно, должны ли вопросы разграничения Рязанского и Владимирского княжества оговариваться в договорной грамоте между московским князем, владеющим владимирским «престолом» и рязанским князем, или же данное разграничение требовало отдельного акта.

Граница Рязанского и Владимирского княжеств оказалась не отмечена на капитальных картах И.А. Голубцова и В.Н. Темушева [11; 12; 13; 15, с. 8]. Лишь карта к «Формированию...» В.А. Кучкина представляет исключение [9, Карта: «Княжества Северо-Восточной Руси к середине XIV в.»]. Однако, на всех этих картах граница оказалась проведена по локализации С.Б. Веселовского.

Таким образом, неправильно локализованная граница Рязанского уезда в XVI – XVIII вв. закрепились в «историко-картографической» историографической традиции за северным рубежом Рязанского княжества XII – XVI вв. Но можно ли переносить позднюю границу на более раннюю эпоху?

В правой грамоте 1492 г. сохранилась отсылка на писцовое описание Владимирского уезда Алексея Полуектова, но не известна дата его проведения, и не ясен территориальный охват [1, № 204, с. 181; 10, с. 13]. Описание Петра Григорьевича Заболотского 1498/99 г. охватывало «город Володимир, и станы, и волости Володимирские» [1, № 166, с. 149; 10, с. 13]. Таким образом, Владимирский уезд сложился в последней четверти XV в., еще до ликвидации Рязанского княжества. Это делает вероятным совпадение Владимирского порубежья XIV – XV вв. и Владимирского рубежа XVII – XVIII вв. Отметим, что в историографии остается не рассмотренным процесс формирования Владимирского уезда, и далеко не ясно, совпадает ли его территория с

землей великого княжества Владимирского.

Рязанско-владимирское порубежье

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о соответствии границы Владимирского и Рязанского княжеств с «рубежом» между

Владимирским и Рязанским уездами. Опровергнуть данную гипотезу можно: 1) показав, что Владимирский уезд складывался не только из земель Владимирского великого княжения; 2) показав, что рязано-владимирская граница складывается не «по старине», а исходя из реалий XVI – XVII вв. (рассмотрев историю населенных пунктов Рязанского уезда, которые оказались записаны в Владимирский уезд и входили в Великодворскую волость Рязанского уезда).

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв. Ч. I. М., 1951.
2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII вв. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
3. *Горский А.А.* От Земель к Великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010.
4. *Готье Ю.В.* Материалы по исторической географии Московской Руси: Замосковские уезды и входящие в их состав станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII столетия. М., 1907.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950.
6. *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешне-политические договоры. М., 2003.
7. *Кучкин В.А.* Издание завещаний московских князей XIV в.: [1389, 25 марта – мая 16] Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37).
8. *Кучкин В.А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.
9. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
10. *Маштафаров А.В.* Владимирский уезд // Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. М., 2007.
11. Очерки истории СССР: Период феодализма IX – XIV вв. Ч. I. М., 1953. Карта № 5. Северо-Восточная Русь с конца XII до начала XIV в. / Сост. *И.А. Голубцев.*
12. Очерки истории СССР: Период феодализма IX – XIV вв. Ч. I. М., 1953. Ч. II. М., 1953. Карта № 1. Рост Московского княжества и объединение русских земель с конца XIII в. до 1462 г. / Сост. *И.А. Голубцев.*
13. Очерки истории СССР: Период феодализма IX – XIV вв. Ч. I. М., 1953. Ч. II. М., 1953. Карта № 2. Борьба Северо-Восточной Руси с середины XIV до 1462 г. / Сост. *И.А. Голубцев.*
14. Полный исторический атлас России. М., 2010.
15. *Темушев В.Н.* Русские земли в годы правления Дмитрия Донского: 1359-1389 гг.: [карта] // Родина. 2003. № 12.
16. Топографический межевой атлас Рязанской губ., сост. в 1859 г. чинами межевого корпуса под руководством Менде: 2 версты в дюйме. М., 1860.
17. *Черменский П.Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // АЕ за 1960 г. М., 1962.

Развитие и формирование населенных пунктов на территории Перемышльского уезда (вторая четверть XVIII – XIX вв.)

Перемышльский уезд; Экономические примечания к Генеральному межеванию; типы населенных пунктов, структура сельского расселения.

В статье рассматривается развитие и формирование населенных пунктов на территории Перемышльского уезда Калужской губернии во второй четверти XVIII – XIX вв.

Перемышльский уезд расположен на юго-западе от Калуги и своим внешним видом напоминает треугольник, углы которого упираются на север, юг и восток. Наибольшая длина уезда составляла 58 верст, а ширина – 56 верст. Границу уезда составляют: на севере – Медынский, на северо-востоке – Калужский (по границы которого течет Угра и Ока), на востоке, юго-востоке и юге – Лихвинский (который ограничивается Жиздрой и Окой), на юго-западе – Козельский и на западе – Мещовский. Площадь уезда 1558 верст² или 16 277 дес. (6 % от площади Калужской губернии), и по своей величине (площади) он занимает 8 место среди других уездов [3, с. 2-3]. В тоже время по площади уезд превосходил ряд немецких герцогств и княжеств: Саксен-Кобург-Гота, Шварцбург-Рудольштадт, Шварцбург-Зондерс-гаузен [3, с. 48].

Системе расселения присуще такое закономерное свойство, как динамичность. В поселенческой сети происходят постоянные изменения: появляются новые населенные пункты и исчезают старые, меняется их статус, размеры, хозяйственные и административные функции [1].

В период с 1785 по 1869 гг. в Перемышльском уезде образовалось 27 новых населенных пунктов: 21 деревня, 3 сельца, 2 хутора и 2 постоянных двора. Общая численность населения в данных населенных пунктах составила 2217 жителей (или 4,5 % от численности населения, 1869 г.).

Согласно Экономическим примечаниям в уезде насчитывалось 554 дачи, из которых 224 дачи относились к категории населенного пункта. По принадлежности населенные дачи подразделялись: 209 дач

¹ Харитонов Сергей Александрович, Минсельхоз России (РФ, Москва), к.э.н., kharitonov-hsa@yandex.ru.

частные владения, принадлежавшие 71 семье; 11 дач Экономического ведомства (№ 5, 8, 12, 38, 148, 150, 205, 247, 256, 348, 386); 2 дачи, церковнослужителей (№ 377 и 494); 1 дача ведомства канцелярии конфискации, состоявшая в совместном управлении с частным владельцем (№ 263); 1 дача бывшего города Воротынска (№ 236).

В Перемышльском уезде проживало 45 360 жителей (23 104 мужчин и 22 256 женщин), в том числе в городе Перемышль 799 человек. Среднее число жителей на одну дачу – 200,4 человека; мужчин – 101,9 человек; женщин – 98,5 человек. По данным полученным нами при пересчете число жителей в уезде было меньше на 67 человек. Вероятно, расхождения связаны с неучтенной дачей № 373 (деревня Чубарова), по которой не приведено число жителей, а указано лишь, что крестьяне поселены после ревизии.

Таблица 1. Группировка дач по численности населения

Показатели	Всего	дачи с числом жителей, человек									
		нет данных	5 10	11 40	41 70	71 120	121 180	181 240	241 300	301 350	более 351
Число населенных дач, из них:	224	1	4	14	22	59	34	27	20	14	30
села	57	-	-	1	1	6	7	13	7	3	19
сельцы, в т.ч. жребии	89	-	1	4	9	32	16	10	6	5	6
деревни	76	-	3	8	12	20	11	4	7	6	5
погосты, в т.ч. ПЦЗ	2	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-

* ПЦЗ – писцовые церковные земли

При этом в Перемышльском уезде общее число населенных пунктов, о которых мы находим сведения в Экономических примечаниях, составляло 252 единицы: 54 села, 87 селец, 108 деревень, 1 бывший город Воротынск, 1 погост, 1 уездный город Перемышль. Количество населенных пунктов всегда больше, чем число населенных дач, так как не всегда межевалась каждое отдельное поселение, зачастую группа от двух до нескольких десятков обводились одной общей межой, образуя одну дачу, например, населенные пункты, переданные при секуляризации в коллегию Экономии. Так, в коллегии Экономии

45 % населенных дач были сформированы из нескольких населенных пунктов (в 5 дачах 21 населенный пункт): село Гремячево и деревня Мелехова (дача № 5); деревни – Поляна, Хохловка, Жешкова (№ 8); деревни – Корекозево, Ладыгина, Голоцкая, Волна, Бушовка, Лощина, Горки, Воронова (№ 12); село Ильинское, деревни – Ромашева, Митина, Алопова (№ 38); село Варваренки, деревни – Петровская, Погорелкова, Кузменки (дача № 150). При этом дачи принадлежавшие частным владельцам, как правило (85 %), включали один населенный пункт.

Около 6 % населенных дач в уезде были представлены полуселами, полсельцами, полдеревнями и жребиями. Так, населенный пункт Головнино в Экономических примечаниях описан двумя населенными дачами – сельцом Головнино (№ 76) и жребием того же сельца (№ 131). Три дачи (№ 225, 226, 227) состоящие из третьей сельца образовывали населенный пункт сельцо Силькова.

В формировании новых поселений огромную роль сыграли пустоши. Пустошь была необходима именно как пустошь, т.е. как резерв угодий, и этим объясняется ее крайне медленное и редкое перераспределение в жилое поселение [4 с. 105]. Более 75 % населенных пунктов в Перемышльском уезде, возникших в XIX в. сформировались на этой территории из пустошей XVIII в., например, деревня Гранный холм возникла на месте пустоши Гранная (№ 177), деревня Юпинка на месте пустоши Песочня (№ 37) и т.д.

Кроме этого в Экономических примечаниях есть указания на 25 пустошей, которые были приписаны к населенным дачам (№ 5, 85, 87, 88, 243, 253, 254, 270, 307, 314, 339, 345, 347, 376, 389, 394, 408, 411, 420, 426, 464, 468, 469, 503, 526), из них только четыре пустоши приведены с названиями (пустошь Демехинская при деревни Слободка – № 253, пустошь Занинская при сельце Кромино – № 254, пустошь Нижняя Бесовка при сельце Бесово – № 411, пустошь Моиминская при сельце Стырово – № 526), а остальные пустоши остались безымянными; 15 пустошей записаны «пустошь, находящаяся в споре», например, деревня Желовь и село Егорье в споре с пустошью Мужачь (в конце XIX в. возникает деревня Мужачи) и т.д. Эти примеры сами по себе показывают, что в процессе межевания о какой-то части пустошей пропали практически все возможные сведения, которые были бы полезны для понимания генезиса населенных пунктов. В пустоши могла стоять мельница или постоянные дворы, и такая пустошь становилась важным центром сельской округи. Так, в Перемышльском уезде только в двух пустошах Маркове и Иванчищеве (№ 113 и 445)

размещались постоянные дворы и в одной пустоши Дервягина (№ 149) была мельница на речки Пторе.

Образовавшиеся населенные пункты располагались по территории уезда неравномерно. Большая часть из них сформировалась в юго-восточной и восточной части уезда на территории Желовской и Песоченской волостей, которые были покрыты лесами (вдоль Перемышльской засечной черты) и способствовали (резерв территорий) новому освоению пространства посредством раскорчевывания лесов и преобразованию территории пригодной для сельскохозяйственной деятельности. Так, деревня Корчевая (топоним населенного места подчеркивает способ возникновения) сформировалась из пустоши Перемышльской казенной засеки (дача № 43), покрытой на 94,5 % лесом (при общей площади дачи – 790 дес. и 2334 саж). Другие населенные места, например, деревни Бутырки, Юшково, сельцо Рядовка образовывались как спутники возле крупных населенных пунктов. Некоторые из данной категории населенных мест в последующем были поглощены или вошли в состав крупных населенных пунктов, например, деревня Бутырки вошла в состав деревни Городец (не позднее 1892 г.).

В других частях уезда, например, в северной и западной части (менее лесистой) происходили заселения пашенных пустошей (Гутенева, Совьяк и др.). Также в этой части уезда происходит образования населенных мест посредством развития хуторов и постоянных дворов. Все населенные пункты, содержащие в своем названии слова «двор» или «дворик» появляются в уезде только в XIX в., в Экономических примечаниях подобных словосочетаний в названиях населенных мест не встречается.

Четырнадцать населенных пунктов, существовавших на момент проведения Генерального межевания как самостоятельные единицы в последующем (до середины XIX в.) стали составной частью близлежащего пункта, а пять населенных пунктов (деревня Бобровка – № 384, деревня Дьяконова – № 264, деревня Курчевая – № 481, деревня Малахова – № 512, деревня Терентеева – № 409) полностью прекратили существования. Характер вовлечения населенных пунктов мог быть различен, иногда село поглощалось сельцом, которое становилось новым центром округа, например, село Антопьево образовалась из села Богоявленского (№ 307) и сельца Антопьево (№ 404). Другой тип населенных пунктов, например погосты, являлись центрами духовного притяжения и, как правило, не имели постоянного населения и к середине XIX в. на территории уезда не встречались. Из девяти дач в уезде,

представленном погостами, населен был только погост Покровский (№ 494), принадлежавший священно и церковнослужителям и экономическому ведомству. Погост насчитывал три двора с населением 25 человек, которые числились бобылями. Погосты планомерно вовлекались близлежащими пунктами в формирование новых населенных мест или окончательно приходили в запустение. Так Люденской погост вошел в состав деревни Гришово, передав свой «духовный» статус деревне, таким образом появился новый тип населенного пункта под названием село Гришово, а погост Покровский стал селцом.

В период с 1869 по 1892 гг. в уезде возникают еще восемь новых населенных пунктов: деревни – Акуловские двory, Гаманиновка, Гороховка, Елизаветинка, Кузменки (Самоторкины двory), Мужачь, Францовские двory и пустошь Двух-Цвелево. Большая часть населенных пунктов образовалась в Желовской волости, как наиболее лесистой и благоприятной для хуторской системы при дефиците сельскохозяйственных земель в пашенных волостях. Общее число населения во вновь образованных населенных пунктах составило более 240 человек (население деревни Кузменки было приписано к деревни Зябки). В указанный период происходит запустение 6 населенных пунктов (селцо Савьяк, деревня Касатки, двory Липиленские и Лобовские, хутора Богдал и Погребщице), население которых составляло 139 человек (по сведениям 1869 г.).

В отношении поселений заметна большая подвижность их типологической принадлежности. Смена типа поселения, свидетельствует о качественных изменениях, например, деревня ставится селцом или наоборот. Д.А. Черненко указывает, что рост числа селец связан с их функцией в первую очередь как центров господского хозяйства. Ведь в условиях расширения и обновления состава феодального землевладения возникла необходимость появления новых владельческих центров. В результате пополнение стало возможным за счет развития старых деревень и даже пустошей или за счет формирования новых поселений [4, с. 89].

М. Попроцкий указывает, что для Калужской губернии характерны десять типов населенных пунктов. Населенные местности Калужской губернии носят названия городов, слобод, сел, селец, деревень, погостов хуторов и мыз. В списке к особым населенным местностям причислены фабрики и заводы, постоянные двory и почтовые станции, расположенные отдельно и вдали от селений [2, с. 313].

Типы населенных мест в Перемышльском уезде почти за столетие (вторая четверть XVIII в. – середина XIX в.) изменились более чем

на треть (рис. 1).

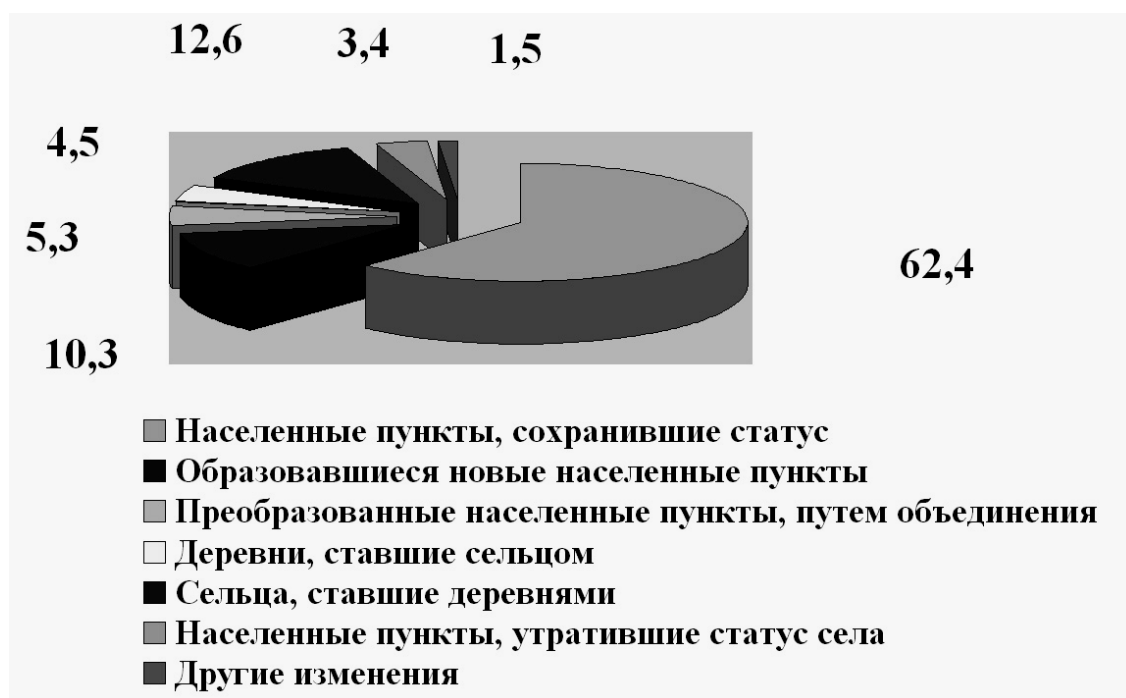

Рисунок 1. Изменения типов населенных мест к середине XIX в. в сравнении с Экономическими примечаниями, %

деревни, ставшие селом – 12: – Аграфеновка, Барановка, Грецкое, Зябки, Киреева, Козлово (Осеньево), Кoryтня, Кулешовка, Старобабы, Тимишево, Тучнева, Щетихина;

деревня, ставшая хутором - 1: – Погребище;

сельца, ставшие деревнями – 33: – Афанасьевское, Бесово, Васильевская, Верхняя Каменка (Шамородино), Вислая, Городец, Дегтянка, Дяглова, Доропоново, Карадыкино, Карпищево, Космачи, Куровское, Вечна, Каменка, Кромино, Матюково, Назарьева, Озерское Верхнее, Орловка, Пятовка, Семькино (Воробьевка), Сорокино (Константиновское), Стырово, Сухотинка, Сушка, Татьево, Филатово, Харьковское, Холопово, Шейная Гора, Чертовая, Яглово;

населенные пункты, приобретшие статус села - 3: – Гришово, Корекозово, Муромцово (Еремеевское);

населенные пункты, утратившие статус села – 9: – Андреевское, Богородицкое, Волконское, Григорово, Дворяниново, Лапеносово (Никола-Лапены), Маково, Роговичи, Хвалово.

Во второй четверти XVIII в. значительная часть населения в Перемышльском уезде проживала в селах – 41,2 %, которые сформировались раньше других типов поселений (табл. 2).

Таблица 2. Структура сельского расселения Перемышльского уезда во второй четверть XVIII в. (без г. Перемышль)

№	Тип населенного пункта	Численность населения	Доля, %	Число дворов	Доля, %
1	деревня	12507	28,1	1298	27,5
2	село	18374	41,2	2012	42,6
3	сельцо	13579	30,5	1400	29,6
4	погост	101	0,2	13	0,3
5	ИТОГО	44561	100	4723	100

В середине XIX в. в структуре сельского расселения уезда происходит смещение вектора центра в типах населенных пунктов (при незначительной динамике роста численности населения), так сокращается на 17 % доля населения в селах и сельцах, одновременно возрастает в деревнях на 15,3 % (табл. 3). Кроме того появляются особые организационно-хозяйственные типы населенных мест, в которых проживает население – постоянные дворы, хутора, заводы².

Таблица 3. Структура сельского расселения Перемышльского уезда середине XIX в. (без г. Перемышль)

№	Тип населенного пункта	Численность населения	Доля, %	Число дворов	Доля, %
1	деревня	20253	43,4	2482	47,3
2	село	14973	32,1	1550	29,5
3	сельцо	10547	22,6	1106	21,1
4	постоялые дворы	269	0,50	34	0,6
5	хутор	20	0,04	2	0,03
6	завод	639	1,36	78	1,47
7	ИТОГО	46701	100	5252	100

Изменение структуры расселения по типам населенных мест исторически обусловлено особенностями процесса заселения и хозяйственного освоения территории Перемышльского уезда.

Для большинства населенных пунктов уезда характерна относительно высокая преемственность, проявляющаяся в устойчивости расположения в пространстве, так за рассматриваемый период (со второй

² Заводы в уезде существовали и в XVIII в. – пять заводов и три фабрики. Однако как особый тип населенного пункта упоминаются с XIX в.

четверти XVIII–XIX вв.) на территории уезда сохранились в пределах своих границ 80 % населенных пунктов (от описанных в Экономических примечаниях). С другой стороны типологическая принадлежность населенных пунктов уезда изменилась на 37,6 %.

1. *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
2. *Попроцкий М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния. Ч. II. СПб., 1864.
3. *Пульхеров А.И.* Географический очерк Перемышльского уезда. Калуга, 1911.
4. *Черненко Д.А.* Сельское расселение и землевладение Центральных уездов России в XVII–XVIII вв.: По материалам писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию: дисс. ... к.и.н. М., 2004.

УДК 94(470)

Л.Г. Степанова¹

Экологическая история по материалам крестьянских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию

Экологическая история; материалы Генерального межевания; крестьянские «сказки»; природная среда; почва; леса; животный мир; растительный мир; водные ресурсы.

В статье проводится исследование возможностей использования крестьянских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию при изучении экологической истории России. Анализируются возможности восстановления потерянной информации о состоянии природной среды различных регионов страны во второй половине XVIII в.

Экологическая история изучает взаимодействие человека и природы на протяжении определенных отрезков времени, позволяя выявить не только воздействие природно-климатического фактора на развитие общества, но и влияние антропогенных факторов на саму природу. Для изучения экологической истории исследователи привлекают самые разнообразные источники, но материалы русских кадастров, в том числе Генерального межевания, для этих целей используются недостаточно.

В то же время доказаны большие возможности современного

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (РФ, Краснодар), к.и.н., liliya_stepanova@list.ru
404

цифрового анализа материалов Генерального межевания, которые позволяют выявить особенности и упорядочить важнейшие факторы дифференциации структуры землепользования в различных регионах России [3]. Существенные успехи достигнуты по сплошному компьютерному картографированию сельских поселений отдельных регионов [5]. Одним из самых интересных исследований антропогенного воздействия на природную среду на основании материалов Генерального межевания оказалось изучение лесов Центрального Черноземья во второй половине XVIII в., входивших ранее в состав Белгородской засечной черты [4].

Несомненные трудности с использованием материалов Генерального межевания для изучения экологической истории России связаны с плохой сохранностью Полных экономических примечаний [1, с. 94]. Именно они в отличие от Кратких экономических примечаний содержат расширенную информацию о природной среде размежеванных дач на различных территориях, предоставляют подробные сведения о водных ресурсах, почве, растительном и животном мире различных регионов. Особую ценность сведениями придает тот факт, что они были собраны землемерами при широком привлечении местного населения.

Как убедительно доказал Л.В. Милов, создателями основной массы исходных материалов к Экономическим примечаниям были в первую очередь поверенные от помещиков при межевании крестьяне [1, с. 41]. В качестве первичных материалов выступали специальные «сказки» для Экономических примечаний, составленные по примерно одинаковой форме, представлявшие собой ответы на заранее подготовленные вопросы. К сожалению, лишь небольшое количество «сказок» дошло до наших дней в составе полевых записок землемеров [2, с. 176].

Экономические примечания по Валдайскому уезду Новгородской губернии сохранились в двух вариантах. Первый из них, содержащий Краткие экономические примечания на 1571 дачу, позволяет получить довольно сжатые сведения о природной среде уезда². Более представительными по имеющимся сведениям оказываются Экономические примечания по Валдайскому уезду³, содержащие описания 1099 дач, которые можно отнести к Полным экономическим примеча-

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Валдайский уезд. Д. 861. Экономические примечания на 1571 дачу и алфавит дач владельцев. 174 л.

³ Там же. Д. 862. Экономические примечания на 1099 дач и алфавит дач и владельцев. 1789 г. 190 л.

ниям. В то же время существенно расширить имеющиеся сведения помогают «сказки» крестьян, которые удастся обнаружить в полевых записках землемеров, хранящихся в материалах Генерального межевания.

В Межевом архиве среди полевых записок землемеров сохранилось дело о размежевании деревни Кобылиной с пустошью, относящейся к Валдайскому уезду. В деле имеется сказка, рассказанная в 1779 г. землемерному помощнику Семену Рожкову местным жителем Семеном Зайцевым⁴, которая послужила исходным материалом для создания экономических примечаний. В кратком варианте Экономических примечаний по Валдайскому уезду мы сталкиваемся с довольно скудными сведениями о даче, в состав которой вошла деревня Кобылина с пустошами⁵. Помимо статистических данных (количестве дворов в деревне, числе душ, количестве земли под поселением, пашней, лесом, сенокосом, общем количестве земли, в том числе удобной и неудобной), в Кратких экономических примечаниях описывается местоположение деревни. Расположена она при Большом и Малом озерах, по обе стороны речки Чернушки, напротив ручья Безымянного. Отмечается, что земля имеет песчаный грунт и без удобрения не способна к плодородию, сенные покосы средние. О лесе их этих примечаний мы можем только узнать, что он делится на строевой и дровяной.

Полные экономические примечания в отличие от своего краткого варианта содержат более подробную характеристику животного и растительного мира, плодородия земли, позволяя тем самым получить расширенную информацию о природной среде дачи⁶. Они подтверждают расположение деревни Кобылиной рядом с двумя озерами и рекой и дают уже подробную характеристику рыбных ресурсов и самой воды. Выясняется, что в здешней реке водятся окуни и плотицы, а в озерах налимы, пескари и щуки. Вода годна для употребления людям и скоту. Полные экономические примечания дают нам и дополнительные сведения о плодородии земли, добавляя, что из посеянного здесь лучше родится рожь и овес. Более подробно характеризуются на этот раз лесные угодья. Мы можем узнать, что в этой

⁴ РГАДА. Ф. 1322. Материалы Генерального и Специального межеваний по Новгородской губернии. Оп. 1. Ч. 2. Полевые записки.

⁵РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Валдайский уезд. Д. 861. Экономические примечания на 1571 дачу и алфавит дач владельцев. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 862. Экономические примечания на 1099 дач и алфавит дач и владельцев. 1789 г. Л. 22 об.

местности растет лес березовый, сосновый, еловый, рябиновый и ольховый, в котором водятся медведи, волки, зайцы, лисицы и белки. Из птиц на данной территории распространены тетерева, рябчики, чижи, дрозды скворцы и перепелки.

В крестьянской «сказке» мы находим исходную информацию для написания Экономических примечаний, которая подверглась сокращению⁷. К уже имеющимся в нашем распоряжении сведениям добавляются данные о том, что сама дача располагается при озерах Кобылино Большом и Малом и при оврагах речки Чернушки, протекает еще по ней речка Малинка, которая выходит из болота. В самое жаркое время года озеро Кобылино Большое бывает глубиной 2 сажени, шириною 40 сажень, длиною 150 сажень. Малое озеро имеет глубину 2 сажени, ширину 20 сажень, длину 50 сажень. Глубина речки Малки составляет пол аршина, ширина достигает одну сажень. Речка Чернушка достигает глубиною аршин, шириною 2 сажени. Плотов и судоходства на реках не имеется. Судя по крестьянской «сказке», Более разнообразным оказывается и видовой состав рыбы: в озерах имеются лещи, щуки, окуни, плотва, в речках – щуки, окуни, плотва, налимы.

О плодородии земли и сенных покосах новых сведений в «сказке» не содержится. Все данные перенесены в Экономические примечания. Однако в «сказке» имеется существенное уточнение, что земля выпаживается крестьянами без остатка. И это при том, что из посеянного на земле хлеба без удобрения лучше родится рожь и овес, остальные хуже. В описании лесных угодий и животных при сравнении текстов Экономических примечания и «сказки» выявлены расхождения. В «сказке» помимо прочего назван осиновый лес, в примечаниях вместо него появляется рябиновый. Не говорится в «сказке» и о медведях в здешних лесах, запись о которых есть в Экономических примечаниях. Зато более подробно в ней характеризуются птицы. Выясняется, что в лесу водятся еще соловьи и щеглы, а при водах – дикие утки, кулики и другие птицы.

Таким образом, наличие крестьянской «сказки» позволяет уточнить сведения Экономических примечаний и выявить определенную потерю информации в результате ее сокращения. «Сказка» содержит расширенную информацию о природной среде. Однако вследствие

⁷ РГАДА Ф. 1322. Материалы Генерального и Специального межеваний по Новгородской губернии. Оп. 1. Ч. 2. Полевые записки. Полевые записки № 3866-7489 (3915-7636). Ед. хр. 6894. Дело о размежевании деревни Кобылиной с пустошью. Л. 2.

плохой сохранности «сказок» мы не имеем возможности использовать их в массовом порядке. Каждая подобная находка обнаруживается в результате кропотливой архивной работы. В то же время выявляется использование определенных клише при составлении Экономических примечаний, благодаря которым в их тексты закладываются ошибки при описании лесных угодий и животного мира.

Однако анализ записей Полных экономических замечаний в составленной нами базе данных, содержащей сведения о природной среде дач Валдайского уезда Новгородской губернии, позволяет прийти к выводу, что подобные клише используются при описании природной среды как соседних дач, так и дач, расположенных в примерно одинаковой местности. Поэтому вполне объяснимо включение в Экономические примечания одинаковых записей о видовом составе лесов, животных, растений и рыб и исключение подробных уточнений, не подтверждающихся на соседней территории. В целом, данные Полных экономических примечаний предоставляют большой простор для картографической работы. Благодаря им появляется возможность создания карт лесов и почв, животного, растительного и водного мира различных регионов России второй половины XVIII в.

1. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
2. *Милов Л.В.* «Сказки» крестьян как исходный материал для экономических примечаний генерального межевания // АЕ за 1959 год. М., 1960.
3. *Козлов Д.Н., Глухов А.В., Голубинский А.А., Хитров Д.А.* Роль природно-позиционных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013.
4. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
5. *Черненко Д.А., Борисов М.Я., Яскунова А.А.* Сопоставительный анализ и электронное картографирование данных массовых источников XVII – XIX вв. по истории Вологодского края // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013.

Генеральное межевание посада Даховского (Сочи)

Генеральное межевание; Сочи; XIX в.; полевые записки; планы.

В статье рассматривается практика проведения межевания на территории Сочи в конце XIX в. в сравнении с более ранней, принятой для землеописания Европейской части России в середине XVIII в. Показана трансформация взаимоотношений участников процесса, особенности борьбы за территории, специфика оформления результатов межевания.

Материалы Генерального межевания, крупнейшего мероприятия по описанию земель России, создавались в течение более чем 150 лет. Если для центральных территорий межевание началось в середине XVIII в., то для окраинных, в том числе и южных, оно датируется концом XIX в. Имевшее в основном те же цели, что и более раннее (установление границ между владениями, предотвращение расхищения государственных земель), позднее межевание разительно отличалось по форме. Различия заключались и в составе межевой документации, и скорости межевания, его точности, особенностях кадровой политики – как со стороны государства, так и местных жителей.

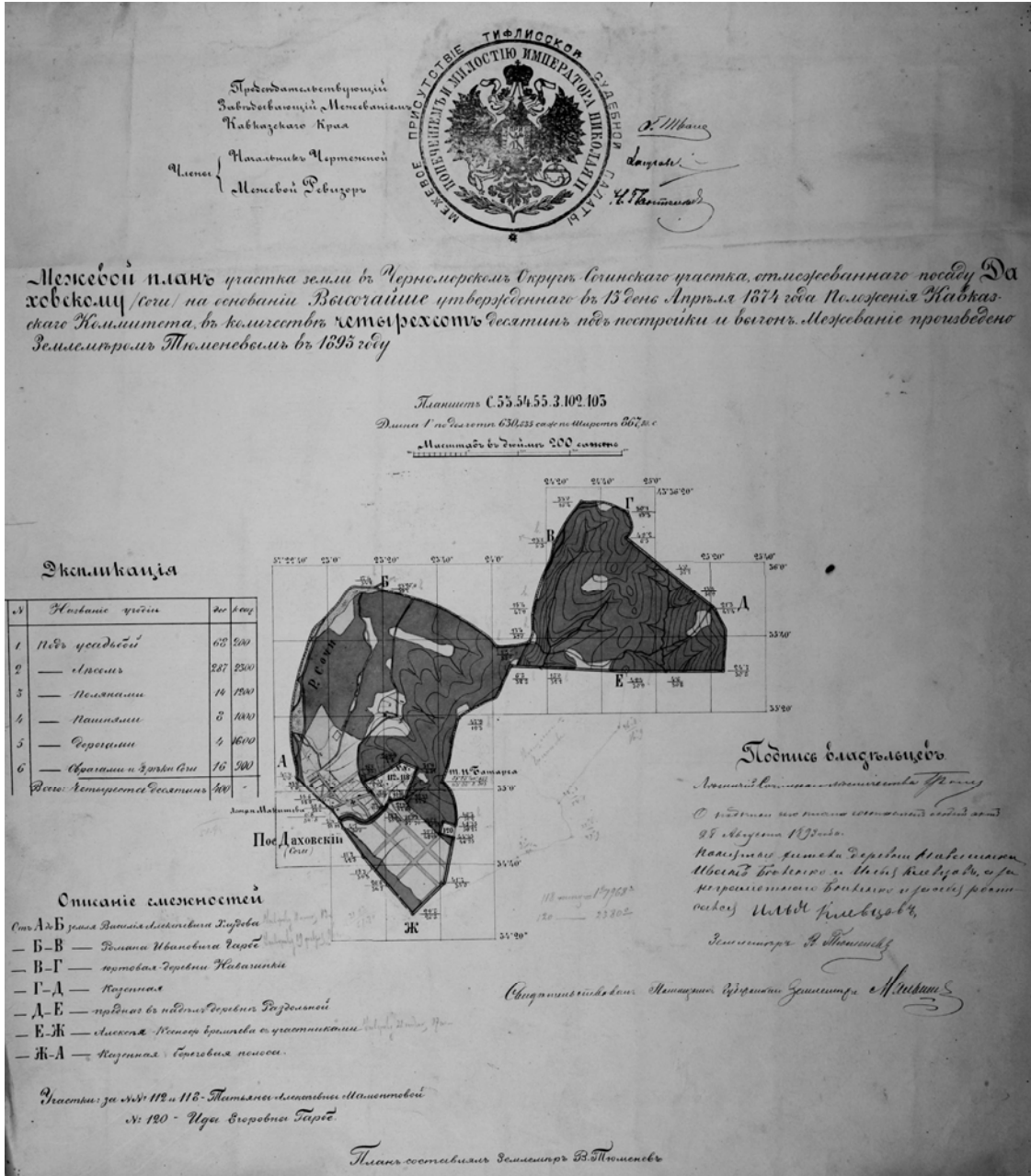
Межевое законодательство, хорошо изученное землемерами-практиками конца XIX – начала XX вв. [1, с. 227; 3, с. 81; 7], не дает возможности представить взаимоотношения землемеров, поверенных, понятых, участвовавших в межевании, различия в комплексе документов, системе коммуникаций при его подготовке. Лишь привлекая полевые журналы, полевые записки, повестки и телеграммы, протесты и заявления, можно решить задачу исследования – увидеть изменение процесса межевания – с момента его начала и практически до завершения. Подобные вопросы источниковедения документов Генерального межевания, истории повседневности были среди основных направлений работы Л.В. Милова [4; 5].

Предметом настоящего исследования являются полевые записки и планы посада Даховского (Сочи) конца XIX в., материалы, которые остались вне внимания исследователей при подготовке исторической справки по сочинскому региону в преддверие Олимпиады-2014.

Также были рассмотрены особенности проведения межевания на этой территории в сравнении с более ранним межеванием цент-

¹ Голубинский Алексей Алексеевич; РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., lexus.gol@gmail.com.

ральной части России (начиная с середины XVIII в.). Подобные вопросы источниковедения документов Генерального межевания, истории повседневности, были среди основных направлений работы Л.В. Милова [4; 5].

Земельная дача сочинского посада начала формироваться с 13 апреля 1874 г., когда по положению Кавказского комитета были выделены площади под поселение и выгон², но достаточно продолжитель-

² РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1. «... 13 апреля 1874 года положением Кавказского комитета между прочим определено: находящиеся в пределах Черноморского Округа посты: Вельяминовский (Туапсе) и Даховский (Сочи) обратить в посады с отводом под постройки и выгон первому 397, а второму

ное время, до 1882 г., она оставалась необмежеванной. Первыми (с 1869 г.) в сочинском участке межевались другие дачи, ближайшие к посадской, но сам Сочи - только с 1882 г.³ Начало измерений задерживалось, так как межевое правительство не могло прийти к однозначному выводу, нужно ли сначала обеспечить создание сети тригонометрических пунктов с определенными географическими координатами⁴ или можно обойтись без этого, так как участок небольшой. Решение было принято в пользу первого варианта - одному из землемеров, отправлявшемуся в Сочи, предлагалось измерить базис для данной местности⁵. Но «за ненастными погодками» в феврале и марте 1882 г. измерения не состоялись и землемеры вернулись в свою квартиру в г. Новороссийск⁶, и работы начались лишь в апреле. Несвойственная Генеральному межеванию практика задержки с описанием города (ранее город межевался первым) привела к тому, что посадский участок оказался разделенным соседними дачами на два, что не соответствовало мелкомасштабному проектному плану (1 верста в дюйме)⁷, которым руководствовался землемер при отводе, или, как он написал в полевой записке, «чего не должно было быть»⁸. Чтобы разобраться в ситуации, землемер А.А. Лесневич попросил прислать имеющиеся планы посадской земли и размеры участков соседей⁹. Для решения проблемы прибыл начальник Округа, который смог убедиться в разъединенности участков. На тот момент объяснение было найдено в неправильном предыдущем межевании соседних с посадом участков (1873 г.), обмежеванных временными столбами землемером Назаренко, одним из тех, кто приехал помочь урегулировать ситуацию в

400 десятин...». Обеспечение Сочи землей пока не рассматривалось в историографии. См. [2; 6].

³ РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 6. Принцип начала межевания уезда или участка, начиная с города, был общепринятым с середины XVIII в.; на территории же Черноморского округа, так как многие участки ограничивались береговой линией, принцип межевания по расширяющимся окружностям около города был неприменим.

⁴ Мероприятие, начавшееся в России еще в первой половине XVIII в. под руководством И.-Н. Делиля и лишь во второй половине XIX в. ставшее обыденностью.

⁵ РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 2 об.

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ Для раннего межевания было характерно руководствоваться показаниями владельцев и их поверенных, при межевании же Сочинского округа землемер ориентировался на заранее составленный проектный план.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Участки гг. Рейнгольда Гарбе, Верещагиных, А.К. Еремеева, Н.Н. Мамонтова.

1882 г. Чтобы улучшить сообщение между участками не соприкасающихся территорий выгона, владелец соседней дачи Рейнгольд Гарбе¹⁰ предложил уступить 2 десятины своей земли, - так написал землемер Лесневич в объяснительном письме¹¹. Затем он подготовил черновой план посада, вновь ориентируясь на проектный план, а не на отводы владельцев и не приняв во внимание заявления о споре представителей посада. Эти заявления тем не менее вошли в состав полевой записки и таким образом дошли до руководства межевыми работами в Черноморском округе¹², направившего письмо землемеру с критикой его поступка в отношении владельцев и приказом поторопиться с выяснением границ посада: «... вы не вернетесь из Сочи иначе, как окончив это межевание» и «я настаиваю, чтобы в нынешнем году было закончено межевание посада Сочи»¹³.

Попытки начать межевание в октябре и ноябре 1882 г. предпринимались, но не были доведены до конца, в том числе и из-за неопределенности, кто будет представлять интересы посада. Из-за этого «Росписной лист» поверенных не был заполнен до января 1883 г.¹⁴, когда землемер предпринял попытку продолжить работы, но им вновь не удалось начаться из-за плохой погоды¹⁵. Одновременно он постановил оштрафовать жителей деревни Навагинки за несвоевременную присылку понятых¹⁶, которые прибыли к месту межевания через два дня после его начала.

6 февраля 1883 г. А.А. Лесневич вызвал всех участников для подписания плана. Депутат от Сочи А. Шкловский отказался его подписать и заявил протест на итоги межевания. Он, формально не оспаривая их, указал на бедственное положение жителей посада и «непре-

¹⁰ Он же, видимо, Роман Иванович Гарбе, как зафиксировано его имя в более поздних документах межевания.

¹¹ Там же. Л. 8 об.

¹² Предположение А.А. Лесневича было выражено в более жестких тонах владельцем соседней дачи статским советником А.В. Верещагиным: «злоупотребления ... Назаренко». (Там же. Л. 18). Одновременно Верещагин попросил сделать копии с планов для обращения в Тифлисскую судебную палату, на что последовала резолюция А.А. Лесневича: «Копии просимых бумаг не выдавать...».

¹³ Там же. Л. 15 об.

¹⁴ Там же. Л. 21 об. Впоследствии (90-е гг. XIX в.) формуляры бумаг о вызове людей на межу станут печатными, причем будут содержать не только указание на неправомерные поступки владельцев, но и размеры штрафов, что, видимо, значительно сократило количество проступков при межевании.

¹⁵ Там же. Л. 39.

¹⁶ Там же. Л. 38.

рывное завладение посадской землей» и просил прикрепить к делу его обращения к начальникам управления Государственными имуществами, Черноморского округа, главного управления Кавказа по гражданской части, рассылаемые им с 1875 г.¹⁷ Равным образом учинил протест и статский советник А.В. Верещагин, который возмутился тем, что его не пригласили на межевание, а также на действия землемера в отношении участка Р. Гарбе¹⁸. Его протест опирался не только на знание законодательства, но даже и межевой практики, в котором говорилось, где и как нужно ставить межевой инструмент¹⁹. Была поставлена под сомнение власть и компетентность землемера – включенный землемером в состав полевого журнала проектный план, «ником не подписанный, а потому изображающий собою частную межевую выкопировку»²⁰, не представлял в глазах владельцев юридической силы.

За этими выступлениями последовал вал обращений об отказе подписания плана почти ото всех участников межевания.

После этого межевание прервалось практически на 10 лет, до 1893 г. Такие перерывы были характерны для более раннего Генерального межевания, но не для конца XIX в. Начиная повторное рассмотрение²¹ делопроизводства посада в 1893 г., старший землемер Малышев заключил, что подписание плана в таком виде невозможно. Это мнение в 1894 г. подтвердил заведующий межевыми работами в Черноморском округе Сторчак²². Новое рассмотрение дела также не обошлось без споров и протестов²³. Наконец землемеры определились

¹⁷ В своих обращениях он жаловался на захват и порчу посадских земель прусским поданным Рейнгольдом Гарбе, который «не только изрыл все принадлежащие посаду поляны и устроив на них курганы для посадки деревьев, но даже уничтожил на тех и все признаки трассы, сделанные инженером Поповым при изыскании для продолжения продольного шоссе». (Р.И. Гарбе – известный садовод, землеустроитель, многократно участвовал в межевании, представлял интересы семей Мамонтовых, Врангелей). В дополнении землевладелец отметил, что план «не вполне еще готов», так как не имеет экспликации с указанием количества посадской земли, а также на плане имеются изображения деления городского участка в самом посаде.

¹⁸ Участок Р. Гарбе, как представлялось А. Верещагину, оказался несправедливо увеличен за счет упрощения межевого процесса.

¹⁹ Там же. Л. 77 об.

²⁰ Там же. Л. 78.

²¹ Землемер В. Тюменев, проводивший повторное межевание, перед началом производства сказал про старое дело: «... вследствие неправильностей допущенных при межевании и заявленных протестах уничтожено совсем» (РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 29).

²² РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. V.

²³ Отношения на меже приобрели весьма высокий градус – один из жителей

с причиной всех неурядиц - выделении в 1875 г. земель Р. Гарбе «не в том количестве, как было разрешено»²⁴. В 1896 г. была произведена поверка границ отдельных смежных с посадской землей участков²⁵. И, наконец, в 1897 г. план и делопроизводство были окончательно утверждены старшим землемером Малышевым²⁶.

Рассмотрим явления, специфичные для межевания Черноморского отдела и только для сочинского посада.

Межевание на территории Сочи было «новым» - так землемеры называли те места, где раньше сами владельцы не проводили своекоштно разграничение дач. Каждое делопроизводство было разделено на 2 части (в очень редких случаях – больше)²⁷. В первой были собраны полевой журнал и вся дополнительная документация, связанная с проведением операций на меже. Во второй – материалы рассмотрения и утверждения полевого журнала и планов в Тифлисской судебной палате.

Как правило, межевание в Черноморском отделе происходило бесспорно, и случай с Сочи является одним из редких исключений. Объяснений этому несколько. Межевание все больше из уникального процесса становилось рутинным, землемер терял, несмотря на многочисленные защищающие его статьи в межевом законодательстве, свой ореол неприкасаемости и непогрешимости²⁸. К тому же в межевании

Сочи, А. Еремеев заявил протест даже на постановку задачи межевания, по его мнению, по плану работ, подписанных Министром Юстиции, «землемер должен лишь вырезать излишки земли у посада Даховского, следовательно, прежнее межевание не уничтожается и необходимости вызова смежных владельцев (что было произведено – А.Г.) нет». (Там же. Л. 29 об.). Другой же спорщик, А.В. Верещагин, указал на невозможность участия Р. Гарбе как представителя посада из-за конфликта интересов (Там же. Л. 31) и неправильность повторного межевания его участка в 1875 г.

²⁴ Там же. Л. IV об.

²⁵ Там же. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. IV об. Чистовой план дачи был сделан в четырех копиях, одна из которых помещена в Межевом архиве РГАДА (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 599. Ед. хр. Д4 «красное»).

²⁷ Например, исключение из этого – дело отставного полковника А.Н. Мухортова, получившего участок в 1867 г. и у которого межевание до момента утверждения окончательной конфигурации дачи производилось четырежды, и именно на столько частей разделено производство (см.: РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 312–315). Это дело продемонстрировало также несвойственное межевым работникам качество – сострадание, когда полковник, практически разоренный, не смог нанять рабочих на межу, не был оштрафован, как должно было быть по законодательству, а весь процесс отложился на три года.

²⁸ Показательно, что землевладельцами была выявлена и поставлена на вид хитрость землемера, не желавшего принимать протест от А.К. Еремеева из-за

лично приняли участие достаточно известные ученые того времени, люди, показавшие свою компетентность в областях жизни, связанных с землепользованием (садоводство, строительство).

Заметно ускорилась межевая корреспонденция – телеграммы, запросы об определении места жительства землевладельцев стали нормой. Стремление к ускорению межевания проявилось и в том, что стало возможным обращение к властям с обвинениями на землемеров, за задержку межевания.

Сильно изменилась и процедура утверждения планов – если для Генерального межевания соотношение границ планов соседствующих дач было по большей части формальностью, что впоследствии приводило к невозможности состыковать «бока» уездов и на что обращал внимание Леонид Васильевич [4, с. 51-55], то для позднего межевания утверждение стало существенно влиять на результат: введенный в Тифлисскую судебную палату межевой ревизор на основании заполнения специальной анкеты определял, может ли быть утверждено производство по тому или иному владению, и нередко ответ был отрицательным. На этой основе межевое ведомство стало инициировать процедуру возврата земель казне²⁹. Такие проверки стали возможны благодаря существенно повысившемуся уровню точности, изменению принципа фиксации границ участков (с астролябических и румбических углов на широту и долготу места) и изменениях в межевом инструментарии. В позднем межевании в полной мере использовались отечественные приборы, в парке межевых инструментов второй половины – конца XIX в. стали доминировать отечественные разработки, в частности Санкт-Петербургской фирмы Voelau.

С течением времени видение межевания стало другим – оно потеряло свое значение как мероприятие по описанию специфики хозяйственной жизни людей. Межевые структуры сконцентрировались на уточнении границ конкретных территорий, а задача создания всеобщих карт России перешла к другим ведомствам, в частности, Русскому Географическому обществу, Министерству путей сообщения и др.³⁰ Межевание стало восприниматься как мероприятие эконо-

отсутствия на нем гербовой марки. Со ссылкой на законодательство межевания помещик отклонил претензию землемера, но на всякий случай прикрепил к запросу 80-копеечную гербовую марку (РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 28).

²⁹ Согласно письму Мухортова землемеру, на участке отставного полковника было обнаружено более чем в 1,5 раза больше земли (404 десятины вместо 247), причем планы дачи оставались идентичными.

³⁰ Так, например, составлялся атлас Маркса начала XX в.

мической сферы. С этим связаны и изменения в оформлении планов – уменьшение масштаба, расширение перечня условных обозначений³¹, но вместе с тем и существенное сокращение информации в «шапке» плана.

Несмотря на многочисленные проблемы, связанные с изменением инструментальной, документальной, поведенческой основ межевания, оно все равно производилось и оформлялось очень быстро, в отличие от более раннего. Землемеры работали в обстановке все ужесточавшихся требований по точности. Из их среды появились известные теоретики межевания И.Е. Герман, С.П. Кавелин и другие. В своих работах они проводили параллели между современным им межеванием и землемерным процессом середины XVIII в. Ранние полевые записки выглядели в их глазах бесконечно простыми, едва ли не примитивными, совершенно неаккуратными. Это, несомненно, давало им повод критиковать ранний межевой процесс и говорить об огромных усовершенствованиях во второй половине XIX в. Таким образом, изучение позднего сочинского межевания дает возможность по-новому взглянуть на историю Генерального межевания в целом.

1. *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1914.
2. *Голубев П.М.* Сочи — Красная Поляна. Краснодар, 1974.
3. *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
4. *Милов Л.В.* Исследование об Экономических примечания к Генеральному межеванию. М., 1965.
5. *Милов Л.В.* К истории создания Экономических примечаний конца XVIII – начала XIX века // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962.
6. *Романов Н.Е.* Сочи. Краснодар, 1967.
7. *Рудин С.Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. 19 сентября 1765 г. Пг., 1915.

³¹ Стали появляться разные типы культур, например, «табачные плантации», «аллеи из грецких орехов», «виноградники»... (РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 23).

**Решения спорных дел Генерального межевания земель
Верхоуральского уезда Оренбургской губернии на рубеже
XVIII – XIX вв.**

Генеральное межевание; Верхоуральский уезд; спорные дела.

Статья посвящена анализу спорных дел Генерального межевания территории Верхоуральского уезда Оренбургской губернии. Архивные материалы показывают основные моменты деятельности землемеров при возникновении конфликтов с участием различных категорий населения.

Генеральное межевание территории Российской империи началось в 1766 г. с центральных губерний и на протяжении 30 лет была обмежевана значительная часть территории европейской части страны. С середины 90-х гг. XVIII в. началась подготовка к измерениям территории Оренбургской губернии. Для этой цели правительство императора Павла I издало ряд дополнительных законодательных актов, касающихся межевания на территории края. 14 августа 1798 г. были изданы дополнительные статьи и мнение Сената к общей Межевой инструкции для организации межевания земель в Оренбургской, Саратовской и Симбирской губерниях. Появление этих дополнений объясняется тем, что необходимо было учитывать особенности земельных отношений региона при межевании: обширность края, специфику башкирского землевладения в виде вотчинного права на землю, наличие казенного землевладения. Так, башкиры-вотчинники сохраняли свои владения без каких-либо ограничений. Кроме того, для крестьян-переселенцев были установлены размеры минимального надела в 15 десятин (далее – дес.) на душу мужского пола².

Большая часть межевых работ по определению границ дач Генерального межевания и оформлению документации была проведена в 1798–1805 гг. персоналом Оренбургской межевой конторы. При организации этих работ возник ряд споров между владельцами сопредельных дач. Порядок работы землемеров по урегулированию ряда спорных дел можно показать на примере Верхоуральского уезда, который представлял обширный горнолесной район, а среди жителей были основные этнические и сословные группы населения края.

¹ Акманов Айтуган Ирекович, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н., aytuganakmanov@gmail.com.

² ПСЗ. Т. 25. № 18 625.

Территория Верхоуральского уезда составляла 3 256 000 дес., где было пашни 22 325, сенокосов – 248 678., степи – 840 345, леса – 1 901 567, неудобных участков – 236 897 дес. Эти угодья распределялись между несколькими категориями владельцев. Башкир-вотчинников насчитывалось 21 765 душ обоего пола, которые проживали в 3489 дворов. Им принадлежало 2 361 000 дес. земли, что составляло 72,5 % площади уезда. За заводовладельцами из числа двух дворян, 214 купцов числилось 464 889 дес. (14 % территории уезда) земли, где проживало 6793 душ обоего пола крестьян в составе 1029 дворов. Солдаты и казаки, которых было 949 душ, проживали в 200 дворах и распоряжались 297 000 дес. земли (9 %). Площадь казенных угодий составила 131 775 дес., или 4 % всех угодий уезда³.

Итоги межевания удовлетворили далеко не всех жителей края. Владельцы дач, которые были недовольны итогами измерений сначала подавали жалобы, которые рассматривались в Оренбургской межевой конторе. В случае достижения согласия стороны получали необходимые документы, а спорные дела уничтожались. Если же владельцы дач оставались недовольными, то могли подавать жалобы в Московскую Межевую Канцелярию. Затем при необходимости челобитные могли быть направлены в Межевой департамент Сената. В фонде Оренбургской межевой конторы (РГАДА) имеются спорные дела по Верхоуральскому уезду, которые позволяют представить порядок работы межевых специалистов.

Большинство спорных дел стало рассматриваться после рапортов землемеров. Среди первых в контору в 1798 г. поступили документы от губернского секретаря С. Венечанского на дачу башкирской деревни Махмутовой Катайской волости, где обнаружилось, с точки зрения межевщиков, большое превосходство земли (18 515 дес.) по сравнению с имеющимся там населением (62 души м.п.). После изучения дела, руководство конторы решило отослать его в вышестоящие инстанции. Тем не менее резолюция Межевого департамента Сената отмечала факт бесспорности границ дачи и поэтому итоги измерений были официально признаны⁴.

Через полтора года после бесспорного межевания дачи башкирской деревни Аптюковой Катайской волости был поднят вопрос о результатах межевания данной дачи на основе двух челобитных от населения. Одно прошение поступило от владельца Белорецкого завода И. Демидова, а другое от башкир Катайской волости Ю. Тай-

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 936.

⁴ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3766. Л. 48 об., 62–63, 66.

масова и А. Мунасыпова. Обе челобитные указывали на неправильное обмежевание землемером С. Венечанским пустоши Инзерское заводское место (125 293 дес.) как покупной земли в пользу дворянина С.Я. Левашева. По мнению челобитчиков, продажа этого участка была недействительной. В то же время поверенный С.Я. Левашева – прапорщик П. Воротов и башкиры Катайской волости походный есаул Ю. Бикбулатов, сотник И. Биимбетов сообщили о продаже спорной земли в 1794 г. дворянину. Последние опровергали предъявленные И. Демидовым документы о том, что этот участок находился в его оброчном пользовании. Они указали на подложность грамоты заводчика, так как сделка была совершена от имени отдельных совладельцев участка. Кроме того, есаул Ю. Бикбулатов обвинил Таймасова и Мунасыпова в том, что они не являлись настоящими поверенными Катайской волости. В свою очередь, поверенный Демидова жаловался на давление со стороны членов присутствия Межевой конторы ради скорейшего завершения спора. Наконец, 10 июля 1803 г. было принято компромиссное решение о признании обеих сторон конфликта совладельцами спорного участка⁵.

В 1800 г. жители деревни Аптюковой Катайской волости выразили недовольство относительно границ Архангельского медеплавильного завода (5809 дес.), направив прошение в контору. Однако в течение следующего года никто из башкир не явился в контору и не предъявил необходимых документов. Поэтому владелец завода статская советница К.И. Козицкая, предъявив грамоты о приобретении этого участка, получила план и межевую книгу дачи⁶.

В 1814 г. поднимается вопрос о даче казенной земли, где была расположена Уртазымская крепость (68 490 дес.). Землемер Семенов из Чертежной при составлении плана сообщил о несоответствии имеющихся у него сведений о крепости с данными другого землемера – Фомичева. Семенов определил площадь удобной земли этой дачи в 67 134 дес., а Фомичев – в 65 880 дес. После этого руководство Конторы распорядилось о дополнительной проверке площади дачи⁷.

Ряд спорных дел рассматривался после ходатайств местных губернских учреждений. Так, в 1804 г. поступил рапорт из канцелярии оренбургского военного губернатора в Межевую Канцелярию, где требовалось завершить разбор дела относительно деревни Максютовой Тангаурской волости. Башкиры были недовольны деятельностью

⁵ Там же. Д. 3763. Л. 531–534 об., 543 об.–550 об., 590, 612, 614–616.

⁶ Там же. Д. 3753. Л. 13, 39 об.

⁷ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 172. Л. 2–3, 31.

землемера Залесского, который отмежевал часть их угодий к даче Усерганской волости. Однако после проверки межевой документации выяснилось, что поданная апелляция была просрочена во времени. Руководство конторы отказалось рассматривать этот спор⁸.

В 1824 г. Оренбургское губернское правление подало рапорт в Межевую Канцелярию с просьбой разрешить конфликт башкир Барын-Табынской и Кара-Табынской волостей с представителями Златоустовских заводов. Расширяющееся металлургическое производство требовало большого количества топлива в виде древесины и поэтому происходили захваты башкирских лесов. Привлечение губернской администрации объяснялось тем, что башкиры неоднократно выражали недовольство решениями конторы в пользу заводов. Московская Межевая Канцелярия распорядилась о тщательной проверке фактов несправедливости в отношении башкир, а также замене землемеров, осуществлявших практически измерения по спорным отводам⁹.

Четыре дела рассматривались межевой конторой после предъявления челобитных башкир на действия землемеров. В январе 1799 г. один из поверенных Катайской волости А. Мамкеев представил апелляционное прошение, где указывал на факт подмены его отводной сказки. А это, по мнению челобитчика, привело к тому, что землемер Щетнев совершенно неправоммерно выделил внутри Катайской волости – земли Белорецкого завода коллежской асессорши Д.И. Пашковой и пустошь «Инзерское заводское место» коллежского советника С.Я. Левашева в отдельные дачи. В этой ситуации межевая контора при рассмотрении имеющегося экземпляра отводной сказки башкирских поверенных и полевого журнала землемера Щетнева не заметила каких-либо нарушений. Кроме того, остальные трое поверенных Катайской волости, выразив недоумение протестом Мамкеева, подтвердили результаты осуществленного межевания¹⁰. Казалось, конфликт был исчерпан, но дело получило продолжение, поскольку часть башкир поддержала Мамкеева. Это заставило межевую контору для уточнения межевых границ привлечь другого землемера – С. Венечанского, который после проверки на месте признал правильной работу своего предшественника¹¹.

В 1804 г. жители Тамьянской и Тангаурской волостей выразили недовольство решением Оренбургской конторы от 2 ноября 1804 г. об

⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3731. Л. 42–43.

⁹ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 246. Л. 17–17 об., 34, 47–51, 55 об.–58 об., 61.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3729. Л. 29–31, 75 об.–76, 111.

¹¹ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 3. Д. 3724. Л. 101–116 об.

аннулировании их соглашения с Катайской волостью относительно межевых границ. Виновниками неверного решения челобитчики считали не столько контору, сколько жителей Катайской волости и заводчика И. Демидова. Они обвиняли предпринимателя в подкупе старшин этой волости. После рассмотрения дела Межевая Канцелярия осудила неправильные действия должностных лиц конторы, способствовавших нарушению соглашения. Несколько межевых чиновников были подвергнуты денежному штрафу. Документы по данному спору были возвращены в контору для дополнительного расследования¹².

Достаточно долго рассматривалось дело, возникшее после жалобы башкирского поверенного Бурзянской волости А. Унгарова на землемеров Безрукова и Залесского в 1801–1802 гг. Он обвинил чиновников в том, что они преднамеренно размежевали часть башкирских угодий к Каноникольскому медеплавильному заводу купцов Масаловых. Оренбургская контора сначала не предприняла каких-либо действий для проверки челобитной. Тогда башкиры подали жалобу на контору в Межевую Канцелярию. При изучении дела выяснилось, что землемеры осуществили бесспорное межевание дачи Каноникольского завода и апелляционных жалоб от башкир в течение установленного срока в один год не поступало. Все было оформлено законно, однако ряд башкирских деревень оказался в единой межевой даче с заводом. Учитывая предписание Межевой Канцелярии от 20 ноября 1823 г. об обеспечении населенных пунктов необходимым количеством земли, Контора приняла решение о сохранении итогов межевания, но дальнейшие претензии следовало рассматривать в судебном порядке¹³.

Итоги решения межевых споров по Верхоуральскому уезду показывают, что конфликты возникали во многом из-за отсутствия информации о правах и обязанностях населения при межевании земли. При возникновении споров межевые чиновники стремились обеспечить согласие представителей различных социальных и этнических групп населения на земельные угодья путем точного соблюдения законодательства и принятия компромиссных решений.

¹² Там же. Д. 3720. Л. 233–236 об., 238–242 об., 245 об.–246 об., 262–262 об., 273, 297, 301–304.

¹³ Там же. Д. 3768. Л. 47–50, 55 об.–58 об., 76, 87 об.–88 об., 96 об.–97.

**Экономические примечания к планам Генерального
межевания как источники по истории еврейской
земледельческой колонизации Северного Причерноморья
в начале XIX в.**

Еврейские земледельческие колонии; начало XIX в.; Экономические примечания к планам Генерального межевания Херсонской губернии; Северное Причерноморье; казенные земли.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Херсонской губернии дают подробное экономико-статистическое и географическое описание первых еврейских земледельческих колоний на казенной земле в Российской империи. Документы являются ценным источником по истории формирования нового сословия еврейского населения в России – земледельцев-колонистов.

Во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. на территории Новороссийского края Российской империи (современной Южной Украины) проходил активный процесс иностранной земледельческой колонизации. Привлечение иностранцев практиковалось в широких масштабах и осуществлялось в форме колоний – иноверческих или иностранных земледельческих поселений. В колонии состояли иноземные выходцы, принявшие русское подданство, или инородцы, выведенные из других регионов и поселенные на казенных или частных землях на особых правах. Первые иностранные колонии в Новороссии были основаны при Екатерине II с целью усовершенствования земледелия и скотоводства, заселения безлюдных равнинных мест и активизации торговли [9, с. 183]. К 1-й половине XIX в. относится последняя волна колонизации новороссийских губерний – Херсонской и Екатеринославской (включенных в состав черты еврейской оседлости по именному указу от 23 декабря 1791 г.) – поселение еврейских земледельческих колоний. В 1807–1809 гг. в Херсонской губ. возникло восемь еврейских колоний (или, как их тогда называли, деревень): семь селений в Херсонском, одно – в Елизаветградском у. [3, с. 173, 187; 7, с. 16, 304; 8, с. 315].

В РГАДА хранится комплекс документов Генерального межевания, начатого в 1766 г. и проводившегося на протяжении 2-й поло-

¹ Фельдман Дмитрий Захарович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., dzfeldman@rambler.ru.

вины XVIII и 1-й четверти XIX в. В ходе его устанавливались и юридически оформлялись границы земельных поместий, а также губерний и уездов. Основными принципами проведения Генерального межевания стали полюбовный развод и межевание по дачам [1, с. 217; 4, с. 73]. В отличие от прежней проверки прав на владение землей каждого землевладельца во время предшествующих межеваний, при полюбовном разводе земли примежевывались только к названиям селений или пустошей, а не к именам их владельцев. Законность того или иного владения признавалась без каких-либо свидетельств и документов, лишь бы владение к этому времени было бесспорным. Генеральное межевание Екатеринославской и Херсонской губ. происходило одновременно в 1798–1828 гг. [2, с. 68, 105]. На межевание земель Новороссийского края наложило отпечаток то, что заселение его шло посредством мер, предпринимавшихся правительством, в частности привлечением туда иностранцев. В связи с этим особыми правилами для межевания Новороссии предусматривались отводы земель селениям иностранных поселян казенного ведомства, то есть колонистам, к которым были причислены и еврей-земледельцы.

Межевые документы РГАДА содержат подробную информацию по истории еврейской колонизации Херсонской губ., причем имеющиеся в них сведения касаются ее наиболее раннего периода. Наиболее ценным источником в данном вопросе являются Экономические примечания к планам Генерального межевания Херсонской губ. начала XIX в. Экономические примечания представляют собой важнейший комплекс межевых документов, содержащих богатые сведения по истории экономики России периода разложения феодализма. Топографические, почвенные, климатические и другие географические характеристики в них тесно увязаны с хозяйственно-бытовыми данными и подкреплены статистическими сведениями. Следует отметить, что коллекция Экономических примечаний по своему составу неоднородна [5, с. 84–85; 6, с. 121]. Помимо окончательного варианта Экономических примечаний, составившегося после межевания всей территории уезда – полных и кратких Экономических примечаний к межевым атласам, существовали подготовительные, черновые варианты. Среди более ранних разновидностей Экономических примечаний выделяются Камеральные экономические примечания к генеральным уездным планам, которые составлялись на земельные дачи, обмежеванные за один определенный год. Именно в них мы встречаем наиболее ранние упоминания о еврейских колониях и их земельных участках.

В Камеральном экономическом примечании Херсонского у.

1803 г. упоминаются «пустоши Бобровая и Крутая, состоящие в казенном ведомстве»². Окончательный вариант начала XIX в. указывает уже на деревни Бобров Кут (или Бобровый Кут) и Татарку (будущая колония Большая Сейдеминуха или Сейдеменуха) как на «владения казенных евреев»: «21 941 дес. в общей даче. Бобров Кут – 58 дв., 406 чел. м.п. и 500 ж.п.; Татарка – 113 дв., 292 чел. м.п. и 257 ж.п. Деревня Бобров Кут – реки Ингульца на левой, Татарка – той же реки на левой и по обе стороны отвершка безымянного; почтовая станция на суходоле... Земля серопещаная, местами глинистая, солонцоватая и каменная. На ней лучше родится рожь и пшеница, прочий хлеб средствен; покосы хороши... Евреи на казенном окладе, занимаются хлебопашеством и скотоводством. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткут холсты и сукна для себя и на продажу; зажитка средственного»³. Как видим, в этих колониях находилась почтовая станция. Содержание почтовых станций в Новороссии с начала XIX в. стало еще одной областью занятий еврейского населения края [8, с. 313–314].

В 1805 г. Камеральное экономическое примечание упоминает «казенную пустошь Ивановку, прежде бывшую во владении за полковником И.Н. Ефимовичем»⁴. В более позднем, сводном Экономическом примечании упоминаются колонии Каменка и Излучистая, поселенные на пустоши Ивановской, «колониального ведомства поселенных евреев»: «14 957 дес. в общей даче. Каменка – 66 дв., 405 чел. м.п. и 299 ж.п.; Излучистая – 74 дв., 265 чел. м.п. и 224 ж.п. Колонии: Камянка – речки Камянки на левой стороне, при коей молитвенный дом и кладбище; Излучистая – речки Каменки на левой, а оврага Григорова на правой сторонах... Земля – чернозем и серопещаная. На ней лучше родится рожь, пшеница и просо; прочий хлеб и покосы средственны... Евреи состоят на десятилетней лготе, занимаются хлебопашеством и скотоводством. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткут холсты и сукна для себя и на продажу; зажитка средственного»⁵. В данном документе впервые указывается на особое положение еврейских колонистов, находившихся на казенном окладе – «состоят на десятилетней лготе». Как известно, согласно «Положению для евреев», утвержденному именным указом Александра I от 9 декабря 1804 г., новое сословие евреев-земледельцев, посе-

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2066. Л. 87–87 об.; Д. 2067. Л. 55 об.–56.

³ Там же. Д. 2065. Л. 44–44 об.

⁴ Там же. Д. 2066. Л. 131 об.–132; Д. 2067. Л. 89 об.

⁵ Там же. Д. 2065. Л. 35.

ленных на казенной земле, освобождалось от всех податей, кроме земских повинностей, на 10 лет и получало от казны ссуду на первоначальное обзаведение. Также заметим, что в архивных источниках встречается другое, но сходное по смыслу название колонии Излучистой: Кривой Плес, Кривоплес или Кривоплесовка.

В Камеральном экономическом примечании 1808 г. упоминается «казенная пустошь Голикова, на коей ныне поселена деревня Ингульская Колония евреев». При этом указывалось, что земля этой пустоши «отдается от Херсонской казенной полаты в четырехлетнее содержание разным людям»⁶. Приведем описание д. Ингульская Колония, «владения казенных евреев», из полного Экономического примечания 1-й четверти XIX в.: «5773 дес., 86 дв., 310 чел. м.п. и 302 ж.п. Селение – реки Ингула (написано ошибочно, правильно: речки Ингульца; позднее получило название Ингулец. – Д.Ф.) на левой и по обе стороны балки Жерелевки... Земля – чернозем, местами серопещаная. На ней лучше родится рожь, пшеница; прочий хлеб и покосы средственны... Евреи на казенном окладе, занимаются хлебопашеством и скотоводством. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна; зажитка средственного»⁷.

В следующем по времени Камеральном экономическом примечании 1809 г. зафиксирована «казенная земля, на коей ныне поселена Эфенгарская Колония, ведомства Конторы [опекунства] новороссийских иностранных поселенцев, владение евреев»⁸. Описание д. Эфенгарская Колония из полного Экономического примечания 1-й четверти XIX в.: «2940 дес., 53 дв., 163 чел. м.п. и 112 ж.п. Селение – реки Ингула на левой и по обе стороны трех отвершков безымянных... Земля – чернозем, местами иловатая. На ней лучше родится рожь и пшеница; прочий хлеб и покосы средственны... Поселяне занимаются хлебопашеством. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты, сукна для себя и на продажу; зажитка средственного»⁹. В Экономическом примечании 1809 г. также говорится, что «евреи состоят по соизволению монаршей воле на десятилетней лготе», а женщины «вяжут чулки и колпаки для своего употребления и на продажу»¹⁰. В архивных документах встречаются и другие варианты названия этой колонии, поселенной на пустоши

⁶ Там же. Д. 2066. Л. 202–202 об.

⁷ Там же. Д. 2065. Л. 38–38 об.

⁸ Там же. Д. 2066. Л. 243 об.–244.

⁹ Там же. Д. 2065. Л. 25.

¹⁰ Там же. Д. 2066. Л. 244.

Булгаковой: Эфенгар, Ефингарь, Ефиньгар, Ефенгарь, Ефенгардская Колония.

Колонии Большой и Малый Нагартав впервые упоминаются в Камеральном экономическом примечании Херсонского у. 1817 г. Здесь отмечается, что в Большом Нагартаве имеется «общественной тех колонистов каменной школьной дом» (то есть синагога. – *Д.Ф.*). И далее: «...Земля грунт имеет серопещаной, а частию и чернозем, которая к плодородию без удобривания способна. Из посеянного на ней хлеба лучше родится пшеница, рожь, просо, овес и ячмень, а прочие семена средственны; сенные покосы хороши... Жители колонисты состоят на льготе, весьма незажиточны; промышляют хлебопашеством, а частию и скотоводством, чему они посредственное имеют рачение. Женщины сверх полевых работ упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, посконь, шерсть для своего обихода»¹¹. Спустя несколько лет эти две колонии были объединены в одну крупную земельную дачу с русскими селами Заселье и Явкино, что само по себе было случаем нечастым. В более позднем варианте Экономического примечания уже упоминаются вместе села Заселье и Явкино «бобылецких крестьян» и колонии Большой и Малый Нагартав, «владение евреев»: «59 248 дес. в общей даче. Б. Нагартав – 4582 дес., 84 дв., 293 чел. м.п. и 225 ж.п.; М. Нагартав – 1916 дес., 26 дв., 110 чел. м.п. и 96 ж.п. Колония Большая Ногортаф – реки Доброй на правой стороне, при оном кладбище; Малая Ногортаф – реки Висунь на правой и по обе стороны оврага безымянного»¹². Другие варианты написания названий этих смежных колоний в архивных материалах: Большой и Малый Нагартов, Нагортав, Нагортаф, Ногартоф.

В Экономическом примечании Елизаветградского у. 1808 г. впервые упоминается «пустошь Чернышева, на коей поселено селцо Паповка, а ныне деревня Израилевка, владения из евреев казенных поселян». Документ указывает, что «поселяне состоят на лготе... упражняются в хлебопашестве, к чему они по новости не способны; женщины упражняются в домашних рукодельях, вяжут чулки, перчатки для себя, а болие к трудолюбию не способны»¹³. В окончательном варианте Экономического примечания о д. Израилевке «казенных поселян» говорится следующее: «5992 дес., 20 дв., 120 чел. м.п. и 115 ж.п. Селение – реки Березовки на левой, а оврага Бардунова на правой стороне... Земля имеет грунт серопесчаный, а местами каменистый и

¹¹ Там же. Л. 274 об.–275.

¹² Там же. Д. 2065. Л. 12 об.–13.

¹³ Там же. Д. 2050. Л. 13–13 об.

хрящеватый. На ней лучше родится пшеница, просо и ячмень, а прочий хлеб и сенные покосы средственны... Крестьяне на господском изделии (написано ошибочно, правильно: поселяне на казенном окладе. – *Д.Ф.*), занимаются хлебопашеством. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для себя и на продажу; зажитка средственного»¹⁴. К сказанному можно добавить, что другой вариант ее названия, встречающийся в документах – Израилька.

Итак, главной особенностью рассмотренных здесь архивных источников является единство их происхождения и местонахождения. Они созданы в процессе деятельности российских учреждений (центрального – Межевой канцелярии и местного – Херсонской межевой конторы), занимавшихся в XIX в. проведением Генерального межевания земель в Новороссийском крае. Единообразие межевых документов с указанных позиций обусловило специфику их формы и содержания. Данные источники дают подробное экономико-статистическое и географическое описание первых еврейских колоний на казенной земле в Херсонской губ. Кроме того, эти документы содержат характеристику поземельных отношений новороссийских евреев-колонистов и владельцев смежных населенных пунктов и пустошей, основным содержанием которых являлись споры, связанные с уточнением границ земельных дач еврейских колоний. Однако эта проблема требует отдельного рассмотрения [10, с. 305–340; 11, с. 106–131]. Комплексное изучение межевых архивных источников позволит уточнить и дополнить ряд вопросов истории появления и функционирования еврейских земледельческих колоний в Северном Причерноморье.

1. *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1914.
2. *Иванов П.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846.
3. *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976.
4. *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство: Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
5. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
6. *Милов Л.В.* О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в. // История СССР. 1957. № 2.
7. *Никитин В.Н.* Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возник-

¹⁴ Там же. Д. 2039. Л. 159–160.

- новения до наших дней. 1807–1887. СПб., 1887.
8. *Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. I.
 9. *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Одесса, 1836. Ч. I.
 10. *Фельдман Д.З.* Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков: Опыт архивного исследования. М., 2005.
 11. *Фельдман Д.З., Панов Д.А.* Бурные годы «Тихого поля» в Новороссии: Два века еврейской колонии Сейдеменуха. Историко-генеалогическое исследование. М., 2009.

УДК 339.1 (470)

А.И. Раздорский¹

«Воровство», «хитрость» и «нерадение» при сборе таможенных и кабацких доходов в XVII в. (на примере службы курских, белгородских, вяземских и можайских голов и целовальников)

Таможенная служба; кабацкое дело; коррупция; приходо-расходные книги.

В статье на основе информации, содержащейся в приходо-расходных книгах московских приказов, проанализированы случаи злоупотреблений и халатности, допущенные представителями местной таможенной и кабацкой администрации в четырех городах юга и запада Европейской России (Курске, Белгороде, Вязме, Можайске) на протяжении XVII в.

В Московском государстве в XVII в. практиковались, как известно, два способа организации взимания таможенных и кабацких доходов — «откупной» и «верный». В первом случае эти сборы сдавались властями на откуп (в аренду) частным лицам. Однако желающих взять таможенную и (или) питейные заведения на откуп удавалось найти далеко не всегда. В этом случае взимание сборов возлагалось на выборных лиц, «приведенных к вере» (присяге). Во главе местных таможенных и питейных учреждений, находившихся «на вере», стоял таможенный и кабацкий (с 1652 г. — кружечного двора) голова. Его помощниками являлись выбираемые из среды местного населения целовальники, старшим из которых являлся «ларечный» целовальник (казначей).

Таможенные и кабацкие головы были обязаны вести строгую письменную отчетность о собранных с торгующих пошлинах: «а сколько с какова товару таможенных пошлин возьмут... то все велети

¹ Раздорский Алексей Игоревич, РНБ (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., razdor@nlr.ru.

писать в книгу, подлинно, порознь, в правду, помесечно, безо всякие хитрости» [цит. по: 3, с. 21]. День за днем данные о поступлении таможенных пошлин и питейных доходов заносились в таможенные и кабацкие книги, которые вели наемные дьячки.

Вопрос о том, насколько широко была распространена коррупция в сфере таможенного и питейного дела в России XVII в., вызывает оживленные дискуссии среди историков. Некоторые исследователи полагают, что служба голов и целовальников была насквозь коррумпирована, а составленные ими таможенные и кабацкие книги, считающиеся основными массовыми источниками по истории внутренней и внешней торговли страны рассматриваемого времени, не могут считаться достоверными документами [см., например: 1]. Данное утверждение обычно подкрепляется ссылкой на широко известный в историографии факт вопиющих нарушений, допущенных тотемским таможенным и кабацким головой 1642/43 г. Гостем Гавриловым, который «своим насильством пошлину имал вдвое и втрое, и ценил всякие товары дорогою ценою...»², а также сфальсифицировал таможенные и кабацкие книги [2]. Но насколько широко были распространены подобные явления?

По истечении срока службы таможенные и кабацкие головы представляли собранные денежные суммы вместе с отчетными документами в приказ, ведавший сбором косвенных доходов в данном городе. Там таможенные и кабацкие книги подвергались тщательной проверке, а денежные суммы пересчитывались и сверялись на предмет соответствия отчету. Обнаруженные в ходе ревизии разного рода нарушения фиксировались в приказных приходе-расходных книгах. В случае образования недобора таможенных и кабацких сборов относительно установленной окладной суммы головы подергались в приказах допросам, на которых давали подробные объяснения произошедшему. Вслед за этим нередко следовали указы о проведении сысков³, в

² РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 72. Л. 88.

³ В ходе проведения сысков по недоборам проверяющие опрашивали значительное число местных жителей, представлявших самые разные социальные группы. Так, например, по поводу учинившегося в 1637/38 г. кабацкого недобора в Вязьме настоятель Вяземского Предтечева монастыря с братией, протопоп соборной церкви, попы и дьяконы приходских церквей, дворяне и дети боярские, белозерские помещики, казачьи есаулы, вяземские посадские люди (общим числом 107 чел.) сказали, что голова и целовальники казенным сбором «радели безоплошно, и будучи у государева дела не пили, и не бражничали, и за своими промыслами не ходили, и во всем чинили в государеве деле безхитростно». Стрелецкие же пятидесятники, казачьи атаманы и есаулы, десятники, пушкари и плотники (общим числом 103 чел.) сказали, что радел или не радел

ходе которых присланным из Москвы сыщикам надлежало выяснить, не было ли в период службы голов и целовальников допущено какого-либо «воровства», «хитрости» или «нерадения» с их стороны. Объяснения голов, а также итоги проведения сысков также приведены в приказных приходо-расходных книгах.

Нами изучены (в части сведений, относящихся к Курску, Белгороду, Вязьме и Можайску) практически все сохранившиеся приходо-расходные и приходные книги Разрядного и Посольского приказов и Приказа Устюжской четверти, относящиеся к периоду с 1610-х гг. до середины 1680-х гг. (а по Разрядному приказу также и за 1690-е гг.), в том числе: 42 книги Разрядного приказа за 1614/15–1697/98 гг., 54 книги Приказа Устюжской четверти за 1620/21–1686/87 гг. и 29 книг Посольского приказа за 1632/33–1683/84 гг. [подробнее об этих источниках см.: 4].

Эти документы свидетельствуют о том, что злоупотребления со стороны голов и целовальников действительно имели место, но фиксировались сравнительно редко. При этом ни по одному из перечисленных городов за весь указанный период ни разу не встретилось нарушений, хотя бы отдаленно напоминающих преступления головы Гаврилова в Тотьме.

Самым серьезным проступком следует признать следующее происшествие. В Белгороде с 22 декабря 1646 г. по 22 декабря 1647 г. таможенные и кабацкие доходы собирал голова курянин Г. Кухтин вместе с целовальниками-белгородцами. В апреле 1648 г. белгородский воевода Т.Ф. Бутурлин прислал в Москву Кухтина и целовальника (надо полагать ларечного) С. Коротаева с собранными в течение года деньгами (по отчету — 1293 руб. 88 коп.) и таможенной и кабацкой книгой. В ходе проверки в Разрядном приказе выяснилось, что часть предназначенной к сдаче суммы голова с целовальниками в столицу не доставили, а часть путем приписок в расходных статьях украли. Недоставленные и похищенные деньги на общую сумму 325 руб. 2,5 коп. было приказано на них доправить⁴.

Надо сказать, что приведенный случай оказался едва ли не единственным, когда голова и целовальники были явным образом уличены в «воровстве». В других же ситуациях крайне сложно отделить преступный корыстный умысел, если он действительно присутствовал, от обычной халатности или непреднамеренной ошибки, допущенной при ведении приходо-расходной документации.

в сборе голова «они не ведают» (РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 45. Л. 75).

⁴ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 306. Л. 60 об.–61.

Так, в результате проверки в Разрядном приказе у курского головы 1649/50 г. А. Онтипина «объявилось в переходе» сверх таможенных и кабацких книг 4 руб. 95,25 коп. На допросе голова сказал, что те «перехожие деньги» объявились сверх книг «потому, что они людишка простые и против зборных книг себя счесть и наличных денег описать за простотою не умели и в том корысти себе никакие не получили»⁵.

В ходе ревизии в Разрядном приказе белгородской таможенной и кабацкой книги 1674/75 г. в ней были обнаружены «многие неисправные статьи». Против прихода в расходе у головы С. Чаусова с целовальниками «не объявилось» 33 руб. 88 коп. Кроме того, в продаже у них не обнаружилось 17,25 ведра кислого меда на 4 руб. 14 коп., а покупное хлебное вино было отдано новому голове с уценкой в 42 руб. 55 коп. С учетом выявленной «книжной неисправы» на жене и детях головы (которого на момент завершения ревизии, по-видимому, уже не было в живых) и на целовальниках было велено доправить 80 руб. 57 коп.⁶

При проверке в Приказе Устюжской четверти можайской кабацкой книги 1667/68 г. обнаружилась недостача 12 ведер хлебного вина на 7 руб. 80 коп. Голова Г. Кондратьев на допросе показал, что то вино «высохло», о чем он приказывал сделать запись кабацкому дьячку. Последний же утверждал, что «усохлое и вытеклое» вино он не внес в книги потому, что был «без памяти» по причине «падучей болезни». В результате стоимость вина была взыскана с головы и целовальников⁷.

Вяземский голова 1673 г. Г. Поросяткин должен был передать своему сменщику И. Колесникову «на завод» наличными 100 руб., что и было зафиксировано в таможенной и кабацкой книге. Однако реально Колесников получил наличными только 85 руб. 64 коп., на оставшиеся же 14 руб. 36 коп. ему были переданы кабацкие запасы «натурой». В приходе-расходной книге Устюжской четверти 1673/74 г. по этому поводу сказано: «и то знатно, что он, Гришка [Поросяткин. — *А.Р.*], с товарищи государевым корыстовался, для того в книгах у них вино и всякие запасы писаны не все и остальные запасы не писаны, а писано вместо запасов дача денгами чтоб не было знатно»⁸. На допросе Поросяткин утверждал, что сам он «человек неграмотной», а в документе была допущена ошибка «от неразумия» дьячка, «а не ево,

⁵ Там же. Кн. 95. Л. 24 об.

⁶ Там же. Кн. 137. Л. 290 об.–291.

⁷ РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 176. Л. 208 об.–209.

⁸ Там же. Кн. 204. Л. 239.

Гришки, с товарищи, хитрости», поскольку «тот дьячек человек молодой и то дело ему не за обычей». Указанную сумму было приказано взыскать с головы.

В 1673/74 г. за сбор таможенных пошлин в Можайске отвечали голова Я. Романов и ларечный Ю. Максимов. При сверке беловых и черновых таможенных книг, поданных ими в Приказ Устюжской четверти, между этими документами были выявлены расхождения. Так, за 7 июля 1674 г. в белой книге было записано в приходе 5 коп. пошлин, а в черновой — 65,5 коп., за 8 июля в белой книге — 1 руб. 65,5 коп., в черновой же прихода не показано вовсе и т. д. Кроме того, в черновой книге были отмечены не указанные в белой книге недоимки, числившиеся за несколькими можайцами, не уплатившими вовремя таможенные пошлины за свои товары. На предмет «несходства» книг голова и ларечный были подвергнуты допросу, в ходе которого показали, что «грамоте де они не умеют, а писал де таможенные белые и черные книги подьячей Васка Лукьянов, а тому де подьячему таможенного и кружечного двора дело не за обычай, а у них де, подьячих, кому бы за обычай таможенного и кружечного двора дело, в Можайске нет, а великого государя таможенною зборною казною ничем они не корыстовались и в белых книгах таможенную пошлину на ком что взять подьячему писать велели. И тот де подьячей тех долгов в белые книги не писал и белые книги с черными написал несправно от малосмыслыства, а не от хитрости»⁹. По государеву указу дьячка «за неисправку книг» было велено бить батогами в торговый день у таможи. Аналогичному наказанию было приказано подвергнуть и должников, не уплативших вовремя таможенные сборы.

В приходных книгах Устюжской четверти отмечены случаи, когда казенные расходы, произведенные местными таможенными и кабацкими властями, были признаны необоснованными. Так, с вяземского головы 1638/39 г. И. Ляпина и целовальников было велено доправить половину суммы, израсходованной ими на покупку свечей, дров, бумаги и за колку льда, поскольку они «давали в расход... многие лишние денги своим нерадением»¹⁰. С можайского головы 1641/42 г. Е. Шишкина и целовальников было приказано взыскать 6 руб. 35 коп., уплаченных ими за новые ставцы и чарки для местного кабака, так как «они то делали своим нерадением, ростеряли старые, а вновь покупали»¹¹.

⁹ Там же. Кн. 208. Л. 380 об.–381.

¹⁰ Там же. Кн. 45. Л. 156 об.

¹¹ Там же. Кн. 55. Л. 106 об.

Особняком стоит случай, произошедший на рубеже 1640–1650-х гг. в Можайске. В «дневанье» местных целовальников 1649/50 и 1650/51 гг. Л. Романова и Л. Таркова пропало 50 руб. казенных денег. Приходная книга Устюжской четверти 1651/52 г. сообщает о том, что целовальники были посажены в тюрьму, «пытаны двожды, и огнем жжены, и в той казне на себя и на иных никакovo не говорили». После этого их было приказано из тюрьмы освободить, а деньги взыскать с таможенных и кабацких голов, отвечавших за сборы в указанные годы, что и было исполнено¹².

Таким образом, материалы прихода-расходных книг московских приказов не дают оснований говорить о массовых и масштабных злоупотреблениях и фальсификациях со стороны представителей местной таможенной и кабацкой администрации в Курске, Белгороде Вязьме и Можайске. В этих источниках зафиксированы в основном лишь более или менее серьезные нарушения финансовой отчетности при ведении таможенных и кабацких книг (которые, тем не менее, в целом не снижают общей информативной ценности и достоверности этих документов). Некоторые из таких нарушений были допущены, вероятно, сознательно, но большая часть из них происходит, надо полагать, действительно из-за «нерадения», а не от «хитрости». (От ошибок не застрахованы и нынешние бухгалтерские работники, вооруженные компьютерной техникой, что же говорить о малограмотных провинциальных таможенных и кабацких дьячках XVII в.) Следует также отметить, что при обнаружении подобных нарушений центральные власти, как правило, не применяли жестких наказаний к виновным, ограничиваясь лишь получением с них недоплаченных или сокрытых денежных сумм (не прибегая при этом даже к взысканию штрафным пени). И это обстоятельство также свидетельствует о том, что коррупционные проявления в таможенном и кабацком деле в перечисленных городах в рассматриваемое время не носили системного характера. Надо, наконец, иметь в виду, что в ходе многочисленных сысков, предпринятых властями с целью выявления причин недоборов таможенных и кабацких доходов в Курске, Белгороде Вязьме и Можайске, преступные действия голов и целовальников ни разу не были установлены.

Разумеется, не все случаи «воровства», «хитрости» и «нерадения» могли быть вскрыты проверяющими приказными людьми и посланными на места сыщиками. Следует иметь в виду, что под особо пристальный контроль ревизующих подпадала деятельность и доку-

¹² Там же. Кн. 102. Л. 96.

менты прежде всего тех голов и целовальников, в период службы которых образовывался недобор. Когда же таможенные и питейные доходы собирались с прибором, мотивация для подобной детальной проверки существенно снижалась¹³. Нельзя забывать также и о присутствии коррупционной составляющей в деятельности самого центрального приказного аппарата.

Мы, конечно же, весьма далеки от какой-либо «идеализации» людей, служивших в таможенных и кабацких избах в XVII в. Не приходится сомневаться в том, что разного рода нарушения, особенно «по мелочи», были в их среде весьма распространенным явлением. Однако и преувеличивать масштабы имевшихся злоупотреблений и фальсификаций, на наш взгляд, не следует. Угроза недобора и возможного в этом случае сыска и правеха, постоянно висевшая дамокловым мечом над таможенными и кабацкими головами и целовальниками, а также их выборщиками, являлась действенным фактором, сдерживавшим развитие коррупции. Представители местной таможенной и кабацкой администрации находились под постоянной угрозой доноса как со стороны своего ближайшего окружения, так и со стороны торговцев и клиентов питейных заведений, с которыми они имели дело¹⁴. Укрывательство товаров от таможенного обложения, незаконный обо-

¹³ Недоборы по рассматриваемым городам встречались чаще, чем приборы. Так, по Курску с конца 1610-х гг. до конца 1670-х гг. (за годы, по которым есть данные) прибор отмечен в 15 годах, в то время как недобор в 22 (в 13 годах баланс был нулевой — в эти годы курские таможня и кабаки находились на откупе). По Белгороду прибор зафиксирован только в 9 годах, недобор же — в 30 (нулевой баланс в 9 годах). По Можайску с 1618/19 по 1665/66 г. таможенные и кабацкие приборы имели место в 14 годах, а недоборы — в 22 (нулевой баланс в 6 годах). По Вязьме по кабацким доходам прибор отмечен за 21 год, недобор — в 19 годах (нулевой баланс в 6 годах), по таможенным платежам прибор в 7 годах, недобор — за 21 год, (нулевой баланс в 5 годах) [подробнее см.: 5].

¹⁴ Лица, сообщавшие властям о разного рода противоправных действиях, могли рассчитывать на материальное поощрение. Так, в кабацкой книге Вязьмы 1639/40 г. есть запись о том, что 7 декабря 1639 г. у казака Г. Высоцкого было конфисковано полведра «корчемного» вина, которое было безденежно отдано «обатчику, хто про то вино сказал» (РГАДА. Ф. 137. Вязьма. Кн. 3. Л. 64–64 об.). В приходо-расходной книге Разрядного приказа 1639/40 г. зафиксирована выплата из белгородских таможенных и кабацких доходов 10 руб. чугуевскому черкашенину сотнику Богдану Матюшкову и черкаске Маньке «за то, что он, Богдан, с Чюгуева догнал изменника черкашенина Гарасимка Михайлова, изымал и привел на Чюгуев, а Манька про измену мужа своего Гарасимка не покрыла, про побег ево сказала на Чюгуеве Максиму Лодыженскому [чугуевскому воеводе. – А.Р.]» (РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 293. Л. 79 об.–80).

рот питей, несанкционированный расход казенных денег в этих условиях были сопряжены с очень большим риском и грозили нарушителям в случае обнаружения их противоправных действий по-настоящему суровой карой.

1. *Крайковский А.В.* К вопросу о достоверности русских таможенных книг XVII века // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999.
2. *Крайковский А.В.* Таможенная книга Тотьмы 1642/43 г. таможенного головы Попова Гостя Гаврилова // Тезисы докладов XI Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры». Тихвин, 5–6 октября 1999 г. Тихвин, 1999.
3. *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.
4. *Раздорский А.И.* Приходо-расходные книги московских приказов как источник по истории таможенного и кабацкого дела России XVII века // Библиография. Археография. Источниковедение: Сб. ст. и материалов. СПб.; М., 2015. Вып. 2.
5. *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие оклады и сборы в городах юга и запада Европейской России в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 1: XVI–XVIII вв. Коломна, 2015.

УДК 94(47+57) «16»

Т.В. Жиброва¹

**«Неявленного питья и заповедных товаров не возить»:
кормчество и контрабанда на юге России в XVII в.**

Таможенная изба; таможенный голова; пошлины; кормчество; контрабанда.

Статья посвящена проблеме организации таможенного управления на юге России в XVII в. Автором рассматриваются причины существования кормчества и контрабанды и способы борьбы с ними, осуществляемые местными таможенными головами.

Кормчество и контрабанда на протяжении всего XVII в. оставались главной проблемой таможенных служителей, осуществлявших

¹ Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко (РФ, Воронеж), к.и.н., tashazhibrova@rambler.ru.

сбор таможенных пошлин на местах. Юг России, в отличие от центра страны, имел в этом отношении ряд особенностей, связанных с близостью «вольного Дона», удаленностью от Москвы, наличием большого числа нерусского населения, сложностями с комплектованием южнорусских таможенных изб и др.

«Неявленного питья и заповедных товаров не возить», – именно такая формулировка встречается практически во всех поручных записях по отъезжающим на промыслы из южнорусских городов и уездов. «Неявленное питье», или корчемная продукция, то есть незаконно произведенные алкогольные напитки, были запрещены к свободной продаже.

История винного производства в России неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе [1; 2; 4]. Нам известны труды М.И. Смирнова по Нижнему Новгороду [12], Н.И. Приваловой по г. Касимову [8], Д.В. Раева по городам Западной Сибири [9]. По югу России мы можем назвать работы А.И. Раздорского [10; 11], Ю.А. Мизиса [7], Н.А. Тропина [14], А.И. Филюшкина [15], Д.А. Ляпина [5]. Исследователи сходятся во мнениях, что хмельные напитки: квас, пиво и мед с самого древнего времени на Руси представляли собой важный источник казенных доходов [2, с. 2]. Повсеместное обилие меда и других продуктов, употребляемых для изготовления питий, вызвало установление пошлин, которые собирались с меда, хмеля, солода.

В середине XVII столетия, особенно после отмены кабаков и введения одного кружечного двора в каждом уезде, во многих южнорусских городах работали свои винокурни. По подсчетам А.И. Раздорского, в 1620-40-х гг. в Курске было 3 кабака и 1 казенная винокурня [11, с. 279]. В Воронеже в XVII в. винокурень было две: малая и верхняя². Основными напитками, производившимися на южнорусском кабаке и кружечном дворе, были квас, пиво и вино. Все, что покупалось вне кабака (кружечного двора), считалось незаконным, корчемным. Ситуация на юге России осложнялась тем, что значительная часть местных жителей в обозначенный период обладала льготами на собственное производство хмельных напитков. «Курить про себя» имели право духовенство, дети боярские, иноземцы. Однако во второй половине XVII в. эти привилегии уже приходилось отстаивать. Следует учитывать также, что если местным жителям разрешалось варить пиво к большим праздникам, то вино было непременно покупным.

В 1694 г. в Белгороде произошел конфликт местных жителей с

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 115. Л. 148.

литовцами, которые привозили свой товар и продавали его беспошлинно³. Тогда же по грамоте вяземскому откупщику местным жителям было запрещено покупать хмельные напитки у «литовских людей», которые приезжали сюда со своим вином⁴.

Можно было, при соблюдении определенных условий, произвести пиво или мед «про себя». На это надо было получить разрешение у таможенного и кабацкого головы. В основном легальная варка пивий самим местным населением производилась к праздникам, но только при условии уплаты соответствующих взносов, которые назывались «явки». Размеры «явки» практически во всех уездах юга России были примерно одинаковыми. С пуда меду брали алтын, с четверти пива – по 4 деньги, с браги – по 2 деньги. Пить «мимо кабака» в этом случае разрешалось 3-4 дня.

По мнению Ю.Г. Кисловского, корчемство на протяжении XVII в. представляло собой практически неизбежную проблему [3, с. 321], так как вино в рассматриваемый период являлось особым видом товаров, и запрет на торговлю своим вином существовал на протяжении всего столетия. Л.Н. Марков отмечал суровые меры наказания для ослушников. Иногда незаконных винокуров и продавцов даже «ссылали в дальние городы» или «выносили им приговор о смертной казни» [6, с. 38].

Проблема с корчемным вином и «неявленными» товарами на юге России осложнялась близостью вольного Дона. Жители города и уезда неоднократно ездили туда с разными целями и могли провезти незаконные товары. В этой связи весьма характерны формулировки поручных записей воронежцев, составленные в конце 90-х гг. XVII в. Жители Воронежского уезда поручались за своих товарищей, отправлявшихся на Дон в том, чтоб им «... в казачьем городки беглых людей и неявленного питья и заповедных товаров не возить и к воровству не приставать и на Дону не оставатца»⁵.

Система наказаний за корчемство и контрабанду, согласно Соборному уложению 1649 г., подразумевала отдачу на поруки жены и детей нарушившего закон человека, а также конфискацию товаров. С лиц, незаконно изготовлявших вино, или пивших на «косом», то есть действующем нелегальным образом, кружечном дворе, брали штраф – «заповедь». А с тех, кто торговал «безъявочно» и «безпошлинно», – «протаможу» [13, с. 133]. Повторность преступления влекло ужесточе-

³ Там же. Оп. 13. Стб. Приказн. ст. Д. 74. Л. 331–333.

⁴ Там же. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 75. Л. 127–131.

⁵ ГАВО-3. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 49. Л. 1.

ние наказания: штраф удваивался, а виновного могли наказать батогами, кнутом или тюремным заключением.

Размер «заповеди» в южных уездах России был примерно везде одинаков. За корчемное вино с изготовителей полагался штраф «от пяти до двадцати рублей», а с питухов – от полуполтины до рубля с человека. В одной из работ А.И. Раздорского указано, что протаможа и заповедь с незаконно варивших вино жителей Курска были одинаковы и составляли в первой половине XVII столетия 2 рубля 12,75 копеек. С тех же, кто пил в корчмах брали 25 копеек [11, с. 264].

Обязательство бороться с корчемством брали на себя и выборные головы, и откупщики. В откупной грамоте, которую получал откупщик, говорилось о важности борьбы с корчемством. «А в откупной грамоте у откупщиков написано, кто нибудь какого питья что скажет про себя а не продажного и им велено являти откупщику на кабаке а того велено беречь накрепко, чтоб опричь кабака никакого питья на продажу никто не держал да и про себя б питья безьявочно никто не держал ж, а кому будет про себя меду поставит или пиво сварит и брагу пьяную зделает, и они б являлись на кабаке откупщику»⁶.

Официально преследование корчемства было возложено на воеводу. Воевода должен был следить, «чтобы обид не было и имать протаможи и заповеди», а корчемное вино отправлять в кабак.

В 1659 г. воронежский воевода собрал с местных жителей «заповедные деньги» с корчемного питья и выслал их в Москву вместе с кабацким головой и целовальниками⁷. В других городах воевода мог также сам собирать протаможу и затем отдавать ее откупщику для внесения записей в книги. Так, например, в середине XVII столетия, местная администрация в лице воеводы в Лебедяни приказала «кликать биричем, чтобы явили товар и безьявочно не торговали... и про себя беьявочно не держали»⁸.

При подозрении на корчемное вино порядок действий кабацких служителей был следующим. Сначала происходило выявление подозреваемых. Таможенным и кабацким головам и целовальникам вменялось в обязанность «следить, что а хто учнет на продажу корчемное вино держать». Получив сведения о незаконной продаже, они заявляли об этом воеводе и получали от него необходимых людей для обнаружения виновных. Потом туда посылались приставы и стрельцы (на усмотрение воеводы). После захвата с поличным, виновные обязаны

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 28. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 7. Д. 3. Л. 1–3.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного ст. Д. 74. Л. 346–347.

были заплатить заповедь⁹.

Поиском кормщиков обычно занимались целовальники, в помощь которым подряжали подьячих съезжей избы, земского старосту, стрельцов или казаков.

В 1637 г. воронежский воевода С.И. Козловский выделил приставов «для винной выимки и неявленных товаров» и стрельцов. В результате «рейда» были «перебиты до полусмерти»¹⁰ многие дети боярские и казаки, атаманы и крестьяне¹¹.

Согласно Соборному уложению 1649 г. надзор за корчемством должен был осуществляться также со стороны самого местного населения. Для этого сроком на год выбирались десятские, стоящие во главе десятка выборных людей. Если они не доносили о фактах производства и продажи корчемного вина, и об этом становилось известно, то с них брали штраф в размере 10 руб., а с остальных членов десятка – по 5 руб. с человека. За каждым десятком закреплялась определенная часть территории уезда [13, с. 135].

В Воронежском уезде практика выбора десятских также нашла применение. В октябре 1681 г. поиском мест нелегальной варки напитков в селе Усмань Воронежского уезда занимался целовальник воронежского кружечного двора Терентий Черников, которому в помощь были выделены стрельцы и «десятники»¹².

В 1687 г. в Орлове-городке и в уезде с 10 дворов были выбраны десяцкие для досмотра корчемников¹³. Масштабы поиска определялись царскими грамотами, обычно приставы посылались в уезд «верст по 5, 6 и 10 и больше»¹⁴.

Судя по источникам, проблема корчемства и контрабанды оставалась актуальной на протяжении всего столетия. Полностью ликвидировать незаконную продажу алкогольных напитков в городе, не говоря уже об уезде, не представлялось возможным.

1. *Бородин Д.Н.* Кабак и его прошлое // История винопития. СПб., 1994.
2. *Калинин В.Д.* Из истории питейного дела в России. (XV – начало XX вв.) М., 1993.
3. *Кисловский Ю.Г.* Контрабанда: история и современность. М., 1996.
4. *Кропоткин А.С.* Очерк истории производства охмеляющих напитков //

⁹ ГАВО-3. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 28. Л. 1.

¹⁰ Для XVII столетия термин «перебиты» или «убиты» не означал лишения жизни человека.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородск. ст. Д. 75. Л. 21–21 об.

¹² ГАВО-3. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 101. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. И-287. Оп. 4. Д. 22. Л. 9.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного ст. Д. 74. Л. 348.

- История винопития. СПб., 1994.
5. *Ляпин Д.А.* Елецкий кабак в XVII в. и его посетители // Елец и его округа: История. Археология. Проблемы реконструкции. Елец, 2008.
 6. *Марков Л.Н.* Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987.
 7. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.
 8. *Привалова Н.И.* Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008.
 9. *Раев Д.В.* Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск, 2005.
 10. *Раздорский А.И.* «Меж двух огней». Два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с воеводами и местным населением Курска. 1630-е гг. // Исторический архив. 2003. № 3.
 11. *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.
 12. *Смирнов М.И.* Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. 1913. Т. 16. Вып. 2.
 13. Соборное уложение 1649 г.: Текст, комментарии. Л., 1987.
 14. *Тропин Н.А.* Хозяйственное развитие г. Ельца в XVII веке // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 1. Серия «История, право». Елец, 2002.
 15. *Филюшкин А.И.* Виноделие и «питейное дело» в Ельце в первой половине XVII века // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк, 1995.

УДК 94(47).04

А.Н. Гуслистова¹

Купечество Вологды по таможенным книгам Сухоно-Двинского речного пути 1630-х гг.²

Посадские люди; купечество; генеалогия; таможенные книги.

В статье изучен ряд персоналий вологодского купечества по таможенным книгам Российского государства 1630-х гг. XVII в.

В XVII в. Вологда являлась важным перевалочным пунктом как в торговле России со странами Западной Европой, так и в торговле всех северных уездов Русского государства. В Вологде начинался Сухоно-Двинский речной путь, связывавший остальные города России с Архангельском, единственным морским портом XVII в. Сюда же сте-

¹ Гуслистова Анна Николаевна, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда), annavalentina@mail.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-35002.

кались товары из Сибири (в основном меха), соль, добываемая в различных районах, в том числе и на морском побережье, хлеб и другое продовольствие, для снабжения промысловиков, экспортные товары. Вологодское купечество принимало непосредственное участие в оптовой и транзитной торговле, не ограничиваясь одним вологодским рынком [4]. Вологжане отправляли товары на продажу в города, стоявшие на Сухоно-Двинской водной магистрали – Тотьму, Великий Устюг и Сольвычегодск, но основной целью их торговых экспедиций был Архангельск. Здесь на деньги, вырученные от продажи экспортных товаров, закупались крупные и мелкие партии импортных товаров, отправляемые затем в Вологду.

Основными источниками по истории торговли в Российском государстве XVII в. являются таможенные книги. Большая удача, что в дополнение к уже давно изданным подборкам таможенных книг Сухоно-Двинского пути [11] началось планомерное издание всего сохранившегося фонда таможенных книг этого региона [12; 13], дополняемые вновь выявляемыми таможенными документами [3]. Изданные первыми таможенные книги Великого Устюга 1634/35 г. и 1636/37 г. можно сопоставить с данными уже опубликованных таможенной книги Вологды 1634 г. [10] и таможенных книг Великого Устюга 1633/34 г., Тотьмы 1634/35 и 1635 г.

При подробном анализе персоналий, упоминаемых в таможенных книгах, выясняется интересная картина. Больше всего вологжан (около 380) упомянуто в таможенной книге Вологды. Это, в принципе, закономерно. Как и в других городах, у многих местных купцов торговля ограничивалась родным городом или уездом. Они являли для продажи мелким оптом товары, купленные тут же в городе, пригородных селах или в уезде. По таможенным книгам остальных городов насчитывается около 300 упоминаний вологжан. Это особая, довольно устойчивая группа. Проблема идентификации конкретных персоналий состоит в том, что в различных документах почти всех купцов могли фиксировать под разными именами – двухсоставными (имя и отчество, имя и фамильное прозвище) или трехсоставными (имя, отчество, фамилия). Например, Тихон Корягин по сообщению дозорной книги 1617 г. заложился за бояр Салтыковых [6, с. 346]. В 1627 г. он вообще не упоминается, зато упомянуты некие Бажен, Парфен и Трофим Тихоновы дети Мельниковы, а также Бажен Корягин. В 1634 г. эти же трое братьев записаны в таможенной книге Вологды как Корягины. Скорее всего, это дети Тихона Корягина, записанные в первый раз как Мельниковы (фамильное прозвище деда), но впоследствии ставшие

Корягиными (фамильное прозвище отца). В декабре 1634 г. Трофим Корягин на 160 лошадях вывозил из Великого Устюга свой товар из замерзшего по пути судна [12, с. 61]. Но даже при затрудненном подсчете общего количества купцов проявляются некоторые закономерности.

Можно выявить ряд семей, представители которых неизменно предстают на страницах таможенных книг 30-х гг. – Акишевы, Алачугины, Белоусовы, Корелины, Комаровы, Корягины, Казаковы, Лягушкины, Мериновы, Сверчковы, Оконнишниковы, Парфеньевы. По писцовой книге Вологды 1627 г. представители всех этих семей владели торговыми помещениями, но, обычно, в небольшом количестве – по 1-2 торговые единицы на семью [7]. Некоторые являли писцам купчие и данные, составленные еще на рубеже XVI – XVII вв. Небольшое число лавок, в которых крупные оптовики вряд ли могли продать все товары, привозимые ими в Вологду, свидетельствует о том, что розничная торговля в городских рядах, хотя и являлась обязательным и старинным показателем коммерческой активности, но не играла решающей роли в прибыли крупнейших семейных торговых компаний. Их основные усилия были направлены на оптовую и транзитную торговлю через сеть приказчиков и агентов. Ряд купцов специализировался на предоставлении экспедиторских услуг, доставляя товары других торговцев или выступая их агентами в других городах [4].

Яркие представители торгового общества Вологды первой трети XVII в – Иван Фокин с. Неронов, Яким Викулов, Тихон Ермолин с. Дьяков, Осип Ларионов с. Лихачев, Богдан Семен с. Неупокоев, Федор Иванов с. Непотяговский, Карп Зотиков, Зиновий Фролов, Фалелей Чернышов, Грязной Яковлев с. Воробьев также часто упоминаются в таможенных книгах. Специализацией некоторых из них были сделки, связанные с куплей-продажей стратегических товаров – пеньки, пшеницы, соли, поташа, а также промышленных товаров – сала-сырца, кожи, ткани и ремесленных изделий.

Отражением социального статуса и управленческих навыков торговых людей была их служба на земских и государственных должностях (старостами, таможенными головами и целовальниками). Например, Константин Парфеньев был таможенной головой в Великом Устюге в 1636/37 г. [13, с. 5-7]. Иван Фокин с. Неронов – земским старостой в 1640/41 г. и таможенным головой в 1662/63 г.³ Тихон Дьяков – земским старостой в 1635/36 [9, стб. 378] и 1646 гг.⁴, тамо-

³ ГАВО-2. Ф. 1260. Оп. 10. Д. 2; РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. № 9. Ч. III. Л. 70.

⁴ ГАВО-2. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 596.

женным головой в 1653/54 г. [8, с. 65]. В 1649-1650 г. Тихон Ермолин с. Дьяков «по выбору гостей и гостиной сотни торговых людей был на службе у таможенного и кабацкого збору в Архангельском городе и на Холмогорах с гостем Василием Шориным не по очереди», в результате чего он «промыслишку своего и торжишку отбыл и отдолжал большими долги» [1, с. 180].

Константин Парфеньев в середине 30-х стал, по мнению Н.Б. Голиковой членом гостиной сотни [2, с. 284]. Меркурей и Андрей Осиповы Оконнишниковы были пожалованы в гостиную сотню во второй половине XVII в. [2, с. 271; 5, с. 134-136].

Вологодские купцы – активные участники торговли в 1630-е гг., зафиксированные в таможенных книгах этого времени, выполнявшие государственные и земские службы, в большинстве случаев были представителями второго поколения купеческих семей и начали свою торговую деятельность еще в 20-е гг. Торговля для многих из них оказалась успешной и положила начало семейным кампаниям, существовавшим и в XVIII в. (Акишевы, Комаровы, Оконишниковы) Однако некоторые купцы (Яким Викулов, Осип Лихачев, Богжан Неупокоев, Фалелей Чернышев), занимавшие достаточно весомое положение в торговом обществе Вологды, после 1630-х практически не упоминаются в таможенных и писцовых книгах. Анализ таможенных книг, как опубликованных, так и тех, чья публикация еще только предстоит, поможет установить, чем, по какой цене и с кем торговали успешные семейные торговые компании, и с чем связано выбытие сравнительно успешных в свое время торговцев.

1. *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004.
2. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.
3. *Грязнов А.Л.* Документы вологодской таможни 1663 г. // Очерки феодальной России. Вып. 18. М., 2015.
4. Торговая инфраструктура Вологды и Сухоно-Двинского региона в XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2-3 февраля 2012 г. М., 2012.
5. *Гуслистова А.Н.* Торговые люди Вологды XVII века // Молодые исследователи – региону. Материалы межрегиональной научной конференции студентов и аспирантов. Вологда, 2002.
6. Дозорная книга посада Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Сафонова 1616-1617 (публ. Ю.С. Васильева) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.
7. Источники истории города Вологды и Вологодской губернии: Список с писцовой книги г. Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904.

8. Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 году Н. Суворовым. Вологда, 1912.
9. РИБ. Т. 14. СПб., 1894.
10. Таможенная книга города Вологды 1634 – 1635 гг.: Ч. 1-3. / Публ. Е.Б. Французова. М., 1984.
11. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. М.; Л., 1950.
12. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Вып. 1, М., 2013.
13. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Вып. 2. М., 2014.

УДК 94(47)

Е.Н. Наседкин¹

История одной кражи: реалии и практики выборной службы сторожей на Московском гостином дворе в конце XVIII в.

Купечество; Москва; XVIII в.; выборы; таможни; социальные практики; история повседневности.

Доклад посвящен анализу случая кражи со взломом, случившейся на Московском гостином дворе в 1777 г., в которой был обвинен один из сторожей. Охрана гостиных дворов была одной из выборных служб городского торгово-промышленного населения. О том, как избирались сторожа, и каковы были их обязанности, известно очень немного. Изучение казуса кражи дает редкую возможность прояснить некоторые аспекты службы сторожей.

Предлагаемый доклад посвящен анализу следственного дела о краже со взломом, происшедшей на Московском гостином дворе в 1777 г. В материалах этого дела сохранились сведения о малоизвестном институте сторожей гостиных дворов и таможен.

Охрана гостиных дворов была одной из выборных служб городского торгово-промышленного населения. Службы по выбору в XVIII в. охватывали большое количество государственных потребностей. Государство в порядке повинности обязывало выборных людей из купечества безвозмездно служить таможенными сборщиками, продавцами товаров, на которые распространялась казенная монополия: вином, солью и пр. Также купцы должны были исполнять полицейские обязанности и выполнять ряд других служб.

С одной стороны, процедура избрания сторожей находилась в одном ряду с выборами любых других «служителей»², с другой сто-

¹ Наседкин Егор Николаевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., ennhist@gmail.com.

роны, к кандидатам в сторожа и чернорабочие предъявлялись иные требования, чем к основному персоналу внутренних таможен³, питейных заведений и пр.

До Екатерининских преобразований 1775 г. на должности руководителей казенных учреждений – «выборных» – по закону должны были избираться самые богатые купцы. «Ларечными», замещавшими «выборных» могли становиться все те, кто имел свое небольшое дело, лавочку или промысел. В низшее звено таможенных и «кабацких» служителей – в «целовальники» определяли из членов посадской общины⁴, обретавшихся в наемной работе или занимавшихся мелочным торгом. Таким образом, зажиточность была наиважнейшим критерием отбора кандидатов, поскольку с состоятельного служителя было проще взыскать возможную недоимку. Вторым условием была грамотность – без этого невозможно было вести делопроизводство.

К материальному положению сторожей предъявлялись прямо противоположные требования. В инструкции 1742 г. приводятся следующие рекомендации: «в ратушские, таможенные, слободские сторожи и розсылщики, в воженные, дрягили, в рядовых и гостиных дворах сторожи, и в прочия подобныя тому, где обыкновенные себе доходы получать могут допускать из обеднелых граждан, чтобы те могли себе пропитание иметь, и положенную подать платить, а посторонних, опричь граждан недопускать»⁵.

Итак, согласно инструкции, чернорабочих и сторожей должны были выбирать из числа беднейших посадских тяглецов, с тем, чтобы они могли «кормиться от дел», т.е. исполнять разного вида услуги, не противоречившие закону, и получать за это вознаграждение⁶. Такие требования выдвигал закон, другое дело, как это могло реализовываться на практике?

Обстоятельства службы «выборных», «ларечных» и «целовальников» отражались в делопроизводстве и отчетности данных учреждений, в материале следствий по недоимкам и разбирательстве слу-

² В документах часто встречается термин «выборный служитель».

³ Упразднены в 1753 г.

⁴ До реформы Екатерины II 1775 г. «посадские люди» – слой городского населения, имевшего право на торговую деятельность и обязанного за это нести казенные службы.

⁵ ПСЗ. Т. XI. № 8504. С. 564.

⁶ Выборные же, ларечные и целовальники наоборот должны были быть состоятельны, получать какую-либо мзду им настрого запрещено. Срок их службы был ограничен годом, служба же сторожей и чернорабочих могла быть бессрочна.

чаев различных нарушений [2; 3]. Деятельность же низового персонала казенных заведений практически не оставила следов в источниках.

Для функционирования таможен должен был существовать целый штат «пищиков» – т.е. писарей, записывавших в книги товары под диктовку выборных и ларечных. Необходимы были также сторожа и другие чернорабочие. Подписи пищиков на страницах таможенных книг выявляла И.А. Малышева [1]. О сторожах и чернорабочих мы не знаем практически ничего, сведения о них в делопроизводстве таможен встречаются крайне редко. Материалы расследования кражи 1777 г. дают редкую возможность прояснить некоторые аспекты выборов и деятельности сторожей⁷.

Для изучаемого нами вопроса данное дело является сравнительно поздним. С 1775 г. роль казенных служб постепенно начала уменьшаться. С 1753 г. были отменены внутренние таможи, которые часто располагались на гостиных дворах. Однако, как видно из рассматриваемого дела, служба сторожей и администрирование Московского гостиного двора продолжали действовать на старой выборной основе.

Следственное дело открывается рапортом, который подал староста команды сторожей выборному Гостиного двора Василию Евреинову. В нем он изложил обстоятельства утра, когда произошла кража. Староста сообщал, что он подошел на Гостиный двор часу в седьмом утра и четверо его караульных сторожа сообщили ему, что недавно завершили обход Гостиного двора. Стоявшие на карауле докладывали, что замки и печати на всех амбарах (где хранились товары приезжих купцов) находились в целости и сохранности. Убедившись, что все нормально, староста ушел домой и вернулся часу в девятом-десятом и узнал, что у амбара армянина Осипа Яковлева сломан замок и произошла кража.

Староста пришел на место происшествия, там же собралась команда сторожей. В это время армянин Осип Яковлев занимался оценкой убытков, он заявил, что было украдено 700 руб. серебряными монетами и 8 руб. медными пятикопеечными. Кроме того, при осмотре помещения было обнаружено орудие преступления – шило. Согласно свидетельствам сторожей, дверные пробой сбиты не были. Замок нашли неповрежденным внутри амбара, а рядом с замком аккуратно лежало шило с деревянным черенком, при помощи которого его вскрыли.

⁷ РГАДА. Ф. 308. Московский магистрат и ратуша. Оп. 2. Д. 173. Л. 1–173.

Обо всех обстоятельствах староста тут же устно доложил руководителю Гостиного двора – выборному Евреинову. Выборный среагировал следующим образом. Он распорядился, чтобы староста взял шило и, пока сторожа еще не вернулись с караула, пошел домой к одному из них – Афанасию Алексееву и показал шило домашним – не признают ли инструмент своим? Вместе со старостой, видимо в качестве свидетеля, должен был пойти племянник ограбленного армянина Федор Егоров⁸.

Можно предположить, почему выборный заподозрил именно сторожа Афанасия Алексеева. В допросах сторожей сообщалось, что в шестом часу утра осмотр амбаров был проведен сторожем Ильей Никифоровым, дальше в седьмом осмотр проводил Афанасий Алексеев. Между семью и девятью сторожа хотели идти еще в один обход «для верности», но Афанасий Алексеев стал уговаривать их этого не делать, при этом причин не объяснял. Сторожа поддались на уговоры и не пошли; в результате о краже они узнали только от пострадавшего армянина. Такое поведение сторожа Алексеева, конечно, вызвало подозрения руководства. Кроме того, в своих допросах охранники вспоминали, что за несколько недель до этого подобная кража на Гостином дворе уже случалась⁹.

Староста сторожей и племянник армянина отправились на двор к подозреваемому сторожу Алексееву и застали там работника, трудившегося в хозяйстве Афанасия Алексеева. Работник опознал шило и сказал, что инструмент принадлежит возчику, обслуживавшему хозяйство Афанасия Алексеева. Возчик жил на квартире у других купцов. Староста и племянник армянина направились по новому адресу. Возчик, увидев шило, тут же стал отпираться и заявил, что это не его инструмент¹⁰.

При повторных допросах работник Афанасия Алексеева отказался от первичных показаний. Работник оказался малороссиянином, присланным в дом Алексеева на обучение. Афанасий Алексеев был посажен в колодки и просидел до 1778 г. и затем был отпущен безо всяких последствий – изменчивых показаний про шило с точки зрения членов московского магистрата¹¹ было недостаточно¹². Кроме того,

⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁹ Там же. Л. 6–10.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

¹¹ В это время московский магистрат является органом сословного суда, а не самоуправления – *Е.Н.*

¹² Там же. Л. 38.

никаких челобитных о продолжении расследования ограбленные армяне не подавали¹³.

Распутывать перипетии следствия – занятие увлекательное, однако самое важное – какие реалии службы сторожей приоткрывает данное дело. Отметим первое: в 1777 г. на Гостином дворе продолжает действовать старая выборная система. Гостиным двором продолжает заведовать выборный. Сторожей по-прежнему избирало купечество – об этом они сообщили на допросах. Охранявшие Гостиный двор в момент происшествия, по их словам, начали свою службу в 1771 – 1775 гг.

Второе, как видно из допросов, существовала система ночной охраны Гостиного двора, заключающаяся в неоднократных обходах территории. Из материалов следствия следует, что, начиная с шести до девяти часов утра, сторожа должны были совершить обход три раза.

И последнее, вспомним, что – по замыслу законодателей – на должности сторожей горожане обязаны были выбирать обедневших и разоренных, которые должны были кормиться от оказания услуг. «Портрет» подозреваемого в краже купца Афанасия Алексеева совершенно иной. У Алексеева на дворе живет ученик, присланный в работу и обучение из далекой Малороссии, у Алексеева есть персональный извозчик. Таким образом, в данной ситуации мы столкнулись с последствиями нарушения закона о выборе сторожей и чернорабочих. Определенно, когда-то ранее на должность сторожа был избран не сирий и убогий, а горожанин, обладавший вполне успешным хозяйством.

Возникает вопрос, сколь выгодным могло быть «кормление от дел» для сторожа, если на эту службу мог пойти такой человек? Может быть, должность сторожа давала какие-то неформальные преференции? Совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с «теневой» стороной экономической жизни, с практиками, которые никак не фиксируются документами. В итоге, этот частный случай заставляет задуматься, какой значительный пласт жизненных реалий прошлого и взаимоотношений между людьми ускользает от внимания ученых и не учитывается в процессе исследований.

1. *Мальшева И.А.* Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

¹³ Если бы они ее подали, то они должны были бы оплачивать кормление колодника.

2. *Наседкин Е.Н.* Источники и методики их изучения по истории казенных служб московского купечества в 20-е – 30-е гг. XVIII в. // Русь, Россия: средневековье и Новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы конференции. М., 2009.
3. *Наседкин Е.Н.* Казенные службы московского купечества в 20-30-е гг. XVIII в.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2011.

УДК 94(47).06

А.Р. Мустафин¹

К вопросу об оценке итогов деятельности комиссии

Д.М. Голицына о подати²

Комиссия Д.М. Голицына; подушная подать; проекты реформ; экстракт; налоговое бремя.

В статье анализируются итоги деятельности комиссии Д.М. Голицына. Показано, что результаты деятельности соотносятся с поставленными перед комиссией задачами, а также не противоречившими им предложениями Д.М. Голицына.

Комиссии Д.М. Голицына (1727-1730 гг.) предстояло провести колоссальную работу по сбору и обобщению данных о финансовом положении России в 1720-х гг., на основе которых ей было поручено решить вопрос о реформировании подушной системы налогообложения. Однако большая часть дел комиссии и личный архив Д.М. Голицына сгорели во время пожара в Москве в 1737 г [7, с. 23, 162-169]. В связи с этим историкам приходилось работать с достаточно ограниченным материалом, чтобы оценить результаты деятельности комиссии Д.М. Голицына. Обнаруженные же к настоящему времени некоторые материалы комиссии позволяют пересмотреть и уточнить устоявшиеся оценки в историографии.

Оценка итогов деятельности комиссии зависит не только от имеющихся источников, но и от выбранных критериев. Оценить деятельность можно, проанализировав выполнение поставленных целей и задач. В данном случае необходимо выяснить был ли собран необходимый статистический материал, и составлен ли был на его основе соответствующий итоговый проект? В историографии продолжитель-

¹ Мустафин Артур Рашидович, Казанский (Приволжский) федеральный университет (РФ, Казань), асп., art-staf@yandex.ru.

² Статья создавалась в период работы в статусе приглашенного исследователя Центра гуманитарных исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по программе «Карамзинские стипендии 2015 г.», поддержанной Фондом Михаила Прохорова.

ное время считалось, что итогового документа Комиссии Д.М. Голицына не сохранилось. И это предопределило то, что за комиссией закрепились негативные оценки ее деятельности [8; 9]. Итоговый документ «Экстракт подлинной»³ оказался вовлеченным в научный оборот и впервые идентифицированным как документ Комиссии о подати только в диссертационном исследовании Е.В. Анисимова [1], так же использовался им в монографии «Податная реформа Петра I» [2]. Однако имеются и поздние исследования [5; 6], авторы которых ссылаются только на более раннее исследование Е.В. Анисимова [3]. В связи с этим, «Экстракт» нередко остается незамеченным.

Анализ полноты и достоверности собранного комиссией статистического материала требует специального исследования. Однако представленный материал показывает, что поставленные перед комиссией задачи в целом были выполнены. Возникновение Комиссии Д.М. Голицына связано с пересмотром фискальной политики правительства после смерти Петра I. Члены Верховного Тайного Совета, Сената, Военной коллегии на протяжении 1725-1727 гг. представляли различные мнения, проекты. В этих дискуссиях Д.М. Голицын предложил учредить специальную комиссию⁴. Согласно указу от 21 марта 1727 г., комиссия должна была определить целесообразность: сохранения существовавшей системы обложения «душ», реформирования ее «по примеру других Государств» (обложение только работоспособного мужского населения от 10 до 60 лет) или замены ее подворной или поземельной системой налогообложения⁵. Итоговый документ был представлен комиссией в декабре 1729 г. В экстракте содержатся статистические данные, в целом отражающие своеобразную статистическую программу «13 пунктов»⁶, на основе которой комиссия запрашивала у Камер-коллегии и местных канцелярий сведения. В «Экстракте» содержится итоговый проект, в котором предлагались варианты сбавки подушной подати.

Также можно оценить деятельность комиссии выяснив, имели ли итоги деятельности комиссии влияние на процесс дальнейшего реформирования управления государственными финансами? Проект не приобрел законодательную силу. Возможно сложившаяся в начале 1730-х гг. политическая обстановка этому не способствовала. Однако

³ РГВИА. Ф. 23. Д. 843.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 33. Л. 195–198.

⁵ ПСЗ. № 5043.

⁶ РГАДА. Ф. 273. Д. 286 786.

уже в марте 1730 г. вернулись к обсуждению проекта комиссии⁷. Также в 1736 г. статистические материалы комиссии использовались в политических дискуссиях⁸.

Оценить деятельность комиссии о подати представляется полезным, сравнив результаты ее деятельности с намерениями ее руководителя. Оценка деятельности комиссии, согласно которой она создавала иллюзию деятельности, затягивала решение радикальных решений [4, с. 104-105], представляется не убедительной. Хотя комиссия не завершила свою деятельность к поставленным перед ней первоначально срокам, однако у нас нет источников, на основе которых можно объяснить данную ситуацию влиянием исключительно субъективных факторов или свидетельствующих о скрываемых намерениях Д.М. Голицына. В представленном же 29 декабря 1726 г. мнении Д.М. Голицын высказывался за облегчение крестьянского налогового бремени, а не за сохранения статуса-кво⁹. И в марте 1730 г. Д.М. Голицын добивался реализации итогового проекта комиссии, в котором предлагалось снижение подушной подати. Представленный в экстракте статистический материал, показывал рост налогового бремени в 1720-х гг, в связи с введением подушной подати. Это и обосновывало в документе необходимость реформирования финансовой системы. Таким образом, деятельность Д.М. Голицына не соотносится с якобы возможными его интересами за сохранение статуса-кво.

Идеи, содержащиеся в представленном Д.М. Голицыным мнении, отразились на результатах деятельности комиссии. Мнение Д.М. Голицына отличалось от предложений других верховников тем, что он не высказался конкретно о мерах необходимых к облегчению положения крестьян. Д.М. Голицын настаивал на том, что первоначально необходимо выяснить, насколько изменилось налоговое бремя на крестьян с введением подушной подати. «Из того видеть можно, что с них ныне сложит довлеет»¹⁰. Для компенсации сокращения поступлений подушных сборов Д.М. Голицын предлагал ряд мер, среди которых можно выделить предложение усиления мер по сбору недоимок, поиск «похищения во всяких зборех». А для этого, согласно Д.М. Голицыну, необходимо было «учинить нарочное рассмотрение генерально все в государстве приходы и росходы»¹¹.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899. Л. 25 об.–27 об.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1617. Л. 1–8 об.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 33. Л. 195–198.

¹⁰ Там же. Л. 198.

¹¹ Там же. Л. 198 об.

Соответственно, и в самом Экстракте мы находим реализацию подходов, предложенных Д.М. Голицыным. В экстракте имеется сравнение данных налогового бремени крестьян в связи с введением подушной подати. Согласно проекту подушная подать для государственных крестьян оставалась равной 70 коп. с души, а также с них уплачивался и четырехгривенный сбор. Предлагалось снизить налоговую ставку для синодальных и монастырских крестьян до 60 коп. с души. Также рассматривались три варианта снижения подати с дворцовых и помещичьих крестьян: до 50, 45, 40 коп. Для каждого варианта проекта были подсчитаны образовавшиеся в результате сокращения ставок дефициты в бюджете, которые предполагалось компенсировать за счет «остаточных за расходами» различных ведомств денег¹².

Итоговый проект комиссии Д.М. Голицына не был реализован. Однако результаты деятельности соотносятся с поставленными перед комиссией задачами, а также не противоречившими им предложениями самого Д.М. Голицына. Значение Комиссии Д.М. Голицына о подати в том, что ей предстояло обобщить колоссальный материал I ревизии и генеральского свидетельства. Работа Комиссии – это первая попытка сравнения налогового бремени подворной подати и подушной подати. Немаловажным представляется то, что Комиссия Д.М. Голицына решила целесообразным оставить нетронутым основные принципы подушной системы налогообложения.

1. *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного тайного совета (1726 – 1730 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
2. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719-1728 гг. Л., 1982.
3. *Анисимов Е.В.* Материалы Комиссии Д.М. Голицына о подати (1727–1730) // Исторические записки. М., 1973. Т. 91.
4. *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994.
5. *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003.
6. *Шанский Д.Н.* К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е – 60-е годы) // Государственные учреждения в России XVI – XVIII вв. М., 1991.
7. *Седов С.А.* Д.М. Голицын (1663-1737 гг.): Государственная и общественно-политическая деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
8. *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма XVIII века. М., 1966.
9. *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

¹² РГВИА. Ф. 23. Д. 843. Л. 30–31.

Проблема недоимок в царствование Анны Иоанновны: конфискация имущества как новая практика фиска²

Недоимка; конфискация имущества; фискальная политика; Канцелярия Конфискации.

Статья посвящена проблеме недоимок в 1730-х гг. Центральным положением представляется переход государства к экономическим методам осуществления фискальной политики, основывавшейся на имущественных взысканиях, что было связано с изменением понятия «государственного интереса» и внедрением в правовую систему компенсаторного стиля социального контроля.

При сборе с различных категорий населения налогов, от оброчных статей до подушных денег, перед государством неизменно возникала проблема недоимок, сумма которых возрастала от одного правительства к другому. Известно, что в начале царствования Анны Иоанновны эта проблема обозначилась особенно остро. Наряду с общим негативным отношением в «верхах» к петровским преобразованиям в целом [3, с. 265], в правительственной риторике отмечался полный крах фискальной системы предшествующих царствований [4, с. 7-8]. Рост негативных оценок в отношении сложившейся финансовой ситуации наглядно демонстрирует состояние законодательства (см. табл. 1). Применительно к периоду 1730-х гг. можно видеть резкое увеличение числа указов о недоимках. Однако, вопреки сложившемуся мнению, говорить о том, что правительство интересовали исключительно недоимки по подушной, не приходится [6, с. 81].

Таблица 1.
Динамика издания законодательных актов о недоимках с 1649 по 1762 г.

Номер тома ПСЗ	Годы	Общее число указов	О недоимках по подушной	О прочих сборах
1	2	3	4	5
I	1649-1675	2	-	2
II	1676-1688	13	-	13

¹ Пермякова Алёна Николаевна, СПБНИИ РАН, Европейский Университет (РФ, Санкт-Петербург), асп., apermakova@eu.spb.ru.

² Материалы для статьи были подготовлены в рамках проекта «Анатомия финансовой системы: налоги, бюджет и информация в России раннего Нового времени», «Карамзинская стипендия – 2014», при поддержке Фонда Михаила Прохорова.

III	1689-1699	7	-	7
IV	1700-1712	12	-	12
V	1713-1719	10	-	10
VI	1720-1722	6	-	6
VII	1723-1727	14	5	9
VIII	1728-1732	31	5 (13)*	18 (26)*
IX	1733-1736	21	2 (7)*	12 (19)*
X	1737-1739	31	7 (10)*	21 (24)*
XI	1740-1743	10	1 (2)*	8 (9)*
XII	1744-1748	4	4	-
XIII	1749-1753	1	1	-
XIV	1754-1757	3	1 (2)*	1 (2)*
XV	1758-1762	5	1	4

Составлено по: ПСЗ–I. Т.1–15³.

Напротив, среди указов 1730-х гг. особенно выделяется обеспокоенность правительства недоимками по прочим казенным сборам. Это вовсе не означает, что проблема недоимок по подушной подати в царствование Анны Иоанновны уходит на второй план. Скорее здесь нужно говорить о законодательном переосмыслении данной проблемы правительством, которое предпочитало регламентировать и регулировать сбор недоимок по подушной отдельными указами, содержательный анализ которых позволяет говорить об ужесточении наказания как для самих неплательщиков, так и ответственных за сбор подати помещиков и чиновников, вплоть до арестов и конфискации имений.

В то время как «запущенные прошлыми правительствами доимки», по оброчным статьям, таможенным, кабацким и канцелярским сборам, а также штрафам, введенных Петром I в отношении нерадивых чиновников, стали восприниматься правительством как некий дополнительный ресурс, недополученный доход от которого мог бы решить проблемы казны. В виду чего одной из главных целей правления Анны Иоанновны стало взыскание «доимок», что воспринималось как панацея от всех финансовых «бед». Таким образом, идея сбора недоимок в 1730-х гг. становится «финансовой программой» всего царствования, а непрестанно публиковавшиеся в «народ» указы должны были продемонстрировать обществу данный правительственный

³ *числа взятые в скобки для 4-го столбца обозначают общее количество указов, среди прочего регулирующих недоимки по подушному сбору; для 5-го – включающие нормы о других доимках и сборах. Так, для Т. VIII таких общих указов, где говорится как о недоимках по подушной, так и прочих сборах, восемь, для Т. IX – семь, Т. X – три, Т. XI – один, Т. XIV – один.

курс.

В подобных обстоятельствах в правительственных кругах активно развивается идея государственных интересов (reason of state), которая «отдает приоритет всему, что может усилить государство и его власть, а значит, может вмешиваться в привычки и поведение субъектов, управлять ими для достижения своей цели» [2, с. 86]. Так, в соответствии со своими интересами, государство считало возможным конфисковать собственность своих подданных по различным причинам: «за вины», «доимки» или «долги». Создание же на рубеже 30-х гг. XVIII в. новых центральных учреждений: доимочных комиссий под дирекцией Сената⁴, Доимочной канцелярии⁵ и одноименного приказа⁶, Канцелярии конфискации и ее конторы⁷, можно считать особой тенденцией, отвечающей как принципам камерализма, так и основам «государственного интереса», во имя которого эти институты должны были работать как отлаженный механизм, наделенный особой инструкцией и квалифицированными служащими. «Доимочный правед» был главной задачей этих учреждений, которые обращали свою деятельность непосредственно на имущество должников, а конфискация имущества «за доимки» и долги становится главной фискальной практикой данных институций⁸.

В Инструкции Канцелярии конфискации⁹ основное внимание уделялось принципам отписки имущества, так, чтобы она могла производиться на местах без непосредственного участия служащих самой Канцелярии. Документ пошагово разъяснял процесс конфискации от описи движимого и недвижимого имущества, его последующей оценке и транспортировке (это касалось движимых пожитков, за которые рассчитывали выручить лучшую цену в Москве), публикации о продаже и, наконец, самих аукционных торгах. Инструкция Канцелярии конфискации в своем роде была документом уникальным. Благодаря универсальности механизмов в ней заложенных, ее применение распространялось на все уровни государственного администрирующего аппарата, начиная с самой Канцелярии конфискации, как институции контролирующей, и заканчивая уездными канцелярскими служащими, которым предстояло заниматься непосредственной отпиской

⁴ ПСЗ. Т. X. № 7676, № 7779, № 7732, № 7832.

⁵ Там же. Т. VII. № 5017.

⁶ Там же. Т. IX. № 6412.

⁷ Там же. Т. VIII. № 5414, № 5652; Т. IX. № 6322.

⁸ Предшествующее законодательство запрещало продажу дворов за недоимку. ПСЗ. Т. II. № 801.

⁹ ПСЗ. Т. VIII. № 5601.

конфискованного имущества, либо же ссылаясь на нормы в ней заложенные, так или иначе, понуждать должников к уплате недоимки. Главным образом, отписке подлежало именно движимое имущество, с продажи которого государство рассчитывало покрыть недоимку. В том случае если его было недостаточно, под конфискацию попадали городские дворы, лавки, заводы и, в крайнем случае, «деревнишки». Интересно, что, например, при наложении штрафа на конкретного чиновника, перед отпиской его имения штраф за него могли предложить заплатить населяющим его владения крестьянам¹⁰. Точно также, как и недоимки по подушной могли быть взысканы с самого помещика, либо управителей, если речь шла о дворцовых вотчинах¹¹. Несмотря на то, что ни Доимочный приказ, ни Канцелярия конфискации не были наделены правом сбора недоимок по подушной, при распространении принципа конфискации имущества на эту категорию доимок в 1735 г.¹², власти указывали на необходимость коронным агентам при отписке имений руководствоваться правилами, изложенными в Инструкции Канцелярии конфискации. В 1739 г. данный принцип материальной ответственности помещиков за недоимки своих крестьян был вновь подтвержден особым указом, где отдельно оговаривалась необходимость сперва «собрать движимое... когда движимого имения в уплату не достанет, тогда брать и недвижимое»¹³.

Тем не менее, данная мера конфискации недвижимого имущества за «доимки» и «долги», воспринималась правительством как крайняя, во многом даже чрезвычайная и способная привести подданных к полнейшему разорению. В то же время управление дворцовыми землями нельзя было назвать бездоимочным. Установлено, что недоимки по подушной в дворцовых волостях в первые 30 лет после введения подушной подати, значительно превосходили по этому показателю помещичьи деревни [5, с. 40]. В виду чего приписка конфискованных имений к дворцовым волостям на вряд ли позволила бы устранить запущенную доимку. Возможно, именно поэтому государство не стремилось взять под свой контроль и отписать те поместья, где фиксировалась недоимка по подушной подати. В фондах Канцелярии конфискации и Сената не было выявлено дел, где бы имеющаяся недоимка по подушной выступала бы в качестве основной причины конфискации дворянского имения, скорее угрозу конфискации исполь-

¹⁰ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1000.

¹¹ ПСЗ. Т. IX. № 6675.

¹² Там же. № 6675, п. 3.

¹³ ПСЗ. Т. X. № 7732, п. 6.

зовали для стимулирования нерадивых помещиков¹⁴. В декабре 1752 г. Елизаветой Петровной и вовсе был объявлен «Всемилоостивейший Манифест» о прощении недоимок подушного сбора с 1724 по 1747 г. и возвращении всех «отписанных за подушную доимку... движимых и недвижимых имений», если они не были пожалованы или проданы Канцелярией конфискации¹⁵. В связи с чем в 1753 г. в Канцелярии конфискации началась ревизия всех «вступивших» из губерний и провинций ведомостей «отписным, выморочным и конфискованным имениям» на предмет отписки имений за недоимки по подушной¹⁶. Однако, как уже отмечалось, на основе материалов Канцелярии конфискации, такие случаи выявить не удалось.

Таким образом, нужно отметить, что особенностью царствования Анны Иоанновны в сравнении с ее предшественниками стала попытка институционального решения проблемы недоимок, что иными словами выражалось в появлении новых центральных учреждений призванных обеспечить эффективный сбор накопившейся «доимки». Для чего правительство стало активно использовать конфискацию как движимого, так и недвижимого имущества за казенные долги. Что, в соответствии с представлениями о «государственном интересе» можно определить как переход государства от карательного стиля социального контроля к компенсаторному. Тем самым, государство, в отношении которого не было исполнено некое обязательство (уплата налога, выполнение должностных обязанностей, несение повинностей и прочее), стало требовать уплаты долга, где для получения компенсации обращение, главным образом, стало направляться на имущество должника [1]. С изменением принципа решения проблемы – постепенного отказа от физического воздействия на должника (тюремного заключения, ссылки на галеры или каторгу), более распространенными становятся случаи конфискации его движимого, и реже недвижимого имущества.

1. *Black D.* The Behavior of Law, Bingley: Emerald, 1980.
2. *Rose Nikolas, O'Malley Pat, Valverde Mariana.* Governmentality. Annual Review of Law and Social Science. Vol. 2. 2006.
3. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982.
4. *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М., 1913.

¹⁴ПСЗ. Т. XII. № 8934.

¹⁵ Там же. Т. XIII. № 10 061.

¹⁶РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1658.

5. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.
6. *Корчмина Е.* «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // *Российская история.* 2013. № 5.

УДК 94(47).072

Е.С. Корчмина, И.Б. Воскобойников¹

Могло ли измельчание помещичьих хозяйств в конце XVIII – начале XIX вв. сделать их более производительными?²

Экономическая история XIX в.; доход помещика; кризис крепостной системы; Рязанская губерния.

В работе на впервые вводимом в научный оборот массиве данных показано, что доход помещика, приходящийся на одну душу, рос по мере уменьшения размеров поместья. Более того, при прочих равных условиях производительность крепостных в хозяйствах с двумя и тремя поместьями была выше, чем в однопоместных хозяйствах.

Вопрос о глубине кризиса, в котором находилась крепостная система хозяйствования в канун отмены крепостного права, является дискуссионным. Оценивая такие кризисные явления как падение доходности помещичьих имений [10, с. 133-135] и снижение крестьянского благосостояния исследователи приходят к прямо противоположным точкам зрения.

Современники великих реформ, убежденные в неэффективности крепостной системы труда [15, с. 11], большинство советских [13, с. 40-84] и часть западных историков [7; 3, с. 96-101] делали акцент на экономическом кризисе крепостнической системы.

В рамках противоположной точки зрения, заложенной в трудах П.Б. Струве, подчеркивается экономическая эффективность системы крепостного хозяйствования, в том числе и накануне 1861 г. [14]. Начиная с 1970-х гг. часть западных исследователей приводят свидетельства в пользу именно его идей [8; 4; 6; 2].

В качестве одного из проявлений ухудшения экономического состояния помещичьих имений советские историки указывали на

¹ Корчмина Елена Сергеевна, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), к.и.н., ekorchmina@hse.ru; Воскобойников Илья Борисович, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), PhD, ivoskoboynikov@hse.ru.

² Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований 2014-2015 НИУ ВШЭ. Авторы благодарят сотрудников Государственного архива Рязанской области за помощь и содействие в процессе работы.

измельчание помещичьих хозяйств. Таким образом, косвенно делалась попытка обосновать и оправдать создание крупных колхозных хозяйств в период коллективизации в конце 1920-х – 1930-е гг. В крупном хозяйстве, по их мнению, затраты труда и капитала на единицу выпуска ниже из-за возможностей использования более совершенных технологий с элементами массового производства. Однако можно указать и на другой механизм, связанный с перераспределением рабочей силы. Владелец нескольких поместий может быстро перераспределять рабочую силу между поместьями для обеспечения максимальной производительности с учетом погодных условий, вида деятельности поместья (например, вид выращиваемой сельскохозяйственной культуры), а также трудозатрат на конкретной стадии цикла сельскохозяйственного производства. В свою очередь, возможности подобного маневра для владельца одного поместья крайне ограничены. С этой точки зрения измельчание помещичьих хозяйств, под которым мы понимаем увеличение доли хозяйств с небольшим числом душ, не исключало рост производительности.

В работе на материалах выборов в дворянское самоуправление Рязанской губернии 1827 г., впервые вводимых в научный оборот, показано, что доход помещика, приходящийся на одну душу (наша мера производительности), рос по мере уменьшения размеров поместья. Более того, при прочих равных условиях производительность крепостных в хозяйствах с двумя и тремя поместьями была выше, чем в однопоместных хозяйствах.

Анализ построен на понятии «годовой рублевый доход от поместья», который мы считаем эквивалентным «рублевому земледельческому доходу». Реконструкции годового рублевого дохода дворянского поместья препятствует несколько объективных обстоятельств: российские дворяне, в отличие от европейских, не часто оперировали этой категорией, финансовая документация не всегда содержалась в идеальном порядке [1] и хорошо сохранялась.

Но «рублевый доход» является одним из ключевых понятий и для оценки доходности имений, и для определения уровня благосостояния дворянства, поэтому историки его вычисляли. Он традиционно рассчитывался для отдельных поместий дворянской элиты [см. 9, с. 127-136] и для российского дворянства, в целом, опираясь на данные о числе душ и средние размеры оброка [см. 5]. В первом случае, выводы сделаны на хорошей источниковой базе, но для слишком узкой группы дворянской верхушки, поэтому необоснованно использовать полученные результаты для оценки дохода с имений основной небо-

гатовой массы российского дворянства. Во втором случае расчеты содержат слишком много погрешностей и неточностей [11, с. 59]. Мы используем известный источник, который не использовался для оценки доходности имений, – это списки прибывших на выборы дворян.

За день до начала выборов составлялись поуездные списки прибывших дворян, в которых указывались основные сведения о дворянине, и в том числе количество душ и сумма годового дохода в рублях. Привлекательный источник обладает рядом неоспоримых преимуществ. Во-первых, число душ указывалось по всем поместьям, которыми владел дворянин на всей территории Российской империи, а не только на территории одной губернии. Во-вторых, указывалось, кому именно принадлежит то или иное поместье. В-третьих, данные собирались со слов дворянина, и эта информация ни на что не влияла, есть основания считать ее достоверной. Проверки данных по отдельным имениям показали, что в целом, наше предположение о достоверности верно. Собранные данные позволили сформировать базу данных пригодную для обработки статистическими методами.

Указанный в источнике рублевый доход, на наш взгляд, стоит интерпретировать как доход именно от вотчин, поскольку это следует из контекста ст. 62 Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Указанный в списках рублевый доход, как правило, был кратен 100, это свидетельствует, что это были приблизительные расчетные цифры ежегодного дохода с поместий.

Наши данные о «годовом рублевом доходе» относятся к разным группам дворян, проживавших на территории Рязанской губернии и принимавших участие в выборах 1827 г., когда на выборы в Рязань приехало 393 человека. Репрезентативность выборки нашей базы продемонстрирована в Таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление числа рязанских дворян, принимавших участие в выборах 1827 г., и рязанских помещиков

Число душ	1827 г. ³		1815 г. [12]		1857 г. [12]	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
До 20	365	47.03	4777	73.84	2736	50
От 21 до 100	206	26.54	940	14.52	1655	30
От 101 до 500	178	22.93	642	9.92	930	17
От 501 до 1000	23	2.96	72	1.11	113	2
Свыше 1000	4	0.51	40	0.61	56	1
ВСЕГО	776	100	6471	100	5490	100

³ Государственный архив Рязанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 546. Дело о выборах 1826 г.

Наши данные охватывают чуть более 12 % от общей численности помещиков 1815 г. и около 15 % от 1857 г., важно, что структура выборки близка к структуре рязанского дворянства.

Таблица 2. Распределение дворян по доходам в 1827 г.

Годовой доход (руб)	Число помещиков	Средний доход(руб.)	Стандартное отклонение(руб.)	Среднее число душ
До 100	14	87	22	4
От 101 до 500	405	326	132	21
От 501 до 1000	106	878	158	48
От 1001 до 5000	197	2 750	1 075	165
Более 5000	54	13 111	8 355	249
ВСЕГО	776	1 902	3 939	135

Распределение помещиков по доходам, числу поместий и числу душ в выборке было крайне неоднородным. Как следует из Таблицы 2, средний годовой доход по выборке составлял чуть более 1900 руб. при том, что разброс дохода, представляющий собой стандартное отклонение, был в два раза больше. Наиболее представительными по численности являются группы помещиков с доходами от 101 до 500 и от 1001 до 5000 руб. Эти две группы включают в себя в сумме 602 человека, или почти 78 % от общей численности в выборке. К первой группе относятся сравнительно небогатые помещики со средним числом чуть более 20 душ, тогда как доход второй группы – состоятельных помещиков – составил 2750 руб. при среднем числе душ 165. Богатых помещиков с доходом свыше 5 тыс. руб. в выборке сравнительно мало – чуть менее 7 % от общей численности. При этом их доход почти в семь раз выше среднего по выборке, тогда как среднее число душ самых богатых превышает среднее по всей выборке лишь на 84 %. Таким образом, если предположить, что доход помещиков полностью определялся работой крепостных в имениях, то каждый крепостной приносил состоятельным владельцам больше, чем бедным.

Таблица 3. Распределение дворян по числу душ в 1827 г.

Число душ	Число помещиков	Средний доход (руб.)	Стандартное отклонение (руб.)	Среднее число душ	Средний доход на одну душу
До 20	365	339	211	9	37.6
От 21 до 100	206	1 117	813	51	21.9
От 101 до 500	178	3 876	3 121	210	18.45
От 501 до	23	14 391	9 675	806	17.85

1000					
Свыше 1000	4	25 250	14 268	3 713	6.08
ВСЕГО	776	1 902	3 939	135	14.08

Как менялась производительность крестьянина⁴, измеряемая доходом, который он приносил своему помещику? Данные показывают, что чем больше размер хозяйства, тем ниже производительность одного крестьянина. В отличие от распределения помещиков по доходам, распределение по количеству душ монотонное без пиков. Самая многочисленная группа – самая бедная. Помещики, владеющие менее, чем 20 душами, составляют почти половину выборки, тогда как их средний доход не дотягивает до одной пятой от среднего по выборке. Среднее число крепостных у таких помещиков – 9, что в 15 раз меньше среднего числа крепостных по выборке. В то же время, интересно отметить, что разрыв в доходах меньше, чем разрыв в количестве душ, что может говорить о более высокой производительности или более жесткой эксплуатации крестьян мелкопоместными дворянами. Подобный же эффект, хотя и в меньшем масштабе наблюдается и со второй по численности группой помещиков – владельцев 21-100 душ. В группе владельцев 101-500 душ средний доход по группе также превышает средний по выборке в 7,5 раз, тогда как среднее количество душ – почти в 6 раз, что соответствует тенденции для более бедных групп. Наконец, в крупных хозяйствах картина обратная: количество душ превосходит среднее почти 28 раз, а доход – лишь в 13. Другими словами, производительность крестьян у крупных помещиков значительно ниже, чем в среднем по группе.

Таблица 4. Распределение помещиков по числу поместий в 1827 г.

Число поместий	Число помещиков	Средний доход (руб.)	Среднее число душ	Среднее кол-во душ на одно поместье	Доход на одну душу (руб)
1	528	1 722	90	90	19.13
2	166	2 009	127	63	15.81
3	43	3 400	176	59	19.31
4	12	2 333	362	91	6.44
5	16	3 594	1 458	292	2.46
ВСЕГО	776	1 902	135	88	14.08

Ключевым для ответа на вопрос о влиянии числа поместий на

⁴ Здесь и ниже разницей между количеством крепостных и количеством душ мы пренебрегаем, считая, что количество крепостных равно количеству душ. В реальности это, разумеется, не так.

производительность является распределение численности помещиков, доходов и количества душ по числу поместий. Оно представлено в Таблице 4. Около 70 % всех помещиков в выборке – однопоместные со средним количеством душ, равным 90. Наряду с двумя другими группами – двухпоместными и трехпоместными хозяйствами – охвачены 95 % выборки. Производительность крестьян в двухпоместных хозяйствах падает по сравнению с однопоместными с 19 до 16 руб. на душу, что расходится с ожиданиями роста производительности при разукрупнении поместья. Видимо, в этом накладываются два эффекта: усиленная эксплуатация в мелких поместьях и более эффективное распределение между поместьями, которые могут быть разрешены только с применением более тонкого эконометрического анализа. Переход к следующей группе дает повышение производительности до уровня 19,3 рублей – несколько выше, чем в случае однопоместных хозяйств.

Таким образом, можно сделать два вывода. Во-первых, разукрупнение помещичьих хозяйств могло вести к существенному повышению производительности крепостных крестьян и, как следствие, к росту доходов помещиков. Во-вторых, важным показателем благосостояния помещика наряду с количеством крепостных является число поместий. При прочих равных условиях и с учетом наличия определенного минимума крепостных, большее число поместий могло обеспечить помещику больший доход за счет возможности более эффективного распределения рабочей силы между поместьями. О последнем косвенно свидетельствуют результаты С. Черникова, который показывает, как влияла на доходность имений населенность крестьянского двора [16].

1. *Confino M.* Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle: Étude de structures agraires et de mentalités économiques. Paris, 1963.
2. *Domar E.D., Machina M.J.* On the profitability of Russian serfdom // Journal of economic history. 1984. № 4.
3. *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge; Massachusetts, 1976.
4. *Hoch St.L., Augustine W.A.* The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia // Slavic Review. 1979. Vol. 38. № 3.
5. *Kahan A.* The Costs of “Westernization” in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 1.
6. *Melton E.* Proto-Industrialization, Serf Agriculture and Agrarian Social Structure: Two Estates in Nineteenth-Century Russia // Past & Present. 1987. № 115.
7. *Robinson G.T.* Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1932.
8. *Stanziani A.* Russian serfdom: a reappraisal // Ab Imperio. 2014. № 2.

9. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. К истории кризиса феодально-крепостной системы хозяйства. М., 1959.
10. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967.
11. Ливен Д. Аристократия в Европе 185-1914 г. СПб., 2000.
12. Морозан В.В. Кризис дворянского землевладения в XIX веке // Российское дворянство в XIX – начале XX вв. Материалы научного семинара 3 – 5 сентября 2009 г. Рязань, 2009.
13. Покровский М.Н. Русская история. М., 1934. Т. 4.
14. Струве П.Б. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913.
15. Христофоров И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.): автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2013.
16. Черников С. Населенность крестьянского двора как фактор доходности имения и тягоспособности крестьян (по материалам переписей 1730-х гг). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2483727>

УДК 94(47).073

В.П. Пушков¹

**«Отказная книга» 1791 г. на Пермские вотчины графа
А.С. Строганова как источник по истории крестьянства
Верхокамья второй половины XVIII в.**

Историческая география; формы землепользования; крестьянство.

Отказная книга 1791 г. дает уникальную, отличающуюся высокой достоверностью и полнотой информацию по исторической географии и демографии и всем формам крестьянского землепользования в Верхокамье – уникальном историческом районе проживания старообрядцев на Урале.

По своему официальному статусу и предназначению (юридической передачи всех видов имущества от одного владельца к другому) документы типа отказных книг отличаются максимальной полнотой и достоверностью. Исследовательский потенциал объемной «Отказной книги» 1791 г. на движимое и недвижимое имущество огромного Пермского имения графа А.С. Строганова в «бывшей Обвинской округе» Пермского наместничества раскроем на примере района Верхокамья, представленного в документе тремя «ведомствами»: села Карагайского, Очерского завода (помимо самого предприятия в него входили Лысвенские и Путинские деревни) и ведомством Сепычевских

¹ Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н, pushkov@wwcom.ru.

деревень². В итогах по каждому «ведомству» информация по состоянию на 1782 г. дается в следующей последовательности: земские мирские избы и хлебные амбары, общее количество крестьянских дворов, их мужское и женское население; отдельно по полам количество бежавших «и по ныне не явившихся»; количество и местоположение колесных «господских мельниц» (имение было полностью оброчным, на этих мельницах мололи оброчный хлеб), «рыбные ловели». Для хозяйственной характеристики Верхокамья важны данные о размерах «крестьянской пашенной земли», «под домовым строением и усадебной земли», «скотских выпусков с мелким лесом в логах и перелогах», «сенных луговых, гаревых и дубровных покосов», «да разного названия логов, годных и не годных по причине, в разных местах состоящих покосов».

В 1782 г. село Карагайское располагало четырьмя мельницами, а у каждой из групп деревень было по одной мельнице и по одной «мирской земской съезжей избе». Карагайские «господские колесчатые мельницы» все были «о двух станах» и имели при себе по одной мельничной избе и стояли «на речке Нее при деревне Черной» (Ниинская мельница), на р. Веже при д. Усть-Вежинской, Средневежинская и Верхневежинская при д. Карповой. Жители Лысьвенских поселков мололи хлеба на Усть-Лысвенской трехстанвой мельнице, устроенной в одноименной деревне при впадении этой реки в Обву. Путинцы также пользовались аналогичной Усть-Сепычевской мельницей при одноименной деревне на р. Лысве, а сепычевцы – двустановой Верх-Сепычевской, стоящей на р. Сепыч «против деревни Габовской» (Л. 281, 281 об., 326). «Рыбные ловли по реке Обве» разрешались «разстояния горами 27 верст» от речки Ширьянки «до межевого отдельного столба» со впадающими в Обву с обеих сторон малыми реками. Рыбу ловили также в озерах Круглое, Вошкуренное, Высеннике, Карповное, Курья, Курбыш и Кафтанное (Л. 281). В Сепычевских деревнях «под домами и усадебным строением» 155 дворов в 20 селениях занимали 62,75 дес., имели 681,625 дес. пашни и 607,875 дес. сенных покосов, «чертежей и скотских выпусков с мелким лесом в логах и перелогах примерно 816,5 дес.», а также «разного названия лесов, годных и негодных на строение, в разных местах состоящих примерно на 214

² См.: РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 2. Д. 3507 (далее сноски на документ даются в основном тексте в круглых скобках). Книга содержит также сведения по «ведомствам» сел Ильинского, Слудского, Богородского, Васильевского и Сретенского. См. также наши статьи по истории Верхокамья второй половины XVIII в.: [2; 3; 4].

верст» (Л. 326).

Большой интерес представляет расположение поселков по разным типам гидронимов, что позволяет получить новую информацию о влиянии природного ландшафта на формы и направление расселения и освоения целинных земель. Поселения возникали «при речках/ключках/ключевых проточинах/озерах» и различных их комбинациях, но еще не было селений «при колодцах», что говорит о доступности природных источников воды. Чаще всего (95 случаев) селились вдоль («по течению») малых рек, в том числе 37 раз «по обоим сторонам», 30 – «по правой» и 27 – «по левой стороне». В Лысвенских же и Сепычевских деревнях чаще жили «по течению по левой стороне» (14 раз) при 7 правобережных и 3 двусторонних селениях. Если по Карагаю разница между привязкой поселков к речкам и ключам составляет 2,5 раза (соответственно 49 и 19), то по Лысвенским и Сепычевским деревням такого различия практически нет (соответственно 24/22 и 11/9 населенных пунктов). Только в Путинских деревнях 6 раз встретились поселки «при ключевых проточинах», представляющих собой разлившиеся ручьи (ключи) на низменных заболоченных участках местности (неудобство и труднодоступность Путинских деревень могли стать дополнительным стимулом для появления здесь старообрядческого населения). Лишь одна деревня оказалась «при озере Курбыш» (д. Романова). Как правило «ключи» (ручьи), на которых стояли поселки, на 1782 г. были еще безымянными, однако весьма регулярно сообщалось, куда они текут. Так, в Карагайском ведомстве д. Борщева на Угоре была «при ключе, впадшем в реку Обву с правой стороны»; д. Ивановка – на ключе, «впадшем в речку Ивановку»; д. Манкина Гарь – «на вершинах ключа званием Росохи», д. Борисина и Барашова – «при вершинах трех ключей» (всего «при ключах» было 67 поселков).

К 1782 г. по ведомству села Карагайского и «ведомству Очерского завода», состоящему из Лысвенских и Путинских деревень, а также по «ведомству Сепычевских деревень» насчитывалось соответственно 69, 50 и 37 населенных пунктов (всего 176), почти две трети из которых были представлены деревнями (111 селений, или 63 %), почти треть починками (56, или 32 %) и 8 однодворками (5 %). Максимальный удельный вес деревень имел место в Лысвенских деревнях и Карагайском ведомстве (соответственно 88 % и 78 %, тогда как в Путинских и Сепычевских деревнях их доля была в разы ниже (соответственно 25 % и 22 %), – там господствовали починки (78 % и 75 %), что убедительно свидетельствует о процессе освоения этих двух районов Верхокамья. Однако, тут совсем не оказалось однодвор-

ков, имевших место в Карагае и по Лысьве, где их соответственно было 3 и 5 (видимо их появление объяснялось вынужденным отселением части семьи, например, из-за нехватки «удворных» земельных угодий на прежнем месте жительства). В общей сложности в 176 селениях всех ведомств насчитывалось 1385 крестьянских семей (641 двор в Карагае, 232 – в Лысвенских, 357 – в Путинских и 155 – в Сепычевских деревнях, причем по среднему размеру дворности одного населенного пункта на первом месте оказались Путинские деревни (9,6 двора), которым немного уступали карагайские и сепычевские селения (соответственно 9,3 и 7,8 дворов) при двукратном «провале» лысвенских поселков, на один из которых в среднем пришлось лишь по 4,6 двора. Самым крупным селением, имевшим 25 дворов, оказалась д. Соловьева из Путинского ведомства, «состоящая при речке Кривчанке по течению оной на обоих сторонах». 24 семьи проживало в д. Ошмас (из Карагая) по берегам одноименной речки.

В 1385 дворах 176 селений всех четырех ведомств проживало 6246 крепостных крестьянских душ (3008 мужского и 3236 женского пола, т.е. женщин было на 7,6 % больше). Средняя людность одного селения составляла 35,5 человек обоего пола (17,1 мужчин и 18,4 женщин). Средняя людность одного поселка оказалась одинаковой для Карагая и Путинских деревень (по 44 человека), но была вдвое меньше для Лысвенского ведомства (19 человек). В Сепычевских деревнях аналогичная характеристика составляла 32,1 человека.

Общая площадь всех сельхозугодий (без имевшего верстовое измерение леса) в пользовании крестьян всех ведомств составила 13 177,625 десятин (100 %), из которых около половины в 6022,25 дес. (45,7 %) пришлось на «скотский выход», заметно меньшую площадь занимала пашня – 4709,75 дес. (35,7 %) и гораздо меньший удельный вес имели сенокосы – 1904,375 дес. (14,5 %) и, естественно, площадь самих подворий в 541,25 дес. (4,2 %). В расчете на один двор максимальный уровень усадебной земли был в карагайских и сепычевских поселках (соответственно 0,50 и 0,42 дес.) и минимальным для ведомства Очерского завода: 0,27 дес. для Лысвенских и 0,26 дес. для Путинских деревень. Показательно первенство Сепычевских деревень по средней дворовой запашке в 4,33 дес., которым немного уступали карагайские селения (4,16 дес.) и резко отставали два других ведомства: 2,69 дес. по Лысвенским и 2,06 по Путинским деревням. На душевом же уровне эта величина составит для первых 2,15 и 1,91 дес. и для вторых – 1,35 и 0,88 дес. По обеспеченности сенокосом один сепычевский двор практически втрое превосходил средний уровень –

3,92 дес. против 1,38 дес., резко превышая также аналогичные показатели по Лысве, Путино и Карагаю (соответственно 1,51, 0,96 и 0,94 дес.). Однако по площади пастбищ («скотского выхода») лидировали Лысвенские деревни, где в среднем один двор располагал огромным выгоном в 10,64 дес., тогда как у сепычан одна семья в среднем пасла скот на 5,27 дес., у карагайцев – на 3,81, а у путинцев на 0,83 дес.

Относительно размеров крестьянского лесного землепользования источник говорит только о двух ведомствах – Карагае и Сепыче, имевших соответственно 52,5 и 241 версту леса (как правило, в глубину на 1-2 версты), так что в среднем на одно селение этих ведомств соответственно приходилось по 0,76 и 0,71 версты, на один двор – 0,08 и 1,38 и на одну ревизскую душу – 0,04 и 0,684 версты леса. Следовательно один сепычевский крестьянин по сравнению со своим карагайским соседом имел в 18 раз больше лесных угодий, что самым положительным образом отразилось на его хозяйственном положении (охоте, бортничестве, рыболовстве и др.).

Развернутые характеристики сельхозугодий позволяют расширить представление об источниках их формирования. Так, например, состав пастбища характеризуется следующим образом: «скотских выпусков с мелким лесом в логах и перелогах...» (Л. 281), что свидетельствует о повсеместном распространении подсечно-переложной системы земледелия и использовании начальной ее фазы – мелколесья – под выгон домашнего стада, из чего следует близость перелогов к поселкам (не далее одной версты). Заросшие же давние перелогии (старше 20 лет) переставали использовать в качестве пастбищ и берегли для следующего земледельческого цикла. Такая ситуация полностью соответствует результатам архивных разысканий акад. Л.В. Милова для того времени: «В Обвинском уезде удабривание земель производят близким пашням. А некоторые же крестьяне имеют отдельные верст до 4-х и далее пашни. Сеют на них года по троеи [так как] без удабривания земли она везде одинаков плод [не] имеет, то оставляют ее на то время и бывает на той пашне покос. А принимают за другую, у кого таковые есть»³. Сенные же покосы определялись как «луговые, гаревые и дубровные» (Л. 581 об.), причем гаревая их составляющая в основном также имела отношение к подсеке. Явный дефицит сенокосов в Путинских деревнях объяснялся полным отсутствием на их территории «луговых сенокосов». Только при перечислении земельных угодий Сепычевских деревень перед описанием пастбищ

³ «Топографическое описание Пермского наместничества» 1787 г. РГВИА, Ф. ВУА. Оп. III. № 18 900.41 [цит. по: 1, с. 59].

фигурировали слова – «чертежей и скотских выпусков...» (Л. 326), что однозначно свидетельствует о широкой практике подсечно-переложной системы земледелия в Верхокамье. Наиболее пространной была характеристика верстового леса, выглядевшая следующим образом: «разного названия лесов, годных и не годных на строение, в разных местах стоящих...» (Л. 281 об., 326). Здесь обратим внимание на чересполосицу лесных угодий и различие их качества. Только перед численным выражением «скотских выпусков» и лесов в документе стояло слово «примерно», из чего следует, что площадь подворий, пашни и сенокоса замерялась более точно и инструментально.

1. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
2. *Пушков В.П.* Ревизская сказка 1795 года по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхокамья // Мир старообрядчества. Вып. 5. История и современность. М., 1999.
3. *Пушков В.П.* «Описание Сепычских деревень» 1760 г. как источник по аграрной истории Верхокамья // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л.В. Милова. К 80-летию со дня рождения. М., 2009.
4. *Пушков В.П.* Староверы Верхокамья по архивным документам второй половины XVIII в. // О вере и суевериях. Сб. статей в честь Е.Б. Смилянкой. М., 2014.

УДК 94(47).05

Н.В. Козлова¹

«Человек ево, который за дела ходит...»:

«люди боярские» в домах московских дворян петровского времени

Дворяне; «люди боярские»; дворовые люди; завещания; брачные связи; деловая активность; имущественное положение; крепостные записи.

В статье характеризуется положение отдельных групп дворовых служителей, их реальный статус, степень зависимости и личной свободы. На основе материалов записных книг Московской крепостной конторы первой четверти XVIII в. рассматривается характер деловой активности, правовое и имущественное положение, связи и отношения тех «людей боярских», кто в источниках обозначался термином «человек». Сделанные наблюдения позволяют увидеть социальную жизнь эпохи петровских преобразований в дополнительных гранях и оттенках.

¹ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., kozlova.n.v.i@gmail.com.

Петровская эпоха имеет множество граней и отличительных черт. Одна из характерных ее особенностей связана с масштабной трансформацией социальной структуры общества. Она затронула как правящую элиту, чины «государева двора», «служилого города», так и различные группы тяглого населения. В качестве особого феномена петровского царствования отмечается включение в состав высшего и среднего звена управления лиц из числа боярских холопов.

Подтверждению этому служат биографии «прибыльщиков» А.А. Курбатова и А.Я. Нестерова, московского вице-губернатора В.С. Ершова, комиссаров С.И. Вараксина и братьев Д.А. и О.А. Соловьевых, подьячих И. Хрипунова и Ф. Обыгова. Все они, будучи, как считается, холопами знатных лиц (боярина Б.П. Шереметева, думного дворянина Ф.Г. Хрущова, князей М.Я. Черкасского и Б.А. Голицына, боярина Л.К. Нарышкина), благодаря собственным дарованиям, энергии и активности, используя официальные и неформальные связи, сделали удачную карьеру, обеспечив продвижение и своих родственников. У иных, правда, служебные успехи наряду со взлетами заканчивались трагическими падениями. Однако подобными поворотами судьбы сопровождалась жизнь многих петровских администраторов, не зависимо от их происхождения.

В данной статье речь не пойдет о карьерном росте «новых людей», тем более, что этот сюжет уже достаточно хорошо изучен². Хотелось бы обратиться к характеристике той среды, из которой началось их продвижение в административные структуры. Во всей научной литературе прежнее положение Курбатова, Нестерова, Ершова и других «прибыльщиков» определяется словом «холоп», под которым понимается состояние крепостной зависимости и личной несвободы. Иногда относительно отдельных персон, в частности братьев Соловьевых, уточняется, что они служили «в кабальных холопах»³. В источниках все такие лица, взятые по государеву указу из частных домов, обозначались словами «люди боярские», или «человек ево». Употребление последнего словосочетания сопровождалось указанием на имя самого «человека», а также на имя и статус того чьим «человеком» он являлся, и кто по отношению к «человеку» выступал в качестве хозя-

² Из новейших публикаций см.: [7, с. 174-216; 4, с. 314-376; 10, с. 80-101].

³ О том, что Д.А. Соловьев «в прошлых... годах» служил в доме боярина Л.К. Нарышкина в кабальном холопстве, а после его смерти сбежал, похитив боярские пожитки, деньги, «многие крепости и платежные отписи», в 1725 г. доношением в Сенат сообщали сыновья Л.К. Нарышкина морского флота капитан Александр Львович и лейтенант Иван Львович. См.: [8, с. 250-251].

ина и/или господина. Из этого следует, что «человек» такого-то – это слугитель в доме или вотчине дворянина (а, возможно, и купца)⁴.

Дворы знати наполнялись многочисленными слугами, в числе которых были как старинные крепостные люди владельца, крестьяне и дворовые, так и те, кто добровольно дал на себя кабальную запись. Немалую часть среди них составляли выходцы из других дворянских домов, получившие «отпускную на волю» и купленные. Встречались также служившие по паспортам и записям отставные солдаты, дети священников, дьячков, пономарей, новокрещенные иноземцы [9, с. 115-116, 139-140, 157-158, 167-168, 174-176, 180-181 и др.]. Они использовались в качестве слуг, конюхов, поваров, садовников, лакеев, были певчими, ткачами, мастеровыми и т.д.

Однозначное определение пестрых в своем составе дворовых людей словом «холоп», ассоциируемым с сугубо зависимым крепостным состоянием, нивелирует различия и не раскрывает особенности положения отдельных групп «людей боярских»⁵. В литературе уже обращалось внимание на необходимость пересмотра, во всяком случае, для петровского времени, мнения о том, что «холопский статус неизбежно влек за собой понижение социального положения» [4, с. 323], имея в виду существовавшую при Петре I практику попадания дворовых людей в государственные структуры. Положение же и специфика отдельных групп «людей боярских», их реальный статус, степень зависимости и личной свободы нуждаются в дальнейшем изучении.

Сделать это помогают документы Московской крепостной конторы, отложившиеся в составе фонда Юстиц-коллегии (№ 282) РГАДА. В записных книгах крепостных контор фиксировались различные сделки, заключавшиеся лицами разного положения и социального статуса. Они касались как хозяйственных (купля-продажа недвижимости, кредитные операции, наем работников, отпуск на волю дворовых людей), так и семейных отношений (семейные разделы, завещания, наследование, вступление в брак и пр.).

⁴ Только в годы 1-й ревизии правительство, сохранив за купцами обнаруженных у них крепостных работников, впредь запретило им покупку крепостных «во услужение».

⁵ Центральная власть при решении вопроса о судьбе дворовых людей в домах опальных вельмож, отправляемых в ссылку, исходила из статуса дворовых, тем самым, признавая в нем различия: тем из них, кто служил по паспортам и отпускным, выдавались «свободные пашпорты» для выбора места дальнейшего проживания; старинные же крепостные люди отсылались в их прежние вотчины. См.: [9, с. 116].

Крепостные записи раскрывают характер деловой активности, права, материальный достаток и среду общения тех дворовых служителей, кто в источниках именовался термином «человек». В отдельных случаях появляется возможность предположительно судить об их происхождении.

От лица хозяина «человек», нередко имеющий дополнительное определение, «который за дела ходит», мог оформлять в крепостной конторе различные документы, например, записи об отпуске на волю дворовых людей, мог регистрировать сговорные документы, подписывая от имени своего господина крепостные записи. Право подписи подтверждалось формулой «по приказу господина своего». Например, «к сей записке (*сговорной 1723 г. – Н.К.*) морского флота лейтенанта князя Александра Никитича Прозоровского человек ево, которой за дела ходит, Григорей Гаврилов сын Мокин вместо госпожи своей княгини Прасковьи Васильевны по приказу ее руку приложил, а подлинную для отдания ее к себе взял»⁶.

Среди знати возложение на своих служителей доверительных поручений с правом подписи было обычным явлением. Примеров тому масса. Именно их рукоприкладствами в крепостных книгах пестрят многочисленные записи свадебных документов. Подлинны акты, конечно, скреплялись собственными рукоприкладствами лиц, от имени которых они составлялись. В крепостную контору их предъявляли для регистрации доверенные лица, а по ее завершении подлинны росписи они же получали на руки для отдачи своим господам. При регистрации сговорных требовались подписи двух сторон. В таком случае от лица жениха также мог выступать его «человек». Примером, помимо вышеупомянутой записи сговорной на дочь князя А.Н. Прозоровского, может служить запись сговорной на внучку окольного князя Ивана Степановича Хотетовского княжну Ирину Анисимову. Запись сговорной подписал как «человек» князя Хотетовского Михайло Яковлев, так и от имени жениха, морского флота мичмана Петра Алексеевича Нарышкина, «человек» его Петр Денисов сын Панов⁷.

В случае возникновения у господ каких-то тяжб такой поверенный выступал при допросах, очных ставках и прочих следственных процедурах от лица хозяина⁸. Любопытно, что среди лиц, выполнявших приказную должность, встречались, хотя и крайне редко, неграмотные, не способные даже расписаться. В таком случае за них это

⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 544. Л. 34; Д. 943. Л. 593 об.

⁷ Там же. Д. 943. Л. 683 об.

⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2392. Л. 48–49.

делал кто-то из подьячих Крепостной конторы⁹. Как видно, помимо грамотности, господа ценили и другие свойства и качества личности своих «людей».

Такие служители, помимо чисто приказных обязанностей, как и «деловые люди» прошлых времен, управляли делами и отдельными вотчинами своих господ, могли быть дворецкими в их городских и загородных дворах, поддерживая в них порядок и руководя остававшейся для этого дворней. Штат таких «людей» мог быть значительным [3, с. XLIX].

Помимо забот, возлагаемых хозяином, у такого служителя, как видно, оставалось время, и имелись средства и возможности осуществлять самостоятельные сделки. Об этом свидетельствуют встречающиеся в крепостных книгах записи духовных и сговорных, составленные такими служителями. Они дают возможность представить состояние этой группы лиц. К примеру, в январе 1703 г. «человек» стольника князя Дмитрия Михайловича Голицына Никита Степанов сын Неустроев сговорил замуж дочь свою девицу Стефаниду Никитину дочь за подьячего Монастырского приказа Степана Алексеева сына Шипилова. Помимо икон, он дал за нею «приданого: платья, и кузни, и низанья, и денег по росписи на шестьсот рублей, малой да девка»¹⁰. Такое приданое было вполне «прилично». В первой четверти XVIII в. на 600-650 руб. могло оцениваться приданое, с которым шли замуж дочери и вдовы стольников¹¹, поручиков¹², квартирмистров¹³. Помимо размера приданого о социальном статусе и известной прочности положения Никиты Неустроева свидетельствуют принадлежавшие ему дворовые люди («малой да девка»).

Еще большее приданое в 1703 г. было дано за сестру «человека» боярина Федора Алексеевича Головина Дмитрия Щеглова при выдаче ее замуж за ратушского подьячего Ивана Григорьева сына Колошина. Оно было определено с точностью до деньги – в 705 руб. 3 алтына 2 деньги¹⁴. Приданое племянницы «человека» боярина Льва Кирилловича Нарышкина Дмитрия Беклемешева, в 1703 г. сговоренную в замужество за подьячего, оценивалось в 230 руб. Приданое падчерицы «человека» боярыни вдовы Матрены Степановны Нарышкиной Ивана

⁹ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 943. Л. 610 об.

¹⁰ Там же. Д. 541. Л. 47 об.

¹¹ Там же. Д. 539. Л. 55 об.–56; Д. 545. Ч. 1. Л. 60–60 об.; Д. 547. № 321. Л. 221 об.–222 и др.

¹² Там же. Д. 624. Л. 547.

¹³ Там же. Д. 879. Л. 74 об.

¹⁴ Там же. Д. 541. Л. 163 об.

Трифонова, тогда же выданной замуж за жильца (!) Всеволода Ивановича Высевского, оценено в 100 руб.¹⁵ Хотя размер приданого был различным, но в любом случае можно говорить об имущественном достатке лиц, находившихся в услужении. Кстати, и среди чиновного дворянства, приданое в 100-200-300 руб. было нередким. Правда, к нему могли прилагаться и некоторые вотчины, но немало примеров, когда все, что давалось за невесту, оценивалось в 100 руб.¹⁶

Помимо движимого имущества, служители владели недвижимым имением. Судя по духовной, написанной в марте 1713 г., «человек» дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина Харитон Иванов сын Шевердин имел в Москве два двора: один за Москвою рекою в приходе церкви Екатерины мученицы у Серпуховских ворот (его он завещал своему внуку, также служившему в доме боярина Нарышкина), а другой находился «под девичьем монастырем». Его следовало продать, а вырученные деньги раздать в поминовение об усопшем¹⁷.

О состоянии «человека» князя А.М. Черкасского Ивана Григорьева сына Баскакова также можно судить по его духовной (1718 г.) [2, с. 251-254]. В ней свой статус или положение Баскаков не обозначил. Но то, что он служил у князя Черкасского, видно из крепостной записи этой духовной, оформленной 28 апреля 1720 г.¹⁸ И.Г. Баскаков оставил жене двор с садом и со всяким строением, 13 икон в окладах, крест, «писан на кипарисе», а сыну – 9 икон в окладах, крест «писан по золоту на кипарисе» и движимое имущество, в составе которого – платье, шляпы, шапки, парики, тесак «павловской работы, насечен золотом и серебром», пара пистолетов, пара же фузей. Шляпы, парики, холодное и огнестрельное оружие – все это элементы уклада жизни дворян-офицеров.

Вполне обустроен быт был и у семьи «человека» стольника И.Т. Стрешнева Ивана Петрова сына Балакирева (1717 г.). Правда, для поминовения его души (на сорокоустие в пять церквей по два рубля в каждую, на вынос тела каждому священнику по гривне, дьяконам по пяти копеек, дьячкам по алтыну, на чтение псалтыри у гроба и на могиле «по чему надлежит») свободных денег не осталось. Для этих целей, согласно завещанию, жене и приемной дочери следовало про-

¹⁵ Там же. Д. 541. Л. 121 об., 43.

¹⁶ Там же. Д. 539. Л. 184–184 об.; Д. 877. Л. 706 об.–707, 707 об.–708 и др.

¹⁷ Там же. Д. 624. Л. 559 об.–560.

¹⁸ «...велено своеручную духовную по указу записать... ближнего стольника князь Алексея Михайловича Черкасского человека ево Ивана Григорьева сына Баскакова». См.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч.1. Д. 545. Ч. 1. Л. 115–115 об.

дать что-то из платья и разной посуды, деревянной, медной, оловянной и серебряной. Остальное же движимое имущество, та же посуда, с добавлением «и хрустальной», и всякий «мелкий завод» (лошади, кареты, коляски, конская сбруя), а также деньги, «что есть в долгах», делились на указные части между женой и дочерью. Общая стоимость пожитков оценивалась в 100 руб.¹⁹.

Весьма не просто определить социальное происхождение таких «служителей». Отсутствие у них недвижимых имений не исключает, как в случае с И.Г. Баскаковым и И.П. Балакиревым, возможность отнесения их к дворянской среде. О происхождении Максима Самойлова сына Грибенова, служившего в доме генерал-адъютанта князя Юрия Юрьевича Одоевского, предположительно можно судить на основании купчей 1719 г., оформленной им на семью дворового человека. Правда, в записи, составленной в Московской крепостной конторе, обер-офицерский чин имел не составитель купчей, а его родной брат, прапорщик Иван Самойлов сын Грибенов. Максим выступал в качестве доверенного лица брата, который в письме просил его продать дворовых, получить деньги и подписать вместо него купчую²⁰. В петровское время, служа в армии, получить низший обер-офицерский чин, мог не только дворянин, но и выходец из любого социального слоя, включая крепостных. Правда, для этого требовались личные дарования и удача. К индивидуальным первейшим качествам относилась грамотность. Наблюдения показывают, что даже набранные из тяглового населения рекруты, умеющие читать и писать, не застревают в низших чинах [5, с. 156-160]. Точно известно, что оба брата были грамотными, но чем они занимались до поступления Ивана на военную службу, а Максима – в дом князя Одоевского, определить не удастся. Важно другое. Данный пример показывает относительность определения статуса по социальному происхождению или, вернее сказать, того, что привычно подразумевается под этим понятием. Если говорить о дворянах, к которым, возможно, принадлежали и братья Грибеновы, то делать это можно лишь с известными оговорками употребления этого термина применительно к первой четверти XVIII в. [6, с. 256-283]. Их пример еще раз демонстрирует, какое разнообразие социальных позиций и индивидуальных судеб являло петровское время.

«Люди» знатных особ могли самостоятельно от своего имени вступать в хозяйственные и финансовые операции, заключая различного рода частные сделки. Примером заемных операций и выплат по

¹⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 878. Л. 695–697.

²⁰ Там же. Д. 544. Л. 125 об.

ним может служить поступная запись, выданная 29 октября 1703 г. В ней речь идет о том, что у «человека» боярина Т.Н. Стрешнева Кириллы Юрьева сына Загорского некая вдова заняла 35 руб. с полтиной, но в срок не отдала и по договору о займе сумма долга возросла вдвое. Кредитор пытался взыскать всю сумму с вдовы, однако в том не преуспел и предпочел передать свои права на взыскание долга другому лицу, а именно «человеку» князя А.В. Долгорукова Федоту Савину сыну Шишиптурову, получив, видимо, всю сумму²¹. Среди заемщиков встречались лица разного положения и достатка. Так, «человек» дома ближнего стольника С.А. Колычева Агафон Григорьев сын Богданов в духовной, написанной в 1719 г., упоминал в числе своих должников знатного и состоятельного гостя А.О. Филатьева. С него следовало взыскать «бесписьменно» 20 руб., что говорит о доверительных отношениях, существовавших между ними. Другой заемщик, отставной пушкарь «по письму и по закладу» оставался должен Богданову 40 руб.²².

Судя по крепостным записям, ближайшее окружение интересующих нас лиц обычно состояло из людей ранга приказных, дворцовых, монастырских служителей²³. Из подьяческой среды в основном происходили и женихи, либо ими могли быть лица, также служившие в домах знати²⁴.

Обращает на себя внимание состав душеприказчиков и свидетелей завещания Ферапонта Петровича Цыганова (1714 г.). Сам он себя причисляет к боярским людям, жившим в «боярском доме» и никаких «отцовских и родовых... пожитков» не имевших. Однако женитьба принесла ему «прибыток» в виде приданого жены Акилины Григорьевны, доставшегося ей от дяди. В завещании Ферапонта дядя величается с определением «господин», что указывает на более высокий статус семьи, к которой принадлежала жена Цыганова. Какое-то время входившая в «прибыток» недвижимость была записана на имя дядяка Гуляева, а уже позднее она «дошла» и до Ферапонта Петровича. Такая комбинация потребовалась, поскольку по его словам «в то время за боярскими людьми деревень не справливали». Эти детали, прописанные в завещании, должны были убедить всех, что именно жена, «а не другие», «сухая наследница» его суздальских деревень, московского и загородного двора. Вероятно, именно через жену и ее родст-

²¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 795. Л. 481.

²² Там же. Д. 544. Л. 30–31.

²³ Там же. Д. 541. Л. 47 об.; Д. 624. Л. 559 об.–560.

²⁴ Там же. Д. 544. Л. 41–41 об.

венников бывший «боярский человек» завел «приятелей» среди высшей служилой бюрократии (дьяки Я.К. Борин, Н.А. Панов, обер-фискал А.Я. Нестеров). Относительно последнего стоит заметить, что он сам происходил из «боярских людей», из числа которых одни, подобно ему или выше упомянутых «прибыльщикам» А.А. Курбатова и В.С. Ершова, вошли в чиновную среду, а другие, служа в домах знати, обретали известный достаток, хотя и продолжали именоваться в приложении к кому-то с прибавлением слова «человек».

В целом семейно-правовые документы позволяют считать лиц, находившихся в услужении в частных домах и определяемых термином «человек» такого-то, как достаточно сложившуюся группу, занимавшую определенное место в общественной среде. Оно характеризовалось устойчивыми связями и отношениями делового и матримониального характера не только внутри этой группы, но и за ее пределами. Эти отношения, выстраиваемые на личностном уровне, скрепляли постоянно создаваемые в реалиях жизни социальные категории в гибкую и подвижную конструкцию «разночинцев»²⁵. Не имеющая четких правовых и административных определений данная социальная категория в XVIII в. являла собой, хотя и меняющуюся, но постоянную социальную реальность, воспроизводство которой отражало подвижность социальной структуры российского общества раннего Нового времени.

1. *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б. Каменского. Пер. с англ. Т.П. Вечериной. М., 2002.
2. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.
3. *Граф Павел Шереметев.* Владимир Петрович Шереметев 1668-1737. Т. 1. М., 1913.
4. *Жуковская А.В.* От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009.
5. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010.
6. *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013.
7. *Серов Д.* Администрация Петра I. М., 2008.

²⁵ О категории разночинцев как показателе сложности и подвижности социальной структуры российского общества см.: [1].

8. Серов Д.О. Из жизни Д.А. Соловьева, архангелогородского обер-комиссара // Архангельск в XVIII веке / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспярых. СПб., 1997.
9. Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008.
10. Федюкин И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4.

УДК 94(47)

М.А. Киселев¹

Создание вечноотданных в 1730-е гг. в контексте истории сословий в России: к постановке проблемы²

Россия XVIII в.; история сословий; социальная стратификация.

Статья посвящена сословному аспекту создания указом от 7 января 1736 г. категории вечноотданных. Демонстрируется особая роль государства в процессе создания и поддержания социальных границ в России Нового времени.

История так называемых вечноотданных, появление которых, прежде всего, связано с указом от 7 января 1736 г., в историографии обычно анализировалась в контексте проблемы соотношения принудительного и свободного труда на промышленных предприятиях России XVIII в. [1, с. 188-197; 3, с. 424-445; 4, с. 290-294]. В то же время историки уделяли гораздо меньше внимания истории вечноотданных в контексте истории сословий. Конечно, в России уже в XVIII в. можно обнаружить рассуждения о выгодах и недостатках того или иного вида труда – принудительного и вольнонаемного. Однако, принимая решения, представители российского общества XVIII в. едва ли мыслили исключительно экономическими категориями. Так или иначе, они сталкивались с проблемой определения правового статуса рабочих, включая и их сословное положение. Соответственно, в настоящей работе мы обратимся к сословному аспекту возникновения вечноотданных.

Частные мануфактуры, активно создававшиеся в России в первой трети XVIII в., стали одним из мест, куда могли пойти работать

¹ Киселев Михаил Александрович, Институт истории и археологии УрО РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; strateg-mk@rambler.ru.

² Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.».

люди с неустойчивым социальным положением и/или потерявшие стабильный источник дохода. В результате на них могли трудиться как представители разных категорий жителей города, так и деревни, включая и беглых крестьян. Дополнительную привлекательность таким предприятиям придавали правительственные льготы, включая некоторые послабления в вопросе приема рабочих на «фабрики», включая беглых крепостных [2]. Как результат, уже к началу 1730-х гг. существовала относительная устойчивая профессиональная группа рабочих частных мануфактур. Так, на суконной мануфактуре «Володимера Щеголина с товарищи» выявленные переписью 1733 г. рабочие и их дети были отнесены к 18 разным «чинам», включая и такие, «какие чинов их отцы не знают». Самым многочисленным «чином» оказались «салдацкие дети», а самым малочисленным – «каменщиковые дети»³. Таким образом, «на мануфактурах собралась по социальному составу весьма пестрая масса людей» [1, с. 179]. Дополнительную сложность этой «чиновой» картине придавала проблема льгот при платеже подушной подати, а также нерешенный вопрос о судьбе беглых на предприятиях. Это способствовало тому, что владельцы мануфактур были вынуждены задаться вопросом о правовом статусе рабочих своих предприятий.

Уместно предположить, что владельцы мануфактур были заинтересованы, прежде всего, в стабильной работе своих предприятий. Следовательно, для них было важно, чтобы рабочие, особенно приобретшие ту или иную квалификацию, вне зависимости от «чинов», являлись постоянными рабочими на их мануфактурах. При этом существовавшие формы принудительного труда, в т.ч. и крепостное право, подсказывали один из возможных вариантов решения задачи: прикрепление рабочих к предприятиям, не дожидаясь неблагоприятного решения со стороны правительства.

В ноябре 1731 г. в Сенат было подано коллективное прошение нескольких владельцев текстильных фабрик. Они желали, чтобы за их предприятиями были закреплены как «неотъемлемые» только рабочие, зафиксированные во время «свидетелства» 1722-1728 гг., для которых также просилось подтверждение об освобождении от подушной подати. Это они обосновывали ссылками на указы Петра I. Что же до других рабочих, то мануфактуристы проявили готовность нанимать их. При этом они понимали, что потенциальные наемные рабочие были уже отягощены обязательствами в виде платежей своим общинам

³ РГАДА. Ф. 248. Д. 924. Л. 168–169 об.

или владельцам. Соответственно, они желали, чтобы нанимаемые рабочие были отягощены «окладом умеренным», без возможности увеличения после начала работы на мануфактуре⁴. Здесь была своя логика. Если на мануфактуры шли работать люди с неустойчивым социальным положением, потерявшие стабильный источник дохода, то после найма их положение должно было стабилизироваться. Это могло привести к тому, что с них стали бы требовать повышенных платежей, что привело бы к требованию увеличения заработной платы. Владельцы мануфактур, заинтересованные в максимально дешевом труде, просили их оградить от этого.

Осенью 1732 г. мануфактуристы обратились в Сенат уже с другим прошением. Оно начиналось описанием выгод для России частного мануфактурного производства. По их мнению, благодаря частным текстильным мануфактурам в государство ввозилось гораздо меньше иностранных товаров, в результате чего в России «прибытку остается на каждой год сумма тысяч по 100 и больше». При этом государство извлекало выгоду, получая как дешевое сукно для армии, так и пошлины с продукции мануфактур. Кроме того, работа на предприятиях давала средства существования для «убогих людей, сирот, салдацких детей и посацких и протчих шатающихся прежде без призору нищим, ... а от показанных художеств ныне во обучении немалое число людей кормятся, и от непотребства удерживаются, а помиру не бродят». В то же время, жаловались мануфактуристы, «разные помещики, и ямщики, дворцовые и монастырския управители ... ученых людей увозят в крестьянство и отдают в рекруты». В связи с этим они, обосновав необходимость поддержки частных мануфактур, указывали, что «оныя дела впредь в государстве никак не утвердятся, ежели художники, кои действительно имеютя обученными пряденью лна, пенки и шерсти с их женами и детьми вечно при манифактурах определены не будут». В связи с этим они отмечали, что именно у детей рабочих «натура к делу есть способнее других». Для обоснования этого они ссылались на Петра I. По мнению мануфактуристов, «Петр Великий, ведая силу натуры в деле помогающе, того ради при Адмиралейтстве мастеровых людей столярей, токарей, плотников и протчих з женами их и потомки определил неотъемлемых». Как результат, они просили, чтобы «действительно имеющихся художников с их учеными женами и потомки учинить неотъемлемых»⁵.

По сравнению с прошением 1731 г. следует констатировать, что

⁴ Там же. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 24–29.

теперь мануфактуристы стремились закрепить за предприятиями в качестве «неотъемлемых» уже всех рабочих. Для обоснования такой просьбы существовавшего законодательства явно было недостаточно. Как результат, мануфактуристы изменили способ обоснования своих желаний. Они изображали рабочих как обладателей производственных навыков, которые оказывались составной частью их природы «натуры» и которые передавались их детям по наследству. Таким образом, из пестрого множества людей, отнесенных более чем к двум десяткам разных «чинов», на основании постулирования наличия общих профессиональных навыков конструировалась единая группа с наследственным статусом. Это сопровождалось рассуждениями о выгоде для государства от частного мануфактурного производства. Кроме того, изображаемая социальная неустроенность части рабочих преподносилась как то, что требует ликвидации путем упорядочивания. Инструментом такого упорядочивания также должно было стать предполагаемое конструирование новой устойчивой группы, в ходе чего «шатающиеся», потенциально опасные для государства, твердо встраивались в социальный порядок. Получалось, что мануфактуристы в своем прошении фактически предлагали создать особую сословную группу из рабочих их предприятий.

Сенатским определением от 10 ноября 1732 г. было предписано переписать рабочих с семьями «у просителей, на фабриках их»⁶. 20 июня 1733 г. при обсуждении в Московском Сенате результатов переписи было решено «по той переписи всем быть при тех фабриках». Таким образом, сенаторы в этом вопросе пошли навстречу пожеланиям мануфактуристов. В то же время они указывали, что мануфактуристы должны платить подушную подать за рабочих, которые были положены в оклад на момент переписи⁷. Однако из-за ликвидации Московского Сената это решение оказалось нереализованным. Как результат, Сенат в 1734 г. снова вернулся к этой проблеме. 23 июня 1734 г. сенаторами было подписано на имя императрицы доношение, в котором они, «разсуждая о ползе государственной», предложили «обретающимся ныне на тех фабриках мастерам, подмастерьям и ученикам и работникам, чьи б они и каких чинов ни были, быть при оных манифактурах и фабриках вечно и неотделимо, не выключая никого». Данная норма должна была распространяться и на жен и детей таких рабочих. При этом все рабочие должны были освобождены от платежа подушной подати. Кроме того, мануфактуристам разреша-

⁶ ПСЗ. Т. 8. № 6255. С. 972.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1906. Л. 371.

лось применять в отношении отданных «вечно» разные меры воздействия вплоть до ссылки на Камчатку⁸.

В Кабинете министров оказались согласны не со всеми предложениями Сената. 12 декабря 1735 г. состоялось совместное заседание кабинет-министров с Сенатом. Получившийся в итоге документ рассматривался в Кабинете 13 и 16 декабря, после чего 31 декабря 1735 г. был подготовлен совместный доклад сенаторов и кабинет-министров, который и содержал нормы, которые стали основой указа от 7 января 1736 г.⁹ В отличие от сенатского предложения 1734 г., указом определялось «быть вечно при фабриках» не всем рабочим, а только тем, кто «обучились какому нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались». Соответственно, только такие квалифицированные рабочие освобождались от платежа подушной подати. При этом мануфактуристам разрешалось применять в отношении отданных «вечно» разные меры воздействия вплоть до ссылки на Камчатку. Неквалифицированных рабочих для «черных работ» фабриканты должны были нанимать, удостоверившись, что у них есть паспорта¹⁰.

Таким образом, мануфактуристы действовали в соответствии с логикой нескольких доступных им вариантов, среди которых был как вольнонаемный труд, так и создание особой наследственной группы рабочих, прикрепленных к предприятиям. Представители правящей элиты до некоторой степени были готовы пойти им навстречу. 7 января 1736 г. правительство создало наследственную группу квалифицированных рабочих частных мануфактур, для которой законодательством закрепили обязанность хорошо трудиться на частных мануфактурах и привилегию не платить подушную подать. Фактически по указу возникла новая сословная группа. На примере ее создания можно говорить о путях формирования сословий в российской истории. Сословие могло создаваться с санкции государства и навязываться людям, включаемым в него. Это позволяет говорить об особой роли государства в процессе создания и поддержания социальных границ в России Нового времени, механизмы которого еще нуждаются в дополнительном изучении.

1. *Заозерская Е.И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20-60 гг. XVIII в. М., 1960.

⁸ Там же. Д. 924. Л. 158–165.

⁹ Там же. Л. 200–209 об.

¹⁰ ПСЗ. Т. 9. № 6858. С. 709–711.

2. *Киселев М.А.* Законодатель в ситуации выбора: Петр I, июль 1722 г., Астрахань // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29).
3. *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.) М., 1963.
4. *Полянский Ф.Я.* Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.

УДК 947.051(082)

И.Н. Юркин¹

Организация взаимодействия с приписными городами в ходе строительства Ивановского канала (начало XVIII в.)

Ивановский канал; водные пути; организация строительства; Тула; Епифань; М.П. Гагарин.

Рассмотрена организация строительства Ивановской водной системы (Ивановского канала) в аспекте его обеспечения работными людьми и ресурсами. Показано взаимодействие руководителя работ, московских учреждений и местной власти.

Петровская эпоха – период резкого рывка в развития водной транспортной сети России за счет добавления к естественным водным коммуникациям искусственных воднотранспортных путей, создание которых начинается в конце XVII в. Ивановская водная система (Ивановский канал) – один из самых ранних связанных с этим процессом проектов. Его реализация была начата в 1701 г., продолжалась на протяжении 10 лет, затем надолго остановилась и возобновилась в начале XIX в.

В петровское время канал строили работные люди и мастера, посылавшиеся по разнарядке из ближайших приписанных к работам городов и их уездов, число которых по состоянию на 1707 г. достигало пятнадцати [5, с. 15]. Москва обеспечивала работы финансово, помогала организационно, отправляла на объект специалистов. Отдельные особо сложные заказы с Иван-озера московские ремесленники выполняли в своих городских мастерских. На месте строительством руководил стольник князь Матвей Петрович Гагарин [6].

В статье рассмотрены некоторые аспекты организации строительства на примере взаимодействия руководителя работ с двумя городами – Тулой и Епифанью. Оба находилась непосредственно на

¹ Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (РФ, Москва), д.и.н., ig-yurkin@yandex.ru.

трассе водного пути, при этом Епифань была близка к месту, где начиналась стройка (Гагарин в 1701 г.: «велено мне быть в Епифанском уезде у Ивановскаго озера у перекопной работы» [7, с. 478]). Она располагалась неподалеку от озера и одноименного села, некоторое время бывшего центром, из которого управлялся «каналстрой». (В позднейшей литературе значение Епифани оказалось дополнительно выделенным: с легкой руки писателя Андрея Платонова проект стали называть *Епифанскими шлюзами*.)

Но названные города объединяла только близость к месту работ, прочее их различало. В Туле существовал довольно многочисленный посад, включавший ремесленников нужных для строительства профессий. В документах по раскладке повинностей на строительство канала доля Епифани исчислялась по населению исключительно уезда² – собственно Епифань была городом небольшим и «беспосадным». Это отразилось на включенности городов в реализацию проекта, хотя на ее характер и степень влияли и другие факторы.

Привлекаемый далее материал извлечен из документов Разрядного приказа о «перекопном и слюзном деле» 1701 и 1702 г. Он включает переписку Разряда с князем М.П. Гагариным и отпуски памятей и указов в центральные учреждения и к администрации городов, приписанных к «перекопной работе».

Тула, Епифань и их уезды были привлечены к строительству канала с самого его начала. Наиболее раннее упоминание о них содержится в заявке Гагарина на рабочую силу и материалы, оставленную им в Разряде в начале июля (до 9-го) 1701 г. перед его отъездом к месту работ. Он просил о посылке послушных грамот в девять городов, в том числе Тулу и Епифань, мимо которых «належит тот водяной ход»: желал получать там от местной администрации подводы и прочее, необходимое в пути для изучения местности³.

Почти все, нужное для строительства, искали позднее в приписных городах. Конкретно из Тулы Гагарин намеревался получить следующие материалы и изделия: железо, железные инструменты (ломы), деревянную тару (кадки), срубы, кульки, печные изразцы.

Металл и металлоизделия выглядят в этом списке вполне естественно: металлургия и металлообработка определяли ремесленную специализацию Тулы. Их развитие вело к быстрому сокращению лесных запасов, но к началу XVIII в. Тульский и Веневский уезды

² РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 790. Л. 3.

³ Там же. Л. 1.

далеко еще не утратили их, что объясняет присутствие в перечне изделий из древесины – от кадок до срубов (готовых домов).

Неожиданным выглядит упоминание о намерении Гагарина получить изразцы для декорирования печей царского дома не из Москвы, являвшейся в это время крупным центром их производства [1, с. 95–111], а из Тулы. Это может иметь два объяснения. Первое – он надеялся, что их предложит ему тульский торг. Второе опирается на предположение, что в Туле к этому времени все же было налажено собственное их производство, не отраженное выявленными источниками. Для XVII в. документальные сведения об их производстве в Туле отсутствуют [2, с. 254], данных об их продаже в Гончарном ряду тульского торгового также не имеется [3]. Тем более интересно, что, хотя и неизвестно, удалось ли Гагарину получить изразцы именно там, где он предполагал, но, судя по некоторым косвенным признакам, его надежды оправдались.

Тула поставляла и рабочую силу. Так, указом из Разряда к тульскому воеводе И.А. Игнатьеву предписывалось к 15 февраля 1702 г. выслать на строительство с 8 дворов по одному человеку с лошадью, санями и припасами⁴. От Тулы требовали подъячих и мастеров: печников (для устройства печей в хоромах), кирпичников (для выбора места и устройства кирпичного завода, для замены каменщиков), столяров (для изготовления «слюзных» моделей). Потребность в каменщиках возникла с начала строительства шлюзов, и долго оставалась чрезвычайно острой. Гагарин в отписке, посланной в начале июня 1702 г., сообщал, что для постройки двух шлюзов ему нужно их 200 человек, тогда как из Ярославля прислано всего 38 [7, с. 486]. Тула имела казенных кирпичников, по мере надобности посылавшихся на выездные работы – ими, присланными, Гагарин временно и заменил каменщиков.

Обращает на себя внимание отсутствие Тулы среди городов, из которых Гагарин ожидал присылки кузнецов. Не исключено, что он освободил ее от этой повинности потому, что требовал от нее поставки значительной, в 500 пудов, партии железа⁵.

Сравнение этих сведений с относящимися к Епифани показывает, что Гагарин старался организовывать снабжение ресурсами, учитывая реальные возможности городов. У Тулы и Епифани он просил разное.

В отношении Епифани запросов на материалы и оборудование

⁴ Там же. Д. 797. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 179.

не выявлено ни одного, что, несомненно, отражает неразвитость в городе и уезде соответствующих производств и ремесел. Гагарин запрашивал с Епифани только неквалифицированную рабочую силу. Причем в его представлении возможности данного города ее поставить были не так уж и малы. Рассчитывая получить людей по стандартной разрядке, он требовал от венецкого и епифанского воевод дополнительно объявить в своих уездах также о свободном найме: «чтоб всякаго чина помещичьи уезные люди ехали наниматца в работу»⁶. Единственный случай, когда Гагарин попытался получить из Епифани ремесленников, относится к 1702 г. – тогда он запросил отсюда кузнецов (притом, что, как уже отмечалось, тульский посад, точно кузнецов имевший, он не тронул). Не исключено, что Гагарин рассчитывал при этом на кузнецов сельской округи Епифани.

Еще одна группа местного населения, интересовавшая Гагарина в Епифанском уезде – те, кого в одной из своих отписок он назвал «смышленими» дворянами. Руководитель работ надеялся привлечь их для организации и управления вспомогательными производствами, в частности, при заготовке камня. Такие лица, несмотря на начавшуюся войну, здесь были – пребывавшие в отпуске по болезни, инвалиды и др. Были, возможно, и состоявшие на службе. Так, уездный дворянин Афросимов пытался заслониться от претензий на него Гагарина неким «великого государя делом». Гагарин, по-видимому, отчасти поверил ему – во всяком случае, в письме в Разрядный приказ он не решился об этом деле не упомянуть, хотя и квалифицировал данное заявление, как недостоверное («а твоих, великого государя, дел никаких ему не приказано»). В Разряде к заявления Афросимова серьезно не отнеслись и распорядились «велеть ему (Гагарину. – *И.Ю.*) к тому делу приказать Семена Афросимова» сразу, без предварительного выяснения, свободен тот или нет⁷.

А вот подьячих из Епифани Гагарин не требовал, хотя и остро нуждался в канцелярских служащих. Полагаем, что он бывал в здешней воеводской канцелярии и имел представление о ее очень небольшом штате (двое подьячих во второй половине XVII в. [4, с. 166]). Видим в этом еще одно свидетельство того, что Гагарин, формируя заказ, опирался на знакомство с возможностями уезда.

Как видим, организация взаимодействия с приписанными к стройке городами вполне вписывается в наши представления о том, что эти города из себя тогда представляли. Вместе с тем, имеются

⁶ Там же. Л. 114.

⁷ Там же. Л. 205.

факты (такие как поиски изразцов в Туле, кузнецов в Епифани), свидетельствующие или о том, что мы недостаточно представляем себе ресурсные возможности городов, или о том, что недостаточно представлял их Гагарин.

Последнее отнюдь не исключено. В дополнение к упомянутому можно привести восстанавливаемый по переписке Гагарина с Разрядом сюжет, касающийся обеспечения строительных работ лесоматериалам. Гагарин получил разрешение на заготовку леса в засеках, но авторитета помогавшего ему из Москвы Разрядного приказа оказалось недостаточно, чтобы этот лес из них получить. Отчаявшись, руководитель строительства послал большой – 500 (!) человек – отряд заготовителей в Калужский уезд на реку Угру (разумеется, в сопровождении подьячего и указов, придававших «экспедиции» законный характер), но и там посланцев встретили крайне недружелюбно, избили и заготовить необходимое не позволили⁸.

Московские ведомства, оказывая помощь Гагарину в решении задач, поставленных перед ним царем, не имели достаточных ресурсов, чтобы преодолеть сопротивление местных представителей других ведомств, особенно, если деятельность тех определялись указами, включавшими жесткие санкции. Ограничения на лесозаготовки в связи с решением о приоритетном использовании леса для судостроения привели, в частности, к тому, что Гагарин так и не смог самостоятельно заготовить его даже в том мизерном количестве, которое требовалось для строительства на Иван-озере путевого домика для царя. О полном фиаско его попыток свидетельствует очередная отписка в Разряд: «на те де хоромы в Тульском и Веневском уезде взяты 5 срубов не в отделке; и у перекопного дела поставлены»⁹. Дальнейшие его усилия по подготовке хором свелись к отделке купленных срубов с учетом особого их назначения.

1. Баранова С.И. Изразцовая летопись Москвы. М., 2012.
2. Воронцова М.А., Касаткин В.А. Изразцы из раскопок 1996 года на территории Оружейной слободы г. Тулы // Позднесредневековый город: история и археология. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула, 2007.
3. Касаткин В.А. Гончарный ряд тульского торгового ряда в XVII веке // Позднесредневековый город: история и археология. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула, 2007.
4. Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки исто-

⁸ Там же. Л. 242, 243.

⁹ Там же. Д. 790. Л. 62.

- рии русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.
5. *Миловидов А.И.* Достопримечательные села Тульской губернии. Вып. 1. Село Иван-озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892.
 6. *Юркин И.Н.* Князь Матвей Петрович Гагарин на Иван-озере // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 47: Петровское время в лицах – 2009: К 300-летию Полтавской битвы (1709 – 2009): материалы науч. конф. СПб., 2009.
 7. *Юркин И.Н.* Документы по истории строительства Ивановского канала (август 1701 – октябрь 1702 г.) // Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). М., 2015.

УДК 94(47) 02

А.И. Комиссаренко¹

**Деятельность правительственной и астраханской
губернской администрации по привлечению иностранных
купцов и поселенцев в 20–80-х гг. XVIII в.**

Россия; административное управление; Армения; Персия; Франция; Нидерланды; германские государства; мигранты; гугеноты; меннониты.

В статье рассматриваются мероприятия центральной и местной администрации России по развитию экономики Астраханского края привлечением мигрантов – купцов и промышленников из Закавказья, Западной и Центральной Европы в 20–80-х гг. XVIII в.

Астрахань представляла собою перевалочный пункт для товаров, закупленных русскими купцами в восточных странах и переправляемых затем перекупщиками на внутренний российский рынок и за границу через Петербургский и Архангелогородский порты. В этих коммерческих операциях принимали участие, наряду с российскими, иностранные торговцы [15; 11; 5; 2; 17]. В пункте 53-м «Инструкции», данной Коллегией иностранных дел 19 июля 1720 г. астраханскому губернатору А.П. Волынскому, вступившему в должность в марте 1719 г., предписывалось всячески помогать «иноземцам ... обретающимися там, как и живущим, так и к приезжим», оказывая при этом «ласку и привет доброй». Губернатору вменялось в обязанность «приласкивать их к лутчему и оберегать, чтоб им ни от ково никаких обид не было...»² [3, с. 83-89; 16, с. 33-34; 7, с. 45-60; 8]. Особое внимание

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, Москва), д.и.н., arkadiy109@rambler.ru.

² РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. 16. Оп. 1. Д. 598. Л. 12.

предлагалось обращать на «иноземцев», которые «из-за моря и других стран...учнут в Астрахань с товары приезжать». «Инструкция» требовала от губернатора бдительно защищать таких «иноземных» купцов, не брать с них повышенных пошлин, если они «похотят жить и торговыми промыслами промышлять в Астрахани». Такая политика, полагали чиновники в Петербурге, позволит расширить в городе и губернии торговые операции, «дабы, на то смотря, и другие иностранные купцы охотно приезжали и пошлинный сбор множился...»³. Важно отметить, что правительство было заинтересовано в активном участии в торге русских и иностранных купцов, следующих в Астрахань на судах по реке Волге из северных и центральных районов страны, в связи с чем Волынскому было предписано пунктом 76 «Инструкции» торговых людей, едущих в Астрахань с товарами, пропускать при въезде в город «без осмотра», а «осматривать их токмо в одном месте на Царицыне»⁴.

Исполнение этих предписаний губернской администрацией способствовало расширению торговых контактов Астрахани с персидским рынком. Находившийся в персидском порту Гиляни русский консул капитан Владимир Копытовский 21 февраля 1748 г. рапортовал Коммерц-коллегии об участии в коммерческих сделках с персидскими купцами приказчиков московских купцов Захара Шубина и Данилы Земского – Семена Колесникова и Михаила Сулякова, а также и самих московских купцов Антона Афанасьева, Якова Наврозова. Кроме них, там же находились приказчик борисоглебского купца Федора Лодыгина – Алексей Ячменцов, курского купца Ивана Нифонтова – Лука Колосов, курского купца Алексея Попова – Петр Полевой, астраханских «армян» Хачатура Мелькумова – Иван Захаров, Анастаса Никитина – «армянин же» Погос Боженков, Матвея Сафарова – «армянин же» Мелик Богданов. В гилянском торге принимали участие астраханский «житель» Михайло Назаров, астраханский «татарин» Айтуган Бекметев, «обращающиеся во услугах у купцов» – астраханских армян Ивана Соломонова, Давыда Артемьева, русского Якова Захарова. Последний числился также «во услужении у курских купцов Полевого и Луки Колосова». Всего этими купцами и приказчиками было доставлено в Гилян «товару» общей стоимостью в 12 455 руб. Они намерены были продать 3 008 пудов «сандалу красного», 653 «стопы» писчей бумаги, «две пары соболей», «восемь пар куниц»,

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 16

«две тысячи рогож», а также сукно «галанское»⁵ [18; 4].

Важной проблемой административного управления астраханской администрации являлось стремление умножить население края привлечением колонистов. В середине XVIII в. в правительственных кругах России активно обсуждался вопрос о возможности поселения на берегах Волги в ее нижнем течении гонимых во Франции протестантов (гугенотов). Он был поставлен находившимся на русской службе бригадиром де Лафонтом. 8 июня 1752 г. им был подан канцлеру А.П. Бестужеву – Рюмину «мемориал», предлагая принять в Россию и расселить подвергавшихся притеснениями на родине французских протестантов. «Чинимые от короля французского гонения тем из своих подданных, которые с сентиментами римского двора не согласуются, многих фамилий уже принудили... выехать из королевства», – писал автор «мемориала»⁶. Он указывал на то, что большая часть их выехала в Нидерланды, «как о том и в последних утрехтских газетах упоминаемо было». По сообщениям в голландской прессе де Лафонт называл французские провинции, из которых выезжали протестанты. Большинство их покинули Лангедок, «особливо жители городов Нимеса, Але, Монтпильера, Каркассона, Безьера». Между тем, отмечал далее автор «мемориала», жители этих французских городов, как правило, опытные ремесленники и работники «шелковых и шерстяных мануфактур», отличающиеся «высшим совершенством». Поэтому де Лафонт «как истинный и ревностный раб здешней империи за должность разсудил...» предложить правительству найти способ переселить таких специалистов в Россию, вследствие чего «надежная польза произошла б...»⁷. Де Лафонт приводил в пример инициативу прусского короля Фридриха II, который уже разместил в голландских газетах объявления о готовности принять в своем королевстве французских протестантов, и некоторые из них уже прибыли в Берлин и стали расселяться не только на прусской территории, но и в других германских государствах. Однако де Лафонт считал, что «ничего подлиннее нет, как ... области ея императорского величества несравненно удобнейшими суть к заведению иностранных поселений, нежели прусские». Он не сомневался в привлекательности русских земель для иностранцев, поэтому как только в германских областях станет известно о готовности правительства императрицы Елизаветы Петровны принять французских протестантов, то «поселившиеся уже в

⁵ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. 16. Оп. 1. Д. 599. Л. 207–208 об.

⁶ Там же. Д. 344. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

Пфальции французы, где они в самой бедности живут, також и в Гессене, Касселе, Барейте, Франкфурте и Бранденбурге тот час в область ея императорского величества пойдут, сколь скоро увидят, что такое переселение к их пользе клонится»⁸.

Не получив в течение четырех месяцев никаких сведений о реакции правительственных чиновников на его «мемориал», де Лафонт продолжал настойчиво добиваться осуществления своих предложений. 28 ноября 1752 г. канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину он направил новый «мемориал», предлагая «...до поселения в областях ея императорского величества... французских художников (ремесленников – *А.К.*) ... отвести место на доброй и плодоносной земле... на вершине (в устье – *А.К.*) реки Волги» или «по берегам Днепра блись польских границ»⁹. Настойчивость бригадира, наконец, достигла цели. В декабре 1752 г. Коллегия иностранных дел, которую возглавлял А.П. Бестужев-Рюмин, сообщила о «мемориалах» де Лафонтена в «кабинет» императрицы. После их рассмотрения последовал именной указ (сохранилась его недатированная копия, скорее всего, указ был составлен не позже декабря 1752 г.).

Указ объявлял о намерении правительства «изгнанных французов из их земли за веру в нашу империю получить и поселить их по Волге – реке... зачав от Сызрани до реки Серпы в 15 верстах ниже Царицына, то есть на Ахтубе», «тако ж по рекам Куме и Терку для шолковых заводов...». Сенату предписывалось отправить приказ астраханскому губернатору о «приискании» инженер-офицеров и геодезистов с тем, чтобы поручить им «зделать описание и карты географические», определив «какое пространство земли и что где осталось не роздано под поселения российския»¹⁰. Однако начавшаяся вскоре Семилетняя война (1756–1763 гг.) помещала осуществлению этого масштабного проекта [12; 13].

Привлечение иностранцев в Астраханский край стало еще более важной заботой губернской администрации после издания императрицей Екатериной II в 1762–1763 гг. Манифеста «о выезджих чужестранцах» и учреждения Канцелярии опекунства иностранных¹¹. Управлявший Астраханской губернией в 1762–1771 гг. генерал-майор Никита Бекетов тогда же направил в Петербург доношение, испрашивая разрешения «армян и татар, живущих в Астрахани домами и

⁸ Там же. Л. 5 об.

⁹ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. 16. Оп. 1. Д. 344. Л. 5 об.

¹⁰ Там же. Д. 344. Л. 21–21 об.

¹¹ ПСЗ. Т. 16. №№ 11 879, 11 880, 11 881, 11 890; Т. 19. № 13 831.

пользующихся торгом так, как и российское купечество» положить в подушный оклад, а их детей, родившихся в Астрахани, обучать «рос- сийской грамоте и чтоб все они были под российскими законами»¹². Губернатор также предлагал созданному для управления придать статус «словесного суда, где они могут разбираться... с приезжими на время иностранцами». На губернаторское доношение Екатерина II отозвалась краткой резолюцией: «... держаться точной силы Мани- феста о выезжих чюжеземцах»¹³. Более пространное мнение по затро- нутому Бекетовым вопросу высказал граф Н.И. Панин. Ссылаясь на пункт 6-ой Манифеста, в котором объявлялось о праве поселенных в России иностранцев иметь «внутреннюю юрисдикцию», Панин указы- вал на то, что перевод их под надзор местного магистрата вызовет у них «великое огорчение». Более разумно было бы, по его мнению, «учредить в Астрахани для всех чужестранных мещан особое граж- данское правительство или суд» под управлением «штаб или обер- офицера», который, не имея «ни в каких купецких торгах участия» обеспечил бы в делах полное «беспристрастие». Такое «гражданское правительство», полагал Панин, должно всецело находиться «под ведомством самого губернатора».

Меры правительства Екатерины II по привлечению иностранцев на пустующие и пока слабо освоенные земли стали широко известны в Европе, вызвав переселенческих поток особенно из многочисленных германских государств. В октябре 1764 г. вопрос о поселении иностранцев в Астраханской губернии поднял и астраханский купец Алексей Тихонов сын Смирнов, подавший на высочайшее имя про- шение о производстве «не в одной Астрахани, но во всех пристойных местах по государству за свои деньги ... хороших ... напитков» из виноградного спирта и их продаже «в недорогих ценах». Спирт он намерен был изготавливать в Персии и привозить его в Астрахань «с платежом пограничных пошлин». Он опровергал мнение, «будто в России климат и воздух есть не такой, как в Европе, и не может быть хорошее вино». Купец, уверенный в успехе задуманного предприятия, заявлял: «я ...выпущу в продажу вино и вотки виноградные лутче, нежели делают во всей Европе» и просил «пожаловать» ему «для лутшей моей в том исправы казенные в Астрахани виноградные са- ды», обещая оплатить их стоимость. Специалистов-виноделов, «кто покажет за собою искусство», он предлагал правительству приглашать из Испании, Франции, Италии, Германии, Нидерландов. В планы

¹² РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. 16. Оп. 1. Д. 344. Л. 21–21 об.

¹³ Там же.

Смирнова входило получение в течение первых семи лет прибыли в 500 тысяч и даже «более миллиона» рублей, которые обещал отдать на постройку «в самых хлебородных местах... странноприимческих домов». В них следовало принимать всех, кто не имеет «своего пропитания... , чтоб ни один, лежащий во гноище и дряхлости,... без призрения всякого не валялся». Прощение купца А.Т. Смирнова по повелению императрицы Екатерины II 4 ноября 1764 г. было отправлено на рассмотрение в Сенат, в котором его следы, к сожалению затерялись¹⁴.

За два года – с 1764-го по 1766-ой – на нижней Волге возникло около 102-х немецких колоний. Интенсивность заселения территорий в Саратовской и Астраханской губерниях была так велика, что в 1770 г. прием колонистов был прекращен до 1782 г. [14]. Между тем, в январе 1779 г. астраханский губернатор Иван Якоби сообщил правительству, что выехавшие из Европы и поселившиеся в Астраханском крае иностранцы – французские гугеноты и голландские меннониты – «с наичувствительнейшим удовольствием приемлют тамошней род жизни, обозрев более выгоды на новых местах, нежели чем они прежде пользовались». Несомненные достоинства этого южного региона Астраханской губернии, по мнению Якоби, и впредь вполне могут привлекать иностранных колонистов (прежде всего немцев и голландцев) на земли нижней Волги, главным образом на Ахтубе.

В 1787 г. астраханский генерал – губернатор и президент Военной коллегии Г.А. Потемкин сообщил императрице Екатерине II о прощении меннонитов, подвергавшиеся притеснениям на родине – в нидерландской провинции Фрисландии, Мекленбурге, Кельне, ряде областей южной Германии, дать им возможность «в Россию переселиться». Оно не встретило возражения со стороны российского правительства, было лишь определено, что переселяемые меннониты, получив от казны денежные ссуды на первоначальное устройство, должны их вернуть «по происшествии льготных десяти лет без процентов в пять последующих лет...»¹⁵. Также разрешался «вывоз работников и работниц из чужих краев, какого бы вероисповедания не были...»¹⁶. Часть меннонитов, въехавших в Россию, осела на нижней Волге – в Самарской и Астраханской губерниях, а также в предгорьях Северного Кавказа [1].

Активные усилия высшей правительственной и губернской ад-

¹⁴ РГАДА. Госархив Российской империи. Ф. 16. Оп. 1. Д. 606. Л. 39 об.

¹⁵ Там же. Д. 353. Л. 2–2 об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

министрации по укреплению экономических возможностей Астраханского края и увеличению его населения оказались в целом эффективными. Во второй половине XVIII в. численность только податных жителей губернии возросла вдвое с 10 246 до 19 220 душ м.п. [6, с. 117–130]. Существенно расширился торговый оборот. Активно функционировали на рынке компании иностранных купцов – Армянская, Бухарская, Джульфинская, Гилянская, Агрыжская, Индийская, имевшие коммерческие связи с Закавказьем, Персией, Средней Азией, Турцией, Индией. За период с 1750–1769 гг. общий товарооборот (экспорт и импорт) через Астрахань составил 12 725,1 тыс. руб. [10, с. 77]. В конце XVIII – начале XIX в., особенно после заключения между Россией и Персией Гюлистанского договора в 1813 г., роль астраханского рынка в восточной торговле значительно выросла.

1. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. СПб., 1869.
2. *Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550 – 1785. М., 2006.
3. Губернии в России при Петре Великом. 300–летие первой губернской реформы в России. М., 2008.
4. *Ермолаева Л.К.* Связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII в. (К проблеме формирования всероссийского рынка): автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1982.
5. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
6. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
7. *Корсаков Д.А.* Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // Древняя и новая Россия. Т. IX. М., 1876.
8. *Корсаков Д.А.* Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» // Русская старина. 1876. № 11.
9. *Куканова Н.Г.* Очерки истории русско – иранских торговых отношений в XVII – первой половины XIX в. Саранск, 1977.
10. *Куканова Н.Г.* Торгово–экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993.
11. *Кушева Е.Н.* Материалы Астраханской таможни как источник по социально–экономической истории России XVI – XVIII вв. // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976.
12. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
13. *Писаревский Г.Г.* Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. (К вопросу о факторах иностранной колонизации). Баку, 1929. (Отгиск из «Известий педагогического факультета Азербайджанского государственного университета». Т.14.)
14. *Репин Н.Н.* К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Вестник МГУ. От-

- деление истории. 1970. №6.
15. Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008.
 16. Шкуров В.Н. История внешней торговли Российской империи с государствами Востока в XVIII – XIX в. в исследованиях и документах. Т.1. Самара, 2008.
 17. Юхт А.И. Восточная торговля России в 30–40-е годы XVIII в. и роль в ней армянских купцов. По материалам астраханской торговли // Известия Академии наук Армянской ССР. Серия общественных наук. 1956. № 3.
 18. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок (20-е – 60-е гг. XVIII в.). М., 1994.

УДК 94(47).470.4

А.Г. Иванов, А.А. Иванов¹

Сословные предложения царевokokшайского купечества в Комиссию о коммерции 1764 г.

Царевokokшайское купечество; жизнедеятельность; сословные предложения; Комиссия о коммерции.

На материалах, поступивших в Комиссию о коммерции в 1764 г., в целостном виде рассматриваются условия жизнедеятельности, торги, промыслы, подати, повинности и различные аспекты сословных предложений купечества Царевokokшайска – одного из старинных русских городов Среднего Поволжья.

Среди материалов, поступивших в 1764 г. в Комиссию о коммерции из 37 российских городов, обширная Казанская губерния была представлена «донесениями» магистратов Самары, Уржума и Царевokokшайска [3, с. 339]. Из их числа для нас несомненный интерес представляют данные, относящиеся к уездному городу Царевokokшайску (основан в 1584 г.; совр. г. Йошкар-Ола – столица Республики Марий Эл), в котором в середине XVIII в. численность населения составляла около 1 тыс. человек обоого пола. В сословной структуре города (дворяне и чиновники, военные, духовенство, «гражданство», крестьяне и дворовые люди, разночинцы) на долю посадских людей («граждане») приходилось не менее одной трети от общей численности горожан [1, с. 252-259]. При всей «малолюдности» города и незначительности посада Царевokokшайска, расположенного в глуши марийских лесов на р. Малой Кокшаге, – левом притоке р. Волги, местное купечество заметно выделялось на фоне соседних уездных городов, вело актив-

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н., anani@marsu.ru; Иванов Алексей Ананьевич, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н., anani@marsu.ru.

ную торгово-промысловую деятельность не только в пределах Казанской губернии, но и «внутри Российской империи», отправляя свой товар даже «к морским портам и пограничным таможням»².

Собственно само «донесение» состоит из двух частей: ведомости Царевококшайского магистрата о торгах, промыслах и повинностях посадских людей³ и «представления» царевококшайского купечества, содержавшего сословные предложения в Комиссию о коммерции⁴.

По данным ведомости 1764 г. в посадской общине Царевококшайска числилось 136 купцов (душ муж. пола). Среди них купцов 1-й гильдии было 23 (16,9 %), 2-й гильдии – 19 (14 %), 3-й гильдии 94 человек (69,9 %). К последней были отнесены мелкие торговцы, купеческие приказчики, лавочные сидельцы, ремесленники (31 человек), владельцы «хмелевых садов», чернорабочие и поденщики. Как и в других городах еще с 1742 г. малоимущие «подлые люди» были записаны купцами третьей гильдии⁵, что в целом отразилось на внутрисословной структуре купечества, занятого различными видами торгово-промысловой деятельности. Судя по ведомости, царевококшайские купцы вели активную «градскую», «уездную» и «отъезжую» торговлю таким товаром как хмель, мед, воск, пушнина, лесоматериалы, «красная юфть» и прочее. Однако только купцы 1-й гильдии И.А. Пчелин и С.И. Вешняков, имевшие широкие торговые связи внутри страны, отправляли свой товар «к портам и таможням». Первый вывозил «к Санкт-Петербургскому порту сухим путем» товар на сумму до 2 тыс. руб., а второй – «отпускает водою суда до Астрахани» с товарами на такую же сумму⁶.

Негативными факторами, влиявшими на торгово-промысловую деятельность посадского населения, в том числе купечества, были принудительные казенные подати и повинности. С 1724 г. посадские люди вместо подворного налога были обложены подушной податью, взимаемой ежегодно с каждой ревизской души муж. пола по 1 руб. 20 коп. Подушная подать в целом налагалась на всю посадскую общину и раскладывалась с учетом имущественной состоятельности дворов. С посадских людей взыскивали в казну оброчные деньги за владение местами и помещениями торгово-производственного назна-

² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/64. Л. 3–3 об.; Ф. 794. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–47, 349–368; Д. 3. Л. 10–28; Д. 10. Л. 302–322.

³ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 455/64. Л. 1–8.

⁴ Там же. Л. 9–14.

⁵ ПСЗ. Т. 11. № 8504.

⁶ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 455/64. Л. 3–4.

чения. Им запрещалось самовольно переселяться и покидать свое тягло под угрозой жестокого наказания. Как податное сословие, посадские люди отбывали рекрутские, работные, постоянные, дорожные, мостовые и другие виды повинностей. При этом купеческая верхушка перекладывала основное бремя казенных повинностей на посадские низы [1, с. 289].

«Немалою тягостию» ложились на посадских людей так называемые «казенные службы». Ежегодно по посадскому выбору из их числа назначались бурмистры, старосты, целовальники, подъячие, сборщики, счетчики, ларешные для продажи соли и хлебного вина при кружечных дворах, конских площадках, перевозах, таможнях, сбора подушных денег и других податей. Эти повинности отбывались не только в своем городе и Царевококшайском уезде, но и в дальних местах. Особенно тяжело страдали посадские люди от частых «отъезжих и весьма отдаленных служб». Из-за дальнего расстояния выборные люди не могли «вскорости» возвращаться домой. Для некоторых отъезжие службы растягивались на многие годы, что приводило к расстройству их торгово-промысловой деятельности и даже разорению. В качестве бурмистров, целовальников, сборщиков, ларешных выборные посадские люди из города Царевококшайска посылались в разные города Сибири, Казанской, Оренбургской и других губерний, Уфимской и Исетской провинций и другие места [1, с. 290].

По ведомости 1764 г., царевококшайские посадские люди служили: в Усть-Камских соляных магазинах на продаже соли ларешным – 1; целовальником – 1; там же в соляном правлении у таможенных магазинов ларешным – 1; в Исецкой провинции в качестве целовальника у кабацкого сбора – 1; в Цивильске сборщиком денег в кружечном дворе – 1; в Свияжске счетчиком при продаже вина – 2; в Царевококшайске у кабацкого и конского сбора бурмистром – 1; ларешным – 1, целовальниками – 2; при сборе пошлин с явки солода и меда сборщиком – 1; в магистрате при подушном сборе старостой – 1; на приеме и продаже соли головой – 1; целовальником – 1. Всего на службе находилось 15 человек, в том числе 3 были представлены купцами второй гильдии, служившими в Царевококшайске, а остальные – третьей гильдии, отбывавшими отъезжие службы. Тяжесть казенных служб усугублялась тем, что они не оплачивались. Основное их бремя падало на «маломочных» посадских людей. Верхушка купечества избегала отъезжих отдаленных служб⁷.

⁷ Там же. Л. 6–8.

Материалы «представления» царевokokшайского купечества 1764 г. свидетельствуют о том, что главенствующее положение в посадской общине принадлежало ее верхушке. «Первостатейное» купечество все более осознавало свои социальные интересы и выдвигало различные предложения по укреплению своих сословных прав. Отвечая на вопрос Комиссии, какие причины вызывают «неудовольствие и в торгах помешательство, тягости и притеснения», препятствующие «к пользе и распространению комерцы», царевokokшайское купечество «разумет» следующее. Во-первых, «неудовольствие есть царевokokшайскому купечеству розничная покупка в городе и в уезде приезжими купцами и протчими людьми разных товаров». Между тем, основным источником приращения купеческого капитала являлась местная торговля, при которой царевokokшайские купцы скупали в розницу у уездных крестьян разный товар (воск, мед, хмель, пушнина и прочее) и оптом по более высокой цене сбывали приезжим торговцам. Постоянные наплывы иногородних купцов, скупавших в розницу «всякой товар» на городском торгу и в уезде, причиняли царевokokшайскому купечеству «великие обиды». Царевokokшайский магистрат из-за недостатка правовой базы не в состоянии удержать «от того» пришельцев. Чтобы не допустить разорения, царевokokшайские купцы в первом пункте своего «представления» настойчиво предлагали искоренить розничную торговлю иногородними купцами в Царевokokшайске и его уезде. Это требование они мотивировали и тем, что «здешние купцы» в других городах вынуждены покупать по оптовой цене всякий товар, «подлежащий в отвоз в свой или иной город на продажу»⁸.

Во втором пункте своего «представления» царевokokшайское купечество настаивало на запрете некупеческой торговли и установлении монопольного права торговли за купцами. Местное купечество с горечью констатировало, что «в торгах, то есть в покупке товаров помешательство чинят разночинцы и уездные яшашные и дворцовые крестьяня – покупают товар всякой, не записываясь в посад, и отпускают великие с тем покупным товаром отпуски и тем царевokokшайскому купечеству в торгах чинят великое помешательство». Для искоренения крестьянской и разночинской торговли предлагалось предоставить магистрату право на конфискацию товаров, покупаемых и продаваемых крестьянами и разночинцами. В этом магистрату всяческое содействие должна была оказывать воеводская канцелярия и

⁸ Там же. Л. 9–9 об.

тогда «царевококшайское купечество в торгах помещательства иметь не будет»⁹.

В третьем пункте выдвигалось требование, чтобы купцам разрешили покупать и «иметь крепостных людей». Это мотивировалось тем, что из-за частых казенных служб царевококшайские купцы «в малолюдственном городе» не в состоянии сами отвозить свой товар в другие места. А достойных и честных приказчиков из числа разночинцев, уездных крестьян и купечества (заняты на казенных сборах, отъезжих и гражданских службах) «сыскать невозможно». Такие порядочные приказчики могут найтись только среди покупных крепостных людей, которых от неправедных поступков будет сдерживать хозяйский гнев и наказание, а также надежда «за верные услуги получить от господина награждение или свободу». На таких приказчиков из числа крепостных «купцу надеется можно во всем». Тем более, что в этой должности приказчик будет привычен «в добрых порядках» и исключительно «честным человеком». А наемные вольные приказчики «от необыкновения их к торгу» не то что хозяевам приносят «прибытки», но нередко теряют товар и приводят к разорению купцов. Только из купленных крепостных людей могут быть порядочные приказчики, которых по-мнению царевококшайских купцов, «все купцы, проча себе, их обучать должны тому же, чему сами искусны; купечеству или ремеслу»¹⁰. За всем этим, видимо, в большей степени речь не идет о деловых и человеческих качествах идеального купеческого приказчика, а стремление купцов получить дворянское право иметь крепостных людей, что характерно было в XVIII в. для всего российского купечества [3, с. 328 – 329].

В четвертом пункте «представления» прозвучало предложение освободить купечество от «отъезжих служб», так как «царевококшайскому купечеству по малолюдству довольно и в своем городе службы», в особенности связанные с камер-коллежскими денежными сборами. Как отмечали составители этого документа, от ежегодных «отъезжих и весьма отдаленных служб» прежде всего страдали дворохозяева «из самого малого и небогатого купечества», из числа которых «выборы и высылки бывают». Эти несчастные выборные люди годами не могут возвращаться с чужбины домой. От этого их торговля не только «умаляетца», но «и разоряетца». Тяжелая отъезжая служба сказывается и на демографической ситуации. Не случайно между вторым и третьим ревизиями (1744–1764) в царевококшайском посаде

⁹ Там же. Л. 10–10 об.

¹⁰ Там же. Л. 10 об.–11.

произошло лишь небольшое «народное умножение» в 7 ревизских душ мужского пола. Для прироста народонаселения и поддержки «маломочных», недопущения дальнейшего их разорения следует уволить их от «отъезжих служб» к «великой пользе» всего царевokokшайского купечества¹¹.

В пятом пункте «представления» царевokokшайское купечество выразило недовольство тем, что «градцкая и выгонная земля» Царевokokшайска застроена дворами многих разночинцев и уездных крестьян, а также занята чужими «огородами на сады и на покосы». Между тем эти пригородные земли могли бы стать важнейшей статьей прибыли царевokokшайского купечества: «По обстоятельству же здешняго места и по влажности воздуха в городе Царевokokшайску и около города хмелю садоваго многое число; а к таковым садам ис царевokokшайского купечества многие искусны, и весьма полезно содержать по довольному числу всякого скота». Но, как далее сетуют составители, «удобные к заведению хмелевых и скоцких заводов многие градские места» заняты посторонними людьми, «не записавшимися в купечество и в цехи», и которые «никакого плода не приносят и подати в магистрат не делают, ни службы гражданской не несут, и ни в каком послушании у магистрата не бывают». От этих людей «иному ничего не быть, разве каких непорядков ожидать». А воеводская канцелярия ничего не предпринимает, чтобы наказать и выслать на прежние местожительства этих застройщиков. Купцы в этой связи настаивали на том, чтобы власти поступали «по законам»; очистили подгородные земли, что позволит им завести «на своей земле хороших хмелевых и скотских заводов». За искусно сделанный свой товар можно будет «езде» получать высокую цену и «похваление». Благодаря свободному и искусному рукоделию «при божией помощи» наступит «изобилие» здешнего города. Расширение и укрепление торговых связей Царевokokшайска с другими городами и регионами будет способствовать «пользе народной»¹².

Так завершаются сословные предложения царевokokшайского купечества, составной части посадской общины, весьма типичные и для других уездных средневожских городов, нашедших отражение в депутатских наказах в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг. [2, с. 5-31].

1. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-

¹¹ Там. Л. 11–13.

¹² Там же. Л. 13–14.

Ола, 1995.

2. *Иванов А.Г.* Предпринимательство купечества уездных городов Среднего Поволжья в середине XVIII века // Предпринимательство Поволжья: истоки, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции, Чебоксары, 23 – 24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998.
3. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов М., 1999.

УДК 94(470)«16/18»

Е.Д. Беспалёнок¹

Отношения купеческой элиты с купечеством города Вязьмы в XVIII в.

Купечество; купеческая элита; бургомистры; конфликты.

В XVIII в. представители купеческой элиты нередко служили в качестве бургомистров городских магистратов. Отношение их к купечеству города наиболее ярко проявлялось в конфликтах. Одни бургомистры определенно занимали сторону купечества, а другие были инициаторами конфликтов с купцами, защищая свои личные интересы.

В XVIII в. в России происходило формирование купеческого сословия. В то же время складывались представления об идеальном образце, к которому должна была стремиться верхушка купечества. По мнению Н.В. Козловой, одна из характерных черт «русского образа "совершенного купца" XVIII в.» состояла в признании в качестве неопровержимого результата его деятельности не только личного обогащения, но и общественной пользы» [1, с. 358]. Насколько этому идеалу соответствовали представители купеческой элиты? Какие отношения складывались между ними и городским купеческим сообществом? Что преобладало в поведении купеческой элиты – противостояние городскому сообществу, подогреваемое желанием наживы, или стремление защитить интересы купечества? Эти вопросы будут рассмотрены на материалах Вязьмы 40-60-х гг. XVIII в. Эти материалы представлены главным образом судебными делами, хранящимися в фонде Главного магистрата РГАДА.

В современной социологии существует несколько подходов к понятию «элита», даются различные его трактовки. Наиболее часто к элите относят лучших представителей социума. В условиях провинциальных городов России XVIII в. представителями элиты были богатые

¹ Беспалёнок Елена Дмитриевна, Смоленский государственный университет (РФ, Смоленск), к.и.н., edbеспalenok@mail.ru.

и уважаемые купцы, многие из которых, как правило, выбирались купечеством на должности бургомистров. В середине XVIII в. «магистраты не являлись частью посадско-общинного самоуправления. Они стояли над посадским миром, как его начальство. Избираемые из состава верхушки посадского общества, они... являлись главным образом проводником политики государственной власти по отношению к городскому тяглому населению» [2, с. 103].

В этой статье в качестве представителей купеческой элиты города Вязьмы в центре внимания будут купцы А.Ф. Бубнов и Ф.Т. Юдичев. Аггей Филиппов сын Бубнов был выбран на должность бургомистра не позднее мая 1744 г. В 1752 г. он скончался, будучи еще бургомистром. На его место в том же году был выбран Федор Трофимов сын Юдичев. Он служил бургомистром Вяземского магистрата восемь лет и 25 июля 1760 г. был уволен от должности².

А.Ф. Бубнов родился в семье потомственного вяземского купца Ф.А. Бубнова в конце XVII в. Имя деда А.Ф. Бубнова значится в списке имен «вязмичем посацким людям старым», составленном в 1651/52 г. М.В. Колычовым³. Вместе с отцом и младшим братом Тимофеем Аггей занимался торговым промыслом. Купцы Бубновы торговали «харчевным мясным и рыбным товаром», а также отъезжали в деревни с разной «мелочью»⁴. Братья Бубновы, согласно летописным записям Входоиерусалимского храма 1740-50-х гг., жили в этом приходе, известном как один из самых богатых⁵.

Дела и документы, к которым имел отношение А.Ф. Бубнов во время своего пребывания на должности бургомистра города Вязьмы, свидетельствуют о том, что он всегда был на стороне городского купеческого сообщества в целом и отдельных купцов в частности.

Самым ярким доказательством этого является определенная позиция бургомистра Бубнова в событиях, произошедших в Вязьме 23 февраля 1745 г., когда ночью во дворе купца П. Кирилова троекратно вспыхивал пожар. Виновниками загораний были гости семинарского учителя Посникова, квартировавшего у П. Кирилова. Разъяренные вяземские купцы, вынужденные трижды за ночь прибегать для тушения пожара, избили учителя. Вследствие этого в Главном магистрате было заведено судебное дело, которое показывает, что среди купцов был и бургомистр Бубнов вместе со своим братом. «...Оного учителя Пос-

² РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 465. Л. 1; Д. 6230. Л. 1, 5; Д. 11 574. Л. 3.

³ Там же. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 15-а. Л. 50.

⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 764. Л. 367; Д. 776. Л. 161 об.

⁵ Государственный архив Смоленской области. Ф. 48. Оп. 2. Д. 1058. Л. 2 об.

никова, приходя к нему в квартиру nocturnal временем, смертно били и разоряли. Первым был при том онога города Вязмы бургомистр и первостатейный купец Агей з братом Тимофеем Бубновы. Причем и приговаривали множеству людям, кои с ними в то nocturnal время были, чтоб онога учителя бить нещадно. И бив, по приказу их, повели онаго учителя, да с ним того ж города Спаскаго попа Василья и семинаристов в магистрат, где и держали всех оных взятых, яко сущих злодеев, порознь всю ночь. А поутру ...онаго учителя с товарищем своим вяземским же купцом Парфеном Гайдуковым прислал в Вяземское духовное правление. Того ради... онога Бубнова взять в Москву в Главный магистрат для учинения ему за показанные продерзости по силе указов»⁶. Через несколько лет дело А.Ф. Бубнова было прекращено. Находясь под следствием, А.Ф. Бубнов продолжал исполнять свою службу в Вяземском магистрате. При этом бургомистр Бубнов не спешил выдавать властям для наказания провинившихся вяземских купцов. Так было в 1749 г., когда из канцелярии розыскных дел Гжатской пристани было получено требование о высылке к следствию из Вязмы купца П. Батенина, оговоренного ворами⁷.

Доброжелательное отношение А.Ф. Бубнов проявлял к купцам и других городов, за что даже был обвинен в сговоре с дорогобужскими купцами Н. и А. Прудниковыми их племянницей шляхтянкой М. Лыкошевой, затеявшей тяжбу о наследстве со своими родственниками. За сговор был принят дружелюбный разговор купцов между собой⁸.

Сменивший А.Ф. Бубнова на посту бургомистра Ф.Т. Юдичев был также потомственным вяземским купцом. Его дед служил рейтаром и был успешным предпринимателем, торгуя, согласно вяземским таможенным книгам XVII в., в основном железным товаром: «укладом тифинским», замками и сохами⁹. Накопив капитал, он записался в посад. Ф.Т. Юдичев вместе с братьями продолжил дело деда, сохранив первоначально торговую специализацию. В дальнейшем Ануфрий и Федор Юдичевы расширили свое торговое предпринимательство, отправляя к Рижскому порту струги, груженые «пенькою и льном, семем льненым, железом, маслом конопляным и всякого звания хлебом и всяких разных сортов товаров». Годовой оборот братьев состав-

⁶ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 1794. Л. 54 об.–55.

⁷ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3550. Л. 1–2 об., 9.

⁸ Там же. Д. 1435. Л. 1–2.

⁹ Там же. Ф. 137. Оп. 1 (Вязьма). Кн. 36. Л. 78, 78 об.; Кн.39. Л. 81.

лял 6 тыс. руб.¹⁰. Как и Бубновы, Юдичевы числились среди прихожан Входоиерусалимского храма.

В отличие от своего предшественника, Ф.Т. Юдичев занимал неоднозначную позицию по отношению к вяземскому купечеству, в котором он видел как своих сторонников, так и врагов. При Ф.Т. Юдичеве вяземское купечество было разделено на своего рода партии, принадлежность к которым прямо зависела от отношений купца с бургомистром. Личная неприязнь, зависть к отдельным купцам определяли характер действий Ф.Т. Юдичева в отношении их.

Самый затяжной конфликт был у Ф.Т. Юдичева с И.С. Барышниковым. Бургомистр претендовал на лавку, доставшуюся по наследству Барышникову. Ф. Юдичев использовал все возможные средства для давления на молодого купца. Он несколько лет задерживал регистрацию в магистрате купчих И. Барышникова «на покупные места», приказывал квартирмейстерам ставить в его дом «многократно, не по очереди, постоем разных чинов людей», принуждал окладчиков отягощать И. Барышникова излишними податями, одновременно уменьшая их для «свойственников» Юдичева. Бургомистр незаконно отказывал И. Барышникову в даче аттестатов для подрядов, «отговариваясь, якобы и верить нечему», причем такая мера воздействия применялась Юдичевым не только к нему, но «и другим, кто ему не услужит». Бургомистр запрещал работным людям наниматься на работу к И. Барышникову. Наконец, в 1760 г. Ф. Юдичев, считавший, что купец должен с ним «делиться», задержал 2000 руб., присланных И. Барышникову за поставленный им по подряду в рижские магазины провиант. Все это было рассмотрено в Главном магистрате и дело было решено в пользу И.С. Барышникова¹¹.

Зависть испытывал Ф. Юдичев и по отношению к племяннику его предшественника на посту бургомистра Якову Бубнову, пожелавшему в 1759 г. «для протесту векселей быть публичным нотариусом». Несмотря на поддержку его кандидатуры купечеством, бургомистр выдвинул возражения против избрания Я. Бубнова, сообщая, в частности, о том, что инициатором его избрания на должность нотариуса был его родной дядя Т.Ф. Бубнов. Возражения бургомистра не были приняты¹².

На взаимоотношения Ф.Т. Юдичева с вяземским купечеством обратил внимание С.М. Соловьев: «Купечество города Вязьмы подало

¹⁰ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 3.

¹¹ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9849. Л. 1–16.

¹² Там же. Д. 9109. Л. 1–13.

челобитную, что в прошлом году оно просило о перемене бывшего тогда в Вяземском магистрате бургомистром Юдичева за непорядочные поступки и о предании его суду... Тогда Сенат велел Юдичева отрешить и на его место выбрать купечеству другого... Но хотя Юдичев и отрешен, однако о непорядочных его поступках рассмотрения не последовало» [4, с. 611-612].

Ф.Т. Юдичев, еще не освобожденный от должности, мстил челобитчикам, используя известные ему сведения. Так, бургомистр написал доношение, по которому требовал учинить «наказание бить плетми» купца Ф. Чертолина. В своей челобитной Чертолин объяснял, что бургомистр единолично написал доношение «по злобе на него за поданное в Правительствующий Сенат на него прошение о смене которого за непорядочные его поступки». При этом поводом было уже закрытое дело восьмилетней давности¹³.

После окончания пребывания на должности бургомистра у Ф.Т. Юдичева оставались в городском магистрате «свои люди», что показала тяжба брата Юдичева с купцами Фатовыми в 1768 г. Троекратное обращение Фатовых в Вяземский магистрат не дало результатов, потому что служащие его, «дружа и нороя предписанному Юдичеву», не давали делу хода¹⁴.

Несмотря на то, что А.Ф. Бубнов и Ф.Т. Юдичев были разными людьми, их объединяло одно обстоятельство. Оба они были храмостроителями. Таким образом, идея общественного служения, ответственность за своих сограждан отразилась, вероятно, даже не осознаваемая представителями купеческой элиты, в щедрых пожертвованиях на строительство храмов. Одной из причин участия купечества в храмостроительстве А.В. Семенова назвала то обстоятельство, что «при приоритетном положении дворянства благотворительность и храмосозидание часто являлись для купечества именно той сферой, где оно могло получить общественное признание» [3, с. 434].

Характерно, что, по материалам метрических книг вяземских церквей, и А.Ф. Бубнов и Ф.Т. Юдичев были типичными представителями элиты и в том, что кумовьями их и их родственников были, главным образом, такие же богатые и авторитетные купцы, а также священники.

Итак, на отношения с купеческим сообществом, оказывали влияние как личные качества представителей купеческой элиты, так и поведенческие стереотипы и общие ценности, характерные для этого

¹³ Там же. Д. 10 337. Л. 1–4 об.

¹⁴ Там же. Д. 15 017. Л. 1–74 об.

слоя купечества. Одни, подогреваемые желанием наживы, могли противостоять городскому сообществу, другие могли самоотверженно защищать интересы купечества. Характерно, что большинство представителей купеческой элиты были жертвователями на строительство городских храмов.

1. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.
2. *Козлова Н.В.* Городское самоуправление и городская администрация в России XVIII века // Управление городами: история и современность: материалы научной конференции. Тверь, 23-24 ноября 2000 г. Тверь, 2001.
3. *Семенова А.В.* Национально-православные традиции в менталитете русского купечества в период становления предпринимательства // История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. М., 1993. Кн. XII. Т. 24.

УДК 94(47). 066–071

С.Л. Перечицкая¹

Характер социальных конфликтов в новообразованных посадах в конце XVIII в. (на примере Дубовского посада)

Посад; купечество; экономические крестьяне; сословные интересы; промыслы; межевание.

В статье рассмотрены межсословные конфликты, отражающие хозяйственные и имущественные интересы городских и сельских жителей новообразованного Дубовского посада в конце XVIII в. Показана роль представителей губернской и уездной власти в разрешении конфликта между купечеством и крестьянством.

В городских образованиях, появившихся вследствие реформ 1775–1785 гг., отношения между сословиями были далеки от идеальных [1; 2; 4]. Во многом это объяснялось тем, что, как правило, в посад или город переименовывалось сельское поселение, основу которого составляли государственные, в том числе, казенные (экономические) крестьяне, информированные о возможности их перевода в городские податные сословия – мещанство и купечество, и имевшие возможность остаться в прежнем звании без перемены места жительства.

¹ Перечицкая Светлана Леонидовна, Волгоградская станция детского и юношеского туризма и экскурсий (РФ, Волгоград), к.и.н., vsdt-ps@yandex.ru.

Образование Дубовского посада имело свои отличительные особенности. Переименование посада из сельского поселения произошло по высочайшему рескрипту в 1785 г. Указ о переводе местных экономических крестьян был озвучен только в 1791 г., в год окончания русско-турецкой войны (1787–1791), открывший запись всех пожелавших в купечество и мещанство с 1792 г. Процесс перевода крестьян в городские податные сословия к началу 1796 г. имел следующий результат: 703 души мужского пола, из которых 64 составили мещане, 639 – купцы. [3, с. 60-87].

Городские сословия Дубовского посада были сформированы преимущественно из экономических крестьян Дубовки и близлежащих селений.

В момент учреждения Дубовской посадской ратуши 16 июня 1797 г. саратовской губернский чиновник поставил перед Сенатом вопрос о дальнейшем определении сословного состояния крестьян Дубовского посада в количестве 541 человек, оставшихся после проведенной записи. Правительство признало желание дубовских экономических крестьян числиться в прежнем звании [3, с. 124-131].

Оставались в посаде и казаки бывшего Волжского войска, значительная часть которых в 1776–1777 гг. была переведена на новые заградительные рубежи государства – на Моздокскую линию.

Документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО-1) подтверждают: «В Дубовском посаде состоит три общества: одно – купеческое, другое – казацкое и третье – крестьянское»².

Исследователи отмечали, что отличительной чертой структуры образуемых городских поселений периода проведения реформ 1775–1785 гг. было наличие в ней сельских и городских жителей с соответствующим разделением по роду своих занятий. [1, с. 207; 2, с. 87-89; 4, с. 275]. Подобное соседство приводило к столкновению интересов представителей разных сословий.

В Дубовском посаде с 1792 по 1798 г. причинами конфликтов между купцами и крестьянами были:

отсутствие выгона для скота посадских людей (выгон имел большое значение для купцов, занимавшихся волоком разнообразных грузов с Волги на Дон и поднявшихся на этом экономически);

отсутствие разграничения прав на землю, отведенную под сенокос;

стремление купцов заниматься хлебопашеством и сенокосом.

² ГАВО-1. Ф. 233. Оп. 2. Д. 130. Л. 15 об.

шением, свойственным крестьянам;

стремление экономических крестьян заниматься торговлей – промыслом, свойственным посадским людям;

завладение или уничтожение крестьянами имущества купцов;

неплатежи государственных податей посадскими людьми, вышедшими из дубовских экономических крестьян по крестьянскому званию и пользующихся крестьянскими выгодами (низким платежом на почтовое содержание, сенными землями и угодьями, возможностью рубить дрова в совместных владениях с крестьянами, отмежеванных с начала их заселения на эти земли в 1778 г.);

желание дубовских экономических крестьян переселиться вверх по Волге на три версты, угрожавшее подрыву купеческим промыслам (остановки купеческих судов на Волге, притеснения в прогоне скота, застройка земли, планируемой под выгон горожанам);

самовольный захват земли и самострой крестьян и горожан на торговой площади, перегордивший подъезд к пристани.

Разбирательством спорных вопросов занимались уездные и губернские учреждения, решения многих вопросов не были доведены до конца. [3, с. 88-160].

При изучении документов Государственного архива Волгоградской области³ открылись новые обстоятельства развития межсословных отношений внутри Дубовского посада. Материалы ратуши за 1799 г. свидетельствуют об обострении противостояния посадского и крестьянского обществ. Основанием конфликта стали два момента – нежелание экономических крестьян оставить купеческий и мещанский промысел, а также отсутствие четкого разграничения выгона для скота горожан и сельских жителей Дубовки.

Ярко выраженный конфликт начался в середине марта и продолжался до июля 1799 г. включительно. 13 марта купеческий староста и соцкий вполне законно потребовали при обходе торгового двора на пристани свернуть торговлю «разными товарами купечеству свойственными» одному из крестьян, но услышав в свой адрес угрозы и попав под рукоприкладство, ретировались. Находившийся здесь же староста экономических крестьян ссылаясь на позволение, данное Царицынским нижним земским судом, объявил, что «якобы тот базар одними ими (крестьянами – С.П.) заведен и одним им торговать принадлежит». Несмотря на действовавший запрет, крестьяне также продолжали застраивать торговую площадь и пристань своими лавками.

³ ГАВО-1. Ф. 235. Дубовская посадская ратуша. Оп. 2. Д. 131–140.

Формально закон был на стороне купцов. Согласно Высочайшим узаконениям: Соборного Уложения, Магистратского регламента, Таможенного Устава, Городового Положения «крестьянам купеческими товарами, кроме одних хлебных припасов, из уезда проводимых, торговать накрепко запрещено». А статья 56 Городового Положения гласила: «буде кто не вписан в городовую обывательскую книгу того города, тот не только не принадлежит к гражданству, того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»⁴.

Дубовская посадская ратуша требовала от Царицынского нижнего земского суда после расследования обстоятельств дела со старостой и крестьянами поступить по законам, однако, как показали события – заседатели данного суда были на стороне экономических крестьян и игнорировали большинство сообщений ратуши.

Так, земский исправник, находясь в посаде, неоднократно прибегал к телесным наказаниям в отношении купцов без видимых причин и решений суда. Одного из купцов избил палкою и посадил в тюрьму на трое суток, где держал на цепи. В другой раз при обходе улиц Дубовки с крестьянским старостою с пристрастием оценивал развалы леса и сухостоя исключительно только у купеческих домов и избивал палкою их хозяев⁵.

Таким образом, первый член Царицынского нижнего земского суда комиссар Рожнов «вместо отправления в уезде правосудия и сохранения благочиния сам открыл некоторое пристрастие к крестьянам»⁶. А староста общества экономических крестьян, будучи главным инициатором конфликтных ситуаций с купечеством пользовался ситуацией и прикрывался поддержкой того же суда.

С 20 мая крестьяне во главе со старостой стали угонять пасущийся на выгоне и принадлежащий купцам скот, как с общественных земель, так и с нанятых у здешних помещиков и казаков бывшего Волжского войска. Загоняли волов от 40 до 200 голов на двор одного из крестьян, морили, допускали до увечий и требовали выкуп за каждую купеческую скотину. Особенно нервной бывали случаи захвата волов, подготовленных к перевозке грузов из Дубовки до Качалинской станицы по действовавшим договорам, время шло, а хозяева обсуждали с крестьянским старостой отпуск рабочей скотины. Не спасала ситуации отправка нарочного от купцов в Царицынский нижний земский суд, тот привозил распоряжение суда об освобождении

⁴ Там же. Д. 137. Л. 27–30.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 32–38.

дении скота и обещании «впредь не чинить подобных своевольств», староста же стоял на своем и без выкупа купеческих волов отпускать отказывался⁷.

Доведенные до отчаяния бездействием нижнего земского суда 23 июня купцы посада, оценивая убыток и подрыв своей коммерции, обратились с докладом в Саратовское губернское правление и к губернскому прокурору, где изложили все случаи притеснений горожан экономическими крестьянами⁸.

На обвинения крестьян в пользовании купцов крестьянскими выгодами – сенокосением, землепашеством, заведением бахч, держанием хуторов, рубке дров в неотведенных им участках, Дубовская посадская ратуша завершила Саратовское губернское правление, что «ведомство Дубовского посада купцы и посадские по неимению земли хлебопашества и посева хлеба не производят»⁹. Кроме того, выгон, по мнению заседателей ратуши «более посаду принадлежит, нежели крестьянам, то ратуша сия за силою состоявшихся прошлого 798 года августа в 14 день подтвержденных ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ дополнительных для межевания земель статей, пресечь скотоводство не может, о чем нижний земский суд дает знать сообщением», да и «места, занимаемые пристанью, крестьянам весьма не принадлежат»¹⁰.

Указом Саратовского губернского правления Царицынскому нижнему земскому суду настоятельно предписывалось удерживать экономических крестьян Дубовского селения от непозволенной им торговли и притеснений купцов и мещан¹¹. Решался и вопрос с назначением Дубовскому посаду выгона. 23 июня губернское правление рекомендовало купцам «ожидать от Генерального земель размежевания, а до тех пор довольствоваться общим выгоном с живущими здесь государственными крестьянами»¹². А уже 20 октября 1799 г. указом Саратовской межевой конторы потребовало от ратуши в свое ведомство откомандировать бургомистра для назначения Дубовскому посаду выгона для скота двухверстную пропорцию¹³.

Оказанная государством поддержка экономическим (казенным) крестьянам привела к проявлению некоторого их своеволия в отдель-

⁷ Там же. Д. 135. Л. 16 об.–17, Д. 137. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 133. Л. 31–33 об.

⁹ Там же. Д. 135. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 134. Л. 24–24 об.

¹¹ Там же. Д. 137. Л. 29–29 об.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Там же. Д. 140. Л. 17–17 об.

ных сельских и городских поселениях, как, например, в Дубовском посаде. Казенные крестьяне находились под особым вниманием императора и Сената. В самом конце XVIII в. власть пыталась упорядочить переходы данной категории населения в города, стремилась создать для нее благоприятные условия хозяйствования, тем самым закрепить в прежнем крестьянском звании¹⁴.

Многочисленные жалобы о притеснениях со стороны разных начальств, поступавшие от крестьян казенного ведомства в правления Павла I, не оставались без внимания. По январскому указу 1798 г. губернаторам было предписано защищать интересы экономических (казенных) поселян и искоренять всякого рода злоупотребления в их адрес, а губернским прокурорам надзирать за исполнением высочайшего распоряжения¹⁵.

Таким образом, в проводимых социальных преобразованиях посада дубовские крестьянское и посадское общества занимали активную позицию в отстаивании собственных сословных интересов. Разница была в методах достижения целей. Крестьянство прибегало к провокациям и личным столкновениям. Купечество старалось действовать в рамках законодательства через подачу сообщений, прошений и жалоб в вышестоящие учреждения, избегало открытых конфликтов.

За первые годы своего существования дубовское посадское общество приобрело важный социальный опыт – оно пришло к осознанию собственных интересов, научилось их транслировать в вышестоящие инстанции, что не могло не сказаться на росте групповой сплоченности купечества и росте его сословного самосознания.

1. *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.
2. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
3. *Перечицкая С.Л.* Царицынская округа в правительственных планах освоения юга Российской империи в последней четверти XVIII века. Волгоград, 2013.
4. *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006.

¹⁴ Там же. Д. 1, Д. 20. Л. 1; ПСЗ. № 18 213. С. 773–774.

¹⁵ ПСЗ. Т. XXV. № 18 352. С. 52; ГАВО-1. Ф. 233. Оп. 2. Д. 186. Л. 1–1 об.

Посещение Москвы австрийским императором Иосифом II в 1780 г.: статусные признаки «первопрестольной» русской столицы глазами августейшего туриста (по материалам наружного наблюдения московской полиции)

Русский дореформенный город; функции города; статусные признаки города; столица.

Посещение Москвы Иосифом II и материалы наблюдения за именитым гостем позволяют реконструировать облик города и выделить признаки и черты, вызывавшие у его посетителей наибольший интерес и являвшиеся признаками его особого столичного статуса.

Большой интерес для раскрытия характерных черт русского города второй половины XVIII в. представляют материалы, повествующие о визите в Москву императора Австрии Иосифа II, который летом 1780 г. совершил продолжительное путешествие по территории России. Обе стороны хотели сохранить этот визит в тайне, поэтому он носил неофициальный характер, а сам монарх путешествовал под именем графа Фанкельштейна (по наименованию одного из владений Габсбургов). Анонимность императора соблюдалась самым строжайшим образом. Даже в российских документах, доступных лишь крупнейшим сановникам империи, путешествующий монарх фигурирует или как граф Фанкельштейн, или, еще короче, только как «граф...» (именно так – с многоточием после титула)².

В наши дни визит «графа Фанкельштейна» давно не является тайной и неоднократно, так или иначе, упоминался в работах, посвященных правлению Екатерины II [1, с. 373-381; 4, с. 227-228]. Однако при изложении посещения августейшим путешественником Москвы за основу брался небольшой по информативности документ – письмо московского главнокомандующего князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского³, опубликованное в 1897 г. в «Русской старине»⁴. Сообщение представляло собой отчет, подготовленный для императрицы Екатерины II, и отправленный ей 10 июня того же года. В этом

¹ Белов Алексей Викторович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., belovavhist@mail.ru.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 19–19 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Русская старина. Т. 89. Вып. 2. 1897. № 2. С. 231-232.

документе в самых общих чертах излагались перемещения и действия, предпринимаемые «графом...», в «первопрестольной» столице Российской империи.

Записка небольшая по объему (всего 18 печатных строк). Поэтому в ней оказались отражены только самые значимые с точки зрения отправителя происшествия. Например, описание насыщенного событиями 3-го дня ограничились всего 10-ю словами.

При прочтении документа складывается впечатление, что В.М. Долгоруков-Крымский стремился добиться двух целей. Во-первых, показать, что августейший гость был доволен приемом и городом. Во-вторых, отметить свой личный вклад в достижение поставленных перед ним задач.

Естественно, что «генерал-аншеф и в Москве главнокомандующий» не сам сопровождал именитого гостя во всех его перемещениях по городу. Эти обязанности (как и охрану Иосифа II) выполняли силы полиции, фактически подведомственные губернатору Московской губернии генерал-майору Николаю Петровичу Архарову. Его люди контролировали весь процесс передвижения австрийского императора по городу. Отчитываясь обо всем происходящем в течение дня перед своим начальником, они составляли для него подробные «репорты». О вторичности рапорта московского губернатора по отношению к отчетам, выполненным «по горячим следам» наружного наблюдения, говорит тот факт, что в ряде мест рапорта Н.П. Архарова целенаправленно сделаны пропуски, выполненные в виде многоточий.

По отношению к главнокомандующему Москвы В.М. Долгорукову-Крымскому, губернатор Н.П. Архаров находился в подчиненном положении. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что сохранившийся в архиве текст записки был подготовлен им для передачи своему вышестоящему начальству – то есть В.М. Долгорукову-Крымскому. На основе этого источника и был сформирован небольшой отчет, отправленный Екатерине II, который и опубликован спустя 117 лет в «Русской старине». Благодаря этой публикации текст отчета стал доступен для широкого использования, превратившись в основной источник для описания проживания путешествующего австрийского императора в Москве.

Исследователям хорошо известно письмо В.М. Долгорукова-Крымского императрице Екатерине II, что нельзя сказать о рапорте Н.П. Архарова. Между тем, последний в силу обстоятельств возникновения и значительно большего объема (3 листа рукописного текста против ½ странички опубликованного сообщения московского гене-

рал-губернатора) значительно полнее описывает пребывание Иосифа II в Москве. Судя по содержанию этого отчета, за императором был установлен плотный контроль. Наблюдатели буквально по пятам следовали за августейшем гостем. Отслеживалась каждая минута его жизни. Особенно, когда австрийский гость входил в помещения, выпадая из поля зрения сопровождающих⁵.

На основании записки Н.П. Архарова (с привлечением некоторых других источников⁶) можно достаточно подробно восстановить весь процесс пребывания императора в старой русской столице. Кроме того, полнота и подробность описания дают возможность не только восстановить маршруты и круг интересов августейшего путешественника, реконструировать облик Москвы, но и увидеть те черты, которые, согласно взглядам просвещенного правителя, являлись обязательными для важного столичного города, выступая его неотторжимыми признаками.

Иосиф II прибыл в Москву 6 июня 1780 г. «во втором часу по полудни», остановившись в трактире «Город Прага»⁷ (или просто «Прага»⁸), учрежденном в доме коллежского асессора Угрюмова за Красными воротами на Новой Басманной. Здание не являлось трактиром, и было специально подготовлено московскими властями для размещения знатного гостя⁹. Покинул император город на седьмой день своего пребывания (12 июня), когда «по полудни в 11 часов отправился в Санкт-Петербург». Эта неделя была чрезвычайно наполнена различными событиями. В первую очередь посещением значимых для него и принимающих лиц мест, из чего можно сделать выводы о наиболее типичных качественных признаках русского столичного города того времени в восприятии современников.

Описания «прогулок» Иосифа II по Москве дают возможность оценить этот русский город конца XVIII в. с позиции приоритетов крупного государственного деятеля, разделявшего идеи просвещения. Посещение тех или иных объектов говорит об их значимости как важных составных частей городской среды, изучение которой стало важной частью современной урбанистики [2, с. 200-209]. Наличие тех или иных черт города, с одной стороны формируют характер и индивидуальность, с другой, напротив, являются неотторжимыми,

⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 23.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 19; Русская старина. Т. 89. Вып. 2. 1897. № 2. С. 229-232; Московские ведомости. 1780. № 52. 27 июня. С. 409.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 23.

⁸ Русская старина. Т. 89. Вып. 2. 1897. № 2. С. 229-232.

⁹ Московские ведомости. 1780. № 52. 27 июня. С. 409.

качественными признаками любого городского образования. Без них существование города именно как города (т.е. особого типа поселения, несущего на себе определенные функции и черты) по мнению современников, было попросту невозможно. Тем более что данные признаки являлись прямым следствием развития городской жизни (городской среды), выступая итогом выполнения им конкретных, присутствующих данному городу функций, и обретением в результате этого заметных, обязательных внешних форм.

Информация о качественных чертах города, отразившаяся в отчетах о посещении Москвы императором Иосифом II состоит из нескольких разных по теме пластов. Несмотря на разную природу, все они тесно соприкасаются друг с другом.

Первый, и наиболее обширный, включает в себе, так сказать, «классические» достопримечательности. Это – сооружения и места, обращающие на себя особое внимание «среднего» туриста какими-либо чертами или обстоятельствами. Именно эти объекты, как правило, формируют узнаваемое лицо города и поэтому пользуются особым вниманием со стороны самых широких слоев путешественников. В данном случае речь идет о Кремле, Сухаревской башне, целом ряде городских и загородных дворцов. В какой-то степени это типичные объекты для всех «столичных» городов, обязательные части их городской среды, закрепляющий за городом конкретный образ.

Вторая группа – набор объектов, представляющих интерес для Иосифа II как государственного деятеля. К ним относились военные сооружения и арсеналы, государственные структуры и архивы, а также императорские коллекции, сгруппированные в Москве в стенах Оружейной палаты: восемнадцатое столетие закрепило за просвещенным правителем обязанность выступать в роли коллекционера.

Однако особое место в данной группе занимают благотворительные и медицинские учреждения. Причина их значимости кроется не только в особом внимании императора, проявлявшегося на протяжении всего периода его путешествия по России. Это является скорее следствием. Развитие данной сферы являлось к тому времени уже обязательным атрибутом функционирования города, одной из сторон его «жизнедеятельности» [3, с. 10].

Другим обязательным для Москвы признаком как столичного города выступает наличие в ее структуре крупных образовательных учреждений. В первую очередь университета. Правда, в своих личных записях Иосиф II отмечал, что в «старой» столице Российской империи данная функция в то время была развита явно недостаточно.

Третья группа – промышленные заведения. Несмотря на в целом слабо развитую в русских городах дореформенного периода промышленность, Москва несла на себе черты и этой функции. Причем они достаточно заметны, или, во всяком случае, не редки.

Четвертая группа городских объектов, которые можно отнести к обязательным атрибутам конкретного городского поселения – театральные здания и места общественного отдыха. Москва, увиденная глазами австрийского императора, предстает центром, в котором развивается культура театра. Город стремится обзавестись собственным постоянным театральным зданием. Как мы знаем, процесс этот шел очень трудно, но поступательно. Заметим, что подобный подход не типичен для абсолютного большинства русских городов того времени. Однако для Москвы это представилось необходимым (как властям всех уровней, так и любителям театра), так как его наличие составляет образ «столичного» города, каким утверждала себя Москва.

Наряду с этим, в сознании современников город нес и другие развлекательные функции: разнохарактерные «увеселительные заведения». В том числе – места массовых гуляний.

В рамках облика, зафиксированного Иосифом II, Москва неоднократно проявляет черты столичной ипостаси. В том числе как место пребывания высшего носителя власти – императрицы. Поэтому «первопрестольная» имеет в своей структуре целый ряд дворовых сооружений, что не представляется гостю чем-то излишним.

В качестве важной отличительной черты Москвы необходимо назвать исполняемые ею роли города – религиозного центра и дворянского города. Последняя черта была неотторжима от характера Москвы периода Нового времени и была хорошо заметна даже в преддверии отмены крепостного права.

Рассмотрение особенностей Москвы на материалах визита Иосифа II может быть продолжено на основании других источников, круг которых до конца не исчерпан. Так, в частности, во время поездки по России император вел дневниковые записи, которые сохранились в фонде «Familienarchiv» Австрийского национального архива («Österreichisches Staatsarchiv»¹⁰). Привлечение их, а также выявление и использование новых свидетельств, позволит дать более полную картину не только внешнего облика Москвы, но и объяснить характер такого сложного явления, каким выступает русский город в непромышленное дореформенное время.

¹⁰ Journal der Reise S.M. des Kaisers im Jahr 1780 nach Callizien // Österreichisches Staatsarchiv. Familienarchiv. Hofreisen. Karton 11. Ronv. Fol.18 r.

1. Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб., 1883.
2. Истомина Э.Г. Дмитров: культурообразующие функции городской среды второй половине XVIII – XIX века // Историческая география России: новые подходы. Сборник статей, посвященных 70-летию В.М. Кабузана. М., 2004.
3. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
4. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2000.

УДК 94 (4)

Е.Б. Смилянская¹

Опыты российского управления «заморскими территориями»: к истории Архипелагского княжества Екатерины Великой

Российская империя; Греческий архипелаг; российский флот; Екатерина II; русско-турецкие войны.

При Екатерине II Россия впервые получила реальный шанс стать частью Средиземноморского мира, когда более 30 островов Эгейского моря приняли российское «подданство». В публикации исследуется специфический российский опыт создания на островах в 1770–1774 гг. «европейского порядка» – Сената и Синода, центральной и островных канцелярий, системы налогообложения, светской школы.

Отправляя в 1769–1770 гг. первые эскадры российского флота в Средиземное море, Екатерина II решала важную военно-стратегическую задачу нанести Османской империи удар с тыла, или, как она писала: совершить «диверсию в наичувствительнейшем месте». При осуществлении этой рискованной операции императрица рассчитывала на восстание греков Пелопоннеса, но поддерживая греков, как ограниченным военным присутствием, так и декларациями об особой миссии «россов» по освобождению поработанных «варварами» единоверцев, российская императрица строила стратегические планы приобретения порта для создания своей средиземноморской военной и торговой базы. Екатерина писала Орлову 8–9 января 1770 г.: «...тем самым вы много для переду предупели, если б доставили России в руки *порт в тамошнем море*, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во всем мире и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю» [1, с. 529].

¹ Смилянская Елена Борисовна, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (РФ, Москва), д.и.н., esmilian@mail.ru.

Морейское поражение показало тщетность надежд на реализацию плана императрицы на материке, но после Чесменской победы, когда российский флот оказался хозяином вод Восточного Средиземноморья, стало возможным пойти значительно дальше даже самых смелых мечтаний Екатерины II. С января 1771 г. российское командование в Архипелаге стало получать от жителей островов Южной части Эгейского моря заявления о готовности отказаться от «подданства агарянского» и перейти в *подданство* российской императрицы. Архивные данные позволяют обоснованно заключить, что в течение 1771 г. российское подданство признали не 14 – 18 кикладских островов (как ранее считалось), а 31 остров Киклад, Спорад и Саронического залива (от Идры и Спеце на западе до Самоса на востоке).

Российские «подданные острова» – в своем большинстве небольшие, не имевшие ни турецких крепостей, ни значительного мусульманского населения, но находившиеся в расстоянии видимости один от другого от Балкан до Малой Азии, создали своего рода рубеж для надежного контроля за передвижениями всех турецких и европейских судов с юга на север Эгейского моря. Россия же получила (правда, только на 4 года до подписания Кючук-Кайнарджийского мира) свое настоящее «заморское владение», иногда именовавшееся «Архипелагским великим княжеством», а чаще просто «наши подданные острова».

Принятие в подданство островов привело командование Архипелагской экспедиции к эксперименту по созданию органов островного и центрального управления, обороны, налогообложения островов, к реформам в церковной сфере, открытию светской школы для греческих детей – словом, к тому, чем, по словам самих греков, «не только мы, но и прадеды наши никогда не пользовались»². Однако, прививая «освобожденным грекам» европейскую «цивилизованность», российские военные демонстрировали в отношениях с местными жителями патерналистский стиль, близкий тому, какой российские помещики выработали в отношениях с «неразумными» крестьянами. «Свобождение» греков они тоже измеряли *российскими мерками*.

Эксперимент по созданию Архипелагского княжества уникален в российской имперской истории, он оказывается замечательным, но пока недооцененным в исторической литературе, свидетельством политической культуры тех, кому выпала участь принятия решений о создании новых «европейских» порядков на островах. Этим он даже более важен для истории политической мысли России никогда, как

² РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 22. Л. 207.

считается, не обременявшей себя заботами о «заморских колониях», нежели для многовековой истории Греческого Архипелага.

Строительство колониальных империй в XVIII в. – при множестве обсуждаемых исследователями исторических вариантов и своеобразии политических форм правления на новоприобретенных территориях – имеет общим осознание европейцами своей «цивилизаторской миссии» [6; 4; 7]. Архипелагские острова, казалось бы, не нуждались в подобных усилиях, они находились в центре «культурного котла» европейской цивилизации, но «ориентализация» греков поразила тех, кто шел освобождать поработенных единоверцев. Разочарованные тем, что не застали в Греции православных «ахейян», они писали, что острова находятся в отсталости, ввергнуты «в пучину невежества и бедствий». А потому, так же как и западные «просвещенные колонизаторы», российские военные рассматривали освоение «подданных островов» как исполнение *особой миссии* обучения «поработенных греков» тому, что считалось правильным, т.е. «европейским» образцом государственности. В Петербурге эта миссия виделась так: «Но, о науки отцы, поработенны греки! / Утешьтесь, паки вам златы начнутся веки. / Достигла и до вас щастливая чреда!» (В. Петров).

«Щастливой чредой» реформ 1771–1774 гг. на островах, оказавшихся в подданстве Екатерины II, греки обязаны адмиралу Г.А. Спиридову и его адъютанту П.М. Нестерову, а также вступившим на российскую службу греку А. Псаро и сербу И.В. Войновичу. Примечательно, что заботами обустройства своих «подданных островов» почти не занимались императрица и «главный над Архипелагом» А.Г. Орлов-Чесменский. Для последних данное приобретение, вероятно, представлялось малым и, по трезвому размышлению, обременительным. Зато всю жизнь служивший во флоте Г.А. Спиридов, не имевший политического опыта, оказался в Архипелаге в сложном положении, без точных и актуальных директив из Петербурга он должен был и планировать военные операции, и строить военную базу, и налаживать отношения с местным населением. Приведя в подданство острова, он сам не был уверен в том, что они могут быть сохранены за российской короной: адмирал допускал и то, что державы «выговорят» им независимость и «свободу», и то, что после ухода флота они будут возвращены туркам. Все это не могло не наложить отпечаток на рассуждения Спиридова, касающиеся политического строя Архипелагского княжества, хотя структура управления порой продумывалась им по-военному – четко и до мелочей.

Верховным органом островного объединения, по мысли Спиридова, должен был стать Сенат (впрочем, его создать до 1774 г. не успели). Спиридов писал, что в Сенат предстояло выбрать «депутатов или опекунов» от каждого острова «из способных и доброго состояния людей с согласия жителей или как расположено будет». Возглавлять заседания Сената следовало либо «архидуку», либо «выбранному от гражданства мещанину», которым острова должны были выплачивать «порядочное» жалование.

До организации Сената и даже до получения подтверждений о «подданстве» всех островов у создававшегося объединения появился свой «генеральный депутат» – им стал Антон Псаро и при нем была создана на Паросе в д. Ауза рядом с военным российским лагерем «главная канцелярия». Назначение Псаро стало ответом на просьбы островов дать «одного достойного и честного афицера, которой бы во всегдашнее время могл бы нам давать благопотребныя наставления и советы»³. Заседать в главной канцелярии, вести суд и решать текущие дела должны были вместе с «генеральным депутатом» избранные по одному от каждого острова помощники «генерального»⁴.

Реорганизация системы местного самоуправления на подданных архипелагских островах также велась по плану Спиридова, считавшего, что «выбранные и присяжные почтенные господа островские сенаторы или судьи» должны были образовать на каждом острове единообразные «гражданские канцелярии».

Всем этим главным и местным канцеляристам, а помимо них еще и судьям, и «вооруженным людям» самообороны островные жители (а на некоторых островах население не превышало нескольких сот человек!) были обязаны, по мысли российских реформаторов, *платить пристойное содержание*, «чтоб доволны были без взятков, и не делали б для интересов своих кому каких обид под наказаниями, но толко б думали и исполняли врученную им должность, и положенныя дела безволочитно» [3, с. 507]. Пожелание благое, но жители островов не спешили ему следовать. Просвещенное управление по российскому сценарию, как и весь дорогостоящий аппарат их «вольности», виделись им весьма обременительными и не везде реализуемыми.

Присягнувшие российской императрице острова даже при том, что урожаи на них собирались круглый год, были весьма небогаты, они готовы были выплачивать «десятинный сбор» (10 % налог, 3 % с торгового оборот жителей острова и 4 % с иностранцев [3, с. 175]) от

³ Там же. Д. 16. Л. 188–188 об.

⁴ Там же. Л. 85.

годовых доходов каждого хозяйства, но любые дополнительные обременения представляли угрозу хрупкому экономическому балансу на этих небольших засушливых и гористых клочках земли. Впрочем, императрица Екатерина, не заинтересовавшись (вероятно, из-за несбыточности) перспективами получения прибыли с островов, рассматривала сборы с Архипелага только в двух аспектах: как ущерб Османской империи (несобранные подати туркам) и как способ поддержки флота [2, с. 97]. Утвердившийся в западной историографии миф о том, что греки доверились российским «освободителям», а те разорили острова поборами, серьезных подтверждений не находит [8, р. 243–248; 9; 5, р. 541]. Сравнительные данные об османском налогообложении и о налогах, полученных с островов российскими военными, говорят скорее в пользу того, что с жителей островов Архипелагского княжества взимали начиная с 1771 г. только третью или даже четвертую часть того, что острова выплачивали туркам.

При строительстве островного государства командование Архипелагской экспедиции не ограничилось реформированием системы управления и налогообложения. Изменения коснулись и церковной сферы, когда в отношении с духовенством вмешался А.Г. Орлов, решивший выстроить «симфонию» отношений между властями светскими и духовными по российскому имперскому подобию и вывести православных иерархов «подданных островов», а также Афин и Пелопоннеса из подчинения Константинопольскому патриархату. Примечательно, что для А.Г. Орлова нарушить веками существовавшую иерархию не составило большого труда: иереи подданных островов недоумевали только относительно того, как будут строиться их отношения с *российским* Синодом – как равные или как подчиненные. Однако для ответа на этот вопрос история времени, кажется, не оставила.

Наконец, создание новой государственности Века Просвещения не обошлось и без учреждения светской школы для греческих детей, которая открылась на о. Наксос. А.Г. Орлов, вероятно, по желанию императрицы деятельно опекал школу, и у этого учреждения оказалась на удивление долгая жизнь. Хотя в Эгейском море школа просуществовала даже меньше, чем само «княжество», ее учеников забрали в Россию, где выпускники этой школы (преобразованной в Училище чужестранных единоверцев) смогли стать опорой для российского влияния в греческом мире.

Между тем, времени, которое было отведено историей для пребывания российского флота в Архипелаге, оказалось явно недостаточно ни для завершения строительства островного государства, ни

для выработки продуманной колонизационной стратегии, если вообще такая стратегия имела в планах российской императрицы и ее военных администраторов.

Рассылая свои приказы с борта российского военного корабля, адмирал Г.А. Спиридов, главный «радетель островов» и создатель «княжества», давал понять, что все *благоденствие* «подданных островов» зависело от императрицы и от «высоких наших графов Алексея Григорьевича и Федора Григорьевича Орловых милосердия, *непостижимаго проницания*, которых намерение привести своим мудрым расположением всех в сущее *спокойствие*»⁵. Благоденствия однако не воспоследовало, ради «спокойствия» своей материковой империи Екатерина II спешила закончить войну, для достижения мира она предпочла «отступиться» от «подданных островов» в море Эгейском. Впрочем, на то у императрицы были свое «проницание» и резоны в Черном море.

1. Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI.
2. Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А.Г. Орлова-Чесменского / Сообщ. кн. Н.А. Орловым // Сборник РИО. СПб., 1867. Т. I.
3. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
4. *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, 2010.
5. *Camariano-Cioran A.* La Guerre Russo-Turque de 1768–1774 et les Grecs // *Revue des études sud-est européennes*. Bukarest, 1965. Т. III. № 3–4.
6. *Cooper F.* Colonialism in Question. Berkeley, 2005.
7. *Muthu S.* Enlightenment against Empire. Princeton, NJ, 2003.
8. *Κοντογιάννης Π.Ν.* Οι Έλληνες κατά τον πρώτον επί Αικατερίνης Β' Ρωσοτουρκικόν πόλεμον 1768–1774. Αθήνα, 1903.
9. *Πασχάλη Δ.* Αι Κυκλάδες υπό τους Ρώσους (1770–1774). Μετ' ανέκδοτων έγγραφων // *Επετηρίς Εταιρείας Κυκλαδικών Μελετών*. 1961. №1.

УДК 94(47).06; 94(47).066

Д.А. Хитров¹

Изменения в уездном делении России в 1760-х гг. и подготовка губернской реформы Екатерины II²

Губернская реформа 1775 г.; административно-территориальное деление; уезды.

⁵ Там же. Д. 121. Л. 94 об.

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., feodal.msu@gmail.com.

² Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-00333А.

В статье рассматривается пересмотр грани ряда уездов в 1764 г., показывается связь этого мероприятия с подготовкой губернской реформы 1775 г.

Губернская реформа 1775 г., одно из самых важных и, безусловно, наиболее завершенных внутривластных предприятий Екатерины II, закономерно привлекает большое внимание специалистов. Целый ряд работ посвящен серьезным изменениям в системе местного управления, созданию сословных организаций дворянства и городского населения и передаче в их руки ряда управленческих функций [4; 7; 8; 10]. Значительно меньше изучена та составляющая реформы, которая представлялась наиболее важной самим ее авторам и современникам – глубокая перестройка всей системы административно-территориального деления страны [3; 11; 12]. Чаще всего она характеризуется в нескольких словах, как механическая реализация определенного «Учреждением для управления губерниями» принципа – 400 тыс. душ в губернии, 30-40 тыс. душ в уезде. В частности, мы мало знаем, чем существовавшая система административно-территориального деления страны не удовлетворяла Екатерину II и ее окружение.

В настоящей статье рассматривается вопрос о первом обращении екатерининского правительства к вопросу о делении страны не уезды. Как известно, реформы первой половины – середины XVIII в. касались в основном верхних уровней этой системы – деления на губернии и провинции. Сеть уездов, ее низшее звено, сложилась исторически, в центре страны – по мере объединения русских княжеств, на вновь осваиваемых землях – в ходе их включения в состав Российского государства и хозяйственного освоения. Уезды, единожды оформившись, в дальнейшем обычно сохраняли свои очертания, хотя отдельные корректировки границ, конечно, случались [1; 2; 6].

Дело началось с того, что в 1764 г. Штатс-контора обратилась в Сенат за разъяснениями: по штату, апробированному 15 декабря 1763 г.³, предполагалось 165 городов и 13 пригородов; планируя выплату жалованья служащим воеводских канцелярий, главный финансовый орган страны не смог выяснить, «какие оные точно званиями и в которых губерниях и провинциях состоят»⁴.

Оказалось, что этот вопрос менее однозначен, чем можно было предположить, и 13 июля 1764 г. его специально рассматривал Сенат – на основании списков городов, «как с ревизорских о числе душ за руками генералитетскими ведомостей, так и геральдических (т.е. по-

³ ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. С. 59–73. № 11 989.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 3716. Л. 25.

данных из Герольдии – Д.Х.), от которой воеводы определены, и представленного при докладе от Сената по губерниям и провинциям тем городам росписания».

Выяснилось, что в империи имелось «городов по званиям» 171; таким образом, помимо 165 предусмотренных штатом, обнаружилось 6, «кои в то штатное число не вошли». Это были три острога, Троицкий Шацкой провинции, Пустозерский и Кольский Архангелогородской провинции, «в коих воеводы, определенные от Сената, состоят»; города Анадырск и Охотск Иркутской провинции, «в коих воевод не было, а определялись по особым указа командирами, из которых Анадырская экспедиция ныне уже отставлена, а в Охотске и ныне из флотских офицеров командир состоит», и Ставрополь (Волжский, совр. Тольятти) Оренбургской губернии, куда назначались не воеводы, а коменданты «с находящимися по особому на то место штату служители». В добавление к ним имелось 13 пригородов, статус администраторов в которых заметно варьировался. В Бирске и Красноуфимске Оренбургской губернии были определенные от Сената воеводы, в остальных «правители» определялись губернской или провинциальной администрацией: в Орлов Вятской провинции и в Табынск и Сергиев Оренбургской губернии – воеводы, в Чердынск Пермской провинции, Изборск Псковской провинции, Ишим, Краснослободск и Ялуторовск Сибирской губернии – комиссары. Кроме того, в пределах Казанского уезда выделялись Елдяцкая, Нагайбацкая и Бугульминская «конторы», в которые назначались управители.

Это, конечно, были далеко не все поселения, которые традиционно именовались городами. В государстве имелось также 36 городов и 15 «пригородов», «в которых воевод определяемо не было».

Жалованье решено было выплачивать только воеводским канцеляриям в 171 городе. В остальных центрах администраторам следовало выплатить «по прежним окладам и из тех сумм, откуда прежде получали» – очевидно, речь шла об их постепенном упразднении⁵.

Проблема, однако, состояла в том, что штаты воеводских канцелярий были одинаковы, а управляемые ими уезды – нет. Соответственно, в крупных уездах могло не хватать служащих, а в мелких могли оказаться излишние; Сенат, естественно, волновал в первую очередь второй случай. Результатом размышлений правительства над этой проблемой стал указ 11 октября 1764 г.⁶, впервые законодательно закрепивший списки уездов и заштатных городов. В то же время в нем

⁵ Там же. Л. 25–27 об.

⁶ ПСЗ. Т. 16. С. 926. № 12 259.

констатировалось, что имеющееся уездное деление неудобно: некоторые уезды слишком малы, и поэтому определенных на содержание администрации сборов будет недостаточно; города часто расположены слишком близко друг к другу, «многие верстах в 20 и менее состоят», в других местах города, которым они подсудны, не являются ближайшими. Губернаторам было предписано уезды, имеющие менее 10 тыс. душ, «расписать по способности к другим городам» или объединить по несколько уездов, с тем чтобы новые уезды «по соединении не превосходили 30 000 душ», и разослан список городов, «к соединению назначенных»⁷. В ликвидируемых городах губернаторам следовало «в коих потребно, определить комисарствы с штатным числом канцелярских служителей, а где в комисарствах совсем надобности усмотрено не будет, то состоящая в тех городах магистраты и ратуши».

Опубликованный в ПСЗ текст указа представляет собой лишь перечень предложений, по поводу которых Сенат запрашивал мнение губернаторов. В архиве, однако, сохранились и губернаторские ответы, которые далеко не всегда были положительными⁸. Рассмотрим произведенные перемены, извлекая данные о численности населения уездов по третьей ревизии из опубликованной Я.Е. Водарским и В.М. Кабузаном ведомости о численности населения по третьей ревизии 1767 г.⁹

В центральной части государства реформа должна была затронуть лишь небольшое количество городов. В обширной Московской губернии уничтожению подлежали лишь уезды Сапожка, Гремячева и Печерников Переславль-Рязанской провинции, каждый с населением менее 5 тыс. д.м.п. Обсуждалась ликвидация уездов Звенигорода Московской провинции (14 тыс. д.м.п.), Одоева Калужской провинции (9 тыс. д.м.п.) и Дедилова Тульской провинции (10,5 тыс. д.м.п.), однако решение так и не было принято. В Новгородской губернии предлагалось сократить воеводские канцелярии в Порхове, Новой и Старой Ладого (не имели собственных уездов) и Гдове (7 тыс. д.м.п.), однако новгородский губернатор Я. Сиверс ответил отрицательно. В Псковской провинции был ликвидирован запустевший к тому времени Пусторжев, а небольшие (по 7 тыс.) уезды Опочки и Острова сохранились. В Тверской провинции обсуждалось сокращение Зубцова (пред-

⁷ Там же. С. 931–932.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 3716. Л. 28–37.

⁹ Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий 1646 – 1858 гг. Вып. 3. М., 1972.

лагалось оставить там «для Гжацкой пристани из Тверского гарнизона офицера с командою», но решение не было принято. Никаких перемен не предполагалось в Смоленской губернии. В Нижегородской губернии Ядрин был приписан к Курмышу.

Значительно более решительные перемены предполагались на южных окраинах. Здесь укрупнению подлежало множество мелких уездов, не превышавших 10 тыс. д.м.п. и сложившихся в эпоху военного освоения края. В Белгородской губернии 10 уездов должны были объединиться в три: Чугуев, Вольный, Алешня, Хотмыжск, Салтов, с центром в Хотмыжске; Новый Оскол и Яблонов, с центром в Яблонове; Суджа, Мирополье и Карпов, с центром в Судже. Трубчевск с довольно большим уездом (16 тыс. д.м.п.) был присоединен к и без того огромному Брянскому уезду (67 тыс. д.м.п.). В Воронежской губернии подлежали ликвидации Костянск и Землянск, присоединенные к Воронежу. Кроме того, объединялись, во-первых, Коротояк, Верхососенск и Ольшанск, во-вторых, Сокольск, Белоколодск, Романов и Демшинск, а в-третьих, Орлов и Усмань. Губернская канцелярия внесла некоторые коррективы: был сохранен не только Белоколодск, но и Романов, к которому отошел Добрый из Тамбовской провинции. Чернавск и Борисоглебск отошли к Ельцу. В Шацкой провинции Краснослободск, Инсар, Наровчат составили уезд, приписанный к Троицку, ставшему из острога городом.

В северной и восточной частях Европейской России сократить количество центров управления было сложнее. В Архангелогородской губернии, с ее огромными территориями и небольшим населением, менее 10 тыс. д.м.п. имела почти половина уездов. Соответственно, и первоначальные планы правительства были очень обширны: сокращению подлежали Кевроль, Соль Галицкая, Парфеньев, Кологрив и Судай; утверждено было, однако, лишь объединение двух последних. В Казанской губернии Карсунь причислялся к Симбирску, Самара – к Сызрани, Мокшайск – к Пензе, Царево-Санчурск – к Яранску, Кай – к Слободскому. В Пензенской провинции отказались от уничтожения Петровска. В Свияжской провинции к соединению были назначены Кокшайск и Царевококшайск, однако «в рассуждении немалой обширности» в последнем оставили воеводское правление.

Наконец, крупные изменения должны были произойти в Сибирской губернии. Уничтожению подлежали Краснослободск, Сургут, Нарым, Кетск, Березов и Мангазея, а слиянию – Верхотурье (8 тыс.), Пелым (1,5 тыс.) и Туринск (5 тыс., с центром в последнем). Однако сибирские расстояния были таковы, что ни один из этих городов не

перестал быть центром управления, во все были назначены комиссарства.

Подведем итоги. Обращение правительства в 1764 г. к проблемам административно-территориального деления страны было вызвано сугубо частным вопросом фискального свойства – Штатс-контора попросила уточнить список уездных воеводских канцелярий в связи с введением для них новых штатов. Результаты реформы свелись к слиянию нескольких мелких уездов, однако при ее подготовке выявился ряд проблем, которые станут центральными при проведении губернской реформы 1775 г. Во-первых, существовавшие уезды были крайне различны по численности населения и потому не могли управляться одинаково. Во-вторых, правительство осознало, что границы уездов неудобны и их конфигурация нуждается в улучшении. В-третьих, оказалось, что на местах существует множество исторически сложившихся особенностей управления. Решения этих проблем спустя десятилетие будут предложены Екатериной II в «Учреждении для управления губерниями».

1. *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719-27 гг. М., 1902.
2. *Глазьев В.Н.* Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., 2013.
3. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.; Л., 1941.
4. *Григорьев В.* Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910.
5. *Ибнеева Г.В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.
6. *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. Воронеж, 2009.
7. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
8. *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины II. М., 1993.
9. *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. М., 1964.
10. *Серета Н.В.* Реформа управления Екатерины II. Источниковедческое исследование. М., 2004.
11. *Хитров Д.А., Пахунов С.Н.* Губернская реформа 1775 г. в Смоленской губернии // Родина. 2013. № 9.
12. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII – XVIII вв. Вологда, 2008.

Практики кризисного управления восставшими территориями в 1773-1775 гг.: деятельность военных властей

Россия в XVIII в.; Екатерина II; социальные конфликты; история государственного управления.

Кроме военных задач, командующие правительственной армией П.И Панин и А.И. Бибиков решали при подавлении восстания Пугачева вопросы гражданского управления. Их меры способствовали умиротворению населения и восстановлению хозяйственной жизни на восставших территориях.

Уже отмечалось, что тема деятельности командования правительственных войск во время восстания 1773-1775 гг. в историографии была отодвинута на задний план. Если она и рассматривалась, то весьма односторонне, лишь в плане военных и репрессивных мер борьбы против повстанцев [17, с. 164]. Определенный интерес к действиям армии и генералов Екатерины проявили зарубежные историки [1], на что обратили внимание российские рецензенты [10, с. 113-114]. В целом остается не освещенным то обстоятельство, что в ходе событий 1773-1775 гг. военные власти наряду с выполнением основных боевых задач приняли на себя функции внутреннего управления.

Широта полномочий военных властей в районе восстания не оставалась на протяжении 1773-1775 гг. однозначной. По этому критерию довольно отчетливо выделяются 4 периода:

1) 17 сентября 1773 г. (начало восстания) – 28 ноября 1773 г. (принятие Советом при Высочайшем дворе решения о назначении А.И. Бибикова главнокомандующим и объеме его полномочий). Период постепенного осознания нависшей над империей угрозы, время рассогласованных действий гражданского и военного управления, центральных и местных органов власти, паралича административных учреждений.

2) 29 ноября 1773 г. (официальное назначение А.И. Бибикова и издание комплекса законодательных актов) – 9 апреля 1774 г. (смерть Бибикова). Фактическое признание правительством состояния гражданской войны в стране, наделение главнокомандующего всей полной военной и гражданской власти в районах восстания.

3) Апрель 1774 г. – Июль 1774 г. Частичное восстановление сфе-

¹ Смирнов Юрий Николаевич, Самарский государственный университет (РФ, Самара), д.и.н., smirnov195503@yandex.ru.

ры деятельности местной администрации, сокращение полномочий военного командования, новое ослабление правительственного контроля над территорией вооруженного противостояния.

4) 29 июля 1774 г. (назначение главнокомандующим П.И. Панина и наделение его чрезвычайными полномочиями) – 9 августа 1775 г. (прекращение комиссии Панина). Установление практически полной диктатуры («главного начальства») Панина над мятежными губерниями вплоть до создания условий для отказа от чрезвычайных методов управления и начала административных реформ.

Реальное понимание опасности пришло в придворные круги только к исходу осени 1773 г. В рескрипте от 29 ноября вслед за пунктом о назначении Бибикова командующим и выделении необходимых войск шел пункт об обязательном выполнении его распоряжений не только военными, но также гражданскими властями на местах [11, с. 39].

Бибиков осознавал особую ситуацию гражданской войны, исход которой решался не только на полях сражений. Он писал в феврале 1774 г. императрице: «Злодей, конечно, не страшен своими силами, но дух, так сказать, всеобщего в здешнем крае замешательства разнородной и разнообразной черни не малого труда стоит успокоить» [11, с. 57].

Следовало не провоцировать колеблющихся, чтобы те окончательно не перешли на сторону неприятеля. Бибиков выговаривал тем офицерам, которые «вместо ласкового обращения с жителями» запугивают их «казнями и виселицами, что, кроме одного только вреда и жителям огорчения ничего полезного» не приносит [8, с. 17; 9, с. 477].

Смертную казнь следовало применять, по мнению Бибикова, «осторожно». Многочисленные и частые казни, считал он, теряют эффект устрашения и становятся просто зрелищем [14, с. 241]. Первая казнь по распоряжению Бибикова была осуществлена лишь в январе 1774 г. Позднее, по его словам, он также старался, чтобы число казней не было «чрезвычайное» [11, с. 58]. Императрица соглашалась с тем, что «редкие казни производят в тысячу раз больше действия», чем ежедневные [6, с. 387].

Чтобы держать население в повиновении, главнокомандующий предлагал использовать не только страх, но и «ласку», «подарки», обещания. Он постоянно обращал внимание на дисциплину в войсках, дабы не допустить произвола и мародерства, которые в тех условиях оказывались не просто уголовными преступлениями, но и политическими просчетами. «Злодейские внушения», полагал он, особо дейст-

венны, «когда разорение и грабительство от войск делано будет» [14, с. 249].

Жестоко расправляясь в боях и сразу после них с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, военные власти не переходили в терроре определенных границ, оставляли возможность «раскаявшимся» и просто отошедшим от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. 27 января 1774 г. Бибииков отдал приказ, чтобы «возвратившиеся от злодеев были всегда ласкаемы, сбережены и отнюдь ни малейшей обиды от команд не претерпели». Это нужно для «ободрения других к таковому же предприя-тию» [14, с. 239], то есть отпадению от мятежников.

Такой подход проявлялся не только к крестьянам и вообще гражданским лицам, но и к казакам, другим служилым людям, нижним армейским чинам. Прощение вины при этом могло ожидать не только рядовых повстанцев, но и предводителей мятежников, если те сложили оружие и принесли повинную [12, с. 44; 16, с. 325].

Брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся людей. Подходы Бибиикова разделялись другими просвещенными дворянами, в т.ч. служившим под его началом Г.Р. Державиным [7, с. 308].

Со снисходительным подходом к бывшим повстанцам были согласны, конечно, далеко не все, особенно те, кто пострадал от пугачевцев. Депутат Уложенной комиссии от самарского и оренбургского дворянства И. Толстов негодовал на коменданта Самары, который из попавших в плен «многих выпустил на волю с отдачею на поруки»².

Призывы к более суровым карательным мерам усилились в связи с ужесточением социального противостояния летом 1774 г. К этому времени относится определение на место главнокомандующего графа П.И. Панина, что стало следствием кризисной ситуации, сложившейся в правящих кругах при известии о штурме Казани и движении повстанцев во внутренние губернии. Фрондер, «дерзкий болтун», как его называла Екатерина, был призван на роль спасителя империи и получил экстраординарную должность «главного начальника над губерниями: Нижегородскою, Казанскою и Оренбургскою». Кроме того, императрица заявила, что ему автоматически передается власть во

² РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

всех остальных местах, если там появится «зараза» [2, с. 22].

Распоряжения Панина получали обязательную силу для властей указанных губерний без предварительного одобрения их Сенатом или императрицей. Более того, их губернаторы могли передавать свои доношения в Сенат или Екатерине только по резолюции Панина [14, с. 320].

Панин угрожал в циркуляре от 25 августа массовыми репрессиями против восставших селений с преданием смерти участников выступлений и поголовным телесным наказанием всех остальных жителей. Несмотря на одобрение свыше и на сочувствие в дворянских кругах, реальность заставила Панина действовать более осмотрительно. 30 августа он пояснил, что наиболее жестокие угрозы его циркуляра направлены «на единое токмо устрашение» без массовых казней [5, с. 129].

Жестокая трактовка карательных мер, предложенная поначалу, постепенно сближалась с прежним осторожным подходом к смертной казни. Террор на практике представлял не политикой истребления, а мерой психологического воздействия, не довершал обескровливание и разорение районов восстания.

Вооруженное сопротивление удалось подавить зимой 1774-1775 гг., однако по мере решения собственно военных задач, все острее давали о себе знать вопросы внутреннего управления. Многие лица из правительственного лагеря ставили вопросы о причинах происходящего. Не подвергая сомнению основы общественного и государственного устройства, они указывали на очевидные недостатки системы управления, особенно местного. Державин писал 4 июня 1774 г., что требуется «остановить грабительство, или, чтобы сказать яснее беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей». Именно это «всего более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве» [8, с. 111]. В одах 1774 г. Державин ставил в один ряд с официально признанным «злодеем» Пугачевым неправедных вельмож. Он же высказывал мысль, что братоубийство порождено взаимной ненавистью господ и подданных [7, с. 296, 309].

Схожие мысли выражал полковник А.И. Свечин, посылая Панину «Экстракт» по результатам комиссии, проведенной им в Поволжье в 1763-1764 гг. Тогда были вскрыты многие злоупотребления, собраны материалы, которые за 10 лет до открытого взрыва предупреждали о нарастающем кризисе в отношениях народа и власти [13, с. 373-374]. О росте недовольства в будущих очагах восстания звучали в 1767-1768 гг. голоса депутатов Уложенной комиссии от Поволжья и При-

уралья в связи с земельными конфликтами на местах и несправедливым судом по ним [4], тяжестью налогов и повинностей, усугубляемых произволом чиновников [3]. Обострили ситуацию откровенные нападки в Уложенной комиссии со стороны представителей местной администрации и дворян на и без того урезанные права и интересы низших сословий [15].

В одном ключе с Державиным, Свечиным и другими критиками билась мысль императрицы. Армия осталась единственным надежным средством в борьбе с восстанием не только из-за военной мощи, заключала она в письме Панину от 21 августа, но и потому, что местные власти окончательно потеряли доверие народа, «раздражая городских и уездных жителей неправосудием и мздоимством» [6, с. 112-113].

П.И. Панин пытался навести порядок среди военного и гражданского начальства вверенного ему обширного региона. 5 октября 1774 г. он предупредил, что дела «о взятках и неправосудии» станут производиться по процедуре военно-полевых судов. 4 ноября 1774 г. он наделил органы местного самоуправления в районах только что утихнувшего мятежа дополнительными правами по защите населения от произвола вымогателей, «не взирая ни на какой чин и лицо» [14, с. 325-326].

Екатерина одобрила действия Панина [5, с. 180]. Трудно судить о реальной действенности мер по обузданию корыстолюбия, но надо признать значимость громкого и решительного осуждения пороков власти для достижения более прочного умиротворения.

Еще одной заботой стал неурожай. Продовольственная проблема превращалась в политическую. Панин опасался обострения обстановки при голоде. В ноябре было решено ввести твердые цены на основной продукт питания – ржаную муку и на главную фуражную культуру – овес. Не допускался вывоз хлеба из неурожайных районов в другие места. Несмотря на законодательное запрещение крестьянам вступать в подряды, Панин добился от Сената разрешения заключать контракты на оптовые поставки хлеба с лицами этого сословия. Повышалась плата подводчикам за доставку провианта. Чтобы сократить потребность в продовольствии, командующий прекратил передвижения войск в подведомственных ему губерниях, отменил ввод сюда дополнительных военных сил, распустил собранное дворянами ополчение.

Наместником обширного края Панин оставался до рескрипта 9 августа 1775 г., восстановившего функции местных органов и ликвидировавшего чрезвычайное военное управление. Среди итогов этого

управления отметим следующие. Территории военного противостояния не обезлюдили и не утратили накопленный хозяйственный потенциал. Потери от боевых действий не усугубились массовыми репрессиями. Был предотвращен голод. Не вспыхнули эпидемии. Уроки 1773-1775 гг. заставили ускорить проведение реформ органов власти, особенно на местном уровне.

1. *Александр Дж.Т.* Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг. Уфа, 2011.
2. *Анучин Д.А.* Граф Панин – усмиритель пугачевщины. Материалы для истории Пугачевского бунта // *Русский вестник*. 1869. № 3.
3. *Артамонова Л.М.* Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2014. № 1.
4. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. № 1.
5. Бумаги графа Петра Ивановича Панина о пугачевском бунте // *Сборник РИО*. СПб., 1871. Т. 6.
6. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве // *Сборник РИО*. СПб., 1874. Т. 13.
7. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1866. Т. III.
8. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1869. Т. V.
9. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. VI.
10. *Майорова А.С.* Рецензия на кн: Джон Т. Александр. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2013. Т. 13. № 2.
11. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Бибикова // *Записки имп. Академии наук*. СПб., 1862. Т. I. Приложение № 4.
12. *Овчинников Р.В.* Документы свидетельствуют // *Под знаменами Пугачева*. Челябинск, 1973.
13. Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2.
14. Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. 3.
15. *Смирнов Ю.Н.* «Добрый порядок» оренбургского губернатора Путятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // *Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре*. Нижневартовск, 2013.
16. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: дисс. ... д.и.н. М., 1999.
17. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг. // *Вестник Самарского государственного университета*. 2007. № 5-3.

**«Установление сельского порядка в казенных
Екатеринославского наместничества селениях...» 1787 г. :
аспект общинного самоуправления**

Законодательство; государственные крестьяне; однодворцы; переселенцы; империя; община; самоуправление.

В статье анализируется «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных» (1787), в котором были отражены идеи неопубликованной жалованной грамоты Екатерины II («Сельское положение»).

В ходе путешествий по стране императрица Екатерина II имела возможность ознакомиться с различными аспектами жизнедеятельности империи, следствием чего явилось развитие законодательства по отношению к сословиям Российского государства [3]. В представленной статье анализируется «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных», ставшего важным результатом пребывания Екатерины II в Крыму (1787) и этапом в развитии законодательства о государственных крестьянах.

Известно, что Екатерина II была озабочена проблемой людских ресурсов в империи вообще и на землях Екатеринославского наместничества и области Таврической в частности. Пребывая в Крыму в 1787 г., императрица удостоверилась «в плодоносии пространных земель в наместничестве Екатеринославском и области Таврической и в разных выгодах для обывателей, ...от местного положения проистекающих»².

Возвратившись в Петербург, она обращает внимание на экономических поселян, не имеющих достаточного количества земли. Указом от 3 августа 1787 г. генерал-губернаторам повелевалось объявить малоземельным экономическим поселянам (поселянам ведомства Домоводства), что они могут переселиться на плодородные земли Екатеринославского наместничества и Области Таврической. Надлежащие распоряжения по случаю переселения отдавались под наблюдением

¹ Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский федеральный университет (РФ, Казань), д.и.н., Guzel.Ibneyeva@yandex.ru.

² О дозволении экономическим поселянам, по недостатку земли, переселяться в другие места, 3 августа 1787 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16 559. С. 877.

генерал-губернаторов, которые и производили необходимые предварительные переговоры с Екатеринославским, Таврическим и Харьковским генерал-губернатором³.

Данный указ возымел быстрое действие. Так, Курская казенная палата доносила Сенату, что в Екатеринославскую губернию переводятся 784 души, не имеющих земли однодворцев и казенных малороссийских крестьян, на чье переселение уже последовало дозволение. Однако, как сообщала Курская палата, оказалось еще 762 души, имеющих недостаток в земле, и, потому пожелавших отправиться в Екатеринославскую губернию. Относительно этих крестьян она испрашивала указа на переселение. Сенат разрешил переселение этих 762 однодворцев. Впредь разрешалось отпускать и государственных крестьян⁴.

Таким образом, наблюдается расширение контингента переселенцев за счет внутренних «колонистов». Важным следствием пребывания Екатерины II в Крыму было то, что она увидела территорию с минимальным распространением крепостнических отношений. В Екатеринославской губернии и области Таврической владение землей не было исключительной прерогативой дворянства. Специфика этих земель позволила Екатерине реализовать здесь некоторые из своих замыслов по организации вольного крестьянства, отраженные в «Установлении сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных». Этот документ, опубликованный в декабре 1787 г., не являлся объектом пристального внимания историков. Советские исследователи рассматривали его исключительно с точки зрения классово-дворянского характера этого постановления [2, с. 890-891].

Данная обстоятельная инструкция предусматривала значительный уровень крестьянского самоуправления на территории Екатеринославского наместничества. Важным правом сельского общества являлось позволение делать представления губернатору и директору экономии о своих общественных «нуждах и пользах»⁵. Согласно этой инструкции выстраивалась система выборных должностных лиц от крестьянства: сельские старшины, старосты, выборные и сборщики.

³ Там же.

⁴ О позволении Курской Казенной палате отпускать однодворцев для поселения в Екатеринославское наместничество, 11 сентября 1787 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16 572. С. 890–891.

⁵ Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных, декабрь 1787 г. (без точной датировки) // ПСЗ. Т. 22. № 16 603. С. 974–993.

Выборные, как казаки, так и крестьяне казенного ведомства, по указу 3 мая 1783 г. осуществляли раскладку податей и их сбор. Сотские и десятские контролировали экономическую деятельность деревень; участвовали в правосудии: их компетенции подлежали маловажные споры и жалобы, ссоры и драки, поношения; занимались общественным призрением; следили за нравственным и гражданским состоянием населения⁶. В обязанности сельской администрации входила и борьба с пожарами, падежом скота, эпидемиями.

В этом документе отразились элементы доктрины «регулярного» полицейского государства, исповедуемой Екатериной II. Здесь были прописаны различные аспекты бытия крестьян: от моделей бытового поведения поселян до наставлений в ведении хозяйства. Поселянам рекомендовалось семейство «не раздроблять», поскольку данная мера приводит хозяйство в «убогое состояние». При этом власть пыталась привить им определенную агрокультуру. Так, крестьянам предписывалось, чтобы они из 60 десятин по 4 десятины отводили под лесные посадки. Свои дворы и дороги должны были обсаживать деревьями.

На общину, как обычно, накладывались полицейские функции. Одной из таких функций являлась регистрация прибывших жителей и новорожденных. В обязанность общины входило осуществление контроля: не только десятские и сотские, но и рядовые жители общины должны были следить за соседями и извещать старосту или сотского о чьем-либо намерении к побегу. В инструкции даже прописывались признаки намечаемого побега: «когда осенью и весной кто земли не пашет, огородов не починяет и не копает, летом хлеба не жнет, сена не косит, продает скот свой, не исправляет хлебов, зимой забор около двора жжет и не исправляет орудий земледельческих...»⁷. Закон предупреждал поселян, что если они не донесут о намерении соседа бежать, то тот «десяток», где жил беглец, будет платить за него подати до следующей ревизии.

Поскольку в южных областях часто появлялись беглые помещичьи крестьяне под видом заграничных выходцев, обращалось внимание на паспортный режим. При въезде в деревни устраивались посты с караульными для фиксации вновь прибывших людей. Они должны были задерживать беспаспортных⁸.

⁶ Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, Директору Домоводства подведомственных, декабрь 1787 г. (без точной датировки) // ПСЗ. Т. 22. № 16 603. С. 988.

⁷ Там же. С. 982.

⁸ Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, декабрь 1787 г. // ПСЗ. Т. 22. № 16 603. С. 988.

В обязанности казенных крестьян Екатеринославского наместничества продолжало входить комплектование воинских частей, чему был посвящен 18-й отдел данной инструкции. Подтверждая закон 24 декабря 1776 г., «Установление» определяло их повинности. По указу от 24 декабря 1776 г. из воинских поселян комплектовались поселенные полки: 9 гусарских и 6 пикинерных, из которых формировались и комплектовались 9 легкоконных и 10-й кирасирский Екатеринославский полки. По распоряжению Екатеринославского наместника во всех казенных селениях Екатеринославской губернии воинские поселяне должны были платить поземельную рублевую (с хат) и сорокаалтынную (с душ) подать. Она распределялась по «дистриктам» и на «тридцатидушные номера», в каждом «один указных лет и росту назначен военнотружущим»⁹.

В «Установлении» обосновывалось преимущество «30 душного порядка» комплектования войск по сравнению с рекрутским набором: назначаемые на военную службу лица не все сразу отправлялись на службу, поэтому и изъятие людей было менее ощутимо. Основное же облегчение для крестьян заключалось в том, что поступившие на службу через 15 лет возвращались домой¹⁰. Учитывая каторжное положение обычных солдат, которые служили бессрочно, следует отметить, что это все же был сокращенный срок службы.

Как известно, В.И. Вешняков издал проект императрицы Екатерины II об устройстве сельских обывателей, долженствующей стать ее третьей жалованной грамотой наряду с Жалованными грамотами дворянства и городам. Пакет документов состоял из трех частей: 1. О селах, деревнях, селениях и жилищах ведомства директора экономии [5, с. 456-473]; 2. Наставление для сочинения и продолжения десятичной описи земли, села, деревни, селения или жилища ведомства Директора Экономии [4, с. 473-477]; 3. О сельской управе [6, с. 478-498].

Анализируя этот проект императрицы Екатерины II, Вешняков отмечал его сходство с «Установлением для казенных селений для Екатеринославского наместничества» [1, с. 450]. Действительно, сравнительный анализ этих документов позволяет выделить некоторые общие черты. Прежде всего, следует отметить наличие крестьянской корпорации, имеющей определенный законом статус. Корпоративность крестьянской общины реализуется в выборе должностных лиц

чества селениях, Директору Домоводства подведомственных, декабрь 1787 г. (без точной датировки) // ПСЗ. Т. 22. № 16 603. С. 979.

⁹ Там же. С. 992.

¹⁰ Там же. С. 988.

каждые три года [5, с. 458].

Укрепление правового положения сельского общества подчеркивается в обоих документах его привилегией подавать губернатору и Директору экономии представления о своих общественных нуждах и пользах [5, с. 458]. Близость пунктов видна и в разрешении сельскому обществу собирать деньги для своих собственных нужд [5, с. 458]. Важным сходством являлось осуществление крестьянской общиной функций сословного суда, что было принципиально важным при создании всех жалованных грамот [7, р. XVII-XIX].

Итак, императрица, не опубликовав жалованную грамоту сельским обывателям, все же отчасти реализует ее в «Установлении для казенных селений Екатеринославского наместничества». Крестьянский «мир», прописанный в указе 1787 г., также представлял собой модель крестьянского общества, самоуправляющегося в своей основе. Следует признать цельность данного документа, где нашло отражение видение российской императрицей жизни общины в разных ее проявлениях.

Опыт устройства сельского управления в Екатеринославском наместничестве был не единственным. Три года спустя был издан именной указ от 2 марта 1790 г. генерал-поручику Кашкину. Из его текста видно, что Кашкин еще ранее, будучи генерал-губернатором Пермской и Тобольской губерний, по дозволению Екатерины II разделил и реорганизовал волости крестьян ведомства Директора Экономии в соответствии с устройством казенных сельских поселений Екатеринославского наместничества. Этим указом Екатерина повелевала Кашкину провести такую же реорганизацию и по Вологодскому, и Ярославскому наместничествам¹¹.

«Установление сельского порядка» проявило отношение власти к казенным крестьянам, обусловленное тем направлением преобразований, которое определилось в 1770-1780-е гг. К этому времени, российская императрица склонилась к вектору реформирования, направленного не на улучшение положения крепостного крестьянства, а на институционализацию «свободных» сословий: дворянства, городских состояний и государственных крестьян. Прагматичное отношение к колонизации новороссийских земель позволило императрице в отношении казенных крестьян реализовать отчасти то, что она желала изменить в жизни государственного крестьянства, и, чего ей не уда-

¹¹ О разделении на волости крестьян ведомства Директора Экономии по Вологодскому и Ярославскому наместничеству, 2 марта 1790 г. // ПСЗ. Т. 23. № 16 840. С. 116.

лось воплотить ранее.

1. *Вешняков В.И.* Проект императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20.
2. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946.
3. *Ибнеева Г.В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.
4. Наставление для сочинения и продолжения десятинной описи земли, села, деревни, селения или жилища ведомства Директора Экономии // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20.
5. О селах, деревнях, селениях и жилищах ведомства директора экономии // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20.
6. О сельской управе // Сборник РИО. 1877. Т. 20.
7. *Griffiths D., Munro G.* Of Estates, Charters and Constitution // Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns / Ed. D.Griffith, G.Munro. Bakersfield, 1991.

УДК 94(47)«05»

В.С. Великанов¹

Формирование офицерского корпуса русской армии в 1700-1701 гг.

Великая Северная война 1700-1721; армия Петра I; офицеры; московские чины.

В статье анализируется социальный и количественный состав и методы комплектования офицерского корпуса новых полков русской армии на начальном этапе Великой Северной войны (1700-1701 гг.).

Накануне начала Великой Северной войны, в русской армии в 1696 г. имелось 2 257 генералов и офицеров полков «нового строя». Офицеры делились по этноконфессиональному признаку на 3 категории: «иноземцы», «новокрещены» и русские. Иностранцы (иноземцы и новокрещены) составляли 42 % (954 чел.), русские – 58 % (1303 чел.). Весь генералитет (2 генерала, 1 генерал-поручик, 3 генерал-майора и генерал-бригадир) состоял из иноземцев и новокрещен. Среди старших офицеров (399 полковников, подполковников и майоров) иноземцы и новокрещены составляли 86 % (343 чел.). Иная ситуация была с ротными офицерами (1975), среди них преобладали русские – 1 247 чел. (67,4 %). При этом, если в старших офицерах имелся избыток, то среди младших офицеров некомплект составлял 27 % [2, с. 338-

¹ Великанов Владимир Сергеевич, Некоммерческая организация Фонд содействия авиации «Русские Витязи» (РФ, Москва), к.э.н. vladvelikanov@inbox.ru.

339]. Необходимо также отметить, что почти все (99 %) русские офицеры были представителями провинциального городского дворянства, московские чины среди офицеров полков «нового строя» встречались крайне редко. Многие из них (старшие офицеры) получили этот статус в награду за многолетнюю службу и личные отличия.

Одной из основных проблем офицерского корпуса русской армии во второй половине XVII в. было отсутствие системы подготовки и обучения командных кадров, что требовало постоянной вербовки опытных иностранных офицеров. Замещение вакантных офицерских должностей русскими людьми происходило за счет личных заслуг в нижних чинах полков «нового строя» и «сотенной службе», либо по знатности и заслугам рода. При этом, если дворяне и дети боярские, произведенные в офицеры из солдат и урядников, как правило оставались в чинах прапорщиков и поручиков, то более знатные и состоятельные помещики из числа «сотенных» часто переводились сразу на чин поручика и довольно быстро получали следующий чин капитана или ротмистра. Случаев производства в офицеры полков «нового строя» представителей не-дворянского сословия нами не выявлено.

Другой существенной проблемой был значительный возраст большинства офицеров. Например, средний срок нахождения на русской службе (без учета предыдущей службы в иностранных армиях) офицеров-иностранцев белгородских и севских полков в конце 1699 г. года составлял 20 лет, в т.ч. у полковников – 32 года, подполковников – 24, майоров – 25, офицеров ротного звена – 16². С учетом этих данных можно предположить, что средний возраст старших офицеров-иностранцев составлял около 45-50 лет, ротных – 35-40 лет. Высокие показатели среднего срока нахождения на русской службе с одной стороны указывают на то, что эти люди осознанно связали свою жизнь с Россией, став ее полноценными подданными и солдатами. С другой стороны, это во многом является отрицательным показателем, так как указывают на то, что большинство офицеров не было подробно знакомо с передовыми европейскими приемами и методами военного обучения и тактики и не имело соответствующего опыта.

Наличие этих двух «ахиллесовых пят» командного состава полков «нового строя» привело к тому, что при формировании новых солдатских полков для войны со Швецией весной 1700 г. русское правительство столкнулось с нехваткой офицерских кадров. Разбор, проведенный в марте-апреле 1700 г., показал, что многие офицеры

² РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 2. № 1. Л. 868 об. – 887.

уже стары и негодны к службе, а некоторые незнакомы с современными ружейными и строевыми приемами. В частности, в апреле А.М. Головиным, руководившим отбором командных кадров для новых полков, были «забракованы» 150 из 300 офицеров, присланных из Иноземного приказа. При этом особенно большой некомплект наблюдался на ротном уровне. По состоянию на 21 июля 1700 г. в 8 полках, сформированных Генеральным двором из даточных, в наличии было 78 офицеров ротного звена из штатных 265 (29 %) [3, с. 153-154].

Для решения проблемы с нехваткой командных кадров в мае-августе 1700 г. по предложению А.М. Головина на вакантные офицерские должности были выбраны 985 чел. из числа московских чинов и дворян московских, имевших от 40 дворов и выше (т.е. основными факторами являлись происхождение и материальное положение)³. После короткого обучения ружейным и строевым приемам они назначались младшими офицерами ротного уровня. Данная мера позволила полностью укомплектовать новые полки офицерскими кадрами к началу Нарвского похода 1700 г., при этом все старшие командные должности занимали иноземцы и новокрещены, ранее служившие в русской армии (дополнительного найма иностранцев за границей при подготовке к войне в 1699-1700 гг. не проводилось). С учетом потерь в нарвском походе в начале 1701 г. в списках на выдачу жалованья указано около 1638 действующих офицеров полков «нового строя», включая 779 иноземцев и новокрещен и 859 русских⁴. При этом в 31 (без учета гвардии) новом полку, составивших основу полевой армии, насчитывалось 1200 офицеров, из них 779 русских (все – на должностях ротного уровня). Жалование русским офицерам выплачивалось за вычетом доходов с принадлежавших им крестьянских дворов, что позволило серьезно сократить расходы на их жалование. Лишь треть офицеров (260 чел.) получали полные выплаты, остальные – неполные, либо служили вообще без жалования за счет доходов со своих поместий (34 %, 266 чел.)⁵. Находившиеся ранее на службе до 1700 г. русские офицеры из городских дворян, были распущены по домам (поместьям) без сохранения жалования.

³ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 2. № 3. Л. 255 об. – 259 об.

⁴ РГАДА. Ф. 19. Финансы. Оп. 1. Ч. 1. № 1. Ч. 8. Л. 25–141 об. Автор не включает в указанные итоги офицеров стрелецких полков и жилых солдатских полков, переформированных из стрельцов и сохранивших прежнюю организацию и командные кадры (напр., в Архангельске). Также в списках на начало 1701 г. отсутствуют офицеры 9 драгунских полков, сформированных зимой-весной 1701 г.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 3. № 16. Л. 1–124.

Кроме солдатских полков, в конце 1700 г. также было начато формирование новых драгунских полков. В рамках т.н. «набора Золотой Палаты» на службу было забрано 11 147 чел. городских дворян и детей боярских 88 уездов, из которых весной 1701 г. было сформировано 9 драгунских полков. Большинство из 287 офицеров новых полков, 102 чел., также были из числа московских чинов: 8 из 9 полковников (девятый, Александр Малина – иноземец; подполковников и майоров в новых полках в 1701 г. не было), 81 капитан (из 91), 13 поручиков (из 91) и ни одного прапорщика. Т.е. представители московских чинов заняли все основные командные посты на уровне полка и роты, при этом никто из них ранее не служил в рейтарских или солдатских полках «нового строя», и не имел специального военного образования или существенного боевого опыта. Вероятно, их военные и строевые навыки ограничивались краткому обучению летом-осенью 1700 г. Основным критерием для выбора на командные должности были знатность рода и достаток. При этом новым офицерам было положено достаточно высокое жалование, которое, впрочем, как и в пехоте, выплачивалось за вычетом доходов с принадлежавших им крестьянских дворов [3, с. 185-187].

Необходимо отметить, что массовое привлечение на службу московских чинов позволило решить сразу несколько задач. Во-первых, полностью укомплектовать новые полки офицерскими кадрами. Во-вторых, массово привлечь на постоянную воинскую службу наиболее привилегированную и знатную часть российского дворянства – московских чинов и дворян, сделав их частью новой военно-бюрократической элиты. Ранее они несли лишь эпизодическую воинскую службу в сотнях Государева полка в отдельных походах и торжественных церемониях, и, в общей массе, ограниченно привлекались к государственной службе. В-третьих, значительно сократить фактические расходы на офицерский корпус (на 53 % для командных должностей ротного уровня). Однако иностранцы оценивали уровень подготовки новых русских офицеров невысоко. Британский посланник Ч. Витворт писал, что в русской армии *«чувствуется большой недостаток»* опытных офицеров [4, с. 55]. Это подтверждал и датский посланник Г. Грунд, который отмечал, что армия *«в очень плохом состоянии из-за недостаточной обученности и нехватки опытных офицеров»*. О русских офицерах он писал, что *«и в пехоту, и в кавалерию всегда трудно найти умелых офицеров из их народа, ибо русское дворянство хотя гордо собой и довольно-таки высокомерно, но в душе не имеет истинного честолюбия и любви к войне, предпочитая поэтому сидеть*

в имениях или же скорее подарками добиваться гражданской службы, нежели по собственной охоте сражаться за отечество» [1, с. 86, 105]. О слабом уровне командных кадров и необходимости найма иностранцев также упоминали находившиеся на русской службе Г. Огильви и Л. Алларт. Тем не менее, русское правительство продолжило практику назначения молодых московских чинов и дворян на офицерские должности, всего в 1700-1706 гг. в офицеры из их числа были произведены 3 368 чел.⁶

Таким образом, за счет массового набора в 1700-1701 гг. на службу московских чинов русскому правительству удалось решить проблему укомплектования офицерами новых полков, однако уровень их подготовки был невысоким. При этом в большинстве случаев основным критерием для карьерного роста русских офицеров оставалась знатность рода, и московские чины имели значительное преимущество перед провинциальным дворянством. Русское командование хорошо понимало проблему с качеством командных кадров, и к началу 1702 г. пришло к выводу о необходимости скорейшего привлечения на службу опытных европейских офицеров и генералов, которые могли бы модернизировать организацию, управление и обучение русской армией в соответствии с современными требованиями. Вербовка на русскую службу иностранцев, вместе с постепенным накоплением опыта большинством русских офицеров, позволили к 1708-1709 гг. постепенно повысить уровень обучения и управления войсками, что помогло русской армии в итоге сокрушить бывших долго непобедимыми шведов Карла XII.

1. *Беспятых Ю.Н.* Георг Грунд. Доклад о России в 1705-1710 годах. СПб., 1992.
2. *Великанов В.С.* К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны // *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года.* СПб., 2014.
3. *Рабинович М.Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в.: дисс. ... к.и.н. М., 1953.
4. Сборник РИО. Т. 39. СПб., 1884.

⁶ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 2. № 3. Л. 255 об. – 259 об.

Строительство и ремонт дороги Москва-Санкт-Петербург в 1726-1733 гг.

Московско-Петербургская дорога; фельдмаршал фон Миних; внутренняя политика Анны Иоанновны; солдаты; работные люди.

В настоящей статье показана история строительства и ремонта ветхих мостов на дороге Москва-Санкт-Петербург в 1726-1733 гг., рассмотрены вопросы об организаторах ремонтных работ, привлечении рабочей силы и происхождении этой рабочей силы, подведены итоги «большого ремонта» Московско-Петербургской дороги в начале 1730-х гг.

Характерная черта государств Раннего Нового времени – формирование национальной системы сухопутных дорог. В XVIII в. и Пруссия, и Франция, и Россия уделяли большое внимание развитию путей сообщения – ремонтировали старые и строили новые дороги, учреждали профильные ведомства.

Развитию сухопутных путей сообщения в России препятствовали две традиционные проблемы: огромные расстояния и сложные климатические условия. Выход из этих проблем был столь же традиционным – мобилизация людей и ресурсов. Государство, привлекая десятки тысяч работных людей и выделяя из казны сотни тысяч рублей, в данном случае выступало в роли создателя «всеобщих условий производства» [3, с. 561], поскольку другой возможности отремонтировать и строить большие государственные дороги в этот период не было. При этом работ, посвященных этой сфере хозяйственной жизни государства, совсем немного [1; 2].

В данной статье рассматривается история строительства и ремонта Московско-Петербургской дороги в 1726-1733 гг. Ее значение очевидно – это главная сухопутная артерия государства. Несмотря на перенос в столицы в Санкт-Петербург, Москва оставалась главным хозяйственным центром страны, центром ее дорожной сети; в ней находился ряд правительственных учреждений, в период переноса столицы Российской Империи в Москву (1727-1731) – императорский двор, Сенат, коллегии. Важно, что по Московско-Петербургской дороге два раза проезжал императорский двор, более того, по ней приходилось ездить всем высшим лицам государства, в том числе и тем, кото-

¹ Калинин Михаил Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), mixail.k179@gmail.com.

рые занимались ее строительством и ремонтом.

Период, за который мы исследовали строительство и ремонт Московско-Петербургской дороги характерен тем, что в это время Россия, впервые за долгие десятилетия, получает мир. Благодаря этому у правительства нашлись финансовые и людские ресурсы, чтобы отремонтировать и строить Московско-Петербургскую («перспективную», как она называется в источниках) дорогу.

Внимание со стороны правительства Анны Иоанновны к сухопутным дорогам следует считать частью хозяйственных преобразований начала ее правления. Как показывает Н.Н. Петрухинцев, 1730-1731 гг. были ключевыми в экономической политике Анны Иоанновны, сутью которой был пересмотр финансовой и податной политики государства с целью упорядочивания финансов государства и облегчения положения податных слоев населения [4, с. 86].

Ремонту «перспективной» дороги в 1726-1733 гг. посвящен специальный комплекс сенатских документов, отложившийся в фондах Камер-коллегии². В их число вошли доклады, рапорты и доношения, отправленные в Сенат организаторами строительства дороги; решения и указы, вынесенные Сенатом в результате рассмотрения рапортов и доношений; особый интерес представляют пять описей состояния мостов на «перспективной» дороге³.

«Перспективную» Московско-Петербургскую дорогу следует рассматривать, разделив ее на две части. Первая часть, от Москвы до Новгорода – представляет собой старую Новгородскую дорогу, которая появилась задолго до основания Санкт-Петербурга. Вторая часть, от Новгорода до Санкт-Петербурга – напротив, была проложена только в первой трети XVIII в. по неосвоенным местам Ингерманландской губернии. Протяженность первого участка – 557 верст; второго – 197 верст, вся «перспективная» дорога – 754 версты. И первый, и второй участок нуждались в постоянном ремонте. Причиной этому была дорожная техника того времени, когда болотные и топкие места мостили фашинами – связками хвороста⁴, который достаточно быстро сгнивал и проваливался. Другая причина, тесно связанная с первой – сложные географические условия, обилие болот, ручьев и мелких рек на трассе Московско-Петербургской дороги.

В первой половине 1720-х гг. «перспективную» дорогу курировал в качестве губернатора Санкт-Петербургской губернии А.Д. Мен-

² РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 369–883.

³ Там же. Л. 459–466, 469 об.–474, 498–513, 643–701, 812 об.–818, 826 об.–827.

⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6372.

шиков, дорога строилась по его «указу и наказу»⁵. После ссылки Меншикова работы на дороге замедляются и, фактически, останавливаются к весне 1730 г. В этот период (вторая половина 1720-х гг.) строительством дороги занималась Канцелярия от строения першпективной дороги (фактически, первое профильное ведомство путей сообщения в России) и ее глава полковник Зезевитов. Состояние «першпективной» дороги в этот период было плачевным: многие мосты на ней сгнили и провалились, на некоторых крупных реках были разрушены мосты и ямщики устанавливали там перевоз, взимая с проезжающих мзду⁶. Дорога требовала большого ремонта. Старт ему был дан указом Анны Иоанновны от 22 мая 1730 г., в котором она предписывала описать все худые мосты на Московско-Петербургской дороге, указав при этом, сколько требуется пеших и конных работников⁷. Через несколько месяцев вышел сенатский указ, определивший на работы по «першпективной дороге» крестьян, «расчисляя их по числу людей уездами, а заработанные деньги давать по плакату»⁸. Таким образом, ремонт мостов на «першпективной» дороге стал очередной повинностью, которую государство возложило на крестьян. Крестьяне неохотно выполняли ее зимой, когда шла заготовка леса для дороги и фактически игнорировали ее летом, когда шли главные ремонтные работы. Примечательно, что летом 1731 г. Московская губернская канцелярия не сумела дозваться крестьян Волоколамского уезда, определенных к строительству мостов на дороге⁹. Причины этого следует искать в том, что зимой крестьяне не хотели, а летом не могли участвовать в ремонте «першпективной» дороги. Имея 130 дней для осуществления годового цикла сельскохозяйственных работ, крестьяне не могли отвлечься от них даже на несколько недель, а у государства не было ресурсов, чтобы принудить их к этому¹⁰. Всего, к июлю 1731 г., силами крестьян было отремонтировано несколько верст дорожного полотна, главным образом, в южной части тракта (Москва-Клин-Торжок).

Решающую роль в ремонте «першпективной» дороги сыграли солдаты Галицкого, Копорского и Воронежского полков. Не в последнюю очередь благодаря тому, что новый куратор «першпективной»

⁵ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 426.

⁶ Там же. Л. 418.

⁷ Там же. Л. 454–454 об.

⁸ Там же. Л. 525.

⁹ Там же. Л. 778.

¹⁰ Там же. Л. 763.

дороги – фельдмаршал Б.-Х. фон Миних, блестящий инженер, был в это время президентом Военной коллегии.

Благодаря талантливому организатору (Миних) и участию военных, дела на «перспективной» дороге пошли в гору. С июня 1730 по август 1731 гг. силами солдат и крестьян было отремонтировано 47 верст дорожного полотна, что составляло треть от общего числа требовавших ремонта мостов на участке между Москвой и Новгородом. Известно, что пехотные полки работали на дороге и в 1732 г., а потому, следует полагать, что к концу 1732 г. «перспективная» дорога была исправлена по крайней мере на половину. Продолжению ремонтных работ помешала начинающаяся война за польское наследство, которая отвлекла от дороги и пехотные полки, и самого фельдмаршала Миниха, который с осени 1732 г. перестал курировать «перспективную» дорогу.

Рассмотрев историю ремонта Московско-Петербургской дороги, мы видим, что это был исключительный по масштабу государственный проект. За 16 лет (с 1716 по 1732 гг.) государство израсходовало на нее 106 776 руб., причем более значительная сумма (более 40 000 руб.) ушла в неизвестном направлении; одна верста вновь отремонтированной дороги стоила государству почти 400 руб. – дорога получилась золотой! Решая проблему привлечения рабочей силы, государство попыталось приписать к дороге местных крестьян, однако наиболее действенной мерой оказалось привлечение к работам военных. Силами крестьян и военных была отремонтирована треть ветхих мостов на дороге Москва-Новгород, однако начавшаяся серия войн 1730-х гг. помешала закончить ремонт.

1. *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт. Новосибирск, 2004.
2. *Кротов П.А.* Осударева дорога. СПб., 2011.
3. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
4. *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001.

Практика чинопроизводства и отставок в российском генералитете 1725-1741 гг.²

Генералитет; правящая элита; армия; служба.

В статье на основе широкого круга архивных и опубликованных источников рассматривается динамика чинопроизводства и практика отставок со службы в российском генералитете 1725-1741 гг.

Дворянская служба и процесс становления российской регулярной армии неизменно привлекают внимание историков. Однако большая часть исследований посвящена офицерскому корпусу, а состав и эволюция генералитета изучены в меньшей степени. В представленной работе рассматривается практика чинопроизводства и отставок со службы высших армейских чинов 1725-1741 гг.³

С конца царствования Петра Великого до 1728-1729 гг. российский генералитет вырос вдвое – с 61 до 125-124 человек. В 1730-1741 гг. столь резких изменений уже не наблюдалось, а численность этой социальной группы составила 104-129 лиц (см. рис. 1). Очевидно,

¹ Черников Сергей Васильевич, Липецкий государственный технический университет (РФ, Липецк), к.и.н., zserg72@gmail.com.

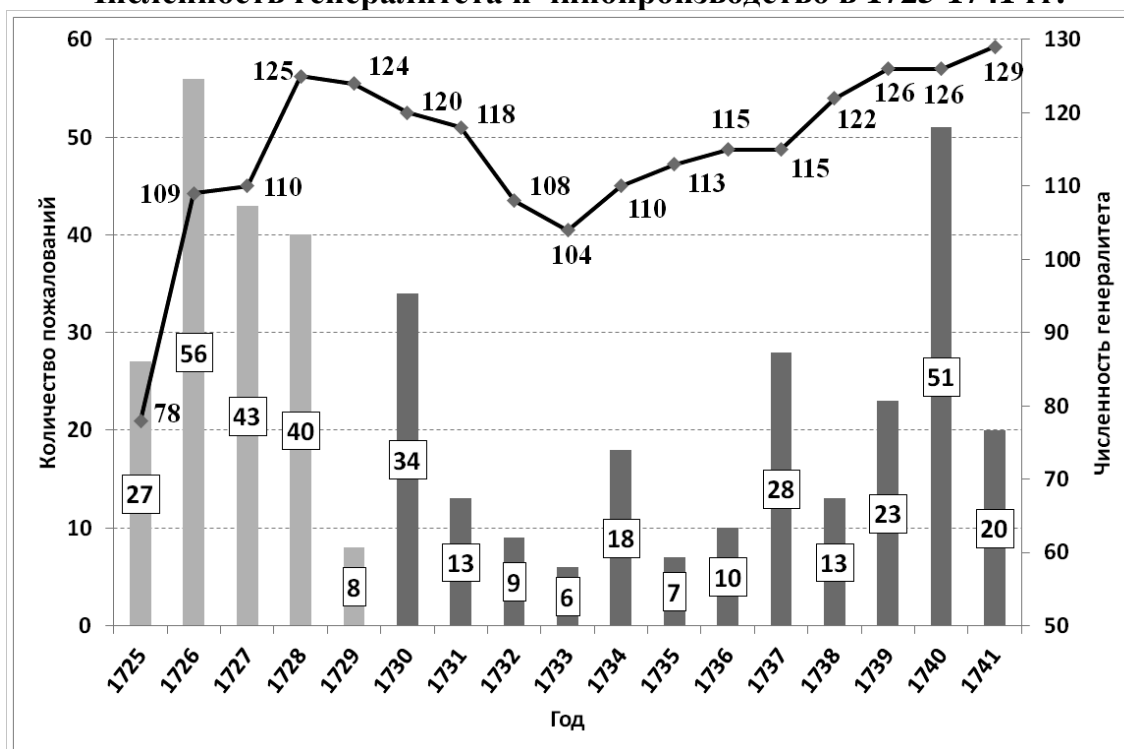
² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00011(а).

³ Под термином «генералитет» понимается группа лиц, носивших армейские чины 1-5 классов Табели о рангах. В работе использовалась пополняемая биографическая база данных по правящей элите 1725-1762 гг. (к настоящему времени содержит более 100 тыс. записей). Основные источники: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 20 (ч. 1-9), 36, 38, 81, 101, 134 (ч. 1-5), 135, 140, 141, 168 (ч. 7), 223; Ф. 20. Оп. 1. Кн. 16 (ч. 1-2), 20, 21 (ч. 1-2), 50 (ч. 1-3), 61, 70-73, 75, 79 (ч. 1-2), 151, 219 (ч. 1); Ф. 188. Оп. 1. Кн. 1389; Ф. 199. Портф. 240. Д. 15–16; Ф. 210. Оп. 21. Кн. 1087; Оп. 22. Кн. 209; Ф. 248. Кн. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 394, 413, 421, 424, 428, 432, 437, 439, 440, 442, 455, 464, 467, 528, 605, 606, 608, 634, 633, 689, 768, 985, 1088, 1090, 1097, 1107, 1109, 1110, 1121, 1142, 1155, 1899–1905, 1933–1942, 1947, 1950–1952, 6416, 8122 (ч. 1-3); Оп. 113. Кн. 1353; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 7, 9, 14, 17, 19, 32, 38, 39, 45, 49, 61, 63, 74, 75, 82, 84, 93, 106, 108, 117, 119, 122, 125, 131, 133, 139, 143, 145, 148, 160, 167, 170, 181, 182, 208, 215, 216, 222, 228, 231, 238, 239, 245, 260, 262, 271, 273, 310, 331, 418 (ч. 1-2), 419, 421, 424 (ч. 1-2), 438–440, 442, 446; Оп. 2. Кн. 6; Ф. 350. Оп. 3. Кн. 1; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Кн. 7006, 7007, 7010, 7122, 7134, 7339, 7386–7388, 7391, 7395; Ф. 490. Оп. 2. Кн. 6-8, 11, 13, 19–21, 25, 28, 33-35, 37, 38, 40–42, 44, 45, 47, 50–53, 55, 56, 58; Оп. 3. Кн. 1, 4, 45, 46, 205–210; Ф. 846. Оп. 16. Д. 81 (ч. 2); Сборник РИО. Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; Сенатский архив. Т. 2-5. СПб., 1889-1892.

что динамика генеральского корпуса аннинского времени значительно отличалась от предшествующего периода: быстрый рост 1725-1730 гг. сменился сравнительно умеренными колебаниями в 1730-1741 гг. Но различия были не только количественными. Как было показано ранее [2, с. 130-134], двукратный рост генералитета при Екатерине I и Петре II был вызван целым рядом разнородных причин: ускоренной ротацией кадров в полевой армии, появлением значительной группы генералов, состоявших на статской службе, формированием новой чиновной иерархии на основе Табели о рангах, регламентацией состава различных управленческих структур (высшего армейского командования, руководства центральных и местных органов власти, двора). Напротив, динамика 1730-1741 гг. в основном объяснялась причинами военного характера – число генералов в период войн росло, а в мирное время снижалось [3, с. 43, 47].

Рисунок 1

Численность генералитета и чинопроизводство в 1725-1741 гг.

Прим.: По левой вертикальной оси – количество пожалований (гистограмма), по правой – численность генералитета (график).

Интенсивность чинопроизводства находилась во взаимосвязи с динамикой генеральского корпуса. В 1725-1730 гг. высшие армейские чины жаловались гораздо чаще (в 1,8 раза), нежели в 1730-1741 гг. – в среднем за год, 35 раз против 19⁴.

⁴ Всего в 1725-1741 гг. состоялось 406 пожалований армейских чинов 1-5 клас-
549

Показательно, что самые массовые пожалования (в течение нескольких лет подряд, 1725-1728 гг.) пришлось на относительно мирный период между Персидским и Польским походами. И даже насыщенный событиями 1740 г. (Россия едва только вышла из войны с Турцией, а на престоле сменились два монарха и два регента) был менее «урожайным» на чины, чем 1726 г.

Теперь проанализируем данные об отставках⁵. В таблице 1 представлены оба типа отставок: 1) с генеральским чином, 2) со статским чином 1-5 класса.

Таблица 1

Отставки военных чинов в 1725-1741 гг., лиц (%)

Год	арм. → арм. (1-5 класс)		арм. → стат. (1-5 класс)		оба типа отставок	
	лиц	%	лиц	%	лиц	%
1725	2	1	0	0	2	1
1726	16	8	2	5	18	8
1727	13	7	0	0	13	6
1728	20	10	1	3	21	9
1729	2	1	0	0	2	1
1730	11	6	4	10	15	6
1731	7	4	0	0	7	3
1732	2	1	0	0	2	1
1733	4	2	0	0	4	2
1734	4	2	0	0	4	2
1735	9	5	2	5	11	5
1736	10	5	3	8	13	6
1737	5	3	6	15	11	5
1738	5	3	11	28	16	7
1739	10	5	3	8	13	6
1740	47	24	3	8	50	21
1741	26	13	5	13	31	13
Всего	193	100	40	100	233	100

са, в том числе, в 1725-1730 гг. – 174, в 1730-1741 гг. – 232. Подсчитано без учета тех случаев, когда при пожаловании представитель генералитета получал полную отставку («от службы и от дел»). На диаграмме и в таблице все пожалования (или отставки) 1730 г. относятся ко времени правления Анны Иоанновны.

⁵ Включая сведения о лицах, получивших полную отставку.

По моим подсчетам, в 1725-1741 гг. состоялось 233 отставки, из них: 83 % – с сохранением армейского ранга, 17 % – с переводом в статский. До 1735 г. отставка военных с пожалованием статского ранга была редкостью. При Екатерине I и Петре II мне встретилось лишь три таких случая, а в начале правления Анны Иоанновны (1730 г.) – еще четыре. Остальные отставки (33) относились к периоду после принятия указа 14 ноября 1735 г. о повышении военных, определяемых «к делам», статскими чинами. Но даже после этого большинство военных сохраняли при отставке армейские ранги. Свыше трети отставок с армейским чином (73 случая, 38 %) состоялось в течение 1740-1741 гг., т.е. сразу после окончания русско-турецкой войны. Пик отставок с переводом в статский чин пришелся на 1738 г. – 11 (28 %).

Рассмотрим подробнее *первый тип отставок* – с генеральским рангом. В 1725-1730 гг. состоялось 53 отставки⁶, а в 1730-1741 гг. – еще 140⁷. Три четверти отставников 1725-1730 гг. (39 лиц, 74 %) получили свой первый генеральский чин лишь при увольнении со службы. Для сравнения, в 1730-1741 гг. таких было 55 % (77 лиц). Доля отставок без повышения выросла с 11 % в 1725-1730 гг.⁸ до 28 % в 1730-1741 гг.⁹, но, как и раньше, они оставались исключением из правила.

Какая часть отставников затем продолжила свою службу? В 1725-1730 гг. таких было 66 % (35 лиц¹⁰), а в 1730-1741 гг. – 34 % (48 лиц¹¹). Интересно сопоставить число «несостоявшихся» отставок – когда ушедшие с военной службы вскоре на нее возвращались, а получившие полную отставку впоследствии продолжали служить на военном или гражданском поприще. В 1725-1730 гг. мне встретился только один такой случай. В 1730-1741 гг. их стало гораздо больше: при

⁶ В том числе, 42 лица отставлены от военной службы, 5 – от полевой и 6 – «от службы и от дел».

⁷ В том числе, 48 лиц отставлены от военной службы, 3 – от полевой и 89 – «от службы и от дел».

⁸ Из 53 лиц непосредственно при отставке был повышен 41 человек (77 %), еще 6 (11 %) – в период до 1730 г., а 6 генералов (11 %) к началу 1730 г. оставались в прежних чинах.

⁹ Из 140 человек непосредственно при отставке было повышено 96 лиц (69 %), позднее в течение 1730-1741 гг. – 5 (4 %), оставались вплоть до конца 1741 г. в прежнем чине – 39 (28 %).

¹⁰ К гражданским делам в 1725-1730 гг. были определены 22 отставных генерала, 4 – остались на военной службе, еще 9 человек вернулись на службу при Анне Иоанновне.

¹¹ На гражданской службе в 1730-1741 гг. осталось 24 человека, на военной – 20 (в том числе, 9 совмещавших ее с гражданской), 13 человек вернулись на службу при Елизавете Петровне.

отставке от военной службы – 16 из 48 (33 %), «от службы и от дел» – 7 из 89 (8 %).

Выше уже отмечалось, что *отставки второго типа (со статским рангом)* случались реже: в 1725-1730 гг. – 3, а в 1730-1741 гг. – 37¹². Уволенные всегда получали повышение¹³ и, как правило, направлялись к гражданским делам¹⁴. «Несостоявшиеся» отставки со статским чином были единичны¹⁵.

Интересно, что картина отставок в генеральской и офицерской среде по периодам существенно различалась. В 1725-1730 гг. «награждение рангом» при увольнении от службы было общепринятой практикой как для офицеров, так и для генералов [1, с. 92, 101; 2, с. 132]. В 1730-1741 гг. ситуация стала иной. По данным М.В. Бабич, из 357 будущих «областных правителей» (в основном, офицерских рангов), отставленных от военной службы в 1730-1740 гг., 197 человек (55 %) повышены не были¹⁶. По моим же подсчетам (оба типа отставок суммарно), в 1730-1741 гг. из 177 человек повышение получило подавляющее большинство – 138 лиц (78 %). Еще одно отличие заключалось в том, что самые масштабные отставки офицеров состоялись в 1725-1729 гг. [1, с. 98, 101-102]. Напротив, среди «генералитета» отставных в 1739-1741 гг. было почти в два раза больше нежели в 1726-1728 гг. – 94 и 52 человека, соответственно.

Как известно, механизм отставок (в том виде, который существовал в первой половине XVIII в.) решал две основные задачи: 1) перераспределения служащих между военной и гражданской сферами управления, 2) исключения из состава аппарата тех, кто в силу возраста, здоровья или иных причин, уже не мог служить государству. Представленные данные позволяют прийти к выводу, что соотношение

¹² В 1730-1741 гг. состоялось 29 отставок от военной службы, 1 – от полевой, 7 – «от службы и от дел».

¹³ Среди отставников 1725-1730 гг. один человек получил повышение сразу, а еще двое впоследствии. Среди отставников 1730-1741 гг. были повышены при отставке 34 из 37 лиц (92 %), а еще трое (8 %) – впоследствии. Почти все военные на момент представления к отставке не имели чина 1-5 класса и получили его уже как награду: в 1725-1730 гг. – 3 человека (100 %), в 1730-1741 гг. – 35 человек (95 %).

¹⁴ К гражданским делам были определены трое отставников 1725-1730 гг. (100 %). Из уволенных в отставку в 1730-1741 гг. впоследствии служило 28 человек (76 %), в том числе, на гражданской службе – 26 лиц, на военной – 2.

¹⁵ В 1725-1730 гг. «несостоявшихся» отставок не было вовсе, а в 1730-1741 гг. только две: при отставке с военной службы – 1 из 29 (3 %), при «полной» отставке – 1 из 7 (14 %).

¹⁶ Подсчитано по: [1, с. 101].

этих целей в 1725-1730 гг. и 1730-1741 гг. (в первую очередь, в кампании 1739-1741 гг.) было различным. После отставок 1725-1730 гг. службу продолжило 38 лиц (68 % отставников), а после отставок 1730-1741 гг. – 76 лиц (43 %). Как видим, доля оставшихся на службе после кампании 1725-1730 гг. была выше нежели в 1730-1741 гг., а по абсолютным показателям – наоборот. Если же сравнить общую численность отставников по периодам, получим следующие результаты: от военной службы – 45 и 77, от полевой – 5 и 4, отправлены в «полную» отставку – 6 и 96. Таким образом, приоритетной задачей в 1725-1730 гг. было пополнение гражданского аппарата, а отставки 1730-1741 гг. были направлены на достижение обеих перечисленных целей. К концу аннинского царствования необходимость массовых отставок в генеральском корпусе была очевидна. Если в 1730 г. старше 50 лет было 57 % генералов, то в 1738-1739 гг. уже 74 %. После увольнений (к концу 1740-1741 гг.) этот показатель снизился до 58-64 %.

1. *Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013.
2. *Черников С.В.* Российский генералитет 1725-1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1.
3. *Черников С.В.* Российский генералитет 1730-1741 гг.: численность, национальный и социальный состав, тенденции развития // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1.

УДК 94(470)«16/18»

О.Г. Агеева¹

Павел I и реформирование штата императорского двора

Русский императорский двор; штат 1796 г.

Статья посвящена политике Павла I относительно штата императорского двора в 1797-1798 гг. Изучение назначения придворных служителей и штата 1796 г. показало продвижение преданных служителей и сокращение расходов на двор.

Придя к власти в ноябре 1796 г., Павел I резко изменил многие стороны придворной жизни, в том числе и придворный штат. При этом он явно стремился «исправить» состояние двора, свойственное правлению его матери, убирал неугодных персон и пытался сократить

¹ Агеева Ольга Гениевна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., cultura_iri@mail.ru.

огромные дворцовые траты.

На престол Павел I вступил 6 ноября 1796 г. С первого же дня император начал менять первых лиц двора и ближайшее комнатное окружение, «продвигая» к большому двору своих гатчинцев. 6 ноября Павел сменил главу ведавшей повседневной жизнью дворца Придворной конторы обер-гофмаршала князя Ф.С. Барятинского. Его место занял граф Н.П. Шереметев, в прошлом камер-юнкер и камергер. Отставка Барятинского, безусловно, была предрешена его участием в убийстве Петра III в Ропше, и, как писал современник, день смерти Екатерины Барятинский «в страхе трепетал за свою жизнь» [3, с. 61]. В тот же день, 6 ноября, товарищами Шереметева, гофмаршалами двора, стали князь А.Б. Куракин и граф Ю.М. Виельгорский. Далее указы о новых назначениях и пожалованиях следовали практически каждый день.

В ноябре-декабре к большому двору были пожалованы: обер-шенком князь И.В. Несвицкий, обер-гофмейстером – граф Н.П. Румянцев, гофмейстером князь С.С. Гагарин, шталмейстером князь Н.Ал. Голицын, церемониймейстером князь И.И. Барятинский [1, с. 143, 156, 157, 146, 145, 153, 154, 158]. В конце декабря к малому двору Александра Павловича были назначены: гофмейстером бывший гофмаршал граф Н.Н. Головин, гофмаршалом камергер граф Н.А. Толстой, шталмейстером генерал-майор А.А. Тарсуков. Гофмаршалом, а затем гофмейстером Константина Павловича стал камер-юнкер Б.И. Фитингоф, шталмейстером камергер князь Н.А. Голицын².

Сразу после восшествия на престол 7-9 ноября именными указами Павел I начал формировать новый состав ближайших комнатных чинов большого двора. Камердинеры И.П. Кутайсов получил чин гардеробмейстера, П.И. Кутайсов-младший – гоф-фурьера, два лакея стали камер-лакеями. В штате новой императрицы двум дамам, в том числе камер-фрау Ек. Верре, было повышено жалованье, также получили назначение четыре камер-юнгфоры, две туалетные девицы, две камер-метхины, два камердинера стали камер-фурьерами. Еще несколько камердинеров, парикмахеров, гоф-фурьер и несколько официантов (то есть глав должностей) были переведены к большому двору или оставлены в Гатчине³.

Что касается представительных чинов, которые всегда менялись при новых восшествиях на престол, то 12 ноября камергерский ключ большого двора получили 8 камер-юнкеров (князь А.Н. Голицын, гра-

² РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 187. Л. 128, 141, 142.

³ Там же. Л. 1, 3, 7, 8, 9, 10.

фы А. и С. Салтыковы и др.), а затем и еще 6 человек из разных чинов (граф Л.Л. Ворсель, князь А. Голицын и др.). 29 ноября камергером малого двора Александра Павловича стал гвардии ротмистр С. Ланской. Пажеский корпус пополнили два новых камер-пажа и 35 пажей⁴. Назначения в камер-юнкерский чин не делались, так как чин предполагалось упразднить.

Не менее активно в ноябре-декабре 1796 г. формировался круг чиновных придворных дам. При дворе появились обер-гофмейстерина (статс-дама графиня А.А. Матюшкина), гофмейстерина (статс-дама А.Н. Нарышкина), три особы были пожалованы в статс-дамы, причем одна из них с определением гофмейстериной к великой княгине Анне Федоровне (фон Ренне). Чин фрейлин большого и малых дворов получили 25 девиц хороших фамилий, и несколько особ было пожаловано в число «девиц», жительствующих при дворе с фрейлинами⁵.

Несколько десятков указов касались служителей Придворной конторы – канцелярских чинов, метрдотелей, обер-мундшенка, тафельдекера, кофешенков, гоф-фурьеров, камер-лакеев и лакеев, истопников, белошвеек и др. Среди них отметим назначение композитора Дм. Бортнянского главой хора придворных певчих, главу Кабинета В.С. Попова, а затем князя Н.Б. Юсупова управляющими зимнедворским Эрмитажем, повышение чинов лейб-медику И. Беку и двум гофхирургам И. Розберху и Лидерсу (последнему за службу при Петре III), пожалование духовником его величества Исидора Петрова⁶.

Что касается увольнений служителей и служительниц двора Екатерины II, то отметим указ о массовом увольнении от 17 декабря. К чести Павла I увольнения проходили «милостиво», с выдачей награждения. Например, дамы личных апартаментов Екатерины II получили обеспечение суммами денег (от 3 до 12 тыс. руб.), а известная камер-юнгфера М.С. Перекусихина пенсион в 1200 руб. и значительное недвижимое имущество [2, с. 48]⁷. Только одно увольнение этого периода, подканцеляриста М. Шумилова, предполагало отсылку «в солдатство» из-за его «дурного поведения»⁸.

Кадровые изменения, подобные тем, что были проведены в ноябре-декабре 1796 г., делали все предшественники Павла I на импера-

⁴ Там же. Л. 20, 29, 40; 80; 113; 42, 58, 64, 70, 72, 104, 127.

⁵ Там же. Л. 18; 16; 11, 21, 62; 17, 22, 23, 28, 31, 36, 49, 69, 78, 79, 95, 100, 132; 45 и др.

⁶ Там же. Л. 15, 24, 115; 19, 39, 47; 37.

⁷ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 21; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 187. Л. 120-122 об.

⁸ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 187. Л. 108.

торском троне. Однако Павла интересовала не только смена лиц. По его распоряжению срочно готовился новый штат двора, который был подписан 30 декабря 1796 г.⁹ Создавал штат А.А. Безбородко, при Екатерине II бывший гофмейстером и обер-гофмейстером и уже занимавшийся проектом придворного штата в середине 80-х гг.

Целью павловского штата, разумеется, являлось создание новой системы большого и малых дворов, соответствующей составу высочайшей семьи. В 1796 г. впервые создавался штат императора, рядом с которым была императрица-супруга и нескольких взрослых сыновей и дочерей. Другой целью было сокращение расходов на двор через сокращение числа придворных чинов и служителей. Кроме этого, впервые следовало создать объединенный штат сразу всех самостоятельных дворцовых подразделений – Придворной конторы, конюшни, охоты и др. Ранее их штаты составлялись отдельно и разными лицами. Что же получилось в итоге?

При большом дворе было выделено 9 высших чинов, имевших свои команды, – обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстерина, директор спектаклей и Эрмитажа, обер-церемониймейстер. В их подчинении, по новому штату, числилось более 1390 человек. Содержание этих чинов и отправление ряда сторон их деятельности составляло 1 281 371 руб. 30 коп., из этой суммы на жалованье и содержание чинов (хлебное жалованье, казенные квартиры и пр.) определялось около 292 550 руб.

Отдельно были составлены штаты малых дворов цесаревича и взрослой дочери монарха. При дворе цесаревича (этот титул имел наследник Александр Павлович, а затем и его брат великий князь Константин) было прописано 42 наименования чинов и служителей при общей численности в 163 человека, на их содержание было положено 38 464 руб. При дворе великой княжны было 46 наименований чинов, при общей численности в 128 человек, их содержание составляло 32 490 руб. Высшими чинами двора цесаревича были гофмейстер, гофмаршал и шталмейстер, имелись камергеры, камер-пажи и пажи. Двор великой княжны возглавляла гофмейстерина, и при нем имелась фрейлина. Таким образом, штат двора великой княжны был более скромным, чем цесаревича, что соответствовало ее рангу.

Как следует оценивать штат 1796 г. с точки зрения сокращения расходов на двор? Обратимся к его сравнению со штатом двора пред-

⁹ ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. К № 17 700; РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 29.

шественницы Екатерины II. Возьмем жалованье и содержание чинов и служителей главного подразделения двора Придворной конторы 1780-х гг. (по штату из дел комиссии А.В. Храповицкого 1788 г.) и из штата 1796 г. тех структур, которые ранее к ней относились, а теперь стали самостоятельными ведениями.

По штату 1796 г. к числу чинов и служителей ведения обер-гофмаршала (новой Придворной конторы) (562 человека) прибавим входившие при Екатерине II в Придворную контору чины ведения обер-камергера (74 человека), обер-гофмейстерины (26), обер-шенка (12), команду Эрмитажа (47) и ведения обер-гофмейстера (21 чин, подразделение соединилось к Придворной конторе при реформе 1786 г.). Содержание всех этих 742 человек по штату 1796 г. составляло 226 709 руб. в год.

Эти же подразделения большого двора, то есть Придворной конторы и Камер-цалмейстерской конторы в 80-х гг.¹⁰, включали около 2245 человек (без 45 служителей петербургских столичных дворцов), то есть были почти на 1500 человек больше, чем в павловском штате 1796 г., и, соответственно, больше стоили казне. Подсчеты показывают, что расходы на содержание лиц большого двора Павла I по штату 1796 г. должны были сократиться почти на треть. Отметим, что по малым дворам картина была иная, так как Павел сохранил высокое обеспечение своих детей.

Как была достигнута указанная экономия? Сравнение штатов 1796 г. и середины 1780-х гг. показывает, что были сокращены служители десятков наименований. Например, в команде должности гофштаб-квартирмейстера остался только сам начальник, а его 6 подчиненных (архитектор и др.) были сокращены. При Конфетной должности остались 4 кондитера и 8 учеников, а 32 служителя от подкондитеров до кастрюльниц были сокращены. В Прачешной из 119 человек осталось только 40 – две кастелянши с 38 прачками, пищиками и работниками. Разгромлена была Камер-цалмейстерская служба, в которой из 185 лиц разных специальностей были оставлены только два комиссара с 8 подчиненными. Прежняя должность часовщиков с двумя мастерами была упразднена совершенно¹¹, и т.д.

Основой данного сокращения численности служителей, при сохранении прежнего объема службы, были предполагаемые переход на подряд многих видов деятельности, широкое использование наем-

¹⁰ Штат Придворной конторы, представленный в комиссию 1788 г., см.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 273. Л. 69–89 об., 108 об.–111 об.

¹¹ Там же. Л. 76, 82–82 об., 86 об.–87; 108 об.–111 об.; 75.

ных работников, сокращение производства при дворе припасов и ремесленной деятельности и сокращение разного рода учеников (а значит, и обучения профессиям). Кроме этого, появился новый взгляд на придворные чины в рангах, которые имели высокие оклады. Очевидно, что предполагалось их сокращение, так как, во-первых, штатом 1796 г. был упразднен чин камер-юнкера, и, во-вторых, целый ряд чинов «потерял» в штате указание на соответствие рангам, то есть при пожаловании в чин-должность ранг автоматически не присваивался.

Переход на новый штат был проведен постепенно к середине лета 1797 г. и сопровождался массовыми сокращениями. Самое большое из них состоялось 16 июля 1797 г. по 4 спискам чинов Придворной конторы, подготовленным статс-секретарем Д.П. Трощинским¹².

По первому списку с пансионом в размере полного жалованья увольнялись 196 человек, по второму с половинным пансионом – 110, по третьему списку с выплатой единовременно суммы в размере годового жалованья – 694. Наконец, в 4-й список вошли 16 лиц, которые формально становились внештатными (на них не было мест по штату), но они продолжали служить, получая жалованье из Кабинета. Таким образом, в дополнение к уже прошедшим сокращениям 16 июля 1797 г. двор разом освободился от 1000 служителей Придворной конторы среднего и низшего звена, и еще 16 были переведены на жалованье из Кабинета.

В дальнейшем, однако, оказалось, что проведенное по штату 1796 г. сокращение было неоправданно большим, и для нормальной жизнедеятельности двора существовала настоятельная потребность в упраздненных служителях. Поэтому в течение всех четырех лет правления Павла I именными указами команды двора увеличивались за счет дополнительных ставок, а в ряде случаев восстанавливались и целые команды, например, камер-цалмейстерская должность.

1. *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.
2. *Знаменитые россияне XVIII и XIX веков. Биографии и портреты.* СПб., 1996.
3. *Чарторыйский А.* Русский двор в конце XVIII – начала XIX столетия: Из записок князя А. Чарторыйского. 1795-1805. М., 2007.

¹² Там же. Л. 46–78 об.

**Граница России и украинских земель Речи Посполитой:
формирование территории Слободской Украины в XVII в.
и проблема национальной идентификации²**

Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; порубежье.

Характеризуется процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVII в. Анализируются противоречия, возникавшие в результате напряженной конкурентной борьбы за господство в Днепро-Донской лесостепи.

Исторический опыт взаимодействия населения приграничных территорий современных России и Украины стал вырабатываться в ходе колонизации Россией и Речью Посполитой обширной лесостепной зоны южных пределов обоих государств: от первых устойчивых контактов в 80-х гг. XVI в. до вхождения Левобережной Украины в состав России в 1654 г. Земли, о которых идет речь – Днепро-Донская лесостепь, а ныне это частично территория еврорегиона «Слобожанщина», сформированного на границе Российской Федерации и Украины.

В научной литературе уже отмечалось наличие вопроса о так называемой «Большой границе» – границе между двумя группами (европейскими и неевропейскими) человеческих цивилизаций. Применительно к рассматриваемой территории под «Большой границей» обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и, сначала языческим, а потом мусульманским, Востоком. Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого выше региона. «Большая граница позднесредневековой Украины – это не политическая граница, а две зоны военного влияния, вслед за которым, а иногда и впереди которого продвигалось народнохозяйственное использование земель, часто вопреки желаниям властей. Зоны только с середины XVII в. начали оформляться в качестве политических границ...» [2, с. 7-21]. Думается, что эти слова вполне применимы и для общей характеристики ситуации, сложившейся на границе между

¹ Папков Андрей Игоревич, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (РФ, Белгород), к.и.н., papkov@bsu.edu.ru.

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00355а «Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI – конец XVIII в.)».

Россией и украинскими землями Речи Посполитой в конце XVI столетия [См. также: 1; 4; 5].

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс складывания территории единого Российского государства. В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Одним из важнейших направлений, по которым происходило расширение территории России, было южное. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства.

Не смотря на то, что весь XVI в. прошел под знаменем колонизации русским земледельческим населением территорий южнее Оки, интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Это движение воспринималось как возвращение на исконные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия. Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси – Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Уже в начале XVI в. возникла Тульская оборонительная черта. К середине столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг: Данков, Шацк, Орел и др. Теперь условная граница Российского царства проходила южнее среднего течения Оки, пересекала верховья Дона, верховья Оки и оканчивалась на западе в верховьях Десны и Сейма. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы. Грунт лесной полосы отличается маломощ-

ной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха [3, с. 195]. Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI – первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее.

Россия стремилась к колонизации Днепро-Донской лесостепи, т.к.: во-первых, появлялась возможность организации новой линии обороны на пути татарских набегов, во-вторых, создавались условия для более эффективного противостояния польскому давлению на восток. Со своей стороны, Речь Посполитая всячески пыталась помешать усилению России. Оба государства свои территориальные претензии обосновывали с исторически-правовой точки зрения. Но реальное значение имел фактор заселения спорной территории. Примечательно, что заселение южных окраин России и Речи Посполитой началось практически одновременно в последние десятилетия XVI в.

Первоначально в Днепро-Донской лесостепи была организована российская пограничная служба, затем на летний период стали формироваться временные военные соединения, располагавшиеся на берегу р. Оки. С 80-х гг. XVI в. развернулось строительство крепостей непосредственно на Поле. К концу XVI в. укрепленные поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям, но Крымское ханство не смогло эффективно противостоять таким действиям России. Иначе разворачивалась ситуация в отношениях с Речью Посполитой, которая считала указанную территорию частью Северских земель, отвоеванных у Великого княжества Литовского Россией в начале XVI в. После окончания неудачной для России Ливонской войны продвижение польских рубежей на юг и восток стало важным элементом государственной политики Речи Посполитой. Однако в открытый территориальный конфликт с Россией в конце XVI в. польское правительство не вступало. Южные рубежи Российского царства беспокоили лишь украинские казаки, являвшиеся подданными Речи Посполитой, которых в России называли «черкасы». Этот термин, закрепился в официальных российских документах и стал самоназ-

ванием переселенцев из Днепровского Левобережья в России.

В конце XVI в. на просторах Днепро-Донской лесостепи встретились два переселенческих потока: российский и украинский. При этом российская колонизация была преимущественно правительственной, она опиралась на строившиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. Опасность украинской колонизации для России заключалась в том, что расселявшиеся на ее приграничных землях черкасы не приносили присяги московскому царю. Следовательно, они продолжали оставаться подданными Речи Посполитой и, закрепившись на спорных землях, создавали условия для их присоединения к Речи Посполитой.

По мере увеличения количества черкас в пограничном регионе вооруженные конфликты становились более интенсивными. При столкновениях, обладавшие хорошими военными навыками и вооружением, черкасы представляли для российских вооруженных сил опасность большую, чем татары. Под воздействием международной обстановки небольшие порубежные конфликты перерастали в широкомасштабные военные действия. Так было во время Смуты начала XVII в. и Смоленской войны 1632-1634 гг. Кроме того, значительные массы украинцев пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. Опираясь на создаваемые здесь вооруженные силы, Российское царство пыталось вытеснить украинских поселенцев с занимаемой ими территории, но безуспешно. Тогда в конфликте между Российским государством и украинскими колонистами было найдено место компромиссу. Этот компромисс оказался жизнеспособным и послужил основой для последующего сосуществования двух народов на одной территории, позволил России на протяжении первой половины XVII в. успешно продолжить колонизацию Юга. Предпосылкой к его достижению стала совместная борьба с татарскими набегами. Основу составило поступление черкас на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения – служилые черкасы. При этом, несмотря на переход в российское подданство и поступление на службу, черкасы зачастую продолжали именовать себя «иноземцами».

Учитывая, что противоречия, присущие столкновению российской и украинской колонизаций, развивались накануне Освободитель-

ной войны 1648-1654 гг., а в ее ходе интенсивность конфликтов убавилась, но напряженность в приграничной зоне сохранилась, нельзя абсолютизировать тезис о стремлении двух народов к воссоединению своих исторических судеб. В то же время, опыт совместного проживания, выработанный в ходе взаимодействия подданных России и переселенцев с украинских земель Речи Посполитой в процессе колонизации Днепро-Донской лесостепи, в дальнейшем сыграл положительную роль в становлении русско-украинских отношений в рамках единого государства. После Переяславской рады 1654 г., провозгласившей вхождение Левобережья в состав Российского царства, ситуация в регионе кардинально изменилась. Жители Левобережной Украины стали российскими подданными, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной. Традиции совместной борьбы с вторжениями татар были продолжены в дальнейшем, а переселенцы-черкасы в дальнейшем составили основу населения Слободской Украины.

Таким образом, изучение процессов, происходивших на границе России и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. свидетельствуют о недостоверности тезиса о «воссоединении Украины с Россией», активно развивавшегося советскими историками. Вместе с тем, наблюдения над источниками не дают основания соглашаться с выдвигавшимся в украинской историографии тезисом о приоритете украинской колонизации исследуемого региона, лежащего в обосновании концепции складывания Слободской Украины как части украинского государства XVII в.

1. *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
2. *Дашкевич Я.Р.* Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989.
3. *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
4. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
5. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета [Saint-Petersburg University Bulletin]. Серия 2: История. 2011. № 1.

**Агенты власти и локальные (национальные) элиты:
проблемы реконструкции взаимоотношений с украинской
казацкой в годы I Малороссийской коллегии (1722-1727 гг.)²**

Россия XVIII в; Малороссийская коллегия; Гетманская Украина; Петр I; украинская казацкая элита; П.Л. Полуботок.

В работе рассматриваются проблемы реконструкции взаимоотношений членов Малороссийской коллегии с украинской казацкой элитой. Автор анализирует противоречия в историографических оценках и состояние источниковой базы по теме.

Одним из важных аспектов изучения истории государственного строительства Российского государства является реконструкция взаимоотношений с локальными (национальными) элитами. В этом контексте заметное место занимают взаимоотношения с украинской казацкой элитой. Несмотря на обширную историографию вопроса до сих пор не освещены многие аспекты, касающиеся стратегий поведения представителей казацкой элиты Гетманской Украины во взаимоотношениях с агентами царской власти в регионе. Зачастую этому способствует не только позиции представителей украинского исторического сообщества, но и глубина проработки источниковой базы. К числу таких периодов в истории российско-украинских отношений следует отнести годы деятельности I Малороссийской коллегии (далее – МРК).

МРК была создана в мае 1722 г. для совместного управления с гетманом И.И. Скоропадским Гетманской Украиной³. После смерти гетмана МРК управляла регионом вместе с членами Генеральной войсковой канцелярией вплоть до осени 1727 г.⁴ В историографии этот небольшой промежуток времени для автономии Гетманской Украины и прав казацкой элиты оценивается в основном с негативных позиций. Это касается как классиков дореволюционной историографии, так и современных российских и украинских историков [1, с. 72;

¹ Лазарев Яков Анатольевич, Лаборатория эдиционной археографии ИГНИ УрФУ (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; 9Lazarev@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Договор № 14.У30.15.3188-МК от 16.02.2015 г.

³ ПСЗ. Т. 6. № 4010. С. 681–684.

⁴ Там же.

2, с. 169; 4, с. 308-313; 5, с. 392; 6, с. 194-195; 7, с. 127-128; 8, с. 70; 9, с. 508; 12, с. 509; 13, с. 53-54; 14, с. 163]. Взаимоотношения представителей украинской казацкой элиты с сотрудниками МРК носили напряженный характер, а с российской стороны присутствовал излишний контроль и недоверие.

В качестве наглядной иллюстрации невозможности агентов царской власти выстраивать диалог с украинской казацкой элитой приводится политическая деятельность наказного гетмана П.Л. Полуботка (1722-1723 гг.). Однако, за пределами драматичной судьбы П.Л. Полуботка и его окружения (всего 16 человек) мы практически ничего не узнаем о том, как выстраивались повседневные отношения казацкой элиты с членами МРК, функционировал ли в этот период канал неформальных связей и какова была его эффективность. Более того, в специальных работах по этому периоду (например, исследования В.Н. Горобца [3; 4]) практически отсутствуют сведения о том, как интегрировались «великороссияне», назначенные на полковничьи должности. При этом в исторических работах можно найти редкие упоминания, например, о том, что в земельных тяжбах представители руководящей казацкой элиты обращались к МРК лишь в самых неразрешимых делах [11, с. 62, прим. 3]. Нежинский полковник «великороссиянин» П.П. Толстой, назначенный в 1719 г., в означенное время добивался благожелательного к себе отношения через раздачу землевладений полковой верхушке [11, с. 91-92; 14, с. 142]. Конечно приведенные сведения недостаточны для корректировки представлений, устоявшихся в историографии. Есть ли в открытом доступе источники, позволяющие детально реконструировать особенности взаимоотношений агентов царской власти с казацкой элитой Гетманской Украины.

Одним из важных источников по этому периоду является «дневник» Генеральной войсковой канцелярии, отрывки которого сохранились за 1722-1723 гг., а также универсалы наказного гетмана П.Л. Полуботка. Содержание этих источников позволяет понять, что в практиках взаимоотношений со стороны членов МРК отсутствовали какие-либо юридически закрепленное «самовластие», которое бы ставило украинскую правящую элиту в подчиненное положение [15, с. 249, 253, 266, 286, 305, 415, 420, 423-430, 433-439, 611-613]. В документах формальное равенство могло выражаться следующим образом: «По промемории, з государственной нашей Коллегии в Малороссийскую Коллегию принесенный, а з тоей Коллегии к нам в Енеральную Войсковую Канцелярию» или «при промемории з Малороссийской Коллегии принесено к нам в Войсковую Енеральную Канцелярию» [15, с. 198, 230 и

др.]».

Однако предписанный изначально порядок взаимоотношений не сразу воплотился в жизнь. Определенную роль в этом сыграли личные качества президента МРК С.Л. Вельяминова. До поздней осени 1722 г. президент МРК предпочитал отсылать в Генеральную войсковую канцелярию указы как в нижестоящий орган. В середине сентября 1722 г. наказной гетман П.Л. Полуботок, будучи в присутствии МРК вместе с генеральными старшинами, высказал С.Л. Вельяминову свое недовольство: «ваше благородие всегда нас указами засилаешь, а нам з вашим благородием сношение и сообщение во всяких делех иметь указ императорского величества повелевает». На это президент МРК ответил довольно странной фразой о том, что обладает таким императорским указом, содержание «которого не тилко вам, старшине малороссийской, але и присудствующим мне малороссийской коллегии членам» не может раскрыть [15, с. 411]. К сожалению, не представляется возможным выяснить, что представлял собой этот особый именной указ Петра I, на чем делают акцент украинские историки. После отмеченного эмоционального поступка С.Л. Вельяминова П.Л. Полуботок вместе с генеральными старшинами подали жалобу на президента МРК. На ее основании Вельяминову в ноябре были даны два указа, суть которых сводилось к тому, чтобы «без совета с генеральной старшиной» коллегия не могла отсылать наказы местным органам власти и была обязана сноситься с Генеральной войсковой канцелярией промемориями⁵ [15, с. 415].

Описанный в журнале Генеральной войсковой канцелярии случай не следует рассматривать в качестве примера напряженных отношений С.Л. Вельяминова с казацкой элитой. Из того же источника следует, что П.Л. Полуботок и члены Генеральной войсковой канцелярии регулярно собирались вместе с «коллегиантами» для совместных пирушек после заседаний, а также для празднования памятных дат [15, с. 412–415, 419–420]. Не считалось чем-то редким в среде украинской правящей верхушки приглашать в гости чиновников МРК на свои именины, а те, в свою очередь, отвечали им взаимностью [15, с. 414]. Как показал А.М. Лазаревский, между членами МРК и некоторыми представителями казацкой элиты установились даже дружеские отношения (особенно это касается родни бывшего гетмана И.И. Скоропадского) [10, с. 17].

Основной круг вопросов, обсуждаемых между членами Генеральной войсковой канцелярии и МРК, сводился к определению коли-

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1759. Л. 140–148.

чества денежных сборов и собираемых сумм, разбору жалоб представителей казачества на незаконное закрепощение («похолопление») [15, с. 407-415]. Записи в дневнике Генеральной войсковой канцелярии свидетельствуют о том, что во время этих обсуждений «великороссийская» сторона не оказывала какого-либо давления на казацкую верхушку. В целом, «Малою Россию правящие» были и лояльными исполнителями царской воли (например, в сборе налогов), и вполне самостоятельными руководителями региона⁶. В тех же случаях, когда президент МРК превышал свои полномочия, казацкие правители «Малой России» подавали соответствующие жалобы, на которые незамедлительно реагировало российское правительство. С.Л. Вельяминову делались замечания и с бюрократической навязчивостью повторялись пункты его инструкции [15, с. 429 и др.]. Также на Гетманской Украине за деятельностью президента внимательно следил коллежский прокурор. В письме от 2 ноября 1722 г. к нежинскому полковнику П.П. Толстому президент МРК, разбирая земельную тяжбу его тещи, писал, что права владения следовало документально подтвердить самой гетманше Скоропадской, поскольку за этим «смотрит присланной к нам прокурор»⁷.

Конечно, нами раскрыты не все детали административной повседневности во взаимоотношениях с украинской казацкой элитой. Это предстоит сделать, основываясь на журналах и протоколах МРК, ныне хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины. Тем не менее, отмеченные нами практики показывают, что Петром I не было создано некое «грозное судилище», сделавшее безмолвными представителей украинской казацкой элиты. Последние имели юридические возможности для воздействия на президента МРК, чем они и пользовались.

1. Административно-территориальное устройство России: история и современность / Под ред. А.В. Пыжикова, В.В. Журавлева, В.В. Шелохаева. М., 2003.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. М., 1830. Ч. 3.
3. *Горобець В.М.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007.
4. *Горобець В.М.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.
5. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
6. *Демкин А.В.* Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011.

⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картон 130. Д. 49. Л. 3 об.–20.

⁷ Там же. Картон 129. Д. 24. Л. 2–2 об.

7. *Ефименко А.* Двенадцать пунктов Вельяминова // Южная Русь: очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. 2.
8. *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини (1760-1830). Київ, 1996.
9. *Костомаров Н.И.* Павел Полуботок // Русская старина. 1876. № 3.
10. *Лазаревский А.М.* Люди Старой Малороссии (Марковичи) // Киевская Старина. 1884. № 1.
11. *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв. Прага, 1926. Вып. III.
12. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18.
13. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Гетманщина и ее инкорпорация в Российскую империю // Западные окраины Российской империи. М., 2006.
14. Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство / Ред. кол. В.А. Смолій та ін. Київ, 2014.
15. Універсали Павла Полуботка (1722–1723) / Упор. В. Ринсевич. Київ, 2008.

УДК 930.2

Т.А. Круглова¹

Г.Н. Теплов и административная реформа 1764 г. на Левобережной Украине (историография вопроса)

Левобережная Украина (Малая Россия); административная реформа 1764 г.; Г.Н. Теплов; причины упразднения гетманства; «История русов или Малой России»; С.М. Соловьев; Н.П. Василенко.

В статье показана эволюция представлений историков о роли Г.Н. Теплова в административной реформе на Левобережной Украине в 1764 г.

В исторической литературе имя статс-секретаря императрицы Екатерины II Г.Н. Теплова прочно связано с объяснением причин административной реформы 1764 г., в ходе которой Малая Россия утратила один из атрибутов своего автономного статуса в составе Российского государства – институт гетманства.

В письменном виде версия о причастности Г.Н. Теплова к реформе 1764 г. была впервые зафиксирована в анонимной «Истории русов или Малой России» (далее – ИР) [4, с. 254–255]. ИР была издана в 1846 г., но написана, возможно, несколькими десятилетиями ранее этой даты и до публикации распространялась в рукописных списках [10; 7, с. 399, 401]. Аноним изобразил Г.Н. Теплова человеком, который якобы подготовил отставку тогдашнего малороссийского гетмана К.Г.

¹ Круглова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., istochmsu@list.ru.

Разумовского и вместе с ней ликвидацию гетманского правления, осознанно действуя в двух взаимоисключающих направлениях. С одной стороны, он внушил К.Г. Разумовскому мысль о подаче императрице прошения о потомственном гетманстве. К.Г. Разумовский, «надеясь на него (Г.Н. Теплова. – *Т.К.*), как на самого себя, и по его точно советам, воротившись в Глухов, производил... генеральные сеймы, или собрания, для испрошения себе неперменного и потомственного гетманства». С другой стороны, давал «советы» командирам регулярных российских войск, расквартированных на Левобережной Украине, чтобы они сообщали ко Двору «о необыкновенных собраниях и движениях чинов здешних, подозреваемых в неизвестном им намерении...». Из этих разнонаправленных рекомендаций «вышел, – резюмировал аноним, – один результат, довольно согласный и решительный. Гетман позван, чрез нарочного курьера, в Петербург... За приездом гетмана объявлен ему гнев монарший и чтоб он не являлся ко Двору, до испрошения себе увольнения от гетманства. Чрез несколько седмиц (т.е. недель. – *Т.К.*), именно в ноябре 1764 года, просьба о том подана...».

Для оценки достоверности фактической основы этого конкретного сюжета в первую очередь важно знать происхождение сочинения в целом. Однако на основополагающие источниковедческие вопросы – об авторе, времени и обстоятельствах написания ИР, ее источниках – убедительных ответов в науке не существует до настоящего времени [10; 7, с. 398–399].

В середине XIX в. украинские историки были убеждены в том, что ИР не нуждается в критическом к себе подходе. Подобную убежденность обеспечивал постулат, которому историки следовали и во второй половине XIX в.: «... мы вообще даем веру сказаниям *современников* и принимаем их в основание нашего знания о прошедшем...» (курсив автора. – *Т.К.*) [8, с. 545]. А поскольку в публикации 1846 г. авторство ИР было приписано архиепископу Белорусскому Георгию Конисскому (1717–1795), постольку «вера» «сказанию Конисского, такого доблестного и заслуженного мужа» позволяла историкам переносить анализируемый сюжет из ИР в свои труды дословно.

В настоящее время вопрос о достоверности ИР решается в украинской историографии не столь прямолинейно и однозначно, как ранее. Теперь ИР не считается кладезем фактов, которые фиксировались беспристрастным современником событий, но признается произведением украинской историографической и общественно-политичес-

кой мысли, в котором факты препарированы в соответствии с определенными идеологическими задачами: «...Апология отечественного прошлого, изображенного в жанре героической эпопеи, приобретала в сочинении (т.е. в ИР. – Т.К.) характер национального исторического мифа, который удовлетворял патриотическое чувство общества и стал основой для формирования украинской национальной идеи» [3, с. 146].

В свете нового взгляда на ИР неизбежно возникает вопрос: был ли эпизод, нас интересующий, частью того национального исторического мифа, который возводился на страницах ИР? Для ответа на него также требуется проверка достоверности фактов, на которых построена версия ИР.

Аноним, несомненно, обладал определенной достоверной информацией. Он привел ряд документально подтверждаемых фактов, к которым относятся: проведение в Малой России кампании за наследственное гетманство; отправка по военному ведомству в Петербург сообщений о заседаниях «генеральных сеймов»; официальное объявление об отставке гетмана в ноябре 1764 г.

Однако ничего подобного нельзя сказать о фактах, характеризующих поведение «виновника» отставки гетмана: в источниках, привлеченных для проверки версии ИР, имя Г.Н. Теплова ни разу не упомянуто. Тогда откуда оно всплыло?

Во-первых, имя Г.Н. Теплова могло фигурировать в каком-нибудь устном рассказе о событиях 1763–1764 гг., который автор ИР перенес в свое сочинение. Заметим, что сегодня известно о существовании двух версий, созданных современниками событий. Одна – официальная – представлена в манифестах 10 ноября 1764 г. Ее приводили во второй половине XVIII в. в ряде сочинений, посвященных Малой России (А.Ф. Шафонский, А.И. Ригельман и др.). Другая возникла до 1810 г., и в настоящее время ее атрибутируют историку и писателю и современнику событий И.И. Квитко (1745 – после 1816) [2; с. 292–293]. Общей чертой обеих версий является то, что в них Г.Н. Теплов и его деяния не упоминались.

Во-вторых, если же аноним передавал собственный взгляд на причины упразднения института гетманства, то он мог разработать свою версию на основе еще одной реалии середины XVIII в., сегодня подтверждаемую многими письменными источниками, – взаимной неприязни, переходящей во вражду, Г.Н. Теплова и малороссийской старшины. Неприязнь зарождалась и развивалась на почве различных жизненных обстоятельств, скорее всего, в 1750-х гг., когда Г.Н. Теплов был «правителем домашних гетманских дел» и жил в Малой Рос-

сии. Этот реальный факт, сохранявшийся в исторической корпоративной памяти потомков малороссийской старшины, в число которых, возможно, входил и автор ИР, мог быть использован в качестве основного мотива «коварного» и «лицемерного» поведения ГН Теплова в отношении гетмана.

Связывая, с одной стороны, личную вражду Г.Н. Теплова к малороссийской старшине и, следовательно, к гетману, а с другой – кампанию за потомственное гетманство, автор ИР, без сомнения, ставил своей целью демонизировать Г.Н. Теплова и обелить гетмана К.Г. Разумовского, избрав для этого архетипический сюжет о палаче и его жертве. Иначе говоря, автор ИР создавал частицу общего национального исторического мифа, в котором ответственность за утрату Малой Россией института гетманства снималась с К.Г. Разумовского и переносилась на Г.Н. Теплова. Хотя совершенно очевидно, что наличие вражды еще не доказывало того, что Г.Н. Теплов в жизни действовал так, как это изображено в ИР.

В дальнейшем украинские историки тщательно оберегали миф от разрушения (М.А. Максимович, Н.А. Ригельман, В.П.Горленко и др.). Когда в 1857 г. П.А. Кулиш попытался взглянуть на Г.Н. Теплова как защитника низших слоев малороссийского общества от произвола старшины, его оценка была сурово осуждена, поскольку новый взгляд разрушал национальный исторический миф. Один из оппонентов П.А. Кулиша назвал Г.Н. Теплова «недругом Малороссии за его очевидное нелюбие к малороссиянам; за его ложные оскорбительные об них писания (имеется в виду «Записка о беспорядках в Малой России». – Т.К.); особенно же за его лукаво соблазнительный проект об испрошении *потомственного гетманства* графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, отвергнутый малороссиянами и наделавший тогда такой кутерьмы» (курсив М.А. Максимовича. – Т.К.) [8, с. 561].

Версия о Теплове-палаче и Разумовском-жертве перекочевала в XIX в. из украинской в российскую историографию (Д.Н. Бантыш-Каменский, А.А. Васильчиков, М.Н. Лонгинов, П.Н. Семенов и др.).

Вместе с тем именно среди российских исследователей появилась новая версия о роли Г.Н. Теплова в уничтожении гетманства, и принадлежала она С.М. Соловьеву. В 1876 г. он выдвинул гипотезу о создании статс-секретарем императрицы информационной базы для принятия окончательного решения об упразднении института гетманской власти. Такой информационной основой стала, согласно С.М. Соловьеву, «Записка о беспорядках в Малой России» (далее – «Записка»). Как считал историк, созданная Г.Н. Тепловым по заказу импе-

ратрицы Екатерины II и написанная в резко критическом ключе, «Записка» убедила императрицу в необходимости упразднить гетманское правление [9, с. 340–344].

Синтез некоторых аспектов гипотезы С.М. Соловьева и версии автора ИР осуществил в начале XX в. украинский историк Н.П. Василенко [1]. Он согласился с С.М. Соловьевым в том, что «Записка» была сочинена по горячим следам кампании за потомственное гетманство и использована для проведения реформы 1764 г. Но он не согласился с тем, что заказчиком документа была императрица Екатерина II. Если бы Н.П. Василенко признал данное утверждение, разрушилась бы основа украинского национального мифа о личной ответственности Г.Н. Теплова за реформирование в 1764 г. управления Левобережной Украиной. Н.П. Василенко настаивал на том, что статс-секретарь сочинял «Записку» исключительно по личной инициативе, сознательно искажая реальность, компрометируя гетмана и старшину и навязывая императрице свое негативное мнение о Малой России.

На протяжении последних трех десятилетий XX в. и в начале XXI в. историки предпочитают видеть участие Г.Н. Теплова в ликвидации гетманства в качестве автора «Записки». Ее определяют как социально-политическую программу, разработанную Г.Н. Тепловым по своей инициативе и представленную императрице Екатерине II летом-осенью 1763 г., т.е. до начала кампании за наследственное гетманство (З.Е. Когут, И. де Мадариага, А.Б. Каменский, А.К. Швидько, Т.Ф. Литвинова и др.). Теперь сочинение «Записки» жестко не увязывается с этой кампанией, но по-прежнему считается, что идеи Г.Н. Теплова, направленные на разрушение малороссийской автономии, были реализованы в 1764 г. в ходе реформы управления Малой Россией.

Между тем гипотеза С.М. Соловьева и идущая от нее историографическая традиция в освещении роли Г.Н. Теплова в административной реформе 1764 г. не состоятельны, поскольку построены на ошибочной датировке «Записки». Дело в том, что она создавалась во времена царствования Елизаветы Петровны [5; 6]. И эта датировка исключает «Записку» из цепочки причинно-следственных связей событий конца 1763–1764 гг.: императрица Екатерина II не заказывала Г.Н. Теплову «Записку», кампания за потомственное гетманство не была причиной создания Г.Н. Тепловым «Записки» и, следовательно, «Записка» не была одной из причин административной реформы 1764 г.

Подводя итог, отметим, что накопленные к настоящему времени

факты позволяют заявить о необходимости отказаться от укоренившихся в историографии версий о роли Г.Н. Теплова в административной реформе на Левобережной Украине 1764 г. и сосредоточиться на поиске истинных причин реформы.

1. *Василенко М.* Г.Н. Теплов і його «Записка о неурядках в Малороссии» // Записки Українського товариства в Києві. Київ, 1911. Вип. 9.
2. *Квитко И.И.* О причине увольнения от достоинства гетманского графа Кирилла Григорьевича Разумовского // *Журба О.И.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Монографія. Дніпропетровськ, 2003.
3. *Киян О.І.* [Рец. на кн.:] Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Х., 1996. // Український історичний журнал. 1999. № 1.
4. *Конисский Г.* История русов или Малой России. М., 1846.
5. *Круглова Т.А.* К вопросу о времени составления «Записки о неурядках в Малороссии»: в царствование Елизаветы Петровны или Екатерины II? // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 4.
6. *Круглова Т.А.* К вопросу о датировке «Записки о неурядках в Малороссии» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 17–19 ноября 2011 г. М., 2011.
7. *Лукашова С.С.* «История русов» в современных украинских исследованиях // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. 2004. М., 2005.
8. *Максимович М.А.* О Григорье Николаевиче Теплове и его записке «О неурядках в Малороссии» (Письмо к П.А. Кулишу) // Собрание сочинений М.А. Максимовича. Т. 1. Отдел исторический. Киев, 1876.
9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 15-ти книгах. Кн. XIII. Т. 26. М., 1965.
10. *Ясь О.В.* «Історія русів», «Історія русовъ» [Электронный ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й. Київ, 2005. – Режим доступа: http://www.history.org.ua/?termin=Istoriija_Rusiv (дата обращения: 04.03.2015).

УДК 94 (47)

А.Ю. Зенкова¹

**П.А. Румянцев и управление Малороссией
в 60-80-е гг. XVIII в.**

Малороссия; Киевское наместничество; административное управление; социально-экономическое устройство.

На основании Генеральной описи, характеристику которой сделал Д. Багалея,

¹ Зенкова Анна Юрьевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., zenkova_a@mail.ru.

и описания Киевского наместничества 70-80-х гг. XVIII в. рассматривается организация административного управления Малороссии, поднимается вопрос об изменении социально-экономического устройства малороссийских земель после упразднения Гетманщины и вступления П.А. Румянцева в должность генерал-губернатора Малороссии (1764 г.).

Различные аспекты административных реформ Малороссии в 1764 – 1781 гг. всегда интересовали историков, тем не менее, они мало изучены. В данной статье мы попытались контурно обрисовать некоторые стороны тех преобразований и нововведений, которые были предприняты в 60-80-е гг. XVIII в.

Екатерина II, окончательно упразднившая Гетманщину в 1764 г., передала управление Малороссией специальной коллегии, во главе которой поставила генерал-аншефа П.А. Румянцева. При назначении генерал-губернатором, Петру Александровичу была дана особая инструкция от императрицы, в которой была поставлена задача постепенно унифицировать всю систему административных и судебных органов Малороссии в соответствии с общерусским законодательством. В 1654 г. Гетманщина перешла под протекторат Российской империи, однако, малороссийские земли продолжали обладать рядом особых административных и политических прав. В связи с назревшими государственными проблемами, в частности, с необходимостью совершенствования административно-территориального деления России, стояла задача ускорения соответствующих преобразований на местах, в том числе, в Малороссии. Несмотря на все сложности личных отношений с Екатериной II, П.А. Румянцев, как сторонник сильной государственной власти, был назначен генерал-губернатором Малороссии. Императрица была уверена, что молодой русский генерал будет твердо и жестко отстаивать интересы страны так же, как и его отец, – любимец Петра Великого – Александр Иванович Румянцев.

Важнейшей задачей административной деятельности П.А. Румянцева являлось составление генеральной описи Малороссии, в честь него получившей название румянцевской. По словам П.А. Румянцева, опись была создана в связи с тем, что центральные и местные власти империи испытывали трудности из-за отсутствия точных сведений о малороссийских землях [1, с. 4]. Недостаток сведений о землевладении, численности и положении населения, быте сел, городов и торговли приводили к хозяйственной дезорганизации и большим убыткам. После проведения генеральной описи и изучения ее результатов в Малороссии был проведен ряд реформ, которые, в известной степени, улучшили качество жизни местного населения, а

также сделали этот регион не только ближе в административном и социально-экономическом плане к остальной России, но и более прибыльным для государственной казны.

На протяжении всей жизни П.А. Румянцев продолжал сглаживать особенности гражданского управления Малороссии и старался подвести ее под «общие нормы русской жизни». Описание Киевского наместничества 70-80-х гг. явилось следующим этапом, ставившим, фактически, те же цели, что и сделанная в 1860-х гг. Генеральная опись. Тем временем, уже к 1770-м гг., благодаря активной деятельности П.А. Румянцева, ситуация в Малороссии изменилась. С максимально возможной точностью было определено общее число жителей городов, их социальное положение, распределение их по занятиям – ремеслам, промыслам и т.п. Румянцевский аппарат согласовал ряд спорных вопросов, касающихся принадлежности угодий и территорий, по возможности упорядочил документы поземельной собственности. Имперские чиновники пытались решить острую проблему так называемых «общевладеемых земель» – общинных угодий и пахотных участков. Труднее всего было определить размеры разных общественных сенокосов и степков, которыми владели сообща несколько селений (общественная «займанщина»), и пользовались все жители, как посполитые, так и казаки [1, с. 9]. В годы своего правления П.А. Румянцев постарался решить задачи введения четкой градации между сословными группами малороссийского населения [1, с. 6]. С этой целью он постарался отделить «несвободных» посполитых от «свободных» казаков, а последних – от мещан. П.А. Румянцев сделал подробное подворное описание, что дало возможность составить ясное представление о податной возможности населения.

Описание Киевского наместничества 70-80-х гг. XVIII в. называется «географическим», поскольку в центре внимания должна была быть характеристика природных факторов – климата, земли, лесов и рек. Однако П.А. Румянцев расширил содержание описи, включив в нее ценнейшие сведения о сельском хозяйстве, быте, численности населения, торговле, ремеслах и промыслах, социальных отношениях, а также об административном управлении. Несмотря на то, что Генеральная опись 1764 г. касается всей Малороссии, а опись Киевского наместничества – только одной, хотя и наиболее важной территории, тем не менее, особенность Киевской описи позволяет сравнивать оба документа для лучшего изучения динамики развития административного и социального устройства Малороссии.

Опись Киевского наместничества 70-80-х гг. начинается с харак-

теристики физической географии и климатических условий этой части Малороссии. П.А. Румянцев отмечал необыкновенно мягкий и благодатный для земледелия климат губернии: «Климат сего края заслуживает отличного одобрения. Нет страны в российских пределах, чтобы части года были столь одна другой соразмерны»². Такой климат, по мнению Петра Александровича, способствовал «размножению народа»³ и большому количеству населения. П.А. Румянцев подробно изучил историю малороссийских территорий, и в описи отразил свой взгляд на исторические события. Как защитник державных интересов России он полагал, что присоединение этих земель – несомненное благо для малороссов: «А наконец в 1565 год при короле Польском Сигизмунде Августе присоединено к короне польской, с того времени до 1654 года стеноло оно под игом той державы, пока гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий по многих с поляками сражениях и победах, возвратя Малороссии свободу, со всею ею простирающегося даже до города Львова и Войском Запорожским под Российскую державу подался...»⁴. Румянцев называл польскую власть «игом»⁵ и восхвалял доблесть малороссийского народа, который сверг польское владычество и противостоял Мазепе, Карлу XII. Кроме того, Петр Александрович отмечал, что народ Малороссии очень талантлив, склонен к «искусствам» и «наукам»: «Народ страны сея вообще добросердечен... многие из него примеры людей искусных в делах, науках и художествах»⁶. История Малороссии в изложении П.А. Румянцева завершается 1781 г., когда губернию разделили на три наместничества (Новгородско-Северское, Черниговское и Киевское). С момента вхождения Малороссии в состав Российской Империи, по мнению автора, изменилась культура и язык народов, населяющих эти территории: «...народное наречие, держащее ныне середину между польским и великорусским языком»⁷. В описи Киевского наместничества были включены важные данные о количестве людей разных сословий: «Княжеских родов – 6; графских родов – 3; дворянских родов – 1175; разночинцев – 8725; монахов – 349; монахинь – 382; купцов – 701; мещан – 23 145; козаков – 303 316; казенных поселян – 105 306; помещичьих крестьян – 301 064...»⁸. Исходя из этих сведений, можно сде-

² ОР РНБ. Ф. 683. № 18. Л. 6.

³ Там же. Ф. 683. № 18. Л. 6 об.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 8 об.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 8–8 об.

лать вывод о том, что после генеральной описи 1764 г. проблема четкого разделения сословий была решена, и в конце 70-х гг. уже существовала резкая сословная грань. Следовательно, уже невозможно было, как раньше (до ревизии 1760-х гг.), легко переходить из одного сословия в другое. Процесс «оказачивания» крестьян был приостановлен. Казацкое звание было привлекательно для крестьян, так как связывалось с личной свободой и правом личной поземельной собственности. И чем больше закрепощалось крестьянское сословие, тем больше проявлялось у крестьян стремление «оказачиться». Прежде (непосредственно после Б. Хмельницкого) трудно было провести границу между посполитыми и казаками, теперь же между ними образовалась пропасть, которую Румянцевская генеральная ревизия окончательно санкционировала [1, с. 27]. Опись Киевского наместничества 70-80-х гг. еще раз закрепила те изменения, которые были осуществлены после первой ревизии.

В отличие от Генеральной описи 1764 г., описание Киевского наместничества содержит больше сведений о пригодности земель к ведению пахотного земледелия, скотоводства, огородничества. П.А. Румянцев отмечал, что проблемы возделывания земли связаны с торговлей. Великорусские купцы приезжали покупать малороссийский скот. Однако эти закупки не шли на пользу земледельцам Малороссии, так как они, «имея обыкновенный сей стране недостаток в деньгах»⁹, тратили все силы на разведение и продажу скота, ослабляя хлебопашество. Кроме того, эффективному земледелию мешало наличие большого количества песчаных берегов. Касаясь вопроса торговли, следует отметить, что великорусские купцы скупали у местных крестьян лучшие товары за очень небольшую цену, и продавали в центральной России гораздо дороже. В частности поэтому, например, в Малороссии делали только грубое сукно, поскольку лучшую овчину продавали великорусским купцам¹⁰.

Из столицы П.А. Румянцев получал инструкции обустраивать и украшать малороссийские города. Петр Александрович отмечал, что большинство храмов Киева и других крупных городов построено российскими государями, подчеркивал благую роль России в истории края. В описи приводятся данные о ежегодных поступлениях в казну¹¹.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11–11 об.

¹¹ Там же. Л. 12–13.

В заключение следует отметить, что в эпоху Екатерины II, благодаря стараниям ее сподвижников, в частности, генерал-губернатора П.А. Румянцева, был сделан значительный прогресс в становлении Малороссии как административной единицы Российской Империи, устранялись правонарушения, устанавливались экономические, социальные и культурные связи, что способствовало наиболее тесному сближению малороссийских законов и прав с общерусскими. Необходимо дальнейшее, более пристальное изучение архивных источников по истории Малороссии, связанных с деятельностью генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского.

1. *Багалея Д.* Генеральная опись Малороссии: эпизод из деятельности первого правителя Малороссии, гр. П.А. Румянцева-Задунайского. Киев, 1883.

УДК 94(47).073

М.О. Акишин¹

Русская дипломатия и присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока

Россия; Сибирь; Дальний Восток; дипломатия.

В статье рассматривается роль дипломатических средств в присоединении Восточной Сибири и Дальнего Востока. Проведено исследование специфики системы органов внешних сношений России на его восточных рубежах, международно-правовой механизм приведения в подданство местных народов, роль института международного признания в определении их правового положения.

В историографии доминирует точка зрения, согласно которой присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока к России было результатом преимущественно стихийного процесса продвижения русских промышленников и казаков в эти земли. Поддерживая эту позицию, М.М. Федоров писал, что «вооруженные силы и дипломатическая служба России активного участия» в этом процессе «не принимали» [7, с. 5]. Думается, что вывод этот излишне категоричен. В настоящей работе хотелось бы поставить вопрос о роли дипломатических средств в присоединении этих регионов.

Система органов внешних сношений Русского государства XVII в. основывалась на суверенитете монарха – носителя верховной

¹ Акишин Михаил Олегович, Новосибирский государственный университет (РФ, Новосибирск), д.и.н., Akishin-MO@yandex.ru.

власти внутри страны («единодержца») и независимого правителя вовне («самодержца»). Реализуя свое право определять основные направления внешней политики, он опирался на государев двор, вынося важнейшие вопросы на обсуждение Боярской думы и Земских соборов, и назначал думные чины на приказы. Так, в 1599 г. Борис Годунов передал дела управления Сибири в ведомство приказа Казанского дворца. По замечанию Н.Ф. Демидовой, важнейшей задачей приказа «являлась выработка “восточной политики” правительства по отношению к жителям вновь присоединенных и присоединяемых земель», почему судьи приказа сохраняли «некоторые дипломатические функции» [3, с. 302 – 308]. Полномочия русских дипломатов за рубежом определялись их чином: «великие» послы назначались из бояр и окольных, «легкие» – московских дворян, городских дворян и детей боярских, гонцы – из служилых и приказных людей. Правом ведения переговоров и заключения международных договоров обладали только «великие» и «легкие» послы.

В годы Смуты продвижение русских «встречь Солнцу» приостановилось. Только в 1619 г. был поставлен Енисейский острог. В 1628 г. – Красноярск. Основание острогов на среднем течении Енисея привело к частичному объясачиванию самодийских племен, расселявшихся в бассейнах Таза, Турухана и нижнего Енисея, и эвенков, расселявшихся в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, в верховьях Лены. В 1620-х гг. началось присоединение Бурятии. В 1630-х гг. тобольские, мангазейские и енисейские служилые люди совершили походы по р. Лене, Алдан, Вилию, Яне и Индигирке, привели в подданство обитавших там якутов, тунгусов и эвенков.

Начало присоединения к России гигантской территории Ленского края требовало политико-правового обоснования. Его представил царю Михаилу Федоровичу бывший мангазейский воевода А.Ф. Палицын. Он акцентировал внимание на пушных богатствах «Новой Сибири», что сулило государевой казне большие доходы. Палицын подчеркивал, что в «Новой Сибири» обитают «многие люди, а не владеют ими никто» [4, с. 962-966]. Аргументацию, которую приводил Палицын в пользу присоединения Ленского края, сопоставим с теми способами приобретения территорий, которые были известны международному праву XVII в. «Отец науки международного права» Г. Гроций к первоначальному способу относил завладение территорией, бывшей до того «в общем пользовании»; к вторичным – завоевание, дарение, мену и т.д. [1, с. 85, 205, 268, 644 и др.] Палицына указывал на то, что народы Якутии не имеют своей государственности («не владеют ими никто»),

т.е. его аргументация соответствует первоначальному способу.

Результатом изучения записки А.Ф. Палицына стал ряд государевых указов, создавших правовую основу для присоединения Восточной Сибири. Прежде всего, была проведена реформа центрального и местного управления. Именным указом от 19 февраля 1637 г. из состава приказа Казанского дворца был выделен Сибирский приказ. Судьи приказа не только ведали административными, фискальными, таможенными, военными делами Сибири, но также участвовали в организации дипломатических сношений России с Китаем, монгольскими, казахскими и калмыцкими правителями. Внешнеполитическими полномочиями был наделен не только Сибирский приказ, но и местная администрация. В частности, важнейшая обязанность воевод заключалась в том, чтобы «новых земель неясачных людей призывать и под государеву царскую руку приводить, и ясак с них збирати с великим раденьем».

Юридическая конструкция приведения в подданство новых земель в Сибири сложилась в практике Посольского приказа конца XVI в. Она включала заключение шертного договора путем обмена несколькими юридическими актами: предложения принести шерть на подданство; шертования князцов и «лучших людей»; подтверждения обязанностей со стороны русского государя в форме жалованной грамоты или произнесения воеводой «жалованного слова» перед князцами и «лучшими людьми».

Переговоры о принесении шерти проводились «начальными людьми» отрядов служилых людей, которым такая служба была «за обычай». При ведении переговоров они выполняли функции «легких» послов и использовали свои знания посольского обычая. О важности этого квалификационного требования свидетельствует эпизод с разбирательством в Сибирском приказе дела о назначении воеводой Д.А. Францбековым «приказным человеком» в Приамурье Е.П. Хабарова. Дьяк П. Стеншин обвинял Францбекова в том, что он послал «в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова», самовольно обучал его посольскому обычаю и писал в наказной памяти ему «посольские речи». Дьяк констатировал: «Нигде тот Ярофейко на твоей государеве службе преж сего, ни в посольстве не бывал и ничего ... не знает»².

В наказной памяти командиру отряда служилых людей поручалось предложить князцу и «лучшим людям» в «новой земле», чтобы они «с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был

² РГАДА. Ф. 214. Стб. 338. Л. 262–265.

под государевою нашего ... высокою рукою в холопстве». Переговоры сопровождалась угрозой силы. Иноземцам следовало сказать, что московский государь «страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государского ратного бою никто не мог стоять». Но при этом служилые люди обязаны были сказать князьям, что ранее «про их землю... было неизвестно», ныне же пришедшие казаки посланы не для ратного боя, а для принятия их в русское подданство.

Переговоры сопровождалась пиром и обменом дарами. Этот посольский обычай вырос из многовековой практики русско-монгольских отношений. «Государево жалованье» – «горячее вино», оружие, кафтаны, отрезки сукна и др. – играло большую роль в убеждении иноземцев принести шерть. Иногда они даже отказывались вести переговоры, если послы не привозили с собой жалованья. Знаменитый землепроходец П. Бекетов говорил об этом: «...иноземцы люди дикие, тако их не напоить и не накормить и государева жалованья олова и одекую не дать и их не видать, не токмо что есак с них собрать» [6, с. 107].

Принесение шерти иноземцами квалифицировалось как утверждение «новых земель под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки». После принятия шерти на их земли распространялось территориальное верховенство русских самодержцев, включавшее высшую власть (*imperium*) и суверенное владение (*dominium*). Но шертование иноземцев перед служилыми людьми происходило «на словах». Требовалось подтвердить шерть в форме шертной записи. В конце XVI в. в Посольском приказе отказались от практики вызова сибирских князьяв на переговоры в Москву и оформления подданства шертной записью и царской жалованной грамотой, заменив ее более простой процедурой: объявлением воеводой перед иноземцами «государева жалованного слова» и оформлением перед ним шертных записей. В частности, именно таким образом было осуществлено оформление подданства «иноземцев» Якутии и Приамурья.

В 1641 г., сразу после прибытия в Якутск, воевода П.П. Головин устроил прием князьяв и «лутчих людей» близких к городу подгородных волостей и сказал им «жалованное слово». В 1642 г. П.П. Головин начал перепись ясачного населения. В ответ «вся Якутцкая земля... изменила». Восстание было подавлено с применением силы и путем переговоров с тойонами. В ходе этих событий началось приведение к шерти по записям «лучших людей». В сентябре 1642 – феврале 1643 гг. в Якутск приезжали и «шертовали по своей вере государю» 53 человека, из которых 21 человек были князьями, остальные – «улус-

ными якутами», сыновьями и братьями князцов из Атамайской, Батулинской, Бетунской, Бордонской, Борогонской, Кангаласской, Катылинской, Мегинской, Намской, Нерюптейской, Одейской и Тагусской волостей (улусов) [2, с. 304].

В 1653 г., после известий об успехах Е.П. Хабарова, на Амур был направлен с воеводскими полномочиями московский дворянин Зиновьев. На встречу с ним были собраны даурские и дючерские князцы. На церемонии их приема Зиновьев объявил князцам «жалованное слово». Наряду с констатацией традиционных для этой процедуры взаимных прав и обязанностей московского самодержца и его новых подданных, даурские и дючерские князцы просили, чтобы русские люди их оберегали «от богдойского царя Андри-кана» [5, с. 200].

Присоединение к Русскому государству земель и народов Восточной Сибири и Дальнего Востока требовало международно-правового признания. Русской дипломатии пришлось вступить в пограничные споры с монгольскими ханствами и Китаем. Однако эти споры касались только пограничных территорий: вопросов о подданстве енисейских кыргызов, забайкальских бурят, народов Приамурья. В отношении основной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока вопросов о их принадлежности России не возникало. В частности, Нерчинский договор 1689 г. позволил определить границу России и Китая и означал признание Китаем принадлежности России всей остальной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока нельзя рассматривать как результат стихийного процесса или чисто военного завоевания. Основополагающую роль в распространении полной юрисдикции русского государя играли дипломатические средства. При этом полномочиями в сфере ведения внешних сношений были наделены областные приказы, сибирские воеводы и «начальные люди» отрядов служилых людей. Приведение народов Восточной Сибири и Дальнего Востока в подданство оформлялось шертными договорами. Присоединение этих территорий к Русскому государству получило международно-правовое признание со стороны монгольских ханств и Китая.

1. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М., 1994.
2. ДАИ. Т. 1. СПб., 1848.
3. *Демидова Н.Ф.* Приказ Казанского дворца. 1550 – 1709 // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд. Новосибирск, 2005.
4. РИБ. Т. 2. СПб., 1875.
5. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы: в 2 т.

- Т. 1. 1608 – 1683. /Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1969.
6. *Степанов Н.Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.
 7. *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск, 1978.

УДК 94(47)«17/1917»

И.Г. Акманов¹

Царская администрация Урало-Поволжья о юго-восточной политике России в 30-х гг. XVIII в.

Башкортостан; Уфа; бургомистр; завод; губерния; Оренбургская экспедиция; Хива; Младший Жуз.

Статья посвящена анализу предложений государственных чиновников о политической ситуации на Южном Урале, о мероприятиях правительства на юго-восточной окраине для усиления политических и торговых связей с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами, об установлении торговли с Индией, об усилении позиций властей в крае.

Россию издавна интересовали юго-восточные страны. Социально-политический кризис, переживаемый в 20-30-х гг. XVIII в. большинством ее юго-восточных соседей создавал благоприятные условия для внешнеполитических задач России. В роли плацдарма подходила территория Башкортостана. Но позиции властей здесь были слабыми. Поэтому важной составной частью политики властей на юго-восточной окраине становился башкирский вопрос в целом, укрепление позиций правительства в Башкортостане в частности.

Социально-политические события на юго-восточной окраине страны вызывали озабоченность у представителей правительственной администрации Среднего Поволжья и Южного Урала, которые в 20-х гг. стали подавать различные предложения относительно усиления здесь позиций правительства.

«Представление о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами» В.Н. Татищева от 1724 г.

Первым поднял эти вопросы В.Н. Татищев, сподвижник Петра I, известный государственный деятель России первой половины XVIII в., который в 1720-1722 гг. являлся начальником Главного правления Сибирских и Казанских казенных заводов. После возвращения с Урала он обратился в правительство с «Представлением о причинах

¹ Акманов Ирек Гайсеевич, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н.; akmanov_ig@mail.ru.

башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами» [2, с. 481-483].

По мнению В.Н. Татищева, царское правительство по существу не контролировало башкир. Последние ежегодно собирались на свои съезды, где советовались о своих делах, коллективно решали жизненные вопросы. Но эти съезды башкиры использовали и для организации восстаний, если были недовольны политикой властей. В.Н. Татищев предлагает запретить ежегодные всебашкирские съезды, построить городки-крепости в крае, расположить в них суды для рассмотрения спорных дел башкир, разделить башкир «...под разные суды, расположенные в этих городках». Он полагает, что после этого у башкир не будет возможности собираться в Уфе якобы для суда, на самом деле – советоваться для организации восстаний [2, с. 481-483].

В.Н. Татищев также считал, что городки-крепости станут не только местопребыванием судей, но и опорными пунктами властей для контроля над башкирами. В случае восстаний гарнизоны крепостей должны заниматься их подавлением.

Наряду с военно-судебными мероприятиями, автор предлагает использовать образовательно-воспитательные средства. Интересно его предложение обучить башкир русской грамоте. Знание русской грамоты, по мнению автора, можно будет, прежде всего, использовать для перевода башкир-мусульман в православие. Кроме того, он считает, что знание русской грамоты явится защитой «...им от судей, камиссаров и подъячих утеснения». Достоинно внимания предложение В.Н. Татищева о том, ученикам нужно выделить казенные деньги на питание и организовать обучение родному языку: «А ежели, которые похотят и по-татарски учиться, то позволить им иметь особого мастера, который будет русских и татар по полудни учить. И тако с охотою воскресится потребное» [2, с. 482-483]. Под татарами автор подразумевал башкир.

Таким образом, «Представление...» В.Н. Татищева носит достаточно широкий характер. Автор предлагает для улучшения управления башкирами, наряду с военно-политическими мероприятиями, применять также образовательно-воспитательные средства. Исключительно важно его предложение создать школу, где башкирские дети могли учиться на русском и башкирском языках. Нельзя не отметить, что впервые в стране, пожалуй, В.Н. Татищевым поднят вопрос о необходимости обучения детей нерусских народов России на их родных языках.

«Секретное уведомление о башкирском деле» кунгурского

бургомистра Юхнева от 1726 г., который осенью 1725 г. был направлен в Башкортостан для сбора различных сведений о коренных жителях по повелению начальника уральских казенных заводов генерал-майора В.И. Геннина и пробыл там до 13 марта 1726 г. Хотя «...в иных местах башкиры оного Юхнева к себе в жилище не пустили и подвод не дали», но последний, как он пишет, «...прежде всего был и в оном следствии разве мало что уронено и наведывался он скрытно через других», сумел собрать ряд сведений о коренных жителях 60 волостей. Он характеризует в общем плане природу, хозяйство и образ жизни башкир Сибирской, Ногайской, Казанской и Осинской дорог, перечисляет их волости [2, с. 483-487].

В конце «Секретного уведомления...» Юхнев высказывает свои соображения, как бороться с восставшими башкирами: «Ежели случитца, что войну иметь против башкирцов во время смятения», то следует организовать карательные акции не летом, а зимой, ибо «...летом, как летучий народ в степи не поймаешь, разве жен и детей их, а зимой способнее для того, что они в домах живут и лошади их в то время плохи, токмо надлежит заранее учинить в удобных местах магазейны с правиаantom, также сена» [2, с. 483-487].

Далее автор предлагает следующие мероприятия, чтобы навсегда покончить с башкирскими восстаниями: «И мню, без кровопролития, ежели намерения впредь будет для опасения, чтоб они впредь не бунтовали, надлежит их сколько возможно вывезть в Русь и розделить, и от того в Руси людей умножитца и бусурман примут в христианскую веру и потому Башкиры будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить» [2, с. 483-487].

Как видно, Юхнев готов насильственными мерами переселить башкир в другие регионы страны и с помощью христианизации обрусить их, а башкирские земли раздать русским переселенцам. Нельзя не отметить сверхжестокость предложений Юхнева, хотя их трудно было бы реализовать.

«Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения» составлена в 1730 г. казанским губернатором А.П. Волынским.

В начале своей «Записки...» он пишет, что от башкир «...осторожность иметь паче всякого внешнего неприятеля», ибо башкиры являются мусульманами и неоднократно восставали против России [1, с. 302-306].

Далее А.П. Волынский подчеркивает, что башкиры будут овцами, пока Россия ни с кем не воюет: «Когда же если с кем-либо начнет-

ся война, тем более оборонительная, а не наступательная, да к тому же ежели война учиниться с турками, то ... оной народ не токмо может нанести государству вред, но и великое учинить разорение, к чему многие имеем примеры» [1, с. 303].

После этих рассуждений автор в 18 пунктах своей «Записки о башкирском вопросе...» предлагает изоощренные способы ослабления башкирского народа [1, с. 304-306].

В 1 пункте он советует натравить башкир на каракалпаков и казахов. После разгрома каракалпаков Волынский советует начать ослабление башкир: «Потом возвратяся ис походу каракалпацкого надлежит тогдашнему усматрению поступать уже з башкирами. И по моему б мнению всего лутче, есть ли б каким политическим способом их отгуды убавить хотя бы до половины», а остальных обложить тяжелыми податями [1, с. 305]. Конечной целью проекта А.П. Волынского является: «...когда всевышний поможет оной богомерзкий народ от ига привести в добрый порядок, то из того будет прибыль, а и опасности уже ни какой иметь от них не будем» [1, с. 305-306].

Проект «Об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими. Нижайшее представление и изьяснение о киргиз-кайсацких ордах» составлен в 1733 и 1734 гг. обер-секретарем Сената И.К. Кириловым после принятия казахами Младшего жуза русского подданства [3, с. 18].

Проект посвящен расширению территории России за счет присоединения соседних юго-восточных стран и усилению власти царского правительства в Башкортостане, вошедшего в состав страны в середине XVI в.

Автор Проекта предлагает закрепить в составе России Младший жуз казахов и каракалпаков, принявших русское подданство, затем присоединить Старший и Средний жузы казахов, далее вести курс на захват богатых среднеазиатских Аральского, Хивинского, Бухарского, Ходжанского ханств, а также Балха и Бадахшана. Далее говорится об основании на юге Башкортостана города Оренбурга, который должен стать плацдармом для выполнения поставленных задач.

Другой задачей Проекта является усиление позиций правительства в Башкортостане, чтобы оно по своему усмотрению могло распоряжаться природными и людскими ресурсами края.

«Проект об организации Оренбургской экспедиции» И.К. Кирилова 1 мая 1734 г. был подписан императрицей Анной Ивановной и лег в основу государственной политики России на юго-восточной окраине.

Таким образом, эти проекты не остались без последствий. Один из них был реализован как государственная политика в 30-х гг. XVIII – XIX вв.

1. Материалы по истории Башкирской АССР. Том 1 / Ответ. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.; 1936. № 134.
2. Материалы по истории Башкирской АССР. Том 3 / Составитель Н.Ф. Демидова. Под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л., 1949. № 545.
3. Материалы по истории России / Сост. А.И. Добросмыслов. Том 1. Оренбург, 1900.

УДК 94«16/18»

Т.Т. Мустафаде¹

**«Приложение о каспийском торге» как источник по
изучению торговой политики России в отношении
прикаспийских стран**

Каспийская торговля; Гмелин; Российско-азербайджанская торговля.

В статье дан анализ положения русско-каспийской торговли в целом, торговля России с Азербайджаном и Ираном, в частности, на основе сочинения действительного члена Академии наук, профессора С.Г. Гмелина «Приложение о Каспийском торге». В сочинении освещаются вопросы рыночной конъюнктуры и положение русской торговли в Азербайджане и в северном Иране.

В средние века Азербайджан занимал важное место во внешней торговле России. Во второй половине XVIII в. Каспийская торговля была самой благоприятной и прибыльной для России. Значительная часть этой торговли приходилась на долю Азербайджана. В источниках российско-азербайджанские торговые связи путают с российско-иранской торговлей, и торговые связи азербайджанских ханств с Россией неправильно представляются как «персидская торговля». Это объясняется тем, что Россия не хотела признавать независимость азербайджанских ханств и считала их территорию «персидской».

Главным центром, соединяющим Россию с восточными странами, в том числе и Азербайджаном, являлся находящийся на выходе Волжского торгового пути на Каспийское море г. Астрахань. Из Астрахани на юг были две дороги: Каспийский морской путь и сухопутная дорога, проходившая через Кизляр. Кизляр, хоть и уступал Астрахани, но тоже был значительным торговым центром. В Азербайджане

¹ Мустафаде Тофиг Теюб оглы, Институт истории НАН Азербайджана (Азербайджан, Баку), д.и.н., tofiq2014@rambler.ru.

и Иране крупными торговыми центрами были города Баку, Дербент и Решт.

К 1768 г. в связи с объединением Северо-восточного Азербайджана под эгидой Губинского ханства создавались благоприятные условия купцам. Губинские власти уделяли влияние охранам торговых путей. Особую заботу они проявляли к торговле с Россией. Глава Коллегии иностранных дел Н.И. Панин в письме к Фатали хану Губинскому выражал свою благодарность для создания любых условий для русских купцов².

Начиная с 60-х гг. XVIII в. торговый оборот между Россией и азербайджанскими ханствами расширяется. Так, в 1766 г. из Астрахани в азербайджанские и иранские города были отпущены товары на 135 185 руб. 95 коп., в 1767 г. на 231 504 руб. 18 коп., в 1768 г. на 315 982 руб. 35 коп. Из азербайджанских и иранских городов в Астрахань были привезены товары, в 1766 г. на сумму 63 922 руб. 15 ½ коп., в 1767 г. на сумму 247 508 руб. 60 коп., в 1768 г. на сумму 157 505 руб. ¼ коп.³.

Дальнейшему развитию двусторонних торговых связей мешали имевшиеся серьезные проблемы. Одной из главных проблем был вопрос о таможенных выплатах и торговых условиях. Русское правительство, ссылаясь на III статью Рештского договора 1732 г. требовало, чтобы в Иране и Азербайджане не взимали торговые пошлины с русских купцов. Однако, ханы, как независимые правители не хотели отречься от своих доходов из-за обязательств, взятых сефевидским шахом.

Только стремившийся к установлению тесных и теплых отношений с Россией Фатали хан Губинский проводил мягкую таможенную политику. Согласно сведениям 1765 г. таможенные пошлины в Губинском ханстве были невысокими. Например, за 1 вьюк сукна высшего качества брали по одному рублю, за 1 вьюк тонкого сукна – 3 рубля, за одну бочку краски – 1 рубль⁴.

Торговля России с Прикаспийскими странами в XVIII в. имела немаловажное значение как для России, так и для Прикаспийских стран. Русское правительство стремилось добиться преобладания русского торгового капитала на восточном рынке и монопольной перевозки восточных товаров в Европу через Россию.

Для изучения положения русско-каспийской торговли в целом,

² АВПРИ. Ф. 77 (Сношения России с Персией). Оп. 1. 1768 г. Д. 17. Л. 82.

³ Там же. Оп. 5. Д. 4. (1728-1803 гг.). Л. 14–17.

⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп.1. Д. 637. Л. 166.

торговля России с Азербайджаном и Ираном, в частности, привлекала к себе русское общественное внимание. Поэтому неслучайно появление сочинения действительного члена Академии наук, профессора Самуила Готлиба Гмелина «Приложение о Каспийском торге». Оно составлено по предложению графа Вл. Орлова и входило в четвертую часть Путешествия Гмелина. Как известно, Гмелин умер в 1774 г. в тюрьме, заключенный Каракайтагским уцмием Амир Хамзой. Рукопись была спасена и доставлена к месту назначения [1, с. 474].

«Приложение о Каспийском торге» печаталось на немецком языке. Современник Гмелина П. Петров перевел это сочинение на русский язык. Перевод вместе с рукописью Гмелина хранится в Петербургском Филиале Архива Российской Академии Наук в третьем фонде, по 34-й описи, дело 40. В азербайджанской историографии это сочинение впервые и более подробно было анализировано в работе Г. Абдуллаева «Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией» (Баку, 1965) [1].

Соображения и факты, приведенные в «Приложении» являются итогом личных наблюдений Гмелина во время двукратного пребывания в Азербайджане и Иране.

В сочинении освещаются вопросы рыночной конъюнктуры и положение русской торговли в Азербайджане и в северном Иране. Гмелин, касаясь вопроса о конкуренции российских и английских купцов, считает, что англичане честно торговали, они умели торговать по надлежащему. «Персияне еще нынче не могут забыть англичан, говорят о них с отменным почтением, ибо англичане разумели производство торгов как купцы...и умели употреблять в свою пользу слабую сторону персиян, в чем они подкрепляемы были деньгами»⁵.

Гмелин представляет причиной упадка русско-азербайджанской и русско-иранской торговли применение различных средств и методов, возникающих из самой природы рынка в борьбе между местными и русскими купцами за торговую прибыль, утверждая, что они «служили российским купцам препятствием в их предприятиях»⁶. При этом Гмелин отрицательно оценивает роль армянского купечества в русско-восточной торговле, утверждая, что «участие, которое армяне имеют в Персидском торгу производилось не по надлежащему есть главная причина падения и нынешнее печальное состояние оно»⁷.

Гмелин вынужден констатировать, «русские купцы не имеют

⁵ ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 34. Д. 40. Л. 13 об.–14.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40. Л. 13 об.

точных сведений о реальной конъюнктуре, не соблюдают между собой порядок ведения торговли, привозят в Прикаспийские области европейские товары. Не имеют знания в торгу, и не наблюдают общей пользы между собою»⁸. Русские купцы товары продавали в кредит, иногда сроком на год, оказываясь потом вынужденными принимать сырье, в первую очередь, шелк-сырец за высокую цену, предложенную местными продавцами и скупщиками⁹.

Анализируя причину снижения русско-восточной торговли, Гмелин правильно указывает на междоусобицы, которые возникли после убийства Надир шаха Афшара.

Гмелин подчеркивает прибыльность, и то же время трудности Каспийской торговли. Он пишет: «Отправляемый по Каспийскому морю торг давно уже привлек к себе внимание разных народов, вероятно потому, что всякий почитал его для себя прибыточным, не помышляя при том о препятствиях, трудностях и опасностях». В то же время следует отметить, что Гмелин не прав, оправдывая монопольные права России. Он высказывает мысли о ее естественных правах на Каспийскую торговлю. Якобы «никакой народ в свете не имеет толь твердаго права к персидскому торгу как россияна; и никакой народ не имеет к тому лучшей способности по местоположению»¹⁰.

Гмелин отводит значительное место организации русской купеческой компании для торговли с Прикаспийскими странами. Торговую компанию он предлагал создать по типу Ост-Индской компании. Он ратовал за то, что такая компания имела монопольные права. «...Для отправления торга за Каспийской море неотменно требуется особливая купеческая компания, которая бы по примеру голландской и английской имела определенных своих директоров, от коих бы зависели фактории и бухгалтеры. Сей купеческой компании [необходимо] иметь исключительную привилегию возить одной в Персии европейские товары и привозить в Россию персидские продукты»¹¹. Гмелин считал, что такая компания должна иметь привилегию... европейские товары продавать в Персию с прибылью и напротив того, привозить персидские продукты в Россию»¹². Никто кроме этой компании не может снабжать местных купцов товарами; компания будет устанавливать «купеческий порядок», то есть все цены при закупке сырья

⁸ Там же. Л.18 об.

⁹ Там же. Л. 19 и 19 об.

¹⁰ Там же. Л. 3–4.

¹¹ Там же. Л. 24 об.

¹² Там же. Л. 24 об.

и продаже товаров, привезенных в Россию.

Гмелин намечал широкий план и конкретные задачи деятельности этой компании. Общая задача компании сводилась к тому, чтобы русско-каспийский торг процветал и стал для России прибыльным, и чтобы русские купцы могли действовать беспрепятственно. Другую задачу компании Гмелин видел в перехвате компании прибыли у местных купцов. Гмелин считал, что в результате деятельности компании Россия получит столь много шелку, что российские фабрики не смогут все употреблять и вынуждены будут часть шелка продавать другим европейцам. Ввоз шелка-сырца в Россию и торговля шелком должны перейти в руки компании¹³. Для обеспечения монопольного господства предлагалось передать в ведение кампании имеющиеся в Каспийском море русские суда. Восточным купцам должны были запретить продавать свои товары вне главной компанейской конторы в Астрахани.

Главную контору фактории предлагалось учредить в Астрахани, а ее филиал – в Гиляне и в деревне Перибазар¹⁴. В месте нахождения компании посторонние лица не должны иметь право построить себе дом, поселиться или пользоваться отведенною землею. Только одна компания может решить, кому поселиться на этой земле. Поселение в Перибазаре должно было превратиться в крепость. Там следовало держать гарнизон из 400 солдат с артиллерией¹⁵. От торгового поселения в Перибазаре до моря предлагалось прорыть канал для укрытия торговых судов от морских бурь, а также построить там гавань [1, с. 481].

Гмелин считал, что основную базу русско-азербайджанской и русско-иранской торговли нужно сделать Гилян, объясняя это тем, что Гилян производит шелк и все купцы из внутри Ирана, даже из Индии туда ездили, и что для постройки колонии в Перибазаре имеются строительные материалы¹⁶. По мнению Г. Абдуллаева в выборе Гмелиным Гиляна основной базой, большую роль сыграли и субъективные причины [1, с. 482].

Подытоживая анализ «Приложения о Каспийском торге» необходимо отметить, что главное место в деятельности компании отводится торговле реэкспортными, европейскими товарами. «Приложение» предлагало, по сути, режим колониальной торговли, повторение практики Ост-индских компаний.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Там же. Л. 42 об.

¹⁵ Там же. Л. 76–77.

¹⁶ ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 34. Д. 40. Л. 42 об.–43.

1. *Абдуллаев Г.* Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.
2. *Мустафазаде Т.Т.* Азербайджано-русские отношения во второй половине XVIII – начала XIX вв. Баку, 2013. (на азерб. языке)

УДК 94(470)«16/18»

Д.Ю. Арапов¹

Образование Таврического муфтията в Российской империи (1783-1831 гг.)

Ислам; Крым; муфтият; Екатерина II; Николай I.

Работа рассказывает об истории образования Таврического муфтията в Российской империи, роли в этом процессе императрицы Екатерины II и ее внука-императора Николая I.

Важная сторона жизни новой русской окраины – российского Крыма – на рубеже XVIII – XIX вв. была связана с организацией религиозного «окормления» его татарского мусульманского населения. До этого на территории Османской империи и ее вассала – Крымского ханства существовала «огосударствленная» система суннитских муфтиятов, генетически восходящих к XV в. В отечественной ориенталистике подчеркивалось, что подобная внешне церковная организация была чужда устоям шариата, возникла под воздействием традиций византийского православия, но отвечала политическим интересам турецких султанов-Османов и крымских ханов-Гиреев [4, с. 241-242].

Следует учитывать, что, начиная с XVI в., Османы стали выступать не только в качестве светских государей – султанов, но и халифов – духовных предводителей мусульман суннитского толка [2, с. 15]. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия первой из европейских держав признала религиозный авторитет турецкого правителя «яко Верховного Калифа Магометанского закона» и конфессиональную зависимость от него мусульман Тавриды [7, с. 81].

К началу 1783 г. Екатерина подошла к принятию решения об упразднении крымского государства Гиреев и присоединении его территории к монархии Романовых. В Манифесте 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма к России царица провозгласила обещание мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [5, с. 47].

¹ Арапов Дмитрий Юрьевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., hiztoricbetzy777@yandex.ru.

В своей конфессиональной политике Екатерина, следуя петровской традиции, оценивала религию, как одно из условий «общественного благополучия», а конфессиональные учреждения и их служителей – прежде всего, как «орудие нравственного воспитания» и, одновременно, поддержания «порядка» среди подданных империи [1, с. 46].

После ликвидации светской власти ханов-Гиреев существовавший в Крыму муфтият и его служители были сохранены царской администрацией и взяты на казенное содержание. Аналогичные меры были приняты и по отношению к низшим категориям мусульманских духовных лиц Крыма. Так, следуя указу Екатерины II от 16 октября 1783 г., правитель юга России князь Г.А. Потемкин объявил, что «между начальными распоряжениями, возложенными на меня, Ее Императорское Величество повелеть мне изволит определить из доходов крымских надлежащее содержание мечетям и служащим в оных школам и на другие такие полезные дела и здания для выгоды народной». Данным же распоряжением часть «крымских» доходов русские власти определили и на содержание находящихся вне мечетей мусульманских учебных заведений Тавриды — мактабов и мадраса [6, с. 15].

В последние годы правления Екатерины II был принят ряд решений по дальнейшему устройству духовной жизни мусульман Тавриды. Именной указ царицы от 23 января 1794 г. создавал в «Таврической области» новое учреждение — Таврическое магометанское духовное правление и назначал его главой — муфтием крымского кади-эскера Сейта-Мегмета эфенди. Муфтию назначалось жалование 2000 руб. в год, его помощнику – 500 руб. в год [5, с. 58]. Ряд вопросов судебной деятельности Таврического муфтията, его участие в наследственных делах, а также освобождение всех членов Духовного правления от налогов определил Манифест Екатерины II от 16 сентября 1796 г. По данному же документу особо предусматривалась задача «утверждения» мусульманскими духовными лицами Тавриды своей духовной паствы в «непоколебимой преданности к власти Российской» и поощрялась традиционная для ислама практика милостыни — закята [1, с. 53]. В целом же можно констатировать, что решение о создании российского Таврического муфтията носило скорее пока чисто формальный характер: права и круг обязанностей новоучрежденного правления не были конкретно определены, отсутствовало четкое разграничение сфер применения русского законодательства и норм мусульманского права.

В начале правления Александра I видный сановник, крупней-

ший деятель русского масонства, сенатор И.В. Лопухин был назначен председателем созданной в Крыму комиссии «для разбора вопроса о помещичьих владениях Гиреев». В ходе своих занятий «делами Таврическими» Лопухин получил от молодого императора еще одно дополнительное задание – определить «состояние» и «правила» управления мусульманами Крыма (указ Александра I И.В. Лопухину от 14 ноября 1802 г.) [3, с. 92-97]. Итогом исполнения этого «Высочайшего повеления» стал специально подготовленный Лопухиным доклад для царя, датированный 18 февраля 1803 г. В своем докладе Лопухин подчеркивал необходимость скорейшего реального открытия Таврического муфтията, причем именно в центре губернии – Симферополе «по нужной близости к правительству губернскому» Крыма. По его мнению, Таврическое Магометанское Духовное правление (ТМДП) должно было состоять из кади-эскера (войскового судьи – помощника муфтия) и четырех «улемов», причем кади-эскер должен был в нем председательствовать. Муфтий же должен был выступать как «директор», наблюдать за действиями своих подчиненных, но не иметь права отменять их «несогласные с законом или противные государственному положению решения», а лишь сообщать о них «губернскому правительству». К сожалению, данный доклад Лопухина не имел далее каких-либо практических последствий.

Через два с половиной года с аналогичным проектом устройства «Правил» управления духовной жизнью мусульман Крыма выступил Д.Б. Мертваго, который являлся в 1803-1807 гг. таврическим гражданским губернатором. Он считал возможным предложить свой вариант организации конфессионального быта подчиненных ему «магометан» Тавриды. Им были подготовлены датированные 28 сентября 1805 г. «Правила для производства Таврического правления Магометанского закона с определением духовным и штатами».

По предложению Мертваго, каждый город и уезд Тавриды должен был представить по два кандидата на пост муфтия губернатору. Тот, отобрав из всех них своих трех кандидатов, посылал свои предложения по их поводу в Петербург в МВД, которое в 1802-1810 гг. отвечало за «магометанские дела». МВД в свою очередь вносило свои предложения императору, который лично назначал муфтия Крыма. Шесть предполагаемых Мертваго членов Духовного правления («эфенди») избирались на месте муфтием с окончательным утверждением их назначения губернатором края. «Письмоводитель» – секретарь (по мнению Мертваго, крайне важная «контрольная» фигура в ТМДП) назначался «по избранию» таврического губернатора [1, с. 64-

65].

Представляется, что материалы Лопухина и Мертваго были просто забыты и совершенно не учитывались при подготовке решения о фактическом создании ТМДП при Николае I в 1831 г.

Только в начале 30-х гг. XIX в., наконец, дело дошло до фактического создания Таврического муфтията. 23 декабря 1831 г. Николаем I было принято «Положение об устройстве Таврического Магометанского Духовного правления» (ТМДП) и утвержден его штат [5, с. 193-205]. В данном законодательном акте ТМДП рассматривалось как «общее присутственное место», оно состояло «под непосредственным ведением» Таврического губернского правления и «высшим начальством» МВД. ТМДП получило право рассматривать и решать «по правилам своей веры» различные собственно «духовного рода дела магометан», как-то: о порядке «богослужения», об обрядах, исправлении «духовных треб» и «о заключении и расторжении браков», «Положение» 1831 г. сохранило традиционную для Крыма наследственную корпоративность «мусульманского духовного сословия». В Таврической губернии были свободны от повинностей и податей, в том числе рекрутчины, следующие духовные служители «магометанского закона» – муфтий, его заместитель – кади-эскер, в каждом уезде по одному кадию (судье), хатибы (проповедники), имамы, муллы, мударрисы (преподаватели), начальники текий (дервишских обитателей), шейхи, а также дети ряда мусульманских духовных лиц.

В целом в Таврическом муфтияте была принята «двухуровневая» (губерния – уезд) система организации управления. В состав Духовного правления входили председатель – муфтий, признававшийся «духовным главой магометан Тавриды, его помощник – кади-эскер и по должности – симферопольский, феодосийский, перекопский, евпаторийский и ялтинский уездные кадии. Данные кадии рассматривали и решали «все возникающие в подведомственных им уездах дела по определенному... порядку на основании духовных магометанских законов». Местное «приходское духовенство» состояло из хатибов, имамов, мулл, муэдзинов и служителей при мечетях. К «магометанскому духовенству» Тавриды также были «причислены» мударрисы и гочи — преподаватели мусульманских учебных заведений, начальники текий (дервишских обитателей) и шейхи.

«Положение 1831 г.» достаточно подробно определило порядок избрания таврического муфтия, кади-эскера, их утверждения в должности и их подсудности по уголовным делам. Так, муфтий избирался в центре Таврической губернии – Симферополе, причем сами выборы

организовывались светской губернской властью. Выборщиками являлись: 1) «высшее магометанское духовенство и старшие из приходских чинов», то есть кади-эскер, кадии, хатибы, имамы и муллы губернского и уездных городов, а также «заштатных» городов Крыма; 2) губернский предводитель дворянства и мурзы всей губернии; 3) волостные головы «магометанского исповедания, или, вместо них, депутаты сих волостей, по одному от каждой волости». Выборы открывались таврическим губернатором и происходили под надзором губернской царской администрации. По «Положению» 1831 г., в числе кандидатов могли быть «не только магометане духовные, но и другие достойные из магометанских дворян и мурз, хотя бы дотеле [они – Д.А.] не имели духовного звания». В конечном счете таврический губернатор доносил министру внутренних дел в Петербург о трех кандидатах на пост муфтия, получивших на выборах наибольшее число голосов. Глава МВД в свою очередь ставил в известность об этих кандидатах царя, который назначал одного из них по своему усмотрению «Высочайшим» именным указом на должность муфтия. Выборы кадиев, мулл, имамов и хатибов в Таврической губернии происходили под контролем местной администрации. В Таврической губернии данные мусульманские духовные лица избирались из числа сыновей местного «магометанского духовенства» и должны были для получения своего «духовного звания» иметь: 1) согласие «приходского общества», изъявленное надлежащим порядком в общественном приговоре»; 2) удостоверение о прохождении «испытания» в ТМДП; 3) утверждение Таврического губернского правления. В «Положении» 1831 г. были достаточно подробно расписаны порядок принесения присяги, порядок подсудности «магометанского духовенства» в делах «уголовных» имперскому светскому суду и т.д.

К числу «гражданских» служащих ТМДП были «причислены» чины его канцелярии: секретарь, 2 столоначальника., переводчик, архивариус – состоящие в имперских классных рангах чиновники, которые числились по МВД. Все они получали казенное жалование, имели право на выслугу лет и пенсионное обеспечение. Кроме них, при муфтияте состоял ряд «внеклассных» канцелярских и технических служащих и служителей.

«Положением» 1831 г. были определены порядок «присутствия» муфтия и членов, правления на заседаниях, система выходных и праздничных дней. В подчинении Таврического муфтията находились: 1) мечети с учрежденными при них училищами и текиями; 2) принадлежащие этим мечетям и текиям вакфы; 3) все «магометан-

ское духовенство» Тавриды. Все это свое «достояние» руководство ТМДП обязано было держать в «спокойствии» и «порядке».

Данная система организации духовной жизни мусульман Тавриды в целом просуществовала вплоть до 1917 г. и исчезла в ходе последующих непростых лет российской истории. В наши дни знания о ней представляются особо актуальными, ибо это может помочь при выстраивании отношений российской власти с современной крымской уммой.

1. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) М., 2004.
2. *Бартольд В.В.* Халиф и султан // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1966. Т. VI.
3. Документы об управлении мусульманами Тавриды в конце XVIII – начале XIX вв. (законодательные акты Екатерины II и Александра I, доклады И.В. Лопухина) (Публ. Д.Ю.Арапова) // Сборник РИО. М., 2003. Т. 7 (155).
4. *Иванов Н.А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI – XVII вв. // Феномен восточного деспотизма: структуры управления и власти. М., 1993.
5. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
6. *Лашков Ф.Ф.* Князь Г.А. Потемкин-Таврический, как деятель Крыма. Краткий очерк по архивным документам. Симферополь, 1890.
7. Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.

УДК 929.713+94(47)043+94(474.2)

А.И. Филюшкин¹

Свое или чужое? Обеспечение боеспособности русской армии в годы Ливонской войны (1558-1583) в контексте военного производства²

Великое княжество Литовское; Ливония; граница; Россия XVI в.; Иван Грозный; военное производство; военная история.

В работе рассматриваются способы обеспечения боеготовности и содержания русской армии как в контексте пограничных конфликтов, так и в условиях дальних походов и долговременного пребывания на вражеской территории. Делается вывод о быстрой адаптации Россией военно-экономического потенциала ВКЛ на занятой территории и слабой адаптации аналогичного военно-экономического потенциала Ливонии. Объясняется это близостью уровня развития ВКЛ и России XVI в. и преобладанием культурной парадигмы «свое –

¹ Филюшкин Александр Ильич, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., a.filushkin@spbu.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-21-01003 а(м).

чужое» в случае с Ливонией.

Ливонская война (1558-1583) — военный конфликт нового типа, в котором русской армии приходилось решать задачи в непривычном социально-экономическом контексте. Речь идет прежде всего о механизмах обеспечения боеспособности армии, ее снабжения провиантом, фуражом, боеприпасами, создания условий для военного ремонта и поставок новых вооружений. В средневековье эти проблемы решались двумя способами: 1) за счет местного населения, которое подвергалось разграблению, и местной природы (охота и т.д.); 2) путем налаживания минимально необходимых способов обеспечения армии (обоз, простейший полевой ремонт оружия силами самих воинов, налаживание элементарных военных коммуникаций и поставок и т.д.).

Как следует из источников, эти способы реализовывались в дальних походах первой половины XVI в. на Казанское ханство. Князь Курбский в своей «Истории...» красочно описывает, как войско обеспечивало свое пропитание на марше охотой, а когда дошло до земель черемисов — за счет местного населения. Князь хвалит «черемисский хлеб», который оказался слаще многих яств (хотя не уточняет, хлеб выменивался у местного населения или конфисковывался) [7, с. 27].

В ходе порубежных войн с Великим княжеством Литовским в конце XV – первой трети XVI в. русские войска занимали города ВКЛ и использовали их военно-экономический потенциал. В источниках есть описания использования захваченной артиллерии, пороховых запасов, запасов свинца, холодного оружия и т.д. Сведения о пограничных конфликтах содержат практически обязательные описания добычи, которая и была целью взаимных нападений и набегов: коней, угнанных людей, «платья», «служебной рухляди», оружия и доспехов и т.д. [9, с. 23-45].

Оценить масштабы этого явления сложно. С одной стороны, перед нами достаточно банальное пользование трофеями, грабеж как цель и смысл войны. С другой — надо отметить легкость взаимного пользования захваченной добычей, ей сразу же находилось применение. При захвате городов ВКЛ они легко и быстро включались в военно-экономическую систему Российского государства, становились московскими городами с типичной для них военно-производственной инфраструктурой. Потенциал и уровень развития городов Московской Руси и ВКЛ в первой половине XVI в. не сильно отличались, во всяком случае, не принципиально, и интеграция проходила

без больших проблем.

В Ливонии же возникла несколько иная ситуация. Ее отличия были в следующем. Русская армия заняла города и территории с иной, незнакомой организацией. Это были городские центры с каменной застройкой, каменные замки, замки и мызы, районы с высоким доведенным уровнем развития ремесленного производства [6, с. 178-189]. Ливонию нельзя было просто интегрировать в Россию, в том числе экономически — это был иной контекст социально-экономического уклада, иная культура населения, в том числе в повседневной и экономической жизни. К тому же русская армия в Ливонии ощущала свой «чужой» статус, несмотря на постоянные гарнизоны и раздачи земель дворянам [1, с. 43-57; 3, р. 139-153; 5, лк. 21-33; 8, с. 132-138; 10, с. 161-183; 12, с. 114-117]. Это было связано прежде всего с тем, что основная масса населения (немцы, эсты, латыши и т.д.) оставались в гораздо большей степени чужими (и в этническом, и в религиозном плане), чем русинское, славянское население, преобладавшее в ВКЛ [11, с. 125-132].

Источники говорят о трудностях интеграции русских гарнизонов в повседневную и экономическую жизнь Ливонии. Русские воеводы пишут, что их воины не хотели жить в западных каменных домах, предпочитали делать к ним привычные им деревянные пристройки [9, с. 66; ср.: 6, с. 188-190]. Подобные свидетельства, конечно, могут быть порождены культурной ксенофобией по отношению к «московским варварам», которые не хотят жить в цивилизованных домах и стоят свои примитивные жилища. Однако остается фактом, что русские в Ливонии в самом деле вели обширное именно деревянное фортификационное строительство (в Дерпте, Резице, Круцборге, Везенберге и др., впрочем, в Везенберге они построили и каменную стену [9, с. 59, 61; 4, лк. 50-67]). О гражданском строительстве более-менее объективных данных нет, кроме вышеприведенных немецких высказываний. Русские предпочитали селиться в ливонских городах отдельными анклавами, что, впрочем, было вызвано вопросами обеспечения безопасности компактно размещенного в чужом городе гарнизона.

Что же касается использования русской армией в Ливонии местного военного производства, то оно оставалось вульгарно-трофейным. Как и в иных областях (например, в сфере военного и торгового флота) какие-то объекты использовались только как захваченное имущество (те же артиллерийские орудия, запасы оружия, военного снаряжения и т.д.). Но ливонская военно-экономическая инфраструктура задействована и освоена не была, просто пришла в упадок и в ряде мест погибла вместе с ливонской экономикой. В областях, постра-

давших от войны, шла стремительная аграризация экономики, сопровождавшаяся упадком городского ремесла.

Как же обеспечивались русские гарнизоны в Ливонии? Необходимых ремесленников (кузнецов (причем «со своей снастью», то есть кузнечными инструментами!), плотников, пушкарей и т.д.) стремились привезти из России. Их доставляли из Пскова, администрация которого должна была обеспечивать посылку в Ливонию необходимых специалистов [9, с. 56-120]. Вопросы ремонта орудий согласовывались в переписке с центральными приказами, а ремонт делался по распоряжению из Москвы [9, с. 118]. Нередко в воеводской документации встречаются эпизоды, когда вместо того, чтобы обеспечить гарнизон боеприпасами, починить укрепления и военное снаряжение воевода просто сочинял жалобу об отсутствии пороха, свинца, целых орудий и несломанных стен начальству и считал свой долг воеводы выполненным.

Объяснить такое неэффективное использование военно-экономического потенциала Ливонии русской администрацией и армией можно объяснить через парадигму «свой – чужой». Россия в экономическом и культурном плане находилась на иной стадии развития, чем Ливония, бывшая частью германского мира. Многие ценности и целые экономические отрасли были для пришедших в Ливонию воинов Ивана Грозного просто непонятны — они высоко ценили землю и земельные раздачи, но плохо понимали, что им делать с морем и морскими коммуникациями, с каменными городами и т.д. Ливония воспринималась в основном как поставщик продовольственных запасов и фуража [9, с. 59-68] (отсюда и ее аграризация), а оказавшийся в руках гарнизонов ремесленный потенциал городов не развивался. Впрочем, нередко продовольствие везли из России, из Пскова.

Воеводы жалуются, что в городах нет ни кузнецов, ни каменщиков, ни плотников — всех надо завозить из России [9, с. 63]. В дефиците оказывались даже палачи (воевода Борзуна просил привезти городского палача из Великого Новгорода [9, с. 71]). Трудно сказать, что стоит за этими заявлениями — то ли из ливонских городов при входе русских войск сбегали все ремесленники, то ли русские воеводы принципиально не хотели (или не могли) использовать местных специалистов в таком деликатном деле, как военное производство и ремонт фортификаций. Ведь в гражданской сфере — например, строительство ямских дворов — местные кадры привлекались [9, с. 64]. Для строительных работ брали также местных латышей, но не немцев [9, с. 86].

Во многом отсюда и потребительское отношение к эконо-

мическим возможностям, которые несли в себе захваченные ливонские города, пренебрежительное отношение к бюргерскому и ремесленному населению, которое вовсе не стремились сбересть и поставить себе на службу. Показательна история с укреплениями Феллина — взяв этот замок, русские разобрали оловянные крыши крепостных сооружений, домов и церквей, заменили их деревянными и были довольны, получив трофейное олово [7, с. 143, ср.: 13, с. 245]. О том, что в случае нападения противника деревянные крыши более пожароопасны и менее прочны, то есть своими действиями русские ослабили укрепления, никто не задумывался. Зато было много добычи — олова, и замок с городом приобрели привычный вид с деревянными крышами.

Русские в Ливонии предпочитали строить собственный, привычный мир городской жизни служилых людей в занятых чужих немецких каменных городах [14, с. 71-79; 2, р. 420-435]. Ливонская городская культура и особенности военного производства впечатления не произвели, и влияния на русскую военную культуру не оказали. Они были чужими. Воины Ивана Грозного не пытались освоить чужой мир, а стремились заместить его расширением своего мира, переносом в чуждую среду привычных стандартов своей жизни, в том числе в сфере военного производства.

1. *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg: Lann, 1972.
2. *Filyushkin A.* The Livonian War and the Mentality of the Russian Nobles // Canadian-American Slavic Studies. 2013. Vol. 47.
3. *Martin J.* Two Pomeshchiki From the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War // Russian History. 2007. Vol. 34.
4. *Pagel O., Kirss O.* Rakvere: linnuse ajalugu. Estimesest aastatuhandest 20.sajandini. Virumaa Muuseumid, 2008.
5. *Selart A.* Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusest // Pärnumaa ajalugu. 2002. Kd. 5.
6. *Граля Х.* «In der Tyrannen Hand»: Русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в. Планы и результаты // Studia Slavica et balcanica Petropolitana. 2014. № 2.
7. *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Исследование книжной культуры. Т. II. М., 2009.
8. *Новицкий Г.А.* Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558-1582) // Вопросы истории. 1956. № 4.
9. Памятники истории Восточной Европы. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. М.; Варшава, 1998.
10. *Пиотух Н.В.* Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003.

11. *Филюшкин А.И.* Ливонская война и проблемы этнокультурной идентичности // *Нации и этничность в гуманитарных науках* / Под ред. А.Х. Даудова и С. Е. Федорова. СПб., 2015.
12. *Флоря Б.Н.* К истории русского поместного землевладения в Ливонии // *Русский дипломатий*. Москва, 1999. Вып. 5.
13. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
14. *Хорошкевич А.Л.* «Заблудящие овцы»: Ливонская война и менталитет русского народа // *Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв.* / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2010.

УДК 94(47).042+94(476)

А.Н. Лобин¹

Между Вильной и Москвой: западноевропейские пушечные мастера в Восточной Европе (первая половина XVI в.)²

Русско-литовские войны; пушечное производство; литейщики; история артиллерии.

Соперники Восточной Европы – великие князья Литовские и русские государи – прилагали все усилия для того, чтобы привлечь известных европейских специалистов огнестрельного дела, не скупясь на высокое жалование. В то же время далеко не все пушечные мастера были довольны своим положением. В статье рассматриваются причины «отъездов» и побегов мастеров из Вильны и Москвы.

Развитие вооруженных сил в XV–XVII вв. было обусловлено развитием огнестрельного оружия, поэтому артиллерия в армии любого европейского государства справедливо занимала одно из главных мест. Произошедшая в Европе «пороховая революция» в корне изменила облик войн. Производство орудий на всем протяжении XV–XVII вв. являлось одним из важнейших государственных дел, так как оно было связано с важными элементами экономического развития государства. Артиллерия не просто олицетворяли собой символ военной мощи, но и являлась своего рода «двигателем прогресса», так как была связана не только с инженерным искусством и фортификацией, но и с ростом горной, пороходельческой, железоделательной и литейной промышленности.

С развитием огнестрельного оружия специалисты артиллерий-

¹ Лобин Алексей Николаевич, Государственный комплекс Дворец конгрессов Управления делами Президента РФ (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., alobin@mail.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м).

ского дела как в Литве, так и на Московской Руси, стали цениться очень высоко. Здесь необходимо подчеркнуть важное отличие в политике вербовки европейских мастеров в Литве и в России. В Великом княжестве Литовском были востребованы в основном пушкарки, специалисты по огнестрельной стрельбе, а не литейные мастера. Это может объясняться тем фактом, что в Литве первый государственный пушечный завод заработал только в 1540-е гг. [12, s. 14]. До этого времени основное количество огнестрельных орудий, от тяжелых пушек до легких гаковниц, Литва закупала у Польши [20, p. 643-644]. Для их обслуживания привлекались наемники-пушкарки из сопредельных областей Пруссии, Ливонии, Империи. Так, например, в декабре 1488 г. наместник смоленский передал властям Риги следующую просьбу: «про то ж просим ваше м(и)л(о)сти, абы ваша м(и)л(о)сть из(ъ)єднали нам шесть пушкарков и до нас прислали, а мы им хочом от тог(о) плат платит(ъ) ещо надвышь, и где бы инде што мели от т[о]г(о) брати»³. В 1502 г. на войну с «московитами» в артиллерию были наняты начальник артиллерии Георгий (*Georgius pixidarius regius*) и 12 главных пушкарей (*magistri pixidarii*), носящих немецкие имена: Эрхард, Вайс Ганс, Никель Гульден, Волтан, Арнольд, Гарендор, Ларсель, Янек, Иероним Ринк, Михель Алиблер и два Йохана [14, s. 43]. Сохранились также единичные свидетельства о следовании наемных артиллеристов к месту службы (например, королевский лист о следовании пушкаря Амбросия в г. Каменец от 10 февраля 1515 г.) [14, s. 43–44].

Еще один документ 1520 г. дает понятие о некоторых обязанностях литовских пушкарей того времени. Киевский пушкарь Ян был обязан за суконное и денежное жалование (20 коп грошей в год) «з дел стреляти» и «пушкарскую службу нам служити», помимо этого он еще должен был изготавливать в больших количествах селитру и порох. Однако киевские власти задолжали пушкарю 95 коп грошей и суконного жалования за 6 лет, в связи с чем он просил увольнения со службы («бил намъ чолом, абыхмо ему тую службу казали заплатити и оттол зъ замку нашего Киевьского его спустили»). Компромиссное решение великого князя Литовского об увеличении жалования до 30 коп грошей показывает, как Сигизмунд I пытался удержать на службе в Киеве «пушкаря Яна» [21, s. 62].

В отличие от Литвы, в России более отдавали предпочтение специалистам широкого профиля – литейным мастерам, которые могли

³ Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs. F. 673. Apr. 4 (K-19). Nr. 86. На этот документ мне любезно указал к.и.н. С.В. Полехов, за что, пользуясь случаем, приношу ему благодарность.

как отливать орудия, так и обращаться с ними. С 1470-х гг. государь Иван III пригласил из Италии пушечных мастеров. Под руководством Аристотелем Фиоравенти (*Ridolfo Aristotele Fioravanti*), архитектора и инженера из Болоньи, в Москве был построен завод по литью орудий – «Пушечная изба» [6; 11].

Одними из последних итальянцев, приехавших в начале XVI в., следует назвать пушечных мастеров Варфоломее и Александро. О первом мастере известно из сообщения барона С. Герберштейна, где сообщается, что этот «*bombardarius*» был обласкан московским князем и позже принял русскую веру [2, с. 172]. По русским данным, в 1509 г. Варфоломей строил деревянную крепость в Дорогобуже [9, с. 43]. Другой мастер, Александро, упоминается в 1538 г. [1, № 140, с. 204].

Но уже к 1520-м гг. в связи с ослаблением русско-итальянских связей и началом активных русско-имперских контактов в Россию приезжают мастера из Германии и Империи. На место «фрязов» Аристотеля Фиоравенти, Джиакомо, Паоло де Боссо, Петра Фрязина, Барталамео и Александро к 1520-м гг. приходят немцы Стефан, Иоганн Иордан, Николай Оберакер, и другие.

Итальянский путешественник Павел Иовий в 1520-х гг. видел в Москве «множество медных пушек, литых итальянскими мастерами» («... *multaque aenca tormenta Itolorum fabrorum artificio coflata, fuisque imposita curribus in arce Moschae uisuntur*» [19, р. 58]). Посол Священной Римской Империи Сигизмунд Герберштейн заметил среди работников военного завода пушечных литейщиков немцев и итальянцев [2, с. 117].

Европейские мастера прибывали в Москву либо в составе дипломатических миссий, либо морским путем. В 1513 г. из Любека император Священной Римской империи приказал направить в «Московию» «пехоту и орудия и несколько мастеров осадного дела, итальянцев и германцев, из Любека до Московии (*peditum et machinas oppugandarumque arcium homines peritos atque artifices, Italos ac Germanos, ex Lubeca per mare ad Moscoviam transmisit*) [10, t. II, № CXLIII, р. 142]. В 1517 г. из Инсбрука были приглашены пять мастеров, из которых один, итальянец, ослеп и вернулся до 1526 г., двое умерли, а еще двое успешно работали в России [2, с. 255].

Сложно сказать, какими мотивами и желаниями руководствовались мастера, выбирая такую малоизвестную для них страну как «Московия». По-видимому, русские дипломаты проявляли незаурядные способности на политическом поприще, ибо уговорами и богатыми дарами им удалось нанять значительное количество лучших

европейских мастеров и убедить их поехать в далекую неведомую им Москву, о которой в то время были весьма смутные представления. Многим мастерам приходилось пробираться через земли Ягеллонов, которые всячески препятствовали проникновению к враждебному соседу военных инженеров. В условиях продолжающихся войн 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522 гг. и коротких перемирий европейцам было практически невозможно проехать через земли Польши и Великого княжества Литовского.

Так, например, 18 мая 1511 г., по приграничным городам Короны польским королем Сигизмундом I были посланы инструкции, в которых комендантам Й. Голавинскому и Я. Росновскому в Мариенбурге (Мальборке) специальной инструкцией предписывалось следить за новыми приезжающими людьми и не допускать проезда в Московию военных специалистов [10, t. I, № ССXXXIV, p. 188-189].

В истории русско-литовских отношений описаны случаи, когда мастера уходили от одного правителя к другому. Рассмотрим это явление на примере истории с «Петром Фрязином», который прибыл в Москву в 1494 г. из Италии вместе с посольством Эммануила Ангела и Данилы Мамырева [8, с. 238]. В источниках упоминаются работы этого мастера в 1501 (пищаль) и 1503 (350-пудовый колокол) гг. [4, с. 154].

Спустя некоторое время, очевидно недовольный московскими порядками, Петр Фрязин бежал в Литву. Но заказов в том масштабе, который был в Москве, у мастера не было, так как вся бронзовая артиллерия импортировалась из Польши. В Литве литейщик пушек Петр Фрязин оказался не востребованным, и при первой возможности он стал искать возможность вернуться в «Московию».

В 1510 г. торговый человек Микула Айдаров, приехав из Литвы, заявил в Москве, что захотел «ехать на государево имя Петр Молодой Пушечников Фрязин, да без опасные грамоты ехать не смеет для того, что он от государя с Москвы збежал безвестно». Так как великий князь Василий III нуждался в военных специалистах, опальный мастер был прощен: «И государь ему опасную грамоту послал...» [7, с. 110-111]. Отношение к мастерам «огнестрельного дела» здесь как нельзя кстати иллюстрируют переданные С. Герберштейном слова Василия III: «...Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» [2, с. 172].

История «творческих исканий» итальянского мастера перекликается с побегом другого «Петра Фрязина» – итальянца Петра ди Аннибале. В 1528 г. посольству Шарапа Лодыгина и Еремея Трусова в

Риме удалось завербовать артиллерийского специалиста. В дневниках сенатора Марино Сануто за февраль 1528 г. отмечено, что русским дипломатам в Равене приглянулся один бомбардир, и «Папа разрешил им взять его с собою» [16, р. 8]. Так в Москву прибыл еще один «Петр Фрязин» по прозвищу «Малый» – флорентиец Pietro di Annibale [17, р. 21-26]. Однако спустя десять лет работы в Москве Петр Аннибале сбежал в Ливонию. Сохранилось дело о побеге Петра Фрязина 1538 г., из которого можно заключить, что итальянца «к великому князю прислал Папа Римский послужити года три или четыре, а служил... **одиннадцать лет, а держал его князь великий силою** [выделено нами – *А.Л.*]». Между тем, из того же дела известно, что работая в Москве, он получал «жалованье великое» [1, № 140, с. 203-204].

Переходы мастеров от одного государя к другому продолжались и во второй половине XVI в. Примерно между 1554 и 1562 гг. (до истечения перемирия с ВКЛ) в Москве появился один из опытнейших литовских мастеров по имени Богдан, отливший до этого в Литве несколько крупнокалиберных орудий [3, № 51, с. 296]. На московском Пушечном дворе Богдан сделал большое количество средних и мелких пищалей, оставив после себя несколько учеников, один из которых, некто «Пятой», упомянут на старом смоленском орудии⁴. В то же время в 1566 г. из-за гонений «от многихъ начальникъ, и священноначальникъ, и оучитель» из Москвы в Литву бежал первопечатник Иван Федоров, который не только мог печатать книги, но и отливать пушки [6, с. 200–202]. А в 1586 г. «выехал из Литвы» Анисим Михайлов Радишевский, впоследствии занявший на Московском Пушечном дворе должность «пушкарских дел мастера» [6, с. 117].

Интересен пример с другим артиллерийским специалистом – Николаем Оберакером. Ученик литейщика Йорга из Шпайера Николай Оберакер с 1498 г. стал известен в Империи как выдающийся мастер, который делал превосходные орудия и колокола. Так, по заказу городских властей Аугсбурга в 1502 г. отлил для арсенала 35 красивых больших орудий из латуни («35 schöne große Stück Geschütz aus Messing»), в том числе очень большие стволы калибром в 65 фунтов, два орудия 26 фунтовых, несколько длинных «шлангов», а также большую мортиру [13, s. 261-262].

Известны несколько работ мастера, колоколов и орудий, в Европе, датированных 1499, 1502, 1508, 1510, 1512, 1514, 1515, 1517,

⁴ *Thelott P.J.* Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen // Armemuseum. AM 5373. Band 1. Fol. 72.

1518 гг. [18, s. 269]. В Россию Оберакер приехал не позднее 1518 г. (его колокол 1518 г. с автографом «а делаль Николай Иванов сынъ Обракрь от града Шпаера», ныне экспонируется в Нарвском замке). Некоторые подробности о деятельности в России Николая Оберакера содержатся в книге С. Герберштейна, где мастер назван «пушкарем» и «оружейным мастером», «родившимся на Рейне, недалеко от немецкого имперского города Шпайера». Посол отмечал, что в 1526 г. вместе с тремя другими мастерами Оберакер хотел уехать, «согласно их охранным грамотам. Государь отвечал, что помнит об этих грамотах и отпустит их, но не сейчас, ибо они ему нужны» [2, с. 255]. В 1532-1533 гг. в Москве Николай Оберакер отлил два колокола в 500 и 1000 пудов, и только после этого его отпустили домой. Известно, что в 1534 г. в Констанце он отлил колокол [15, s. 536]. По замечанию немецких и австрийских кампанологов четыре неподписанных колокола 1549-1570 гг., выдержанные в индивидуальной стилистике Оберакера, указывают на то, что у него были ученики [22, s. 11–112].

Приведенный пример свидетельствует, что европейские мастера все-таки имели возможность уехать к себе домой, несмотря на то, что московский государь неохотно расставался с пушечными литейщиками.

Таким образом, мастера «отъезжали» из Вильны и Москвы по разным причинам, установить которые мы на сегодняшний день не можем. Кто-то бежал из-за религиозного или уголовного преследований, кто-то из-за ущемления своих прав, кто-то из-за не соблюдения заказчиком контракта. В первой трети XVI в. в Литве основной проблемой пушкаря была задержка выплаты жалования из-за финансовых трудностей, которые периодически испытывала литовская казна. Даже высококлассный европейский литейный мастер был мало востребован в Литве по причине отсутствия государственной «людвисарни». В России же такого мастера ожидало достаточно высокое по европейским мерам жалование, но в то же время он был ограничен в свободе передвижения, и даже после истечения срока контракта ему было сложно покинуть страну.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб, 1841. Т. 1.
2. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.В. Назаренко. М., 1988.
3. ДАИ. СПб, 1853. Т. V.
4. *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905.
5. *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Аристотель Фьораванти. М., 1985.
6. *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510-1583. М., 1985.
7. Памятники истории Восточной Европы. Т. 2. М., 1997.

8. ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1907.
9. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
10. Acta Tomiciana. Posnanie. Т. I, 1851; Т. II, 1852.
11. *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912.
12. *Brensztejn M.* Zarys dziejow ludwisarstwa na ziemiach b. Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Wilno, 1924.
13. Chronica Der Weitberuempten Keyserlichen Freyen vnd deß H. Reichs Statt Augspurg in Schwaben. Franckfort-am-Mayn, 1595.
14. *Górski K.* Historya artyleryi polskiej. Warszawa, 1902.
15. Deutscher Glockenatlas Bd. II. Bayerisch-Schwaben / Bearb. von S. Thurm. Herausg. von G. Grundmann. München; Berlin, 1959.
16. I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI—MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. Venezia, 1897. Т. XLVII.
17. *Kivimäe J.*, Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late 11. Medieval Russia and Livonia // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Historische Veröffentlichungen. Nr 52 [1996]. Wiesbaden 1996.
18. *Knoepfli A.* Kunstgeschichte des Bodenseeraumes. Teil: 2. Vom späten 14. bis zum frühen 17. Jahrhundert (=Bodenseebibliothek, Bd. 7). Frankfurt; Leipzig, 1969.
19. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. pontificem max. caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemei, aliorumque Geographiae scriptorum. Basileae, 1527.
20. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506-1539). Vilnius, 2011.
21. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440-1523). Vilnius, 1997.
22. *Thurm S.* Die ersten vier Bände des Deutschen Glockenatlas. Persönliche Erinnerungen und Ergebnisse einer vierzigjährigen Glockenforschung // Jahrbuch für Glockenkunde. Bd. 1-2 (1989/90). 1989.

УДК 94(474.5)

М. Савицкий¹

**Артиллерия Великого Княжества Литовского в XVII в.
Финансирование, военные транспортные расходы,
ремесленная работа²**

Артиллерия; Литва; налоги; транспорт; ремесленники.

Казенная артиллерия в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) только с 1637 г. стала отдельным корпусом. Во второй половине XVII в. в литовских арсеналах доминировали устаревшие артиллерийские системы, составлявшие большую проблему для унификации артиллерии. В ВКЛ существовала также и частновладельческая артиллерия, и закон позволял любому шляхтичу, если у него была такая возможность, иметь собственные пушки. В частновладельческих крепостях они были значительно более современными, чем казенная артиллерия. Следующим вопросом была дорогостоящая транспортировка полевой

¹ Савицкий Мариуш, Опольский университет (Польша), dr, milovskie_chtenia@mail.ru.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

артиллерии. Содержали артиллерию благодаря небольшим налогам и добровольным пожертвованиям, а во времена Яна III Собеского, в ходе войн с Турцией, частично за счет папских дотаций. Также важную статью расхода составляли услуги ремесленников по содержанию и ремонту артиллерии. Следующей статьёй расходов была необходимая орудиям дорогостоящая оснастка, в первую очередь, лафеты, производимые, как правило, на месте в Речи Посполитой. Однако же, войны XVII в. показали, что правительству и командованию в большинстве случаев удавалось решать названные проблемы и обеспечить успешное применение литовскими войсками артиллерии на поле боя и в крепостной войне.

Артиллерия в Великом Княжестве Литовском была относительно запущенной отраслью военного дела. Только с 1637 г. указанное формирование вместе с инженерными войсками составило особые корпуса, один для Короны Польской, а другой – для Литвы, с отдельными командирами – генералами артиллерии. Во время правления Сигизмунда III Вазы в Вильно существовала прекрасная литейная мастерская с давними традициями литейного мастерства и хорошими ремесленниками, которую содержали из королевской казны. Однако, из-за отсутствия заинтересованности в этом вопросе со стороны следующего монарха – Владислава IV эта мастерская пришла в упадок и в конце концов прекратила производство пушечных стволов. В первой, равно как и во второй, половине XVII в. арсеналы государственной артиллерии в Великом Княжестве Литовском были представлены чрезвычайно скромно. Для сравнения: в 70-х гг. XVII в. оно располагало 45 пушками против примерно 3500 орудий в Московском Государстве. Однако, в число государственных орудий следует включить и артиллерию частновладельческих крепостей: Старый Быхов, Бирже, Ляховичи, Несвиж, Шклов, Слуцк, которая во время войны использовалась государственным войском. В связи с этим, в реальности Литва могла располагать значительно большим количеством артиллерии, чем обозначенные выше 45 орудий. В действительности, артиллерийский парк в Великом Княжестве Литовском даже во второй половине XVII в. был скромным, и чаще использовались старые пушки, еще с первой половины XVII в., частично захваченных во время войн, хотя некоторые пушечные стволы помнили даже времена Сигизмунда Августа и Стефана Батория. Наибольшие потери названная военная отрасль понесла в ходе войн в 1654-1660 гг. Большая часть из оцениваемых 1500-1800 пушек, находящихся в тот период в литовских арсеналах, была устаревшая, и огромное их количество находилось в частных руках [4, s. 163-164].

Еще одной проблемой, с которой сталкивалась литовская артил-

лерия, был недостаток ее унификации. В ходе сражения это приводило к сложностям в подготовке орудий, выбором подходящих боеприпасов и вспомогательного оборудования к различным видам пушек, что привносило очевидный хаос. Уже с начала XVI в. в разных европейских государствах проводилась работа по стандартизации артиллерийского оборудования, что принесло результаты в середине XVI в. В этот период французская армия, равно как и цесарская, располагала стандартизованной артиллерией, а Карл V Габсбург приказал отливать только 8 видов орудий. Король Франции Генрих II в это же время постановил отливать только 6 видов пушек, так называемых «*six calibres de France*»³ [2, s. 112-115, 128]. Для сравнения: в 1565 г. в виленском арсенале на 245 единиц артиллерии приходилось 22 вида различных орудий, из которых 181 единица – это пушки 7 типов: 20 фальконов (falkon), 54 фальконета (falkonety) больших, 32 фальконета (falkonety) средних, 20 серпентинов (serpentyn), 18 фельдшлангов (feldszlang), 16 квартиршлангов (kwartirszlang) и 21 мортира (moździerz) малая. В старой Речи Посполитой даже и не начиналась радикальная унификация артиллерии, и вид орудий зависел только от человека, который заказал отлить ствол.

Также уже с начала XVII в. появилась несомненная необходимость перехода на виды орудий с меньшим весом ствола, что должно было облегчить транспортировку и обслуживание орудия. Однако коренной перелом в этой области произошел только в первых годах правления Владислава IV Вазы [2, s. 129-130].

Для военных экспедиций чаще всего использовались легкие, несколькофунтовые полевые пушки, в то время как тяжелая артиллерия пускалась в ход крайне редко. На плохое состояние обсуждаемой военной отрасли влиял также недостаток снабжения, особенно ядрами, порохом и селитрой, на что постоянно указывалось. Литовская артиллерия не располагала также и постоянным транспортом, который собирали только в случае необходимости, что сильно затрудняло его возможности его использования на многочисленных театрах военных действий в начале XVII в. [3, s. 403-404; 5, s. 208].

Важной проблемой, связанной с артиллерией, была ее транспортировка на места военных действий, а прежде всего – расходы, с этим связанные. Для примера: вознаграждение ямщиков (фурманов), транспортировавших орудия на войну в Ливонии (Инфлантах) со Швецией в 1602 г., составило за 194 лошади 1164 злотых на две недели. В то же время выплаты за транспортировку боеприпасов составили 1512 злотых.

³ Шесть калибров Франции – фр.

тых на всех лошадей и это только за двухнедельный период. Отдельное вознаграждение получал также и руководитель транспорта в размере 1 злотый 15 грошей еженедельно. Нужно не забывать и о выплатах за т.н. «простой», когда возы стояли по различным причинам и транспортировка не осуществлялась. На это было предусмотрено 2 злотых 15 грошей на неделю. Пушкарь, который участвовал в войне, получал 5 злотых за месяц службы⁴. За период с 1 ноября 1684 г. до 31 января 1685 г. пушкарь получал 25 злотых за квартал службы или 13 недель [4, s. 168].

Кроме проблем с транспортом существовали еще и закупки боеприпасов и пороха, необходимого для нормального функционирования артиллерии. В этом случае также располагаем точными данными о ценах необходимых материалов с начала XVII в. Селитра стоила 4 злотых и 4 ½ гроша за камень, цена же пороха составляла 6 злотых за единицу веса – камень. В данный период порох стоил 24 злотых за центнер [1, s. 85-86]. В 1685-1686 гг. за 8 бочек смолы для смазки пушек и возов нужно было заплатить 140 злотых, а 31 центнер и 80 фунтов пороха стоил 19 762 злотых. За 40 слитков железа для отлива ядер платили 600 злотых. 12 пушкарям выплатили жалованье в размере 900 злотых, что составило по 75 злотых на человека, что значительно превышает вышеуказанные суммы, что могло быть связано с их профессиональной квалификацией.

Основы финансирования государственной артиллерии были созданы во время правления Владислава IV. Уже в «пактах конвента»⁵ он обязал передавать определенные суммы на нужды этой военной отрасли. Это была 1/5 часть доходов с королевских владений, которые должны были быть переданы на т.н. военный аппарат, или на артиллерию и все, что было связано с ее функционированием. Таким образом литовская кварта стала обязательным налогом, хоть и выплачиваемым неохотно. Получаемых денег было достаточно для содержания артиллерии в мирное время, но их не хватало во время войны, когда нужно было нанимать дополнительных людей и транспортировать пушки. В середине XVII в. в 1650 г. доходы с кварты составили 25 500 злотых, а одиннадцатью годами позднее – только 11 453 злотых. В 1662 г. эта сумма возросла до 25 199 злотых, но в последующие

⁴ Na wojenne potrzeby Inflant wydane pieniądze za wiadomością Króla Jego Mości w roku 1601 i roku 1602. Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника. Fond 141. Czołowski 246/I. К. 1-20.

⁵ Документ, составляемый во время избрания короля, имеющий форму договора между новоизбранным монархом и шляхтой, в котором записаны обязанности короля и правила устройства государства. (прим. переводчика)

годы не превышала 15 тыс. злотых, чего, разумеется, было недостаточно для содержания артиллерии. Дополнительно обсуждаемая военная отрасль пополнялась и деньгами с других налогов, например с налога с мещан, а также переданных Папой в то время, когда Речь Посполитая была в Священной Лиге. В сумме в 1685-1686 гг. Папа отдал на нужды польско-литовской армии 36 000 злотых, что было значительной суммой, часть из которой была передана на артиллерию.

Интересными представляются производственные траты некоторого артиллерийского оборудования, а также и боеприпасов. Из известных мне счетов Злочевской крепости Яна III Собесского выясняется, что в 1690-1691 гг. само изготовление оковки лафетов для 6-фунтовой пушки стоило около 36 злотых, по крайней мере, на столько оценил свою работу ковавший ее кузнец. В то же время лафет для большой пушки, к сожалению, неизвестно, сколько в ней было фунтов, стоил уже 80 злотых вместе с материальными тратами. Кажется, что стоимость должна была быть примерно одинакова или, в крайнем случае, приближена как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском⁶. В то же время стоимость изготовления боеприпасов известна мне в случае картечи в 1695 г. Изготовление однофунтовой картечи – свыше 7 грошей, а трехфунтовой – 10 грошей⁷. Кузнец в Великом Княжестве Литовском в 1685 г. за свою работу, связанную с артиллерией, получал 80 злотых, его помощник – 40 злотых, а колесник в ранге мастера – 80 злотых. В этот же период вознаграждение пороховщика составляло 37 злотых, а фейерверкер (*fajerwerk*, в XVII в. – *сапер*) получал 450 злотых за выполненную работу [4, s. 168-169].

Артиллерия в XVII в., даже несмотря на запущенность, была важным элементом в военной системе Великого Княжества Литовского, без которого невозможно представить себе военных действий, как наступательных, так и оборонительных. Несмотря на финансовые и снабженческие трудности артиллерия функционировала более или менее исправно благодаря различным дотациям, а также частным деньгам, временами передаваемым магнатами. Важной частью этой военной отрасли была частновладельческая артиллерия, которая часто оказывала помощь государственной в ходе военных действий. Помимо закупок основных элементов таких, как порох, селитра, пушечные ядра, на что тратились финансовые средства, нужно было также опла-

⁶ Национальный исторический архив Беларуси (Минск). Fond 694. Op. 2. Nr 2457. K. 33.

⁷ Rejestr zrobionych kartaczy do cekhauzu zloczowskiego z 16 października 1695 roku. Там же. Fond 694. Op. 2. Nr 2457. K. 478.

чивать ремесленников, работающих на артиллерию и выполняющих конкретные задачи в целях ее модернизации, ремонта или изготовления новых пушек. Деньги на эту цель старались обеспечить в бюджете, предназначенном на функционирование артиллерии в Великом Княжестве Литовском.

1. *Górski K.* Historia artylerii polskiej. Warszawa, 1902.
2. *Nowak T.* Z dziejów techniki wojennej w dawnej Polsce. Warszawa, 1965.
3. *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku // Przegląd Wschodni. T. 3. Z. 3 (11). R. 1994. Warszawa, 1995.
4. *Sawicki M.* Artyleria litewska w latach osiemdziesiątych XVII wieku. Organizacja i funkcjonowanie // Artyleria polska. Historia – terażniejszość – przyszłość / Pod red. W. Rezmera, M. Giętkowskiego i J. Ślipca. Toruń, 2008.
5. *Wimmer J.* Dzieje oręża polskiego do roku 1793. Warszawa, 1968.

УДК 623.441+069.42+904

А.Н. Чубинский¹

О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пицалей» из собрания Оружейной палаты

Оружейная палата; Троице-Сергиев монастырь; оружейное производство; пицали; кремневые замки; оружейные клейма.

Исследование пицалей из Троице-Сергиевой Лавры, которые считались вооружением защитников монастыря во время осады 1608-1610 гг., показало, что большая часть оружия является нефункциональной, его сборка была проведена в музее в XIX–XX вв. без учета исторической достоверности. Основные детали оружия имеют следы неоднократных переделок. Наиболее древние стволы датируются первой половиной XVI в., анализ клейм на них подтвердил наличие оружейного производства в монастыре в последней четверти XVI в., этим же временем датируются наиболее древние замки и ложи, причем замки относятся к самым ранним образцам русского кремневого замка.

Огнестрельное оружие, поступившее в Оружейную палату из Троице-Сергиева монастыря в 1830 г., было упомянуто в Описи Московской Оружейной палаты 1886 г., где под одним номером значились «двадцать восемь ружей русского дела... которыми славные защитники... Троице-Сергиевой Лавры отстаивали... независимость отечества» [5, № 6782]. Сведения о том, что «древние оружия и доспехи», переданные в Оружейную палату из Троице-Сергиевой Лавры, были связаны с событиями Смутного времени, сообщались передающей

¹ Чубинский Александр Николаевич, Музеи Московского Кремля (РФ, Москва), asch@kremlin.museum.ru.

стороной. Согласно документу, фиксировавшему передачу, две сабли и седло «по словесному преданию старожилы Лавры... принадлежали Минину и Пожарскому», а прочее оружие, в том числе 58 ветхих ружей и 30 ветхих ружейных замков, сохранилось «после защищения Лавры против Литвы» также «по словесному преданию старожилы Лавры»².

В 1954 г. в сборнике «Государственная Оружейная палата Московского Кремля» было опубликовано первое подробное описание троицких пищалей, сделанное хранителем Н.В. Гордеевым [1, с. 6-19]. Большую часть пищальных стволов исследователь датировал второй половиной XVI в., особо отметив, что стволы имеют следы более ранней установки на фитильных ружьях. Для замков троицких пищалей Н.В. Гордеев привел нижнюю границу датировки – конец XVI в. Возможность участия этого оружия в боевых действиях Смутного времени не подвергалась сомнению, напротив, как кажется, датировка пищалей отталкивалась от монастырской легенды как от факта. Также исследователь впервые расшифровал буквенные клейма на стволах ТРО, СЕР и К как «Троица», «Сергий» и «Казна», а также отметил одно клеймо в виде двуглавого орла, посчитав, что этим клеймом был помечен ствол, откованный в Москве в Оружейной палате во второй половине XVI в.

На данной работе Н.В. Гордеева основана современная атрибуция пищалей, которые определяются, как изготовленные в оружейной палате Троице-Сергиева монастыря во второй половине XVI в. или же в конце XVI – начале XVII в. Кроме того, результаты исследования Н.В. Гордеева используются практически во всех крупных работах, затрагивающих тему русского огнестрельного оружия XVI–XVII в.

Наше исследование 2010 г. [8] показало, что атрибуция троицких пищалей как оружия, применявшегося в Смутное время, не имеет серьезных подтверждающих аргументов за исключением «словесного предания старожилы Лавры». Для сравнения: другое массовое оружие, поступившее из Лавры в 1830 г., – более двух сотен бердышей, в число которых входят бердыши с елманью (откованные «на два острия»), появившиеся позднее Смутного времени. Также было выяснено, что в предшествующих работах не принималось в расчет фактическое состояние пищалей. Тщательный осмотр троицких ружей позволил сделать вывод о том, что почти все стволы и часть замков присоединены к лолам произвольным образом. Стволы плохо садятся

² РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Ед. хр. 10095. Л. 41–41 об.

в ложи, ложи имеют вырезы под другие хвостовики, отверстия на цевьях для крепежных шпилек не соответствуют ушкам (серьгам) на стволах, вырезы под замки часто не соответствуют форме замочных досок и т.п. Почти нет исходных спусковых крючков. Первоначальных крепежных деталей, в особенности хвостовых винтов и шпилек, сохранилось крайне мало, среди имеющихся – большое количество новоделов. К числу таких деталей нужно отнести медные обоймицы XX в. Наконец, основной критерий, по которому можно судить о функциональности оружия, – совпадение запального отверстия на стволе с положением пороховой полки замка – не выполняется для основной массы ружей.

Таким образом, подавляющее большинство троицких пищалей в настоящий момент представляет сборное оружие, которое никогда не было функциональным, и которому была придана видимость комплектного вооружения в музейный период бытования в XIX–XX вв. Поэтому точный подсчет количества троицких пищалей в настоящий момент лишен смысла, как и попытка их датировки как цельных памятников. (Формально в музее хранится тридцать три пищали, один ствол, один замок русского типа, двадцать лож без замков. По аналогиям выявляются еще три русских замка, отдельные замочные детали и обломки цевья, скорее всего, поступившие из Лавры. Одна троицкая пищаль (ложа с замком) хранится в Государственном историческом музее (Инв. № 68257) [2, с. 110-111, табл. XXV, рис. 155], две пищали хранятся в Государственном Эрмитаже (Инв. № 3.О. 683, 3.О. 5272)). Также часть предметов из числа переданных из Лавры в 1830 г. могла затеряться в собрании Оружейной палаты в силу отсутствия монастырских клейм или точных аналогий.

В целом переданное из Лавры в 1830 г. огнестрельное оружие и его детали правильнее всего охарактеризовать как оружейный лом, а именно разрозненные и разновременные детали огнестрельного оружия, нефункциональные и требующие ремонта. Эта характеристика подтверждается описью Оружейной палаты 1835 г., в которой ружья были описаны в числе стволов: «Стволов разных форм пятьдесят восемь, к ним находится несколько совершенно изломанных лож, коим и числа по остаткам определить нельзя»³. Согласно Описи 1886 г. троицкие ружья были «поломаны и разрознены... лома от них: шесть прикладов с замками, девятнадцать без замков, шесть изломанных

³ Музеи Московского Кремля. Отдел рукописных, печатных и графических фондов. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. № 8148–8206.

цевьев и тридцать стволов» [5, № 6782]. Добавим, что описанное состояние троицких пищалей делает бесперспективными попытки сопоставить их с оружием, которое числилось в арсенале Троице-Сергиева монастыря по описям XVII–XVIII вв. Единственная попытка выявления троицких ружей в описи 1641 г. [7, с. 270] не выдерживает критики, так как в этой публикации пищали ошибочно названы крепостными ружьями. А фактическое наличие пищалей в Лавре в 1830 г. показывает, что они не имеют прямого отношения к крупнейшему монастырскому арсеналу, следы которого теряются в XVIII в. [6; 4].

Несмотря на указание Описи 1835 г. о том, что мы имеем дело с отдельными стволами и отдельными ветхими ложами, среди троицкого оружия нам удалось выявить два безусловно комплектных образца, нынешняя сборка которых говорит о том, что первоначально они служили как боевое оружие. Это короткоствольное ружье (Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-3748) конца XVI – начала XVII в. и карабин (Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-3745) второй трети XVII в. При этом оба предмета имеют более ранние переделанные детали – ствол, и, соответственно, замок, и оба нуждаются в незначительном ремонте. Также имеются еще две или три пищали, сборка которых, возможно, позволяла использовать их в качестве боевого оружия. Нельзя исключить, что они были собраны из разновременных деталей непосредственно в осажденном Троице-Сергиевом монастыре в 1608–1610 гг.

Прочие троицкие стволы, ложи с замками, а также отдельные замки и ложи при атрибуции пищалей продуктивно рассматривать независимо друг от друга.

Большая часть троицких стволов действительно датируется XVI в., причем среди них были обнаружены аналоги стволов пищалей из Соловецкого монастыря первой половины XVI в. [3, с. 227, рис. 2/4, с. 231–233]. Среди стволов преобладают русские, но есть и европейские (немецкие) стволы второй половины XVI в., а также карабинные немецкие стволы первой половины XVII в.

Русские стволы XVI в. длиной 65–75 см. (около одного аршина) и калибром в 13–14 мм – массивные и толстостенные, трехчастные (разделенные поясками на три равные части) с восьмигранной казной. Эти стволы первоначально имели вклепанную под запальным отверстием пороховую полку и казенный винт без хвостовика, крепились лишь шпильками к цевью. К числу ранних стволов первой половины – середины XVI столетия нужно отнести те, которые имели три ушка (серьги) на нижней поверхности для крепления на цевье шпилькой,

причем ближайшая к казне серьга была вклепана в 5–7 см от казенного среза. Очевидно, что у этих стволов исходно отсутствовал хвостовик (серьга под казной была бы излишней при наличии крепления ствола винтом через отверстие в хвостовике), что является важнейшим датирующим фактором. Стволы с серьгой в казенной части исходно были установлены на ружьях с самым примитивным фитильным замком-серпентином (или даже ручного воспламенения). На позднейших стволах середины – третьей четверти XVI в. был установлен казенный винт, прямоугольная головка которого помещалась в специальный вырез на ложе и выполняла функцию самостоятельной точкой крепления; эти стволы имели две серьги, ближайшая к казне находилась примерно под прицелом. Часть этих стволов имеет ранние нерасшифрованные клейма, принадлежавшие, скорее всего, русским (монастырским?) мастерам-изготовителям.

Массовая переделка огнестрельного оружия во второй половине XVI в. была связана с модернизацией крепления на ложе и появлением ударно-кремневых замков. Анализ клейм СЕР и ТРО на стволах троицких пищалей позволяет заключить, что переделка стволов в оружейной палате этого монастыря проводилась в два этапа, первый состоял в удалении пороховой полки (паз от последней заваривался железной пластинкой) и подготовке оружия к установке кремневого замка, а на втором этапе появились казенные винты с хвостовиками.

Клейма СЕР и ТРО, выбитые на стволах, откованных ранее разными мастерами (повторяющаяся авторская манера на них не прослеживается), можно считать и производственными, а арсенальными клеймами монастырской оружейной палаты. Действительно, эти клейма выбивались специальными пуансонами у казенного среза на разогретых стволах в ходе кузнечных работ (нанести эти клейма на собранном оружии было бы невозможно). Клеймо СЕР устанавливалось на левой верхней грани казны, что позволяет заключить, что в момент удара пуансоном на стволе уже отсутствовала пороховая полка, но еще наличествовала серьга на нижней грани ствол под казной (в противном случае клеймо было бы удобнее выбить на верхней грани ствола). Таким образом, нанесение клейма СЕР, скорее всего, связано с удалением пороховой полки и заделкой отверстия от последней. Хронологически простановка клейма СЕР соответствует времени появления русских кремневых замков, его простановка относится к последней четверти XVI в.

Клейма ТРО, позднейшие по отношению к СЕР, выбивались на верхней грани казны. Место их установки говорит о том, что серьга

под казной в момент их простановки уже отсутствовала. Скорее всего, простановка клейм ТРО проводилась одновременно с удалением серьги под казной (если таковая существовала исходно) и установкой казенного винта с хвостовиком (если таковой отсутствовал), а также установкой щиткового прицела или ремонтом ствола. Клеймо ТРО выбито на разнотипных стволах, в том числе западноевропейского происхождения. Время нанесения этого клейма – конец XVI – начало XVII столетия. Данная датировка подтверждается набором клейм на стволе пищали (Музей Московского Кремля. Инв. № Ор-73), который, наиболее вероятно, был откован в московской Оружейной палате [1, с. 7, рис. 3, с. 9]. На этом стволе имеется клеймо ТРО и более раннее производственное клеймо в виде двуглавого орла, но при этом нет следов крепления пороховой полки под фитильный замок.

Рис. 1.

Рис. 2.

Отметим, что оба клейма проставлялись двумя способами: СЕР в ряде случаев выбито пуансоном, чаще вырезано зубилом [рис. 1, 2]. Клеймо ТРО имело два незначительно отличающихся пуансона [рис. 3–5]. Возможно, это говорит о существовании двух относительно удаленных друг от друга монастырских кузниц. Наличие этих клейм служит неопровержимым доказательством существования собственного оружейного производства в монастыре в последней четверти XVI – начале XVII в.

Рис. 3.

Рис. 4.

Наиболее позднее клеймо на стволах К, во всех случаях грубо вырезанное зубилом, не может считаться производственным [рис. 6, 7]. Такие клейма проставлялись, скорее всего, вплоть до середины XVII столетия для учета оружия в монастырской казне.

Троицкие ударно-кремневые замки принадлежат исключительно к русскому типу. Конструктивные особенности позволяют отличать более ранние замки от более поздних. Нижняя датировка замков троицких пищалей – рубеж третьей и четвертой четвертей XVI в., это самые ранние замки русского типа [9, с. 233], верхняя датировка включает первую половину XVII в. Датировочные характеристики ранних замков – пороховые полки с круглой, а не продолговатой выемкой (возможно, эти детали были исходно вклепаны в стволы фитильных ружей), спусковой механизм, в котором выступ шептала находится на Г-образном спусковом рычаге, а не на пружине шептала. Ранними нужно считать также относительно высокие замочные доски с примитивно опиленным левым краем. Форма боевой и подогнивной пружин, как и исходное наличие внешнего предохранителя курка в виде подпружиненного крючка не являются четкими датировочными признаками. К поздним деталям замков относятся кольцо взведения на курке и развитый курковый кронштейн. Как и стволы, замки имеют следы переделок, и на них присут-

ствуют разновременные детали, некоторые замки в результате небрежной сборки нефункциональны. Скорее всего, большая часть замков была сделана в мастерских Троице-Сергиева монастыря, что подтверждается клеймом СЕР на одной замочной доске.

Рис. 6.

Рис. 7.

Троицкие ложи, как правило, березовые, принадлежат к пяти основным типам – аркебузные, мушкетные, карабинные, а также ложи с короткими прикладами – ружейными и изогнутым вниз (названия прикладов «карабинный» и «ружейный» весьма условны и говорят лишь об обобщенной форме). Шомпольный канал почти на всех ложах выбран внутри цевья, детали прибора отсутствуют. Вряд ли разнообразие форм прикладов означает, что оружие различалось по тактическому применению. Тем более, на всех ложах установлены (или были установлены, судя по форме вырезов) достаточно однотипные замки русского типа. К сожалению, у подавляющего большинства лож утрачен конец цевья, так что мы не можем судить о длине первоначальных стволов. Лишь несколько лож с короткими прикладами позволяют предположить, что на них были установлены стволы длиной около одного аршина.

Наиболее ранними являются короткие аркебузные приклады (германского типа) и карабинные, они могут быть датированы последней четвертью XVI в. Мушкетные ложи можно было бы датировать существенно поздним временем, однако, судя по виду установленных на них замков, они существовали одновременно с аркебузными ложами. Кроме того, и на мушкетных ложах отсутствуют следы установки спусковых скоб, что не позволяет датировать их временем поздней-

шим, чем начало XVII в. Форма перечисленных лож наверняка была заимствована у европейского оружия. Короткие приклады – ружейный и изогнутый вниз – следует считать чисто русскими, а время их изготовления – последняя четверть XVI – начало XVII в. Все перечисленные ложи, скорее всего, изготовлены в России, возможно, в монастырской оружейной палате. Но две ореховые ложи с ружейными прикладами старофранцузского типа исходно принадлежали оружию европейского происхождения примерно середины XVII в.

Таким образом, датировка большей части стволов, замков и лож троицких пицалей не противоречит легенде о том, что эти предметы входили в вооружение защитников монастыря во время «Троицкого сидения» 1608–1610 гг. Комплектное оружие среди троицких ружей исчисляется единицами, причем и оно требовало ремонта. В целом «троицкие пицали» представляют собой оружейный лом – разновременные разрозненные части оружия, большая часть которых морально устарела еще в XVII в., но которые могли служить источником деталей при изготовлении нового оружия и ремонте старого. Безусловно, эта коллекция является уникальным источником по истории производства и бытования русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв.

1. *Гордеев Н.В.* Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
2. *Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI – XIX веков. М., 1953.
3. *Мышковский Е.В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961. № 1.
4. *Новоселов В.Р.* Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования. Выпуск XXI. М. 2012.
5. *Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4.* Огнестрельное оружие. М., 1886.
6. *Токарева Т.Ю.* К вопросу об истории оружейной казны Троице-Сергиева монастыря в XVII в. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2010. Сергиев Посад, 2010.
7. *Ульянов О.Г.* Оружейные мастерские Троице-Сергиевской лавры в XVI–XVII вв. (троицкие пицали в собрании Оружейной палаты Московского Кремля) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб, 2014.
8. *Чубинский А.Н.* К атрибуции «троицких пицалей» из собрания Оружейной палаты // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Научный семинар. Музеи Московского Кремля, 26–27 октября 2010 года. Тезисы докладов. [Электронный ресурс]. Url: <http://old.kreml.ru/ru/science/conferences/2010/historicalArm/thesis/Chubins>

kiy (дата обращения 25.05.2015)

9. Чубинский А.Н. К истории русского кремневого замка // Оружие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и частных коллекциях. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию Тульского музея оружия, 23-24 октября 2013 г. Тула, 2014.

УДК 94(470)«16/18»

П. Кроль¹

Коронная артиллерия во время войн Речи Посполитой с казаками, шведами и Россией в 1648-1667 гг.²

Коронная артиллерия; польско-российские войны; шведский Потоп.

Статья описывает состояние и организацию коронной артиллерии в Речи Посполитой во время конфликтов польско-литовского государства с соседями и казаками. Это был период, когда реформированная королем Владиславом IV в 1633-1648 гг. коронная артиллерия и государство сдавали свой первый важный экзамен на полях сражений. В статье представлен также процесс эволюции коронной артиллерии под властью Владислава IV.

В истории польской артиллерии середина XVII в. стала одним из периодов интенсивного развития. Это было связано с несколькими причинами. Опыт польско-шведской войны 1626-1629 гг. и требования польско-российской войны 1632-1634 гг. выявили необходимость обратить большее, чем прежде, внимание на развитие артиллерии. Планируемая королем Владиславом IV в 1644-1648 гг. война с Турцией также требовала окружить артиллерию особенным вниманием. Отсюда и проистекала во время его правления беспрестанная заинтересованность коронной артиллерией, организация специального постоянного финансирования, наем хороших специалистов, реформа оборудования и строительство арсеналов.

В XVII в. польская артиллерия с точки зрения ее организации была разнородной. Наиважнейшей ее составной частью была королевская артиллерия (позднее – государственная), разделенная на коронную и литовскую. Однако же существовала и городская артиллерия, и артиллерия частновладельческая, шляхетская, которая неоднократно поддерживала регулярные войска, как это было в случае битвы под Батогом, где армия гетмана М. Калиновского помимо 18 орудий и 8 мортир государственных располагала также приблизительно 30 ору-

¹ Кроль Петр, Варшавский университет (Польша, Варшава), dr, p.kroll@uw.edu.pl.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

диями частновладельческими, доставленными бывшей в войске шляхтой [1, с. 21]. Государственная артиллерия в 1632-1637 гг. превратилась в результате преобразования старой королевской артиллерии, стоящей на территории Короны в артиллерию коронную, а стоящая в Великом Княжестве Литовском – в артиллерию литовскую [10, с. 80]. На ее содержание король Владислав IV назначил четверть доходов с королевских владений в Короне, что в среднем приносило около 110 тысяч злотых [3, с. 105-109; 8, с. 101-105]. Эта сумма полностью покрывала выплаты на жалованье и расходы, связанные с усовершенствованием оборудования и строительством новых арсеналов. После 1648 г. в связи с ведущимися военными действиями, траты возросли вдвое, что было связано с необходимостью оплачивать нанятые средства транспорта. В период войн, особенно Потопа, наступал резкий спад в получении денежных средств с кварталов. Эту недостачу покрывали ссудами (от Гданьска) и деньгами с других налогов [8, с. 104-105; 12, с. 22-23].

В 1637-1654 гг. произошел коренной перелом в вопросе оснащения коронной артиллерии. Исходя из опыта польско-шведской войны 1625-1629 гг., была проведена реформа, имевшая целью переход на использование орудий со средней длиной ствола, а также стандартизацию калибров и уменьшение их числа до нескольких оговоренных. Вероятно, здесь опирались на правила, принятые в голландской артиллерии, и уже частично использованные в других государствах, однако обращали внимание и на шведский опыт в военно-полевых делах. На место колубрын (*kolubryn*) различных калибров пришли 48-фунтовые полные картауны (калибр – 190 мм), 24-фунтовые полукартауны (150 мм), 12-фунтовые четвертькартауны (122 мм), а также 6-фунтовые октавы (96 мм). Кроме этого, начали производить очень легкие орудия, т.н. полковые, используемые пехотой, изначально (с 1633 г.) 6-фунтовые (96 мм), позднее (с 1639 г.) также и 3-фунтовые (79 мм), и наконец (с 1650 г.) – т.н. малые орудия (*małe działka*), выполнявшие роль 5-фунтовых гаубиц с длиной стволов, составлявшей 8 калибров. Независимо от этого серийно отливали 50-фунтовые мортиры [8, с. 109-114; 9, с. 276; 10, с. 87-88]. В 1654 г. В распоряжении коронной армии находилось 372 орудия, из них 242 бронзовых определенного типа. В случае с бронзовыми орудиями только 23 % составляли длинные стволы (12 колубрын и 44 фальконеты), 60 % стволы средней длины (2 полные картауны, 27 полукартаун, 40 четвертькартаун, 18 октав и 63 полковых орудия), а остальные 11 % приходились на короткие стволы (14 малых орудий и 13 мортир) [8, с. 125]. После

войны со Швецией, во время которой часть арсеналов вместе с хранящейся в них артиллерией попала в руки захватчиков, состав орудий коронной артиллерии в целом не изменился, потому что большую часть утраченных орудий удалось вернуть во время капитуляции отдельных шведских гарнизонов, а также удалось восполнить недостачу производством новых стволов [8, с. 117-118; 12, с. 29].

Большинство орудий, состоящих на вооружении коронной армии, было отечественного производства, которое концентрировалось в нескольких районах: в Варшаве, Кракове, Гданьске, Торуни и Львове. На территории Великого Княжества Литовского важнейшим литейным центром было Вильно. Свои собственные литейные мастерские имели некоторые магнаты (например, Любомирские и Радзивиллы), которые работали в основном на нужды своих хозяев. Важно отметить, что во время правления Владислава IV, когда было отлито наибольшее количество орудий, бронзу – материал, из которого отливали стволы – получали, переплавляя старые орудия, главным образом тяжелые, сделанные еще в XVI в. [10, с. 81-85].

Каждое орудие имело приспособленный к его типу станок (łoże), передок (przodek) и цепь, а также шомпол, лопатку и накладку, закрывающую жерло ствола, также несколько клиньев, служащих для регулирования угла стрельбы. Некоторые орудия, кроме этого, имели зарядный ящик, находившийся между стенками станка, а полукартауны – специальные возы, предназначенные для перевозки их стволов на дальние расстояния для сохранения станков [8, с. 114].

Орудия государственной артиллерии хранились в арсеналах. Они представляли собой не только помещения для орудий, вспомогательного оборудования, части боеприпасов артиллерии, вооружения пехоты и кавалерии, но были также центрами, в которых находилось командование и профессиональный персонал артиллерии, ремонтные мастерские, производство наиболее сложных типов боеприпасов и ракет, а временами и экспериментальная лаборатория. В Речи Посполитой самый большой, центральный арсенал, при котором располагалось руководство всей коронной артиллерии, находился в Варшаве. В 1654 г. в нем было 71 орудие, главным образом – осадные (2 целые картауны, по 24 полукартауны и четвертькартауны и 8 октав). Другие королевские арсеналы находились в Кракове (где также хранились орудия тяжелого калибра, главным образом – четвертькартауны), Львове, в Мальборке и в Пуцке, где хранились главным образом железные орудия (106 штук), которые следует отнести к вооружению кораблей, построенных во время Сигизмунда III. За время правления

его наследников было построено три новых арсенала для коронной артиллерии на территориях, находящихся под угрозой татарского и турецкого нападения: в Баре, Кодаку и Каменце Подольском. В последнем, как и во Львове, хранились в основном полковые орудия (6- и 4-фунтовые, в общей сложности – 63 ствола), что было связано с нуждами местного театра военных действий. Во Львове находились также четвертькартауны (7 стволов) и октавы (9 стволов) [7, с. 46-172; 9, с. 143-265].

Вместе с орудиями в арсеналах хранился также порох, которого согласно данным 1654 г. было свыше 800 центнеров. Что интересно, наибольшие его запасы были в арсеналах краковском, львовском и каменецком (свыше 80 %) [8, с. 126].

Обслуга коронной артиллерии составляла в 1647 г. из 106 человек, а позднее – из 78 (в 1660-1662 гг.). Собственно обслуга пушек состояла (в 1647 г.) из 42 пушкарей и 29 помощников. Поскольку этого числа была слишком мало, то для военных экспедиций нанимали дополнительных артиллеристов, и даже специалистов-инженеров и ремесленников, в основном – немцев, жителей польских городов. В связи с недостатком финансовых средств не всегда удавалось в полной мере реализовать планы по найму. Во главе персонала стоял генерал артиллерии, функции которого в ходе войн 1648-1667 гг. выполняли опытные мастера: Кшиштоф Арчишевский (Krzysztof Arciszewski), Сигизмунд Пшиемский (Zygmunt Przyjemski), Кшиштоф Гроджицкий (Krzysztof Grodzicki) [3, с. 126-129; 8, с. 105-109; 5, с. 44-67; 6, с. 89-111].

В связи с недостатком источников, детально описывающих польский артиллерийский парк, используемый в походе, можно воспользоваться проектом полевого похода коронной артиллерии, составленным в 1648 г. выдающимся знатоком в этой области Казимиром Щеменовичем (Kazimierz Siemienowicz). В нем говорится о том, что в поход необходимо взять 8 четвертькартаун и 22 полковых 6-фунтовых орудия. Стволы четвертькартаун должны были перевозиться на возах, запряженных 6 лошадьми, а станки и передки к ним должны были перевозиться отдельно 4 лошадьми каждая. Полковые орудия должны были транспортироваться на своих станках 2-3 лошадьми каждая. Боеприпасы для обоих видов орудий составляли по 100 ядер на каждое. Кроме этого, перевозились запальные шнуры и подъемники для установления стволов на станках, защита на помосты, на которых устанавливались орудия на огневых точках, а также 600 ручных гранат. Дополняло транспорт саперное оборудование. Обслуга орудий

составляла 30 пушкарей и 38 пушкарских помощников. Кроме этого, в поход должны были идти ремесленники. В таком составе артиллерийская экспедиция требовала 300 тягловых лошадей [10, с. 94-95]. Именно транспорт становился главной проблемой, которую нужно было решить в ходе военных операций, в которых участвовала коронная артиллерия. Как и в большинстве армий того времени, она не имела своего постоянного транспортного парка. Это происходило от того, что его содержание в мирное время в перерывах между военными операциями было бы слишком дорого. Только литовская артиллерия имела постоянный парк с возницами из числа литовских татар, которые взамен на мелкие привилегии должны были всегда быть наготове за оговоренную плату перевозить орудия. В армии же коронной лошадей и возниц нанимали. Цена найма 1 коня на 6 месяцев составляла 156 злотых. Поскольку для перевозки боеприпасов (в том числе и для пехоты), артиллерийских инструментов, инженерного оборудования, собственно услуги и их вещей требовалось много лошадей, то суммы на их наем были огромными и исчислялись более чем половиной трат всей артиллерийской экспедиции. В зависимости от интенсивности использования артиллерии в военных действиях, траты на транспорт составляли от 21 % (1652 г.) до 51 % (1651 г.) всего бюджета коронной артиллерии [2, с. 79]. В связи с постоянной нехваткой денег происходило уменьшения количества используемых на поле орудий и ограничение их калибра. В экспедиции, как правило, брали легкие орудия. Зимой 1653 г. генералу К. Гроджецкому удалось нанять только 239 лошадей, а это означало, что 30-тысячная коронная армия могла располагать только 20 орудиями³. В связи с желанием уменьшить расходы на перевозки старались использовать водные пути сообщения для сплава артиллерии на барках. Обычно для этой цели использовалась водная артерия Вислы и Сана, по ним же транспортировали боеприпасы на склады в Ярославле и Пшемышле. Часто из-за нехватки лошадей пользовались отобранными у крестьян подводами, как, например, это произошло во время марша под Берестечко в 1651 г. Потеря тягловых животных становилась настоящим бедствием для артиллерии. В таком случае даже забирали лошадей у драгун, чтобы довести орудия до ближайшего замка. Справлялись с этим также и благодаря помощи со стороны шляхты. В битве под Берестечком рядом с орудиями «государственными» принимала участие и артиллерия частновладельческая (среди прочих – города Львова, а также

³ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Prywatne Potockich. Rkps 44. С. 157-162.

Замойских, Конецпольских и Сапегов), насчитывающая в общей сложности около 60 штук различных размеров [2, с. 79-80].

Польская артиллерия принимала участие в многочисленных военных операциях XVII в. Среди них можно обозначить такие: 1) оборона укрепленных пунктов, 2) захват укрепленных пунктов, 3) сражения в открытом поле. Примером использования артиллерии в обороне укрепленного пункта может служить ее участие в обороне лагеря войска коронного в Збараже в 1649 г. Она состояла из 15 орудий, в том числе 6 полковых и 4 октав. Это было слишком мало, чтобы укрепить всю польскую оборону, поэтому она была сосредоточена на наиболее уязвимых пунктах.

Примером действий польской артиллерии при захвате укрепленного пункта может служить ее деятельность при осаде шведского гарнизона в Торунь польскими войсками при помощи цесарских войск в 1658 г. Торунь была современной бастионной крепостью. Польские и литовские войска располагали примерно 30 орудиями от 3- до 24-фунтовых, а цесарские отряды – 6 полукарнаутами и 2 мортирами. Действия польской артиллерии, руководимой генералом коронной артиллерии Кшиштофом Гроджецким, основывались на уничтожении укреплений крепости на избранном участке с целью расчистки пути для штурмующей пехоты. Были оборудованы огневые точки и расставлены на них три батареи: средняя, состоявшая из 5 полукарнаут и 2 боковых, состоявших из 3 октав каждая, которые начали обстрел вала, находившегося напротив на расстоянии около 150 м. Более интересным – с точки зрения на использованную оригинальную технику, был обстрел польской артиллерией внутренней части крепости. Руководил им военный инженер Фредерик Геткант (Fryderyk Getkant, ум. в 1666 г.), который использовал для этой цели новое изобретение: земляная мортира. Работало это таким образом: в земле выкапывалось цилиндрическое отверстие, но не вглубь, а горизонтально по направлению к цели, на которую был бы направлен ствол мортиры металлической. Посередине дна этого отверстия выкапывалось небольшое углубление меньшего диаметра. Оно выполняло роль пороховой камеры. После заполнения его порохом, дно отверстия накрывали деревянными щитом, а его стороны выкладывали досками. Затем на щит клали тяжелые камни и многочисленные гранаты различных размеров. После поджога пороха с помощью фитиля, протянутого от пороховой камеры, весь груз взлетал на значительную высоту, а затем падал, засыпая цель камнями и взрывающимися гранатами [10, с. 93-94].

Примером участия артиллерии в битвах середины XVII в. могут служить ее действия в сражениях под Берестечком и на р. Басе. В ходе первого сражения, в его финальной фазе (на третий день) артиллерия была выставлена вместе с полками пехоты в центре строя. Своим огнем она отражала атаки татар и поддерживала кавалерию левого фланга, способствуя победе войск Речи Посполитой. Орудия сопровождали пехоту даже в ходе продвижения строя к неприятелю [11, с. 173-192]. Во время сражения на р. Басе с войсками, руководимыми Ю. Долгоруковым, артиллерия была выставлена перед строем на специально подготовленных огневых позициях – временных, сооруженных прямо перед боем. Во второй фазе битвы, вместе с пехотой она была помещена между группами кавалерии на флангах, задачей ей было поставлено усиление атаки с помощью обстрела, а также сдерживание возможной контратаки кавалерии противника [4, с. 301-329].

Польская коронная артиллерия в рассматриваемый период не всегда могла играть значительную роль. Несомненно, в ходе проведения всесторонних реформ в 1632-1645 гг. и дальнейших усилий со стороны властителей государства, она стала располагать хорошим оснащением и квалифицированной службой. Она доказала это на полях сражений, будь то под Берестечком, Варшавой, Чудновым и на р. Басе. Остается только сожалеть, что вследствие нехватки финансов руководство государства и командование коронной армии не могло полностью использовать весь артиллерийский потенциал на полях сражений.

1. *Ciesielski T.* Od Batohu do Żwańca Wojna na Ukrainie, Podolu i o Mołdawię 1652-1653. Zabrze, 2007.
2. *Ciesielski T., Nagielski M.* Armia koronna w latach 1651-1653 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. 40. Białystok, 2003.
3. *Górski K.* *Historia artylerii polskiej*. Warszawa, 1902.
4. *Kossarzecki K.* Kampania roku 1660 na Litwie. Zabrze, 2005.
5. *Nagielski M.* Krzysztof Grodzicki – generał artylerii koronnej w latach 1652-1659 // *Studia artyleryjskie*. T. II / Red. M. Giętkowski, A. Smoliński. Toruń, 2011.
6. *Nagielski M.* Zygmunt Przyjemski – generał artylerii koronnej w latach 1649-1652 // *Studia artyleryjskie*. T. III / Red. M. Giętkowski, A. Smoliński. Toruń, 2012.
7. *Nowak T.M.* *Arsenały artylerii koronnej w latach 1632-1655*. Warszawa, 1969.
8. *Nowak T.M.* *Polska artyleria koronna przed wojną 1655-1660 i podczas jej trwania // Wojna polsko-szwedzka 1655-1660 / Pod red. J. Wimmera*. Warszawa, 1973.
9. *Nowak T.M.* *Polska technika wojenna XVI-XVIII w.* Warszawa, 1970.
10. *Nowak T.M.* *Polska artyleria, inżynieria i kartografia wojskowa XVII w.* –

teoria i praktyka // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 22. Warszawa, 1979.

11. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa, 1994.

12. *Skworoda P.* Artyleria szwedzka i polska artyleria koronna w dobie Potopu – próba porównania. Przyczynek do historii wojen Rzeczypospolitej ze Szwecją // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 42. Białystok, 2005.

УДК 94(470)«16/18»

П. Гаврон¹

Финансирование польско-литовской армии в эпоху Смоленской войны (1632-1634) и военное производство²

Польско-литовская Речь Посполитая отправила в 1633 г. под Смоленск мощную армию, более чем на половину состоящую из пехоты, драгунов и рейтаров, в том числе многочисленные полки, завербованные или организованные согласно действующим в Западной Европе правилам. Это привело к увеличению расходов на содержание и оснащение армии, которой командовал лично король Владислав IV Ваза. Вскоре выяснилось, что налогов, собранных коронационным сеймом в 1633 г., не хватает, и король вынужден был обратиться к земским сеймикам с требованием новых повинностей. Однако же, расчеты с отрядами Короны, воюющими под Смоленском, произведенные на рубеже 1634-1635 гг. во Львове, показывают, что несмотря на благожелательную реакцию шляхты, собранные средства не позволили покрыть задолженность. Прежде всего, это касалось пехоты и драгунов, так как перед ними долг составлял более половины положенного им жалованья.

Хотя и не сохранились непосредственные данные, касающиеся снабжения войск, сражающихся под Смоленском в 1633-1634 гг., но на основании множества упоминаний в финансовых документах, а также источников, связанных с логистикой армии, воюющей в Королевской Пруссии со шведами и готовящейся к войне с Турцией в 1634 г., можно рискнуть выдвинуть несколько гипотез относительно данного вопроса. Кавалерия национального строя, подразделения которой служили в течение длительного времени в коронной и литовской армии, вероятно, покупали вооружение и снаряжение за свой счет, иногда опираясь на помощь ротмистра. Местами для покупок чаще всего выступали большие коронные города, среди которых значи-

¹ Гаврон Пшемислав, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша, Варшава), dr, milovskie_chtenia@mail.ru.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

тельную роль играли Вильно и Львов.

В случае пехоты или кавалерии иностранного строя – организованной согласно западноевропейским правилам или попросту нанятой за пределами Речи Посполитой – солдаты зачастую имели собственное оружие и военное снаряжение, хотя в источниках сохранилась информация о закупках в Гданьске, Крулевце (совр. – Кенигсберг) и даже в Нидерландах. Порох, пули, свинец и фитили привозили из больших городов Пруссии Королевской или Княжеской, прежде всего из Гданьска, а также покупали на рынках коронных городов, например Львова, Люблина или Ярославя. В случае с орудиями использовались городские ресурсы, а также некоторое их количество производили немногочисленные королевские мастерские. Транспорт до лагеря принадлежал фурманам (ямщикам), нанятым и оплаченным из общественной казны.

УДК 94 (47+57) «1700»

А.В. Перегудов¹

История конфликта русских солдат и иноземных матросов в Воронежском крае в 1700 г.

Кораблестроение; Воронежский край; адмиралтеец; воевода; иноземцы; служилые люди; каторга.

В данной статье, основанной на ярком сюжете, имевшем место в 1700 г., показана одна из «закулисных», бытовых сторон воронежского кораблестроения, то, что обычно оставалось за рамками исследований историков, занимающихся вопросами строительства военно-морского флота на рубеже XVII–XVIII вв. в Воронежском крае. Однако не учитывать влияние социального статуса людей, задействованных в кораблестроении, – их происхождение, прежнее место жительства, до того, как они подверглись рекрутированию на корабельные верфи, их материальное положение – на ход и организацию работ, недооценивать вопросы их взаимоотношений между собой, является неправильным, т.к. все это в совокупности – т.н. «человеческий фактор» – способствовало решению общей задачи, стоящей перед ними, или же наоборот, затрудняло ее выполнение.

В компетенцию главного органа управления воронежским кораблестроением – Государева разрядного шатра (1697–1700 гг.), в начале XVIII в. ему на смену пришел Адмиралтейский приказ – помимо первоочередной задачи, связанной с сооружением военно-морского флота, входил также разбор по многочисленным жалобам, поступав-

¹ Перегудов Александр Викторович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., history.vsu@yandex.ru.

шим от задействованных в кораблестроительных работах людей. На примере одной такой жалобы-челобитной мы рассмотрим связанный с судебной юрисдикцией механизм работы морской канцелярии, начиная с момента поступления жалобы, розыска и допроса преступников, и заканчивая выносом приговора и назначением наказания.

Весной 1700 г. от коротоякского воеводы Дмитрия Воейкова на Адмиралтейский двор в Воронеж поступила челобитная, в которой местный администратор информировал адмиралтейца² о том, что 10 марта 1700 г. перед воеводской канцелярией – приказной избой – к нему в Коротояк привезли тело мертвого солдата Петра Кзымова, служившего в полку стольника и полковника Саввы Васильевича Августова, его же сослуживцы, сказав при этом, что убийство произошло накануне, 9 марта, и обвиняли в произошедшем матросов и толмача (устный переводчик иностранной речи). «По осмотру» тела убиенного солдата было обнаружено, что «у него голова проломлена и изрублена, лицо избито». Коротоякский воевода выдал солдату Кириллу Васильеву подводы, на которых тело Кзымова было отправлено «к великому государю на Воронеж». Челобитная Д. Воейкова заканчивалась, как это часто бывало при обращении местных администраторов в вышестоящие инстанции, вопросом: «И без твоего, великого государя, указу тех вышечисанных людей, толмача и матросов, принять не смею, и о том что ты, великий князь <...> Петр Алексеевич <...> мне, холопу своему, укажешь?»³

12 марта адмиралтеец Ф.М. Апраксин, выслушав поданную солдатом Белгородского полка на Адмиралтейском дворе отписку коротоякского воеводы, приказал «то мертвое тело осмотреть и записать, а толмача Ивашку Тимофеева и матросов Питера и Виллима с Коротояка взять на Воронеж на Адмиралтейский двор и в том убийстве допросить порознь, и послать по ним нарочного посыльщика по нака-

² В конце 1699 г. адмиралтеец А.П. Протасьев из-за злоупотреблений был отстранен Петром I от занимаемой должности, и заменен на родственника царя – Ф.М. Апраксина. Однако это было сделано настолько стремительно и неожиданно для окружающих, что многие пребывали в неведении. Этим, в частности, можно объяснить то обстоятельство, что коротоякский воевода Д. Воейков адресует свою челобитную Протасьеву, а не Апраксину, который в марте 1700 г. как уже месяц занимал должность адмиралтейца. И даже дьяк Адмиралтейского приказа Никита Полуниин, составивший память денщику-солдату, пишет по привычке: «...а приехав, тех людей объявить на Адмиралтейском дворе адмиралтейцу *Алекса* (курсив мой – *А.П.*) – зачеркнуто на полуслове и далее исправлено – Федору Матвеевичу Апраксину с товарищи». См.: ГАВО-3. Ф. И–171. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 5.

³ ГАВО-3. Ф. И–171. Приказ Адмиралтейских дел. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–12.

зу, а воеводе отослать великого государя указ».

В соответствии с распоряжением Ф.М. Апраксина, в этот же день тело убитого солдата Кзымова, привезенное на Адмиралтейский двор, было осмотрено. Были обнаружены и зафиксированы те же увечья, что и во время осмотра перед коротоякской приказной избой. В дальнейшем приказывалось «то мертвое тело <...> похоронить у церкви божией», о чем было сделано соответствующее распоряжение дьякону Соборной Благовещенской церкви Филимону и дьяку Захарию Вахтину.

Получив с воронежского Адмиралтейского двора указ от имени великого государя за приписью дьяка Н. Полунина, коротоякский воевода обязан был взять толмача и матросов, а также свидетелей, «на кого они укажут, которые с ними убили», и прислать их «на Воронеж за крепким караулом и с нарочным посыльным». В качестве нарочного посыльного в коротоякскую приказную избу забирать предполагаемых преступников отправился денщик-солдат Самойла Буханов. А предстояло ему «взять на Воронеж» пятерых обвиняемых: упоминавшихся выше толмача, двух матросов, а также двух свидетелей – Карпа Матвеева и Бориса Блума. Для препровождения колодников на воронежский Адмиралтейский двор в помощь С. Буханову воевода Д. Воейков в качестве провожатых предоставил коротоякцев Устина Нестерова «с товарищи».

Обвиняемые были доставлены в Воронеж 14 марта, т.е. через два дня после объявления челобитной адмиралтейцу Ф.М. Апраксину, и в тот же день подверглись допросу по факту убийства солдата Петра Кзымова, причем допрашиваемы были порознь.

Толмач И. Тимофеев рассказывал, что был послан вместе со своими товарищами – Борисом Блумом, Карпом Матвеевым, Виллимом Ортом и Питером Стеном – из Воронежа в Коротояк к кораблю в кумпанство боярина князя Я.Ф. Долгорукого «для матрозного дела». По словам толмача, 5 марта 1700 г. он и его «компания», в составе которой, помимо вышеупомянутых лиц, был боцман Христиан Вильямс, пребывали в Панской слободе в Коротояке в гостях у черкашенина (черкасами называли выходцев из Малороссии) Федора Белоусова. Помимо Ф. Белоусова и его гостей-иноземцев на том дворе стояли четверо солдат. Как утверждает Тимофеев, «один из них из той избы стал их выбивать и бранить». Б. Блум хотел было того солдата бить, но тот, покинув вовремя избу и избежав, тем самым, неминуемой расправы, взял в свою очередь бердыш, «похваляясь им рубить». Помимо мужчин, на дворе в тот момент находились женщины: супруга

Ф. Белоусова Марица, а также две «жонки», пришедшие на постоянный двор для получения платы «за мытье рубах», на глазах которых разворачивались указанные события.

После произошедшего эпизода толмач Тимофеев и боцман Вильямс подали жалобу-челобитную на солдата-дебошира полковому капитану Кириллу Букову, который не замедлил учинить провинившемуся солдату наказание в виде битья батогами.

Однако, как выяснилось в дальнейшем, эпизод был далеко не исчерпан. Спустя несколько дней, 9 марта, когда Тимофеев и Вильямс были в гостях у своих друзей Блума, Матвеева и Орта, стоявших на постоялом дворе коротоякского посадского человека (по причине того, что тот съехал на Дон, имени его они назвать не могут), – в дальнейшем к компании друзей-иноземцев присоединился черкашенин Дмитрий Иванов, – к воротам их постоялого двора приходил некий пьяный солдат, но «не тот, с которым у них была ссора». Да и вовсе необязательно, как думается автору этих строк, было тому солдату приходиться лично: за обиду, нанесенную ему, могли мстить его сослуживцы. Пьяный солдат спрашивал у собравшихся на постоялом дворе друзей вина, на что получил ответ от Б. Блума, вышедшего на улицу, что вина у них нет. С обиды солдат «бросил в него мерзляком и от него побежал». Матрос Блум, по всей вероятности, самый сильный или агрессивно настроенный (вспомним, что именно он порывался несколькими днями ранее проучить дерзкого солдата), выбежал за ним за ворота, но догнать не смог. Видимо, появление пьяного солдата на постоялом дворе иноземцев не было случайностью: солдаты провоцировали иноземцев на ответные действия, которые неминуемо должны были привести к конфликту. И конфликт не замедлил себя ждать, об этом свидетельствуют последовавшие далее события. «В тот же час» к их избе на постоялом дворе пришли уже иных двое солдат, «бранившие их матерно и называвшие босурманы». Для обуздания служилых людей на улице выбежали, вооруженные палками, Блум и Матвеев. Казалось бы, равный бой. Однако солдаты избрали иную тактику: сознательно уклоняясь от столкновения, они заманивали врага на свою территорию. В очередной раз они ударились в бега. Вряд ли случайно, но так получилось, что прибежали они не абы куда, а к своей караульной избе. Увлеченные погоней, матросы-иноземцы, не заметили, как оказались рядом с логовом врага, и из караульной избы вышло «человек с двадцать солдат», которые тут же начали с ними драться. Вряд ли это можно назвать дракой, скорее избиением.

А в это время ничего не подозревавшие товарищи иноземцев

продолжали находиться на постоялом дворе. Они узнали о произошедшем только тогда, увидев это собственными глазами, когда в избу вернулись избитые Блум и Матвеев. Желая отомстить за себя и своих друзей, иноземцы вооружились – Тимофеев, Блум и Стен взяли палки, а Матвеев и Орт сабли – и «пошли к тем солдатам на улицу». По всей вероятности, оружие произвело должное впечатление, и в результате драки «солдаты от них побежали». Но другим следствием применения оружия, помимо устрашения и самообороны, стало убийство: «а на том месте остался солдат битой лежит на земле в крови». По утверждению толмача Тимофеева, он лично ударил палкой в грудь лежащего на земле и истекающего кровью солдата, «чаял, что он прикинулся». Спустя полчаса за солдатом приехал капитан К. Буков с другими солдатами и «свезли его с постоялого двора на свой двор».

Помимо толмача И. Тимофеева, допросу подверглись Б. Блум и К. Матвеев. В своих расспросных речах они отрицали вину в развязывании конфликта с солдатами, а также в убийстве П. Кзымова.

Развязка наступила 10 мая 1700 г., когда по указу великого государя <...> Петра Алексеевича адмиралтеец Ф.М. Апраксин вынес приговор иноземцам-матросам Б. Блуму, И. Тимофееву и черкашенину Д. Иванову «за их воровство, что они, будучи на Коротояке, убили Белгородского полку солдата Петра Кзымова до смерти, а черкашенин Иванов сказал тем матросам, будто солдаты хотят их резать, и у них учинилась драка, учинить им жестокое наказание: бить кнутом нещадно, и солдат и матросов в Азов на каторгу на год, а черкашенина Иванова освободить на поруки»⁴.

Однако матросу И. Тимофееву, бывшему по совместительству еще и переводчиком, удалось избежать суровой участи. То ли фортуна улыбнулась, то ли кто похлопотал, но азовская каторга его минула. 24 мая к адмиралтейцу обратился иноземец, «пушечный мастер», Томас Снелин, пожаловавшийся на отсутствие у него толмача: «По указу великого государя <...> велено мне лить пушки, а толмача никакого нет и у дела мне без толмача нельзя». Свою челобитную Т. Снелин заканчивал просьбой предоставить ему толмача, и адмиралтеец Ф.М. Апраксин, «слушав сию челобитную, приказал для толмачества на Романовские железные заводы дать ему Ивашку Тимофеева с роспискою», что как только пушечного мастера попросят «поставить Тимофеева на Адмиралтейский двор, сразу же поставить». В противном случае – пеня⁵. Таким образом, от иноземцев на каторгу в Азов был

⁴ Там же. Д. 12. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 19, 19 об., 19-а.

отправлен лишь Борис Блум, проходивший по «убийственному делу» первоначально как свидетель.

Скопление большого количества людей – крестьян, посадских, солдат, иноземцев и пр. категорий – на территории Воронежского края в конце XVII – начале XVIII вв., привлеченных для нужд кораблестроения, неизбежно приводило к возникновению конфликтов между ними. Нередкими и, зачастую, весьма острыми, доходящими, как мы убедились выше, даже до убийства, были конфликты между русскими и иноземцами, вызванными разностью религии, ментальности, материальным положением и т.д. Несмотря на непростую обстановку, власти не делали никому поблажек и наказывали провинившихся по всей строгости закона Русского государства, что было справедливо как в отношении своих подданных, так и в отношении иностранцев, пребывавших на территории России.

УДК 341.222.26+913.1

Д.С. Бобров¹

Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.²

Государственная граница; Российская империя; Джунгария; Верхнее Обь-Иртышье.

В публикации рассматривается специфика лимогенеза Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в период наибольшей активизации процессов освоения. Обосновывается возникновение у имперской политической элиты доктрины «стратегической государственной границы», а также соответствующего политико-географического образа. Следствием реализации этой программы стала «искусственность» формирования государственной границы – варьирование линии государственных рубежей в зависимости от конкретных задач освоения.

Легитимация суверенности России как имперского государства невозможна без институционализации государственных границ (лимогенеза). В общем виде под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории [5, с. 88].

¹ Бобров Денис Сергеевич, Алтайский государственный университет (РФ, Барнаул), асп., BDS-eureka@yandex.ru.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.».

Интенсификация процессов освоения на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. привела к столкновению геополитических интересов Российской империи и Джунгарского ханства. Непосредственное соприкосновение территорий двух государств происходило в Верхнем Обь-Иртышье [9, с. 35-39]. Одним из наиболее противоречивых в политике российских властей в регионе являлся вопрос о государственных рубежах. Делимитированная в соответствии с нормами международного права государственная граница отсутствовала. Официально этот факт российские власти (устаи майора Л.Д. Угримова) признали только в 1731 г., ссылаясь на историческую принадлежность всего Верхнего Обь-Иртышья к России и уже в силу этого «не для чего было оным землям быть граничным»³.

Отсутствие завершенной процедуры делимитации, а отнюдь не низкий уровень знаний властей о границе [7, с. 31], предопределило возникновение нескольких парадигм восприятия государственной границы на юге Западной Сибири [1, с. 90]. Прежде всего, это официальное понимание, нашедшее отражение в дипломатических документах. Оно сводилось к обоснованию суверенных прав России на Верхнее Обь-Иртышье с привлечением в качестве системы аргументации элементов доктрины захватного права [2, с. 30]. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилежавшими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами [1, с. 90].

Инвариантность представленных парадигм в сочетании с незавершенной институционализацией детерминировала возникновение образа государственной границы как аморфной ментальной конструкции – продукта пространственного восприятия [6, с. 92-94]. Теоретической основой образа стала идея «стратегической границы». Анализируя ключевые черты стратегической границы, специалисты Военно-ученого комитета Главного штаба исходили из ее прохождения по значительным горным хребтам или крупнейшим рекам регионов. При этом достижение стратегических границ на определенном участке являлось первоочередной задачей любого крупного государства [3, с. 9-11; 4, с. 451-452].

В архивных документах первой половины XVIII в., посвящен-

³ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 30 об., 32 об.

ных административному регулированию в Верхнем Обь-Иртышье понятие «граница» практически не встречается. Вместо этого в управленческой практике использовались квазисинонимичные конструкции «рубежи», «границы» или «запретная сторона»⁴. В частности, даже Петр I, легитимируя дальнейшую имперскую экспансию в Верхнее Прииртышье говорил лишь о «гранях сибирских» и ни слова не упоминал о целостной «границе»⁵. Подобный подход резко контрастировал с вопросами институционализации российско-китайских рубежей. Последние еще с XVII в. воспринимались государственными властями и представителями научной интеллигенции как стратегически-условные или даже вовсе делимитированные⁶, а в документации военного ведомства многочисленное употребление получили категории «охрана границы» и «граница Российская»⁷.

Центральной идеей в создаваемом политико-географическом образе государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири стало позиционирование значительной части Верхнего Прииртышья как исторически российской территории. Аргументация базировалась на нескольких ключевых факторах. Прежде всего, Л.Д. Угримов указывал на существование русских промыслов в верхнем течении Иртыша⁸. Причем, как показывает делопроизводственная документация, это утверждение далеко не было вымышленным или голословным⁹. Кроме того, привлекались неоднозначные умозаключения в русле концепции «захватного права», в соответствии с которыми Иртыш вплоть до озера Зайсан считался российской территорией как одна из «сибирских рек» [10, с. 21].

В условиях отсутствия очевидного компромисса Петр I предложил джунгарскому правителю неоднозначную идею кондоминиума [5, с. 11], то есть совместного суверенитета Российской империи и Джунгарии над Верхним Прииртышьем: «позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь, хотя оные к сибирскому

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 5; Д. 108. Л. 47; Д. 117. Л. 2.

⁵ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17.

⁶ В одном из архивных дел РГАДА встречается упоминание о том, что границей между Российской империей и Китайским царством являлся «Алтай камень». Схожий объект, отмеченный как «Камень великий Алтай», изображен и на чертежах С.У. Ремезова. См.: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 5; [11, л. 42].

⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 99. Л. 1; Д. 108. Л. 1–2.

⁸ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 32 об. – 33.

⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1747. Л. 1–3.

нашему царству принадлежат, ежели вы будете пребывать смиренно»¹⁰. Альтернативой кондоминиуму должны были стать симбиотические режимы нейтрализации и демилитаризации [5, с. 12] приграничных районов в Верхнем Обь-Иртышье. Однако ряд действий и заявлений российской административной элиты шли вразрез с общей теорией лимогенеза: при сохранении курса на установление нейтрализации параллельно протекала интенсивная милитаризация региона¹¹.

Претензий российских властей на Верхнее Обь-Иртышье джунгарская сторона не признавала и отвергала идею установления компромиссных вариантов режима границы. Дипломатическая элита государства в первой половине XVIII в. испытывала на себе осязаемое влияние принципов международного права образца раннего Нового времени и все больше осознавала важность государственной территории [2, с. 26-27] как неперемного условия функционирования государственности [5, с. 11]. Однако аргументация пространственных притязаний джунгарских правителей в Верхнем Обь-Иртышье все еще не выходила за рамки дипломатической практики традиционных обществ. Контайша и его дипломатические агенты указывали на проведение примитивной процедуры делимитации границ с Россией еще в XVII в., в знак фиксации результатов которой в районе реки Оми на массивном дереве была высечена фигура воина в полной амуниции [8, с. 101]. Несмотря на то, что засека или иной искусственный рубеж не являлись прямыми указаниями на существование государственной границы, возникновение подобных «отметок» являлось важным признаком осуществления делимитации.

Признание границы по соответствующей линии сулило множество сложностей российским властям различных уровней. Следствием этого стало зарождение в среде региональной элиты идеи о том, что государственные рубежи с Джунгарией в Верхнем Обь-Иртышье должны быть проведены исключительно по линии, удовлетворявшей военно-стратегическим и социально-экономическим целям текущего освоительского процесса. На это прямо указывал сибирский губернатор А.М. Черкасский, который не только подчеркнул отсутствие каких бы то ни было территориальных разграничений между Россией и Джунгарией в районах Оми и в Кузнецком уезде, но и напрямую заявил: «и чрез оные волости по Оми реке сухопутной тракт в Томск в Кузнецк и Енисейскую Иркутскую провинции один и ежели по Омь реку быть за ним [джунгарским правителем – Д.Б.], то есть сибирские

¹⁰ Там же. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17–17 об.; Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 12.

¹¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 99. Л. 3–5; Д. 108. Л. 5–6.

города от Тобольска тракт сухопутной пресечется кроме водяного»¹². Далее в своих рассуждениях А.М. Черкасский и вовсе пришел к парадоксальному выводу о том, что в районах расположения Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостей «владения российского в тех местах и не было никакого». Резюмируя свои наблюдения, сибирский губернатор обозначил не только приоритетные контуры линии предполагаемой границы, но и привел систему рациональной аргументации: «надобно границе быть вверх по Иртышу реке по Зайсан озеро а от реки в степь в сторону где калмыки кочуют чтоб дни два или на три для доволства жителей де иртышских крепостей земли было, а степь курче по камень первой которой на тракте от Семипалатной крепости»¹³.

1. *Бобров Д.С.* Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. конф. / Под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул, 2013.
2. *Боронин О.В.* Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востокведные исследования на Алтае: сб. науч. ст. Вып. 4. Барнаул, 2004.
3. *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873.
4. Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого и др. Т. 8. СПб., 1912.
5. *Дмитриева С.И.* Лимнология: учеб. пособие. Воронеж, 2008.
6. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
7. *Контев А.В.* Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1.
8. *Контев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011.
9. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998.
10. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006.
11. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

¹² РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 47 об.

¹³ Там же. Л. 47 об. – 48 об.

Об участии калмыков в Чигиринском походе 1678 г.

Чигиринские походы 1677-1678 гг.; русско-турецкая война 1672-1681 гг.; XVII в.; военная история; калмыки.

В статье рассматривается участие калмыцких отрядов в Чигиринской кампании 1678 г. Исследуются причины их привлечения на службу, организация снабжения продовольствием, роль в военных действиях.

Русско-турецкая война 1670-х – начала 1680-х гг. стала первым прямым столкновением двух государств, охватившим целый восточноевропейский регион. Этот конфликт не может быть сведен только к противостоянию русско-украинских и османских войск, в него были вовлечены многие соседние государственные образования. В составе османской армии действовали части молдавских и валашских господарей. По приказу султана крымский хан Мурад Гирей должен был привезти многотысячную крымскую конницу, что поставило Москву перед необходимостью задействовать в военных действиях сопоставимую им по боевым качествам степную конницу.

Об участии калмыков в военной кампании 1678 г. довольно подробно, но на основании опубликованных источников излагается в работе Т.И. Беликова [3]. В более общих чертах данный вопрос рассматривался в исследованиях А.Н. Басхаева [2], Е.Ч. Чонова [7], К.П. Шовунова [8].

В фонде Разрядного приказа в РГАДА сохранились документы, позволяющие уточнить особенности привлечения калмыцких отрядов на службу и рассмотреть те трудности и опасения, с которыми при этом могло столкнуться московское правительство.

Заинтересованность русско-украинского командования в вовлечении в боевые действия конных отрядов калмыков была связана с несколькими факторами. С одной стороны – это стремление численно увеличить войска соединенной армии за счет быстрой и маневренной калмыцкой конницы, известной своими боевыми качествами. Здесь нужно иметь в виду, что в распоряжении османов была многотысячная крымская конница, ввиду чего вставал вопрос о противодействии в том числе и татарским отрядам. Соединение с калмыками давало возможность русско-украинскому командованию обратиться к тем же

¹ Яфарова Мадина Рашидовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., mryaf@bk.ru.

методам ведения войны, к которым могли прибегнуть османы, используя крымцев – благодаря высокой маневренности отрезать и блокировать вражеские войска, однако с той существенной разницей, что крымцы разоряли эти территории, в то время как московское правительство стремилось с помощью калмыков обеспечить безопасность подвластного ему населения. Тем более считалось, что крымские татары боятся калмыков: «татаровя, де, бой их знают и, увидя их, битца с ними не станут, побегут»². Кроме того, по мнению И. Самойловича, калмыцкая конница своими набегами могла нанести значительный урон отступающему противнику [1, № 11, стб. 41-42].

В то же время русская конница по боевым характеристикам уступала турецко-татарской. Об этом можно судить из расспросных речей перебежчиков из османской армии во время осады Чигирина в 1678 г. Так, Васька Андреев, уроженец «Умони города» сообщал, что «будучи в турецких полках, слышал, <...> про конных, де, говорят, конница московская есть добрая, а худой, де, конницы болши и битца, де, им с московскою в моч болшую»³. Другой перебежчик сообщал: «Они, де, говорят про меж собою, что, де, в государских полках в обозех бояр и воевод, что, де, их турак болши московских полков конницею. И московская, де, конница им в великую мочь»⁴.

И. Самойлович еще в 1677 г. считал, что в походе против османской армии обязательно должны быть задействованы калмыки [1, № 11, стб. 41-42]. Однако обеспечить их участие в военных действиях 1677 г. под Чигирином не удалось [1, № 82, стб. 316-318; 4, с. 29]. В этой связи русско-украинским командованием важное место при подготовке к отражению турецкой агрессии в 1678 г. отводилось их вовлечению в боевые действия против османов. В инструкции от 9 декабря 1677 г., посланной с судьей И. Домонтовым для доклада московскому государю, гетман И. Самойлович представил свою точку зрения, касающуюся подготовки к новому походу [1, № 93, стб. 398-405]. Особое внимание в ней было уделено калмыкам, которых «надобно <...> имети себе в помочь». По мнению гетмана, предпринятые меры по организации их выступления должны были включать следующие действия: в походе калмыцкие войска должны будут сопровождать специально назначенные «проводжатые», для того, чтобы «их прямо <...> на потребное место проводили, потому что они, калмыки, ныне без проводжатых ходя, много безчисленного разорения в людех и

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 847. Л. 38.

³ Там же. Д. 1157. Л. 341–342.

⁴ Там же. Л. 346–347.

во имениях починили, также между слободскими украинскими, как между полку полтавского городами». Кроме того, на всем протяжении пути им необходимо было высылать «харчи» из близлежащих городов. При этом калмыки, по мысли И. Самойловича, как и государевы ратные люди, должны были выступить зимой, чтобы «доколе реки не розойдутца <...> к весне подоспели, так как бы мы скоро с боярином и с войсками, при нас будучими, к Днепру во время надобья прибудем, и они стали там без замедления» [1, № 93, стб. 402-403].

Изначально по выработанному Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем плану боевых действий русско-украинская армия должна была прийти к Днепру «пред приходом неприятелским» [1, № 92, стб. 387-394]. Тех ратных людей, которые будут посланы «в прибавку» к армии Г.Г. Ромодановского, следовало отправить заранее «нынешним зимним путем», чтобы «за зимнее пред всяким положением дороги в сих порубежных украинских местех в готовности стали» [1, № 92, стб. 388]. Впоследствии в этот план был внесен ряд изменений. Главное из них заключалось в раздельном призыве на службу пеших и конных полков. Так, «пехотным салдацким полком и стрелецким приказом, прежним и нынешним, прибылым, со всякими воинскими запасы итти в Куреск же по нынешнему последнему зимнему пути». В то время как «столником и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и городовым дворяном, и детем боярским, и низовым ратем, и рейтаром, и драгуном стать на указных местех на Троицын день [т.е. в июне – М.Я.] нынешнего 186 году, для того, что таким великим конным ратем по зимнему пути стоять будет негде, и конских кормов добыт будет невозможно. И от того прежде времени, и не видеся с неприятелем, изнужатца» [1, № 93, стб. 397]. Калмыцким отрядам также было «зимним путем поспешити <...> невозможно». В дальнейшем такое решение, отчасти оправданное сложностями с продовольствием, все же вносило значительные затруднения при сборе ратных людей и сковывало впоследствии действия Г.Г. Ромодановского, в частности, из-за вынужденного ожидания калмыков во главе с К.М. Черкасским.

Решение о привлечении калмыков на службу было принято уже в начале 1678 г.: «Великий государь, его царское величество, указал калмыцким войскам в том промыслу быть. И для того его государское повеление к калмыцким тайшам послано с нарочным посланным». Организация и командование калмыками и другими подвластными Московскому государству народами было возложено на К.М. Черкасского, кабардинского князя на русской службе. Еще в 1661 г. ему была выдана жалованная грамота «за службы деда его Сунчелея и отца его

князя Мацула» и «велено было быть князем над окочанами и черкесами в Терском городке, ведать и судить их в ратном строении и во всех делах ходить на царскую службу во все походы» [Цит. по 6, с. 32; 3, с. 42-43].

К городovým воеводам и приказным людям тех городов, через которые предстояло пройти черкесским и калмыцким отрядам, были посланы царские грамоты. Сохранилась царская грамота от 1-го июня чугуевскому воеводе И. Рыхторову, по которой ему следовало: «как калмыцкие тайши с колмыки <...> в малороссийские города <...> мимо чюгуйских крепостей пройдут Чюгуевом, всяких чинов градским и уездным людям, которые от приходу воинских людей стоят на крепостях на сторожах от тех колмыцких людей велеть быт во всякой осторожности, а съсоры никакие и задору с ними чинить не велено и мимо чюгуевских крепостей степью по нагайской и по крымской стороне пропускать их везде без задержанья». В случае, если «буде ис тех колмыков придут к крепостям из ногайские и ис крымские стороны, и в крепости учнут прокрадыватца и <...> всяких чинов людей учнут чинит какое разоренья или станут в Чюгуевском уезде воеват и людей побиват», то воеводе следовало «над теми колмыки промысл и поиск всякий чинит, чтоб их от того воровства унять и до болшого дурна не допустит, и Чюгуевского уезду <...> всяких чинов людей от них убереж, и до болшого дурна не допустит, и в розоренья им не дати»⁵. Известна аналогичная грамота, посланная в Новый Оскол⁶.

Об исполнении царского указа К.М. Черкасским становится известно из его отписок царю. 9 июня Черкасский сообщал в Москву, что «с Терка приехал в Астрахань апреля в 10 день, а с ним черкасские, да нагайские, да окоцкие мурзы с уздени своими. И в Астрахани пересмотря ратных людей, которым у него в полку быть велено, поехал из Астрахани в калмыцкие улусы к Аюкаю и к Солом Сереню и к иным тайшам»⁷. 17 июля он писал царю, что «мая в 14 день, договоряс они в калмыцкых улусех с Аюкаем тайшею <...> о службе, послал он, Аюкай, на службу великого государя с ними брата своего Замсу меншого, да Солом Серена тайши сына Монго Темира, да Батыра тайше, а с ними владетельных и начальных людей сорок дву человек, да калмыцких ратных людей тысячу осмидесят осми человек. А с Царицына, пошед на службу великого государя с ратными людми, <...> и Дон реку перелезли промеж Голубинского <...> июня в 25 день». К

⁵ Там же. Л. 75–76.

⁶ Там же. Д. 866. Л. 116–117.

⁷ Там же. Л. 107.

Волуйкам войска подошли 6 июля, а «с Волуек пошли на Царев Борисов июля в 10-м числе»⁸. 13 июля они были уже под Чугуевым⁹. 18 июля К.М. Черкасский с войсками «прошли через Чюгуев посадом к Харкову»¹⁰. Как видно, большую часть времени К.М. Черкасский провел в Царицыне в ожидании прихода калмыцких отрядов.

29 июля К.М. Черкасский с войсками переправился через Днепр и пришел в обоз к Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу, а 31 июля, как писал в своей отписке воевода, «случас мы, холопи твои, за Днепром со князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и с калмыцкими тайшами и вашего Царского Величества подданного войска Запорожского гетмана Ивана Самойловича со всеми твоими Великого Государя ратными и конными и пешими людми и с обозы пошли для промысла над неприятелскими людми к Чигирину»¹¹.

Конечно, передвижение больших масс степной конницы вдоль границы Московского государства могло породить конфликтные ситуации. Так, годом ранее несколько сотен калмыков шли к Днепру на соединение с войсками Г.Г. Ромодановского, однако, как известно из «Дневника» П. Гордона, они «дошли до самого Белгорода, дабы оказать нам поддержку в Чигирине, но, будучи холодно встречены князем Петром Ивановичем Хованским, не имевшим указа касательно оных, на обратном пути, возле Тамбова, угнали несколько тысяч голов скота» [4, с. 29].

Поэтому в 1678 г. русско-украинскому командованию было специально указано «иметь их в любви и в совете, и в кормех и в питье велеть калмыков удовлетворять, как возможно» [1, № 139, стб. 609]. Воеводам пограничных городов было предписано обеспечивать войска К.М. Черкасского продовольствием. В отписке И. Рыхторова царю в конце июля говорилось, что после того, как войска К.М. Черкасского подошли к Чугуеву и встали в трех верстах от города, с жителей города «на корм колмыцким тайшам и их колмыцким же ратным людем» были взяты «хлебных запасов круп и пшена сто четей, да печеного хлеба двести тритцат семь коврег, да сто яловиц, да двести боранов, да шестьдесят подвод. Да для подчиненья колмыцких тайшей и колмыков в Чюгуеве ж с твоего государева кружечинога двора из погреба взято у выборного головы у Микиты Остафьева с цело-

⁸ Там же. Л. 421.

⁹ Там же. Д. 1157. Л. 61.

¹⁰ Там же. Л. 77.

¹¹ Там же. Л. 78.

валники пятьдесят ведер вина простого»¹². Гетману И. Самойловичу также следовало приказать «в малороссийских городех жителем тех калмык в кормех и в питье удоволствовать, как возможно» [1, № 93, стб. 403].

Несмотря на то, что численность калмыков составляла чуть больше 1000 человек (вместе с черкесами К.М. Черкасского его отряды насчитывали «по смете <...> три тысячи сцомьсот человек»¹³), гетман И. Самойлович считал ее вполне достаточной для совершения успешных боевых действий против османской армии: «и то б их было <...> хотя бы с две тысячи человек, впрям бы <...> много ими исправилось неприятелем страху, которой, дабы <...> на них во время прилучея воинскаго, послати благоволил» [1, № 116, стб. 500].

Участие калмыцких отрядов в боевых действиях под Чигирином подробно разобрано в работах Т.И. Беликова [3, с. 44-45] и А.Н. Басхаева [2]. Стоит отметить, что калмыки принимали активное участие в боях 1-3 августа за Чигиринские высоты. Их легкую маневренную конницу использовали не только для штурма Стрельниковой горы, но и для преследования отступающего неприятеля [5, с. 576]. Своеобразный итог выступления калмыков во главе с К.М. Черкасским подводит в своей отписке царю гетман И. Самойлович. По его словам, князь «с мурзами и с людьми своими, с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей бусурман, турков и татар, стояли с нами мужественно, как им воинская храбрость повелевая, и за то достойно суть похвали» [1, № 154, стб. 678].

В ночь с 11 на 12 августа русско-украинская армия отступила от Чигирина к Днепру и вечером 13 августа, укрепясь, заняла прежние позиции на правом берегу Днепра. Для того, чтобы прикрыть тыл от возможного удара крымской конницы, на переяславскую сторону, по приказу Г.Г. Ромодановского, во главе с К.М. Черкасским переправились калмыцкие и черкесские войска¹⁴. Из расспросных речей от 28 августа стряпчего С. Любавского, отпущенного из полков князя К.М. Черкасского следует, что после того, как его войска укрепились на левом берегу Днепра, а русско-украинские войска вели боя с османами, «иные калмыки пошли к себе в улусы»¹⁵. Отголосок недовольства такими действиями можно обнаружить в письме И. Самойловича, который по окончанию кампании 1678 г. писал в Москву, что «калмы-

¹² Там же. Л. 77.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 154.

¹⁵ Там же. Л. 196.

ки, как увидели неприятелское на нас насилие, тотчас ни мало не одерживаясь при нас, пошли, многие беды наделав здешним людям, в свою сторону» [1, № 156, стб. 689].

Подведем итоги. Османское вторжение на Правобережную Украину поставило под вопрос русское присутствие на этих землях. Вовлекая в конфликт с Московским государством Крымское ханство, османы поставили русско-украинское командование перед необходимостью привлечь союзные войска из Калмыцкого ханства. Необходимо особо подчеркнуть значительные усилия, предпринятые для обеспечения их длительного похода всем необходимым, с тем, чтобы устранить почву для конфликтов между приглашенными союзниками и местным населением.

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 13. 1677-1678. СПб., 1884.
2. *Басхаев А.Н.* Участие калмыков в русско-турецких войнах второй половины XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 1.
3. *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960.
4. *Гордон П.* Дневник 1677-1678. М., 2005.
5. *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. XV. СПб., 1881.
6. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI-XVIII вв. Нальчик, 1948.
7. *Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск, 1912.
8. *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста, 1991.

УДК 94(470)«16/18»

А. Юссон¹

Участие войска Донского в блокаде Азова в 1736 г.

Русско-турецкая война (1735–1739 гг.); Донское войско; И.И. Фролов; Азовская крепость; организация блокады.

В статье показаны военные операции первой половины 1736 г., в которых участвовали донские казаки Азовской экспедиции.

В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. одной из важнейших операций русских войск 1736 г. стало взятие в 1736 г. Азова, од-

¹ Юссон Александр, Университет Париж 1 – Пантеон-Сорбонна (Франция, Париж), асп., milovskie_chtenia@mail.ru.

ного из крупнейших опорных пунктов Блистательной Порты в Северном Причерноморье. Взятие Азовской крепости должно было, согласно плану президента Военной коллегии и главнокомандующего генерала-фельдмаршала Б.Х. Миниха, создать условия для осады Очакова в следующем году [2, с. 247].

Как составную часть осады и штурма Азова российское командование рассматривало военные операции для обеспечения контроля над дельтой Дона и степями на юго-западе и лишения Азова связей с Османским государством. В таком стратегическом сценарии значительная роль отводилась казакам войска Донского, которые не раз показывали превосходство нерегулярных войск в подвижности, знании особенностей территории и, вообще, в условиях мобильной войны в степях.

Участие донских казаков в азовской экспедиции 1736 г. заслуживает особого внимания в географическом, социальном и военном аспектах. Мы предлагаем рассмотреть роль казаков в осаде Азовской крепости через маршруты, которые донским казачьим командам определяли фельдмаршал Б.-Х. фон Миних и генерал-аншеф В.Я. Левашов, возглавивший после отъезда фон Миниха к Днепровской экспедиции лагерь под Азовом.

В первую очередь в статье использованы так называемые отписки наказного войскового атамана И.И. Фролова, руководившего донскими казаками при азовском лагере, в Военную коллегию за период с марта до начала мая 1736 г.² Эти источники дают максимальное количество информации об участии казаков в военных операциях, проведенных в районе крепости Азов. В отличие от других официальных документов (указов Сената, распоряжений и отчетов Военной Коллегии или донесений штаб-офицеров), которые также освещали эти события, здесь перед нами свидетельства непосредственного участника военных действий. Фролов, рапортуя после каждого исполнения казаками поставленной перед ними конкретной задачи, сопоставлял распоряжения фон Миниха или Левашова с реальными возможностями Войска Донского ее выполнить и затем сообщал о ее выполнении. Хотя отписки наказного войскового атамана являются разновидностью государственного делопроизводства, они написаны разговорным народным языком, что сближает их с личными записками современника о событиях 1736 г. Такая информационная насыщенность ис-

² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61. Ч. I. 1736 г. Л. 26–29 (отписка от 31 марта 1736 г.); Л. 60–62 об. (отписка от 28 апреля 1736 г.); Л. 72–73 об. (отписка от 8 мая 1736 г.).

точников и их стилистика делает отписки незаменимым материалом для изучения участия донских казаков в организации блокады Азова в 1736 г.

Прежде чем организовать полную блокаду Азовской крепости, фон Миних планировал значительно ослабить ее оборону, ликвидировав турецкие форпосты в пределах донской дельты. В рамках получения контроля над ней первоочередной задачей было закрытие рек-притоков Дона на севере.

Поэтому неслучайно 11 марта 1736 г. фон Миних отправил под руководством Фролова отряд пеших донских казаков на лодках для атаки и взятия турецких каланчей (дозорных башен). В военные задачи отряда входило, во-первых, взять две турецкие башни между устьем Дона и рекой Каланчой; во-вторых, захватить укрепленный пункт Лютик, расположенный на левом берегу Мертвого Донца. В XVII в. этот укрепленный пункт турки построили, чтобы преградить казакам выход в Азовское море.

По замыслу фон Миниха, казаки должны были решить поставленные задачи, взаимодействуя с артиллерийским регулярным корпусом под командованием генерала-майора фон Сперейтера³. Для проведения совместной операции Фролов собрал в Черкасске и близлежащих городках и станицах 1369 «доброоруженных» донских казаков и старшин, которым предстояло отправиться выполнять задание «в судах». Отряд под командованием фон Сперейтера состоял из 600 человек гренадеров, минерных и артиллерийских служилых и рядовых солдат.

Первое столкновение с турками и татарами объединенные российские силы имели 20 марта между устьем Дона и его притоком Каланчой. Отряд казаков с помощью артиллерии осадил и взял первую башню азовской укрепленной системы, находившуюся на левой «кубанской» стороне Дона. Татарские и янычарские разъезды были уничтожены или взяты в плен.

Вторая турецкая башня, стоявшая на северной стороне реки Дон, капитулировала. Условия ее капитуляции диктовал фон Сперейтер, несмотря на то, что приступы к этим двум башням провели казаки. Он принял решение отпустить турецкий гарнизон из 21 человека к главной крепости – Азову – на следующих условиях: неприятель должен оставить на месте пушки, личное оружие, порох и другое вооружение.

³ Там же. Д. 61. Ч. I. 1736 г. Л. 26–29.

Выполняя задание фон Миниха вместе с военнослужащими регулярных войск, казаки, как показывают отписки в Военную коллегию, в то же время действовали инициативно и самостоятельно с учетом складывавшейся обстановки. Такую самостоятельность донские казаки проявили уже после совместной с артиллеристами фон Сперейтера успешной атаки каланчей. Казаки, отправляясь далее через Дон к Азовскому морю, разгромили янычарскую команду из 30 человек, плывшую в двух лодках. Позже, 23 марта 1736 г., через море они продвинулись к Мертвому Донцу⁴. Там, при крепости Лютике, казаки вновь объединились с отрядом фон Сперейтера, который подошел к этому месту с другой стороны Мертвого Донца. Татары и турки, которые оказались в тисках⁵, попытались убежать в Азов без боя, но их всех (45 человек) взяли в плен.

Все эти операции в течение марта 1736 г. отражали стремление командования русской армии «очистить», используя в том числе и силы донских казаков, северную часть донской дельты от татарских и турецких гарнизонов и организовать «постепенную изоляцию» Азовской крепости.

Здесь русским противостояли немногочисленные гарнизоны, которые почти всегда предпочитали уклониться от боя и уйти в Азов. Уничтожая в дельте Дона форпосты, крепости и башни, которые обеспечивали постоянное наблюдение за передвижениями российской армии, казаки давали возможность командованию сосредоточиться на организации осады самой Азовской крепости. После того, как вся северная часть дельты Дона попала под контроль российской армии, оборона азовской крепости была существенно ослаблена и турки лишились возможности вести разведку и совершать маневры, используя для этого через притоки Дона.

В изучении вопроса об участии донских казаков в осаде Азовской крепости важной является проблема организации набора команды к азовской экспедиции.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что комплектование для азовского лагеря 4000 донских казаков напрямую связано с формированием еще двух команд той же численности, которые, согласно пла-

⁴ Самый северный приток Дона в его дельте.

⁵ Мы обращаем внимание на то, что крепость Лютик располагалась в малодоступном месте и в «мокрой» зоне (дельта Дона), в которой было особенно сложно продвигаться на конях. Поэтому беглые янычары попытались отправиться в Азов по реке, но на Мертвом Донце попали в руки казаков.

ну фон Миниха⁶, в 1736 г. одновременно должны были отправиться в крымский поход и на Кубань⁷. Требовалось нарядить, таким образом, 12 000 казаков. Вместе с тем в 1735 г. на территории войска Донского насчитывалось 15 724 служилых [3, с. 71], поэтому набор казаков в 1736 г. был, с точки зрения Фролова, весьма тяжелым. Отсюда возникло много проблем, связанных с невозможностью отправить три полностью укомплектованные казачьи команды одновременно⁸. Вообще можно предположить, что в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. была осуществлена первая попытка массового набора донских нерегулярных отрядов⁹.

Во время войны обнаружилось много недостатков в области организации и логистики. К примеру, 1 июня 1736 г. в проекте грамоты из Кабинета к наказному войсковому атаману Фролову отмечалось, что к осаде Азова не прислано требуемое армейским командованием количество донских казаков, а многие из тех казаков, кто участвовал в блокаде, не имели лошадей¹⁰.

При азовской блокаде донская команда выполняла и другие военные задачи. Так, по замыслу фон Миниха, Фролов должен был сформировать тысячную команду из тех 4000 казаков, которые якобы уже присутствуют в лагере около Азова, и отправиться на лодках мимо башен Азовской крепости в устье Дона, на взморье. Исполнение этого пункта стратегического плана российского командования привело бы к тому, что гарнизон Азовской крепости лишился бы последней возможности связаться со своими союзниками, не смог бы уйти из крепости морем и получить помощь из Турции или Крыма. В

⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61. Ч. I. 1736 г. Л. 27 об.–28.

⁷ В 1736 г. действительно были сформированы три команды донских казаков. Первая 4000-я команда под руководством походного атамана И. Краснощекова была отправлена к Кубанской экспедиции, вторая 4000-я команда под руководством походного атамана И.В. Фролова отправилась в Крымскую экспедицию. К азовской блокаде была отправлена третья команда под руководством И.И. Фролова.

⁸ В качестве наказного войскового атамана Фролов послал во все станицы Войска Донского нарочных с императорскими грамотами с целью набрать казаков для каждой из трех команд. Казаки должны были прибыть в Черкасск и оттуда выступить в походы. Если для Кубанской и Крымской экспедиций требуемое число казаков было собрано достаточно быстро, то команда, предназначенная для азовской блокады, формировалась в несколько этапов из казаков, оставшихся дома.

⁹ Такую новую форму военной службы и интеграции с российской армией в качестве иррегулярных войск придумал Петр I, сразу после булавинского бунта в 1709 г.

¹⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61. Ч. I. 1736 г. Л. 76.

дальнейшем, однако, в задуманную главнокомандующим операцию были внесены Левашовым изменения, и Фролов отправился туда с конными казаками.

Из-за трудностей с полным укомплектованием «доброконными» казаками трех экспедиций Азовская экспедиция оказалась с наименьшим числом конных казаков. На начало апреля 1736 г. в лагере под Азовом находилось только 177 казаков с лошадьми. Для исправления ситуации Фролов сразу же отправил в Черкасск нарочных с грамотами, чтобы в лагерь были отправлены остальные «доброконные» и годные к службе казаки. В результате удалось собрать конную команду из 400 казаков для разъездов, обеспечения коммуникации между шанцами азовского лагеря и особенно для поиска языков¹¹. Фролов смог быстро создать эту конную команду, взяв для нее даже вьючных лошадей, для которых седла были позаимствованы у регулярных войск из-за недостатка амуниции¹². Что касается казаков, имевших двух и больше лошадей, то они были вынуждены поделиться ими с пешими казаками.

Предпринятые Фроловым меры прекрасно демонстрируют трудности в формировании команд конных казаков. В связи с этим представление о том, что донские казаки уже в первой половине XVIII в. были в первую очередь конным войском и имели во время походов как минимум двух лошадей, должно быть скорректировано [1, с. 76].

Со вновь организованной конной командой Фролов провел специальную операцию по захвату языков, порученную ему Левашовым, нуждавшимся в сведениях о положении дел внутри Азовской крепости, чтобы изучить все возможные способы сократить срок ее осады и планировать атаку крепости. С вечера 24 апреля, расположившись во рвах¹³, казаки наблюдали за движением врагов на открытой площадке около крепости. Но еще до этого дня казаки изучили ежедневные привычки вражеских разъездов и знали конкретно, где и когда вне стен крепости татарская и турецкая конницы пасли скот и лошадей. Оставаясь незамеченными, рано утром 25 апреля казаки обрушились на врага, вышедшего из крепости, прогнали большинство османских кон-

¹¹ Одной из военных целей казаков во время подготовки и осады крепости Азова являлось взятие в плен турок и татар для допросов. Казаки при Азове сыграли важную роль в получении сведений о врагах в дельте Дона.

¹² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. 1736 г. Л. 61–61 об.

¹³ Судя по изученным источникам, место находилось между выездом из Азовской крепости и русскими шанцами.

ных служилых, убили многих и взяли в плен 5 человек¹⁴, которые были отданы генералу Левашову для допросов.

После этой операции Левашов направил Фролова с конной командой в 500 казаков и со старшинами¹⁵ во второй лагерь на взморье¹⁶. Во время продвижения мимо башен Азовской крепости казаки оказались под интенсивным обстрелом врага. Они потеряли одного человека¹⁷, а сами ранили и убили несколько янычар азовского гарнизона. А на обратном пути к «главному» лагерю под Азовом 29 апреля казаки вступили в серьезную баталию с тысячной командой конных янычар и татар, вышедших из крепости. Хотя в этом сражении казаки героически защищались и много врагов убили или взяли в плен, 20 казаков погибли и были ранены. Сам Фролов получил ранение в левую ногу и был отправлен в Черкасск для выздоровления. Оттуда через некоторое время он вернулся с дополнительной командой донских казаков в лагерь для участия в азовской осаде, продолжавшейся с 8 мая до 18 июня и завершившейся победным штурмом крепости в ночь с 18 на 19 июня 1736 г.

Итак, исследование участия донских казаков в блокаде азовской крепости в 1736 г. показало их значительную и во многом самостоятельную роль. Отписки Донского войска в Военную коллегию дают представление о взаимоотношениях казаков и регулярных войск¹⁸, показывают разнообразные формы казачьей службы (конные, морские и речные, пешие команды), демонстрируют возможности казаков быстро и успешно решать поставленные задачи и самостоятельно, и совместно с командами регулярной армии.

В то же время отписки свидетельствуют у казачьей старшины о трудностях, которые возникали из-за отсутствия опыта единовременно наборе больших по численности нерегулярных команд. Однако, несмотря на эти трудности, донские казаки внесли значительный вклад в организацию блокады Азовской крепости.

1. *Баиов А.К.* Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны. Война

¹⁴ Фактически 4 человека, поскольку один погиб из-за ран.

¹⁵ Изначально фон Миних предполагал отправить туда тысячу команду донских казаков.

¹⁶ При азовской блокаде официально было два лагеря: первый под Азовом, а второй в устье реки Дона. Обои лагерями руководил Левашов.

¹⁷ Особенно неудобно было стрелять пушками из башни по реке Дон, поэтому у казачьих отрядов были, как правило, минимальные потери.

¹⁸ Зависимость от армейского командования ярко обозначилась именно в ходе этой войны.

- России с Турцией в 1736–1739. Т. 1. СПб, 1906.
2. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в конце XVII–XVIII веке. М., 1968.
 3. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

ABSTRACTS

Olga N. Adamenko, Nikita V. Bashnin. Rural parishes in the patrimony of Spaso-Kamenny Monastery in XVII – beginning of XVIII century.

History of the Russian Orthodox Church; Russian North; Vologda province; parishes; Spaso-Kamenny Monastery; source study.

In this article we investigate the parishes in the lands of Spaso-Kamenny Monastery. This research is based on the accountant books (okladnye knigi) of Vologda bishop's house. These sources show the evolution of ecclesial tribute and the relationships in the triad "community–district–parish".

Olga G. Ageeva. Paul I and the reform of the imperial court state.

Russian imperial court; state 1796.

The article deals with the policy of Paul I concerning the imperial court state in 1796-1797. The investigation of the assignments of the court officials and the court state 1796 demonstrated the advancement further the devoted persons and the reduction of the court expenses.

Mishail O. Akishin. Russian diplomacy and the accession of Eastern Siberia and the Far East.

Russia; Siberia; Far East; diplomacy

The article examines the role of diplomatic means in the accession of Eastern Siberia and the Far East. The study discusses the specificity of the system authorities of foreign relations of Russia on its Eastern borders, international legal mechanisms that lead to the citizenship of the local peoples, the role of international recognition in the determination of their legal status.

Aytugan I. Akmanov. Litigations and their solutions during the General Land Survey in the Verhneuralskiy uezd of Orenburg province at the turn of XVIII – XIX centuries.

General Land survey; Verhouralskiy uezd; contentious cases.

This article analyzes the litigations during the General land survey of Verhouralskiy uezd of Orenburg province. Archival materials reveal the strategies of the surveyors in case of conflicts involving different groups of the population.

Irek G. Akmanov. Projects of imperial administration of Ural-Volga region and the Chief Secretary of the Senate on the south-eastern policy of Russia, the Bashkirs and Bashkortostan.

Bashkortostan; Ufa; the mayor; plant; province; Orenburg expedition; Khiva; Junior Juz.

This article analyzes the projects of government officials on the political situation in the southern Urals, on the activities of the government in the south-eastern outskirts to strengthen political and trade relations with the Kazakh zhuzes and Central Asian khanates, the establishment of trade with India, to strengthen the position of authority in the province.

Artyom A. Andreev. The vassalage of Khiva in the early XVIII century.

Khiva khanate; embassies; Kazansky Dvoretz prikaz; Posolsky prikaz.

The paper is devoted to almost unknown episode of Khiva`s vassalage in the late XVII – early XVIII century. Based on published and unpublished archival data, it poses the thesis that initiative of vassalage was not from the Khiva khanate side but from the Russian side.

Dmitry Y. Arapov. Creating Touride Muftiat in the Russian Empire.

Islam; Crimea; Mufitat; Catherine II; Nicolas I.

The work tells the story of the creation of the Touride Muftiat in the Russian Empire, the role of Empress Catherine II and her grandson – Emperor Nicholas I in this process.

Lyudmila M. Artamonova. The engineer and the geographer T.G. Maslensky - the organizer of schools in the 1780th - the 1790th years.

Russia at the end of the 18th century; education; history of Volga region; the provincial culture; intellectual history; source studies.

The outstanding engineer and the geographer T.G. Maslensky took active part in realization of the main reforms of the second half of Catherine the Great`s reign in the territory of the Simbirsk province: reform of local management and school reform.

Nikita V. Bashnin, Artem E. Zhukov. Account-book of the Vologda bishop's house 1612/13.

Time of Troubles; history of the Russian Orthodox Church; Russian North; Vologda province; Archbishop of Vologda and Perm` Sil`vestr; source study.

In the article the account-book of the Archbishop of Vologda and Perm` Sylvester is investigated. This source emerged soon after the devastation of Vologda by the Polish-Lithuanian troops at 22–25 September 1612. On the expenditure part the costs of construction after a fire in the church of St. Sofia and at the Bishops court are recorded.

Aleksei V. Belov. Moscow by the eyes of the most august tourist: visit of the Austrian emperor Joseph II to the city in 1780 and status signs of the “first-throned” Russian capital.

Russian prereform city; functions of the city; status signs of the city; capital.

Visit of Joseph II to Moscow is discussed using the materials of supervision over the eminent guest which allow to reconstruct the image of the city, and also to allocate signs and lines of Moscow which attracted his attention as the signs of its capital or special status.

Andrey V. Belyakov. Population structure and economic patterns in Temnikov and Kadom districts in XVI – early XVII centuries.

Moscow in XVI-XVII centuries; service-class Tatars; Mordva; East Meshchera.

By the early XVII century certain territories of East Meshchera (Temnikov and Kadom districts) had been the part of the Moscow for up to several centuries. Still the particular qualities of population structure and economic activities were preserved, which can be reconstructed due to the good condition of Temnikov prikaz records.

Elena D. Bespalenok. The relations of merchant elite with merchants of the city of Vyazma in the XVIII century

Merchants; merchant elite; burgomasters; conflicts.

Representatives of merchant elite often served as burgomasters of magistrates in the XVIII century. Their relation to merchants of the city was most brightly shown in the conflicts. One burgomasters definitely took the part of merchants, and others were initiators of the conflicts, protecting the personal interests.

Denis S. Bobrov. Strategical state frontier of Russian Empire in the southern Siberia in the first half of XVIIIth century.

State frontier; Russian Empire; Dzungaria; upper reaches of the Ob-Irtysh region.

The article describes frontier formation's specifics of the Russian Empire in the upper reaches of the Ob-Irtysh region during the maximal activization of administrative processes. Appearance of the Empire political system's doctrine called "strategical state frontier" is substantiated, as well as the relevant political and geographical model. Consequence of this program's realization is "artificiality" of state frontier's formation, variation of relevant line according to concrete uptakes problem.

Volodymyr P. Bogdanov. Genealogy and social history of Russia in the records on the instances of the letter of the Cyrillic printing books.

Genealogy; social history; the old publication.

Records on the books are important source on the social history of Russia. They present information about the individual personality, the family, the social group. In the comprised by the author database, there are 9616 personal names, in XVI-XXI of the substances referred to the copies of old publications in Cyrillic alphabet.

Anastasya A. Bogomazova. Maritime infrastructure of the Solovetsky monastery in XVII - early XVIII centuries.

The Solovetsky monastery; the monastic economy; the service of karbass.

On the basis of inventories and account-book of the Solovetsky monastery and its places of salt production article discusses issues related to the functioning of the ships belonging to the monastery.

Jaroslav V. Boiko. Settlement of Tavrija by the eastern slavs (the end of 18th – 30 years of 20th century).

Migrants; emigration; placing; settling; eastern slavs.

The article deals with the land settlement process of Tavrija by the eastern slavs in the end of 18th –30 years of 20th century. Determined the places of leaving, the migrants quantity, elucidated their settlement in the Crimea and North Tavrija.

Natalia Y. Bolotina, Arkadiy I. Komissarenko, Antonina Y. Kononova. The economy of Karelian royal peasants at the beginning of XVIII century (according to "export and residential" cadastre book by steward I.I. Sumarokov 1702).

Russia; the cadastre by I.I. Sumarokov as the historical source; Karelian royal peasants; peasantry economy; connection with the market; the beginning of the XVIII century.

The "export and residential" cadastre by steward I.I. Sumarokov 1702 includes the information about Karelian royal peasants of Bezhetskiy and Uglich counties of

Russia (now Tver region): their economy, specialization, connections with the market .

Nikolai S. Borisov. The Biographical Genre in Russian Historiography.

Historical biography; T. Carlyle; P. Lavrov; "The Life of Outstanding People"; "The Narodniks"; historical mythology.

The article is devoted to the formation of biography genre in Russian historical science. This genre has a long perspective as a direction of practical research, as well as the instrument for moral and patriotic treatment of society. However, for the activity in this genre a scholar must have some special knowledge and talents, which are not included in traditional programs of professional training in history.

Dmitry A. Bykov, Sergey Y. Popov. 1671 year Alatyr uezd census book data on environmental performance and economic efficiency of beekeeping in Russian Tsar's forest in Mordvinia (Middle Volga river).

Wild-hive honey collecting; Mordvinian peasantry; ecological agriculture.

Some areas of old agricultural development (from Moscow to Smolensk, Pskov, Veliky Novgorod) were economically undermined by Livonian war (1558-1583), Oprichnina (1565-1572), Time of Troubles (1598-1613), Smolensk war (1632-1634) and so on. Thus, the economic importance of European Russia South-East region (Middle Volga) has increased. Mordvinian peasantry of Alatyr was taxed of wild-hive honey for the benefit of the Russian Tsar. This honey served as currency in the domestic and foreign markets. Mordvinian villages payed from 5 to 20 pounds (1 pound = 16 kg) of honey. At the same time, wild bees populations provided high biological productivity of wild and cultivated plants. So, the need of currency and food plants productivity without the cost of labor, time and capital required mutual cooperation of nature and man.

Pavel V. Chechenkov. On the experience of studying lists of the gentry of the Nizhny Novgorod 1630.

Muscovy; the gentry; gentry corporations; estates; Nizhny Novgorod.

The work is devoted to studying archival lists Nizhny Novgorod gentry 1630, 1631 years.

Marina S. Cherkasova. The new evidence on the local management on the Vaga uezd in the first half of the XVIth century.

Russian North; the XVIth century; the system of kormlenii; secular and church namestniki; "gubnaya" reform and "zemsкая" reform.

The record on the Oktoikh of the beginning of the XVIth century about the namestnichy court on the Vaga in 1540 is considered; the hypotheses of possible belonging of the mentioned person connected with the Metropolitan or the Princely management personnel is discussed.

Liudmila A. Chernaya. Russian prefaces and afterwords of the 17-th Century as a historical source.

Prefaces; afterwords; source; information field.

In the Transition Period from Middle Ages to Modernity the role of printed and handwritten prefaces as a historical source has dramatically increased. They began to be used as open information field enlightening the most important processes and events of the epoch.

Dmitry A. Chernenko. Correlation analysis of inventory data of the first third of the XVII century (Suzdal district).

Historical geography; agrarian history; computer techniques in historical research; the history of the nobility.

The work is devoted to the possibility of applying the methods of correlation analysis of Russian inventory of the first half of the XVII century.

Valentin D. Chernyy. The source study of artworks as a separate direction in the science: on the problem definition.

The source study of Art; art image; memorial; architecture; fine art.

The specifics of the source study of artworks as a historical source is discussed. Regarding the specifics of coding such studies must become a special branch in the source studies – the source studies of Art.

Sergey V. Chernikov. Practice of promotions and resignations of Russian generals between 1725 and 1741.

General officers; ruling elite; army; service.

Based on a wide range of archival and published sources, the article dwells upon practice of promotions and resignations of Russian generals between 1725 and 1741.

Alexander N. Chubinskii. The date of manufacture of barrels, locks and stocks of “harquebuses from the Trinity monastery of St. Sergius” in the Moscow armoury.

Moscow Armoury; Trinity monastery of St. Sergius; gunsmithing; harquebuses; snaphaunces; gun marks.

The harquebuses from the Trinity Lavra of St. Sergius were legendary considered as weaponry of the monastery defenders during the siege in 1608–1610. Our investigation shows the harquebuses were assembled (?) in the museum in XIX-XX cc., as afunctional guns without historical authenticity. The main parts of guns had traces of numerous alterations. The oldest barrels are of the first half of XVI c. The marks on barrels may confirm the presence of arms manufacture in the monastery in the last quarter of XVI c. The producing of locks and stocks belongs to the last quarter of XVI c. too and these locks present the earliest examples of Russian snaphaunce.

Andrey V. Deduk. On the question of the border between Vladimir and Ryazan districts of the XVII - XVIII centuries.

Vladimirsky` district; Ryazansky` districts; boundaries.

This paper reviews the history of the border between Vladimirsky` and Ryazansky` districts. Its borders' reconstruction was effected as based on the landmark document of the XVII - XVIII centuries.

Eduard L. Dubman. Military people of defense lines of Ponizova cities area before Razinschina time.

Military people; boyarskie deti; streltsy; the Cossacks; military Tatars; Mordvinians and Chuvash; resettlement; landowning; Razinschina.

The article describes the composition and abundance of the main categories of military men in garrisons of defense lines of Ponizova cities area before Razinschina time. The size of their land holdings in the territory of the border counties are determined.

Dmitry Z. Feldman. Economic notes to the plans of General Land Survey as sources on the history of Jewish agricultural colonization of the Northern Black sea region in the early 19th century.

Jewish agricultural colonies; the beginning of the 19th century; Economic notes to the plans of General Land Survey of Kherson province; the Northern Black sea region; public lands.

Economic notes to the plans of General Land Survey of Kherson province provide detailed economic-statistical and geographical description of the first Jewish agricultural colonies on public land in the Russian Empire. The documents are a valuable source on the history of the formation of a new class of the Jewish population in Russia – farmers-colonists.

Marina A. Egea Fernández. Reception of the Russian Embassy (1667-1668) at the Court of Charles II (based on the Spanish sources).

P.I. Potiomkin; Charles II; reception; ceremony; Spanish sources.

First Russian Embassy to Spain (1667-1668) was the first institutional contact between both States and generated surprise and a few problems with the design of their official reception. Here we explain how they resolved that problems, according to the Spanish sources.

Alexander I. Filyushkin. Our or alien? Provision of fighting efficiency of the Russian army during the Livonian War (1558-1583) in the context of military production.

Grand Duchy of Lithuania; Livonia; border; Russia sixteenth century; Ivan the Terrible; military production; military history.

The paper discusses ways to ensure the fighting efficiency of the Russian army in the context of border conflicts and under long campaigns and long-term stay in enemy territory. It is concluded, that there were rapid adaptation Russian military and economic potential of the Grand Duchy of Lithuania on occupied territory and weak adaptation of similar military and economic potential of Livonia. This is due to the proximity of the level of development of the Grand Duchy of Lithuania and Russia in the sixteenth century. and the prevalence of cultural paradigm “Our or alien” in the case of Livonia.

Boris N. Florya. Two Stages in the Evolution of State and Society in the Novgorod Republic.

Novgorod Republic; Novgorod the Great; veche; city-state; Novgorod society.

The article considers two stages of the evolution of the Novgorod state. The comparative study reveals that in XII-XIII centuries Novgorod was a kind of medieval city-state; in XIV-XV centuries the Novgorodian society and state have developed a number of institutes similar to those of the Slavic countries of Central Europe.

Aleksei A. Frolov, Aleksei A. Golubinski, Sergei S. Kutakov. Experience of mapping of geographical drawings of Russian state XVI-XVII centuries.

Cartographic materials of Russian State; Geographic Information System.

The article describes the experience of creating of geographic information system, which integrates “geographic information” contained in the complex of drawings of ancient Russian state.

Vladimir N. Glazjev. Multi-authored petitions as a means of cooperation between the society and authorities in the second part of XVII century (according to the data from Russia's Southern counties)

The South of Russia; multi-authored petitions; vaivode; estate.

Collaborative petitions of the second part of XVII century allowed representatives of the society assert their interests, influencing the officials of local administration.

Dmitry E. Gnevashev. Vologda district in the Time of Troubles: Vasyanovskaya volost in 1615.

The Time of Troubles; social and economic history; landownership; The Vologda region (uezd).

This text, based on the analysis of the earliest surviving descriptions of Vasyanovskaya volost, focuses on the study of some issues of landownership and peasant land tenure during the Time of Troubles in the early XVII c.

Aleksei A. Golubinski. General Land Survey in Dakhovski settlement (Sochi).

General Land Survey; Sochi; XIX century; ground notes; plans.

This article deals with the development of boundary process in Russia from the very beginning in the middle of XVIII-th century till the end of XIX-th century. On the base of Sochi survey materials (late XIX-th century) many peculiarities of late boundary were shown: relations participants of boundary, scramble for territories, execution of documents.

Anton A. Gorsky. Jan' Vyshatich and the Russian Law.

Russian Law; Jan' Vyshatich; "volkhvy"; "viry"; blood feud.

The lecture deals with the rebellion near Beloozero in 1070th, which was suppressed by bojarin Jan' Vyshatich. The author made a conclusion that norms of Russian Law had strongly influenced on these events.

Lyudmila P. Goryushkina. Daily time and its organization according to Domostroi.

Domostroi; daily cycle; time measurement; time markers.

In this paper daily time organization according to Domostroi is considered with special attention to the time markers mentioned.

Anatoly L. Gryaznov. Reflection of the individual and collective interests in the sphere the ancestral landownership of princes Ukhtomskiy.

Landownership; ancestral lands; property; genus.

The information on the ancestral landownership of princess Ukhtomskaya is systematized. The methods of manifestation of their collective rights to ancestral domain are discussed.

Anna N. Guslistova. Merchants of Vologda in the customs books of Sukhona-Dvina waterway in the 1630s.

Townspeople; merchants; genealogy; customs book.

The paper studies the personalities of Vologda merchants mentioned in the customs books of the 1630s.

Alexandre Husson. Role of the Don Cossacks in the siege of Azov in 1736.

Russian-Turkish war (1735–1739); Donskoe voïsko; I.I. Frolov; Azov fortress;

organization of the blocus.

The article describes the military operations of the first half of 1736, when the Don Cossacks took active part in Azov expedition.

Guzel V. Ibneyeva. «The establishment of the rural order in the state-owned rural villages of the Yekaterinoslav vicegerency...», 1787: the aspect of community self-government.

Legislation; state peasants; freeholders; immigrants; empire; the community; self-government.

The article analyses “The establishment of the rural order in the state-owned rural Villages of the Yekaterinoslav vicegerency, subordinated to the Director of Home Economics” (1787), which reflected ideas of unpublished Charter of Catherine II (“Rural Statute”).

Ananiy G. Ivanov, Alexey A. Ivanov. Social Demands of the Tsarevokokshaysk Merchants to the Commerce Commission in 1764.

Tsarevokokshaysk merchants; conditions of life; social demands; Commerce Commission.

Based on materials received by the Commerce Commission, the article deals with conditions of life, trade, crafts, taxes, duties, and various aspects of estate offers made by merchants of Tsarevokokshaysk, one of the oldest cities of the Middle Volga region.

Mikhail V. Kalinin. Construction and repair of the road from Moscow to St. Petersburg in 1726-1733.

Moscow- St Petersburg road; Marshal von Munich; internal policy of Anna Ioannovna; soldiers; workmen.

This article discusses the history of construction and repair of dilapidated bridges on the road from Moscow to St. Petersburg in 1726-1733, considers the of issues of organization of repair works, attracting labor and origin of the labor force, sums up the “big renovation” of the Moscow-St Petersburg road in the early 1730s.

Elena V. Kamarauli. Updating of structure of the Voronezh sluzhily corporation during the fight against Stepan Razin's revolt of 1670-1671.

Noblemen and deti boyarskie; military service corporations; sluzhily gorod; in-kind and monetary payments; Voronezh district; XVII century.

In the article social and personal aspects of procedure of assigning the sluzhilye ludy of the XVII century with the land tenures and monetary payments.

Valery V. Kanishchev, Elena V. Baranova. Spatial representation of dynamics of the Russian South frontier in the middle XVII – middle XIX c.

South of Russia; frontier; the development of the suburbs; historical maps; GIS.

The article dwells upon the attempt to demonstrate spatial representation of dynamics of The South Russian frontier. 5 maps show the degree of implication of the frontier area into the Russian state for 5 time intervals of XVII – XIX cc.

Sergey A. Kharitonov. Formation and development of the system of settlements in the Peremysl uezd in the second quarter of XVIII-XIX centuries.

Przemysl county; The Economic notes to the General Land Survey; types of settlements, the structure of rural settlement.

The article deals with the development and formation of settlements in the territory of Peremysl uezd, Kaluga gubernia in the second quarter of XVIII-XIX centuries.

Sofya I. Khazanova. Apocryphes about prophets Iliah, Isaya, Ieremia in old Russian literature: a survey.

Prophet; apocryphal; book; list.

The article analyzes problems in textual study of apocryphes about prophets of Old Testament. These apocryphes have appeared in Russia in XII-XIII centuries. The majority of these texts are not included in Paleya – the main source of apocryphes but can be found in the other collections.

Dmitry A. Khitrov. Changes in the administrative division of Russia in the 1760s and the preparation of gubernia reform of Catherine II.

Gubernia reform of 1775; administrative division; uezds.

The article discusses the changes in the borders of uezds in 1764, and the link of this undertaking to the gubernia reform of 1775.

Mikhail A. Kiselev. The making of vechnootdannye in the 1730s in the context of the history of estates in Russia: Statement of the Problem.

Russia in XVIII century; history of estates; social stratification.

The article is devoted to estate aspect of making of vechnootdannye in 1736. It demonstrates the special role of the state in the process of creating and maintaining of social boundaries in Early Modern Russia.

Arkadiy I. Komissarenko. Activities of the central and Astrakhan provincial administration on attracting the merchants and settler from abroad (1720s – 1780s).

Russia; administration; Astrahan region; Armenia; Persia; France; Netherlands; states of Germany; migrants; gugenots; mennonits.

In the article is considered the activity of the central and provincial administration of Russia about development the economic of Astrahan – region, in particular the invitation the migrants and industrists from West –and Central of Europe in the 1720s -1780s.

Elena L. Konyavskaya. Chronologic milestones and calculations in the Old Russian chronicles and acts.

Chronological calculations; the Old Russian chronicles; princely agreements; spiritual testament.

The author of the article examines the material, contained in the Old Russian chronicles and acts, where there are chronological calculations and statements about time, the past, present and future.

Elena S. Korchmina, Ilya B. Voskoboynikov. Could downsizing of estates in Russia make them more productive in late 18-s - early 19-s century?

Russian economic history; nobles' incomes; the crisis of serfdom; Ryazan province.

The authors argue that landlord's income per male soul grew as reducing the size of an estate. Moreover the productive capacity of the serfs in economy of two or three estates was higher than in households of one estate. The work is based on a unique archival dataset.

Olga E. Kosheleva. Pedagogical handwritten miscellanea of princes' Tzerkasskie (archeographic view).

Princes' Tzerkasskie; handwritten miscellanea; instructional texts.

Handwritten miscellanea RNB Q.I. 327 is examined from archeographic point of view. That helps to clarify its' attribution and contents.

Natalia V. Kozlova. "His servant, who deals with the cases ...": "Boyar men" in the Moscow nobles' houses at Peter the Great time.

Nobles; "boyar men"; house-serfs; testaments; conjugal ties; business activity; property status; entries of serfdom.

The article characterizes the position of the certain groups of house-servants, their real status, degree of dependence and personal liberty. The treatment of the business activity type, legal and property status, ties and relations of those "boyar men", who were defined in the sources as "*tchelovek*", is based on the entry books (registers) of the Moscow bondage office (*krepostnaya kontora*) within the first quarter of the XVIII cent. The carried out examinations allow seeing the social life during the Peter's reforms epoch in its complementary sides and nuances.

Piotr Kroll. Crown artillery during the wars between Polish-Lithuanian Commonwealth, Cossacks, Sweden and Russia in 1648-1667 years.

Crown artillery; the Polish-Russian war; the "Swedish Deluge".

The purpose of this article is to describe condition and organization of the crown artillery in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the conflicts with its neighbors and with the Cossacks. It is complicated period when crown artillery, which was reformed in 1633-1648 years by the king Vladislav IV, passed its first and main test on the battlefield. The paper also presents the evolution of the crown artillery under the rule of the king Vladislav IV.

Tatjana A. Kruglova. G.N. Teplov and administrative reform 1764 on the Left-Bank Ukraine (historiography).

Left-Bank Ukraine (Little Russia); G.N. Teplov; administrative reform 1764; reasons for the abolition of the Hetmanate; "History of the Rus or Little Russia"; S.M. Solov'ev; N.P. Vasilenko.

The article presents the evolution of the views of historians on the G.N. Teplov's role in the administrative reform 1764 in Left-Bank Ukraine.

Alexey O. Krylov. "On what shall one learn if somebody is a wolf or a good man?" To whom has been adressed and for whom has been written "Rozysk Raskolnichei brynskoj very" by st. Dimitry of Rostov.

Dimitry of Rostov; Rozysk; old believers.

Author shows that st. Dimitry of Rostov countered the spread of the Old Believer's ideas in his diocese by "positive strategy", affirming the Orthodox identity of his flock.

Irina P. Kulakova. History of Subjectivity and Formation of the Russian Traditions of the Autobiographical texts.

Subjectivity; autotext; diary; introspection; personality; freemasonry.

The article is devoted to the problems connected with the autobiographical texts in its Russian forms. The author points to specific conditions in which formation of genres of self-descriptions in the XVIII c. developed. On the example of the 1770-th

Masonic Diary text the formation of Masonic introspection tradition which influenced folding of tradition of the Russian ego-texts is considered.

Aleksei V. Laushkin. The Bulgars as new Polovtsians: Suzdal line on a map of Old Russian identity.

Old Rus'; the Bulgars; the Polovtsians; the Lithuanians; Early Rus' chronicles; the image of the other.

The author refers to the “Polovtsian features” in the chronicle image of the Volga Bulgars and tends to the conclusion that their appearance reflects some changes in the self-consciousness of Russian scribes the second half of XII – beginning XIII centuries.

Iakov A. Lazarev. Agents of the government and local (national) elite: the problem of reconstruction of relations with Ukrainian Cossack elite during the First Little Russian Collegium (1722-1727).

Russia XVIII century; Little Russian College; Hetmanat; Peter I; Ukrainian Cossack elite; P.L. Polubotok.

The paper deals with the problem of reconstruction of relationships with members of the Little Russian Collegium Ukrainian Cossack elite. The author analyzes the contradictions in the historiographical assessments and state the source base on the subject.

Aleksey N. Lobin. Between Vilnius and Moscow: cannon-master in Eastern Europe (the first half of the XVI century).

Military service; the Russian-Lithuanian war; cannon-master; artillery history.

Rivals of the Eastern Europe – grand dukes of Lithuania and Russian monarchs – made all efforts to attract famous European experts of firearm matters promising them high payment. Causes of leaving Vilna and Moscow by such experts are studied in the article.

Pavel V. Lukin. “Novgorod seals”. Problems of attribution.

Novgorod; Old Rus'; seals; republic.

The paper is devoted to anonymous Novgorodian seals which are sometimes labelled as “the seals of the Council of Lords”. The author thinks that they belonged to “the people of Novgorod” (i.e. to the population of Novgorod enjoying full rights) which was called in sources “Novgorod” (“all Novgorod”), later on – “Novgorod the Great” (“all Novgorod the Great”). A will of “the people” used to be enacted by the assembly (“veche”) and by other political institutions and officials.

Denis A. Lyapin, Nikolay A. Zhirov. The taxpaying population of the cities of the South of Russia (based on census 1646).

The South of Russia; Yelets; Lebedyan; census books; urban population.

The article is devoted to the analysis of the composition of the urban population of the three cities of the South of Russia according to census books 1646: Yelets, Lebedyan, and Kozlov, relating them to different groups of cities in the region.

Yury A. Mizis. Refugees redemption in the Southern frontier of Russia, 1630s-1640s (the case of Kozlov uezd)

Colonization; frontier; search; fugitive; peasants.

The article deals with the problem of the flight of the population to a new frontier

uezd in the south of Russia and the system of the state search

Ludmila V. Moshkova. Date of acts of the XV – the beginning of the XVI-th century .: the time of appearance and a way of presenting.

Russian acts; XV – the beginning of the XVI-th century; date specified in the Acts; time of appearance.

The article deals with the question about the time of appearance the date in a variety of documents of the XV – the beginning of the XVI-th century from the archives of the Trinity-Sergius and St. Cyril-Belozersky Monastery.

Tofiq T. Mustafazadeh. “Enclosure on the Caspian trade” as the source for studying Russia’s trade policy in relation to Caspian coastal states.

Caspian trade; Gmelin; Russian-Azerbaijani trade.

In the article the situation in Russian-Caspian trade in general, trade of Russia with Azerbaijan and Iran, in particular, is analyzed on the basis of the work of member of the Academy of Sciences, Professor S.G.Gmelin “Enclosure on the Caspian trade.” In this work the issues of market conditions and the position of Russian trade in Azerbaijan and northern Iran are highlighted.

Arthur R. Mustafin. On the estimation of the results of activity of the Golitsyn Commission on taxes.

The Golitsyn's Commission; capitation tax; reform projects; extract; tax burden.

In paper author analyzes the results of activity of the Golitsyn's Commission. The research shows that the results of Commission's performance correlate with set goals and Golitsyn's proposals related with it.

Egor N. Nasedkin. A burglary case at the Gostiny dvor: social practices of the service of night guards at the Moscow Gostiny dvor at the end of the XVIII century.

Merchants; Russia; Eighteenth century; custom-houses; elections; social practices.

The paper is devoted to research of a burglary case. This burglary happened at the Moscow Gostiny dvor (a place for trade of merchants from other cities) in 1777. One of night guards was accused of it. In the sixteenth – eighteenth centuries in Russia town community elected administrators of the custom-houses and the taverns among their members. Also Russian merchants elected guards to protect the Gostiny dvor. The research of the burglary case brings to light new evidence about elections of night guards and there service.

Sergei A. Nikonov. The archive of the Trinity Pechengsky monastery on the documents of the church and the state cadastre of the XVII-XVIII centuries.

Acts; archive; Trinity Pechengsky monastery; the Kola district.

The article discusses the composition of the archive of the Trinity Pechengsky monastery on the material of the cadastral sources of the XVII-XVIII centuries. Identified the number and types of acts of the monastery's archive, shows a different degree of informativeness of cadastre documents depending on the purpose of their composition.

Valery I. Nikulin. «...I had an opportunity to state my disagreement with the majority of the decrees by editing commissions»: from the history of the abolition of serfdom in Russia.

St. Petersburg Governorate; Emancipation Reform of 1861; abolition of serfdom; Provincial Committees; editing commissions.

The article examines the activity of Count P.P. Shuvalov, the marshal of nobility in St. Petersburg Governorate, during the preparation of the Emancipation Reform of 1861. Particular emphasis is made on his work as a committee member and an expert in editing commissions.

Nadezhda S. Nizhnik. On the question of the attitude to marriage and to the forms of its concluding in medieval Russia.

Marriage and family law; family; church marriage.

The article discusses issues concerning ideas about marriage, celibacy, about various forms of concluding the marriage in Muscovite state.

Andrey I. Papkov. The border of Russia and the Ukrainean territories of Poland: The formation of Slobodskaya Ukraine and the problem of national identity

Russian Tsarstvo; South of Russia; Dnepr-Don forest-steppe; Krym Khanstvo; Polish-Lithuanian Commonwealth; frontier.

The article deals with the process of Russia's state territory expansion in the Southern direction in the end of XVI — first half of XVII century. The author analyzes the contradictions between Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Crimean Khanate which resulted from their fierce competition for domination in the Dniepr-Don forest-steppe. The study shows the impact of the international situation and border interaction on the resettlement of Ukrainians at this region.

Svetlana L. Perechitskaya. The character of social conflicts in newly established posads (towns) at the end of the XVIII century (the case of Dubovski posad).

Trading quarter; merchant class; economic peasants; estate interests; fields; land-surveying.

The article describes the inter-estate conflicts reflecting agricultural and property interests of town and countryside inhabitants of the neogenic Dubovski posad at the end of XVIII century. The role of the provincial and uezd authority in resolving the conflict between the merchant class and the peasantry is also shown.

Alexander V. Peregudov. History of a conflict of Russian soldiers with foreign sailors in Voronezh region in 1700.

Shipbuilding; Voronezh edge; commander of the fleet; voivod; foreigners; service men; hard labor.

This article discusses a story, which occurred in 1700, a case from the everyday life of the Voronezh shipbuilders in the early 1700s. The influence of the social status of the people involved in shipbuilding, – their origin, former place of residence, their material situation – on the course and organization of works is revealed.

Alena N. Permiakova. The problem of arrears in the reign of Anna Ivanovna: confiscation of property as a new fiscal practices.

Arrears; confiscation of property; fiscal policy; the Chancellery of Confiscation.

This article deals with the problem of arrears in the 1730s. The central problem is the transition of state to economic methods of implementation of fiscal policy based on asset recovery, which was associated with a change in the concept of “reason of state” and the introduction of the legal system the compensatory style of social control.

Konstantin V. Petrov. Power of the prince in the pre-Mongol Russia: problems of interpretation.

History of medieval Russia; political power; prince; source study; interpretation of the chronicles.

The work considers the main approaches to the characterization of the power of the prince in pre-Mongol Russia, existing in the current literature, gives an idea about historiographical sources of these approaches; notes the issues that can not be resolved without taking into account the features of the text chronicles and its author, first of all - the question of the hereditary character of the prince's power. The author believes that in this case is more justified opinion of those historians who believed that the power of the prince was not hereditary, and its source was the will of society expressed in the contract.

Irina G. Ponomareva. From the history of Russian palace ceremony (early news of the “rynda”).

Palace ceremony; “rynda”; princely retinue.

The article presents the early information on the members of the princely retinue, proving the existence in ancient Rus' persons performing the duties corresponding to the position of “rynda” at the royal court in the XVI-XVII centuries.

Petr I. Prudovsky. A comment to a remark by G. K. Kotoshikhin (IV, 24). An observation on the diplomats' reports authenticity and the making of professional diplomatic service in the mid-17th century Russia.

Source studies in Russian history; diplomatic records; stateinye spiski (ambassadorial diaries); G.K. Kotoshikhin.

G.K. Kotoshikhin's notorious statement on unreliability of the Russian diplomats' reports is confronted with evidence from the contemporary diplomatic practice demonstrating that the government could detect when diplomats' reports did not adequately represent their negotiations. Kotoshikhin's opinion on Russian diplomats lacking professionalism is also reassessed.

Viktor P. Pushkov. “Otkaznaya kniga” of 1791 for Perm patrimonies of count A.S. Stroganov as a source for the history of Verhokamye peasantry of the second half of the XVIII c.

Historic geography; land-tenure; peasantry.

‘Transfer book’ (“Otkaznaya kniga”) of 1791 provides the unique, high-reliable and complete information for the historic geography and demography and all the types of the peasant farming in Verhokamje – a unique historic region of settling of the Russian old-believers at the Ural.

Alexej I. Razdorskij. “Corruption”, “cunning” and “irresponsibility” when collecting the customs and tavern income in the XVII century (on the example of service of the Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk heads and publicans).

Customs service; tavern business; corruption; account books.

In the article on the basis of information contained in the account books of the Moscow departments the cases of abuses and negligence allowed by representatives of local customs and tavern administration in four cities of the South and the West of the European Russia (Kursk, Belgorod, Vyazma, Mozhaisk) throughout the XVII century are analysed.

Tatiana S. Romaniuk. Spread of Old Belief on the territory of Yaik cossack Voisko (1670 - 1700).

Old belief; priestly; Yaik cossack Voisko; Kazan and Svijazhsk diocese.

The article provides an overview of the major internal and external factors affecting the spread of the Old Believers in the territory of residence Yaik Cossacks, their relationship with the diocesan authorities and appearance of the first preachers of the Old Believers in the troop.

Aleksandr P. Sannikov. The Church and the tavern: the features of parish life in Eastern Siberia in the XVIII century.

Orthodox Church; Eastern Siberia; the Irkutsk diocese; preaching activity; vine lease; Irkutsk merchants.

The article discusses the relationship between the clergy and the merchants on leases wine, and the conflict concerning the location of taverns in the Russian settlements in Eastern Siberia in the XVIII century.

Mariusz Sawicki. Artillery of the Grand Duchy of Lithuania in the seventeenth century. Financing, transportation costs for the war, craft work.

Artillery; Lithuania; taxes; transportation; craftsmen.

State artillery in Lithuania in the seventeenth century was relatively neglected area of military and only from 1637 years it constituted a separate body. In the second half of the seventeenth century cannon in the arsenals of Lithuania were outdated and there were rarely works with new ones. During this period, it also struggled with the problem of its unification. In the Grand Duchy of Lithuania there was also a private artillery, and the law allowed anyone nobleman, if he could afford it, to have a cannon. The private fortresses they were much more modern than the artillery State. Another issue was transporting artillery to the war, which was associated with the employment of many people, as well as securing adequate means of transportation, which was moved cannon. Of course, such persons should pay for it, which further reduced the already meager budget of Lithuanian artillery. It was financed from minor taxes and voluntary contributions. In times of John III Sobieski, during the wars with Turkey, on the artillery was spent part of the grant of pope. Another issue was the payment for the work of craftsmen who have provided their services for artillery. Blacksmith in Lithuania in 1685 for work for artillery received 80 zlotych, and his helper 40 zlotych. Also, production of the necessary pieces of equipment entail considerable expenses - tow truck to transport large cannon cost 80 zlotych. In spite of many problems Lithuanian artillery in the seventeenth century functioned quite well and managed to secure part of the cash for various expenses related to its functioning.

Anton V. Sergeev. On the history of land tenure of princes Shestunov in XVI – early XVII centuries.

Princely land tenure; princes Shestunov; biographic data.

In the article on the basis of information different sources nature of land tenure of the youngest line in a family of princes Shestunov is discussed. Biographic data of the representatives of several generations of the specified family living in XVI – the beginning of XVII centuries are provided.

Natalia B. Selunskaya. The Explanation of the Peculiarities of Historical Process in Russia: Historiographical tradition and its contemporary interpretation.

Russian agrarian society; climatic factor; West and East of Europe.

The article contains the reconstruction of the explanation of the evolution of Russian agrarian society, made by the famous Russian scientist L.V. Milov and its contemporary interpretation.

Stepan M. Shamin. Kuranty 1697: literary component of the business document.

Vesti-Kuranty; kuranty; Peter I; «Vedomosti».

This paper analyzes the kuranty 1697, the Author attempts to reveal in them the literary component. Traced the relationship between the kuranty and the first public Russian newspaper “Vedomosti”.

Elena N. Shveikovskaya. The pizovy nakaz of 1681: some aspects of source study

Pizovy nakaz of 1681; consideration of the nakaz; pis'mo; land survey; cadastre.

The pizovy nakaz (instruction to the surveyors and taxators) of Orlovsky uезд of 1681 is discussed. It was developed and edited in the commission chaired by stolnik prince A.I. Khovansky. The original and interrelated texts are considered as elements of macroystem of the state fiscus.

Elena B. Smilyanskaya. Russian Ruling in the Overseas Territories: the Archipelago Principality of Catherine the Great.

Russian Empire; Greek Archipelago; Russian fleet; Catherine the Great; Russo-Turkish wars.

During the reign of Catherine the Great Russia gained a chance to become a part of the Mediterranean world. In 1771–1774 inhabitants of more than 30 Aegean islands declared themselves to be “subjects” of the Russian empress. Russian naval commandment in Archipelago had an incomparable opportunity to create an administration, a system of taxation, even a Synod and a civil school, but their activity was marked by the Russian specific understanding of a “proper” European state.

Yury N. Smirnov. Practice of crisis management of the territories of Pugachev uprising in 1773-1775: activity of the military authorities.

Russia in the 18-th century; Catherine the Great; social conflicts; history of public administration.

Except military tasks, commanders of government army P.I. Panin and A.I. Bibikov resolved issues of civil management during the suppression of Pugachev's revolt. Their measures promoted the pacification of the population and the restoration of the economic life in the risen territories.

Natalia V. Sokolova. On "classic" three-field system in the XVII century.

Agriculture; farming; three-field system; monastic economy; peasants.

The article is dedicated to the research of three-field fallow farming system in monasteries of Nizhny Novgorod uezd.

Liliya G. Stepanova. Environmental history on the materials of peasant "fairy tales" and Economic notes to the General land-surveying.

Environmental history; Materials of General land-surveying; peasant "fairy tales"; natural environment; soil; forests; fauna; flora; water resources.

The article deals with scientific research of the possibilities of using peasant "fairy tales" and the economic notes to the General land-surveying when studying environmental history of Russia. The possibilities of resuming the lost information about the state of the environment in different regions of the country in the second half of the XVIII century are analyzed as well.

Petr S. Stefanovich. The institute of *poliud'e* and the duties "liudskoe" and "poliudnaia pshenitsa" in the bishopric immunity charters of the 15-16th centuries

History; Old Rus'; taxes.

The author puts a question how long the institute of *poliud'e* (known in Rus' since the 9th century) functioned in the northeastern princedoms of Rus'. He studies the data on the two duties "liudskoe" and "poliudnaia pshenitsa" which are mentioned in some bishopric immunity charters of the 15-16th centuries and which are allegedly (etymologically) connected to the ancient *poliud'e*. He rejects this connection and concludes that the *poliud'e* disappeared in the northeastern princedoms of Rus' since they had been conquered by the Mongols and obliged to pay them a tribute in the mid-13th century.

Anatoly V. Sumin. The first mentioning of "prison" in the Russian chronicles

Prison; first mentioning; chronicles

The article deals with the term «prison» first mentioning in the description of the prince Rodoslav Olgovich Ryazansky capture in 1402 on the basis of the Russian chronicles analysis and discusses the verisons of "german" and "turkic" origin of the word.

Arkadiy E. Tarasov. Ivangorod Castle Churches: To the History of Saint Saint Nicholas and Dormition Cults in Medieval Rus`.

Ivangorod; Saint Nicholas; Assumption of the Virgin Mary; Ivan III; Vasily III; Vasil`gorod; The Livonian Order; the military cult; Medieval Rus`.

The article is an attempt to explain the dedication of the Ivangorod churches in honor of St. Nicholas and the Assumption of the Virgin Mary through the prism of the military component of Nikolsky and Assumption cults and religious behavior of the Grand Princes of Moscow Ivan III and Vasily III.

Stephan N. Temushev. On the question of the organization of tax and tributary system to the pre-Mongol Russia.

Tax and tributary system; decimal system; kniaz; posadnik; tysyatsky; pogosts.

This paper considers the problem of organizing the collection of taxes or tribute to the pre-Mongol period in the history of ancient Russia. It identifies three stages of

the operation of the tax-tributary system, during which the implementation of fiscal functions belonging to certain officials.

Victoriya V. Tkachenko. “Where? What? When?”: The geographic factor in the structure of historical consciousness of the XVIII century (based on Kirsha Danilov’s epic songs).

Historical memory; folklore; bylinas; historical songs.

The article describes particular features of the space-time system of the “Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov”. There are made preliminary conclusions about the role of geographic factor in shaping of historical memory.

Andrej S. Usachev. The Church Council of 1539 and Relationship between Church and State in Russia at the Age of Boyar’s Ruling.

Russian History; History of the Russian Church; Church Councils; XVI century; Boyar’s Ruling; Metropolitan Daniel.

The paper deals with the history of the Church Council in 1539. The leaders of the Russian government Shujskie removed metropolitan Daniel and gave an opportunity Church Council to elect the next metropolitan. Thereby the Russian Church had become more independent from the temporal power for the moment.

Konstantin V. Vershinin, Tatiana A. Matasova. About the translations from Greek and Latin in Muscovy: the old and new texts in the manuscripts Erop. № 843 and БОЛЬШ. № 16 from the collection of the Department of Manuscripts of the Russian State Library.

Merilo Pravednoe (“The Just Measure”); the Debate between St. Athanasius and Arius; Lactantius; Old-Russian Translation of Pomponius Melas’ Cosmography; the Tracaniotes; the Greeks; the translators of archbishop Gennady.

The two Old-Russian manuscripts which contain some Old-Russian translations from Greek and Latin were analysed in the article. The observations on these manuscripts give us a nudge that their archetype dates back to the late 15th and early 16th century. Its’ Russian compiler was close to one of the “literary circles” of the time, in which the Greeks also participated.

Lydmila N. Vdovina. Russian noble estate historical and cultural phenomenon in second half of XVIII - early XIX century.

The Age of Enlightenment; nobility; noble estate; sociocultural phenomenon; harmony; nature; landscape park.

Russian noble estate during the Age of Enlightenment was a complex and controversial sociocultural phenomenon. Estate complex included mansion, different buildings, garden, landscape park. Appearance of estate reflected style of epoch and personal preferences of the owner. Estate life was understand as ideal of harmony with nature and circle of close people. Author substantiate her observations on material of estates of middle nobility and gentry.

Vladimir S. Velikanov. Creation of the officer corps of the Russian army in 1700-1701.

Great Northern war 1700-1721; Peter the Great army; officers; Moscow nobles.

The article analyses the strength, social composition & recruitment of the Russian officer corps in the beginning of the Great Northern war.

Dmitry M. Volodikhin. Russian military elite under the reign of Godoonov's dynasty (1598-1605).

Lists of nobility; military elite; aristocracy; nobility; Great distemper; Boris Gogunov.

The article specifies the changes, which took place under the reign of Godoonov's dynasty (1598--1605) in social structure of the Russian military elite. The source analysis proves the growth of the no noble titled aristocracy's influence in the processes of the Supreme command staff recruiting.

Madina R. Yafarova. The Kalmyks in the Chigirin campaign of 1678.

Chigirin campaign; Russian-Ottoman war 1672-1681; XVII century; military history, the Kalmyks.

The article considers the participation of the Kalmyks in the Chigirin campaign of 1678. The reasons for Kalmyks involvement, the organization of food supplies and their role in the campaign are discussed.

Igor N. Yurkin. Organization of interaction with the cities during the construction of the Ivanovsky channel (beginning of XVIII century)

Ivanovsky canal; waterway; construction management; Tula; Epifan; M.P. Gagarin.

The article considers the organization of construction of the Ivanovsky water system (Ivanovsky channel) in terms of providing working people and resources. The interaction of the administration, the government and local authorities is revealed.

Mikhail Y. Zenchenko. The Second General land description as a component of domestic management reforms in Russia in the end of the 17th century.

Second General land description; Cadaster books; Land-survey books; Landownership; Land description; 17th century.

The Second General land description was the part of the administrative reforms in Russia in the end of the 17th century. The practical routine and forms of documentation were connected usually with the main interests of administrators and landowners. The present article just indicates that the Second General land description regulated the cadaster system, summarized the results of redistribution of available land and as a result promoted the improvement of combatant value of Russian army consisting from the representatives of local gentry as a rule.

Anna U. Zenkova. P.A. Rumiantsev and organization of the government of Malorossiya in 60-80 years of the 18th century.

Malorossiya (Left-Bank Ukraine); Viceroyalty of Kiev (governorship of Kiev); the administration; social and economic organization.

The article covers the general questions of the administrative organization of Malorossiya in 60-80 years of the 18th century and also the problem of unification of the center of the country with the periphery.

Tatyana V. Zhibrova. «Don't bring undeclared drinks and prohibited goods»: illegal production of alcohol and smuggling in the South of Russia in the XVII century.

Customs house; customs head; duties; illegal production of alcohol; smuggling.

The article is devoted to the problem of organization of customs control in the South of Russia in the XVII century. The Author considers the reasons of illegal production of alcohol and smuggling and the ways of dealing with them, which were

carried out by the local customs heads.

Vecheslav D. Zhukov. The list of an ambassodorial gifts as a source of Russian-Crimean relations in the first half of the XVII century.

Pominky; ambassodorial gifts; list of gifts; the Crimean Khanate; Dorofey Ostafey; Olfery Kuzovlev.

The author raises the question of the place of an ambassodorial gifts in Russian-Crimean relations. Exemplified by one of the lists shows the importance of this source for the study of character of diplomatic relations with the Crimea, the internal history of the khanate and economic situation in Russia.

Mariya A. Zin'ko. About the place of the Polyanovsky Treaty (the Treaty of Polaynovka) signing in 1634 (concerning the question of the stability of hydronyms and localization methods).

The Polyanovsky Treaty (the Treaty of Polaynovka) of 1634; Polyanovka River; hydronyms; localization.

The article devoted to the localization of the place of the Polyanovsky Treaty (the Treaty of Polaynovka) signing in 1634. The author shows instability of hydronyms by example of Polyanovka River history.

Marat M. Zulkarnaev. Analysis of sources on the number of Bashkirs in the XVII - the first third of the XVIII century (yasak books, 1739).

Bashkirs; Bashkir population; census records; demographic processes.

This article analyzes yasak books, statistical census data on Bashkirs, compiled in 1739. The dynamics of the quantity of Bashkirs in the XVII – early XVIII century is discussed, as well as the parameters of households and number of households in the villages.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской Империи
АЕ	Археографический ежегодник
АЮ	Акты юридические. СПб., 1838.
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
ГАВО-1	Государственный архив Волгоградской области
ГАВО-2	Государственный архив Вологодской области
ГАВО-3	Государственный архив Воронежской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАУО	Государственный архив Ульяновской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	Известия отделения русского языка и словесности Академии наук
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
МПД	Московский печатный двор
ОИРУ	Общество изучения русской усадьбы
ОР ГИМ	Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
НИА СПбИИ	Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории
НИОР РГБ (= ОР РГБ)	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРРК ГНТБ СО РАН	Отдел редких книг и рукописей Государственной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГБ	Российская государственная библиотека
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека

РИО	Русское историческое общество
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
СПИ ВГИАХМЗ	Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного заповедника
СПбФАРАН (= ПФАРАН)	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТОДРЛ	Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы
ЦАНО	Центральный архив Нижегородской области
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

Научное издание

Русь, Россия: Средневековье и Новое время.

Выпуск 4

Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции

Редактирование, верстка Л.П. Горюшкина

Оформление обложки А.А. Голубинский, Н.Ф. Немцева